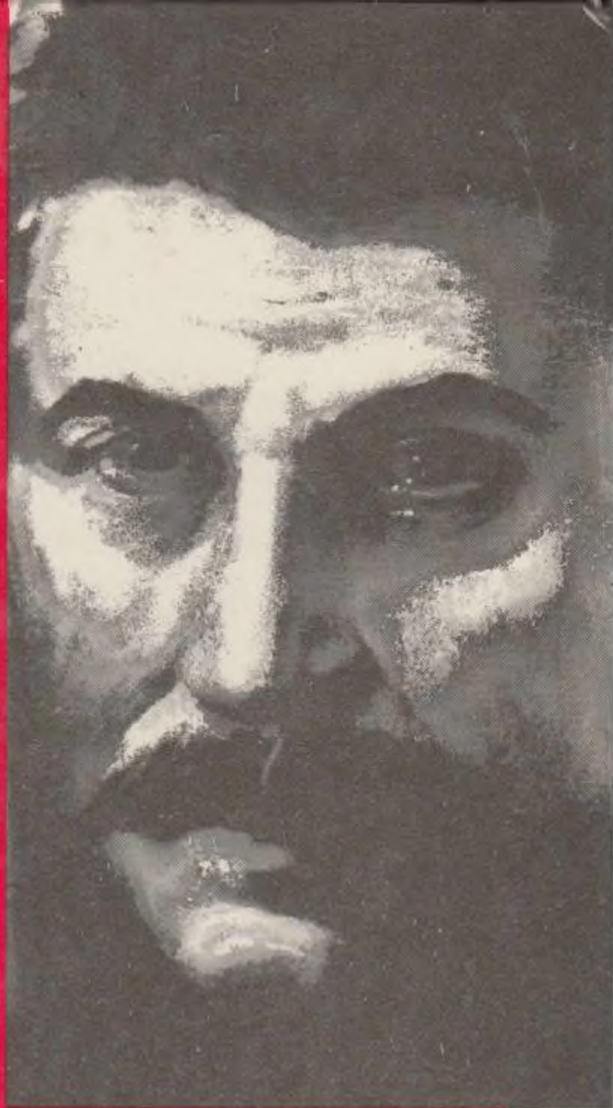

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ

Дмитрий Волкогонов

КНИГЪ 1

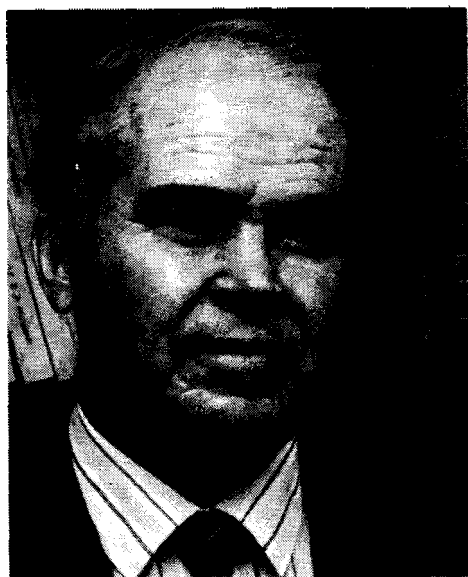
И.В. СТАЛИН

Политический
портрет

Новости

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ

книга 1

Д. А. ВОЛКОГОНОВ родился
в Забайкалье в 1928 г.

Окончил
Военно-политическую
академию имени В. И. Ленина.
Доктор философских наук,
профессор.

Его перу принадлежат
более 20 книг
по вопросам философии,
истории и политики,
несколько сот научных и
публицистических статей.
Материалы для политического
портрета И. В. Сталина
автор собирал много лет.
Но сама книга написана им
менее чем за полтора года.
Сейчас Д. А. Волкогонov
работает над книгой
о Л. Д. Троцком.

Дмитрий Волкогонов

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ

**Политический
портрет
И. В. Сталина**

**В 2-х книгах
книга 1**

**Издание
второе,
дополненное**

Новости

Москва, 1990

ББК 66.61(2)8
В67

Автор выражает сердечную признательность товарищам, оказавшим ему бескорыстную помощь в подготовке книги, особенно *Балашову А.П., Бобкову Ф.Д., Волкогоновой Г.А., Выродову И.Я., Ефимову Н.Н., Зуеву М.Н., Калинин И.П., Кораблеву Ю.И., Каптелову Б.И., Фокиной Н.Г., Чернобровкину Г.Г.*

Рецензент

доктор исторических наук, профессор
Ю.И. Кораблев

Заведующий редакцией *К.Г. Ликутев*

Редакторы *В.В. Григорьев, Е.Р. Кузнецова*

Книга издана в авторской концепции

В книге использованы фотографии из Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР, Центрального музея Революции СССР, Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина, архива АПН и Издательства АПН, личных архивов, фото А. Вологодского, Д. Дебабова, В. Мусинова, П. Симонова, А. Фридлянского и Я. Халипа.

© Д.А. Волкогонов, 1990

© Оформление — В.В. Анохин, В.И. Пантелеев, 1990

Фарисеи буржуазии любят изречение: *de mortuis aut bene aut nihil* (о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее).

Пролетариату нужна правда и о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть¹.

В.И. Ленин

**Вместо
введения**

Феномен Сталина

Сталин умирал. Лежа на полу столовой на даче в Кунцево, он уже не пытался встать, а лишь изредка поднимал левую руку, словно прося у людей помощи. Полуприкрытые веки вождя не могли скрыть отчаяния взгляда, обращенного к входной двери. Губы немощного рта беззвучно и слабо шевелились. Уже прошло несколько часов после удара. Но никого рядом со Сталиным не было. Наконец, обеспокоенные долгим отсутствием признаков жизни за окнами особняка, в столовую несмело вошли его телохранители. Однако они не имели права немедленно вызвать врачей. Один из самых могущественных людей за всю человеческую историю не мог на это рассчитывать. Нужно было личное распоряжение Берии. Его долго ночью искали. Но тот посчитал, что Сталин просто крепко спит после плотного ночного ужина. Лишь через десять — двенадцать часов перепуганные медики были привезены к умирающему вождю.

Сам факт такой смерти глубоко символичен. Ирония судьбы оказалась жестокой. Агонизировавший несколько десятков часов вождь в нужную минуту не смог получить помощь. И это он, почти земной бог, способный несколькими словами переместить миллионы людей с одного края страны на другой! Бюрократический "порядок", созданный им, сделал и самого вождя своим заложником. Медленно угасающее сознание Сталина еще могло оценить по достоинству степень косности существующей системы, которую он так долго создавал.

Невидимую черту, отделяющую бытие от небытия, можно перешагнуть только в одном направлении. Даже вожди вернутся обратно не в состоянии. Едва ли Сталин знал, что ему предстоит не только смерть физическая, но и смерть политическая. Его кончина казалась для современников глубокой трагедией. Они не думали тогда, что именно этот человек относился к гибели миллионов людей лишь как к казенной сфере закрытой статистики. После своей смерти Сталин оставил в наследство потомкам не просто долгое занятие — разбираться, что он создал, но и ожесточенные споры о "загадке" его судьбы. Даже часть ленинской фразы, приведенной автором в качестве эпиграфа к введению: "кто действительно заслуживает имя политического деятеля", многие считают неприемлемой к Сталину. Смерть не стала его оправданием. Все свершения, деяния и преступления Сталина отданы на суд истории. Мифы рушатся. Но окончательно их развеять можно только правдой.

Все о себе знал только он сам. Сталин не любил полутонов: или белое, или черное. Несомненно, он заботился о том, чтобы в его биографии для потомков господствовали светлые тона. Не знаю, подозревал ли Сталин о существовании в Древнем Риме "Закона об осуждении памяти", согласно которому все, что не устраивало очередного императора, предписывалось предавать забвению. Однако этот закон, мы знаем, лишь подчеркнул тщетность попыток регламентировать человеческую память. Она, память, живет (или умирает) совсем по другим, своим законам. История "делается" всегда сразу, набело. Черновики у нее не бывает. Прожитое, бывшее, минувшее можно "прокрутить" назад, как киноленту, только в сознании, мысленно. Это Сталин понимал, поэтому очень заботился о том, чтобы в этой "хронике" не было ненужных кадров. Люди знали о нем лишь то, что хотел он сам.

К сожалению, многие детали, факты, явления с течением времени безвозвратно утрачиваются. А забвение — это пропасть истории. Вдумайтесь: на Земле до нас жили 70—80 миллиардов человек. При всем желании в памяти человечества невозможно восстановить даже имена (не судьбы!) большей части этих призрачных миллиардов теней. Пропасть истории бездонна. Однако сквозь ячеи гигантской сети памяти, натянутой над бездной забвения, "проваливаются" не все. Такие люди, как Сталин, независимо от характера отношения к нему ныне живущих, имеют шанс остаться в анналах цивилизации, куда она будет существовать. В этом смысле время — лучший биограф. Оно всегда дает оценку более однозначно.

Сейчас, в 80-е годы, когда проснулся невиданный интерес к подлинным страницам отечественной истории, общество оказалось буквально расколотым по вопросу оценки роли Сталина. Но если вдуматься, то не Сталин сейчас находится в фокусе исторического интереса. Просто Сталин символизирует все то, что уцелено историей. В центре интереса — наши судьбы, наша боль, горестное недоумение: как могло появиться и существовать то, что мы называем сегодня сталинизмом. И если бы понадобилось выразить отношение людей к этой личности с помощью эпитафии, то, думаю, их было бы множество. На одном полюсе можно было бы выбить примерно такую: "Ошибки твои известны. Заслуги твои бесспорны". На противоположном: "Преступлениям твоим нет прощения. Тяжек груз твоего "наследия". По мере высвечивания истиной сложнейшей диалектики прожитых лет, получения возможности без шор взглянуть в глаза прошлому, нынешняя "расколотость" общественного мнения будет постепенно исчезать. Нет, не в направлении формирования некоей "средней" позиции, а в русле максимального постижения истины. Истина не должна быть роскошью. Когда она станет нашей интеллектуальной сутью, то не останется места дуализму и во взглядах на феномен Сталина.

История многократно доказала, что попытки людей еще при жизни соорудать себе памятники бесплодны, эфемерны, призрачны. Право истории на то, в "каком свете" сохранить память о той или иной личности, — абсолютно. Еще Г.В. Плеханов в своей блестящей работе "К вопросу о роли личности в истории" убедительно показал диалектическую зависимость исторической оценки человека от его реального вклада в общественное развитие. Но из этого, конечно, не следует, что лишь исторические личности оставляют свои следы на пыльных ступенях пирамиды прогресса. История — не просто чередование эпох и времен. Это и бесконечная галерея исторических портретов людей, прошедших по земле. Не все они равноценны, равнозначны, но каждый из них занимает свое место. Правда, не всем и не всегда они видны для обозрения. Об этом особо следует сказать и потому, что на протяжении целых десятилетий наша отечественная история выглядела "обезлюдевшей", как полуночная улица. Многие исторические персонажи, события, факты, процессы как бы подпадали под действие древнего "Закона об осуждении памяти". Но такое умолчание рано или поздно напоминает о себе громким, а то и яростным криком.

Нас всех не может не радовать, что сейчас идет активный процесс не только обновления настоящего, но и "реставрации".

восстановления прошлого. И, пожалуй, интеллектуальным и эмоциональным эпицентром общественного интереса к прошлому стала фигура Сталина. В нашей исторической литературе не было более противоречивой личности. И хвалы и хулы на долю Сталина выпало столько, что хватило бы на целый легион исторических деятелей.

“Путешествие” в будущее — трудно, зыбко. Путешествие в прошлое — не легче. Это всегда, как метко заметил Л. Фейербах, — “укол в сердце”, тревожащий, волнующий. Всматриваясь в расплывающиеся образы прошлого, мы видим, что Сталин — одна из самых сложных личностей в истории. Такие люди, хотим мы того или нет, принадлежат не только прошлому, но и настоящему и будущему. Их судьба — вечная мировоззренческая пища для размышлений о бытии, времени и совести. Один из выводов, напрашивающихся уже в начале исследования о Сталине, заключается в том, что жизнь этого человека, как в фокусе, высвечивает сложнейшую диалектику своего времени. История не бывает без зигзагов. Появление такого человека, как Сталин, во главе партии, а фактически и народа, стало именно таким трагическим зигзагом, социальной гримасой, подчеркнувшей незрелость рождавшегося общества.

Партия, потеряв Ленина в критический момент исторического выбора путей и методов социалистического строительства, попала в полосу ожесточенной междоусобной борьбы. “Ленинская гвардия” на каком-то этапе оказалась не на высоте, не разглядев в Сталине человека, опасного для партии, для еще не окрепшего народовластия. А это привело к тому, что диктатура пролетариата все больше оборачивалась не созидательной стороной, а карательной. Сегодня мы знаем, что Сталин не был бы тем Сталиным, портрет которого автор попытается написать, если бы он не использовал насилие как важнейший инструмент для достижения политических целей. Насилие фактически стало одним из решающих средств реализации социально-экономических планов и программ. Такой поворот в политическом курсе, начатый еще в конце 20-х годов и особенно рельефно проявившийся после XVII съезда партии, повлек за собой полосу горьких лет, когда только великий социальный заряд Октября, приверженность партии ленинизму не позволили народу усомниться в ценностях социализма и прекратить начатое Лениным беспрецедентное переустройство мира. Не случайно поэтому оценки личности Сталина претерпели кардинальные изменения по мере высвечивания истинной исторической правды. Приведу для начала две выдержки.

Вот пространная цитата из Приветствия ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР в связи с 70-летием со дня рождения Сталина (1949 г.). "Вместе с Лениным ты, товарищ Сталин, был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире Советского социалистического государства рабочих и крестьян. В годы гражданской войны и иностранной интервенции твой организаторский и полководческий гений привел советский народ и его героическую Красную Армию к победе над врагами Родины. Под твоим, товарищ Сталин, непосредственным руководством была проведена огромная работа по созданию национальных советских республик, по объединению их в одно союзное государство — СССР... В каждое преобразование, большое или малое, поднимающее нашу Родину все выше и выше, ты вложил свою мудрость, неукротимую энергию, железную волю. Наше счастье, счастье нашего народа, что Великий Сталин, являясь руководителем партии и государства, направляет и вдохновляет творческий созидательный труд советского народа на процветание нашей славной Родины. Под твоим водительством, товарищ Сталин, Советский Союз превратился в великую и непобедимую силу... Все честные люди на земле, все грядущие поколения будут славить Советский Союз, твое имя, товарищ Сталин, как спасителя мировой цивилизации от фашистских погромщиков... Имя Сталина — самое дорогое для нашего народа, для простых людей во всем мире"².

А вот другая оценка. В знаменитом драматическом докладе Н.С. Хрущева, сделанном им в ночь с 24 на 25 февраля 1956 года, "О культе личности и его последствиях" говорилось: "Сталин создал концепцию "врага народа". Этот термин автоматически исключал необходимость доказательства идеологических ошибок, совершенных отдельным человеком или же группой лиц. Эта концепция сделала возможным применение жесточайших репрессий, нарушающих все нормы революционной законности, против любого, кто не соглашался со Сталиным по безразлично какому вопросу, против тех, кто только лишь подозревался в намерении совершить враждебные действия, а также против тех, у кого была плохая репутация. Концепция "враг народа", сама по себе, практически исключала возможность возникновения какого-либо рода идеологической борьбы или же возможность выражения собственного мнения по тому или иному вопросу даже в том случае, если этот вопрос носил не теоретический, а практический характер. Главным и на практике единственным доказательством вины, что противоречит

всем положениям научной юриспруденции, было "признание" самого обвиняемого в совершении тех преступлений, в которых он обвиняется. Последующая проверка показала, что такие "признания" добывались при помощи применения к обвиняемому методов физического насилия.

Это привело к неслыханному нарушению революционной законности, в результате чего пострадало много абсолютно ни в чем не виновных людей, которые в прошлом защищали проводимую партией линию".

Всего несколько лет разделяют эти выводы и оценки, сделанные фактически одними и теми же людьми. В первом случае — безудержная апологетика восхваления. Думаю, что у авторов поздравления просто не было в запасе больше слов превосходной степени, чтобы увенчать ими земного бога... Во втором — акцент сделан на том ущербе, который нанес нашему народу, партии, гуманистическим идеалам культ личности Сталина. Его деяния характеризуются по сути преступными. И это говорится о человеке, более тридцати лет возглавлявшем партию, страну, народ! Правда, скажем сразу, вопрос об ответственности за содеянное значительно сложнее. Разве не повинно ближайшее окружение Сталина? Разве государственные и общественные институты страны оказались на высоте в деле социальной защиты своих граждан от беззакония? А в широком плане: все ли сделали те, кто так или иначе влиял на судьбы других людей? Разве все верили, что отец, сын, брат, жена, сосед, коллега вдруг оказались "врагами народа"? Мудрость истории нам напоминает: у истинной совести всегда есть шанс.

Начавшееся после XX и XXII съездов партии общественное прозрение в оценке деятельности Сталина, других исторических лиц затем, к сожалению, замедлилось, и, более того, стали предприниматься шаги для реанимации Сталина как политического деятеля. Без полной правды и философского осмысления всего, что сопутствовало культу личности, сегодня невозможен успешный анализ и других периодов нашей истории — и более ранней, и более поздней. История не только врачует, но и причиняет боль в процессе горьких открытий. Суд совести всегда очищает. В самые трагические моменты советский народ действовал подвижнически и самоотверженно. Каждое поколение внесло свой вклад в создание наших великих материальных и духовных ценностей, утверждение и сохранение наших идеалов и надежд.

При упоминании имени Сталина в памяти у многих людей сегодня прежде всего всплывает трагический 1937 год, репрес-

сии, попраше человечности. Хотя, если быть точным, 1937 год начался, пожалуй, 1 декабря 1934 года, в день убийства С.М. Кирова, а может быть, его контуры забрезжили еще в конце 20-х годов? С ведома Сталина начал быстро зреть чудовищный нарыв беззакония. Да, все это было. Виновным за эти преступления нет прощения. Но мы помним, что в эти же годы взметнулся Днепротэс, Магнитка, трудились Папанин, Ангелина, Стаханов, Бусьгин... Именно на эти годы приходится взлет патриотизма советских людей, достигший своего апогея в годы Великой Отечественной войны. Поэтому ошибочно, видимо, с политической и гносеологической точек зрения, нечестно в моральном отношении, осуждая Сталина за преступления, отрицать реальные достижения социализма, его принципиальные возможности. Все это удалось реализовать на практике не благодаря, а вопреки сталинской методологии мышления и действия. В условиях демократии достижения могли быть более весомыми. Разумеется, мы не должны, оценивая Сталина или лиц из его ближайшего окружения, механически переносить эти оценки на миллионы простых людей, вера которых в истинность революционных идеалов не была поколеблена никакими испытаниями.

Неверно оценивать прошлое с арифметических позиций: чего больше было у Сталина — заслуг или преступлений. Сама постановка такого вопроса безнравственна, ибо никакие заслуги не оправдывают бесчеловечности. И о каких "заслугах" может идти речь, если по вине этого человека погибли миллионы людей? Сегодня ясно, что это был жестокий деспот, который с помощью насилия добился отчуждения народа от власти, породил симбиоз устойчивой бюрократии и догматизма. Вопрос значительно сложнее: в постижении истоков, причин деформации механизма власти. Как могло случиться, что великое сожительствовало с низким, зло камуфлировалось под добро? Почему произошло социальное перерождение многих людей? Была ли неизбежной трагедия? Эти и многие другие вопросы часто поднимаются на страницах нашей печати, отражая процесс резкого повышения политической и исторической культуры советских людей, который мы отмечаем в последние годы. В ряде случаев, особенно у молодых людей, схематично знающих свою историю, от полярно противоречивых суждений, субъективистских оценок рождается интеллектуальное смятение, способное породить социальный нигилизм и неуважение к социалистическим ценностям. Лучшим средством утоления жажды познания является постижение истины. Какой бы горькой

она ни была. Ведь, как писал В.И. Ленин, особо "страшны иллюзии и самообманы, губительна боязнь истины"³.

Марксистско-ленинская методология анализа соотношения народных масс и личности в истории, их роли в общественном прогрессе и народовласти — исходная позиция в создании философского, политического портрета Сталина. В книге внимательно и бережно будут проанализированы бесценные ленинские документы, известные как "Завещание". Сталин всю жизнь помнил не только то, что В.И. Ленин в своих записках к съезду в декабре 1922 года назвал его и Троцкого "выдающимися вождями", но и обжигающую в своей откровенности и глубине оценку всей его сложной натуры, особенностей тяжелого характера. Он не мог забыть и о том, что Ленин назвал Бухарина "любимцем партии". Внимательное изучение сталинских выступлений показывает, что генсек неоднократно, но предельно осторожно, витиевато, иносказательно оспаривал эти ленинские оценки. Например, мысленно полемизируя с Лениным, он однажды сказал в своей речи, что Бухарина мы любим, но истину, но партию, но Коминтерн любим еще больше. В этой фразе едва ли не весь Сталин: преданный делу (как он его понимал!), но хитрый и изощренный. Ленинский вывод о том, что "Сталин слишком груб", генсек истолковал, что он "груб лишь для врагов"... Обращаясь к Ленину при анализе феномена Сталина, я еще и еще раз убеждался, что зарница ленинских мыслей, как и раньше, впереди нас. Это свойство не просто мудрых, глубоких истин, но и истин пророческих.

В последние годы у нас написаны и изданы политические биографии многих исторических деятелей — Цезаря, Наполеона, Черчилля, де Голля, Мао Цзэдуна, других лиц, навсегда оставшихся в истории. Выпущена книга даже о Гитлере. Но политической биографии И.В. Сталина нет. Хотя за рубежом ему посвящены десятки книг. Пробел восполняют многочисленные художественные и исторические публикации об отдельных гранях, сторонах деятельности этого человека. Их появление схоже с эффектом теплого дождя после долгой засухи. Несомненно, появятся серьезные исследования историков о Сталине, как и о Хрущеве, Брежневе, других деятелях партии и государства. Я же взял на себя смелость сделать, возможно, лишь философский эскиз политического портрета этой исторической личности. Подчеркиваю: не биографии, а портрета. Это дает возможность и право, широко опираясь на документы и свидетельства, изложить свои взгляды и выводы как о "тайниках" духовного мира Сталина, так и о тех обстоятельствах, которые

определяли деяния "вождя". Убежден, что феномен Сталина — не просто случайность. В генезисе его появления находятся социально-политические, экономические и духовные причины.

О личности Сталина не утихают жаркие споры. Одна из причин такого интереса — в том, что жизнь Сталина, по историческим меркам, оборвалась недавно, около четырех десятилетий назад, а значит, его судьба близко сопрячена с судьбами ныне живущих, их близких предшественников. Многие из нас, в известном смысле, из "сталинской" эпохи. Ведь каждый из живущих навсегда прикован к галере своего времени. Незаживающая рана нашей истории еще долго будет напоминать о себе своей чудовищностью, трудной объяснимостью.

Другая причина неослабевающего интереса к страницам жизни Сталина — в новом осмыслении социальных и общечеловеческих ценностей: социализма, гуманизма, справедливости, исторической правды, нравственных идеалов. Годы сталинщины еще раз показали, что догматизм мышления способен создать иллюзорный философский храм, в котором все должно играть роль вечного. А вечного-то, кроме перемен, пожалуй, и нет ничего. Догматическая слепота опасна, она может идеологию превращать в религию. Догматизм все радости земные переносит в завтра, а завтра — в послезавтра. Революционное обновление нашего общества коснулось прежде всего общественного сознания. Не случайно, что главными объектами критики и отрицания стали догматизм и бюрократия, которые мы в значительной мере связываем с годами авторитарного руководства Сталина.

Наконец, существует еще одна причина (конечно, причин больше) устойчивого интереса к жизни человека, стоявшего более тридцати лет на вершине пирамиды власти. Не рядом с людьми, не среди них, как Ленин, а стоявшего над ними. Советские люди, несмотря на бесчисленное количество хвалебных статей о нем, его портретов, статуй, трудов, фактически ничего не знали о Сталине. "Краткая биография", вышедшая после войны, не имеет авторов, а лишь, как говорится на титуле, составителей: Александров Г.Ф., Митин М.Б., Поспелов П.Н. и другие. Биография, которая редактировалась самим Сталиным, излагает схему героических деяний человека, но сам человек в ней отсутствует.

Правда, были попытки написать политический портрет Сталина некоторыми его современниками. В 1936 году вышла книга Анри Барбюса "Сталин". О том, что это за книга, можно судить по любому, даже небольшому фрагменту. Такому, на-

пример: "История его жизни — это непрерывный ряд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей. Не было такого года, начиная с 1917-го, когда он не совершил бы таких деяний, которые любого прославили бы навсегда. Это — железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин — сталь"⁴. Академик Е.М. Ярославский в 1939 году выпустил книгу "О товарище Сталине", в которой справедливо отметил, что писать о Сталине — это значит рассказывать о всех перипетиях борьбы партии в процессе построения социализма в нашей стране. Но в основе книжки — не просто беспредельная гипертрофия, но и чудовищное кощунство. Об этом свидетельствует, например, следующая цитата: "Товарища Сталина в песнях народов певцы сравнивают с заботливым садовником, который любит свой сад, а этот сад — человечество. Самое драгоценное, что есть у нас, — это люди, это кадры. Заботу о людях, заботу о кадрах, о живом человеке — вот что ценит народ в Сталине, вот чему мы должны учиться у товарища Сталина"⁵. Карл Радек в книге "Портреты и памфлеты" (1934 г.) посвятил Сталину большую статью, написанную в ключе безудержного восхваления Мессии. Унизительное для Радека славословие в адрес "вождя", между прочим, не спасло автора "Портретов..." от печальной участи. Научная ценность подобных трудов, как и сборников сусальных "воспоминаний" о Сталине, невелика. Они в своем большинстве подчеркивают уродливый характер отношений верноподданничества и лести, насаждавшихся Сталиным и его окружением, особенно после XVII съезда партии.

Человеческая жизнь отгорает быстро, как северное лето. Она, пожалуй, схожа и с костром: искра, легкие веселые язычки огня, сильный пламень, спокойный жар, слабое мерцание, тлеющие угли, холодный пепел... Человека, великого и невеликого, рано или поздно ждет небытие. А это — ночь, вечная ночь, которая когда-то наступает, и это день, которого уже больше никогда не будет. Эта истина одинаково безжалостна ко всем людям. Сталин это тоже понимал. И он сделал очень многое для того, чтобы потомки после его смерти думали о нем так, как он хотел. К сожалению, не без участия Сталина и помощи его соратников в нашей истории не только много "белых пятен", но и много мест, где страницы в летописи искажены, а то и просто вырваны. Это одна трудность, подстерегавшая автора в его исследовании.

Другая — более общего порядка. Дело в том, что сознание каждого конкретного человека — это целый микрокосм, огромный загадочный мир, который исчезает вместе с его смертью.

Мы никогда не узнаем всего о каждом ушедшем в миры иные, но и возможности этого познания — безграничны. О мыслях, размышлениях Сталина говорят не столько его сочинения, письма, записи, резолюции, сколько дела, материализованные в социальной практике, свершения, деяния и, к горечи нашей, преступления. Тайны сознания в этом смысле не столь уж и "таинственны", если видеть, чем они питаются, выражаются и вдохновляются. Окружающий нас многоцветный, многострунный, многострадальный мир человеческого бытия — главный ключ к разгадке тайн сознания человека, в том числе и такого, как Сталин. Хотя порой логика научного анализа поступков Сталина ведет в тупик при объяснении некоторых его действий.

Сталину, например, было известно теплое отношение Ленина к Бухарину. Сталин сам на протяжении многих лет поддерживал с ним и его семьей личные дружеские отношения. Бухарин сыграл немаловажную роль, оказывая помощь Сталину в борьбе с Троцким и троцкизмом. Не мог не видеть Сталин, что совершенно смехотворными выглядели обвинения Бухарина, допустим, в шпионаже, заговорах и т.д. Бухарин, при его высокой интеллектуальной культуре, умел уважать аргументы. И когда он убедился, что его программа, отрицающая форсированное развитие социализма, плохо сопрягается с реалиями быстро меняющейся международной обстановки, поскольку история не отвела нашей стране времени на раскачку, он признал необходимость разумного ускорения. Не просто признал, а активно включился в реализацию партийных установок. Это не помешало, однако, Сталину фактически санкционировать расправу с популярнейшим деятелем партии, близким партийным товарищем... Как можно такое объяснить и понять?! Точнее, объяснить можно, а понять трудно. Таким был Сталин...

Готовясь написать философско-биографический очерк об И.В. Сталине, я как-то незаметно для себя стал интересоваться литературой об Александре Македонском, Юлии Цезаре, Оливере Кромвелле, Иване Грозном, Петре Первом... Меня заинтересовала психология вождей, диктаторов, владык, других правителей абсолютистского типа. И хотя я понимаю, что любые исторические аналогии здесь рискованны, а может быть, и просто ненаучны, одно предварительное суждение хотел бы высказать. Для людей с неограниченной властью, вне демократического контроля, обычны, привычны чувства непогрешимости, личного превосходства, вседозволенности, переоценки собственных способностей и возможностей. Как правило, эти

люди, живя среди людей, бесконечно одиноки. Хотя Сталин, как удалось установить, чрезвычайно редко беседовал с кем-нибудь один на один (с ним обычно были Молотов или Каганович, Ворошилов, Маленков, Берия и т.д.), он в душе был всегда одинок. Ему было не с кем соотносить себя, не с кем по-настоящему дискутировать, некому доказывать, не перед кем оправдываться... Одиночество на вершине, леденящая в своей реальности неограниченная власть иссушают чувства, превращают интеллект в холодную счетную машину. Каждый шаг, сразу же становясь "историческим", "судьбоносным", "решающим", исподволь убивает человеческое в человеке...

Одну из своих слабостей он всю жизнь пытался (и не без успеха!) превратить в показатель силы. Еще во время революции, когда нужно было идти на завод, в полк, на уличный митинг — в толпу, у Сталина возникало чувство внутренней неуверенности и тревоги, которое он со временем научился скрывать. Сталин не любил, да, пожалуй, и не умел хорошо выступать перед людьми. Его речь была простой, ясной, но без полета мысли, афористичности и трибунной патетики. Сильный акцент, скованность и монотонность делали его выступления невыразительными. Не случайно Сталин меньше, чем кто-либо другой из ленинского окружения, выступал на митингах, встречах, манифестациях. Он предпочитал готовить директивы, указания, писать статьи, заметки, давать газетные реплики по поводу тех или иных политических событий. Посредственный публицист, он был довольно последователен и неизменно категоричен в своих выводах. В его газетных материалах или свет, или тень. Третьего он не признавал. Латинская ясность была привлекательной чертой его бесхитростных, простеньких статей.

Позже Сталин привыкнет к трибунам съездов и конференций. Но положение его тогда будет уже другим; его негромкий спокойный голос люди будут слушать в звенящей тишине, готовой расколоться, взорваться шквалом аплодисментов, переходящих в овацию. Но те речи уже больше будут похожи на культовые обряды всеильного жреца. Сталин свое сдержанное отношение к прямым контактам с массами сделал правилом: он не бывал, за редким исключением, ни на заводах, ни в колхозах, ни в республиках, ни на фронте. Голос "вождя" изредка раздавался на самой вершине пирамиды. У ее подножия со священным трепетом ему внимали миллионы. Свою необщительность и замкнутость "вождь" превратил в атрибут культа и исключительности. Для понимания Сталина следует постоян-

но иметь в виду: он был великим Мастером выдавать ошибки, просчеты, преступления, зловещие черты своего характера за достижения, успехи, дальновидность, мудрость, постоянную заботу о людях...

В основе моего анализа и выводов лежат ленинские работы, партийные документы, материалы многих архивов: Центрального партийного архива, Верховного суда СССР, Центрального государственного архива Советской Армии, Государственного архива Министерства обороны СССР, Архива Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, архивов ряда музеев и другие. Например, касаясь военной стороны деятельности Сталина, я познакомился со многими интересными, оригинальными, никогда не публиковавшимися документами из архива Министерства обороны СССР. Даже первое знакомство с резолюциями Сталина на военных документах и с воспоминаниями его современников говорит о том, что он отнюдь не всегда верил в то, что провозглашал. Вот пример. Сталин читает проект приговора военной коллегии Верховного суда СССР по делу генералов Д.Г. Павлова, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьева, А.А. Коробкова, обвиняемых в "антисоветском заговоре и умышленном развале управления Западного фронта...". "Вождь" не стал читать дальше, а лишь бросил:

— Не городите чепуху...

Тут же зачеркнули "антисоветский заговор", "заговорщические цели", "вражескую работу", а написали: "...проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками..." Хотя обвинение было по-прежнему несправедливым, а приговор, вынесенный 22 июля 1941 года, предельно жестоким, но "вождь" перед лицом смертельной угрозы стране и ему, Сталину, не захотел больше "играть" в старые игры "заговорщиков".

Вглядываясь в хорошо сохранившиеся строки резолюций Сталина, налагаемых, как правило, красным или синим карандашом, размашисто, разборчиво, думаешь: где глубинные причины иррациональности, жестокости и коварства этого человека? Может быть, в религиозной догматической пище, обильно принятой им на заре жизни? А может быть, в шемящем ощущении своей интеллектуальной недостаточности, которую он чувствовал, слушая на партсъездах в Лондоне, Стокгольме блестящие речи Ленина, Плеханова, Аксельрода, Дана, Мартова? Или истоки этой иррациональности в его ожесточенности, родившейся еще до Октября? Ведь вся его дооктябрьская биография уместается между семью арестами и пятью побегами. С девят-

надцати лет он только и делал, что скрывался, выполнял поручения партийных комитетов, арестовывался, менял фамилии, доставал фальшивые паспорта, переезжал с места на место... В тюрьмах долго не задерживался, бежал и снова скрывался. Однако мысль уехать за границу ему не приходила в голову никогда.

Большую помощь в работе над книгой оказали материалы "Правды" за тридцать с лишним лет, журналов "Большевик", "Политработник", других периодических изданий, многие из которых выходили лишь в 20-е годы. Известно, что за рубежом существует целая литература о Сталине. Часть ее — например, работы Джузеппе Боффа, Луи Арагона, Анны Луизы Стронг — написана в основном с близких к объективности позиций. Издаются и переиздаются десятки книг и иного характера, имеющих целью с "помощью Сталина" дискредитировать саму идею социализма. Едва ли понимал это сам Сталин, но его собственная практика дискредитации социализма была неизмеримо опаснее, нежели сочинения Исаака Дейчера, Роберта Такера, Леонарда Шапиро, Роберта Конквиста и других советологов. Представляют определенный интерес свидетельства зарубежных государственных деятелей, встречавшихся со Сталиным, — Франклина Рузвельта, Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Мао Цзэдуна, Энвера Ходжи, а также и некоторые книжки Светланы Аллилуевой, изданные ею в эмиграции.

Я ознакомился с работами политических и идеологических оппонентов Сталина внутри страны — Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Томского и других. Все они были и соратниками, и учениками Ленина. Никто из них не считал себя "выдвиженцем" Сталина, как это не скрывали позже Каганович, Молотов, Ворошилов, Маленков, Жданов и иные, новые деятели, занявшие их место. В данном случае Сталин действовал в соответствии с древним законом диктаторов: люди, выдвинутые им самим, отличаются большей преданностью и не претендуют на первые роли.

Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, да и ряд других, в начале 20-х годов были более известны партии, чем Сталин. Фигуры Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина в годы революции и гражданской войны были, например, просто несопоставимы по популярности в партии и народе. Тот же Троцкий вошел в историю как один из признанных вождей Октября, создателей Красной Армии, известный теоретик (к 1927 г. им был опубликован 21 том сочинений!). Этот энергичный политик, не обделенный талантом беллетриста, готовя свои труды, нередко ко-

кетничал перед зеркалом истории, пытаясь оправдать свои притязания на лидерство в партии. Пожалуй, он больше любил себя в революции, чем саму революцию. Знакомясь с томами его переписки, я поражаюсь, как Троцкий заботился уже в годы гражданской войны о том, что должно остаться о нем для истории. Апологетические письма Троцкому, записки, поступающие во время его многочисленных выступлений, списки дипломатов, добывающихся у него аудиенции, отзывы в печати о его шагах и действиях — все тщательно подшивалось и сохранялось. Троцкий был уверен, и не без оснований, что после смерти Ленина лидерство в партии может перейти к нему.

Прямой или косвенной мишенью критических стрел Троцкого чаще других был Сталин. Правда, главная антисталинская литература была создана им после его изгнания из СССР. Известна характеристика Троцким Сталина как "наиболее выдающейся посредственности нашей партии". Впрочем, Троцкий, почти не скрывавший мнения о себе как об интеллектуальном гении (здесь вспоминается фраза Муссолини, "осевшая" в истории: "Удивительное дело, я еще ни разу не встречал человека, который был бы умнее меня!"), часто прибегал к подобным выражениям, стремясь упизить своих оппонентов. Так, он говорил, например, о Зиновьеве в 1924 году как о "назойливой посредственности"; называл Вандервельде "блестящей посредственностью", а Церетели — "даровитой и честной посредственностью" и т.д. После изгнания из СССР у Троцкого осталась одна вечная, маниакальная страсть — ненависть к Сталину. До конца жизни. Особенно это проявилось в его последней незаконченной книге "Сталин". Правда, Троцкий утверждал, что личные мотивы в этой книге не играли роли. "Наши дороги так давно и так далеко разошлись, и он в моих глазах является в такой мере орудием чуждых мне и враждебных исторических сил, что мои личные чувства по отношению к нему мало отличаются от чувств к Гитлеру или японскому микадо. Что было личного, давно перегорело"⁶. Так или иначе, никто в мире не написал так много едкого, злого, карикатурного и унижительного

⁶ Эмиль Вандервельде (1866 — 1938) — бельгийский правый социалист, один из лидеров II Интернационала. (Здесь и далее *примечания редакции*).

⁷ И.Г. Церетели (1881 — 1959) — один из лидеров меньшевизма.

о Сталине, как Троцкий. Но никто и не сделал так много для разоблачения Сталина.

Естественно, Сталин отвечал Троцкому такой же ненавистью, которая рельефно проявилась впервые еще в их стычке в период боев за Царицын в годы гражданской войны. Когда наступил трагический день 21 января 1924 года, Сталин отправил на юг телеграмму следующего содержания: "Передать тов. Троцкому. 21 января в 6 час. 50 мин. скоропостижно скончался тов. Ленин. Смерть последовала от паралича дыхательного центра. Похороны субботу 26 января. *Сталин*". Подписывая депешу, Сталин наверняка думал: именно теперь ему предстоит жестокая и беспощадная борьба с Троцким за лидерство. Но знал ли Сталин, что когда он одолеет Троцкого, то так и не "расстанется" с ним, не подозревая об этом? Методы командно-бюрократического стиля, насилия, "закручивания гаек", апологетом которых был именно Троцкий, будут взяты на вооружение Сталиным. Не здесь ли кроется один из истоков грядущей трагедии? До убийства Троцкого в августе 1940 года его политическая борьба со Сталиным наложила рельефные штрихи на портрет генсека. Чтобы глубже понять внутренний духовный мир Сталина, я изучил коллизии борьбы двух бывших "выдающихся вождей", ибо генсек всегда считал Троцкого своим главным личным врагом.

Мне удалось получить свидетельства многих лиц, встречавшихся со Сталиным или в той или иной степени попавших в водоворот событий, вызванных решениями Сталина или его окружения.

Многие дали мне беседы с некоторыми лицами из окружения Сталина, бывшими работниками ЦК ВКП(б), ряда наркоматов, НКВД, крупными советскими военачальниками, политическими и общественными деятелями, теми, кого судьба сталкивала в разной обстановке лицом к лицу с генсеком, чья жизнь нередко менялась самым трагическим образом от решений или действий "вождя". После публикации статей о Сталине в "Литературной газете" и "Правде" мной было получено около трех тысяч писем, многие из которых отправлены людьми самой причудливой, часто тяжелейшей судьбы. Все эти годы, работая в архивах, собирая документы о жизни Сталина, я встречался со множеством людей, с теми, кто хотя бы каким-то образом мог пролить свет на новые факты, биографические данные. (Даже отдельный звук из общего хора истории важен.) Благодаря им можно глубже почувствовать историческую рет-

роспективу, услышать голоса давно ушедших людей, понять мотивы борения страстей...

Отголоски истории... Они живут в нас, в наших судьбах, памяти, а иногда — в новых скупых сведениях из ушедшего, отгоревшего, потаенного. Это, как весточки из прошлого, которое не хочет навсегда уходить в безвестность, теряться в даях бесконечного. Можно, пожалуй, говорить даже о незаконченном прошлом. Иначе говоря, о той данности, феномене времени, на которые пока нет достоверного, полного ответа. Незаконченное прошлое может быть как для отдельного человека, так и для целого народа, не знающего до конца подлинной истории своих триумфов и трагедий.

Так назвал я книгу, пытаюсь показать, как в истории триумф одного человека обернулся трагедией для целого народа. Н.С. Хрущев, выступая с докладом на XX съезде партии, акцентные расставил своеобразно. "Мы не можем сказать, — отметил он, — что его поступки были поступками безумного деспота. Он считал, что так нужно было поступать в интересах партии, трудящихся масс, во имя защиты революционных завоеваний. В этом-то и заключается трагедия!" Думаю, что акцентные не совсем точны. Такая оценка Хрущева оправдывает Сталина. "Вождь" любил больше всего на свете личную власть. Во имя безграничной власти Сталин пошел на чудовищные репрессии, но не видел в этом трагедии.

Сталин быстро привык к насилию как обязательному атрибуту неограниченной власти. Скорее всего, но это уже из области логических предположений, карательная машина, пущенная им в конце 30-х годов на полный ход, захватила воображение не только функционеров нижнего звена, но и его самого. Возможно, эволюция сползания к насилию как универсальному средству прошла ряд этапов. Вначале — борьба против реальных врагов, а они, вероятно, были; затем — ликвидация личных противников; дальше уже действовала страшная инерция насилия; наконец, насилие стало рассматриваться как показатель преданности "вождю". Тень угрозы извне создавала атмосферу "духовного окружения". Это специфическое состояние общественного сознания, апогей которого был в 1937 году, прямой результат примата силы над правом, подмены подлинного народовластия ее культовыми суррогатами.

Сталин смотрел на общество как на человеческий аквариум; все в его власти... "Вредительство", шпиономания, борьба с ветряными мельницами "двурушничества" стали постыдными атрибутами ортодоксальности, слепой веры и преданности

"вождю". Разве, например, можно было даже мысленно допустить, что из семи членов Политбюро, избранных в мае 1924 года на XIII съезде РКП(б), первом съезде после смерти Ленина, шестеро (все, кроме самого Сталина!) окажутся "врагами"?! Даже во времена средневековой инквизиции едва ли кто претендовал на такую исключительную "чистоту", требующую для своего подтверждения таких безумных жертв. Сталин уничтожал "врагов", а волны шли дальше и дальше... Это был трагический триумф злой силы. Иногда трудно объяснить, зачем понадобилось ему, устранившему всех своих соперников, продолжать "вырубать" лучших людей партии и государства в канун грозных испытаний? К слову сказать, в самих органах НКВД некоторые большевики раньше других рассмотрели опасность мистерии всеобщей подозрительности и репрессий. Только в их среде более 23 тысяч честных людей пали жертвами вакханалии беззакония.

Однако никакие самые страшные гримасы истории не смогли, в конечном счете, помешать народу создать в своей стране нечто такое, что, несмотря на трагедию, приблизило его к осуществлению высоких идеалов. Даже самые трагические годы не погасили у миллионов советских людей веры в гуманистические ценности. В самой диалектике триумфа и трагедии кроется бесконечная сложность бытия, в котором при решающей роли народных масс (в конце концов!) от исторических личностей зависит так много. Говоря словами Гегеля, судьба человека не является лишь его, личной; в ней представлена всеобщая нравственная трагическая судьба⁸. А трагизм ее как раз и заключался в том, что на определенном этапе Сталин воспринимался миллионами людей не как человек во плоти, а как символ социализма, его живое олицетворение. Ведь ложь, повторенная много раз, может выглядеть истиной. Обожевление "вождя" получало высший смысл, оправдывало в глазах людей любые негативные явления за счет происков "врагов" и, наоборот, приписывало все успехи уму и воле одного человека. Тем более что Сталин умел пропагандировать грандиозные замыслы. Принимая и оглашая те или иные крупные решения, особенно на больших форумах, Сталин всегда любил ссылаться на классиков. Здесь он проявлял общечеловеческую слабость. Люди любят покровительство. Даже такой могущественный человек, как Сталин, любил укрыться в тени идеологических штампов, авторитета теории, непреходящих идей своего великого предшественника. Но нередко это было не больше чем идейным камуфляжем. Триумф "вождя" и трагедия народа находили свое

выражение в догматизме и бюрократизме системы и одновременно в высоком патриотизме, интернационализме советских людей, во всевластии аппарата и манипулировании сознанием миллионов и в подлинной гражданственности и подвижничестве народа.

Многие дали мне книги-воспоминания прославленных советских военачальников И.Х. Баграмяна, А.М. Василевского, А.Г. Головки, А.И. Еременко, Г.К. Жукова, И.С. Конева, Н.Г. Кузнецова, К.А. Мерецкова, К.С. Москаленко, К.К. Рокоссовского, С.М. Штеменко и других. Конечно, я учитывал, что свидетельства этих заслуженных людей писались в то время, когда многое о Сталине еще не было известно и когда вскоре после XX и XXII съездов партий тема культа личности фактически была закрыта для полного и откровенного анализа. Военные, особенно из верхних эшелонов командования, в полной мере испытали на себе беспощадную и несправедливую руку Сталина. Но кроме А.В. Горбатова и еще нескольких военачальников, успевших написать в своих книгах о пережитом, другим не пришлось в полный голос сказать о том, что они знали. Тема репрессий, ошибок и просчетов Сталина фактически стала запретной. Есть еще одна сторона этой проблемы. С началом войны Сталин не по своей воле был вынужден сократить насилие внутри страны. Полководцы и военачальники в своих мемуарах касались главным образом военной стороны деятельности Сталина, который смог проявить политическую волю в борьбе с фашизмом. Видимо, этим объясняется раскрытие облика Сталина многими военными лишь с положительной стороны. Многие из трагического в личных судьбах, связанное с беззаконием, как бы осталось "за кадром". Ведь те несколько десятков тысяч военных, попавших накануне войны в кровавую мясорубку чистки, за редким исключением, погибли и ничего не смогли сказать потомкам. Сегодня мы знаем, что и в начале войны Сталин неоднократно прибегал к жестоким расправам над многими военными, пытаясь переложить на них ответственность за крупные неудачи.

Оглядываясь на прошлое с высот сегодняшнего дня, удивляешься, поражаешься и изумляешься долготерпению советского народа, прежде всего русского. Где истоки этого святого терпения? В 250-летнем господстве безжалостных всадников Золотой Орды? В бесконечной череде войн за свою независимость и свободу? В необходимости всегда вести борьбу с холодом и необозримыми пространствами? Может быть. Думаю, что в долготерпении — мудрость исторического опыта, вера в свою пра-

воту, приверженность историческим традициям. А главное — убежденность в верности пути, избранного в 1917 году. Но народ не могли не унижать, хотя он понял это позже, навязанные почти религиозные ритуалы славословия человеку, правившему страной. И одним из таких поразительных памятников человеческого унижения могла бы быть "антология" коллективно принимавшихся хвалебных, нелепых од-приветствий, писем Сталину со словами: "отец", "солнце", "мудрый вождь", "бессмертный гений", "великий кормчий", "несгибаемый полководец"... Бюрократическая мысль изощрялась в изобретении эпитетов, не считаясь с тем, что они — прямое оскорбление народного достоинства.

Легче всего сказать, что каждый век имеет свое "средневековье". Я глубоко убежден, что, если бы не образовался дефицит народовластия после смерти Ленина, социалистическое развитие общества могло бы обойтись без тех глубоких извращений, которые возникли по вине Сталина и его окружения в 30-е, 40-е и в начале 50-х годов. Трагическое не было неизбежным. Конечно, сегодня проще говорить о возможной альтернативе, нежели делать выбор в те, далекие теперь уже годы. Обстоятельства легче анализировать. Справиться с ними бывает сложнее. "Историк всегда вправе противопоставлять гипотезы свершившейся судьбе, — писал Жан Жорес. — Он вправе говорить: "Вот ошибки людей, вот ошибки партии" — и воображать, что, не будь этих ошибок, события приняли бы другой оборот". Исторические альтернативы были.

С высоты настоящего представляется, что после смерти Ленина, перед которым преклонялись даже оппозиционеры, реальный шанс возглавить партию имели Троцкий и Бухарин. Думаю, что Зиновьев и Каменев имели значительно меньшие шансы. Возможно, что, если бы Троцкий стал у руля партии, ее также ждали бы тяжкие испытания: он был апологетом социального насилия. Тем более что у него не было ясной научной программы построения социализма в СССР. А у Бухарина такая программа, свое видение общепартийных целей были. Однако Бухарин при всей его привлекательности как личности, высоком интеллекте, мягкости, человечности долго не понимал исторической необходимости ускорения в наращивании экономической мощи. А без этого была реальной угрозой выживанию СССР в условиях империалистического окружения, в котором ни на минуту не угасала мысль покончить с Советами. Но Бухарин возражал против сталинских методов этого ускорения.

Были, конечно, еще Рудзутак, Фрунзе, Рыков... После смер-

ти Ленина, до начала 30-х годов, среди вождей революции Сталин имел репутацию одного из наиболее жестких и волевых защитников курса на укрепление первого в мире социалистического государства. Другое дело, каким его Сталин себе представлял. Да, Сталин не имел данных заменить Ленина. Но их не имел никто. У Сталина, конечно, не было гениальной духовной мощи Ленина, теоретической глубины Плеханова, культуры Луначарского. В интеллектуальном, нравственном отношении он уступал многим, а может быть, и большинству вождей революции. Но во время борьбы за лидерство большое значение имели целеустремленность, политическая воля, хитрость и коварство Сталина. Говоря словами шекспировского Гамлета, он "при бремени своих несовершенств" имел и нечто такое, чего не оказалось у других. Не последнюю роль здесь сыграла способность Сталина максимально использовать партийный аппарат для достижения своих целей. Он увидел в этом механизме идеальный инструмент власти. А о ленинском предостережении в отношении Сталина знали далеко не все большевики.

Свои негативные личные качества, после того как делегаты XIII съезда партии были ознакомлены с ленинской оценкой, генсек временно "сблокировал", что во многом обеспечило ему поддержку большинства партии. В этих условиях шансы других лидеров были невысоки. Многие из высшего партийного руководства вначале просто недооценили Сталина — его хитрость, целеустремленность и коварство. Когда это поняли — было уже поздно.

При всем том Сталин был великим Актером. Он исключительно искусно играл множество ролей: скромного руководителя, борца за чистоту партийных идеалов, а затем и "вождя", "отца народа", великого полководца, теоретика, ценителя искусств, провидца. Но особенно старательно Сталин стремился играть роль верного ученика и соратника великого Ленина. Все это постепенно создавало Сталину популярность в народе и партии.

Но дело, в конце концов, не в личностях, а прежде всего в том, что демократический потенциал, который начал создавать Ленин, не был сохранен. Спустя десятилетия мы пытаемся найти человека, который в исторической ретроспективе мог бы быть альтернативой Сталину. Наиболее вероятной, действенной альтернативой должна была стать группа ленинцев, руководящее ядро партии, которое было обязано выполнить волю Ленина. Однако коллективная мысль и коллективная воля "ленинской гвардии" проявили необъяснимую растерянность и

близорукость. Если бы демократические "предохранители" социальной защиты были созданы, в частности, в виде подлинно коллективного руководства, то не имело бы решающего значения, является лидер выдающимся или нет. Например, если бы партийным Уставом были оговорены и выдерживались точные сроки пребывания генсека, других выборных лиц на постах, то культовых уродств можно было бы избежать. В противном случае судьба страны находится в слишком большой зависимости от исторического выбора: кто станет у руля власти.

Сталин, немало сделавший для утверждения социализма в нашей стране (но который ему виделся совсем другим, чем нам сегодня), формально не "вильнувший" к каким-либо оппозициям, не выдержал испытания властью и фактически отошел от ленинской концепции социализма. Уместно вспомнить здесь рассуждения Плутарха о том, что "судьба, вознося изменный характер делами большой важности, раскрывает его несостоятельность..."¹⁰. Это выразилось в таком социальном явлении, которое часто называют "сталинизмом". Можно спорить о содержании этого понятия, но никуда нельзя уйти от бесспорного факта, что за ним стоит определенный социальный феномен. Он возник благодаря деформации демократических начал народовластия, без которых социализм теряет не только свою эффективность, но и привлекательность.

Сталинизм, по моему мнению, является синонимом извращения теории и практики научного социализма. Главные проявления этого извращения выражаются в отчуждении людей труда от власти, насаждении многоликой бюрократии, утверждении в общественном сознании догматических штампов. Подмена народовластия единовластием привела к появлению специфического типа отчуждения, порождающего в конце концов социальную апатию людей, ослабление реальной значимости социалистических ценностей, угасание динамизма движения. Огромная, но большая тень Сталина легла на все сферы нашего бытия. Полностью освободиться от бюрократического и догматического "затмения" оказалось весьма не просто.

На фоне свершений народа особо "несостоятельной" личностью Сталина выглядит с точки зрения его отношения к общечеловеческим моральным ценностям. Сталин был не просто беспощаден к политическим противникам. По его мнению, любая другая точка зрения, отличная от его, сталинской, оппортунистична. Кто был не с ним, расценивался только как враг. У Сталина идея долга, понимаемая как выражение безусловной исполнительности, всегда превалировала над идеей

права человека. Тщетно было ждать, чтобы sireны истории или само провидение предупредили партию о грозящей опасности. Это должны были сделать соответствующие институты и прежде всего люди, окружавшие Сталина.

Но, увы! — этого не было сделано. Прежде всего потому, что наросты бюрократии, которые культивировал Сталин, развивались быстрее, чем демократические ценности. Главным творением Сталина явилось формирование им всеобъемлющей бюрократической прослойки, главной опоры его методов, шагов, намерений. Пока была жива (и пока будет жива!) бюрократическая методология мышления и действия, были и будут поклонники Сталина и его "твердой руки". Сталин — не просто история. Это в известном смысле и способ мирозерцания, пути определения ценностных приоритетов и пути их достижения. Конечно, сегодня просто все грехи, ошибки и недостатки списывать на Сталина и его наследие. Это легче всего. Однако если вдуматься, то главные болезни общества — бюрократизм, догматизм и авторитарность — были "приобретены" в годы единовластия Сталина.

Пережить свое время дано немногим. Один среди них — Сталин. Еще долго не затихнут споры о его роли в нашей истории, сопровождаемые эпитетами, окрашенными и ненавистью, и почитанием, и горечью, и вечным недоумением. Так или иначе, на судьбе Сталина мы еще раз убеждаемся, что, в конечном счете, власть великих идей сильнее власти людей. Какими бы титанами они ни казались. Даже фараоны не устояли перед временем. Их мумии — свидетельство полного поражения "вечных". Власть времени — власть абсолютная. Время течет то бесшумно, то в грохоте войн и революций, то в потоке речей и социальных конвульсий. Самые великие памятники в честь выдающихся людей, героев, пионеров цивилизации, омываясь потоком реки времени, размываются и рушатся. Неизмеримо более прочны философские памятники, "монументы" культуры. "Илиада", сонеты Петрарки, максимы Канта, "Слово о полку Игореве" стоят незыблемо. Идея социальной справедливости и гуманизма, наиболее полно выраженные основоположниками научного социализма, — в ряду непреходящих ценностей. Трагическая одиссея сталинских злоупотреблений не смогла полностью лишить привлекательности социалистические идеалы.

Да, вера в социалистические идеалы у народа сохранилась. Но ведь никогда не умирала в прошлом и вера в "русскую идею", однако многочисленные попытки реформ в дореволюционной России обычно вызвали сильную ответную реак-

ционную волну. Реформаторы в России и в СССР, от декабристов до Бухарина, а затем и Хрущева, терпели поражения. Об этом нельзя забывать. Низвержение Сталина с пьедестала — это еще не ликвидация сталинизма. Реставрация несталинизма в какой-либо новой, но тоже зловещей форме полностью не исключена. Это не пророчество, а предостережение истории.

Попытка написать портрет И.В. Сталина — не просто экскурс в недалекое прошлое. Нельзя забывать, что рассматриваемые процессы истории, все более отдаляемые от нас временной дистанцией, продолжают влиять и будут долго оказывать свое воздействие как на настоящее, так и на будущее. А оно часто находится гораздо ближе, чем некоторые предполагают. В своей работе над портретом я руководствовался только одним желанием: рассказать правду об этом человеке.

Суд людей может быть призрачным. Суд истории вечен.

глава 1

Октябрьское заревое

Революция возможна лишь там, где есть совесть.

Ж. Жорес

К началу 1917 года Иосифу Виссарионовичу Сталину (Джугашвили) было тридцать семь лет. Стылая Курейка, что в Туруханском крае у самого Полярного круга, была его обиталищем уже несколько лет. Времени и пищи для размышлений было много. Под бесконечный вой пурги, занесшей избушку до крыши, мысль то и дело возвращалась к наиболее памятным событиям. Декабрь 1905 года: первая встреча с В.И. Лениным на партийной конференции в Таммерфорсе. Шумные споры на заседаниях, а в перерывах — дружеские разговоры... Это всегда удивляло Сталина. Партийные съезды в Стокгольме и Лондоне, где он впервые, по существу, приобщился к искусству политической борьбы, поиска компромиссов, к проявлению принципиальной неуступчивости...

Все его немногочисленные поездки за границы России оставили в душе какой-то трудно объяснимый, беспокойный осадок. Он часто ощущал себя чужим, лишним среди остроумных собеседников. Сталин не мог фехтовать словами так быстро и ловко, как это делали Плеханов, Аксельрод, Мартов. Ощущение внутренней раздраженности и интеллектуальной ущемленности не покидало кавказца, пока он находился рядом с этими людьми. Уже с тех пор где-то подспудно родилась устойчивая неприязнь к эмиграции, чужбине, интеллигенции: бесконечные споры в дешевых кафе, прокуренные номера захудалых гостиниц, рассуждения о философских школах, экономических учениях...

Дооктябрьская биография Сталина вся умещалась между семью арестами и пятью побегами из царских тюрем и ссылок. Но об этом периоде будущий "вождь" не любил публично вспоминать. Он никогда позже не рассказывал о своем участии в вооруженных экспроприациях для партийной кассы, о том, что, будучи в Баку, одно время стоял на позиции "объединения во что бы то ни стало с меньшевиками", о своих первых беспомощных литературных опытах. Однажды, когда вьюга сотрясала избушку, Сталину вспомнилось одно из его ранних стихо-

творений, которое нравилось ему и даже удостоилось публикации в газете "Иверия". Тогда семинаристу было лет шестнадцать-семнадцать. Строки о его стране гор усилили тоску и вызвали какую-то смутную надежду. У Сталина была великолепная память, и вполголоса, почти шепотом, он неторопливо проговорил:

*Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной,
И свет ее над дальней гранью
Играет бледной синевою,
Когда над роцею в лазури
Рокочут трели соловья
И нежный голос саламури*
Звучит свободно, не таясь,
Когда, утихнув на мгновенье,
Вновь зазвенят в горах ключи
И ветра нежным дуновеньем
Разбужен темный лес в ночи,
Когда беглец, врагом гонимый,
Вновь попадет в свой скорбный край,
Когда, крошею тьмой томимый,
Увидит солнце невзначай, —
Тогда гнетущей душу тучи
Развевя сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь,
Стремится ввысь душа поэта:
И сердце бьется неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!*

Пока он неожиданно для самого себя шептал, словно молитву, стихи своей юности, хозяйка убогого домишка раза два заглядывала в проем, удивленно посматривая на угрюмого постояльца. А тот сидел с открытой книгой подле мигающей свечи и смотрел в слепое, обледеневшее оконце. В далекой юности Сталин навсегда оставил не только свои наивные стихи, но и многое из того, что интеллигенты называют сентиментальностью. Даже матери Сталин писал крайне редко. Суровое детство, жизнь подпольщика — вечного беглеца сделали его холодным, черствым, подозрительным.

Сталин умел отгонять мысли, воспоминания, которые тревожили. Однако прошло вот уже почти десять лет со дня смер-

* Саламури — разновидность свирели.

ти его жены Като, а образ женщины, искаженный тифом, витал где-то рядом... Вспомнил, как их тайно обвенчал одноклассник по семинарии Христофор Тхинволели в церкви святого Давида в июне 1906 года. Като (Екатерина Сванидзе) была очень красивая девушка, влюбленно и преданно глядевшая своими большими глазами на мужа, который то появлялся, то надолго исчезал. Семейная жизнь была короткой. Беспощадный тиф отнял у Сталина единственное существо, которое, возможно, он по-настоящему любил. На фотографии, запечатлевшей похороны, Сталин, с копной нечесаных волос, невысокий и худой, стоит у изголовья гроба с выражением неподдельной скорби.

Но семена черствости и жестокости, посеянные еще в детстве, прорастали все глубже. Подполье ожесточило его; с девятнадцати лет он только и делал, что скрывался, выполнял поручения партийных комитетов, арестовывался, менял адреса и фамилии, доставал фальшивые паспорта. В тюрьмах долго не задерживался, бежал и снова скрывался.

Жизнь многому научила Сталина, и не в последнюю очередь — хитрости и расчетливости, умению выжидать. Печать замкнутости и внутренней холодности, которая была заметна еще в молодые годы, превратилась со временем в холодную бесчувственность и беспощадность. Но позже Сталин научится носить маску спокойного, на людях даже приветливого человека с пронизательными глазами.

Почему Иосиф Джугашвили стал революционером? Может быть, потому, что рано приобщился к крупным интеллектуальной пицци в Горийском духовном училище и Тифлисской духовной семинарии, в которых учился? Кто знает, не попали ли его руки томики Руссо, Ницше, Локка, задумался бы семинарист над тем, почему его отец-сапожник латает башмаки только для бедняков? Или неудовлетворенность теологическим затворничеством привела его к людям с бунтарским характером? А может быть, его заставила шире открыть глаза на мир поповшая в руки зачитанная тоненькая брошюра "Азы марксизма"? Никто на это не ответит достоверно. Не произошел, однако, в нем тогда, на пороге века, решительная смена религиозных ориентиров на светские, еретические — одно из грузинских сел получило бы молодого, невысокого ростом православного священника — духовного пастыря людей. От всего мира его монотонная жизнь была бы отгорожена не только грядой величественных гор, но и мелкими заботами о нищем приходе, куче своих детей, мечтами о шумном Тифлисе. Мог ли сын бедняка знать, что волею судьбы и игры обстоятельств он на

одном из этапов истории станет для великого народа неизмеримо больше чем духовный пастырь?

Анфас и профиль

Вскоре после Октябрьской революции небольшая фигура Сталина стала отбрасывать уже заметную тень. Постепенно она росла. В 30-е годы эта тень стала огромной. В последние годы жизни — гигантской и зловещей.

Кто мог даже предположить до 1917 года, что незаметный подпольщик после 1922 года станет стремительно подниматься на вершину власти? Сталин как бы раздвинул плотные шеренги ленинской когорты и быстро выдвинулся из ее глубоких рядов в головную группу. А затем — стал впереди нее. И уж тем более никто не мог и подумать, что после смерти Ленина эта группа, это ядро известных большевиков начнет быстро таять и уменьшаться. Чем выше поднимался Сталин, тем меньше подле него оставалось людей, которые вместе с Лениным зажгли факел революции.

До ее начала этот человек был, пожалуй, больше известен различным отделениям департамента полиции. При каждом новом контакте жандармского управления с Джугашвили там его аккуратно фотографировали анфас и профиль. Так, на бланке Бакинского губернского жандармского управления в этих двух позах запечатлен тщедушный небритый молодой человек, который через два десятилетия станет генеральным секретарем ленинской партии.

Жандармы не отличались умением охранять заключенных, зато описание "государственных преступников" делали дотошно. Под фотографиями, в тексте, сообщается, что Джугашвили "худ", волосы у него "черные и густые", "бороды нет и усы тонкие", лицо "рябое, с оспинными знаками", форма головы "овальная", лоб "прямой и невысокий", брови "дугобразные", глаза "впалые карие с желтизной", нос "прямой", рост "средний 2 арш. 4,5 верш.", телосложения "посредственного", подбородок "острый", голос "тихий", "на левом ухе родинка", руки — "одна из них, левая, сухая", на левой ноге "2 и 3-й пальцы сросшиеся" и еще десятка два других примет. Когда Джугашвили-Сталин станет могущественным человеком, его блюстители государственной безопасности не станут зани-

маться такими пустяками. Ведь ни одному из политических заключенных в его эпоху не удастся совершить, как ему, пять побегов. Для определения в будущем судеб многих, многих тысяч его, Сталина, потенциальных противников не будет иметь никакого значения, на каком ухе родинка и сколько аршин и вершков рост "врага народа". И критерии, и масштабы будут другими.

Думаю, что читателя интересуют не физические и внешние данные будущего "вождя", которые можно рассмотреть анфас и профиль, а те политические и нравственные параметры, с которыми он пришел к 1917 году. Скажу сразу, Сталин не был "злодеем" с детства, как порой теперь кое-кто считает. Но о его детстве нужно вспомнить, чтобы лучше понять характер зрелого Сталина.

О детских годах Джугашвили мало что известно. Сам Сталин не любил вспоминать об этом времени. Детство было беспросветно безрадостным. Екатерина и Виссарион Джугашвили, бедные крестьяне, а затем горийские плебеи, жили в страшной нужде. Из троих сыновей Михаил и Георгий, не прожив и года, скончались, остался лишь Сосо (Иосиф). Но и он, заболев в возрасте пяти лет черной оспой, едва выжил, дав основания жандармам в графе "особые приметы" регулярно писать: "лицо рябое, с оспинными знаками". Как писал И. Иремашвили, грузинский меньшевик, знавший семью Джугашвили, отец Сталина, сапожник-кустарь, сильно пил. Матери и Сосо часто выпадали жестокие побои. Пьяный отец, прежде чем уснуть, норовил дать затрещину своему равному мальчишке, явно не любившему отца. Уже тогда Сосо научился хитрить, избегая встреч с пьяным родителем. Несправедливые побои ожесточили мальчика. Мать же целиком посвятила себя сыну. Именно по ее настоянию и ценой огромных усилий Сосо устроили в духовное училище, а затем и в семинарию. Семейный разлад продолжался. Вскоре произошел окончательный разрыв матери с отцом, который перебрался в Тифлис, где в безвестности умер в почлежке и был похоронен за казенный счет.

После того как И. Джугашвили стал на тропу профессионального революционера, он навсегда покинул родительский дом. Как удалось установить, с 1903 года он всего четыре-пять раз видел мать. Екатерина Георгиевна первый раз побывала у сына в Москве как раз в год, когда Сталин стал генсеком. Последний раз Сталин видел мать в 1935 году. Думал ли сын о том, что неукротимое желание неграмотной женщины "вытолкнуть" его из нужды наверх дало ему тот первый шанс, кото-

рый он использовал? Через два года после этой встречи, дожив до июля трагического тридцать седьмого года, мать Сталина тихо скончалась в глубокой старости.

В декабре 1931 года немецкий писатель Эмиль Людвиг, беседа со Сталиным, спросил собеседника:

— Что Вас толкнуло на оппозиционность? Быть может, плохое обращение со стороны родителей?

— Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо!

Все, что нам известно о ранних годах И. Джугашвили, дает основание предположить, что сказанное "вождем" немецкому писателю о родителях относилось лишь к его матери. Людвиг, в свое время написавший очерки-портреты Муссолини, кайзера Вильгельма, Масарика, пытался с помощью одной часовой беседы проникнуть и во внутренний мир "загадочного советского диктатора". Едва ли это ему удалось. В частности, о ранних годах своего становления Сталин не захотел распространяться.

Рассматривая Сталина через призму нравственного "анфаса и профиля", нельзя не сказать, что, обучаясь в духовных учебных заведениях, мальчик обнаружил неплохие способности и феноменальную память. Религиозные тексты осваивались Сосо быстрее других. Книги Ветхого и Нового завета вначале пробудили у семинариста неподдельный интерес. Он старался постичь идею единого бога как носителя абсолютной благодати, абсолютного могущества и абсолютного знания. Однако длительное изучение теологии как синтеза догматов и моральных принципов вскоре наскучило Джугашвили. Незаметно для него самого (а ведь проучился Сосо в духовных заведениях в общей сложности более десяти лет) в сознании способного ученика сформировались важные для его дальнейшей судьбы особенности мышления и действия. К десяти годам религиозной учебы следует приплюсовать столько же лет тюрем и ссылок, выпавших на долю Кобы*. Положение отверженного, преданного обществом остракизму усиливало у молодого революционера глухую, но устойчивую ожесточенность и неудовлетворенность судьбой. Причудливый синтез усвоенных, но отвергнутых религиозных постулатов, роль социального изгоя и — как результат — смутная тяга к "мятежной" деятельности, несомненно, оставили свой след в характере молодого Сталина. Первые

* Коба — один из героев повести грузинского писателя А. Казбеги "Отцеубийца" о борьбе крестьян-горцев за свободу и независимость.

полтора десятка лет становления, прошедшие в семинарских кельях и тюремных камерах, не могли не сказаться в конечном счете на интеллекте, чувствах и воле профессионального революционера. В мышлении, в частности, это проявилось в ряде особенностей.

Одна из них — стремление любое знание систематизировать и классифицировать, раскладывать на интеллектуальные "полочки". А это характеризует, если так можно сказать, "катехизисное мышление". Как правило, такое мышление создает у окружающих впечатление, что это человек "организованно-го", последовательного ума. Другая особенность сталинского мышления связана с отсутствием серьезного критического отношения к собственным идеям и поступкам. Джугашвили всю жизнь верил в постулаты — сначала христианские, а затем марксистские. Все, что не вписывалось в прокрустово ложе усвоенных концепций и схем, Сосо считал еретическим, а затем и оппортунистическим. Но поскольку он сам редко подвергал сомнению истинность тех или иных фундаментальных теоретических положений, в которые верил, то не считал необходимым критически относиться и к собственным взглядам и намерениям. Ведь он никогда не отступал, по его мнению, от классических принципов марксизма. Пожалуй, он отдавал первенство вере, а не истине, хотя, наверное, не признался бы в этом и самому себе. Хорошо, когда вера в идеалы и ценности есть. Но хорошо ли, если она, вера, оттесняет истину на задний план? Религиозная пища и социальное положение способствовали выработке у Джугашвили скрытого, но глубокого эгоцентризма как преувеличения роли своего "я" в ткани окружающего бытия.

Сталин рано понял, что в жизни ему не на кого надеяться, кроме как на себя. Товарищи в Баку, Тифлисе не раз говорили Кобе: "У тебя крепкая воля". Похвала импонировала. Джугашвили решил закрепить эту особенность своего характера в революционном псевдониме, подобрав себе "железную" фамилию. С 1912 года свои статьи Джугашвили уже подписывал "Сталин". Впрочем, не только ему хотелось твердость характера или суждений зафиксировать в фамилии. Революционер Л.Б. Розенфельд, например, далеко не обладавший такой волей, как Джугашвили, решил довольствоваться псевдонимом "Каменев". Но "камень" со временем, как покажет история, не устоит перед "сталью". Сталин хотел верить: в свою волю, свою неуязвимость, свое место регионального вожака. Вера — этот цемент догматизма — была у Сталина всегда.

Религиозное образование способствовало формированию у Джугашвили-Сталина устойчивого догматического мышления. Хотя будущий "вождь" сам нередко подвергал догматизм критике, понимая его, однако, вульгарно-упрощенно. Он был склонен всегда жестко канонизировать те или другие положения марксистской теории, приходя часто к глубоко ошибочным выводам. Так, абсолютизация сути и значения классовой борьбы привела его в 30-е годы к ложной формуле "об обострении классовой борьбы по мере достижения успехов в социалистическом строительстве". Оппортунизм, фракционность, инакомыслие, например, для Сталина всегда были синонимами классового прогивника. Диктатура пролетариата виделась бывшим семинаристом главным образом через призму социального насилия вне созидательного начала и т.д.

Сталин в преддверии революции был в состоянии усвоить основные положения марксизма, но без ярко выраженной способности их творческого применения. Влияние религиозного образования (а много Джугашвили не имел) сказалось, подчеркну еще раз, прежде всего не на содержании его взглядов, а на методологии мышления. От пут догматизма, не всегда, правда, ярко выраженных, Сталин не смог освободиться до конца своей жизни.

У Сталина почти не было близких друзей, особенно таких, к которым бы он сохранил теплые чувства на всю жизнь. Политические расчеты, эмоциональная сухость и нравственная глухота не позволили ему приобрести и сохранить друзей. Тем удивительнее, что на исходе своей жизни Сталин вспомнил именно о своих однокашниках по духовному училищу и семинарии. Об этом свидетельствует, например, такой факт.

Во время войны Сталин однажды случайно увидел, что в сейфе его помощника А.Н. Поскребышева находится большая сумма денег.

— Что это за деньги? — недоуменно и в то же время подозрительно спросил Сталин, глядя не на пачки купюр, а на своего помощника.

— Это Ваши депутатские деньги. Они накопились за много лет. Я беру отсюда лишь для того, чтобы заплатить за Вас партийные взносы, — ответил Поскребышев.

Сталин промолчал, но через несколько дней распорядился выслать Петру Копанадзе, Григорию Глурджидзе, Михаилу Дзерадзе довольно большие денежные переводы. Сталин на листке бумаги собственноручно написал:

"1) Моему другу Пете — 40 000,

- 2) 30 000 рублей Грише.
- 3) 30 000 рублей Дзерадзе.

9 мая 1944 г. *Сосо*".

В этот же день набросал еще одну коротенькую записку на грузинском языке:

"Гриша!

Прими от меня небольшой подарок.

9.05.44. Твой *Сосо*"².

В личном архиве Сталина сохранилось несколько аналогичных записок. На седьмом десятке лет, в разгар войны, Сталин неожиданно проявил филантропические наклонности. Но характерно, что вспомнил он друзей из далекой молодости: по учебе в духовном училище и семинарии. Это тем более удивительно, что Сталин никогда не отличался склонностью к сентиментальности, душевности, нравственной доброте. Правда, мне известен еще один филантропический поступок, который совершил Сталин уже после войны. "Вождь" направил письмо такого содержания в поселок Пчелка Парбитского района Томской области.

"Тов. Соломин В.Г.

Получил Ваше письмо от 16 января 1947 г., посланное через академика Цицина. Я еще не забыл Вас и друзей из Туруханска и, должно быть, не забуду. Посылаю Вам из моего депутатского жалованья шесть тысяч рублей. Эта сумма не так велика, но все же Вам пригодится.

Желаю Вам здоровья.

И. Сталин"³.

В местах своей последней ссылки, как рассказывал мне старый большевик И.Д. Перфильев, сосланный в эти края уже в советское время, у Сталина была связь с местной жительницей, от которой появился ребенок. Сам "вождь", разумеется, никогда и нигде не упоминал об этом факте. Мне не удалось установить: проявлял ли Сталин заботу об этой женщине, чей путь пересекся с этапной дорогой ссыльного революционера, или дело ограничилось признанием, что, "должно быть", друзей из Туруханска "он не забудет".

Сухость, холодность, расчетливость и осторожность Сталина, возможно, усугубились тяготами жизни профессионального революционера, вынужденного с 1901 по 1917 год находиться на нелегальном положении, часто попадать в тюрьмы и ссылки. Все, знавшие тогда Сталина, отмечали его редкую способность к самообладанию, выдержке и невозмутимости. Он мог спать среди шума, хладнокровно воспринять приговор, стойко

переносить жандармские порядки на этапе. Пожалуй, единственный раз его видели потрясенным, когда скончалась от брюшного тифа его молодая жена, оставившая мужу-скитальцу двухмесячного сына Якова. Мальчика вскормила сердобольная женщина по фамилии Монаселидзе, а Сталин стал еще более черствым.

Находясь с начала 1914 года в своей последней перед революцией ссылке в Туруханском крае вместе с Я.М. Свердловым и другими революционерами, Сталин показал себя нелюдимым и мрачным человеком. В ряде писем из ссылки Свердлов называет Сталина "большим индивидуалистом в обыденной жизни"⁴. Прибыв в ссылку уже членом ЦК партии (там были в то время еще три члена Центрального Комитета — Я.М. Свердлов, С.С. Спандарян и Ф.И. Голощекин), Сталин держал себя замкнуто, сдержанно. Его как будто интересовали лишь охота и рыбалка, к которым он пристрастился. Правда, одно время Сталин хотел заняться изучением эсперанто (один из ссыльных привез учебник), но быстро остыл к этой затее. Его отшельничество нарушали лишь эпизодические поездки к Сурену Спандаряну, жившему в селе Монастырском. На собраниях, которые устраивали ссыльные, Сталин обычно отмалчивался, отделяясь лишь репликами. Складывалось впечатление, что Сталин просто чего-то ждал или уже устал от побегов. Во всяком случае, его общественная пассивность последние два-три года перед революцией поразительна.

Казалось, окрыленный написанием удачной работы "Марксизм и национальный вопрос", завершенной им в январские дни 1913 года в Вене, Сталин свое столь долгое пребывание в ссылке, где он не был обременен какими-либо обязанностями, использует для литературного труда. Ему, видимо, была известна высокая оценка В.И. Лениным его статьи по национальному вопросу⁵. Однако она не вдохновила Сталина на дальнейшее углубленное изучение проблемы. Творческое и общественное бесплодие этих лет, продолжавшееся довольно долгое время, свидетельствует о духовной депрессии ссыльного. За четыре года, при наличии библиотеки, уймы свободного времени Сталин даже не попытался создать что-либо серьезное. Кстати, дважды до этого высылаемый в Сольвычегодск в 1908 и 1910 годах, Джугашвили вел себя так же. Похоже, что не только полная, но и частичная изоляция от революционных центров повергала Сталина (если он не бежал) в состояние пассивного выжидания. Когда он станет могущественным, то это умение выжидать будет уже не пассивным, а тонко рассчитанным.

Обычно ссыльные и арестованные революционеры, как свидетельствуют их воспоминания, очень много читали. Для них тюрьма была своеобразным университетом. Как вспоминал Г.К. Орджоникидзе, в Шлиссельбургской крепости он прочел Адама Смита, Рикардо, Плеханова, Богданова, Джемса, Тейлора, Беккера, Ключевского, Костомарова, Достоевского, Ибсена, Бунина...⁶ Сталин немало читал и всегда удивлялся, как беззубо царский режим борется со своими "могильщиками" — можно было не работать, сколько угодно читать и даже бежать. Для побега из ссылки в основном нужно было лишь желание. Может быть, уже тогда он пришел к выводу, который оглашал впоследствии не раз, что твердая власть должна иметь сильные карательные органы. Став "вождем" и устроив кровавую чистку в государстве, Сталин согласился с предложением Ежова об изменении режима содержания политических заключенных. Именно по его настоянию на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года в резолюции по докладу Ежова был внесен специальный пункт о том, что "тюремный режим для врагов Советской власти (троцкистов, зиновьевцев, эсеров и др.) — нетерпим. Он больше походит на принудительные дома отдыха, чем на тюрьмы. Допускается общение, сношение письмами с волей, получение посылок и т.д."⁷ Меры, разумеется, были приняты. Ни о каких "университетах" для несчастных не могло быть и речи. Люди, попавшие в далекие лагеря во времена единовластия Сталина, вели отчаянную борьбу за свое выживание. Удалось это далеко не всем.

Даже отдельные случаи побегов были событиями, и о них докладывали Сталину. Так, 30 июня 1948 года министр внутренних дел сообщал Сталину и Берии:

"МВД СССР докладывает, что 23 июня с.г. из Обского исправительно-трудового лагеря при Северном железнодорожном строительстве МВД СССР группа заключенных в количестве 33 человек, обезоружив двух охранявших их солдат, захватив две винтовки с 40 патронами, совершила побег вверх по левому берегу Оби...

По состоянию на 29 июня из убежавших 4 убито, задержано 12, остальные преследуются...

*С. Круглов*⁸.

Сталин распорядился выехать на место ответственному лицу и организовать поимку остальных, с обязательным докладом ему по окончании "операции". Его карательные органы были не чета жандармскому управлению царя.

Читая газеты, приходившие с большим опозданием в Туру-

ханский край, в станок Курейка, будущий "вождь" не мог не чувствовать, что назревают большие события. Однако, когда разразилась мировая бойня, последние признаки какой-то общественной активности поселенца прекратились. Невольно складывалось впечатление, что Сталин уже не хотел вырваться из ссылки, хотя сначала и собирался, по двум причинам: из-за трудностей, ожидавших его при нелегальном положении в военное время, а также из-за нежелания попасть в армию в ходе мобилизации. Впрочем, когда в феврале 1917 года призывная комиссия в Красноярске намеревалась поставить Сталина в "строй", он был признан полностью негодным к военной службе из-за физических недостатков (сухой руки и дефекта ноги).

Эти четыре года ссылки, когда в обществе постепенно множились невидимые ручейки социальной напряженности, когда росло недовольство народа империалистической войной, Сталин словно что-то выжидал. Может быть, к нему, уже пожившему человеку, пришло разочарование бесплодностью двух десятилетий революционной деятельности? Или Сталин предчувствовал, что ему скоро предстоит вступить совсем в иной этап жизни и борьбы? А может быть, его коснулось неверие в возможность опрокинуть самодержавие? Никто этого никогда не узнает. Об этом периоде своей жизни Сталин ничего не писал и рассказывал очень мало.

Сталин все четыре года был пассивен, ничего практически не писал, совершенно не проявил себя как член Центрального Комитета партии. Фактическими лидерами в ссылке стали Спандарян и Свердлов. Ссылные группировались вокруг этих двух фигур. Сталин держался особняком, хотя и не скрывал своих сдержанных симпатий к Спандаряну. Неистовому революционеру Сурену Спандаряну не суждено было увидеть зарево революции: он заболел и скончался в ссылке в 1916 году.

Думается, что период длительной духовной депрессии, наблюдавшейся у Сталина в ссылке, был временем его личного выбора, временем раздумья о прожитом и грядущем. Где-то рос его сын, которому он пока ничего не дал и не мог дать. Он мало что знал и о судьбе матери. Ему было уже под сорок, а перспективы его будущего были туманны. У Сталина не было никакой специальности, он ничего не умел делать, практически никогда не работал. К слову сказать, 30 лет нашей партией и страной руководил человек, не имевший никакой профессии, если не считать профессии священника-недоучки. Если, допустим, Скрябин (Молотов) окончил реальное училище, недоучившийся студент Маленков проявил себя в молодости как стара-

тельный технический секретарь аппарата, а Каганович был неплохим сапожником, то Сталин даже сапожником, как его отец, не был. Полицейские в графе анкеты "Знает ли мастерство (профессия)" делали прочерк или писали "конторщик". Сам Сталин, заполняя анкеты накануне партийных съездов и конференций, испытывал затруднение при ответе на вопросы о роде занятий и социальном происхождении. Например, в анкете делегата XI съезда РКП(б), в котором он участвовал с совещательным голосом, на вопрос: "К какой социальной группе себя причисляете (рабочий, крестьянин, служащий)?" — Сталин не решился что-либо ответить, оставив графу чистой⁹.

Будущий генсек, являясь профессиональным революционером, знал жизнь рабочего, крестьянина, служащего хуже, чем, допустим, ссыльного или заключенного. Возможно, это было неизбежно в тех условиях, но вместе с тем явилось устойчивой чертой его личности: Сталин знал о жизни трудящихся как будто много, но... со стороны, поверхностно. Правда, придет время, он все будет "знать и уметь". Туруханское долгое молчание, возможно, было своеобразной "ревизией" уже немалой по срокам жизни. Все говорило за то, что сходить с революционной тропы Сталину было поздно. Сообщения о росте антивоенных настроений и новом подъеме революционного движения в Петрограде постепенно вернули Сталину уверенность в себе, привели поселенца в былую "боевую" форму.

Правда, имеются и иные свидетельства об этом периоде биографии Сталина. Например, в брошюре старой большевички Веры Швейцер "Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщика", написанной в 1939 году, утверждается, что Сталин с началом империалистической войны был активен и тут же выступил со специальным письмом, осуждающим "оборончество". Мол, интернациональная позиция, как утверждалось автором книги, была занята им быстро. Однако это письмо не только не сохранилось, но о нем никогда не вспоминал и не слышал никто из тех, кто нес тогда свой крест в далеком Туруханском крае. В. Швейцер, правдиво описав жизнь, был ссыльных, едва ли была volna так же писать о Сталине в разгар кровавых чисток. Она пишет, например, что "тезисы Ленина подтвердили его (Сталина. — Прим. Д.В.) установку по вопросу о войне", что, мол, уже в то время Сталин в беседах с товарищами предупреждал, что Каменеву нельзя доверять, что он "способен предать революцию", что "Сталин переводил в ссылке книгу Розы Люксембург на русский язык", что все время "товарищ Сталин напряженно работал", жил "одними думами,

одними стремлениями с Владимиром Ильичем" и т.д.¹⁰ Апологетический характер подобных свидетельств очевиден. Но в те годы о Сталине и не могли появиться объективные работы – в этом не приходится сомневаться.

Копаясь в архивах, анализируя воспоминания, свидетельства находившихся в туруханской ссылке (а в конце концов там подобралась "солидная компания": Голощекин, Каменев, Свердлов, Спандарян, Сталин, Петровский), приходишь к выводу, что четыре года накануне Октябрьской революции были самыми пассивными в жизни Сталина. Полярные ветры и сибирские холода в снежной пустыне словно "заморозили" у Сталина интеллектуальные центры социальной и общественной активности. Могло бы показаться просто невероятным и диким предположение, что человек со свалывшейся шевелюрой, долгие годы лежавший на убогом топчане и думавший о чем-то своем под вой нескончаемой пурги, через несколько лет возглавит могущественную партию огромного государства. Сталин ждал, регистрировал события, обдумывал линию своей жизни на будущее. Кто знает, что пробегало у него перед глазами в калейдоскопе его воспоминаний: Таммерфорс, Батумская тюрьма, Вологда, квартира Аллилуева или его малепький сыпишка, которого он не видел столько лет? Человеческие мысли, если они не материализуются в делах, поступках, свершениях, похожи на бесконечную игру облаков. Их эфемерность неуловима и неповторима. О чем думал в эти годы будущий "вождь", пятагивая до подбородка собачью доху, готовясь заснуть?

Рассматривая Сталина "анфас и профиль" накануне революции через призму современного знания, нельзя не упомянуть об устойчивой репутации "экспроприатора", долго державшейся за будущим генсеком.

В начале века среди некоторых радикалов в рабочем движении были распространены взгляды о "допустимости" экспроприаций в "интересах революционного движения". В письменных свидетельствах Дана, Мартова, Суварина, ряда других современников Сталина указывается, что "кавказский боевик Джугашвили" причастен к некоторым экспроприациям если не непосредственно, то как один из организаторов. В частности, Мартов утверждал, что знаменитое по дерзости нападение 1907 года в Тифлисе на казачий конвой, сопровождавший экипаж с деньгами, "не обошлось без Сталина". Было "экспроприровано" около 300 тысяч рублей. По этому поводу Мартов писал: "Кавказские большевики примазывались к разного рода удачным предприятиям экспроприаторского рода; это известно и

т. Сталину, который в свое время был исключен из партийной организации за прикосновенность к экспроприации"¹¹.

Известно, что Сталин настойчиво пытался привлечь Мартова к ответственности за клевету. Выступая, однако, по поводу заявления Мартова, Сталин делал акцент на том, что он никогда не исключался из партийной организации, обходя вопрос о своем непосредственном участии в акциях экспроприаторов. Косвенное подтверждение своего участия в экспроприациях Сталин дал и в беседе с Э. Людвигом. Тот, в частности, спросил его:

— В Вашей биографии имеются моменты, так сказать, "разбойных" выступлений. Интересовались ли Вы личностью Степана Разина? Каково Ваше отношение к нему как "идейному разбойнику"?

— Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев, и др.¹²

Рассуждая и дальше об этих крестьянских вождях, Сталин ни словом не обмолвился о собственных "разбойных" выступлениях, сознательно уйдя от какого-либо ответа на этот вопрос. Годы участия в революционной деятельности, хотя и на региональном уровне, романтический ореол "экспроприатора", прошедшего этапы, тюрьмы, сибирские ссылки, исподволь создавали Сталину репутацию "боевика", практика, человека дела. Скорее всего, такая характеристика близка к действительности с учетом, однако, его пассивности во время последней ссылки.

Конечно, на становление Сталина как марксиста большое влияние оказал В.И. Ленин. Известно его первое письмо, написанное в декабре 1903 года Сталину в Иркутскую губернию, село Новая Уда, где тот находился в ссылке. Владимир Ильич, очень внимательно присматривавшийся к революционерам с национальных окраин, заметил И. Джугашвили по ряду небольших публикаций в партийной печати и рассказам товарищей. В своем письме он разъяснял Джугашвили некоторые насущные проблемы партийной работы. Первый раз об этом письме И.В. Сталин публично вспомнил на вечере кремлевских курсантов в конце января 1924 года, посвященном памяти В.И. Ленина. Глухим, невыразительным голосом Сталин рассказывал о своих встречах с Лениным:

"Впервые я познакомился с Лениным в 1903 году. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и за-

мечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период... Это простое и смелое письмецо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии. Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению"¹³.

Сталин не мог пожаловаться на невнимательность Ленина к себе. Когда он находился накануне революции в Сибири, на заседании ЦК РСДРП(б), проходившем под руководством Ленина, обсуждался специальный вопрос об организации побега из ссылки Я.М. Свердлова и И.В. Сталина¹⁴. Несколько раньше Владимир Ильич высылает Сталину в Туруханскую ссылку 120 франков¹⁵. Ленин внимательно отнесся к письму Сталина из ссылки, в котором ставился вопрос о возможности издания статьи о "культурно-национальной автономии" и брошюры "Марксизм и национальный вопрос" в виде отдельного сборника¹⁶.

До 1917 года состоялось несколько встреч Сталина с Лениным. Из них наиболее продолжительной была встреча в Кракове. Имели место контакты Сталина с Лениным и ранее — во время IV съезда партии в Стокгольме, V съезда в Лондоне. Однако позже Сталин эти встречи стал рассматривать иначе. Уже в 1931 году он заявлял: "Всегда, когда я к нему приезжал за границу — в 1906, 1907, 1912, 1913 годах..."¹⁷ Выходит, Сталин отправлялся не на съезды и совещания, а "ездил к Ленину". Такое смещение биографических акцентов впоследствии "работало" на концепцию "двух вождей", создание мифа об особых отношениях Сталина с Лениным еще до революции. Правда, Сталин в своих утверждениях о близких отношениях с Владимиром Ильичем проявлял привычную для него осторожность. Вот пример.

Незадолго до начала войны на имя Поскребышева пришло письмо следующего содержания.

"Тов. Поскребышеву.

Прошу согласовать вопрос о возможности опубликования в печати информации: "Музей революции к ленинским дням".

Ответственный руководитель ТАСС

Я.Хавинсон

5 января 1940 г."

К письму был приложен документ для "согласования".

"В.И. Ленину, через Крупскую, в Краков, 7 марта 1912 г.

Транспорт литературы около двух пудов привезли. Средств

у нас нет ни копейки. Сообщите куда следует, пусть посылают смену людей или шлот денег...

С товарищеским приветом *Чижиков*".

Сталин ниже, на документе, резюмировал:

"Письмо Чижикова — не мое письмо, хотя я и ходил одно время под фамилией Чижикова.

И. Сталин"¹⁸.

Сталин мог бы добавить, что он "ходил" не только под фамилией Чижикова, но и Ивановича, Чопура, Гиладшвили. В данном случае то ли кому-то "передали" фамилию Чижикова, то ли Сталин посчитал, что такое письмо его не "поднимает", но ясно одно: "вождь" не захотел хотя бы временно, хотя бы мысленно вернуться в прошлое. Даже в связи с Лениным.

Из искусства дореволюционной конспирации Сталин вынес немалое умение перевоплощаться. Он был одним на Политбюро, другим — выступая на съезде, третьим — беседуя со станхановцами. Не все могли сразу заметить эти перемены, но они были. Сталин в узком кругу мог быть более жестким, нежели "являясь народу". Об этом свидетельствуют люди, долго работавшие рядом с генсеком. В жизни все мы играем свои социальные роли. Хорошо или плохо. Понимаем это или не понимаем. Многие естественны в этой роли: труженика, матери, отца, учителя, сына, дочери. Самые искренние "актеры" — дети. Однако многие из тех, кто находится на высоких этажах социальной иерархии, именно играют свои роли. Порой фальшиво. Иногда естественно. Но... играют. Может быть, потому, что человек, находясь на вершине, попадает в поле зрения многих, замечающих даже мелочи. А власть человека над другими людьми всегда зависит не только от силы, но и от впечатления, "видимости" образа, привлекательности или непривлекательности руководителя. Находясь в Курейке, Сталин еще не думал об этом. Он все поймет позже. Тем более что до революции мало кто внимательно приглядывался к Сталину. В его невнушительной фигуре, тихой речи, вкрадчивых манерах никто не мог бы усмотреть будущего диктатора.

Работа Сталина в Баку, Кутаиси и Тифлисе показала наличие у Кобы неплохих организаторских способностей. Но уже тогда проникающие подпольщики заместили, что Сталин смотрит на партийные организации как на аппарат, механизм, машину реализации тех или иных решений. Большевики А.С. Енукидзе, П.А. Джапаридзе, С.Г. Шаумян, например, были более известны среди рабочих, чем Джугашвили. Не уступая им в марксистской подготовке, опыте подпольной деятельнос-

ти, Джугашвили заметно отставал от этих признанных лидеров Закавказья в личной популярности. У него еще не было аппарата, который появится позже, чтобы настойчиво создавать эту популярность.

Подходил конец не только ссылки Сталина. Катилась к финалу и династия Романовых. Еще немногие могли предположить, что многовековое здание самодержавия менее чем через год рухнет и станет ареной ожесточенной борьбы двух начал: нового, революционного, и старого, консервативного. Свою роль в этой борьбе сыграет и человек, чьи анфас и профиль в России были пока совершенно незнакомы.

Февральский пролог

Могут ли быть "сигналы" из будущего? Кто скажет? Может быть, это возможно только в легендах, мифах, пророчествах, предсказаниях? Скупые вести, докатывавшиеся до Курейки, будоражили воображение, вызывали жаркие споры, отдавались упругими ударами сердца и покалыванием в висках. Сталин как-то сразу почувствовал приближение из-за горизонта будущего, которое виделось ему в контурах смутной надежды. Ведь только революция могла изменить положение ссыльного. В обычной жизни он обречен на прозябание. Ни профессии, ни дома. А самое страшное для человека — когда его нигде не ждут. Революционные толчки встряхнули Сталина. Она, эта надежда, росла, отодвигая куда-то в глубь стылых снежных равнин неверие, сомнения, колебания. Пожалуй, и сама жизнь есть вечная надежда. Как только она умирает, человеку уже нечего делать на этой земле.

Возможно, в канун нового, 1917 года Сталин чувствовал, что скоро вновь окажется в городе на Неве, где он так нелепо был схвачен охранкой четыре года тому назад на вечеринке, устроенной Петербургским комитетом большевиков в зале Калашниковской биржи. Ссылные рвались на волю, где зрели бурные события.

Угрюмый грузин, хотя и был уже с 1912 года членом Центрального Комитета партии, кооптированным в его состав Пражской конференцией РСДРП(б), так и не стал среди ссыльных популярной личностью. Правда, он довольно близко сошелся с Каменевым. На одной из фотографий, сделанной в Мо-

настырском, Сталин — рядом с ним, своим будущим союзником, а затем и противником. По своему характеру Сталин всегда был замкнут и малодоступен. Едва ли перед кем-нибудь он был готов открыть душу и пойти на тесные дружеские контакты. Его не привлекала пестрая община ссыльных с ее ожиданиями, обсуждениями писем, вестей с воли, семейными заботами, многочисленными спорами и проектами о бесклассовом обществе, полном справедливости, священном равенстве... Ему был чужд, как тогда говорили, "аристократизм духа"; не случайно уже после Октября он однажды назвал себя "чернорабочим революции". В глазах тех, кто его знал тогда, Сталин выглядел "боевиком", практиком подполья, но без большого полета мысли и фантазии.

Пожалуй, любимой литературой большевиков того времени были книги о Великой французской буржуазной революции XVIII века, Парижской коммуне. День 14 июля, Бастилия, Версаль, "Декларация прав человека и гражданина", якобинцы, клуб кордельеров, Конвент, гильотинирование Людовика XVI и Марии-Антуанетты, диктатура, Робеспьер, Дантон, 9 термидора... Сталин долгими зимними вечерами при скудных бликах свечи поглощал страницу за страницей зачитанной донельзя книги А. Олара "Политическая история французской революции...", которую ему дал Свердлов. Вживаясь в образы, атмосферу, накал страстей давно ушедшего времени, Сталин впервые постигал тайны "той" революции. До этого он почти ничего не читал о ней. Революция представляла пред ним то безжалостной фурией, то грозным социальным шквалом, сметающим все на своем пути. Сталин почти физически ощутил трагические последствия нерешительности Робеспьера, когда заговор был раскрыт. Нет, он бы медлить и колебаться не стал...

Пока Курейка цепко, словно приморозив, держала ссыльных, в России зрели невиданные доселе события. Молох первой мировой войны уже тридцать месяцев собирал свою кровавую жатву. Залитые грязью и кровью окопы, газовые атаки, застывшие серые пятна солдатских фигур на колючей проволоке были далеко от Сталина. Но из редких сообщений он знал, что в стране резко упало промышленное производство, наступал голод, быстро росло недовольство народных масс. Война до предела обострила кризис Российской империи. Назревал революционный взрыв.

Буржуазия надеялась найти выход в монархических рокировках, попытках утвердить демократию западного типа. Министерская чехарда лишь усугубляла положение режима. За три

года войны сменилось четыре председателя Совета Министров, десятки других руководителей государственных ведомств. А дела на фронте шли все хуже. Об уровне руководства войсками можно судить, в частности, по такому примеру. Военный министр генерал А.А. Поливанов телеграфировал с фронта в царский дворец: "Уповаю на пространства непроходимые, на грязь невылазную и на милость угодника Николая, покровителя Святой Руси".

Николай II, при всей его заурядности, долго и довольно умело лавировал, искал компромиссы, готов был идти на частичные уступки буржуазии, лишь бы сохранить монархию. Но роковой час для нее уже пробил. Председатель последней Думы лидер октябристов М.В. Родзянко за три недели до краха самодержавия сказал царю: "Вокруг Вас, государь, не осталось ни одного надежного и честного человека: все лучшие удалены или ушли, остались только те, которые пользуются дурной славой". Председатель Думы уговаривал, умолял царя "даровать народу конституцию", чтобы спасти престол¹⁹. Но спасти его уже ничто не могло.

Мы снова идем к революции, писал В.И. Ленин, анализируя политическую ситуацию в стране, чутко прислушиваясь в далекой Швейцарии к нарастающему, как во время землетрясения, гулу грядущей революции. Первым и центральным актом февральского пролога явилось крушение самодержавия. Ссылные, среди которых был и Сталин, верившие в возможность этого крушения, не думали, что оно произойдет так быстро. Сталин, обращаясь к урокам революции 1905 года, вспоминая детали недавно прочитанной книги о Великой французской революции, понимал, что в ближайшее время должно случиться то, чем оправдывалось само существование их как профессиональных революционеров.

Один из контрреволюционных деятелей того времени В.В. Шульгин, проживший почти вековую жизнь, в своих известных мемуарах "Дни" вспоминал подробности этого акта. Когда они с А.И. Гучковым по поручению Временного Комитета Государственной думы прибыли 2 марта 1917 года в Псков для принятия отречения царя от престола, то надеялись еще спасти монархию. "Император, — пишет Шульгин, — как всегда, был спокоен. После сбивчивой речи Гучкова Николай монотонным голосом, не выдавая своих эмоций, сухо произнес:

— Я принял решение отречься от престола. До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына,

Алексея... Но к этому времени я переменил решение в пользу брата Михаила...”

Сделаем, однако, одно отступление.

В это время группа ссыльных из Монастырского, Курейки уже находилась в Красноярске, Канске, Ачинске. Сталин с Каменевым были в Ачинске. Известие об отречении Николая в пользу Михаила и об отказе последнего принять корону встретила восторженно. Телеграмму с поздравлениями Михаилу “за его великодушие и гражданственность” неожиданно для Сталина подписал и Каменев. Спустя девять лет этот факт всплыл на поверхность на заседании Исполкома Коминтерна (ИККИ). Сталин постарался “монархическую слабость” Каменева максимально использовать. Его выступление высвечивает и как бы приближает то далекое время февраля — марта 1917 года.

“Дело происходило в городе Ачинске в 1917 году, — необычно возбужденно начал Сталин, — после февральской революции, где я был ссыльным вместе с тов. Каменевым. Был банкет или митинг, я не помню хорошо, и вот на этом собрании несколько граждан вместе с тов. Каменевым послали телеграмму на имя Михаила Романова... (Каменев закричал с места: “Признайся, что лжешь, признайся, что лжешь!”) Молчите, Каменев. (Каменев вновь закричал: “Признаешь, что лжешь?”) Каменев, молчите, а то будет хуже. (Председательствующий Э.Тельман призывает к порядку Каменева.) Телеграмма на имя Романова как первого гражданина России была послана несколькими купцами и тов. Каменевым. Я узнал на другой день об этом от самого т. Каменева, который зашел ко мне и сказал, что допустил глупость (Каменев вновь с места: “Врешь, никогда тебе ничего подобного не говорил”). Телеграмма была напечатана во всех газетах, кроме большевистских. Вот факт первый.

Второй факт. В апреле была у нас партконференция и делегаты подняли вопрос о том, что такого человека, как Каменев, из-за этой телеграммы ни в коем случае выбирать в ЦК нельзя. Дважды были устроены закрытые заседания большевиков, где Ленин отстаивал т. Каменева и с трудом отстоял как кандидата в члены ЦК. Только Ленин мог спасти Каменева. Я также отстаивал тогда Каменева.

И третий факт. Совершенно правильно, что “Правда” присоединилась тогда к тексту опровержения, которое опубликовал т. Каменев, т.к. это было единственное средство спасти Каменева и уберечь партию от ударов со стороны врагов. Поэто-

му вы видите, что Каменев способен на то, чтобы солгать и обмануть Коминтерн.

Еще два слова. Так как тов. Каменев здесь пытается уже слабее опровергать то, что является фактом, вы мне разрешите собрать подписи участников Апрельской конференции, тех, кто настаивал на исключении тов. Каменева из ЦК из-за этой телеграммы. (*Троцкий с места: "Только не хватает подписи Ленина"*.) Тов. Троцкий, молчали бы вы! (*Троцкий вновь: "Не пугайте, не пугайте..."*) Вы идете против правды, а правды вы должны бояться. (*Троцкий с места: "Это сталинская правда, это грубость и неloyальность"*.) Я соберу подписи, т.к. телеграмма была подписана Каменевым...²⁰

Мы забежали по времени вперед. Но здесь приведен спор, касающийся событий начала 1917 года. Даже Каменев, считавший себя ортодоксальным марксистом, видел тогда признак революционного достижения в "великодушии Михаила". Это сегодня нам "все ясно" о том далеком уже времени. А тогда маневры царя, буржуазии были способны ставить в тупик и некоторых членов ЦК партии...

Вернемся вновь к мемуарам Шульгина. Отречение царя от престола он выразил патетической фразой:

— В тот момент я как бы услышал, как жалобно зазвенел трехсотлетний металл, ударившись о грязную мостовую. Петропавловский собор резал небо острой иглой. Заревом было кроваво.

В течение нескольких дней, продолжал Шульгин, я присутствовал при отречении двух государей (имея в виду и Михаила). Было впечатление, что все мы взойшли на эшафот. На совещании членов комитета Государственной думы Милоков и Гучков просили великого князя Михаила Александровича, молодого, высокого, худого, принять престол...

После получасового размышления в соседней комнате великий князь вошел, остановился посредине комнаты и сказал:

— При этих условиях я не могу принять престола, потому что...

Он не договорил, потому что... заплакал. Так мелодраматически пресеклась династическая линия Романовых. Шульгин с ядовитым сарказмом добавляет, всхлипывая вместе с царем-однодневкой:

— Россия теперь и не монархия, но и не республика... Государственное образование без названия. А все началось еврейским погромом и кончилось разгромом трехсотлетней династии...²¹

Патетика Шульгина не была просто тоской по минувшему. "Бывшие" еще многое сделают, чтобы всплыли на поверхность Краснов, Корнилов, Врангель, чтобы возникли Добровольческая армия, многочисленные войска интервентов. В своих "Очерках русской смуты" А.И. Деникин вспоминал, что такие монархисты, как генерал Крымов, предлагали "расчистить Петроград силой оружия и, конечно, с кровопролитием". Жаль, вздыхал Деникин, что не прислушались вовремя к таким советам: "Слишком долго мы внимали пасхальному перезвону вместо того, чтобы сразу ударить в набат"²². Однако последние два февральских дня 1917 года перечеркнули их последние надежды остановить революцию. Генерал Хабалов окончательно утратил власть над частями, распропагандированными большевиками. В ночь на 28 февраля министры последнего царского правительства оказались в Петропавловской крепости в роли арестованных. Февральская буржуазно-демократическая революция в России победила. То был пролог Великого Октября.

На далеких окраинах тысячи политических ссыльных еще до получения официальных бумаг готовились к отъезду в Петроград, Москву, Киев, Одессу, Тифлис, Баку, другие революционные центры. Если у истории есть высота птичьего полета, то она своими бесстрастными глазами могла видеть, как революционеры — жрецы "праздника угнетенных" со всех концов необъятной России устремились туда, где уже запылал факел освобождения. Сталин с группой таких же бывших ссыльных, добыв билеты в вагон третьего класса, жадно смотрел на огромные заснеженные пространства Сибири, пробегавшие за окном. Он не мог знать, что немногим более чем через десять лет побывает здесь, но уже не в качестве безвестного "чернорабочего революции", а как вождь партии, быстро набирающий силу. Выскакивая на станциях за кипятком, Сталин не мог и предположить, что уже через год-полтора на этой земле, как когда-то в Бретани, Тулоне, Вандее, вспыхнут кровавые мятежи. Сталин еще не знал, что его ждет в Петрограде, чем он будет конкретно заниматься, кого из руководителей партии повстречает. Уныние и тоска остались на берегу закованного в ледовый панцирь Енисея. Вскоре водоворот социальных и политических событий захватит его целиком, вначале скроет под волнами и пеной революции, а затем неожиданно выбросит в самом ее эпицентре.

На подъезде к Уралу и последующих станциях ссыльных (а они находились почти в каждом поезде) шумно встречали на вокзалах. На митингах звучала "Марсельеза", лились речи, все

казалось радужным. Говорили красноречивый Каменев, энергичный Свердлов, другие попутчики. Сталин молча смотрел на эту неожиданный эйфорию. Почему-то вспомнились недавно прочитанные слова Максимилиана Робеспьера: "...если не поднимется весь народ целиком, свобода погибнет..."²³ Поднимется ли? Сталин ответить на этот вопрос не мог. Надеялся, что Петроград прояснит ситуацию.

К этому моменту волна буржуазной демократии поднялась весьма высоко. Мелкая буржуазия, примыкая то к "полевешим" капиталистам, то к пролетариату, все больше раскачивала лодку государственности. Нарастали настроения реформизма. Казалось, главное сделано — самодержавие рухнуло. "Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, — писал В.И. Ленин, — подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно..."²⁴ Гигантский социальный маятник колебаний справа налево и слева направо отражал существование двух диктатур. В этом заключалось исключительное своеобразие момента, не вписывающееся в прокрустово ложе классических схем буржуазно-демократических революций. Политическим выражением этого уникального своеобразия стало двоевластие. В одном и том же дворце, Таврическом, бурно заседали два органа власти. В одном крыле дворца было, по выражению Милюкова, "играло власть" — Временный комитет Государственной думы. Здесь тон задавала "левая" буржуазия — кадеты. В другом крыле дворца разместился Петроградский Совет как орган революционной власти. Во главе Совета стали меньшевики Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелев, трудовик А.Ф. Керенский. В составе Исполкома Совета большевики были в меньшинстве. И это не случайно, ибо меньшевики, находившиеся до Февраля на легальном положении, активно использовали свои возможности. А в их рядах были многие видные интеллигенты, пропагандисты и теоретики научного социализма. В то же время Ленин, признанный вождь партии большевиков, находился еще в эмиграции; Бубнов, Дзержинский, Муранов, Рудзутак, Орджоникидзе, Свердлов, Сталин, Стасова, другие члены партийного руководства были в ссылке, тюрьмах, на каторге и только должны были вернуться.

Меньшевистский состав Совета в согласии с думцами одобрил передачу исполнительной государственной власти буржуазии в лице Временного правительства. Церетели и Керенский на все лады распевали тезис, что "новое революционное правительство будет работать под контролем Совета", что такова "воля истории". Демагогия, пафос перемен, революционная

фраза повернули общественное сознание в сторону поддержки Временного правительства. Сталина, как и многих, несло потоком событий.

Керенский, все делая для победы буржуазии, на всякий случай хотел сохранить и представителей династии. В одной из своих статей, написанной уже в эмиграции, — "Отъезд Николая II в Тобольск" — исторический временщик, вознесенный на миг событиями на самую вершину буржуазной траектории, писал: "Вопреки сплетням и инсинуациям, Временное правительство не только могло, но и решило еще в самом начале марта отправить царскую семью за границу. Я сам 7(20) марта на заседании Московского Совета, отвечая на яростные крики: "Смерть царю, казнить царя", сказал:

— Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу, в Англию. Я сам доведу его до Мурманска.

Мое заявление вызвало, — писал Керенский, — в советских кругах обеих столиц взрыв возмущения... однако уже летом, когда оставление царской семьи в Царском Селе сделалось совершенно невозможным, мы, Временное правительство, получили категорическое официальное заявление (из Англии. — *Прим. Д.В.*) о том, что до окончания войны въезд бывшего монарха и его семьи в пределы Британской империи невозможен²⁵. Тогда-то и отправили царя с семьей в Тобольск. Решая попутно такие задачи, Временное правительство пыталось любой ценой набросить на революцию смирительную рубашку. Стремясь сохранить власть, как говорил тот же Керенский, буржуазия была намерена дать "наговориться народу".

Революция в этот момент, как заметил В.И. Ленин, завершила свой первый этап. Двоевластие усыпляло бдительность. Официально вроде бы вся власть принадлежала Временному правительству, державшему в руках старый аппарат государства, а рядом гудел в калейдоскопе революционных будней Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Сожитествовали две диктатуры рядом; ни одна пока не обладала полной властью, ни одна пока не могла лишить другую ее атрибутов. Но двоевластие как социальная двусмысленность не могло затормозить революционное творчество масс. Например, 2 марта 1917 года в "Известиях" был опубликован знаменитый приказ № 1. Он провозгласил введение демократических начал в армии: выборность комитетов в частях, отмену воен-

ных чинов и титулов, поддержку распоряжений властей лишь в случае одобрения Советами, необходимость соблюдения революционной дисциплины, уравнивание солдат и офицеров в гражданских правах. Глаза Сталина жадно разглядывали калейдоскоп событий. У него уже было свое место в них, но будущее выглядело туманным.

Все это, повторюсь, происходило до приезда многих революционеров в Петроград. Ленин еще только готовился прорваться в мятежную Россию, Троцкий придет в город на Неве в начале мая, еще не зная окончательно, с кем он будет — с меньшевиками или большевиками. Меньшевики и эсеры доминировали в Петроградском Совете. С их помощью начало бесславно функционировать правительство "десяти капиталистов и шести социалистов". Керенский, Церетели, Чернов, Скобелев и другие заботились лишь об одном: как бы не допустить выхода "революционной энергии из-под контроля".

Все эти особенности и нюансы политической обстановки были пока незнакомы Сталину. Вглядываясь своими "впалыми карими глазами с желтизной" в пробегающие убогие деревеньки, разбросанные на гигантской равнине крестьянской страны, Сталин "ехал в революцию". Где остановиться — вопроса не было — у Аллилуевых. В течение этих долгих лет, если и получал он от кого-нибудь регулярно письма, то, видимо, лишь от Сергея Яковлевича Аллилуева, своего будущего тестя, большевика, вошедшего в нашу историю прежде всего тем, что в драматические дни июля 1917 года укрывал у себя В.И. Ленина от преследований Временного правительства.

Революции совершаются не партиями. "Не Государственная Дума — Дума помещиков и богачей, — а *восставшие рабочие и солдаты низвергли царя*"²⁶, — писал в марте В.И. Ленин. Но во главе этих восставших должна быть их партия. Все помыслы Ленина были в России, где, как он понимал, мало было устроить тризну на месте останков самодержавия. Нужно было идти дальше, непременно дальше!

Особую роль до приезда В.И. Ленина сыграло Русское бюро ЦК, в которое в марте были кооптированы новые лица, и среди них И.В. Сталин. Бюро утвердило состав редакции "Правды", в которую он также вошел. Возобновление выхода пролетарской газеты имело огромное мобилизующее значение.

Как проявил себя Сталин в Февральской, а затем и в Октябрьской революциях? Какова была его подлинная роль? Кем он был в революции — лидером, аутсайдером, статистом? Анализ партийных документов, других материалов, свиде-

тельств участников событий позволяет ответить на этот вопрос.

Долгое время освещение роли Сталина в революции было выдуманным, фальшивым. В "Краткой биографии" утверждалось, что "в этот ответственный период Сталин сплачивает партию на борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Сталин совместно с Молотовым руководит деятельностью Центрального Комитета и Петербургского комитета большевиков. В статьях Сталина большевики получают принципиальные руководящие указания для своей работы"²⁷. Сказано как о вожде, лидере революции, как будто заменившем на этот период Ленина. Как свидетельствуют исторические хроники, оснований для такого вывода не было. Он чрезвычайно далек от правды. Никаких "руководящих указаний" Сталин не давал. Приехав в Петроград, он стал одним из многих партийных функционеров. В документах этого периода редко-редко можно встретить фамилию Сталина в списке определенной группы лиц, исполнявших задания Центрального Комитета партии. Да, Сталин входил в высокие политические органы, но ни в одном из них в эти месяцы он не заявил о себе громко. Его почти никто не знал, кроме узкого круга лиц. Это был незаметный человек, "представитель нацокраин". У него абсолютно не было популярности. Такова правда.

Л.Д. Троцкий, быстро ставший популярным после своего приезда, описывая этот период деятельности Сталина в своей книге "Февральская революция", отмечал, что "положение в партии еще больше осложнилось к середине марта, после прибытия из ссылки Каменева и Сталина, которые круто повернули руль официальной партийной политики вправо". Троцкий рассуждает, что если Каменев, в течение ряда лет оставаясь с Лениным в эмиграции, где находился главный очаг теоретической работы партии, вырос как публицист и оратор, то Сталин, так называемый "практик" без должного "теоретического кругозора, без широких политических интересов и без знания иностранных языков, был неотделим от русской почвы". "Фракция Каменева — Сталина все больше превращалась в левый фланг так называемой революционной демократии и приобщалась к механике парламентарно-закулисного "давления" на буржуазию..."²⁸ Троцкий обвиняет в своей книге Сталина в оборончестве, что не всегда соответствовало действительности, но нельзя не уловить в его рассуждениях верные нотки об отсутствии масштабности дооктябрьского мышления Сталина,

что порой вело к узкому практицизму, ограниченному рамками лишь ближайшей перспективы.

Февраль не застал Сталина полностью врасплох. Несмотря на длительный период депрессии, он верил, что революция неизбежна. Именно верил, ибо для него истина была неотделима от веры в нее. Если истина не облекалась в одеяние веры, она для Сталина была неполноценной. В этом, может быть, и нет ничего негативного, но здесь всегда таится опасность проявления догматического мышления. Сталину вера в программы, курсы, решения, "линии" всегда помогала сохранять твердость и уверенность в правильности своих действий. Быть или не быть революции зависело не от него. Но что она будет, в этом он никогда не сомневался. Трясаясь в холодном вагоне от Ачинска до Петрограда в начале марта 1917 года, Сталин оценивал факт падения самодержавия как революционную неизбежность. Он, вероятно, верил, что этот исторический акт произойдет еще при его жизни. Но неожиданно почувствовал, что у дела, которому посвятил всю свою жизнь, как и у его личной судьбы, есть не просто исторический шанс, а нечто большее.

На вторых ролях

12 марта Сталин был уже в Петрограде. Ни его, ни Каменева, ни Муранова, приехавших одним поездом, никто не встречал. Петроград был занят своими революционными заботами. Незаметный приезд будущего "вождя" соответствовал его реальному положению. Взяв в руки свой фанерный сундучок, Сталин отправился к Аллилуевым. Его приняли тепло, как своего. В тот же день он встретился с рядом членов ЦК. Вечером его ввели в состав Русского бюро Центрального Комитета и в состав редакции "Правды". После безмолвия Курейки Сталин никак не мог привыкнуть к шуму и толчее революционных будней. Фактически с середины марта руководство "Правдой" было возложено на Каменева, Муранова и Сталина. И уже в первые дни их работы газета допустила целый ряд заметных теоретических и политических "сбоев". Они не случайны. Сталин не обладал сильным самостоятельным мышлением, четкой позицией, ясным пониманием сложнейшей диалектики предоктябрьской грозы. Он привык исполнять ука-

заявляя и проводить "линию". А здесь решения нужно было принимать самому. Сначала этот "сбой" выразился в одобрении Сталиным публикации статьи Каменева "Временное правительство и революционная социал-демократия". Камснев прямо утверждал, что партия должна оказывать поддержку Временному правительству, ибо оно "действительно борется с остатками старого режима". Это явно противоречило ленинским установкам.

Буквально на следующий день Каменев, отличавшийся "скорописью", опубликовал еще одну статью — "Без тайной дипломатии", в которой фактически стал на позиции "революционного оборончества". Поскольку германская армия ведет войну, революционный народ будет, писал Каменев, "стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд — снарядом. Это непреложно"²⁹. Подобные полуменьшевистские воззрения Каменева не встретили тогда отпора со стороны Сталина, который еще слабо разбирался в хитросплетениях большой политики. Это проявилось, в частности, и в том, что уже на следующий день после публикации материала Каменева Сталин сам допустил политическую ошибку в статье "О войне". Написанная в целом с антивоенных позиций, она тем не менее шла вразрез с ленинскими установками. Выход из империалистической войны Сталин видел в "давлении на Временное правительство с требованием изъяснения им своего согласия немедленно открыть мирные переговоры"³⁰.

Справедливости ради следует сказать, что позднее, в 1924 году, в своем выступлении на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС, Сталин публично признает свою ошибку. Характеризуя свою позицию по отношению к Временному правительству в вопросе о мире, он скажет, что "это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс"³¹. И прибавляет, что эту позицию занимала вся партия, хотя были партийные организации, взявшие верный тон. Забегая вперед, скажу, что если в 20-е годы еще были отдельные публичные признания Сталиным своих промахов, ошибок, то позже, по мере того как он становился "непогрешимым", о них не могло быть и речи.

Не без влияния Сталина Бюро ЦК через неделю после публикации статьи "О войне" приняло резолюцию "О войне и мире", в которой сохранялась идея "давления" на Временное правительство в целях начала мирных переговоров. В отсутствие Ленина в "Правде" было сильно влияние Каменева. Он ока-

зался настоящим "героем" межвременья. Оборонческие, меньшевистские тенденции в марте не без его усилий заметно окрепли. Сталин противостоять еще ему не мог в силу своего ограниченного влияния и авторитета. Даже в отсутствие Ленина, других видных большевиков, когда нужно было энергичное сплочение партии, вышедшей из подполья, Сталин не смог проявить себя как лидер. Свердлов, Каменев, Шляпников были более заметны в той сложной обстановке уточнения политических ориентиров, определения тактических маршрутов движения партии.

Думаю, что Сталин не мог в то время и помышлять о том, что провозгласит Ленин менее чем через месяц: курс на социалистическую революцию. В тех революционных маневрах, которыми Сталин был захвачен в марте, ему виделась уже достигнутая цель. В эти мартовские дни исключительно остро чувствовалось отсутствие Ленина. На усредненном уровне интеллекта и революционной страсти решать сверхзадачи невозможно. А подняться выше этого уровня приехавший из Курейки Сталин не мог. В это время один из меньшевистских лидеров и теоретиков, небезызвестный Н.Н. Суханов (Гиммер), писал в своих воспоминаниях: "Сталин на политической арене был не более как серым, тусклым пятном". Другие члены Бюро — П.А. Залуцкий, В.М. Молотов, А.Г. Шляпников, М.И. Калинин, М.С. Ольминский — также не смогли в ряде вопросов последовательно проводить в жизнь установки, изложенные Лениным в его "Письмах из далека". Чувствовалось, что Сталин, Каменев, некоторые другие руководители не избавились полностью от иллюзий оборончества, веры во Временное правительство, считали едва ли не венцом достижений буржуазно-демократические завоевания.

Эти предоктябрьские колебания Сталина не были беспричинными. Сталин не обладал собственной концепцией реализации большой идеи. В Февральской революции и в дни Октябрьского штурма рельефно проявились его слабые стороны: "мелкая" теоретическая подготовка, низкая способность к революционному творчеству, неумение (пока еще!) переложить политические лозунги в конкретные программные установки. Никто и никогда не бросал Сталину упрека в том, что он уклонялся от борьбы, искал легких путей, боялся конфронтации с политическими противниками. Дефицита воли у этого человека никогда не было. Но внимательный исследователь политической судьбы Сталина заметит: у него, профессионального революционе-

ра, было уже тогда одно, хотя и не единственное, весьма уязвимое место. И он знал о нем.

Когда возникала потребность идти в цех, на завод, в воинскую часть, на уличный митинг, у Сталина, как уже отмечалось, появлялось чувство внутренней неуверенности и тревоги, которые он, правда, со временем научился скрывать. Его никогда не влекло, как многих других революционеров, в гущу масс. Он не любил, да, пожалуй, и не умел хорошо выступать перед людьми. В одном из свидетельств начала 20-х годов приводится оценка рабочего И. Кобзева, слушавшего Сталина во время митинга на Васильевском острове в апреле 1917 года: "Вроде все говорил правильно, понятно и просто; да как-то не запомнилось его выступление". Не случайно Сталин меньше, чем кто-либо другой из ленинского окружения, выступал перед людьми на митингах, встречах, манифестациях.

Выступать перед толпой, массами особенно было трудно, когда приехали Ленин и Троцкий, когда пошли на митинги и собрания Луначарский, Володарский, Каменев, Зиновьев, другие блестящие ораторы. Троцкий, например, "облюбовал" постоянным местом своих выступлений цирк "Модерн", всегда забитый народом. Нередко Троцкого несли к трибуне через головы на руках. Создавалось впечатление, что Троцкий иногда содержание речи ставил на второй план, обращая особое внимание на эмоциональное воздействие на сознание слушателей. Первые недели своего пребывания в Петрограде, писал в своих записках Суханов, Троцкий, закончив очередное выступление в "Модерне", мчался на Обуховский завод, оттуда — на Трубочный, далее — на Путиловский, затем — на Балтийский, из Манежа — в казармы; казалось, что он говорил везде одновременно. Сталину было трудно, просто не по силам тягаться с этим цирцроном революции. Троцкий упивался ростом своей популярности, умел, как, пожалуй, никто, зажечь людей. Сталин, слушая выступление Троцкого на каком-либо заседании или совещании, всегда испытывал к этому человеку устойчивую неприязнь, соседствующую с завистью. Троцкий был в центре внимания, притягивал к себе всех. Не так, как он, Сталин, которого Троцкий, особенно до октябрьских событий, буквально не замечал.

Вместо публичных выступлений Сталин предпочитал писать статьи, отклики, давать газетные реплики по поводу тех или иных политических событий. После приезда из ссылки, с середины марта по октябрь 1917 года, Сталин опубликовал в газетах "Правда", "Пролетарий", "Солдатская правда", "Проле-

тарское дело", "Рабочий и солдат", "Рабочий", "Рабочий путь", других изданиях более шестидесяти статей и заметок! Посредственный публицист, он, повторяюсь еще раз, был довольно последователен и неизменно категоричен в своих выводах. Религиозные догмы, которые он отверг по содержанию, нравились ему за латинскую ясность. Видимо, не случайно в его работах все было элементарно простым; в них не было мудреных терминов, сложных дефиниций, логических ухищрений. В большинстве его бесхитростных статей были ясно изложены простые истины, которые спустя десятилетия не привлекли бы внимания людей, не будь их автором Сталин.

Больше по душе Сталину была работа в "штабе", в управляющих органах — Бюро, Комитете, Совете. Уже в марте Бюро ЦК к имеющимся поручениям Сталина добавляет еще одно: делегирует его в состав Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Бюро собиралось почти ежедневно, обсуждая самые разные вопросы революционной практики, давая то одному, то другому его члену новые и новые задания. Так, Сталин принял участие в установлении регулярных связей с партийными организациями Закавказья, других регионов страны.

К этому времени во многих губерниях стали создаваться объединенные организации большевиков и меньшевиков. ЦК выступал против такого союза, хотя, объективно говоря, наш традиционный взгляд на недопустимость таких объединений по меньшей мере сомнителен. Тогда, когда это усиливало революцию в борьбе с самодержавием, а позже — с буржуазией, это могло, видимо, рассматриваться как практика политических компромиссов для достижения определенных целей. Сталин проявлял, в частности, большую энергию в разрушении, ликвидации таких объединенных организаций. А может быть, следовало попытаться усилить большевистское влияние на инакомыслящих?

Бесспорно, когда соглашательство ставило под угрозу идеалы, программные установки, конкретные завоевания, — эта ликвидация была оправдана. Но концентрация усилий против меньшевиков и особенно против эсеров, как представляется, иногда наносила больше ущерба, чем пользы. Со временем это станет печальной традицией. Фашизм в 30-е годы рассматривал, например, нас только через перекрестие прицела, а мы все еще видели едва ли не главного врага в социал-демократах.

Ленин рвался в Россию, но сделать это было архисложно.

После тщательного продумывания всех возможных осложнений он с группой русских эмигрантов, среди которых был и Г.Е. Зиновьев (Г.-Е.А. Радомысльский), выехал из Швейцарии через Германию и Швецию в Россию. Уже 3 апреля на станции Белоостров (первой на территории России остановке) Ленина в 9 часов вечера встречали представители ЦК и Петроградского комитета РСДРП(б), делегации рабочих. Среди встречавших были Л.Б. Каменев, А.М. Коллонтай, И.В. Сталин, М.И. Ульянова, Ф.Ф. Раскольников, А.Г. Шляпников. Едва войдя в купе, обменявшись сердечными приветствиями с Лениным, вспоминал Раскольников, я сразу же был ошарашен вопросом Ильича:

— Что вы пишете в "Правде"? Несколько номеров удалось посмотреть, за которые мы вас здорово ругали...

В пути от Белоострова до Петрограда Ленин беседовал с встретившими его товарищами о положении в партии; здесь же высказал Каменеву серьезные критические замечания о его статьях в "Правде", которыми он фактически поддерживал Временное правительство, а в оценке войны не раз сползал на оборонческие позиции³².

Встреча Ленина в нашей литературе весьма широко описана, это было поистине заметное событие. Революция, народ, партия встречали своего признанного вождя. Не бога, не жреца, не политического апостола, а подлинного лидера, обладавшего колоссальной духовной мощью, непререкаемым моральным авторитетом у революционных масс. Небезынтересно привести описание встречи В.И. Ленина его идейным противником Н.Н. Сухановым. В своих в целом малоинтересных "Записках о революции", изданных в 1922 — 1923 годах, Суханов, который был на встрече, описывает ее так:

"На Финляндском вокзале в так называемую "царскую комнату" вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с избыточным лицом и — роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе, не покидая своего прежнего угрюмого вида, произнес следующую "приветственную" речь, хорошо выдерживая не только дух, не только редакцию, но и тон нравоучения: "Тов. Ленин, от имени Петроградского Совета и всей революции мы приветствуем вас в России... Но мы полагаем, что главной задачей революционной демократии (и это было "солью", главной идеей речи Чхеидзе. — *Прим. Д.В.*) является сейчас защита нашей революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне... Мы надеемся, что вы вместе с нами будете пресле-

довать эти цели". Чхеидзе замолчал. Я растерялся от неожиданности...

Но Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось: осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок "царской комнаты", поправляя свой букет (довольно слабо гармонировавший со всей его фигурой), а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации Исполнительного комитета, ответил так: "Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие. Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас, как передовой отряд всемирной пролетарской армии... Недалек час, когда по призыву нашего товарища Карла Либкнехта народы обратят оружие против своих эксплуататоров-капиталистов... Русская революция, совершенная вами, открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!"³³

Я привел эту пространную выдержку из воспоминаний Суханова потому, что даже человек, идейно глубоко расхопившийся с Лениным, не мог без восхищения не отметить политической мудрости и интеллектуального изящества вождя российского пролетариата. Сталин уже здесь, на вокзале, почувствовал, что интернационалистская речь Ленина высветила его наивные сомнения оборонческого характера, его ошибочную ставку на Временное правительство в деле достижения мира. Ленинские уроки он тогда умел понимать. Жаль, что через годы духовная эрозия в его сознании не позволит воспользоваться ими в то время, когда они будут особо нужны.

Сталин позднее вспоминал, что уже вечером 3 апреля ему "многое стало значительно яснее". Ленин, прибывший издалека, тем не менее лучше других видел и понял историческое своеобразие момента, словно он все время находился здесь, в самой гуще событий. На другой день Сталин, слушая выступление Ленина в Таврическом дворце, огласившего и прокомментировавшего свои знаменитые десять тезисов, вошедших в историю как "Апрельские", еще и еще раз поражался титанической мощи его ума. Тезисы не оставили камня на камне от тактики "поскольку-постольку", показали ограниченность выжидательного, пассивного курса.

Однако для соратников Ленина признанный вождь не был "неприкасаемым". Обстановка была настолько своеобразной, а тезисы Ленина настолько новыми и смелыми, что даже многие руководящие работники партии оказались не готовыми

принять ленинскую программу. Раздавались голоса: Ленин оторвался от русской действительности за границей, впал в крайний радикализм. Сталину, после его осторожного доклада на мартовском совещании большевиков, ленинские выводы звучали прямым укором. Суханов позже писал, что после ленинской речи "у многих закружилась голова". На собрании большевиков 4 апреля, где Ленин впервые огласил свои тезисы, в защиту их выступила лишь Александра Коллонтай. С Лениным не соглашались, критиковали, подвергали сомнению ленинские выводы многие, и не только Зиновьев, Каменев и Троцкий, как принято было у нас считать раньше. Так было и после революции; Ленин сам на этом настаивал. Например, в мае 1919 года Антонов-Овсеенко прислал резкое письмо в ЦК, в котором выразил несогласие с ленинской оценкой военного положения на одном из участков Южного фронта. Ничего не обычного в этом не было. Прямо высказывать свои взгляды было нормой. Ленин поручил специалистам из Реввоенсовета сделать компетентное заключение.

Скрытое восхищение Сталина ленинской духовной мощью было не данью уважения вождю, а в значительной мере способностью оценить новизну ленинской идеи. К слову сказать, не все и не всегда могли это сделать. Те же гениальные "Апрельские тезисы" до VII партийной конференции не были поддержаны большинством Петроградского комитета. Ленин не раз оставался в меньшинстве, но не делал из этого трагедии, как не подчеркивал и своего триумфа, когда — что было, вероятно, чаще — большинство оставалось на его стороне. Ленин старался служить истине. Механическое, автоматическое большинство может быть менее ценным, чем положение, в котором выявлены, вскрыты различные позиции, точки зрения, новые оригинальные подходы. Если я считаю себя правым, то не страшно остаться и в меньшинстве. В этом случае, говорил Ленин, "лучше остаться одному, как Либкнехт: один против 110"³⁴.

После приезда Ленина меняется и "Правда". Владимир Ильич становится редактором центрального органа партии. Соглашательские, оборонческие нотки, явно звучавшие в газете, когда ею руководили Каменев и Сталин, исчезли. Продолжал работать в "Правде" и Сталин; правда, выступал он, как и прежде, с небольшими заметками, репликами, сообщениями по текущим политическим вопросам.

Ленинские тезисы на VII Всероссийской конференции РСДРП(б) (24 — 29 апреля 1917 г.) легли в основу ее решений.

Впервые было обнаружено, что 151 делегат конференции представляет 80 тысяч членов партии. И этой горстке (по сравнению с многомиллионным населением России) в ближайшие месяцы предстояло "потрясти мир". Ленин на конференции диалектически смело ответил на вопросы, поставленные русской революцией: о переходе от буржуазно-демократического к социалистическому этапу, об отношении пролетариата и его партии к войне и Временному правительству, о роли Советов и завоевании в них большинства и многие другие.

На конференции развернулась жаркая полемика. Каменев подверг Ленина критике за то, что он якобы недооценивает сложившиеся возможности, а поэтому нужно работать, мол, в блоке с Временным правительством⁵⁵. Несогласие с Лениным выразили Смидович, Рыков, Пятаков, Милотин, Багдачев. Придет время, и все эти выступления будут квалифицированы Сталиным как "предательские", "враждебные", "контрреволюционные". Их обязательно внесут в реестр "преступлений". После выступления Бубнова о формах контроля за Временным правительством сверху и снизу в поддержку ленинских тезисов выступил Сталин. Однако его речь была бледной и малоубедительной в силу слабой аргументации. Известно, что аргументы — это мускулы идей. Но убедительных доводов для отклонения поправки Бубнова Сталин не смог привести. Более весомым был его доклад по национальному вопросу, в котором проводилась мысль о том, что "организация пролетариата данного государства по национальностям ведет только к гибели идеи классовой солидарности"⁵⁶. Для пролетариата многонационального государства самый верный путь — создание единой партии. Поэтому предложения Бунда о т.н. "культурной автономии", говорил Сталин, неинтернациональны. Он добросовестно, но тускло исполнил свою роль "твердого практика". Но в целом Сталин в эти горячие дни старался держаться "середин", поняв, что в калейдоскопе быстрых перемен это самая удобная позиция.

Знакомясь с документами той поры — решениями ЦК, стенограммами партийных форумов, телеграммами революционных органов, замечаешь, что не в пример Зиновьеву, Каменеву, Троцкому (приехавшему в Россию из эмиграции лишь в мае 1917 г.), Бухарину, Свердлову, Дзержинскому, другим деятелям партии Сталин упоминается в этих материалах крайне редко. Я, конечно, не говорю о Ленине, который все время был в эпицентре революции, где бы он ни находился. Вместе с тем в Собрании сочинений И.В. Сталина и в его "Краткой биографии"

назойливо проводится магистральная мысль: Сталин всегда был рядом с Лениным. Например, в третьем томе Сочинений прямо утверждается: "В.И. Ленин и И.В. Сталин руководят работой VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевистской партии"; "Десятого октября ЦК... создает для руководства восстанием Политическое бюро ЦК из семи человек во главе с В.И. Лениным и И.В. Сталиным"; "24 — 25 октября. В.И. Ленин и И.В. Сталин руководят октябрьским вооруженным восстанием"³⁷. Подобные утверждения — а на них учили миллионы людей не одно десятилетие — исключительно далеки от истины.

Вновь возвращаясь к протоколам, стенограммам, дневникам, мемуарам, в которых упоминается Сталин, приходишь к выводу, что в революции Сталин вошел не как выдающаяся личность, властитель дум, пламенный трибун и организатор, а как малозаметный функционер партийного аппарата. Например, в хронике, подготовленной комиссией по истории Октябрьской революции в 1924 году, Сталин за четыре месяца (июнь — сентябрь 1917 г.) упоминается всего 9 раз, а скажем, Савинков — более четырех десятков раз, Скобелев — свыше 50, Троцкий — более 80 раз. Можно спорить, что такой "статистический" способ оценки политической активности несовершенно. Разумеется. Но какую-то грань личности, преломленную через призму общественного мнения, он отражает. Да, Сталин был членом ЦК, работал в "Правде", был в ряде других органов, советов и комиссий. Но, кроме простого перечисления различных комитетов, мало что можно сказать о конкретном содержании его деятельности. Главная причина такого положения заключается, на мой взгляд, в слабой способности Сталина к революционному творчеству. Он был хорошим исполнителем, но не обладал богатым воображением. Не случайно, что на мартовском совещании большевиков, кроме предупреждения "не форсировать события", ни одной крупной идеи, оригинального решения, нового подхода Сталин выдвинуть не смог, не смог, будучи членом ЦК, проявить себя в отсутствие Ленина как руководитель российского масштаба. Ленин, выражая интересы народа, решая задачи сегодняшнего дня, видел будущее. Сталин же был дальше от народа, он общался с ним посредством аппарата, его функционеров. Ленин искал любую возможность для общения, диалога с народными представителями; Сталин ограничивался контактами с представителями организаций и комитетов.

Конечно, то, что Сталин в 1917 году оставался в тени, было результатом не только его социальной пассивности, но и утото-

ванной ему роли исполнителя, для которой у него были несомненные данные. Сталин был не способен в переломные, бурные месяцы 1917 года подняться над обыденностью, повседневностью. Многие из тех, кто находился рядом с ним в то время, были более яркими индивидуальностями. Маловероятно, что в то время Сталина сидели амбициозные устремления. Правда, мартовские сдвиги соглашательства, недооформленность его позиции по ряду ключевых вопросов были не случайными и дали себя знать еще не раз. Постоянное же присутствие Сталина на вторых ролях медленно, но исподволь, незаметно создавало ему стабильный политический авторитет среди большевистских лидеров. На VII (Апрельской) конференции Сталин вновь был избран в состав Центрального Комитета партии.

Вооруженное восстание

С приездом Ленина роль Сталина стала более определенной: он регулярно выполнял поручения партийного руководства. Находясь в тени, редко попадая в поле зрения революционных масс, Сталин оказался нужным человеком по части конспиративных вопросов, установления связей с партийными комитетами, организации текущих дел на разных этапах подготовки к вооруженному восстанию. Его невысокая фигура была еще не видна на экране истории.

Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, избранный на I Всероссийском съезде Советов (3 — 24 июня), не был большевистским. В составе ЦИК было 123 меньшевика (в том числе 16 кандидатов), 119 эсеров (в том числе 18 кандидатов) и лишь 57 большевиков (в том числе 22 кандидата)³⁸. Наряду с Лениным, Дзержинским, Каменевым, Подвойским, Шаумяном и другими известными большевиками в состав ЦИК вошел и Сталин. Решения съезда, как и ЦИК, были не большевистскими. Особенно это проявилось после разгрома Временным правительством июльской мирной демонстрации. Стало ясно, что мирным путем социалистическую революцию осуществить не удастся. Ленин писал позже, что "наша партия исполнила свой безусловный долг, идя вместе со справедливо возмущенными массами 4 июля и стараясь внести в их движение, в их выступление возможно более мирный и организованный характер. Ибо 4-го июля

еще возможен был мирный переход власти к Советам..."³⁹. Но эсеро-меньшевистские лидеры уже "скатились на самое дно отвратительной контрреволюционной ямы", пойдя на сговор с Временным правительством, которое бросило войска на мирную демонстрацию. Двоевластие кончилось. Наступил новый этап подготовки социалистической революции.

Сталин по поручению ЦК организует вместе с другими товарищами переход Ленина на нелегальное положение. Некоторое время Ленин находился на квартире С.Я. Аллилуева. Здесь в начале июля состоялось совещание членов Центрального Комитета партии, где наряду с Лениным, Ногиным, Орджоникидзе, Стасовой и другими присутствовал и Сталин. Шел спор: как реагировать на требование властей отдать себя в руки "правосудия". Известно, что Ленин до этого совещания заявлял: "В случае приказа правительства о моем аресте и утверждении этого приказа ЦИК-том, я явлюсь в указанное мне ЦИК-том место для ареста"⁴⁰. Мнения разделились. Вначале многие высказывались за явку на суд при даче определенных гарантий со стороны ЦИК. Но М.И. Либер и Н.А. Анисимов (члены ЦИК, меньшевики) заявили, что "никаких гарантий они дать не могут". В условиях разнузданной травли в печати против Ленина и других руководителей партии большевиков становилось ясно, что реакция ждет расправы с вождем. После долгих обсуждений Владимира Ильича убедили отказаться от явки на суд и скрыться на время за пределами Петрограда⁴¹. У Сталина вначале не было определенной позиции, но затем он твердо выступил против явки на суд. С категоричностью, свойственной его натуре, Сталин однозначно сказал:

— Юнкера до тюрьмы не доведут. Убьют по дороге. Нужно надежно укрыть товарища Ленина...

Для такого заявления было более чем достаточно оснований. В мемуарах В.Н. Половцова, бывшего члена Государственной думы, в частности, говорится, что офицер, посланный в Териоки задержать Ленина, спросил его:

— Как доставить этого господина — в целом виде или по кускам? Я ответил ему с улыбкой, что люди, которых арестовывают, часто совершают попытку к бегству...

На Сталина была возложена задача обеспечить отправку Ленина в безопасное место. При этом, безусловно, учитывался опыт Сталина как конспиратора. С помощью верных людей план выезда Ленина из Петрограда был выработан и продуман.

В эти дни, полные драматизма и социальной напряженности, в личной жизни Сталина происходит важное событие: он

знакомится с дочерью Аллилуева Надеждой, своей будущей второй женой. Сталин был старше ее на двадцать два года. С семьей Аллилуевых Сталин был знаком с конца 90-х годов, со времени его пребывания в Баку. Кстати, дочь Сталина Светлана Аллилуева в своих воспоминаниях "Двадцать писем другу" утверждает, что в 1903 году Сталин спас свою будущую жену, когда та, будучи двухлетней девочкой, свалилась с набережной в море, а он вытащил ее. Для Надежды Аллилуевой это предание, возможно, казалось романтическим, не лишенным налета мистики.

Надежда Аллилуева, вернувшись домой, застала в квартире много незнакомых людей. Ее стали осторожно расспрашивать об обстановке на улицах. Девушка возбужденно рассказывала, что на улице слышала о том, что виновники июльского восстания — не кто иные, как "тайные агенты Вильгельма". Что они уже бежали на подводной лодке в Германию и что главный среди них — Ленин... Узнав, что герой ее уличных сведений находится у них в квартире, младшая Аллилуева была страшно смущена...

Оставив расспросы раскрасневшейся девушки, собравшиеся резюмировали: предложение Орджоникидзе и Ногина о неявке в суд правильное — над Лениным готовится расправа. Решили, что В.И. Ленина нужно загримировать, переодеть и направить сначала в Сестрорецк, а затем в Финляндию. С.Я. Аллилуев, хозяин квартиры, где скрывался Ленин, позже вспоминал:

— Вечером мы все отправились на Приморский вокзал. Впереди шел рабочий Емельянов, член партии с 1904 года. За ним на небольшом расстоянии Владимир Ильич и Зиновьев, а я и Сталин шли сзади всех. Поезд уже стоял... трое отъезжающих сели в задний вагон. Мы со Сталиным дождались благополучного отбытия поезда, повернули обратно.

Сергей Яковлевич Аллилуев в своих воспоминаниях допустил неточности. Зиновьева среди провожавших не было; он сам в это время находился на нелегальном положении. Загримированного Ленина сопровождали кроме С.Я. Аллилуева рабочий В.И. Зоф и И.В. Сталин.

Одним из связующих звеньев Ленина с ЦК станет отныне Сталин. Есть все основания полагать, что Ленин ему доверял, давал необходимые инструкции, советы. Так, накануне VI съезда партии Сталин встречался с Лениным⁴². Естественно, никаких стенограмм этих встреч нет, но печать мысли и воли Ленина лежит на всех важнейших документах съезда. Ленин радовался, что присутствовавшие делегаты представляли уже около 240

тысяч членов партии. За четыре месяца ряды партии выросли в три раза! Вождь революции видел в этом факте важное доказательство правильности взятого курса. Ленинские работы "Политическое положение", "К лозунгам", "Ответ" и другие легли в основу резолюций, принятых съездом. В специальной резолюции подтверждалась верность решения о неявке Ленина на суд. Линия на вооруженное восстание, выдвинутая Лениным, съездом была поддержана.

С тех пор Сталин, несмотря на занятость, стал часто бывать у Аллилуевых; его, черствого, холодного человека, тянуло к чистому и наивному полуробенку, своей будущей жене. Надежда с интересом внимала "старому подпольщику", как он себя ей представил.

На политической арене он по-прежнему едва заметен. Партия наполовину оказалась в подполье. По поручениям Ленина Свердлов и Сталин ведут необходимую работу. В массах Сталин все еще неизвестен, а в аппарате ЦК его роль повысилась.

А тем временем события, несомые как сухие листья осенним ветром, приближали страну к Октябрю. Были здесь события комические и трагические, будничные и подлинно исторические. Не буду их ни оценивать, ни комментировать, а напомним лишь о некоторых, чтобы читатель смог почувствовать политический колорит тех дней. Вот как об этом времени сообщали петроградские газеты, как оно запечатлено в архивах.

26 июля. Открылся VI съезд РСДРП(б). Анкеты заполнили 171 человек, при этом из них отбывали тюремное заключение 110 человек в течение 245 лет, на каторге были 10 человек в течение 41 года, на поселении 24 человека в течение 73 лет, всего были в ссылке 55 человек в течение 127 лет, всего подвергались аресту 150 человек - 549 раз, всего были эмигрантами 27 человек в течение 89 лет. Съезд по поручению организационного бюро открывает Ольминский. В президиуме Свердлов, Ольминский, Ломоз, Юренев и Сталин. Почетными членами президиума выбраны Лешин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Коллоптай, Луначарский.

8 августа. Великий князь Кирилл водрузил над своим домом красный флаг, а Николай II, теперь уже бывший император, записывает в своем дневнике, что начинает читать "Тартарена из Тараскона".

24 августа. Керенский посещает бывшего царя, чтобы в беседе подготовить его и близких к "отъезду в безопасное место". Николай: "Я не беспокоюсь. Я верю вам..."

28 августа. Генерал Корнилов послал Верховному коман-

дующему войсками Московского военного округа телеграмму: "В настоящую грозную минуту, дабы избежать междоусобной войны и не вызвать кровопролития на улицах Первопрестольной, предписываю вам подчиниться мне и впредь исполнять мои приказания". Верховный ответил: "С ужасом прочитал ваш приказ не подчиняться законному правительству. Начало междоусобной войны положено вами, и это, как я вам говорил, — гибель России. Можно и нужно было менять политику, но не подрывать последние силы народа во время прорыва фронта. Присягу не меняю, как перчатки..."

20 сентября. "Известия" сообщают, что задержанные в Финляндии Вырубова, Бадмаев, Манасевич и другие содержатся в Свеаборгской крепости. Матросы категорически высказались против отпуска и решили содержать их в Свеаборгской крепости до перехода власти в руки Советов.

4 октября. Остров Эзель (в Рижском заливе) полностью занят германцами. Их силы ведут наступление на остров Моон. Русская эскадра, ввиду огромного превосходства германских сил, после ожесточенного боя, потеряв корабль "Слава", отошла в Моонзунд.

10 октября. Ленин после долгого перерыва присутствует на заседании Центрального Комитета. Заседание состоялось на квартире меньшевика Суханова, жена которого была большевичкой. Председательствовал Свердлов. Ленин констатировал: "Большинство теперь за нами. Политическое дело совершенно созрело для перехода власти... Надо говорить о технической стороне. В этом все дело"⁴³.

14 октября. "Новая жизнь" сообщает: ежедневная потребность Петрограда — 48 тыс. пудов хлеба. 11 октября прибыло зерна 18 тыс. пудов, 12-го — 12 тыс. пудов, 13-го — едва 4 тыс. пудов. Петроградская городская дума поручила городскому голове обратиться к населению города сохранять спокойствие. Назначено специальное заседание думы для обсуждения продовольственного вопроса.

16 октября. В Петрограде состоялось заседание ЦК РСДРП(б) с представителями других партийных организаций. Присутствовали Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Держинский, Сокольников, Ломов. Бокий из Петроградского комитета сообщает о готовности и настроении в районах: "Боевого настроения пока нет, но боевая подготовка ведется. В случае выступления массы поддержат". Принята следующая резолюция, предложенная Лениным: собрание призывает все организации и всех рабочих и солдат к весто-

ронней и усиленнойшей подготовке вооруженного восстания... За резолюцию подано 19 голосов, против 2. Избран практический центр по организационному руководству восстанием в составе: Бубнов, Дзержинский, Урицкий, Свердлов, Сталин.

20 октября. "Рабочий путь" сообщает, что "русская революция низвергла немало авторитетов. Ее мощь выражается, между прочим, в том, что она не склонялась перед "громкими именами", она их брала на службу либо отбрасывала их в небытие, если они не хотели учиться у нее. Их, этих "громких имен", отвергнутых потом революцией, — целая вереница: Плеханов, Кропоткин, Брешковская, Засулич и вообще все те старые революционеры, которые только тем и замечательны, что они старые. Мы боимся, что лавры этих "столпов" не дают спать Горькому. Мы боимся, что Горького "смертельно" потянуло к ним, в архив. Что ж, вольному воля!.. Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов..."⁴⁴

24 октября. Вечером В.И. Ленин из Выборгского района перешел в Смольный, в Военно-революционный комитет. В эту же ночь отряд юнкеров явился в дом № 6 по Финляндскому проспекту с целью арестовать редакцию газеты "Рабочий путь" и В.И. Ленина. Но отрядом Красной гвардии юнкера были разоружены и препровождены в Петропавловскую крепость. В этот же день состоялось заседание ЦК. Рассматриваются вопросы: доклад Военно-революционного комитета; о съезде Советов; о Пленуме ЦК. Каменев предлагает, чтобы сегодня без особого постановления ни один член ЦК не мог уйти из Смольного... Троцкий считает необходимым устроить запасной штаб в Петропавловской крепости и послать туда с этой целью одного члена ЦК. Каменев вносит предложение, что в случае разгрома Смольного нужно иметь опорный пункт на "Авроре". Сталина на заседании нет...⁴⁵

В ночь на 25-е Военно-революционный комитет перешел к штурму Зимнего дворца, где окопалось Временное правительство...

25 октября. Хроника истории партии разбита на часы, поистине исторические часы... Занят Николаевский вокзал. Крейсер "Аврора" подошел и отдал якорь у Николаевского моста. Павловский полк на Миллионной улице, близ Зимнего дворца, выставил пикеты, останавливает всех, арестовывает, направляет в Смольный институт. Командой моряков без сопротивления занят государственный банк... Петроградские казачьи полки отказались выступать в поддержку Временного правительства. Выключены телефоны штаба и Зимнего дворца... Занят Вар-

шавский вокзал. Из "Крестов" освобождены политические заключенные... Подразделения Измайловского полка заняли Марининский дворец и потребовали у членов предпарламента очистить помещение. Павловским полком занят Невский проспект.

В 14.35 под председательством Троцкого открылось экстренное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Под шумные аплодисменты Троцкий заявил, что Временного правительства больше не существует, предпарламент распущен, освобождены заключенные, в действующую армию посланы радиogramмы о падении старой власти. Судьба Зимнего дворца должна решиться в ближайшие часы. Затем, встреченный бурной овацией, впервые после долгого перерыва выступил Ленин:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась!

Известно, что организационная подготовка восстания была возложена на Военно-революционный центр из членов ЦК (куда вошли пять человек, в том числе и Сталин), а также на Военно-революционный комитет (ВРК) при Петроградском Совете, который проводил огромную работу по мобилизации революционных сил для решающего приступа. В своем историческом письме 24 октября к членам ЦК Ленин убеждал партийное руководство:

"Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т.д.

Нельзя ждать! Можно потерять все!!

...Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно!"¹⁴⁶

Сегодня каждый школьник знает, что ленинский призыв нашел благодатную почву. Социалистическая революция свершилась. Ее первые, всемирного значения результаты были закреплены на II Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, открывшемся вечером 25 октября. В президиум съезда избраны большевики Ленин, Зиновьев, Троцкий, Каменев, Склянский, Ногин, Крыленко, Коллонтай, Рыков, Антонов-Овсеенко, Рязанов, Муранов, Луначарский, Стучка, а также левые эсеры Камков, Спиридонова, Каховская, Мстиславский, Закс, Карелия, Гутман. Сталин в событиях этих дней просто затерялся. Находясь в Военно-революционном комитете Петроградского Совета, Сталин занимался исполне-

нием текущих поручений Ленина, передавал циркулярные распоряжения в комитеты, принимал участие в подготовке материалов для печати. Ни в одном касающемся этих исторических дней и ночей архивном документе, с которыми мне удалось ознакомиться, его имя не упоминается.

На съезде Мартов пытался предложить резолюцию о необходимости мирного разрешения кризиса; эсер Гендельман от имени ЦК партии социалистов-революционеров (ПСР) предлагал резолюцию, осуждающую "захват власти" (но даже среди эсеров она собрала лишь 60 голосов при 93 "против"). Бунд, как и правые эсеры, выступил против захвата власти. Меншевики-интернационалисты и поалей-сионисты* покинули съезд. А между тем к двум часам ночи Зимний дворец был занят. (Широкому читателю сегодня мало что говорят фамилии бывших министров Временного правительства Кишкина, Пальчинского, Рутенберга, Бернацкого, Вердеревского, Маниковского, Салазкина, Маслова и других, которых по приказу Антонова-Овсеенко заключили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости.) А съезд до самого утра продолжал работу...

Джон Рид так описывал его атмосферу: "Мы вошли в огромный зал заседания, проталкиваясь сквозь бурлящую толпу, стеснившуюся у дверей. Освещенные огромными белыми люстрами, на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума, сидели представители рабочих и солдат всей России. То в тревожной тишине, то в диком шуме ждали они председательского звонка. Помещение не отапливалось, но в нем было жарко от испарений немых человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спертom воздухе"⁴⁷.

Власть оказалась в руках большевиков. Но триумфаторы Февраля не хотели с этим мириться. Орган меньшевиков — "Рабочая газета" — 29 октября 1917 года обратился к соотечественникам:

"Всем! Всем! Всем!

Граждане России! Временный Совет Российской Республики, уступая напору штыков, вынужден был 25 октября разойтись и прервать на время свою работу.

Захватчики власти со словами "свобода и социализм" на устах творят насилие и произвол. Они арестовали и заключили в

* Поалей-сионисты(ПЦ) — мелкобуржуазные еврейские националистические организации. Пытались совместить идеи социализма и сионизма.

царский каземат членов Временного правительства, в том числе министров-социалистов... Кровь и анархия грозят захлестнуть революцию, утопить свободу и республику и вынести на свой гребень реставрацию старого строя. Такая власть должна быть признана врагом народа и революции". Через несколько дней эта и другие оппозиционные газеты будут закрыты.

Как вел себя Сталин в критические дни Октября? Какова была его действительная роль? Почему его имя крайне редко встречается в революционных хрониках, хотя он регулярно, почти всегда, входил в различные руководящие органы?

Сначала несколько свидетельств. Вот как оценивается роль Сталина в революции в его "Краткой биографии". В ней говорится, что "Ленин и Сталин — вдохновители и организаторы победы Великой Октябрьской социалистической революции. Сталин — ближайший сподвижник Ленина. Он непосредственно руководит всем делом подготовки восстания. Его руководящие статьи перепечатываются областными большевистскими газетами. Сталин вызывает к себе представителей областных организаций, инструктирует их и намечает боевые задачи для отдельных областей. 16 октября Центральный Комитет избрал Партийный центр по руководству восстанием во главе с тов. Сталиным"⁴⁸... И фактически все. Апологетика явная: только Ленин и он, Сталин. Руководит он не иначе как путем "вызовов" и "инструктажей". Но это уже взято из практики и терминологии 30-х годов. Авторам биографии было трудно сказать что-то конкретное, ибо Сталин в дни революционного апогея ничем не "руководил", ничто не "направлял" и никого не "инструктировал", а лишь исполнял текущие поручения Ленина, решения ВРК при Петроградском Совете.

Следует со всей определенностью сказать, что большевики взяли власть при поддержке левых эсеров. Да, по целому ряду пунктов последние расходились с большевиками, но тем не менее левые эсеры находились в главном русле революционного потока. В результате переговоров в декабре 1917 года они вошли в состав Советского правительства, где имели около одной трети портфелей. Такие лидеры партии левых эсеров, как И.З. Штейнберг, П.П. Прошьян, А.Л. Колегаев, В.Е. Трутовский, В.А. Карелин, В.А. Алгасов, М.Н. Бриллиантов, стали народными комиссарами.

Думаю, что этот социалистический плюрализм давал исключительный исторический шанс. Ленин это понимал, утверждая, что союз большевиков с левыми эсерами "... может

быть честной коалицией, честным союзом, ибо коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян нет"⁴⁹. Сохранился этот союз, возможно, многочисленных трагических проявлений монопольной политической власти просто не было бы. Но ни сами эсеры, ни большевики не оценили в полной мере исторической значимости этого альянса, распад которого летом 1918 года стал истоком будущих бед. Кстати, Сталин считал левых эсеров типичной мелкобуржуазной партией, которая, по его мнению, больше тяготела к контрреволюции. К несчастью, так думал тогда не один Сталин. Судьбоносный шанс утверждения революционного плюрализма летом 1918 года был упущен. Политическая монополия, однодумство, безальтернативность власти обернутся скоро жестоким единовластием.

Сталин вошел в первое Советское правительство, став народным комиссаром по делам национальностей. Но, войдя в "обойму" партийных лидеров, решавших все важнейшие вопросы революции, никогда, ни в одном деле в 1917 году Сталин не проявил ни одной крупной инициативы, творческого начинания, не выдвинул перед ЦК какой-либо оригинальной идеи. Это был человек из второго-третьего эшелона руководства, и все последующие славословия об исключительной роли Сталина в революции не соответствуют действительности. Она, эта роль, сочинена.

Сталин, включенный почти во все возможные революционные органы, между тем почти ни за что конкретно не отвечал. Но его внимательный, цепкий взгляд многое видел. Его удивляла энергия Троцкого, работоспособность Каменева, импульсивность Зиновьева. Сталин несколько раз видел и Плеханова, к которому испытывал чувство, близкое к уважению. Его поразили резкие слова Плеханова на одном из митингов: "...русская история еще не смолола той муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма".

Как мы знаем, блестящий пропагандист марксизма и один из основателей Российской социал-демократической рабочей партии на этом не остановился. Плеханов назвал "Апрельские тезисы" Ленина "бредом", осудил Октябрьскую социалистическую революцию, а впоследствии и Брестский мир. Будучи откровенным паводком революции к лагерю ее демократических противников, Плеханов, разочаровавшись в действительности, не "соответствующей" его теории, удалился в Финляндию. Октябрь он принять не мог, но и бороться против него не захотел. Его политические принципы были нравственными.

Когда 4 июня 1918 года на объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, профессиональных и рабочих организаций Москвы, на котором присутствовал и Ленин, почтили память умершего Плеханова минутой молчания, Сталин был удивлен. Для него человек, выразивший публичное несогласие с его делом, навсегда становился врагом. Также он считал излишней на этом заседании траурную речь Троцкого, некролог Зиновьева в "Правде"... Для Сталина революция была лишь борьбой. Или—или. Или союзник, или враг. Бинарная логика Сталина, если он не был готов поддержать одну из сторон, допускала лишь выжидание, не больше. Почести покойному Плеханову Сталин в душе назвал "либерализмом", недостойным революционеров. Все это казалось ему интеллигентской отрыжкой, слюнтяйством. Его товарищи по партии еще будут иметь возможность убедиться в последовательности взглядов будущего "вождя".

Спустя три года после Октябрьского вооруженного восстания группа участников тех событий собралась на вечер воспоминаний 7 ноября 1920 года. Был приглашен и Сталин, но он не захотел участвовать в вечере. Пришло много людей, в том числе Троцкий, Садовский, Мехоношин, Подвойский, Козьмин. Очень часто вспоминали о Ленине, говорили о Троцком, упоминали Каменева, Калининна, Зиновьева, Ногина, Свердлова, Ломова, Рыкова, Шаумяна, Маркина, Лазимира, Чичерина, Вальдена, других творцов рождения нового мира. Сохранилась стенограмма: Сталина не вспомнили ни разу... Хотя будущий генсек состоял практически во всех высоких органах, никому не пришлось в голову назвать его имя ни в связи с деятельностью Военно-революционного комитета, ни в связи с работой большевиков в солдатской и матросской массе. А ведь почти все упомянутые выше и многие-многие другие мчались в те исторические часы на "Аврору", перехватывали вызванные Керенским батальоны самокатчиков, организовывали захват банка, телеграфа, вокзалов. Сталин остался для всех незаметным статистом, выполнявшим отдельные поручения революционных органов. Он оказался не способен на революционное творчество, не смог утвердить себя, как многие его сотоварищи.

Будущий единодержец очень болезненно переживал свою "незаметность", малозначительность. В 30-е годы Сталин мог спокойно слушать о событиях Октября лишь в свете деяний "двух вождей". Сначала подлинных героев революции "подвергли" умолчанию, "исторической чистке" и корректировке, а затем в трагические 1937 — 1939 годы устранили и физически.

К 40-м годам активных руководителей Октябрьского вооруженного восстания уже можно было пересчитать по пальцам. Остались, как правило, те, кто создавал новую "октябрьскую" биографию "вождя". Чем меньше было ветеранов революции, тем гипертрофированнее изображалась роль Сталина в дни Октября.

Естественно, Троцкий, сделавший после 1929 года Сталина основным объектом своих критических изысков, пишет об октябрьском периоде деятельности Сталина весьма резко. В своей книге "Сталинская школа фальсификаций" он утверждает, что на заседаниях в 17-м Сталин, как правило, отмалчивался. Он обычно шел по официальной колее, проложенной Лениным, пишет Троцкий. "Никакой инициативы он не проявлял. Ни одного самостоятельного предложения он не сделал. Этого не изменят никакие "историки-марксисты" новой формации"⁵⁰.

Троцкий упоминает несколько эпизодов, когда Сталин, подерживая Ленина, вместе с тем пытался защищать Каменева за его политические зигзаги, в том числе и на страницах печати. Какое-то время и после возвращения Сталина и Каменева из туруханской ссылки между ними сохранялись довольно дружеские отношения. В последующем, особенно в 30-е годы, и Каменев и Зиновьев в трагические для себя минуты будут пытаться напомнить Сталину о старой "дружбе". Но они плохо знали Сталина...

В 1924 году, после смерти Ленина Троцкий опубликовал очерк об ушедшем вожде, где он приводит такой диалог:

— А что, — спросил однажды меня Владимир Ильич вскоре после 25 октября, — если нас с вами убьют, то смогут ли справиться с делом Свердлов и Бухарин?

— Авось не убьют, — ответил я смеясь.

— А черт их знает, — сказал Ленин и сам рассмеялся.

После появления очерка, вспоминал позднее Троцкий в книге "Моя жизнь", члены тогдашней "тройки" — Сталин, Зиновьев и Каменев — почувствовали себя кровно обиженными моими строчками, хотя и не пытались оспорить их правильность. Факт остается фактом: Ленин не назвал в числе преемников эту тройцу, а назвал лишь Свердлова и Бухарина. Другие имена просто не пришли ему в голову⁵¹.

Известно, что Сталин всегда очень болезненно реагировал на любые просачивающиеся в печать сведения, которые высвечивали его более чем скромную роль в Октябре и преувеличивали роль Троцкого. Именно этими мотивами в значительной степени было продиктовано выступление Сталина в ноябре

1924 года на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС, изданное отдельной брошюрой в Госиздате лишь в 1928 году. В своей речи Сталин так анализирует роль Троцкого в Октябрьском вооруженном восстании. "Да, это верно, — говорил Сталин, — тов. Троцкий действительно хорошо дрался в период Октября. Но в период Октября хорошо дрался не только тов. Троцкий, недурно дрались даже такие люди, как левые эсеры, стоявшие тогда бок о бок с большевиками. Но спрашивается, — продолжал Сталин, — когда Ленин предложил избрать практический центр по руководству восстанием, почему он туда не рекомендовал Троцкого, а предложил Свердлова, Сталина, Дзержинского, Бубнова и Урицкого. Как видите, в состав центра не попал "вдохновитель", "главная фигура", "единственный руководитель восстания" тов. Троцкий. Как примирить это с ходячим мнением об особой роли тов. Троцкого?"⁵² Здесь Сталин вновь передергивает. Ходом восстания руководил Военно-революционный комитет, а не практический центр.

Как видим, два известных деятеля партии спустя несколько лет после революции пытаются, с одной стороны, подчеркнуть свою особую роль в свершении вооруженного восстания, а с другой — принизить, умалить вклад своего политического и личного оппонента. Хотя в дни Октября не могло быть явления, которое позже назовут кабинетным руководством, роль Сталина, повторю, была ограничена подготовкой указаний, директив ЦК и их передачей революционным органам. Нет ни одного документального свидетельства его непосредственного участия в боевых действиях, организации вооруженных отрядов, выездов в части, на корабли, заводы с целью поднять массы на решение конкретных тактических и оперативных задач. Волею обстоятельств Сталин оказался в штабе революции, на ее центральной сцене. Но... в качестве статиста. Интеллектуальных данных, нравственной привлекательности, зажигающего энтузиазма, клокочущей энергии, которые так ценятся в революционное время, у него не оказалось. В революции, в самом ее эпицентре, всегда была фигура Ленина. Ниже — Троцкий. Еще ниже — Зиновьев, Каменев, Свердлов, Дзержинский, Бухарин... За ними — целая когорта большевиков ленинской школы. Где-то в ее рядах — Сталин... "Двух вождей" в революции не было. Если, допустим, сказать в 1917 году Крестьянскому, Радеку, Раковскому, Рыкову, Томскому, Серебрякову, десяткам других большевиков о том, что через полтора десятка лет в "официальной истории" будет сказано, что ре-

волюцией руководили два вождя — Ленин и Сталин, то они не могли бы посчитать это даже шуткой... Но, увы! История, ее поток необратим. Только мысленно можно задать эти вопросы тем, кого давно уже нет... Сталин стал "героем" задним числом.

Хотя Сталин был членом партии с конца 90-х годов прошлого столетия, членом ЦК с 1912 года, членом различных Советов, комитетов, редакций, наркомом по делам национальностей, — это все ему создавало лишь официальный (в известном смысле — бюрократический) статус. Присутствие Сталина на многочисленных заседаниях, совещаниях, конференциях свидетельствовало лишь о том, что он входил в высшие эшелоны руководства. Все это позволяло ему узнать, изучить широкий круг людей, глубже постичь механизм аппаратной работы, набраться политического опыта. А главное, заслужить оценку Ленина о себе как о надежном политическом работнике, способном не только на прямолинейные решения и действия, присущие простому исполнителю, но и на умелые компромиссы, лавирование, выделение главного звена в широком спектре возникающих проблем. В октябрьском большевизме Сталин был центристом, умеющим выжидать и приспособливаться.

Спасительный шанс

В Октябрьскую революцию Россия вышла из берегов. Социальное половодье все сметало на своем пути. Главный месяц главного года новой истории Советской России оказался исключительно бурным и триумфальным для большевиков. Сравнительно небольшая партия еще в канун 1917 года в течение нескольких месяцев превратилась в мощную политическую силу. Однако "медовый месяц" был слишком кратким. Отодвинутые, казалось, проблемы заявили о себе уже в конце незабываемого года грозными, смертельными опасностями. Большевики, захватывая власть, обещали народу землю, хлеб, мир. Землю они начали давать. Земля давала надежду на хлеб. Но мир зависел не только от большевиков; как нельзя аплодировать одной ладонью, так и мира нельзя добиться лишь одной стороне. Тем более мира справедливого, демократического, без аннексий и контрибуций... Как его достичь, если полчища Габсбургов и Гогенцоллернов уже топтали западные земли России?

Никто так остро не понимал драматизма момента, как Ленин. Уже спустя несколько дней он, став Председателем Совета Народных Комиссаров, инструктирует А. А. Иоффе, которого направляет во главе делегации для переговоров с германским командованием.

Первоначально казалось, что успех будет достигнут быстро, ибо уже 2 декабря 1917 года было подписано перемирие до 1 января 1918 года. Вскоре начались переговоры о мире. К Иоффе прибыло подкрепление в лице Каменева, нескольких других большевиков и левых эсеров. Но обстановка стала иной: в Берлине шовинистические силы взяли верх и нацелились на достижение максимально возможного. Там уже знали, что русские окопы наполовину пусты и за спиной советской делегации находится лишь тень былой силы. Немцы выдвинули условия аннексионистского мира, чреватого утратой для России обширных территорий.

Вождь революции проявил невиданную прозорливость и волю. Если мы не подпишем мир, тяжелый, несправедливый, то "крестьянская армия, невыносимо истомленная войной, после первых же поражений — вероятно, даже не через месяцы, а через недели — свергнет социалистическое рабочее правительство"³³. Речь шла, таким образом, о судьбах революции. На совещании ЦК по вопросу о мире столкнулись две полярные точки зрения: Ленина и "левых" коммунистов. В результате голосования противники мира, сторонники "революционной войны" вначале получили большинство голосов.

"Левые" коммунисты, к которым следует прежде всего отнести Бухарина, Бубнова, Преображенского, Пятакова, Радека, Осинского, Ломова, предлагали сделать упор на подъем революционного движения в Европе. Без немедленного революционного взрыва в Европе наша революция погибнет, заявлял Пятаков. Революционная война против германского империализма, считали "левые", способна подтолкнуть пролетариат на революционное выступление против своих правительств. Нужно сказать, что революционные симптомы, наблюдавшиеся во многих странах Европы, "левые" приняли за начало континентального пожара — детонатора мировой революции.

Известно, что Троцкий, возглавивший на следующем этапе советскую делегацию в Брест-Литовске, несмотря на то что соотношение сил в ЦК к моменту его отъезда изменилось в пользу мира, сделал неожиданный шаг. 10 февраля 1918 года после непродолжительных дебатов по частным вопросам Троцкий вдруг заявляет о прекращении переговоров. "Наш

солдат-пахарь, — говорит он, — должен вернуться к своей папаше, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещика передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания... Мы выходим из войны... Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий... В связи с этим заявлением, — продолжал Троцкий, — я передаю следующее письменное и подписанное заявление:

"Именем Совета Народных Комиссаров, Правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов, воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным.

Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту.

Брест-Литовск,

10 февраля 1918 г.

Председатель российской мирной делегации

Народный Комиссар по иностранным делам *Л.Троцкий*

Члены делегации: *В. Карелин, А. Иоффе, М.Покровский, А.Бищенко*

Председатель Всеукраинского ЦИК *Медведев*⁵⁴.

Выступая через три дня на заседании ВЦИК, Троцкий пытался доказать, что его решение "революционирует" революционное движение на Западе, что лозунг "ни мира, ни войны" будет поддержан даже немецкими солдатами. Но этот необычный лозунг открывал агрессору дорогу в глубь России. В истории и по сей день авторство этой фразы приписывают Троцкому. Однако еще в апреле 1917 года французский посол в Петрограде Палеолог в своем донесении в Париж так оценивал военные возможности русского союзника: "На нынешней стадии революции Россия не может заключить ни мира, ни вести войну"⁵⁵. Знал ли Троцкий о "приоритете" оценки французского посла, сказать трудно.

Через несколько дней германские войска начали наступление по всему фронту. Немецкие сапоги вскоре топтали землю в Двинске, Вендене, Минске, Пскове, десятках других городов и сел России... Наконец после ожесточенной дискуссии ЦК принял решение подписать мир на немецких условиях семью голосами против четырех...

Германия, по выражению Чичерина, "приставив ко лбу революционной России пистолет", оформила грабительский мир. От страны отторгались Польша, Литва, Эстония, Курляндия, Карс, Батуми, острова на Балтике... Но партии предстояло еще отстоять этот мир на своем VII экстренном съезде и IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, состоявшихся с недельным интервалом в марте.

Скажу сразу, роль Сталина на этом фоне по большей части была пассивной. Не столько из-за несогласия с той или иной позицией, а просто в силу недостаточной ясности для него всей этой сложной и динамичной проблемы. 23 февраля, например, на заседании ЦК, когда Ленин, чтобы оказать давление на своих товарищей, пошел (в критической ситуации!) на угрозу выхода из правительства и ЦК в случае отклонения его предложения подписать мир, Сталин дрогнул и заколебался, успев, правда, задать вопрос: "Означает ли уход с постов фактический уход из партии", на что Ленин ответил отрицательно.

Растерянность, которая нечасто посещала Сталина, особенно проявилась тогда, когда раздались голоса о том, что "честь революции превышает ее гибель". Ломов, тот прямо заявлял: "Не пугайтесь отставки Ленина. Революция дороже". Урицкий говорил, что этим "позорным миром мы не спасем Советскую власть". Сталин под влиянием этих разноречивых мнений, суждений, как уже говорилось, неожиданно занял неопределенную, выжидательную позицию: "Мира можно не подписывать". Ленин на это ответил: "Сталин неправ, когда он говорит, что можно не подписать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели. Эти условия Советской власти не трогают. У меня нет ни малейшей тени колебания. Я ставлю ультиматум не для того, чтобы его снимать. Я не хочу революционной фразы"⁶⁶.

В своем страстном содокладе на съезде Бухарин решительно атаковал позиции Ленина, не останавливаясь перед такими оценками: вождь "спекулирует" на фразах, дает "неточные характеристики", "дело обстоит не так, как рисует т. Ленин", "иллюзиями живет т. Ленин, а не мы". Свое несогласие с ним Бухарин изложил прямо: "... та перспектива, которую предлагает т. Ленин, для нас неприемлема... Но мне кажется, мы полагаем, по крайней мере, что у нас есть выход. Этот выход, который отвергается т. Лениным и который с нашей точки зрения необходим, — этот выход есть революционная война против

германского империализма⁵⁷. Но революционный пафос левых разбился о трезвый прагматизм Лейбина.

Троцкий до конца остался на своих позициях. В своей речи на VII съезде партии он заявил: "Я воздержался от голосования в Центральном Комитете при решении этого важнейшего вопроса по двум причинам: во-первых, потому, что я не считаю решающим для судеб нашей революции то или другое наше отношение к этому вопросу... По вопросу о том, где больше шансов: там или здесь, — я думаю, что больше шансов не на той стороне, на которой стоит тов. Ленин... И только один голос в Центральном Комитете раздавался за то, чтобы немедленно подписать мир: это голос Зиновьева". Говоря о тех, кто настоял на подписании мира, Троцкий заявил, что этот путь имеет "некоторые реальные шансы. Однако это есть опасный путь, который может привести к тому, что спасают жизнь, отказываясь от ее смысла"⁵⁸.

Хотя десятилетиями в советской историографии этот факт замалчивался, Ленин дал дифференцированную оценку позиции Троцкого. Выступая с заключительным словом по Политическому отчету ЦК, он заявил 8 марта 1918 года:

"Дальше я должен коснуться позиции тов. Троцкого. В его деятельности нужно различать две стороны: когда он начал переговоры в Бресте, великолепно используя их для агитации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем... Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан"⁵⁹.

Страна, народ так устали от войны, что любая возможность передышки воспринималась большинством людей как спасительный шанс. Этот шанс Ленин и его наиболее близкие соратники смогли не просто уловить, но и использовать. В истории есть мало подобных прецедентов прозорливости и мудрости в решении столь сложных вопросов, какими являются война и мир. Ленин не побоялся обвинений в "капитулянтстве", "отступлении", "сдаче на милость империализма", которыми осыпали его левые эсеры, "левые" коммунисты, люди фразы, прямолинейно, примитивно понимавшие суть революционной чести. Оставались с ним в эти драматические дни Зиновьев, Стасова, Свердлов, Сокольников, Смилга и Камецев. В решающие минуты и Сталин голосовал за Ленина.

Российская Вандея

Вожди Октября в своих речах часто искали аналогии и примеры из истории Великой французской революции. В начале 1918 года, менее чем через полгода после победоносного Октябрьского восстания, у них появился повод вспомнить Вандею — обширную область в Западной Франции, между Бретанью и Луарой. В июне 1793 года Вандея восстала. Новое никогда не принимается сразу всеми. Для неграмотных мужиков, подстрекаемых загнавшими в угол богатыми собственниками и фанатичным духовенством, революция представляла в виде загадочного чудовища, пожирающего без разбора все существовавшее и привычное. Кровавая междоусобица охватила Бретань, Нормандию, Пуату, Бордо, Лимож. Вандея стала эпицентром провинциальной контрреволюции. "Вандея обратилась, — отмечал П.А. Кропоткин, — в гнойную рану республики"⁶⁰, став символом жестокой гражданской войны, усугубляемой иностранным вмешательством. В Советской России зрела собственная Вандея.

Передышка была недолгой. Уже в марте — апреле 1918 года началась иностранная военная интервенция, возродившая у буржуазии и помещиков надежду на реванш. Повсюду мятежи, контрреволюционные выступления белого офицерства, казаков, кулаков, националистов. Страна, разрушенная четырехлетней войной, оказалась не просто в огненном кольце — она была сама вся в пламени войны. У Республики не было границ. Были одни фронты.

В Париже, Лондоне, Берлине, Токио, Вашингтоне, десятках других столиц мира были уверены: Россия в агонии. На это время приходится одна из самых крупных волн эмиграции. Буржуа, помещики, промышленники, профессура, значительная часть творческой интеллигенции, крупные чиновники покидали Россию. В своих статьях, заявлениях, обращениях многие из них живописали не только ужас, который пришел в страну после захвата власти "торжествующим хамом", но и предрекали скорый конец Советов. М.И. Калинин, выступая несколько лет спустя по поводу публикаций в белогвардейских "Днях", писал в "Известиях": "Сейчас вы — жертвы, несущие невзгоды гражданской войны, но и ваши невзгоды, как бы они ни казались вам велики, являются каплей в море народного страдания от

1914 до 1917 года. Вы не видели народных мук, вы их заглушали патриотическим боем...⁶¹

Конец Советской власти казался недалеким. Тем более что началась настоящая охота на комиссаров. В Петрограде эсер Леопид Кенегиссер выстрелом сражает Моисея Урицкого; в июле убит белогвардейцами Семен Нахимсон, известный комиссар латынских стрелков. Комиссар продовольствия Туркестанской республики Александр Першин погиб от рук мятежников в Ташкенте. В мае 18-го Федор Подтёлков и Михаил Кривошлыков, известные большевики Дона, гибнут на белоказачьей виселице. Бывший генерал-лейтенант царской армии Александр Таубс, перешедший на сторону революции и ставший начальником Сибирского штаба, попал в руки белогвардейцев и был замучен. Но самый страшный удар в 1918 году контрреволюция нанесла в Москве. После выступления Ленина перед рабочими завода Михельсона в него стреляла эсерка Фанни Каплан.

Кровавая межа раскалывает Россию. Вандея гражданской войны, когда брат мог идти на брата, отец сражаться со своими сыновьями, захлестнула многострадальную Россию. Слова Жана Жореса, обращенные к Вандее 1793 года, словно были написаны и для характеристики гражданской войны в России: "Сколько неистовых страстей загорается в этих городах, ощутивших почти у самого сердца острие ножа! Какая ненависть вспыхнет завтра! Сколько репрессий и против врага, и против тех, кого заподозрят в том, что они были его сообщниками, помогавшими ему активными действиями или своей инертностью!"⁶² По своей ожесточенности и непримиримости гражданская война в России сродни той глубокой классовой ненависти, которая разделила народ на два враждующих лагеря. Обычно плешых не берут. Белые поднимают на штыки раненых красноармейцев в лазаретах. В схватках нет милосердия. По фронтам гуляет тиф. В оврагах расстреливают заложников. Жизнь падает в цене. Классовый зов сильнее сострадания, жалости, мудрости, рассудительности. Страна залита кровью соотечественников. Войну эту вели не только вооруженные силы соперничающих классов, в ней фактически участвовала и большая часть населения. Главным катализатором и вдохновителем этой войны была иностранная военная интервенция. "Всесмирный империализм, — отмечал В.И. Ленин, — который вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании..."⁶³ ВЦИК объявляет Советскую Республику военным лагерем, создает Реввоенсовет Республики во главе с

Троцким. Главкомандующим вооруженными силами назначается И.И. Вацетис, его сменяет С.С. Каменев. В ответ на белый террор начинается террор красный.

В гражданской войне Сталин более заметен. Он выполняет поручения Центрального Комитета партии, они сложны и ответственны. На правом фланге Восточного фронта к середине 1918 года важную роль стал играть Царицын. Не столько из-за военных соображений, сколько из-за продовольственных трудностей. Сталина посылают на юг, в Царицын, как чрезвычайного уполномоченного ЦК по продовольственному снабжению. 31 мая В.И. Ленин подписывает постановления СНК от 29 и 30 мая 1918 года о назначении И.В. Сталина и А.Г. Шляпникова общими руководителями продовольственного дела на юге России, облеченными чрезвычайными правами⁶⁴. Иссущающая петля голода все туже затягивалась на жизненных артериях политических и промышленных центров России. У Ленина, по-видимому, уже сложилось мнение об одном из наркомов Советского правительства как надежном исполнителе. Начиная с момента приезда Ленина в Петроград, ему довольно часто приходилось встречаться с немногословным кавказцем. Он редко задавал вопросы, публично не подвергал сомнению принимаемые ЦК решения, брался за любое поручение. Казалось, что он был доволен уготованной ему ролью незаметного, но надежного функционера. Так же спокойно Сталин воспринял свое направление в Царицын. Перед отъездом на юг ему сообщили, что Ленин в добавление к постановлению СНК отдал распоряжение ответственному работнику Наркомвоен С.И. Аралову выделить отряд в 400 человек (в том числе обязательно 100 латышских стрелков) для отправки его вместе со Сталиным⁶⁵.

Сразу же Сталину пришлось решать военные задачи: Царицын оказался в плотном кольце казачьего окружения. Он входит в Военный совет округа. За короткое время Военному совету округа удалось объединить разрозненные части, провести мобилизацию, сформировать несколько новых дивизий, ряд специальных частей, колонну бронепоездов, создать рабочие отряды ополчения. По просьбе Сталина Ленин направляет срочную телеграмму Главному управлению водного транспорта с предписанием немедленно и беспрекословно исполнять все приказы и распоряжения чрезвычайного уполномоченного СНК наркома И.В. Сталина⁶⁶.

Положение Царицына стало более прочным, когда сюда пробились из Донбасса части бывшей 5-й армии под командо-

ванием Ворошилова. Интересно отметить, что свои донесения Сталин не направлял Троцкому, хотя оперативно находился в его подчинении, а через голову главкома, Председателя Реввоенсовета Республики часто напрямую обращался прямо к Ленину с мелкими вопросами. Для большинства телеграмм Сталина характерно отсутствие глубоких обобщений, политических оценок, прогнозов. Они, если так можно сказать, сугубо эмпиричны. В результате принятых Центром и Военным советом мер Царицын за короткий срок подготовился к осаде. Несмотря на помощь Деникину со стороны предателя, бывшего царского полковника военспеца Носовича, штурм Царицына не принес успеха белогвардейцам. В последующем Царицын, как и другие места, где бывал во время гражданской войны Сталин, приобрели не просто легендарное, а прямо-таки мистическое значение в нашей истории.

Сталин, не обладая оперативными, тактическими познаниями, в критические моменты битвы за Царицын проявил диктаторские замашки, "твердую руку". В записке в Центр Сталин пишет: "Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим положение. Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб все же дадим. Если бы наши военные "специалисты" (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им"⁶⁷. Измена Носовича, ряда других бывших офицеров царской армии усилила и без того подозрительное отношение Сталина к военспецам. Нарком, облеченный чрезвычайными полномочиями по вопросам продовольственного дела, не скрывал своего недоверия к специалистам. По инициативе Сталина большая группа военспецов была арестована. На барже создали плавучую тюрьму. Многие были расстреляны. У него были последователи. Не случайно В.И. Ленин в своей речи по военному вопросу на VIII съезде партии осудил партизанщину и однозначно сказал, что "на первом плане должна быть регулярная армия, надо перейти к регулярной армии с военными специалистами"⁶⁸. Сталин публично не возражал Ленину, но даже в конце 30-х годов корпоративная принадлежность красного командира к царскому офицерству в прошлом являлась отягчающим обстоятельством.

Реввоенсовет Южного фронта в составе И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, председателя Царицынского Совета С.К. Минина и командующего фронтом П.П. Сытина работал недружно. Сталин считал, что решения, даже незначительные, должны приниматься только коллегиально, а Сытин, как командую-

щий, пытался в соответствии с военной логикой избегать бесконечных "согласований" и "уточнений" при принятии решений. Сталин дает понять Москве, что Сытин не заслуживает доверия. Сытин отвечает докладной запиской в Реввоссовет Республики. В ней он утверждает, что Минин, Сталин и Ворошилов ограничивают его деятельность как командующего фронтом, требуя согласования всех, даже мелких, вопросов с Военным совстом, что резко осложняет оперативное управление⁶⁹. Сталин одержал верх: в начале ноября 1918 года Сытин был отозван с поста командующего.

Сталин в конце концов поставил военспецов в положение постоянно контролируемых. Он знал, что Троцкий держал сторону военспецов. Уже тогда между Сталиным и Троцким вспыхивали не раз телеграфные стычки, которые положили начало глубокой неприязни друг к другу, перешедшей во враждебность, а в конце концов и в ненависть.

Сталин не утруждал себя посещением окопов, лазаретов, сборных мест и наблюдательных пунктов. Он был постоянно в штабе, без конца слал депеши, вызывал комиссаров, командиров, требовал донесений, сводок, угрожал трибуналом, посылал людей для контроля. Уже в годы гражданской войны Сталин не раз прибегал к крайним мерам — распоряжениям о расстреле саботажников, подозрительных военспецов, лиц, которые, по его мнению, вредили делу. Так было в Царицыне, Перми, Петрограде. Ленин в своей речи на VIII съезде партии прямо говорит о расстрелах во время пребывания Сталина в Царицыне, о разногласиях между ними по этому вопросу⁷⁰. Военные обстоятельства таковы, что задним числом не всегда можно верно оценить необходимость тех или иных мер. Вандей была кровавой. Такой же была и гражданская война. Сталин в этой войне чувствовал себя более уверенно, чем в октябре 17-го. Он был похож на комиссара Конвента Каррье, описанного Ж. Мишле, который считал естественным безудержное выплескивание жестоких страстей и насилия во имя достижения цели. В годы гражданской войны Сталин поверил во всемогущество насилия, которое, по его мнению, всегда оправданно в отношении врагов.

Стиль его работы многим не нравился. Наиболее проницательные командиры не могли не почувствовать уже тогда, что у этого человека железная хватка, его трудно "столкнуть" на случайное решение, повлиять на его замысел. Интересно в этом отношении письмо Антонова-Овсеенко от 19 мая 1919 года в Центральный Комитет РКП(б), в котором он жалуется на "неспра-

ведливое отношение к нему как командующему Украинской армией". Отмечая слабую поддержку Центра в его деятельности, он тем не менее пишет, что "Лев Давидович это понимает" (речь идет о Троцком), но что "стоило тов. Сталину цыкнуть, как украинские товарищи перешли от интриг к делу". Антонов-Овсеенко этим косвенно подтверждает способность Сталина влиять на положение дел на фронте.

Не зная тонкостей оперативного искусства, Сталин напирал главным образом на дисциплину, пролетарский долг, революционную сознательность и часто грозил "революционной карой". После Царицына Сталин почувствовал себя значительно увереннее среди своих сотоварищей по Центральному Комитету и Совнаркому. К этому времени в кругу партийных руководителей, членов ЦК, военруков Сталин был уже достаточно известным человеком. Правда, бывая на фронтах, выполняя задания Ленина, он каких-то особых "военных талантов" не проявил. Нет никаких достоверных объективных свидетельств, подтверждающих, что Сталин мог правильно оценить оперативную обстановку, сделать выводы о соотношении сил, выдвинуть оригинальную стратегическую идею. "Нажимной" стиль, впоследствии укоренившийся как командно-бюрократический, может считать своим автором прежде всего его, Сталина. Оперативные установки Сталина весьма упрощены, если не сказать — примитивны. Вот пример его обычных фронтовых указаний. Во время разговора по прямому проводу члена Реввоенсовета Южного фронта И.В. Сталина с членом Реввоенсовета 14-й армии Г.К. Орджоникидзе в октябре 1919 года Орджоникидзе доложил, что армия готовится отбить обратно город Кромы. Нужны подкрепления. Сталин отвечает:

"Смысл нашей последней директивы в том, чтобы дать вам возможность вновь собрать эти полки в одну группу и истребить лучшие полки Деникина. Повторяю — истребить, ибо речь идет об истреблении. Взятие Кром противником — эпизод, который всегда можно исправить, основная же задача — не пускать полков ударной группы поодиночке, а бить противника единой массивной группой в одном определенном направлении"¹¹.

Силовой напор в указаниях члена Реввоенсовета Южного фронта всегда ощущается, чего нельзя сказать о военном искусстве руководителя. Хотя именно о полководческом искусстве Сталина в 30-е годы и позже написано немало книг и защищены диссертаций. Особенно апологетичны работы К.Е. Ворошилова о Сталине как "величайшем полководце всех времен". А ведь

он был не военный руководитель, а политический представитель Центра, уполномоченный, в ряде случаев член Реввоенсовета. Для победы в гражданской войне многие члены и кандидаты в члены ЦК сделали не меньше, а больше, чем Сталин. Это прежде всего Л.Д. Троцкий, С.И. Гусев, И.Н. Смирнов, И.Т. Смилга, Г.Я. Сокольников, М.М. Лашевич, Л.П. Серебряков, А.С. Бубнов, К.Х. Данишевский...

Как бы там ни было, личное участие Сталина в гражданской войне отмечено не только исполнением им своих обязанностей комиссара двух наркоматов — по делам национальностей и государственного контроля. Оно заметно и в политическом, пропагандистском и собственно в военном отношениях. В ходе гражданской войны Ленин часто использовал Сталина как чрезвычайного уполномоченного ЦК, направляемого для инспекции, проверки, выправления дела, получения подробной информации. Так, в июне 1918 года В.И. Ленин телеграфирует Сталину о том, что распоряжения правительства о потоплении кораблей Черноморского флота должны быть безусловно выполнены, в противном случае виновные будут объявлены вне закона. В телеграмме Сталину предлагается направить в Новороссийск авторитетного работника, способного провести этот приказ в жизнь⁷². Выступая в этом же месяце на конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы, В.И. Ленин в ответ на вопрос о судьбе Черноморского флота объяснил ситуацию, добавив: "Народные комиссары — Сталин, Шляпников и Раскольников приезжают скоро в Москву и расскажут нам, как было дело"⁷³.

Ленин, инструктируя, наставляя Сталина перед поездками на фронт, видел в нем не только члена ЦК, но и одного из представителей многонациональной страны, судьба которой в огромной степени зависела от союза России с другими советскими республиками. Готовя проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) по защите Азербайджана, Ленин собственноручно написал: поручить Сталину через Оргбюро "выудить отовсюду максимальное количество мусульман-коммунистов для работы в Азербайджане"⁷⁴.

Роль политического руководителя в отдельных "главах" гражданской войны Сталин исполнял неоднократно. Так, во время первой контрреволюционной попытки ликвидировать Советскую власть с помощью мятежа генерала Краснова Сталин по поручению Ленина вместе с Дзержинским, Орджоникидзе, Подвойским, Свердловым, Урицким принимал участие в организации обороны Петрограда, мобилизации сил для разгро-

ма мятежников. По предложению Ленина Сталин выполнял конкретные задания по приведению в боевую готовность войск Петроградского гарнизона, строительству оборонительных рубежей, созданию отрядов Красной гвардии на заводах и фабриках.

Уже здесь многие имели возможность убедиться в напористости и непреклонности Сталина, диктовавшего директивы, отдававшего распоряжения голосом, не терпящим возражений. Но одновременно наблюдательные партийцы замечали не только его напористость, но и мстительность, злопамятность. В декабре 1918 года Сталин вместе с Ворошиловым обвинил в дезорганизаторстве члена Реввоенсовета Южного фронта А.И. Окулова. По настоянию Сталина Ленин принимает решение: "Ввиду крайне обострившихся отношений Ворошилова и Окулова, считаем необходимым замену Окулова другим"⁷⁵. Ленин, согласившись в данном случае со Сталиным, на VIII съезде партии сказал свое слово в защиту Окулова: "Тов. Ворошилов договорился до таких чудовищных вещей, что разрушил армию Окулов. Это чудовищно. Окулов проводил линию ЦК, Окулов нам докладывал о том, что там сохранилась партизанщина"⁷⁶. В июне 1919 года в Петрограде у Сталина вновь произошла стычка с Окуловым, который требовал подчинения Петроградского военного округа командованию Западного фронта. В результате настойчивых требований Сталина, чрезвычайного уполномоченного ЦК РКП(б) и Совета Оборона в Петрограде, Ленин поручает зампредреввоенсовета Склянскому отправить от его имени телеграмму: отозвать Окулова, "дабы конфликт не разросся"⁷⁷. Но в итоге Сталин все припомнил Окулову в конце 30-х годов.

Пожалуй, в гражданской войне Ленин начал активно использовать Сталина еще с момента ликвидации мятежа Духонина. Когда 9 ноября 1917 года В.И. Ленин находился у аппарата прямой телеграфной связи со ставкой Духонина, рядом с ним были Сталин и Крыленко. Монархист Духонин игнорировал распоряжения Советского правительства. Тогда, после краткого совещания, здесь же, у прямого провода, Ленин передал в Ставку короткий приказ: Духонин отстраняется от поста главнокомандующего армией и вместо него назначается народный комиссар по военным делам прапорщик Н.В. Крыленко. Через день новый главком в сопровождении отряда в 500 бойцов выехал в Ставку. Несмотря на попытки Крыленко и других предотвратить самосуд, Духонин был убит.

В.И. Ленин, Реввоенсовет Республики использовали Стали-

на и для расследования причин поражений, катастроф на отдельных участках фронта. Это было необходимо, ибо не только неорганизованность характеризовала действия войск на ряде направлений, но иногда и прямое предательство отдельных попутчиков революции, замаскировавшихся монархистов и белогвардейцев. Когда в декабре 1918 года потерпела крупную неудачу 3-я армия в районе Перми, что создавало серьезную угрозу соединения Колчака с силами контрреволюции на севере и частями английских, американских и французских войск, оккупировавших значительные территории у Мурманска и Архангельска, ЦК РКП(б) командировал в Вятку специальную комиссию во главе со Сталиным и Дзержинским. Ей вменялось в обязанность разобраться в причинах поражений и принять необходимые меры для выправления положения. Посланцы-уполномоченные действовали решительно и без промедлений. Группа лиц, признанных ответственными за поражение, была предана военному трибуналу. Слабые командиры и комиссары отстранялись от руководства войсками. Были сделаны акценты на усиление политической работы с красноармейцами, укрепление дисциплины, улучшение снабжения. Сталин, всегда относившийся к командирам из военспецов с подозрением, используя действительные факты измены некоторых бывших офицеров, действовал круто, безжалостно.

В своем донесении в Центр Сталин пишет, что в результате принятых мер боеспособность войск восстановлена. 3-я армия (совместно со 2-й) в январском контрнаступлении смогла восстановить положение. В тылу армии идет серьезная чистка советских и партийных учреждений. В Вятке и уездных городах организованы революционные комитеты. Очищена и укреплена новыми работниками губернская чрезвычайная комиссия.

Выводы Сталина, как всегда, категоричны. Вот, например, как он оценивал Реввоенсовет 3-й армии. Он "состоит, — писал Сталин, — из двух членов, один из коих (Лашевич) командует, что касается другого (Трифонов), так и не удалось выяснить ни функций, ни роли последнего: он не наблюдает за снабжением, не наблюдает за органами политического воспитания армии и вообще как будто ничего не делает. Фактически никакого Реввоенсовета не существует"⁷⁸.

В докладе Сталин, не называя имени Троцкого, прозрачно говорит о слабой роли "некоторых руководителей" Реввоенсовета Республики, ограничивающих свою работу отдачей лишь "общих распоряжений". Но перегибы Сталина пришлось исправлять. По его распоряжению большая группа работни-

ков была отдана под военный трибунал. Заседание ЦК (5 февраля 1919 г.), рассмотревшее доклад уполномоченных, решило: "Всех арестованных комиссией Сталина и Дзержинского в 3-й армии передать в распоряжение соответствующих учреждений..." В этой поездке Сталин ближе узнал Дзержинского и, похоже, проникся к нему уважением за обстоятельность в делах и решительность. Ведь решительность и волю он ценил больше всего; дефицита этих качеств у самого Сталина никогда не было.

Иногда его решительность проявлялась в категоричных требованиях и к Центру. В своем письме к В.И. Ленину с фронта 3 июня 1920 года он потребовал скорейшей ликвидации Крымского фронта. Нужно, писал Сталин, "либо установить действительное перемирие с Врангелем и тем самым получить возможность взять с Крымского фронта одну-две дивизии, либо отбросить всякие переговоры с Врангелем, не ждать момента усиления Врангеля, ударить на него теперь и, разбив его, освободить силы для Польского фронта. Нынешнее положение, не дающее ясного ответа на вопрос о Крыме, становится нестерпимым"⁷⁹. В.И. Ленин прямо на этом письме написал Троцкому: "Это явная утопия. Не слишком ли много жертв будет стоять? Уложим тьму наших солдат. Надо десять раз обдумать и примерить. Я предлагаю ответить Сталину: "Ваше предложение о наступлении на Крым так серьезно, что мы должны осведомиться и обдумать архиосторожно. Подождите нашего ответа."

*Ленин. Троцкий*⁸⁰.

Получив ответную записку Троцкого, где говорилось, что Сталин, обращаясь непосредственно к Ленину, нарушает сложившийся порядок (по его мнению, об этом должен был бы доложить командующий Юго-Западным фронтом А.И. Егоров), Ленин приписал: "Не без каприза здесь, пожалуй. Но обсудить нужно спешно. А какие чрезвычайные меры?"⁸¹

Несмотря на попытки Ленина наладить отношения Сталина и Троцкого, они были холодно-настороженными. Будущий генсек болезненно воспринимал рост популярности Троцкого, считал ее незаслуженной. Во время редких приездов в Москву в Реввоенсовете Республики ему показали несколько телеграмм схожего содержания. Приведу одну из них:

"Председателю Реввоенсовета тов. Троцкому.

В первую годовщину Октябрьской революции... граждане села Кочетовки Зосимовской волости Тамбовской губернии постановили переименовать село, назвав его вашим именем —

село Троцкое. Мы просим разрешить нам называть наше село дорогим для нас именем вождя и вдохновителя Красной Армии.

Председатель совдепа С. Нечаев”.

К слову говоря, первые переименованные города в Советской России (вынешние Гатчина и Чапаевск) еще в гражданскую войну стали носить имя Троцк.

В военной переписке Ленина встречаются несколько раз фразы, выражающие удивление обидчивостью и препирательством Сталина. Так, на одну из телеграмм Ленина о необходимости помочь Кавказскому фронту Сталин ответил: “Мне не ясно, почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня... Забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине, который и так перегружен работой”⁸². Сталин недоволен и напоминает Ленину, что он “и так перегружен работой”. Ленинский ответ был твердым и лаконичным:

”20 февраля 1920 г.

На вас ложится забота об ускорении подхода подкреплений с Юго-Запфронта на Кавфронт. Надо вообще помочь всячески, а не препираться о ведомственных компетенциях.

*Ленин*⁸³.

Но и позже нотки капризности в донесениях Сталина слышны весьма отчетливо. 4 августа того же года Ленин запросил телеграммой Сталина:

”Завтра в шесть вечера назначен пленум Цека. Постарайтесь до тех пор прислать Ваше заключение о характере заминок у Буденного и на фронте Врангеля, а равно и о наших военных перспективах на обоих этих фронтах. От Вашего заключения могут зависеть важнейшие политические решения.

Ленин”.

Сталин обескуражен. С одной стороны, он, видимо, не хочет нести ответственность за возможные “важнейшие политические решения”, а с другой — он никогда не обладал даром предвидения. В телеграмме он отвечает, что “война есть игра и всего учесть невозможно”, а по сути предложения Ленина отвечает:

”Я не знаю, для чего, собственно, Вам нужно мое мнение, поэтому я не в состоянии передать Вам требуемого Вами заключения и ограничиваюсь сообщением голых фактов без освещения.

*Сталин*⁸⁴.

Да, это был исполнитель директив Центра. Но когда от Сталина требовалось нечто большее, чем он хотел и мог, в его ответах и поведении явно чувствуются обида, недоумение, замешенные на капризности, которую так тонко уловил Ленин еще в годы гражданской войны.

Позволю сделать одно отступление. В архивах сохранилась обширная почта Л.Д. Троцкому. Особенно много писал ему А.А. Иоффе, его давнишний сторонник и единомышленник. В одном из своих пространных писем (более чем на 20 страницах!) Троцкому Иоффе фактически просит его протекции на какой-либо влиятельный пост, возможно народного комиссара РКИ. Иоффе пишет, что "если Сталина в интересах дела можно снять с поста Наркома РКИ, ибо он будет полезен на любом посту, а в РКИ не работает, то Чичерина все же нельзя снять с поста Наркома И.Д., ибо он нигде более полезен не будет..."⁸⁵. Трудно понять, почему Сталин будет "полезен на любом посту": потому что "не работает" или Иоффе учитывал потенциальные возможности наркома?

Писал Иоффе и Ленину. На что получил ответ такого содержания:

"Во-первых, Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что "Цека — это я". Это можно писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления...

Во-вторых... Как же объяснить дело? Тем, что Вас бросала судьба. Я это видел на многих работниках. Пример — Сталин. Уж, конечно, он-то бы за себя постоял. Но "судьба" не дала ему ни разу за три с половиной года быть ни наркомом РКИ, ни наркомом национальностей. Это факт...

Крепко жму руку.

Ваш Ленин⁸⁶.

В течение гражданской войны Сталин еще не раз направлялся, как и многие другие товарищи из Центра, уполномоченным ЦК на различные фронты. Так, весной 1919 года тяжелое положение сложилось в районе Петрограда. Юденич, войска Антанты планировали захватить колыбель революции в короткие сроки. Оборона Петрограда была возложена на 7-ю армию и Балтийский флот. Превосходящие силы контрреволюции подошли к Красному Селу, Гатчине. Главное командование Красной Армии перебрасывало крепкие части с других фронтов под Петроград. Сталин с мандатом чрезвычайного уполномоченного постоянно находился либо в Петроградском Совете, либо в штабе войск обороны. Как всегда, методы его работы были диктаторскими: отстранение несправившихся,

предание суду тех, кого он считал повинным в создавшемся положении, налаживание снабжения, "перетряска" управляющих органов. В штабе Западного фронта, как и в 7-й армии, был раскрыт заговор; заговорщики, естественно, расстреляны. Митинговая бесшабашность медленно уступала место деловой собранности и революционной решимости. В соответствии с воззванием "В защиту Петрограда" руководители обороны города Ремезов, Томашевич, Позерн, Шатов, Петерс, приехавший Сталин, другие товарищи готовили отпор контрреволюции. За оборону Петрограда Сталин, как и Троцкий, был награжден орденом Красного Знамени.

Все социальные революции олицетворяют насилие. Сталин это считал естественным. Протесты против применения силы называл "либеральной бесхребетностью". Его, например, возмутила статья М. Горького, опубликованная 7 (20) ноября 1917 года в "Новой жизни", где писатель утверждал: "...Ленин, Троцкий и сопутствующие им, отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия. Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути к "социальной революции" — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции"⁸⁷. Подобные заявления Сталин расценивал как проявления "гнилой" интеллигентщины. И, наоборот, всячески одобрял жесткость и готовность к террору. Приведу пример. Ленин в своей телеграмме в Свияжск Троцкому сообщал: "Получил Ваше письмо. Если есть перевес и солдаты сражаются, то надо принять особые меры против высшего командного состава. Не объявить ли ему, что мы отныне применим образец Французской революции, и отдать под суд и даже под расстрел как Вадетиса, так и командарма под Казанью и высших командиров в случае затягивания и неуспеха действий?"⁸⁸ Сталин считал такие предложения нормальными, ибо и сам, не задумываясь, прибегал на фронте к репрессиям.

Когда Сталин возвращался из очередной поездки, его использовали в аппарате ЦК для текущих дел. Ряд телеграмм с фронта свидетельствует, что Сталин уже в то время обладал определенной реальной властью. Так, 15 ноября 1921 года Троцкий в телеграмме Сталину ставит вопрос: "Необходимо твердо и окончательно урегулировать вопрос о закавказских национальных бригадах и военных складах". Троцкий далее обращается к Сталину по вопросу о том, что нужно провести

через Политбюро три решения в этой области. Это одна из редких телеграмм Троцкого Сталину. Они старались как бы не замечать друг друга. Взаимная неприязнь родилась у них вскоре после знакомства; Сталин в душе продолжал считать Троцкого меньшевиком. Ему не нравились самоуверенность Троцкого, его красноречие, авторитет, умение "подать себя". Сталина возмущало, что предреввоенсовета Республики разъезжал по фронтам в особом поезде в сопровождении одного, а то и двух бронепоездов, специального большого отряда затянутых в кожу молодых красноармейцев. Комфорт, которым окружал себя Троцкий, был для Сталина вызывающим. Но где-то в душе Сталин завидовал красноречию председателя, его энергии, популярности. Когда Троцкий публично заявлял: "Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни"⁸⁹, Сталин не осуждал этой линии. В душе он был с ней согласен. В критических ситуациях он сам прибегал к этим мерам, да и не только он. 12 мая 1920 года член Реввоенсовета Юго-Западного фронта доносил:

"Предреввоенсовета Республики тов. Троцкому.

На фронте 14-й армии были случаи позорного бегства частей во время наступления поляков. Отдан приказ расстреливать каждого десятого из сбежавших.

*Берзин*⁹⁰.

Вандея гражданской войны жестока и к врагам, и к своим. Как отмечал уже упоминавшийся Носович, бывший начальник штаба Северо-Кавказского военного округа (перебежавший затем к белым), Сталин не проявлял колебаний, если был уверен, что перед ним враги. Так, в Царицыне были арестованы инженер Алексеев, два его сына и несколько бывших офицеров, которых обвинили в причастности к контрреволюционной организации. Резолюция Сталина была лаконичной: "Расстрелять". Люди немедленно, без всякого суда, были расстреляны. Все это Сталин считал в порядке вещей, глубоко уверовав в "универсальность", безотказность карательных действий, способных обеспечить нужный политический "результат".

Такими методами пользовались тогда не только Берзин или Сталин. В том, что касалось репрессий, пример подавал Троцкий. Вот выдержка из его приказа № 10 от 8 августа 1918 года.

"Всем, всем, всем...

В поезде Наркомвоена, где пишется этот приказ, заседает Военно-революционный трибунал, который снабжен неограни-

ченными полномочиями. Назначенный мною начальник оборонно-железнодорожного пути Москва — Казань т. Каменьщиков распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы (так в тексте. — *Прим. Д.В.*), контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты, кроме тех, которые будут расстреливаться на месте преступления или приговариваться трибуналом к другим мерам...

Председатель Революционного военного совета *Л. Троцкий*⁹¹.

Почувствовав силу, способность влиять на события, текущие процессы, хотя и локального значения, но достаточно заметные, важные, Сталин в ряде случаев начинает проявлять свой характер, который в будущем станет одним из источников многих бед. Так, будучи членом Реввоенсовета Южного фронта, Сталин разошелся во мнениях с членом Реввоенсовета Республики Смилгой по вопросу о направлении главного удара по войскам Деникина. В рассуждениях Сталин был резок, груб, нетерпим. Для него было важно не просто настоять на своей точке зрения, но и одновременно унижить своего оппонента. Вместо терпеливого обсуждения с товарищами (ведь все они члены Совета) плюсов и минусов тех или иных предложений он занял непримиримую позицию, близкую к озлобленному неприятию других точек зрения. Сталин, если с ним не соглашались, спорили, призывал на помощь авторитет Центра, указания, директивы Москвы, выражал сомнения в благонадежности человека. Практически все, с кем у него были конфликты (а их было немало) в гражданскую войну, жестоко поплатились за это через два десятилетия. Сталин обладал злой памятью.

Будучи довольно долго членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта, он очень быстро нашел общий язык с его командующим А.И. Егоровым, будущим Маршалом Советского Союза, крупным военачальником, который с ведома и одобрения Сталина во времена кровавой чистки 1937 года будет репрессирован. На письмо Егорова о пощаде Сталин никак не отреагировал, хотя тот напоминал о том, что в гражданскую войну они не раз вместе "хлебали щи из одной миски". Но был эпизод, когда Сталин (редчайший случай!) заступился за того же Егорова. В Москве рассматривалось предложение Троцкого о замене Егорова на посту командующего фронтом за неудачи в Крыму. Спросили мнение Сталина. Оно оказалось весьма своеобразным и далеко выходило за рамки ответа на вопрос.

"Москва ЦК РКП, Троцкому.

Решительно возражаю против замены Егорова Уборевичем, который еще не созрел для такого поста, или Корком, который как комфронта не подходит. Крым проморгали Егоров и Главком вместе, ибо Главком был в Харькове за две недели до наступления Врангеля и уехал в Москву, не заметив разложения Крымской армии. Если уж так необходимо наказать кого-либо, нужно наказать обоих. Я считаю, что лучшего, чем Егоров, нам сейчас не найти. Следовало бы заменить Главкома, который мечется между крайним оптимизмом и крайним пессимизмом, путается в ногах и путает комфронта, не умея дать ничего положительного.

14 июня 20 г.

Сталин¹⁹².

Скорее всего, Сталин защитил Егорова потому, что предложение о снятии комфронта исходило от Троцкого. А что касается тех, кто "проморгал Крым", то ведь среди них был и Сталин... Уже в 1920 году Сталин мог безапелляционно заявить о главкоме С.С. Каменеве "путается в ногах...". Моральная ущербность Сталина давно стала его жизненным атрибутом. По мере упрочения его положения эта ущербность будет становиться все более опасной и зловещей. Следя за этой эволюцией, задаешься мыслью, а было ли у Сталина вообще понятие совести?

Близко знал Сталин со времен гражданской войны не только Егорова, но и многих других советских полководцев, рожденных революцией, — М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, А.И. Корка... После первых крупных успехов в борьбе с буржуазно-помещичьей Польшей войска Красной Армии, как известно, в 1920 году потерпели серьезное поражение. В будущем, почти через двадцать лет, Сталин вменит в вину Егорову, Тухачевскому, другим военачальникам "преступную медлительность, продиктованную предательскими замыслами". Ему и в голову не придет, что он, как член Военного совета, также нес полную ответственность и за удачу, и за поражение войск фронта.

Когда 2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение выделить крымский участок Юго-Западного фронта в самостоятельный Южный фронт, Военный совет фронта внес предложение передать Западному фронту 12, 14 и 1-ю Конную армии. Быстро осуществить эту операцию не смогли. А 13 августа Егоров и Сталин донесли главкому, что армии фронта уже втянуты в бой в районе Львов — Рава Русская и "изменение основных задач армиям в данных условиях считаем уже невозможным"¹⁹³.

Когда же главком С.С. Каменев направил командованию Юго-Западным фронтом новую директиву о передаче 12-й и 1-й Конной армий, Сталин отказался подписать директиву о передаче армий Западному фронту. Подписал ее лишь член Военного совета Р.И. Берзин. Пока шли эти препирательства, увязки, согласования, время было упущено. Вывод 1-й Конной армии с львовского направления начался лишь 20 августа, и оказать помощь Западному фронту она не успела. Конечно, вина за стратегический просчет лежит на Реввоенсовете Республики, на главкоме, командовании фронта. Но ведь еще 5 августа Сталин был согласен с предложением о передаче трех армий Западному фронту! А в решающий момент затормозил дело, что имело тяжелые последствия. Никаких усилий по реализации собственного предложения, утвержденного в Москве, Сталин не приложил. Он в такой же мере виновен в крупной неудаче, как Троцкий, Тухачевский, Егоров, другие должностные лица. Но, естественно, Сталин и не думал признавать собственного просчета. У него уже тогда рождались задатки "непогрешимости".

Ленин еще раз показал, что в оценке любых ситуаций никогда нельзя отступать от правды. Анализируя истоки неудачи, В.И. Ленин говорил, что, "когда мы подошли к Варшаве, наши войска оказались настолько измученными, что у них не хватило сил одерживать победу дальше, а польские войска, поддержанные патриотическим подъемом в Варшаве, чувствуя себя в своей стране, нашли поддержку, нашли новую возможность идти вперед. Оказалось, что война дала возможность дойти почти до полного разгрома Польши, но в решительный момент у нас не хватило сил"⁹⁴. Весьма характерно, что в последующем военные летописцы, подчеркивая "особые" заслуги Сталина в деле "перелома" на Южном, Восточном, Северо-Западном фронтах, никогда не вспоминали о его роли в польской кампании. Проявить с положительной стороны он себя там не смог. Объективные законы общественного развития, военного искусства "не работают" лишь от одного присутствия любого лица, без обеспечения соответствующих условий их реализации.

Абстрагируясь от всего того страшного, непростительного, что Сталин совершит в будущем, и не считая его злодеем от рождения, можно утверждать, что Сталин имел определенные заслуги в гражданской войне. Но это заслуги "уполномоченного", человека для поручений. Никакого "решающего вклада", как стали писать позже, Сталин не вносил. Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что Сталин с самого начала революции входит в высшие органы партии; вначале в Бюро ЦК, затем в

Политбюро и Оргбюро. Постепенно, исподволь, особенно к исходу гражданской войны, положение Сталина окрепло, он стал одним из основных членов руководящего ядра партии.

Внимательный анализ деятельности Сталина в это время показывает, что он уступал многим партийным лидерам. Как теоретик был не больше чем популяризатор, не славился ораторским искусством, что было важно в моменты исторических революционных потрясений; никто не мог о нем сказать, что это душевный, добрый человек. Моральными качествами, которые принято относить к добродетелям, Сталин был явно обделен. Но он имел нечто другое, чего не имели Зиновьев, Каменев, Троцкий, Рыков, Томский, Бухарин, другие вожди революции и молодого социалистического государства. Сталин неожиданно для многих проявил редкую целеустремленность и одержимость конкретной идеей. При достижении поставленных руководством целей его воля, напор, твердость, решительность производили впечатление на людей, с которыми он работал. Нельзя не видеть, что Сталин как руководитель сформировался в значительной мере в годы гражданской войны. Он почувствовал власть, понял ее механизм в центре и на местах, уверился в том, что нажим, напор, давление в критические моменты способны дать желаемые результаты.

В среде руководителей партии немало товарищей было из интеллигенции или, как однажды с сарказмом (уже в конце 20-х гг.) заметил Сталин, — "были писателями". Сталин никогда публично не развивал эту тему, прежде всего потому, что В.И. Ленин был тоже и "интеллигент", и "писатель", и "эмигрант". Но авторитет этого человека был столь велик, что Сталин, выдвинув позже концепцию "второго вождя", который был всегда "рядом с Лениным", никогда не допускал каких-либо прямых личных выпадов против действительного, бесспорного вождя партии и революции. Когда Ленин критиковал Сталина (по вопросу "автономизации", монополии внешней торговли, фронтовым делам и другим), тот обычно молча соглашался с ленинскими доводами. Духовная, интеллектуальная власть Ленина над Сталиным была очевидной.

Кто знает, не подстереги так рано смертельная болезнь Владимира Ильича, как дальше пошло бы становление Сталина в качестве руководителя "второго-третьего" ряда на одном из партийных или советских постов?! Кто знает? Исследователь, повторю это еще раз, имеет право противопоставить гипотезу свершившейся судьбе. Хотя для многих из нас, теперь уже немало знающих об этом человеке, сама мысль о Сталине-

руководителе (любого масштаба) отзывается болью и протестом.

Тот тонкий "интеллектуальный слой", представлявший "ленинскую гвардию", в решающий момент оказался не на высоте, позволив человеку с диктаторскими, цезаристскими наклонностями узурпировать власть в партии и государстве. Все они считали себя ленинцами, но в критическую минуту оказались неспособными выполнить последнюю волю единственного вождя нашей революции. Как и почему так произошло? Почему не была реализована другая альтернатива? Об этом еще долго будут спорить философы, писатели, историки. А река времени между тем продолжает нести события, которые нам остается лишь анализировать. Прошлое — не театр теней: там царствует не эфемерность, а необратимость.

глава 2

Предостережение ВОЖДЯ

*Самое редкое мужество —
это мужество мысли.*

А. Франс

Каждый человек стоит у дверей собственной судьбы. Что за ней, этой дверью, как он туда войдет, что ждет его за порогом и что станет в свое время драмой жизни человека — никто доподлинно не знает. Здесь нет фатальности, но все же... Мог ли кто думать по окончании гражданской войны, что в плеяде блестящих революционеров — соратников Ленина находится и тот, кто станет его преемником, не будучи талантливее умнее, ярче других? Мог ли сам Сталин при жизни Ленина даже представить себе, что именно он станет во главе партии, а фактически огромной страны и всего народа? Мог ли кто-нибудь тогда предположить, что стечение объективных и субъективных обстоятельств, несостоявшихся решений, исторических случайностей вынесет Сталина на самый высокий гребень власти в гигантском государстве? Едва ли. Скорее всего, и сам Сталин, пока Ленин был здоров, думал лишь о том, чтобы не выпасть из общей, весьма высокой по своему интеллектуальному и нравственному уровню когорты его соратников.

В любые времена — исторических переломов, народных потрясений, революционных катаклизмов — жизнь продолжает течь в бесчисленных сцеплениях человеческих судеб с их надеждами, трагедиями, радостями и разочарованиями. При решающей роли народных масс в конечном счете лидер, руководитель, вождь всегда играет важную роль. То, что во главе революции находился такой общепризнанный вождь, каким был Ленин, создавало обстановку максимально возможной в то время уверенности, оптимизма, своеобразной гарантии от нелепых случайностей. Думалось, что так будет и в дальнейшем.

Ленин редко жаловался на здоровье. Он был крепышом, способным выдерживать колоссальные физические и духовные нагрузки. Достаточно мысленно представить, сколько Ленин написал (сам, без обязательных теперь помощников и референтов!) гениальных вещей только в годы революции и

гражданской войны! Организационные задачи были необъятными. Биографическая хроника Владимира Ильича дает некоторое представление о титаническом объеме работы. И это при том, что на его плечах лежала колоссальная ответственность за судьбы самой революции, ее настоящего и будущего! Пока Ленин был здоров, вопрос о его возможных преемниках, "наследователях" его роли никогда не вставал. Но как только в конце 1921 года появились первые признаки нечеловеческого переутомления, а затем и болезни, все больше людей невольно стали задумываться: кто рядом с Лениным... "Первые слухи о болезни Ленина, — вспоминала Н.И. Седова, жена Л.Д. Троцкого, — передавались шепотом. Никто как будто никогда не думал о том, что Ленин может заболеть. Многим было известно, что Ленин зорко следил за здоровьем других, но сам, казалось, не был подвержен болезни. Почти у всего старшего поколения революционеров сдавало сердце, уставшее от слишком большой нагрузки. Моторы дают перебои почти у всех, жаловались врачи. "Только и есть два исправных сердца, — говорил профессор Гетье. — Это у Владимира Ильича и Троцкого"!

Как после трагедии писали в "Известиях" профессора Ферстер, Осипов, Абрикосов, Фельдберг, Вейсброт, Дешин и наркомздрав Семашко, "начало болезни Владимира Ильича Ульянова (Ленина) относится к концу 1921 года; точное время начала болезни определить трудно, так как, по всем данным, она развивалась медленно и лишь постепенно подтачивала его могучий организм в расцвете его деятельности, причем сам Владимир Ильич не обращал на свою болезнь должного внимания. В марте 1922 года врачи, исследовавшие Владимира Ильича, еще не могли обнаружить никаких органических поражений ни со стороны его нервной системы, ни со стороны внутренних органов вообще, но ввиду сильных головных болей и явлений переутомления ему было предложено отдохнуть в течение нескольких месяцев, вследствие чего он переехал в Горки. Однако скоро вслед за этим, в начале мая, обнаружилось первое признаки органического поражения мозга. Первый приступ выразился общей слабостью, утратой речи и резким ослаблением движения правых конечностей... Благодаря сильному организму и заботливому уходу окружающих, в июле уже наступило существенное улучшение, настолько закрепившееся в августе и сентябре, что в октябре Вла-

димир Ильич вернулся к своей деятельности, хотя и не в прежнем размере. В ноябре он произнес три больших программных речи¹.

По нынешним меркам, Ленин был еще молод. Но фактически с момента возвращения в Россию в апреле 1917 года Ленин не отдыхал. Рабочий день по четырнадцать—шестнадцать часов в сутки. Будучи уже больным, как рассказывают его секретари, он как-то заметил, что лишь дважды отдохнул за все эти годы. Первый раз, скрываясь в Разливе от ищек Временного правительства (но мы-то знаем, что за это время им был создан гениальный труд "Государство и революция"); второй — по "милости" Фанни Каплан, стрелявшей во Владимира Ильича. Такова, видимо, доля подлинных гениев: сжигать себя быстрее, чем другие люди. Они подобны свече, которая зажжена одновременно с обеих сторон: огромные официальные повседневные обязанности на работе, но и дома, в кругу семьи, никто и никогда не способен снять груз колоссальной ответственности за общество, государство, партию.

Ленин, почувствовав приближение серьезного недуга, понимал, что в его отсутствие может произойти нечто такое, что приведет к расколу в партийном руководстве. Думается, уже в конце 1921 года Владимир Ильич попытался по-особенному взглянуть на своих соратников. Может быть, уже тогда у него впервые родилась идея "Завещания"? В ноябре 1922 года, словно предчувствуя новые приступы жестокой болезни, Владимир Ильич, передавая библиотекарю Ш.М. Манучарьянц просмотренные книги, настоятельно просит оставить у него книгу Ф. Энгельса "Политическое завещание (Из неопубликованных писем)". На обложке пишет: "Сохранить на полке. 30.11.1922. Ленин"².

Менее чем через месяц, в ночь на 26 декабря, едва оправившись от тяжелого приступа, Ленин продиктует Л.А. Фотиевой третью часть "Письма к съезду". Именно оно, это "Письмо...", свидетельствует, что гений, будучи погруженным в клубок текущих проблем, все время думал о грядущем. О том, что будет после него. Поезд будущего всегда на подходе, и его остановить нельзя. Ленин был вождем без официального статуса, в силу исключительных интеллектуальных и нравственных качеств. Кто же был рядом с ним? Почему они оказались на гребне революции? Что было у этих людей за плечами? Как выглядел Сталин в плеяде ленинских соратников? Попытаюсь ответить на эти вопросы.

Плеяда соратников

Переход от мира к войне всегда труден. Но и переход от войны к миру непросто. Особенно в такой обстановке, какая сложилась в Советской России после гражданской войны и иностранной интервенции. Слова "разруха", "запустение", "голод" еще не полностью передают степень потрясения, деформации, ломки общества в начале 20-х годов. Россия представляла собою огромный революционный остров в море враждебных государств. Изнутри страна сотрясалась конвульсиями мятежей и глухого сопротивления новым порядкам целых губерний и уездов. Пожалуй, никто, как Ленин, не понимал, что новая власть столкнулась с огромной проблемой, от решения которой зависят судьбы страны. Революция победила, выстояла, утвердила власть Советов, но эта власть пока дала и могла дать крайне мало рабочему и крестьянину. Провозглашенные права на труд, отдых, социальное обеспечение, образование "военный коммунизм" обеспечить не мог. Чтобы уйти от перспективы нищенского коммунизма, чреватого крахом всего, нужны были энергичные, смелые идеи и шаги. Осуществить их могла тогда только партия, взявшая полностью власть в свои руки. Вокруг нее продолжала лихорадочно пульсировать жизнь. В начале 1921 года более 20 тысяч ячеек объединяли свыше 730 тысяч коммунистов. Почти четверть из них находилась в рядах Красной Армии. Началось сращивание партии и государства.

Главным органом управления страны по сути стал Центральный Комитет партии во главе с Лениным. В то время его численный состав был небольшим. Например, X съезд избрал ЦК в составе 25 членов и 15 кандидатов. Незначительно увеличился ЦК и на XI съезде, последнем, которым непосредственно руководил В.И. Ленин: 27 членов и 19 кандидатов. Пленумы Центрального Комитета проводились при жизни Ленина обычно один раз в два месяца. В его составе сложилось ядро главным образом из московских товарищей, на долю которых ложилась основная тяжесть текущей работы: решение вопросов хозяйственного и военного строительства, налаживание тесных связей с национальными отряда-

ми партии и определение курса по отношению, допустим, к "децистам"^{*}, "рабочей оппозиции"^{**}, реализация изповской попятки и т.д. При этом некоторые члены этого, как бы теперь сказали, "неформального", не "институционного" ядра сами часто примыкали к тем или иным группировкам, "платформам", фракциям... Все было внове. Партия стала правящей, ее власть — реальной. Поэтому от политических позиций, моральных качеств, профессионализма работников, составляющих руководящее ядро партии, зависело очень многое.

Ленин был единственным, кто на всех послевосенных съездах — X, XI и XII (хотя на нем он не присутствовал) — был избран в состав ЦК единогласно. Его влияние, пример, опыт, решения, теоретические труды, вся линия поведения были уникальны по мощи своего интеллектуального воздействия на Центральный Комитет партии и его руководящее ядро. Особенно остро все почувствовали это, когда Ленин заболел.

Сталин, выступая с организационным отчетом на XII съезде партии 17 апреля 1923 года, подчеркнул: "Внутри ЦК имеется ядро в 10 — 15 человек, которые до того наловчились в деле руководства политической и хозяйственной работой наших органов, что рискуют превратиться в своего рода жрецов по руководству. Это, может быть, и хорошо, но это имеет и очень опасную сторону: эти товарищи, набравшись большого опыта по руководству, могут заразиться самомнением, замкнуться в себе самих и оторваться от работы в массах... Если они не имеют вокруг себя нового поколения будущих руководителей, тесно связанных с работой на местах, то эти высококвалифицированные люди имеют все шансы заостенеть и оторваться от масс"⁴. Так говорил Сталин при жизни Ленина. Сохранение этой части доклада пронизано ленинской идеей по-

* "Децисты" — группа "демократического централизма" — в 1920 г. фракция в РКП(б), которую возглавляли бывшие "левые" коммунисты В.В. Осинский, Т.В. Сапронов, В.Н. Максимовский и другие. "Децисты" выступали против единоначалия в руководстве предприятиями, за неограниченную коллегиальность, противопоставляли "власть на местах" ее центральным органам, требовали свободы фракций и группировок в партии.

** "Рабочая оппозиция" — фракционная группа в РКП(б) (1920 — 1921 гг.), считавшая высшей формой организации рабочего класса не партию, а профсоюзы и предлагавшая передать им управление народным хозяйством. Участники — А.Г. Шляпников, М.К. Владимиров, А.М. Коллонтай, Ю.Х. Лутовинов, С.П. Медведев и другие.

стоянного обновления руководящего ядра. Через полтора десятка лет эволюция взглядов Сталина приведет его к совершенно другим выводам, хотя даже в 1937 — 1938 годах он нередко будет говорить правильные вещи. А поступать — диаметрально противоположно. Но тогда, в начале 20-х, дуализм слова и дела у него еще "визуально" не просматривался. В докладе на съезде, развивая мысль о руководящем ядре партии, по сути соратниках и учениках Ленина, Сталин сформулировал свою мысль следующим образом: "...ядро внутри ЦК, которое наострилось в деле руководства, становится старым, ему нужна смена. Вам известно состояние здоровья Владимира Ильича; вы знаете, что и остальные члены основного ядра ЦК достаточно поизносились. А новой смены еще нет, — вот в чем беда. Создавать руководителей партии очень трудно: для этого нужны годы, 5 — 10 лет, более 10-ти; гораздо легче завоевать ту или другую страну при помощи кавалерии т. Буденного, чем выковать 2 — 3-х руководителей из низов, могущих в будущем действительно стать руководителями страны"

Можно, видимо, согласиться с выводами Сталина о необходимости постоянного обновления состава ЦК. Но каким же он, этот состав, был тогда молодым по нынешним меркам! Ленин, которому едва перевалило за пятьдесят, был самым "старым"! Не случайно порой соратники между собою называли его "Стариком". Основная группа членов ЦК — это сорокалетние революционеры. Возраст, который еще древние греки называли периодом акме — счастливым венцом жизни, ибо считалось, что именно к сорока годам достигается гармония умственных и физических сил, пора наивысшего расцвета.

Прежде чем рассмотреть штрихи к портрету некоторых соратников Ленина, бросим им всем, без исключения, запоздалый и бесполезный теперь уже упрек: они не берегли Ленина. Они его любили, ценили, уважали, но... не берегли. Посмотрите, чем занимался Владимир Ильич Ленин в обычные дни своей работы. Конечно, все главные, кардинальные вопросы проходили через него. Однако рядом так много такого, что уже тогда называлось "мелочовкой", "вермишелью", "текучкой"! Ленин занимается вопросами подвоза топлива в Иваново-Вознесенск, ведет переписку с членом коллегии Наркомтруда А.М. Аникстом о снабжении шахтеров одеждой, занимается вопросом изготовления динамо-машин, пишет проекты десятков текущих документов, постановлений, торговых договоров, занимается решением вопроса о распределении пайков, рецензирует по просьбе товарищей книги и брошюры, заслушивает вопрос о

работе Гидроторфа, оказывает помощь в налаживании работы завода "Новый Лесснер", выясняет вопросы, поднятые в письме к нему инженером П.А. Козьминым об использовании ветряных двигателей для освещения деревни...

Конечно, все эти вопросы важные. Их решение Лениным навсегда вошло в историю как поразительный пример глубокой, конкретной, непосредственной работы высокого руководителя. Значимость всей этой деятельности нельзя ставить под сомнение. Тем более что некоторые его современники видели большой смысл в занятиях Ильича этими делами. Вскоре после смерти Ленина Ю. Ларин писал в "Экономической жизни": "Ленин занимался, много занимался "мелочами", потому что только таким путем он мог индивидуально обрабатывать и перерабатывать каждого соответственного работника, на его собственном деле уча его искусству управления. Он не хуже других понимал, что эта "вермишель" отнимает, подтачивает его силы, — но он прекрасно понимал и громадное историческое значение работы по созданию таким путем необходимого для удержания пролетарской власти людского государственно-го кадра"⁶. Так считал современник Ленина. Возможно, он тогда еще не мог оценить всей колоссальной значимости вождя для будущего России? Поэтому запоздалый вопрос, на который мы не получим ответа, остается: почему соратники не освободили Ленина от решения многих текущих вопросов? Тот же Троцкий регулярно выезжал на рыбалку и охоту, на отдых в Подмоскovie, брал отпуска для написания своих трудов; да и смерть Ленина застала его в санатории, на курорте. Сталин, вроде не жалевший себя на работе, ведавший организационными вопросами в ЦК, не искал путей, чтобы радикально разгрузить гения революции от многих текущих, часто рутинных дел. Бывало даже наоборот. Когда Ленин еще не поправился от приступов болезни, например 28 июля 1922 года, Сталин советовал Владимиру Ильичу принять для беседы корреспондента. Ленин был вынужден отказаться. Хотя позже, когда в декабре 1922 года Пленум ЦК возложит специальным постановлением на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима⁷, установленного врачами для Ленина, он сочтет возможным угрожать Н.К. Крунской за его "нарушение"...

С определенной степенью точности можно, пожалуй, сказать, что в руководящее ядро партии, в когорту соратников В.И. Ленина, в первые годы после революции входили Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, Г.Е. Зиновьев, М.И. Калинин, Л.Б. Каменев, В.В. Куйбышев, Г.К. Орджоникидзе, Я.Э. Руд-

зутак, А.И. Рыков, И.В. Сталин, Я.М. Свердлов, Л.Д. Троцкий, М.В. Фрунзе. Возможно, также стоит причислить к ядру В.М. Молотова, Г.Л. Пятакова, Г.И. Петровского, М.П. Томского, К.Б. Радека, И.Т. Смилгу... Конечно, это были люди с самой разной революционной судьбой, образованием, различными личными симпатиями и антипатиями. Почти половина из ближайших ленинских соратников провела годы в эмиграции, участвовала в многочисленных социал-демократических, социалистических и просто гуманитарно-культурных конференциях, конгрессах, совещаниях. Сталин выпадал из этой "обоймы". Становление Сталина, как уже отмечалось в предыдущей главе, прошло причудливый путь. Природный ум, хитрость, расчетливость, осторожность имели сомнительную "школу". Два десятка лет учебы в духовных заведениях и ссылок, отсутствие пролетарской закалки и какой-либо профессии сформировали Сталина как функционера идеи. Он раньше, чем кто-либо другой в ленинском окружении, понял и почувствовал возможности аппарата, его силу. Большинство же тех, кто входил в ленинскую когорту, явно недооценивали роль безличных структур власти. У Сталина исподволь складывалось свое отношение к каждому члену руководящего ядра. Эти люди, которые, по словам Сталина, "наострились в деле руководства", были очень разными.

Сталин, например, как я уже говорил, первое время чувствовал себя весьма неуверенно, сталкиваясь с красноречием Троцкого, его высокомерием, самоуверенностью. Но позже он поймет, что это иногда человек позы, фразы, красивого слова. В революции и гражданской войне Троцкий оказался на вершине славы. Пришла большая, широкая популярность, появились сторонники. Нашлись люди, которые видели в нем не просто "второго" человека, но и будущего лидера партии. Троцкий являл собой человека, у которого самая сильная сторона заключалась не столько в организаторском таланте, сколько в ораторских способностях и остром, часто парадоксальном уме. Благодаря этим качествам Троцкий мог вести за собой людей, зажигать их на фронтах гражданской войны, искусно подогревая свою популярность. Но, когда пришла пора монотонных будней, "вождь Красной Армии" стал быстро "линять", тускнеть. Даже некоторые правильные идеи и концепции он выдвигал в вызывающей форме, все больше теряя своих сторонников. Для Троцкого главное — лозунг, трибуна, эффектный жест, а не черновая работа. Будущий генсек, пожалуй, раньше многих разглядел и сильные, и слабые грани этого человека. Сталин, учитывая большую популярность Троцкого, на первых порах

пытался установить с ним если не дружеские, то хотя бы лояльные отношения. Был случай, когда Сталин однажды без приглашения заявился к Троцкому в подмосковное Архангельское, чтобы поздравить того с днем рождения. Но теплой встречи не получилось. Оба чувствовали глухую отчужденность. Известен также эпизод, когда Сталин пытался наладить более тесные, а возможно, и дружеские отношения с Троцким при помощи Ленина. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма Владимира Ильича Троцкому 23 октября 1918 года. В ней излагалась беседа Ленина со Сталиным, оценки членом Военного совета положения в Царицыне и желание более активно сотрудничать с Реввоенсоветом Республики. В конце телеграммы Троцкому Ленин писал:

"Сообщая Вам, Лев Давидович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу Вас обдумать их и ответить, во-первых, согласны ли Вы объясниться лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а во-вторых, считаете ли вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин.

Что же меня касается, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налаживания совместной работы со Сталиным"⁸.

Однако из этого ничего не получилось. Троцкий не скрывал своего высокомерного отношения к человеку, интеллектуальный уровень которого, по его мнению, во многом был ниже, чем у него. Сам Троцкий пишет о Сталине так: "При огромной и завистливой амбициозности, он не мог не чувствовать на каждом шагу своей интеллектуальной и моральной второсортности. Он пытался, видимо, сблизиться со мной. Только позже я отдал себе отчет в его попытках создать нечто вроде фамиллярности отношений. Но он отталкивал меня теми чертами, которые составили впоследствии его силу на волне упадка: узостью интересов, эмпиризмом, психологической грубостью и особым цинизмом провинциала, которого марксизм освободил от многих предрассудков, не заменив их, однако, насковозь продуманным и перешедшим в психологию мирозерцанием"⁹. Сталин в нескольких выступлениях высоко отозвался о роли Троцкого в революции и гражданской войне, но это отнюдь не изменило холодного отношения последнего к Сталину.

Интересные характеристики членов ядра ЦК содержатся в "Революционных силуэтах" А. Луначарского, вышедших в 1923 году, в "Портретах и памфлетах" К. Радека, в книгах и статьях Н. Дуделя, М. Орахелашвили, Н. Подвойского, М. Роша-

ля, В. Бонч-Бруевича, А. Слепкова, И. Левина. В этих работах, как и многих других, раскрывается облик ленинских соратников, портреты тех, кто пришел с Лениным к революции, кто выстоял в ней, кто приступил к созданию первого в мире социалистического государства.

Заметное место среди этой плеяды занимали Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев. В историю они вошли своеобразным "дуэтом". Оба были близки по взглядам друг к другу, почти никогда не полемизировали между собой и, как правило, придерживались одинаковых позиций. Лидером в этом тандеме всегда был Зиновьев, долго занимавший весьма видное положение в партии. В бурной политической карьере Зиновьева были высокие взлеты и оглушительные падения. Вступив в партию еще в 1901 году, Зиновьев долгие годы провел в эмиграции, занимаясь литературным трудом. В дни Октябрьского восстания и Зиновьев и Каменев здорово подмочили свою революционную репутацию, выступив в открытой печати против готовящегося вооруженного восстания. В.И. Ленин позже напишет, что "октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью".

Апогеем политической деятельности Зиновьева было пребывание в течение почти семи лет на посту председателя Исполкома Коминтерна. Его перу принадлежит множество статей, которые он активно пытался издавать отдельными сборниками, брошюрами и даже в специальном собрании сочинений. Вот образчик стиля Зиновьева: "Идущий к своей победе международный пролетариат в лице своих отдельных отрядов еще не раз и не два собьется с пути и, обливаясь кровью, будет искать новую дорогу. Разгромленный в первой мировой империалистической войне, распятый и обманутый лжевождями из Второго Интернационала, — международный пролетариат еще не освободился от кошмарного ощущения бездорожья..."

Многие свои лучшие качества Зиновьев отшлифовал, долгое время близко общаясь с Лениным как в эмиграции, так и уже после революции. Луначарский в своих "Революционных силуэтах" идет особенно далеко в оценке роли Зиновьева. Он считал, что Зиновьев был одной из опор Ленина, что именно он "из тех 4 — 5 человек, которые представляют по преимуществу политический мозг партии". Луначарский пишет, что все считали Зиновьева "ближайшим помощником и доверенным лицом Ленина"¹⁰.

Зиновьев был широко известен в партии; клокотал вулканической энергией. Но в его настроениях были частые перепады.

То необузданный оптимизм, то уныние, вплоть до упадка или "холодной" истерики. Его нужно было постоянно взбадривать, "заводить". Долгое время он относился к Сталину снисходительно, даже высокомерно. Несколько раз, правда беззлобно, где-то в начале 20-х годов Зиновьев подтрунивал над примитивным стилем изложения статей Сталина, страдающих тавтологией и сухостью. Сам же он обладал хорошим "пером", легким, афористичным стилем. Некоторые из его многочисленных статей весьма содержательны. Например, статья "Из первых боев за ленинизм", в которой Зиновьев тонко, аргументированно показывает несостоятельность претензий Троцкого на особое положение в партии.

Будучи руководителем Петроградской партийной организации, Зиновьев в свое время пытался продемонстрировать твердость и даже диктаторские замашки, хотя в момент приближения Юденича к колыбели революции откровенно растерялся. И эту растерянность тут же заметил приехавший в Петроград Сталин, мысленно оценивший Зиновьева как "хлюпика", проявлявшего тем не менее тщеславие и обостренное честолюбие. До смерти Ленина Сталин старался поддерживать с Зиновьевым и Каменевым почти дружеские отношения. Когда Ленин проводил в начале ноября 1922 года узкое совещание с Зиновьевым, Каменевым и Сталиным, вполне могло сложиться впечатление, что эта "тройка" очень сплочена, дружна и едина. Но так могло казаться только в течение какого-то времени. У каждого из троицы кроме общих важные места занимали и личные амбициозные планы. Кто мог знать, что именно по инициативе Сталина Зиновьев будет дважды исключен из партии и затем восстановлен; но третий раз, в 1934 году, исключение предвещало лишь скорую гибель. Впрочем, точно такая же судьба в партии ожидала и другую половину "дуэта" — Каменева.

Зиновьева признавали одним из лучших ораторов партии. Не случайно на XII и XIII съездах ЦК поручал ему делать основные политические отчеты. Зиновьев был в числе тех, кто одобрял наличие ядра в политическом руководстве. Выступая в 1925 году на XIV съезде партии, Зиновьев говорил: "...Владимир Ильич хворал... мы должны были первый съезд (т.е. XII. — Прим. Д.В.) проводить без него. Вы знаете, что были разговоры о сложившемся ядре в Центральном Комитете нашей партии, что XII съезд молчаливо сошелся на том, что это ядро и будет вести, конечно, при полной поддержке всего Центрального Комитета, нашу партию, пока встанет Ильич"¹¹.

1 Зиновьев долго считался (как и Каменев) одним из близких

друзей Сталина. Когда его в 1926 году вывели из состава Политбюро, Зиновьев полагал, что это ненадолго. Накануне нового, 1927 года они с Каменевым, захватив бутылку коньяка и шампанское, неожиданно появились на квартиру Сталина, благо жили близко друг от друга. Казалось, мировая достигнута. Говорили на "ты", вспоминали былое, друзей, но ни слова о деле. Коба был хлебосольным, тепло принял старых "друзей", говорил просто, душевно, как будто не он в июле и октябре уходящего года добился их ухода из Политбюро. "Дуэт" ушел окрыленным. Однако Сталин уже давно решил, что эти люди, так много знавшие о нем, больше Генеральному секретарю не нужны.

Будет еще один случай, когда они придут (нет, их приведут!) к Сталину вместе. В 1936 году оба уже сидели в тюрьме, написали письма "вождю", и тот вдруг откликнулся. Бывшие соратники Ленина, бывшие члены Политбюро, не без оснований рассчитывавшие на высокое положение в партии и государстве после смерти Владимира Ильича, вошли в кабинет человека, которого они когда-то так недооценили. Кроме Сталина, там были Ворошилов и Ежов. Поздоровались. Сталин не ответил и не предложил сесть. Расхаживая по кабинету, он предложил сделку: вина их доказана, новый суд может приговорить к "высшей мере". Но он помнит их прошлые заслуги. (Наверное, у Зиновьева и Каменева при этих словах что-то дрогнуло внутри.) Если они на процессе все признают, особенно непосредственное руководство их подрывной деятельностью со стороны Троцкого, он спасет их жизни... Постарается спасти. А затем добьется, чтобы их и освободили. Решайте. Так нужно для дела... Наступило долгое молчание. Зиновьев, более податливый и слабый, негромко сказал: "Хорошо, мы согласны". Он привык решать и за Каменева. Через два месяца их расстреляют.

Вот что рассказывал мне в сорок седьмом в Сибири один заключенный, которого звали Борисом Семеновичем. В селе, где жили мы с матерью, братом и сестрой, в тридцать седьмом быстро построили лагерь. Некоторые заключенные были "расконвоированы", т.е. им разрешалось иногда выходить из зоны. Борис Семенович сапожничал, два-три раза бывал у нас, латая старые кирзовые сапоги, мои и брата. Сам он, до того как "сел" в тридцать восьмом, работал в "органах", в той тюрьме, где сидели бывшие соратники Сталина. Он и сопровождал их на последнее свидание с "вождем". Когда пришли ночью за Зиновьевым и Каменевым, то вели себя они по-разному. Хотя оба (в который раз!) написали Сталину прошение о помиловании и,

видимо, надеялись на милость (ведь обещал же!), почувствовали, что это — конец. Каменев молча шел по коридору, нервно пожимая ладони. Зиновьев забился в истерике, и его вынесли. Менее чем через час еще двое из бывшего ядра ЦК перешагнули роковую линию. В свое время они, как никто, укрепляли позиции Кобы. Плата за "услуги" — их жизнь.

Напомню читателю, что Каменев Сталин близко знал по ссылке в Туруханском крае. Именно там они встретили весть о Февральской революции. Сталин еще тогда отметил в нем хорошую эрудицию и какую-то импульсивность: способность быстро приходить к определенным решениям, но так же быстро и отказываться от них. На отношение Сталина к Каменеву сильно влияло то обстоятельство, что последний был заместителем Ленина в Совнаркоме и часто вел пленумы ЦК, заседания Совнаркома, неоднократно председательствовал на партийных съездах. Еще при Ленине Каменев, как правило, председательствовал на заседаниях Политбюро.

Хотя Зиновьев и Каменев были заметными ораторами и публицистами, оба были без твердого "стержня", могли в критическую минуту, в переломный момент, сделать зигзаг в своем поведении, осуществить маневр во имя прежде всего личных целей, амбиций и престижности. К сожалению, свою борьбу со Сталиным они, хотели того или нет, перенесли в сферу партийного аппарата. Но уже тогда у них в этой области шансов на успех было мало. И не в последнюю очередь потому, что, хотя оба руководителя обладали незаурядными способностями, настойчивостью в достижении цели, Сталин их внутреннюю рыхлость и непоследовательность раскусил довольно быстро.

Ленин, зная о слабостях Зиновьева и Каменева, тем не менее активно на них опирался. Особенно это относится к Каменеву, который не раз выполнял многие личные поручения Ленина. Было известно, что Каменев умело вел переговоры, улаживал различные щекотливые дела в партийной среде. Он был менее популярен, чем Зиновьев, однако более основателен, более интеллигентен. У него были свои идеи, он был способен на достаточно глубокие теоретические обобщения, был смел и решителен. В историю войдут слова, которые Лев Борисович Каменев произнес 21 декабря 1925 года (как раз в день рождения Сталина), выступая на XIV съезде партии:

"Мы против того, чтобы создавать теорию "вождя", мы против того, чтобы делать "вождя". Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и поли-

тику и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полновластное Политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии, и вместе с тем, чтобы был подчиненный ему и технически выполняющий его постановления Секретариат... Лично я полагаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб... Именно потому, что я неоднократно говорил это т. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба... Эту часть своей речи я начал словами: мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя!"¹²

Это были мужественные слова. Более того, из публично сказанного против единовластия Сталина, которое тогда еще только-только начинало проглядываться, это были самые вещи слова предупреждения. За одно это Каменев заслуживает уважения. Урок мужества мысли, который преподал партии Ленин, Каменев усвоил, похоже, лучше других. Но почему же тогда "группа товарищей-ленинцев", как их назвал Каменев, не поддержала трезвые, пророческие предложения одного из членов руководящего ядра? В этом виноваты не только "товарищи-ленинцы", близоруко оценившие ситуацию, но и сам Каменев. Его беспринципные шараханья в борьбе со Сталиным то к Троцкому, то от него создали впечатление (недалекое от истины), что движущие мотивы его поведения были в значительной мере связаны с личными амбициями. Каменеву не суждено было стать той личностью, которая "остановила" бы Сталина. Вместо ослабления Сталина произошло укрепление его позиций: ведь Каменев атаковал генсека с позиций "оппозиционера".

Между Троцким, Зиновьевым и Каменевым отношения были сложные. Несмотря на то что Каменев был мужем сестры Троцкого, близких связей между ними, по существу, не было. Все дело в том, что и Троцкий и Зиновьев претендовали на лидерство в партии. Особенно тогда, когда выяснилось, что состояние здоровья вождя критическое. Троцкий, написавший свои сенсационные "Уроки Октября", в самом неприглядном свете показал роль Зиновьева и Каменева в революции. Пос-

ледние, как известно, потребовали выведения автора "Уроков..." из Политбюро и исключения из партии. Но Сталин был еще не совсем тот, каким он станет в 30-е годы. На XIV съезде партии, когда ЦК ограничился снятием Троцкого с поста наркомвоена, он скажет по этому поводу: "Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови — а они требовали крови — опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, — что же у нас останется в партии?"

Эти слова Сталина съезд встретил аплодисментами. А через три-четыре минуты после этих фраз, продолжая свое заключительное слово, Сталин скажет, комментируя запрещение издания журнала "Большевик" в Ленинграде: "Мы не либералы. Для нас интересы партии выше формального демократизма. Да, мы запретили выход фракционного органа и подобные вещи будем и впредь запрещать"¹³. Эти слова были встречены уже бурными аплодисментами. Делегатам нравилась твердость и решительность Сталина. Знали ли делегаты, что пройдет не так уж много времени и Сталин созреет для "метода отсечения", и на гильотину беззакония взойдут очень многие из них?

Забегим немного вперед... Когда Каменев, выброшенный из руководящей "обоймы", стал директором Института мировой литературы, Сталин во время очередного доклада Ягоды бросил:

— Посматривайте за Каменевым... Думаю, что он связан с Рютиным. Лев Борисович не из тех, кто быстро сдается. Я его знаю больше двадцати лет. Это — враг...

И Ягода "посматривал". В 1934 году Каменева арестовали, в 1935 году судили, дали 5 лет. В этом же году — вновь судили: срок увеличили до 10 лет. В конце 1936 года поставили точку. Вечную.

Вскоре после расстрела Каменева Сталину попала в руки книжка "Н.Г. Чернышевский", написанная расстрелянным товарищем Кобы. Сталин долго листал томик (один из первых в серии "Жизнь замечательных людей"), внимательно читал оглавление, отдельные страницы. Вспомнил, как Каменев, когда они тряслись в феврале 1917 года в поезде от Ачинска к Петрограду, рассказывал о Плеханове, Мартове, Аксельроде, меньшевистской эмиграции, их вражде к Ленину, делился планами, пребывая в настоящей эйфории от свершившегося. Положив книжку на стол, Сталин подумал: "Суета сует". Все проблемы

для Каменева теперь отпали, а ему столько предстоит их ре-шить! Но все это будет через десять с лишним лет.

А пока Зиновьев и Каменев, полагал Сталин, были ему нужны для борьбы с Троцким, которого он считал главным противником, и своим, и партии.

Сталин быстро проявил себя неплохим администратором. Выполняя свои обязанности, он внимательно присматривался прежде всего к членам Политбюро, другим авторитетным товарищам из ЦК. Для себя он отметил, что самую влиятельную часть ядра составили те, кого он про себя называл "литераторами". Так он именовал бывших эмигрантов. Он не мог не признать для себя, что все они отличались высокой интеллектуальностью, теоретической подготовленностью, общей эрудицией. Это вызывало у Сталина внутреннее раздражение: "Пока мы тут готовили революцию, они там читали да писали..."

Однажды об этом он сказал почти открыто. При утверждении уполномоченного ЦК при одном из губкомов выяснилось, что товарищ едва умеет читать и писать. Но Сталин бросил на весы решения свое мнение:

— За границей не был, где же ему было выучиться... Справится.

В ленинском окружении было немало выдающихся лиц. Сталин быстро заметил, что Бухарин, Рыков, Томский, хотя и не составляют какой-то особой группы, весьма тяготеют к решению экономических, хозяйственных, промышленных вопросов. Это были хорошие экономисты, "технократы". К сожалению, позже, в 30-е годы, да и целые десятилетия после Великой Отечественной войны настоящим экономистам, "технократам" практически не находилось места в верхних эшелонах власти. Их места, как правило, занимали администраторы-бюрократы типа Кагановича и Маленкова. Впрочем, при директивно-командном стиле работы крупные экономисты, такие, как Вознесенский, и не были нужны; ведь многое делалось не благодаря, а вопреки экономическим законам.

В этой троице (Бухарин, Рыков, Томский), конечно, выделялся Н.И. Бухарин. Уже в своей первой книге "Политическая экономия рантье", написанной им накануне первой мировой войны, чувствовалась глубина проникновения в генезис хозяйственных отношений. В 1920 году появился первый том "Экономики", в которой Бухарин намеревался раскрыть процесс трансформации капиталистической экономики в экономику социалистическую. Захваченный вихрями борьбы, меняющихся обстоятельств, Бухарин так и не написал второго тома. В

"Экономике" он утверждал, что "капитализм не строили, а он строился. Социализм, как организованную систему, мы строим. Самое главное для нас — найти равновесие между всеми элементами системы". Сталин, обладавший лишь примитивными, начальными экономическими знаниями, внимательно присматривался к Бухарину.

Особых осложнений в отношениях между ними в то время не было; ведь Николай Иванович был покладистый, мягкий интеллигент. Порой складывалось впечатление, что Сталин и Бухарин близкие друзья. Да и жили они в Кремле в соседних квартирах. Вскоре будущий генсек понял, что у Бухарина нет амбициозных планов. Бухарину были непонятны и неприятны борьба за лидерство, трения, возникшие между отдельными членами Политбюро. Не случайно довольно долго он старался не занимать определенной позиции в борьбе между "триумvirатом" и Троцким. Его выступления в дискуссиях и речи Троцкий назвал впоследствии "странным миротворчеством". Думается, несостоявшийся лидер не прав: Бухарин превыше всего ценил авторитет Ленина (хотя часто и жарко с ним спорил) и коллективное мнение Политбюро.

К А.И. Рыкову Сталин всегда относился настороженно. Не только потому, что тот после смерти Ленина заменил его на посту Председателя Совнаркома. Рыков был исключительно прямой, откровенный человек. Именно поэтому Рыкову не всегда удавалось устанавливать с сослуживцами нормальные отношения. Например, известен случай, когда Смирга направил жалобу в ЦК РКП(б), в которой просил освободить его от должности заместителя Председателя ВСНХ и начальника Главтопа ввиду невозможности сработаться с Рыковым... Ленин, ознакомившись с письмом Смирги, пишет записку Сталину, в которой рекомендует пока воздержаться от освобождения Смирги, полагая, видимо, что отношения между партийцами могут и должны быть улажены.

Рыков обычно говорил в лицо то, что думал. И писал так же. В 1922 году он написал работу "Хозяйственное положение страны и выводы о дальнейшей работе". По существу, Алексей Иванович выступил в поддержку нэпа, против попыток решить экономические проблемы путем директивных методов. С именем Рыкова связаны ГОЭЛРО, Днепрострой, Турксиб, рост кооперативного движения, первый пятилетний план, другие важные "заделы" социалистического государства. Именно Рыков пытался в последующем убедить Сталина и его сторонников, что социализм должен совершенствоваться, развивать

товарно-денежные отношения, не ограничивать хозяйственную самостоятельность непосредственных производителей. Увы, разговор шел словно на разных языках...

Уже когда Сталин в конце 20-х приобрел большой политический вес, Рыков однажды, после обсуждения очередных директив по коллективизации, бросил ему в лицо: "Ваша политика экономикой и не пахнет!" Генсек остался невозмутимым, но реплики не забыл.

Сталин вообще ничего не забывал. Его холодная компьютерная память цепко держала в своих ячеях тысячи имен, фактов, событий. Он не забыл и того, что Ленин очень ценил Рыкова. В сочинениях вождя фамилия Рыкова упоминается 198 раз, немногим меньше, чем Сталина. Будучи Предсовнаркомом СССР, с 1926 года Рыков возглавляет Совет Труда и Оборона, Комитет по науке и содействию развитию научной мысли. Сталин не забыл, как Рыков, выступая в марте 1922 года на пленуме Моссовета, сказал, что недопустимо вновь скатываться к методам "военного коммунизма", подверг резкой критике тех, кто нападал на нэп, назвав эти наскоки "необычайно вредными и опасными", требовал отказаться от методов насилия в деревне, где нужно, по его словам, соблюдать "революционную законность". Спустя много лет А.И. Рыков в последний раз в своей жизни выступал на Пленуме ЦК, отвергая чудовищные обвинения в шпионаже, диверсиях, терроре. Рыков вошел в первое Советское правительство в качестве наркома внутренних дел, но через несколько дней подал в отставку в знак протеста против того, что все правительство было большевистским, а не коалиционным... Сталин злорадно усмехнулся: "Всегда такой был".

Бухарина и Рыкова как-то особенно волновала судьба русского крестьянства, в то время как Троцкий (да и Сталин в душе с ним соглашался) считал, что "это — материал для революционных преобразований". Нельзя было не видеть, сколь большой популярностью в народе пользовались Бухарин и Рыков. Они ходили без охраны, были очень доступны, отзывчивы. Простые люди всегда эти качества руководителей высоко ценят. Сталин же эту простоту и доступность называл "заигрыванием с народом". Даже естественное поведение порядочного человека для него было подозрительным.

Так же с недоверием Сталин всегда относился к М.П. Томскому (Ефремову). Участник трех революций, видный профсоюзный работник умел постоять за свою точку зрения. Сталин долго терпел этого "друга Рыкова", пока не ввел в Президиум

ВЦСПС Кагановича и Шверника, которые "вытеснили" из Президиума его Председателя. Когда 22 августа 1936 года на даче в Болшево Томский покончил жизнь самоубийством, Сталин сказал:

— Его самоубийство — подтверждение вины перед партией...

Но мы сегодня знаем, что все было наоборот. Это была крайняя форма протеста против единовластия "вождя".

Заметное место в ядре партии занимал Ф.Э. Дзержинский. Бухарин называл его "пролетарским якобинцем". Это был один из старейших членов партии и организаторов Социал-демократии Польши и Литвы. К.Радек, оценивая позже роль Дзержинского, отмечал: "Враги наши создали целую легенду о всевидящих глазах ЧК, о всеслышащих ушах ЧК, о вездесущем Дзержинском. Они представляли ЧК в качестве какой-то громадной армии, охватывающей всю страну, просовывающей свои шупальца в их собственный стан. Они не понимали, в чем сила Дзержинского. А она была в том, в чем состояла сила большевистской партии — в полнейшем доверии рабочих масс и бедноты..."¹⁴ У Сталина были неплохие отношения с Дзержинским, особенно после ряда совместных выездов с ним на фронты в годы гражданской войны. Скупой на возвышенные оценки Сталин сказал после преждевременной кончины Дзержинского: "Он сгорел на бурной работе в пользу пролетариата".

Не очень броским внешне, но чрезвычайно обаятельным был М.В. Фрунзе. Сталин, прошедший через тюрьмы и ссылки, с особым уважением относился к Арсению, так иногда и после революции называли Фрунзе старые товарищи. Все знали, что в 1907 году Михаил Васильевич был дважды приговорен к смертной казни, провел долгие недели в камере смертников, затем несколько лет на каторге. Мало кто тогда в деталях знал, сколь большую работу провел Фрунзе для достижения победы на Восточном, Туркестанском, Южном фронтах. Сталин, сам обладавший недюжинной решительностью, поражался спокойной манере руководства этого пролетарского полководца, способного на высшее проявление политической и военной воли. За короткое время пребывания на посту наркомвоенмора Фрунзе очаровал всех глубиной своего интеллекта, новизной подходов к вопросам военной доктрины, реформы вооруженных сил, оперативного искусства в современной войне.

Фрунзе страдал язвенной болезнью желудка, предпочитал консервативное лечение. Очередное обострение проходило. Но

консилиум врачей вновь делает заключение: "Нужна операция". По ряду свидетельств (книга И.К. Гамбурга "Так это было", Б.А. Пильняка "Повесть непогашенной луны" и др.), Сталин с Микояном приезжали в больницу, говорили с профессором Розановым и настаивали на операции. Незадолго до операции Фрунзе написал записку жене: "Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым, и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее оба консилиума постановили ее делать"¹⁵.

Трудно судить о всех возникших после смерти Фрунзе догадках; была ли здесь чья-то "рука", или рок судьбы вынес свой приговор? После смерти Фрунзе многие медики высказывали мнение, что операция, простая даже по тем временам, не была необходимой. Сталин на похоронах М.В. Фрунзе скажет: "Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу. К сожалению, не так легко и далеко не так просто поднимаются наши молодые товарищи на смену старым"¹⁶. Кое-кто увидел в этих словах сокровенный, известный лишь одному Сталину смысл. Гадать не стоит. У нас нет доказательств для каких-то категорических выводов. Ясно одно, не подстереги Фрунзе эта нелепая (или загадочная?) смерть, то этот самородок смог бы сыграть на политической сцене выдающуюся роль. Сталин это почувствовал довольно давно по отношению Ленина к Фрунзе. Все, чем занимался Фрунзе, несло печать его незаурядного, оригинального ума.

Крупным организатором в ЦК был Я.М. Свердлов. У Якова Михайловича, как пишет Луначарский, полностью отсутствовало личное честолюбие. Это был классический, самоотверженный исполнитель. "У него были ортодоксальные идеи на все, он был только отражением общей воли и общих директив. Лично он их никогда не давал, он только их передавал, получая от ЦК, иногда лично от Ленина". Когда он говорил, вспоминал Луначарский, то его речи походили на передовицы официальной газеты. Но он обладал и тем, в чем сравниться с ним могут немногие, — блестящим знанием малейших нюансов положения в партии, великолепными организаторскими способностями. Можно даже сказать, что до момента, когда было принято решение иметь в Секретариате первое лицо — Генерального секретаря ЦК, эти обязанности уже выполнял Я.М. Свердлов. Сталину нравилось, как деловито, немногословно Свердлов вел заседания ЦК. Запомнилось одно из заседаний ЦК в марте 1918 года. На повестке дня было много вопросов: положение на

Украине, о декларации "левых", об эвакуации "Правды", организации контроля за военными, заявление Крыленко, дело Дыбенко... Страна бурлила. Свердлов достал черную клеенчатую тетрадь для ведения протокола заседания, посмотрел на присутствующих — в комнате были Ленин, Зиновьев, Артем (Сергеев), Сокольников, Дзержинский, Владимирский, Сталин и буднично попросил говорить по существу...¹⁷ После безвременной кончины Свердлова Ленин дал ему самую блестящую оценку: такие люди незаменимы, их приходится заменять целой группой работников.

Робинзоны существуют только в романах. Те или иные качества человек формирует в себе, находясь в кругу товарищей, единомышленников, соперников. Сталин, входя в когорту ленинских соратников и учеников, должен был воспринять немало цепного, непреходяще важного от общения с вождем, его окружением. Однако далеко не все качества зрелого человека способны трансформироваться. Многие, заложенные в ранние годы, — скрытность, холодный расчет, ожесточенность, осторожность, бедность чувств — со временем не только не ослабло, но и усугубилось до предела. У Сталина уже давно начало просматриваться качество, которое Гегель называл пробабиллизмом. Суть его заключается в том, что личность, совершающая какой-либо нравственно неблагоприятный проступок, старается для себя внутренне оправдать его и представить добрым. Сталин так и поступал. Убедившись в том, что общепризнанный вождь серьезно болен, он начал исподволь большую игру с целью максимального упрочения своего положения в руководстве. На первых порах он пытался доказать себе: это нужно в интересах "защиты ленинизма". Затем все, что он ни делал, считал нравственно оправданным во имя "построения социализма в одной стране". В конце концов принцип пробабиллизма займет важное место в арсенале политических средств Сталина. Народ должен знать, полагал Сталин: все, что будет делать он, — во имя народа.

Думаю, что многие из окружавших Ленина людей долго не могли раскусить Сталина. Для некоторых он казался просто исполнителем, для других — неплохим представителем национальных отрядов партии, для третьих — обычной посредственностью, коих всегда бывает немало в руководящих кругах любых режимов и систем. Да, соратники Ленина недооценили Сталина. Зато он раскусил всех. Даже самых близких соратников Ленина: Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Томского, Рудзутака, Косиора, многих других, оказавшихся по его во-

ле "врагами народа". Ведь именно он заметил, что в гражданской войне Красной Армией руководили почти исключительно "враги": Троцкий, Блюхер, Егоров, Тухачевский, Уборевич, Дыбенко, Антонов-Овсеенко, Смилга, Муралов, сотни и тысячи других "предателей". Ленин не догадывался, а Сталин пронизательно заметил, что "командиры промышленности" тоже почти сплошь состояли из "вредителей": Пятакова, Зеленского, Серебрякова, Лифшица, Гринько, Лебеда, Семенова, тысяч других. Только Сталин смог рассмотреть, что во главе советского дипломатического ведомства также были сплошь "шпионы": Крестинский, Раковский, Сокольников, Карахан, Богомолов, Раскольников... А сколько других "двурушников" разоблачил практически во всех сферах жизни государства Сталин! Едва ли такой могла быть простая "посредственность"! Троцкий здесь ошибся. Робеспьер, выступая в Конвенте 5 февраля 1794 года, заявил: "...первым правилом нашей политики должно быть управление народом — при помощи разума и врагами народа — при помощи террора"¹⁸. Каким дуалистичным и неуниверсальным был метод Робеспьера! Сталин свое "правило" политики сделал монистическим: управлять и теми и другими одним методом — методом насилия. Думаю, ни один из окружающих Ленина соратников не мог и в дурном сне предположить, что в их среде зреет такой монстр. Не где-нибудь, а в самой когорте руководителей.

Скажу еще раз, Троцкий, конечно же, ошибался, что Сталин был "выдающейся посредственностью". Достаточно лишь одного опровергающего аргумента: у посредственности не бывает явных врагов. У Сталина их было предостаточно. Скоро об этом узнает вся партия, весь народ. Сталин оказался исключительно хитрым и коварным политиком, который сумел сделать себя единственным толкователем и "защитником" ленинизма. Ему удалось использовать ленинское окружение для концентрации власти в своих руках. Сыграв незаметную роль в революции, несколько активнее проявив себя в гражданской войне, Сталин почувствовал: люди из ленинского окружения, превосходя его во многом, в чем-то ему и уступают. Если бы он знал Гегеля, то мог хотя бы мысленно произнести: "Человек — господин своей судьбы и своего назначения"¹⁹.

Генеральный секретарь

Ход истории имеет одну особенность. Он необратим. Время не имеет обратного хода. Это можно сделать только мысленно. "Как морской песок ложится покровом поверх прежнего, — писал Марк Аврелий, — так прежнее в жизни быстро заносится новым". Ленину суждено было прожить после Октября чуть более шести лет. Но в эти годы спрессовано столько свершений, надежд и разочарований! Ленин успел очертить контуры грядущего, наметить пунктиры движения вперед.

XI съезд партии был последним, на котором Ленин присутствовал. На съезде доклад об организационной деятельности ЦК сделал В.М. Молотов. Охарактеризовав состояние внутрипартийной жизни, Молотов показал, как перегружены работой отделы ЦК. За "год через ЦК прошло 22,5 тысячи партийных работников, т.е. около 60 товарищей в день". Молотов поставил вопрос об упрощении "передвижки" кадров, налаживании должного учета, внесении большей организации в деятельность аппарата ЦК. В докладе подчеркивалось, что за минувший год "увеличилось также количество заседаний ЦК; увеличилось количество вопросов, обсуждавшихся в ЦК, почти на 50%", увеличилось количество конференций, других всепартийных совещаний. Выступавшие на съезде делегаты выражали неудовлетворение работой центрального органа. Так, Осинский упрекал Политбюро за то, что высшая партийная инстанция занималась, в числе других вопросов, рассмотрением "вермишельных дел", как, например, "отдать Наркомзему дом "Боярский Двор" или нет, отдать типографию такому-то учреждению или оставить другому"²⁰. Делегаты для совершенствования управления партией и страной предлагали иметь в ЦК три бюро: Политбюро, Оргбюро и Экономбюро.

Читая стенограммы первых после Октября съездов партии, восхищаешься открытостью, подлинной гласностью в выражении мнений. Критика была естественна, как воздух. Не было славословия, чинопочитания, лести. Никто не добивался единства ради единства. Были вожди, но культа их не было. Например, на XI съезде доклад Ленина, при общей высокой оценке его положений и выводов, подвергали критике многие делегаты — Скрыпник, Антонов-Овсеенко, Преображенский, Осинский... Рязанов, например, под общий смех делегатов, критикуя

деятельность ЦК, заявил: "Наш ЦК совершенно особое учреждение. Говорят, что английский парламент все может; он не может только превратить мужчину в женщину. Наш ЦК куда сильнее: он уже не одного очень революционного мужчину превратил в бабу, и число таких баб невероятно размножается... Пока партия и ее члены не будут принимать участия в коллективном обсуждении всех этих мер, которые проводятся от ее имени, пока эти мероприятия будут падать как снег на голову членов партии, до тех пор у нас будет создаваться то, что тов. Ленин назвал паническим настроением"²¹.

Откровенное, открытое обсуждение всех вопросов, касающихся партийной жизни, было непреложной нормой. К слову сказать, позже, в 30-е годы, все критические выступления, сделанные ранее, уже расценивались как "вредительские". В течение десятилетий можно было только единодушно одобрять, поддерживать, восхищаться... Стенограммы съездов и пленумов, состоявшихся при Ленине, — подлинные учебники партийной демократии, идейного товарищества, гласности самой высокой пробы.

Еще в 1920 году практика работы аппарата ЦК показала, что для организации деятельности Секретариата нужно специально выделенное лицо. ЦК РКП(б) на своем Пленуме 5 апреля 1920 года, обсудив этот вопрос, вынес такое решение:

"1. Секретарями избрать тт. Крестинского, Преображенского, Серебрякова. Вопрос о назначении одного ответственного секретаря не предрешать. Представить секретарям, по указанию опыта, через некоторое время вынести в ЦК предложение по этому поводу (так в тексте. — *Прим. Д.В.*).

2. В состав Оргбюро кроме 3-х секретарей ввести тт. Рыкова и Сталина"²².

Знакомство с протоколами ЦК, которые часто велись на отдельных листочках школьной бумаги в линейку, показывает, что вопрос о "назначении одного ответственного секретаря" возник не в 1922 году, а значительно раньше. После XI съезда один из секретарей был выделен особо. Ответственные секретари избирались и раньше: Стасова, Крестинский, Молотов. Но теперь речь шла о повышении статуса ответственного секретаря до уровня генерального. Чье это было предложение? Откуда исходило? По имеющимся данным — от Каменева и Сталина. Несомненно и то, что Ленин знал об этом предстоящем нововведении.

Состоявшийся 3 апреля 1922 года Пленум ЦК, сформированный на XI съезде партии, избрал, в соответствии с пожела-

ниями делегатов, Политбюро, Оргбюро и Секретариат. На Пленуме было принято решение ввести должность Генерального секретаря ЦК РКП(б). В этот же день первым генсеком был избран И.В. Сталин. Таким образом, он стал занимать сразу три высоких партийных поста: члена Политбюро, члена Оргбюро и Генерального секретаря. Тогда же секретарями были избраны кандидат в члены Политбюро Молотов и Куйбышев. Сегодня историки, философы, все люди, которых волнует отечественная история, задаются вопросом: почему именно Сталин, а не кто-нибудь другой? Кто предложил кандидатуру Сталина? Какое участие в этом акте принял Ленин? Означало ли назначение Сталина генсеком передачу ему особых полномочий? Ответы на эти и подобные им вопросы — прямое обращение не только к истории партии и страны после Ленина, но и к генезису будущих бед. Итак, обратимся к беспристрастным документам.

На Пленуме ЦК присутствовали его члены: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Дзержинский, Петровский, Калинин, Ворошилов, Орджоникидзе, Ярославский, Томский, Рыков, А.А. Андреев, А.П. Смирнов, Фрунзе, Чубарь, Куйбышев, Сокольников, Молотов, Коротков. Участвовали в заседании и кандидаты в члены ЦК: Киров, Киселев, Кривов, Пятаков, Мануильский, Лебедь, Сулимов, Бубнов, Бадаев и член ЦКК Сольц.

Заслушали и приняли решение по нескольким вопросам. Первый: "Конституирование ЦК". О председателе:

"Подтвердить единогласно установившийся обычай, заключающийся в том, что ЦК не имеет председателя. Единственными должностными лицами ЦК являются секретари; председатель же избирается на каждом данном заседании".

Затем обсудили вопрос: почему на списке членов ЦК, избранных съездом, есть отметки о назначении секретарями гг. Сталина, Молотова и Куйбышева? Каменев разъяснил (Пленум принял к сведению), что "им во время выборов, при полном одобрении съезда было заявлено, что указание на некоторых билетах на должности секретарей не должно стеснять Пленум ЦК в выборах, а является лишь пожеланием известной части делегатов"²³. Прежде всего это "пожелание" исходило от Каменева, Зиновьева и, негласно, от Сталина.

Хотя официально съезд избирал только членов ЦК, есть основания полагать, что Каменевым была проведена немалая работа, чтобы обеспечить избрание будущих секретарей. Нельзя не усмотреть в этом (поскольку Каменев знал, что будет рас-

смагиваться вопрос о новой должности Генерального секретаря) стремления провести в Секретариат определенных лиц. А проще говоря, Каменев хотел иметь в качестве "своего" человека руководителя аппарата ЦК. Тогда у него отношения со Сталиным были весьма хорошими. Будущий генсек не раз подчеркивал особое положение Каменева, бывшего заместителем Ленина по Совнаркому. Тогда он котирировался выше, чем, пожалуй, кто-либо в партийной иерархии. Многие косвенные свидетельства подтверждают, что Каменев стремился провести Сталина на вновь вводимый пост явно с ведома и желания последнего. Сталину нравилась работа в аппарате, и он раньше других почувствовал те возможности, которые она открывает.

Далее в протоколе Пленума ЦК говорится:

"Установить должности генерального секретаря и двух секретарей. Генеральным секретарем назначить т. Сталина, секретарями тт. Молотова и Куйбышева".

В протоколе, ниже, рукой Ленина записано:

"Принять следующее предложение Ленина:

ЦК поручает Секретариату строго определять и соблюдать распределение часов официальных приемов и опубликовать его, при этом принять за правило, что никакой работы, кроме действительно принципиально руководящей, секретари не должны возлагать на себя лично, перепоручая таковую работу своим помощникам и техническим секретарям.

Тов. Сталину поручается немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях.

ЦК поручает Оргбюро и Политбюро в 2-х недельный срок представить список кандидатов в члены коллегии и замы Рабрина с тем, чтобы т. Сталин в течение месяца мог быть совершенно освобожден от работы в РКИ...²⁴

На следующий день, 4 апреля, в "Правде" было сообщено:

"К сведению организаций и членов РКП. Избранный XI съездом РКП Центральный Комитет утвердил секретариат ЦК РКП в составе: т. Сталина (генеральный секретарь), т. Молотова и т. Куйбышева.

Секретариатом ЦК утвержден следующий порядок приема в ЦК ежедневно с 12 — 3 час. дня: в понедельник — Молотов и Куйбышев, во вторник — Сталин и Молотов, в среду — Куйбышев и Молотов, в четверг — Куйбышев, в пятницу — Сталин и Молотов, в субботу — Сталин и Куйбышев.

Адрес ЦК: Воздвиженка, 5.

Секретарь ЦК РКП *Сталин*".

На этом же Пленуме было избрано Политбюро в составе семи человек: Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Томский, Рыков и трех кандидатов: Молотов, Калинин, Бухарин²⁵. Сформировали Оргбюро. На пост генсека была предложена одна кандидатура (Каменевым). Возражений не было ни у кого. Так все это было...

О необходимости улучшения работы ЦК, Политбюро В.И. Ленин говорил на XI съезде, обращая особое внимание на совершенствование организационной работы. При этом Ленин делает ряд очень важных замечаний, которые, к сожалению, ни тогда, ни позже, при Сталине, не были полностью учтены. Одно из них касается культуры, умения управлять. Ленин говорил, что у многих ответственных работников-коммунистов культура управления просто мизерная и жалкая. А один из методологических устоев управления, замечает он, заключается в умении выделить основное звено в общей цепи проблем. На сегодня, говорил Ленин на съезде, таким главным звеном является подбор нужных людей.

Сразу после революции секретарские, технические функции были возложены на нескольких товарищей. Ими руководил Я.М. Свердлов. После его смерти все сразу ощутили, сколь велика потеря. Текущие дела захлестнули работу ЦК. После VIII съезда была введена должность ответственного секретаря; им стала член партии с 1898 года Е.Д. Стасова. Затем ее сменил Н.Н. Крестинский, избранный одновременно и членом Политбюро (при этом он исполнял еще и обязанности наркома финансов РСФСР). После IX съезда партии в помощь Крестинскому были избраны еще два секретаря — Е.А. Преображенский и Л.П. Серебряков. На X съезде вместо них секретарями были избраны В.М. Молотов, В.М. Михайлов и Е.М. Ярославский. Но после смерти Свердлова Ленин был часто недоволен работой Секретариата: его медлительностью, рутинностью и ошибками. Так, в своей записке В.М. Молотову 19 ноября 1921 года В.И. Ленин выразил неудовлетворение постановлением Оргбюро, определяющим отношение судебно-следственных учреждений к проступкам коммунистов, которое готовил Молотов. Ленин писал:

"т. Молотов!

Я переносу этот вопрос в Политбюро.

Вообще неправильно такие вопросы решать в Оргбюро: это чисто политический, всецело политический вопрос.

И решать его надо иначе"²⁶.

Можно сказать, что введение нового партийного поста диктовалось необходимостью упорядочить работу "штаба" ЦК — Секретариата. Но вместе с тем пост генсека совсем не представлялся главным, ключевым, решающим. Если бы это было так, то, видимо, первым Генеральным секретарем был бы избран Ленин.

В то время когда Сталин стал Генеральным секретарем, врачи продолжали настаивать на серьезном лечении Ленина. Именно в апреле они пришли к выводу, что необходим продолжительный отдых и горный воздух. Решили, что будет полезна поездка на Кавказ. Ленин согласился и даже написал несколько писем И.С. Уншлихту и Г.К. Орджоникидзе, работавшим в это время на Кавказе. Вот одно из этих писем, отправленное 9 апреля 1922 года:

"г. Серго!

По поводу просьбы Камо и в связи с ней я должен еще добавить, что мне надо поселиться *отдельно*. Образ жизни больного. Разговора даже втроем я почти не выношу (однажды были Каменев и Сталин у меня: *ухудшение!*). Либо отдельные домики, либо только такой большой дом, в коем возможно абсолютное разделение. Это надо принять во внимание. Посещение быть не должно...

Ваш Ленин"²⁷.

Но, увы, лечение пришлось отложить. Ленин продолжал работать. Он хотел отладить работу аппарата ЦК без рутины и бюрократизма.

Политбюро заседало, в соответствии с ленинским предложением, раз в неделю, а текущую работу необходимо было осуществлять ежедневно. Секретариат готовил материалы на заседания Политбюро, организовывал доведение его решений до исполнителей, выполнял поручения членов Политбюро. Секретариат непосредственно не занимался вопросами экономики, обороны, государственного аппарата, просвещения. Он играл в значительной мере техническо-исполнительную роль в общем механизме управления партийным аппаратом. Поскольку основные ведомства возглавлялись видными большевиками, уделявшими не очень много внимания технической стороне дела, было принято решение сделать одного из членов Политбюро ответственным за всю работу Секретариата в ранге Генерального секретаря. Повторюсь: конкретное предложение по кандидатуре Сталина было внесено Каменевым. Он же и председательствовал на Пленуме ЦК, избравшем генсека. Есть все

основания считать, что предварительно эти вопросы, как теперь принято говорить, были обговорены с Лениным.

Были ли данные у Сталина занять этот пост? Формально, видимо, были. Судите сами. Сталин с 1898 года — член партии, с 1912 года — член ЦК, входит в Бюро ЦК, член Оргбюро и член Политбюро. Единственный из членов Политбюро занимает два государственных поста — наркома по делам национальностей и наркома Рабкриня (РКИ). Член коллегии ВЧК — ОГПУ от ЦК, член Реввоенсовета Республики, член Совета Труда и Обороны... Я назвал еще не все должности Сталина, на которых он находился к моменту его избрания Генеральным секретарем ЦК.

Бесспорно, все это свидетельствовало о признании его вклада в начавшееся дело революционного переустройства общества, об определенном знании Сталиным механизма политического и государственного управления, его склонности к аппаратной работе. Если многие крупные революционеры того времени тяготились или, скажем так, не были склонны к административной работе, то приверженность Сталина к ней была замечена многими. В целом выдвижение Сталина на новый пост не было воспринято как нечто неожиданное. Большинство руководителей продолжали считать этот пост по сути рядовым. Все так и было, пока был здоров и жив Ленин. Просто вопрос о лидере партии, вожде государства тогда не вставал. Лидер был. И лидер бесспорный — Ленин. В новой роли Сталин для партии, для народа был малоизвестен, он был по-прежнему одним из многих. В руководстве же с этого момента все его положительные и отрицательные качества стали видны более рельефно.

Пройдут десятилетия, прежде чем кто-то достаточно полно сможет описать характер Сталина. Этот человек сумел спрятать свои чувства очень глубоко. Даже гнев его видели немногие. Он был способен самые жестокие решения принимать спокойно. В будущем его окружение расценит это как признак великой мудрости и прозорливости. Разве всем дано сохранять спокойствие среди бесконечной сумятицы мира? Жалость была неведома Сталину. Чувства сыновней любви, любви к детям, внукам? Едва ли. Из всех своих внуков он видел по несколько раз только детей дочери Светланы, да дочь и сына Якова, своего первенца. Личная жизнь была полностью огорожена. Только работа, работа, работа... Решения, совещания, указания, выступления...

Окружающий мир для Сталина был лишь белым или чер-

ным. Все цвета радуги бесконечно богатого мира втиснуты в схему: все, что не соответствует "линии", — враждебно. Полутон не признавал. Любил, по сути, бинарную логику, вращение вокруг двух категорий: "да" и "нет". Категоричность и однозначность. Но жизнь ведь неизмеримо богаче: между добром и злом есть много волнующих неопределенностей, туманностей, переходов, игры красок бытия... Сталину было это не дано. Категоричный, телеграфный стиль записок, речей, докладов. Уже тогда это многим нравилось: человек дела, человек долга. Никаких сентиментальностей. Он не любил слово "гуманизм". Но об этом и многом другом пока никто и ничего еще толком не знает... Все в ЦК видят: выше партийной дисциплины, партийного долга и генеральной линии РКП(б) для Сталина ничего не существует.

В течение 1922 — начале 1923 года, пока болезнь окончательно не лишила Ленина возможности писать и диктовать, им было направлено Сталину несколько десятков записок, проектов документов, писем. Из них видно, что Ленин озабочен организационным и политическим решением ряда вопросов. Совсем не случайно через девять (!) месяцев после избрания Сталина на пост генсека Ленин приходит к выводу, что выбор сделан неудачно и его, Сталина, следует переместить на другой пост. В этом Ленина убедил ряд опрометчивых шагов, сделанных Сталиным на посту генсека еще при его жизни.

Так, например, ошибочным было решение Сталина в поддержку предложения Сокольников и Бухарина об отмене государственной монополии внешней торговли. В своей записке Сталину Ленин категоричен:

"т. Сталин! Предлагаю... *опросом* членов Политбюро провести директиву: "ЦК подтверждает монополию внешней торговли и постановляет прекратить всюду разработку и подготовку вопроса о слиянии ВСНХ с НКВТ. Секретно подписать всем наркомам" и вернуть оригинал Сталину, копий не снимать.

15.V

"Ленин"²⁸.

В сентябре, когда Ленин поправился после первого тяжелого приступа, Сталин выступил с идеей об "автономизации", т.е. об объединении национальных республик через их вступление в РСФСР. Фактически эта линия была на создание не Союза Советских Социалистических Республик, а Российской Советской Социалистической Республики, в которую на правах автономии войдут другие национальные образования. Сталин уже успел провести свое предложение через комиссию ЦК, занимавшуюся

этим вопросом. Ленин среагировал немедленно в своем письме Каменеву, адресованном членам Политбюро:

"т. Каменев! Вы, наверное, получили уже от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в РСФСР...

По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже..."²⁹

Пожалуй, никто так часто не бывал у Ленина в Горках во время его болезни, как Сталин. Иногда Владимир Ильич приглашал его сам, желая получить информацию о текущих делах, часто генсек приезжал по своей инициативе. Во время многочисленных бесед В.И. Ленин подробно расспрашивал о работе аппарата, ходе выполнения решений ЦК, интересовался здоровьем неважно чувствовавших себя Дзержинского, Цюрупы, других товарищей. Известно, например, что Ленин обсуждал и здоровье самого Сталина, побеседовав предварительно по телефону с лечащим врачом Сталина В.А. Обухом.

После опрометчивых шагов Сталина по продвижению идеи об "автономизации" Ленин приглашает 26 сентября генсека в Горки и около трех часов беседует с ним³⁰. Владимир Ильич подчеркивает, что объединение советских республик — вопрос архиважный, не допускающий торопливости при его решении. Ленин предлагает принципиально новую основу для создания союзного государства: добровольное объединение независимых республик, в том числе и РСФСР, в Союз Советских Социалистических Республик с сохранением полного равноправия каждой из них. Сталин публично никогда не спорил с Лениным, обычно принимая его аргументы. Хотя, судя по некоторым источникам 20-х годов, позицию Ленина по национальному вопросу Сталин характеризовал как "либеральную"³¹.

Частые беседы вождя с генсеком были не просто способом получения информации, передачи советов, предложений большого лидера, но и одновременно учебой руководителя аппарата ЦК, его изучением. Думается, что Ленин в ходе многочисленных встреч и бесед со Сталиным смог хорошо понять сильные и слабые стороны этого человека. Поэтому оценки и предложения в отношении генсека, сделанные им в конце 1922 — начале 1923 года, — результат глубокого анализа и размышлений. Национальный вопрос, попытка Сталина решить его по-своему открыли для Ленина не только некоторые новые политические грани этой личности, но и прежде всего грани нравственные. В

своих записках "К вопросу о национальностях или об "автономизации" В.И. Ленин расценил сталинскую идею "автономизации" как отступление от принципов пролетарского интернационализма. Как бы резюмируя, Ленин обобщает политические и нравственные характеристики генсека:

"Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого "социал-национализма". Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль"³².

Достается здесь и Орджоникидзе за "рукоприкладство" во время его поездки на Кавказ с комиссией. Орджоникидзе по заданию Политбюро ездил во главе комиссии, чтобы урегулировать конфликт, возникший в руководстве Компартии Грузии. Орджоникидзе не справился с заданием, более того, во время выяснения ситуации ударил одного из членов ЦК Компартии Грузии Мдивани. Ленин со всей определенностью пишет, что "никакой провокацией, никаким даже оскорблением нельзя оправдать этого русского рукоприкладства и что тов. Дзержинский непоправимо виноват в том, что отнесся к этому рукоприкладству легкомысленно"³³. В этом конфликте Сталин не занял принципиальной позиции, что позволило Ленину публично отметить у генсека не только "торопливость и администраторское увлечение", но и, что особенно важно, увидеть у него "озлобление" при решении политических дел.

Ленин неоднократно возвращался к этому делу, о чем свидетельствует "Дневник дежурных секретарей В.И. Ленина", в котором есть записи Л.А. Фотиевой о том, что Владимир Ильич распорядился о доставке дополнительных материалов по "инциденту". Сталин ответил отказом, ссылаясь на необходимость оградить больного от ненужных волнений. Но Ленин настойчив. За пять дней до нового обострения болезни, в результате которого Ленин утратит речь, он 5 марта 1923 года продиктовал по телефону письмо Троцкому.

"Уважаемый тов. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив"³⁴.

В этот же день Ленин продиктовал еще одно письмо. На этот раз Сталину. Письмо внешне носит личный характер. Но только внешне. Предыстория его такова. В декабре 1922 года В.И. Ленин диктует Н.К. Крупской ряд важнейших для судеб партии писем. После одной из таких диктовок, по-видимому

письма Троцкому по вопросу о монополии внешней торговли, в ночь с 22 на 23 декабря происходит ухудшение в состоянии здоровья Владимира Ильича — наступает паралич правой руки и правой ноги. Об этом докладывают членам Политбюро. Сталин на следующий день в самой грубой, бесперемонной форме отчитал по телефону Надежду Константиновну за "нарушение режима больного вождя". Сделано это было в предельно бестактной, грубой манере. Надежда Константиновна Крупская, потрясенная бесцеремонностью генсека, в тот же день пишет письмо Каменеву:

"Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т.к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина". Н.К. Крупская просила оградить ее "от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз". "В единогласном решении Контрольной комиссии, — писала далее Крупская, — которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. *Н. Крупская*"³⁵.

Сталин, в соответствии с решением Политбюро, "оберегал" вождя от волнений. Но можно предположить, что изоляция Ленина от информации, ограничение его влияния на положение дел в партии входили в его планы укрепления своего положения в период болезни Ленина.

Каменев довел содержание письма Крупской до Сталина. Тот без всяких споров написал письмо с извинениями Надежде Константиновне, объясняя свое поведение исключительно заботой об Ильиче. Насколько здесь был искренен генсек — судить трудно. Ведь нормы морали он исповедовал исключительно прагматично: если было ему выгодно, он мог переступить любую. Как бы то ни было, о выходе Сталина в отношении своей жены Ленин узнал лишь через два с лишним месяца от Надежды Константиновны — 5 марта 1923 года. В этом поступке генсека вождь увидел не только личное, а нечто большее. Вскоре после разговора с женой Ленин вызывает М.А. Володичеву, диктует ей письмо Троцкому по поводу предстояще-

го обсуждения "грузинского вопроса" на Пленуме ЦК РКП(б), просит передать письмо по телефону и как можно скорее сообщить ему ответ, а затем продиктовал письмо И.В. Сталину. Вот его содержание.

"Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением. Ленин. 5-го марта 23 года"³⁶.

Ленин резок. Никто в партии еще не знает, что им в декабре 1922 года — январе 1923 года написано "Письмо к съезду", где он дает оценки личным качествам руководящих деятелей партии, предлагает переместить Сталина с поста генсека. Поэтому письмом Сталину от 5 марта он лишь дополняет политическую и нравственную картину обстоятельств своего отношения к нему. Ленин окончательно пришел к выводу о том, что моральная ущербность Сталина, нежелательная, но вынужденно терпимая в обиходе между рядовыми товарищами, является абсолютно недопустимой для руководителя. Ленин провидчески усмотрел в нравственных аномалиях сталинского характера опасность для политики, всего дела партийного руководства. К сожалению, в долгие последующие годы моральные характеристики по сравнению с классовыми, политическими, вообще стали мало что значить.

Но это не все. На следующий день Ленин диктует свой последний в жизни документ, в котором фигурирует Сталин.

"т. Мдивани, Махарадзе и др. Копия — тт. Троцкому и Каменеву.

Уважаемые товарищи!

Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для Вас записки и речь.

С уважением. Ленин. 6-го марта 23 г."³⁷.

К великой горечи, ни записок, ни речи Ленин не приготовил. Через четыре дня новый удар лишил его возможности не только писать, но и диктовать. Однако есть все основания предполагать, и об этом говорят последние три записки, продиктованные Лениным 5 и 6 марта, что действия Сталина

в отношении "грузинского инцидента" еще больше убедили его в верности выводов, сделанных им в "Письме к съезду". Ленину было нелегко убедиться и разочароваться в том, что выбор, сделанный ЦК в начале апреля 1922 года (при большой активности Каменева и, видимо, явной заинтересованности самого Сталина), оказался глубоко ошибочным. Ошиблись тогда все, в том числе и он. Однако есть возможность ошибку поправить. Нельзя допускать, чтобы во главе аппарата ЦК стоял человек глубоко безнравственный, потенциально опасный для дела. Если Сталин способен на грубость, двуличие, проявление озлобленности в отношении самых близких Ленину людей, то каким он может быть с остальными? Может быть, не случайно состояние здоровья Ленина резко ухудшилось именно в эту первую декаду марта? У меня нет оснований категорически утверждать, что "грузинский инцидент" или конфликт со Сталиным ускорили роковое течение болезни Ленина, но такое драматическое стечение обстоятельств именно в эти мартовские дни убеждает, что такая возможность велика. Моральное потрясение Ленина в условиях его болезненного состояния ускорило трагический удар.

Здесь остается добавить лишь, что идеи, за которые боролся Ленин в области национальных отношений, начали осуществляться. Сталинская идея автономизации была отвергнута. На I съезде Советов, открывшемся 30 декабря 1922 года, было провозглашено образование Союза Советских Социалистических Республик. С докладом, в основу которого были положены идеи письма В.И. Ленина "К вопросу о национальностях или об "автономизации", выступил И.В. Сталин. (Хотя само ленинское письмо не увидело света почти тридцать четыре года!) В выступлении Сталина, как и в Декларации об образовании СССР, которую огласил Генеральный секретарь ЦК РКП(б), стержневой идеей была мысль о пролетарском интернационализме, приверженности всех национальностей Союза дружбе, классовой солидарности, верности революционным идеалам. На нынешнем этапе, повторял он ленинские идеи, но не ссылаясь на вождя, особая задача нового Союза заключается в ликвидации фактического неравенства наций, унаследованного от прошлого.

Ленин был болен, но пытался с исключительной настойчивостью отстоять наиболее верное решение национального вопроса в такой огромной стране, являющейся родиной более чем ста национальностей. Едва ли и Сталин хотел другого решения;

просто ему не хватило прозорливости и теоретической мудрости в подходе к столь сложному вопросу.

Многочисленные зарубежные биографы Сталина типа А. Авторханова делают прямое заключение о виновности Сталина в кончине Ленина. Примерно так же считает и Троцкий, утверждая в мемуарах, что только болезнь Ленина "помешала ему политически разгромить Сталина". Он пишет, что своевольные генсека часто выводило больного вождя из себя, в результате чего болезнь стала прогрессировать. У меня нет конкретных данных о намерении Ленина "разгромить" генсека. Не вызывает сомнения, что, будь жив Ленин, его воля была бы безусловно исполнена. Сам факт, что после избрания Сталина на этот пост 3 апреля 1922 года, всего через девять месяцев, а именно 4 января 1923 года, Ленин пришел к твердому выводу о необходимости "перемещения" его с этого места, говорит о многом. В этом смысле ленинское "Письмо к съезду", известное вместе с другими последними статьями и письмами как его "Завещание", имеет ключевое, методологическое значение для понимания политического и нравственного лица И.В. Сталина.

"Письмо к съезду"

Жизнь и смерть отделяет тонкая, невидимая линия. Перешагнуть через нее можно лишь в одном направлении. Обратного пути нет. Резкое ухудшение общего состояния, последовавшее в ночь с 22 на 23 декабря 1922 года, жестко напомнило Ленину, что идеи могут быть вечными, а человек смертен.

Стоя у роковой черты, он проявил поразительное человеческое и политическое мужество. Уже утром 23 декабря Ленин просит врачей разрешить ему (всего в течение пяти минут!) продиктовать несколько строк, ибо его "волнует один вопрос". Он настойчив. Он просит. Он требует. Разрешение получено. Ленин начинает диктовать свое знаменитое "Письмо к съезду". То было величайшее мужество мысли.

В минуты, когда никто не мог быть уверен, что не возобновится приступ, не последует новый удар, Ленин думает о будущем. Кто знает, может быть, он вспомнил Дидро, который в своем письме Фальконе писал: "Вы начинаете, быть может, для себя; но только для других вы завершаете". Да, великий Ленин

завершал дело своей жизни для других. Его письмо было философским напутствием-предостережением. Он чувствовал опасность. Революция "коченела" в бюрократизме. Предвидел, что тот, кто попытается увидеть себя эпицентром бытия, может погубить дело, которому он, Ленин, отдал всю жизнь.

Уходят люди — исчезают и безбрежные миры. О чем думал Ленин, готовясь диктовать свои бессмертные последние статьи и письма? Не о том ли, что вопреки ожиданиям и прогнозам пожар Октября не перекинулся на другие страны Европы, не получилось и "революционного прорыва на восток"? И теперь России, не ставшей детонатором мировой революции, предстоит утвердить, защитить себя в национальных границах? А может быть, о том, что только теперь, когда большевики держат власть в руках, во всей гигантской сложности перед ними предстала бездна труднейших проблем? Может быть, он думал и об этом. А может, и о другом. О том, что жизнь жестока, остановив его в самом начале пути созидания нового общества? Или вспомнил слова патриарха русских социал-демократов Плеханова, с которыми тот обратился к Ленину:

— В новизне твоей мне старина слышится!

— Почему?

— Время плебейской революции не пришло...³⁸

Да, отпал от революции Плеханов, отпал... Но, пожалуй, остался в истории научного социализма рядом с Каутским, Лафаргом, Гедом, Бебелем, Либкнехтом... Остался навсегда. Да, пожалуй, и с Герценом. Кстати, Герцен... Как он прекрасно сказал о новом и старом:

"Новое надобно созидать в поте лица, а старое само продолжает существовать и твердо держится на костылях привычки. Новое надобно исследовать; оно требует внутренней работы, пожертвований; старое принимается без анализа, оно готово, — великое право в глазах людей; на новое смотрят с недоверием, потому что черты его юны, а к дряхлым чертам старого так привыкли, что они кажутся вечными"³⁹. Как сказано! Какое пиршество мысли!

А может, вспомнился Мартов. Когда-то за рубежом говорили о троице: Ленин, Потресов, Мартов... За убийственно скучными речами Мартова скрывался тонкий, даже изящный ум, способный расчлнить все, что сказал противник, и использовать абсолютно каждый промах и каждый мельчайший уклон. Пожалуй, он был певцом философского импрессионизма, испытывавший удовольствие от бесконечной перемены своих взглядов, колебаний, сомнений. Это был тот случай, ког-

да утонченность личной культуры не опиралась на прочные социальные, мировоззренческие устои. Пожалуй, в последний раз о союзе с Мартовым Ленин думал в июне 1917-го. Но тот, вечно клонящийся направо, как писал Луначарский, "сам решил свою судьбу: быть непризнанным ни в сех, ни в тех и вечно прозябать в качестве более или менее кусательной, более или менее благородной, но всегда бессильной оппозиции"⁴⁰. Так ведь и остался блестящий марксист на задворках революции! Почти два года назад на заседании ЦК в длинном перечне вопросов, подлежащих обсуждению, увидел и такой:

"10. Письмо ЦК РСДРП в Совет Народных Комиссаров о разрешении выехать за границу Мартову и Абрамовичу...

Решили: ходатайство ЦК РСДРП — удовлетворить"⁴¹. Бежал в чужие веси. Пожалуй, Троцкий прав, дав в апреле 1922 года меткую и убийственную характеристику Мартову в VIII томе своих сочинений "Политические силуэты". Как всегда категорично, но не без интеллектуального изящества Троцкий писал:

"Мартов, несомненно, является одной из самых трагических фигур революционного движения. Даровитый писатель, изобретательный политик, пронизательный ум, прошедший марксистскую школу, Мартов войдет тем не менее в историю рабочей революции крупнейшим минусом. Его мысли не хватало мужества, его пронизательности недоставало воли... Это погубило его... Лишенная волевой пружины, мысль Мартова всю силу своего анализа направляла неизменно на то, чтобы теоретически оправдать линию наименьшего сопротивления. Вряд ли есть и вряд ли когда-нибудь будет другой социалистический политик, который с таким талантом эксплуатировал бы марксизм для оправдания уклонений от него и прямых измен ему. В этом отношении Мартов может быть, без всякой иронии, назван виртуозом... Необыкновенная, чисто кошачья цепкость — воля безволия, упорство нерешительности — позволяла ему месяцами и годами держаться в самых противоречивых и безвыходных положениях"⁴². Жесткая, но по существу справедливая оценка...

У революции есть не только задворки, есть и авангард, передовая линия, есть "штаб". О нем сейчас речь. Ленин сам стоит у роковой черты; в любую минуту может ее перешагнуть туда, откуда возврата нет. А в ЦК, в Политбюро положение тревожно. Нужны изменения. Нужно единство. Нужно утверждать демократические начала в работе ЦК. Его мнение уважают. Он должен его высказать. Ленин еще раз требует, чтобы

ему разрешили диктовать. Его план грандиозен. Он не только намерен сказать о путях укрепления руководства партией, но и продиктовать свое видение путей строительства социалистического общества и преодоления растущих опасностей.

Судьба последних ленинских работ драматична. Значительная их часть была скрыта от партии, окутана саваном сталинской тайны. Исключительно глубокие работы "О придании законодательных функций Госплану", "К вопросу о национальностях или об "автономизации", "Письмо к съезду", некоторые другие ленинские записи увидели свет лишь после 1956 года, после XX съезда партии. А статью "Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложения к XII съезду партии)" хотели вначале отпечатать лишь в... одном экземпляре, чтобы показать Ленину. Но и опубликовав (с купюрами), Политбюро и Оргбюро направили специальное письмо в губкомы, что это-де страницы из дневника больного Ленина, которому разрешили в силу невыносимости умственной бездеятельности писать... Эту бестактность подписали Андреев, Бухарин, Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий 27 января 1923 года.

Ленинский поиск, основанный на осознании опасностей авторитаризма, не был понятен Сталину, да и не только ему. Ленин стоял настолько выше своих соратников в интеллектуальном отношении, что довольно часто его голос словно не доходил до их сознания. Ленин шел далеко впереди. Соратники явно не поспевали за его мыслью, не оценили в полной мере его пророческое озарение.

Главная идея, прослеживающаяся во всех последних работах, глубоко оптимистична: у социализма в России есть будущее. Все кардинальные вопросы — индустриализация, переустройство сельского хозяйства на добровольных кооперативных началах, превращение культуры во всенародное достояние, вопросы создания государственного механизма управления — рассматриваются через призму подлинного народовластия, неприменной демократизации всех сторон жизни общества. Изложенные контуры плана созидания нового общества требовали и новых людей, которые могли бороться за его реализацию. Сейчас для Ленина это было главным.

Внимательное изучение последних писем, заметок, статей Ленина дает основание говорить о том, что он раньше других увидел опасность авторитарного правления. А. Грамши, рассуждая об истоках цезаризма, высказал однажды интересную мысль о том, что, когда противоборствующие силы истощают друг друга, может вторгнуться третья сила, которая подчинит

себе соперничающие стороны⁴³. Но, думается, речь здесь должна идти не только и не столько о конкретных группировках людей, сколько об основных социальных силах страны. Они, эти силы, были представлены рабочим классом, крестьянством и партией, а точнее, как говорил Ленин, "громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно пазвать старой партийной гвардией"⁴⁴. Строить социализм можно было лишь на основе исключительно мудрого социального компромисса, предложенного Лениным, — нэпа и постепенной добровольной кооперации деревни. Любой другой путь вел к столкновению с крестьянством, к эрозии свободы, утверждению тоталитарных методов правления. А тоталитарности всегда нужны цезари. Сталин, как и некоторые другие лидеры из окружения Ленина, не смог понять ленинских слов, что паща партия — "маленькая группа людей по сравнению со всем населением страны"⁴⁵, что нэп становится главным условием движения к социализму.

Большевики — это продукт городского пролетариата. Союз с крестьянством, если и не мог тогда быть еще равноправным, должен был исходить из возможности крестьянина владеть землей и вести свободную торговлю. Приблизить крестьянина к социализму, как провидчески увидел Ленин, могла только добровольная кооперация, а спементировать союз двух сил можно было с помощью нэпа. Даже в "тончайшем слое" партии не все поняли глубину замыслов вождя и величину тех опасностей, с которыми народ мог столкнуться на любом ином пути. Другой путь не мог обойтись без насилия, прямого движения к авторитаризму и цезаризму. Так, к несчастью, все и случилось.

Ленин, будучи очень больным, спешил. Судьба могла и не дать ему времени для размышлений о грядущем.

Хотя однажды как будто и блеснул луч надежды: осенью 1922 года ведь смог же Ленин вернуться к активной деятельности! Может, и победит он болезнь?!

Бухарин вспоминал, какое это было для окружающих счастье — видеть Ленина вновь в строю! "У нас сердце замирало, когда Ильич вышел на трибуну: мы все видели, каких усилий стояло Ильичу это выступление. Вот он кончил. Я подбежал к нему, обнял его под шубейкой: он был весь мокрый от усталости — рубашка насквозь промокла, со лба свисали капельки пота, глаза сразу ввалились, но блестели радостным огоньком: в них кричала жизнь, в них пела песнь о работе могучая душа Ильича!

В великой радости, в слезах (выступление состоялось на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. — *Прим. Д.В.*), к Ильичу подбежала Цеткин и стала целовать стариковы руки. Смущенный, потрясенный Ильич неловко стал целовать руку Клары. А никто, никто не знал, что болезнь съела уже мозг Ильича, что близок ужасный, трагический конец...⁴⁶

Видимо, он это чувствовал. Поэтому... Ленин настаивал, просил. Утром 24 декабря Сталин, Каменев и Бухарин обсудили ситуацию: они не имеют права заставить молчать вождя. Но нужны осторожность, предусмотрительность, максимальный покой. Принимается решение:

“1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5 — 10 минут, но это не должно носить характера переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются.

2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений”.

Во время болезни у Ленина находились дежурные секретари. Он диктовал записки в Политбюро, просил передать что-либо по телефону товарищам, запрашивал различные данные, материалы, документы. Обычно по очереди у него бывали Н.С. Аллилуева (жена Сталина), М.А. Володичева, М.И. Гляссер, Ш.М. Манучарьянц, Л.А. Фотиева, С.А. Флаксерман. 23 декабря, когда Ленин начал диктовать “Письмо к съезду”, дежурила М.А. Володичева. Ее запись в дневнике лаконична:

“В продолжение 4-х минут диктовал. Чувствовал себя плохо. Были врачи. Перед тем, как начать диктовать, сказал: “Я хочу продиктовать письмо к съезду. Запишите!” Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось”⁴⁷.

Глядя в окно, за скрытые заснеженными деревьями дали, Ленин произносит:

- Письмо к съезду...

Ведь в апреле следующего, 1923 года должен состояться очередной, XII съезд партии. Если он не поднимется к его началу, пусть прочтут его письмо делегатам... Фразы отточены, продуманы, давно вышопены.

“Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе”.

Сделаю отступление. Ленин категоричен: “...ряд перемен в нашем политическом строе”. При первом чтении мысль “спотыкается” — речь идет об изменениях в “политическом строе”... Но уже через несколько строк читатель начинает пони-

мать, что Ленин ведет разговор-обращение о самом насущном: о демократии в партии, народовластии в обществе, путях их достижения. Великий мыслитель прозорливо увидел в демократизме важнейший рычаг, средство, наконец, способ существования нового строя. Но давайте процитируем дальше "Письмо к съезду":

"Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными.

В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни. Мне думается, что нашему Центральному Комитету грозили бы большие опасности на случай, если бы течение событий не было бы вполне благоприятно для нас (а на это мы рассчитывать не можем), — если бы мы не предприняли такой реформы...

Мне думается, что 50 — 100 членов ЦК наша партия вправе требовать от рабочего класса и может получить от него без чрезмерного напряжения его сил.

Такая реформа значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы. Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз.

23.XII.22 г. Ленин

Записано М.В.²⁴⁸.

Замысел Ленина — исторического значения: предпринять "ряд перемен в нашем политическом строе". Как я уже говорил, главная суть этих перемен — обеспечение подлинной демократизации всех сторон жизни партии и государства. Первый шаг на этом пути — шире представить в штабе партии главную силу революции — рабочих. Нужно увеличить состав ЦК в 2 — 3 раза. Шире представительство, полнее обновление, ближе к массам, меньше возможность непомерного влияния конфликтов малых групп на судьбы всей партии. И еще: Ленин предупреждает, международная обстановка в ближайшем, обозримом будущем будет обостряться. Нужно спешить! К слову сказать, даже такие выдающиеся деятели партии, как Бухарин, не поняли этого предостережения, выступили в последующем против достаточно быстрого строительства социализма. Как далеко видел Ленин, а ведь смотрел, казалось, лишь поверх верхушек русских берез!

Думаю, оценивая гений Ленина, следует не забывать, что часто, слишком часто он не был полностью понят его соратни-

ками. Или если и понят, то не вполне поддержан. Вспомним октябрь 1917 года, Брест-Литовск, стратегию нэпа, предложение о расширении ЦК за счет рабочих... Но это, пожалуй, не вина ленинского окружения, а его беда. То, что видел Ленин, не видели соратники. В последний раз он не будет понят и поддержан и после своей смерти: многие его грозные предостережения будут недооценены. Это чрезвычайно дорого обойдется партии и народу. Раньше, даже когда Ленин оставался в меньшинстве, силы его аргументов, страсти и воли было достаточно, чтобы повести за собой верным путем весь революционный караван... Теперь его не будет. Он никогда не узнает о том, что его последняя воля в отношении Сталина не будет исполнена.

Но вернемся к "Письму..."

24 декабря 1922 года:

"Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек".

До сих пор некоторые исследователи недооценивают политический вес Троцкого в то время. "Большая половина опасности" — это отношения между Троцким и Сталиным. Ленин видел, что Троцкий был более популярен, чем генсек, но уже убедился, какой хваткой обладает последний. Натянутые отношения этих центральных теперь фигур грозят вылиться в конфликт, который может расколоть партию.

"Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью"⁴⁹.

В чем заключалась "необъятная" власть генсека? На его плечи легло решение всех текущих вопросов, часто жизненно важных для партии. Но главное, в чем проявлялась эта власть, — в подборе, выдвижении партийных кадров в центре и на местах. Тысячи работников... Вначале политические возможности, связанные с расстановкой нужных партработников, не всеми были замечены. К тому же Сталин, в ряде слу-

чаев это уже просматривалось, аппарат отождествлял с партией. Ленин разглядел это раньше других.

С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела⁵⁰.

Возможно, размышляя перед произнесением очередной фразы, Ленин задумался: "Был бы тверже революционный стержень у этого человека, вышел бы большой руководитель российского масштаба!" Внутренне улыбаясь, Ленин мог вспомнить доклад Троцкого о Красной Армии на последнем съезде. Уже завершая свой анализ, Троцкий вместо обобщающих выводов о путях совершенствования военного строительства заговорил об "элементарном военно-культурном воспитании солдат". Под общее оживление зала Троцкий провозгласил: "Давайте, добьемся, чтобы у солдат не было вшей. Это — огромная важнейшая задача воспитания, ибо тут нужно настойчивостью, неутомимостью, твердостью, примером, повторением освободить массы людей от неопрятности, в которой они выросли и которая в них въелась. А ведь солдат с вошью — не солдат, а полсолдата... А неграмотность? Это — духовная вшивость. Мы должны ее ликвидировать, наверное, к 1-му мая, а затем продолжать эту работу с неослабным напряжением"⁵¹. Ленину понравилось выражение: "неграмотность — это духовная вшивость". Троцкий был способен на ходу рождать великолепные афоризмы. Как часто в Троцком публицист брал верх над политиком, самолюбование — над здравым смыслом, стремление нравиться окружающим — над элементарной скромностью. Нет, со Сталиным они не уживутся... Оба так амбициозны... То, что он сказал о Сталине, а затем о Троцком, говорит определенно об их полярности...

"Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу..."

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы

(из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)⁵².

В дневнике дежурных секретарей М.А. Володичева после ленинской диктовки записала: "На следующий день (24 декабря) в промежутке от 6 до 8-ми Владимир Ильич опять вызывал. Предупредил о том, что продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является абсолютно секретным. Подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорически секретным..."⁵³ К сожалению, Фотиева, работавшая заведующей Секретариатом Совнаркома и также записывавшая диктовки Ленина, несмотря на указания вождя, проинформировала вскоре Сталина (как и некоторых других членов Политбюро) о декабрьских записях... Поэтому "Письмо..." Ленина для руководства партии уже не было неожиданным.

На следующий день Ленин продолжал диктовать свой уникальный документ, который захватит воображение миллионов, но... спустя многие годы.

"25.XII. Затем Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе...

25.XII.22 г. Ленин

Записано М.В.⁵⁴

26 декабря Ленин продолжал диктовать "Письмо к съезду", развивая идею расширения внутрипартийной демократии. В этом он видел залог улучшения работы и государственного аппарата. А "он у нас, — писал Ленин, — в сущности, унаследован от старого режима, ибо переделать его в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т.п., было совершенно невозможно"⁵⁵. При этом Ленин делает важное добавление, что расширение ЦК должно осуществиться не только за счет рабочих, но и крестьян. Владимир Ильич считает необходимым их присутствие и на заседаниях Политбюро. Однако, диктуя эти идеи, он по-прежнему возвращается к конкретным лицам.

Дав исчерпывающую в своем лаконизме характеристику ядру ЦК, Ленин продолжал размышлять над вопросом: кто может стать лидером в случае его ухода? Для него во всей ясности предстало, что пост генсека в его отсутствие становится решающим, с "необъятной властью". Он — признанный вождь де-факто, не в силу должностей, а в силу интеллектуальных и моральных данных. Болезнь властно отстранила его от непосредственного руководства Центральным Комитетом. Автоматически на первые позиции выходил один из членов Политбюро. Сталин не только член Политбюро, но и генсек, ведающий всей работой Секретариата, текущей работой. Становилось ясно, что в случае непоправимого (а Ленин это вполне допускал, иначе не стал бы готовить "Завещание") Сталин попытается закрепить свое положение потенциального лидера. Но этого же может добиваться и Троцкий... Будет борьба, возможен раскол... Нужен еще более конкретный совет-предостережение. И спустя несколько дней, уже в январе 1923 года, В.И. Ленин диктует судьбоносной важности "Добавление к письму от 24 декабря 1922 г."

"Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

4 января 1923 г. *Ленин*

Записано Л.Ф.¹⁵⁶

Знаменательное добавление. Полная определенность в главном: Сталина нужно переместить с поста генсека на другое место. К нему, Сталину, нет пока крупных политических претензий. Он, пожалуй, верен большой идее. Правда, понимает, похоже, ее не так, как надо бы. В то же время политическое реноме Сталина пока не запятнано. Но с политикой всегда рука об руку идет мораль. Если здесь нет гармонии, то родится либо

политиканство, либо диктаторство. В ленинском добавлении — глубокая озабоченность будущим, но нет личной неприязни. Ленин умел подниматься выше нее. "В отношении его к противникам, — писал А.В. Луначарский, — не чувствовалось никакого озлобления, но тем не менее он был жестоким политическим противником... В политической борьбе пускал в ход всякое оружие, кроме грязного"³⁷. Прозорливая мысль Ленина увидела в нравственных изъянах сталинского характера нечто такое, что в будущем может вылиться в источник многих бед. Великий провидец не ошибся в своих самых худших предположениях.

Но беспокоит и Троцкий. И главное не только в том, что это чрезмерно самоуверенный человек, у него есть изъяны и в политическом плане. Долгий "небольшевизм" Троцкого не мог пройти бесследно. Амбициозность последнего известна всей партии, его левацкий экстремизм уже не раз приводил Троцкого к противопоставлению всему ЦК. Бонапартистские амбиции Троцкого так сильны, что он счел обидным и неприемлемым для себя принять предложение, сделанное ему в сентябре 1922 года, занять пост заместителя Председателя Совнаркома, заместителя Ленина... Троцкий рассчитывал на особое положение. Он почти не скрывал своего мнения о себе как о гении. Как писал биограф Троцкого И. Дейчер, "реализация ленинского завещания о перемещении Сталина с неизбежностью привела бы Троцкого на пост руководителя партии. Он, Троцкий, был в этом уверен".

Обжигающие в своей откровенности и прямоте оценки Лениным "двух выдающихся вождей" — непреходящий пример партийной принципиальности. К слову сказать, товарищеская прямота всегда была характернейшим качеством настоящих коммунистов. Ее не смогли полностью ликвидировать и годы культа личности. Вот лишь пример из 1942 года, далеко отстоящего от событий, которые рассматриваются на этих страницах.

Полковой комиссар ПУРККА Верхорубов, выезжая на фронты, по существовавшей тогда практике после завершения работы писал краткие характеристики на политработников, чью работу он проверял. Вот что содержит его отзыв о начальнике политотдела 18-й армии бригадном комиссаре Л.И. Брежнев, сохранившийся в личном деле будущего генсека. В первой части характеристики говорится о преданности комиссара идеям партии Ленина — Сталина, о готовности выполнить свой долг. А далее следует несколько фраз такого

содержания: "Черновой работы чурается. Воешьные знания г. Брежнева --- весьма слабые. Многие вопросы решает как хозяйственник, а не как политработник. К людям относится не одинаково ровно, склонен иметь любимчиков". Всего несколько фраз. Но они свидетельствуют, что давняя ленинская традиция выражать свое мнение прямо, честно, открыто, была жива. Читатель сам имеет возможность судить об объективности или субъективности вывода полкового комиссара Верхорубова...

Замечу, что Ленин, предлагая переместить Сталина с поста генсека, не отвечает на вопрос: кто вместо него? И в этом, на мой взгляд, большая мудрость вождя. Указание конкретной фамилии "принца" походило бы на буквальное "наследование". Этого Ленин позволить не мог. Владимир Ильич верит в мудрость партии, ее ЦК, способных в своем составе, а не только в ядре, о котором упоминал Сталин на XII съезде, пайти достойного преемника. Думаю, что попытки делать перестановки возможных альтернативных фигур на шахматной доске истории после уже сыгранной партии --- довольно беспредметны. Уверен, что Ленин, охарактеризовав в своем "Письме..." наиболее известных деятелей революции, дал понять, что ни один из них не подходит на роль лидера партии. Ни один! Это ясно из текста его "Завещания". Ясно также и то, что он не предлагает искать этого лидера и среди других руководителей. По моему мнению, Ленин вложил более глубокий смысл в свое "Завещание", чем кажется на первый взгляд. Наиболее вероятно, что гений революции предполагал: тончайший слой "старой гвардии" должен, обязан, способен выступить коллективным вождем. Этот коллективный вождь, создав, сформулировав правовые, политические и нравственные гарантии, предохраняющие от попыток передать власть одному лицу, мог избрать на первую роль любого из одного-двух десятков известных политических деятелей. Тогда не имело бы решающего значения: очень талантлив или менее талантлив выдвинутый руководитель. "Работала" бы прежде всего демократическая система, которая поддерживала бы, в соответствии с конституционными и партийными нормами, только то, что соответствует интересам народа, государства, партии. Только в этом случае можно обеспечить интересы общества, а не аппарата.

Но Сталин смог с помощью именно "старой гвардии" создать не демократическую, а бюрократическую систему. До сих пор никто не может дать удовлетворительного ответа, почему это произошло, почему Сталин неожиданно для всех оказался

на вершине пирамиды власти. Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить историю России с ее самодержавными традициями, надо представить тот низкий уровень политической культуры народа и партии: не забывать об отсутствии демократических традиций в новом обществе, однопартийности, отсутствии правовых гарантий от злоупотреблений властью, как и особенность классовой структуры в СССР.

В ряду этих причин есть еще одна "тайна неуязвимости" Сталина. Думаю, что это оказалось (в личностном плане) решающим: он узурпировал право представлять, толковать, комментировать идеи Ленина. В конце концов его систематическая "защита" ленинизма создала устойчивое представление у миллионов людей, что рядом с вождем всегда был Сталин, его соратник, ученик, продолжатель. Феномен Сталина — это феномен социальный, исторический, духовный, нравственный, психологический. Ленин, готовя "Завещание", как бы чувствовал, что победившая революция требует уточнения, а ее выводы — корректировки. Однако Владимир Ильич при всей своей гениальности был продуктом эпохи. Он не поставил под сомнение диктатуру одного класса, который был в подавляющем меньшинстве по сравнению с крестьянством, не вернулся к идее революционного плюрализма, которую отстаивал в конце 1917 года, не осудил насилие как способ решения социальных проблем... Он жил в своем времени и, хотя видел гораздо дальше других, не смог разглядеть ту опасность, которой грозила ставка на непогрешимость одной партии. Складывается впечатление, что он не все успел сказать. Ортодоксальность многих теоретических догм марксизма, сформулированных в прошлом веке, не подвергалась сомнению... Но тем не менее значимость последних работ Ленина огромна.

За два месяца до XII съезда состоялся Пленум ЦК. На нем были рассмотрены тезисы о реорганизации и улучшении работы центральных органов партии, составленные на основе ленинской статьи "Как нам реорганизовать Рабкрин" (идея этой статьи были продолжены и развиты Лениным в другой — "Лучше меньше, да лучше"). Исходя из пожеланий Владимира Ильича, было решено организационный вопрос рассмотреть особым пунктом повестки дня съезда. В тезисах указывалось, что целесообразно увеличить состав ЦК с 27 до 40 членов, ввести регулярную подотчетность Политбюро пленумам ЦК. Предполагалось, чтобы на заседаниях Политбюро присутствовали три постоянных представителя ЦКК. Эта группа представителей, писал в своей статье Владимир Ильич, должна бу-

дет следить, невзирая на лица, "за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека (разрядка моя. — Прим. Д.В.), ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел"⁵⁸.

Ленин считал, что кроме контроля съезда над выборным руководящим органом нужно, чтобы в промежутках между форумами коммунистов специальная комиссия контролировала работу ЦК, Политбюро. Пленум в основном согласился с ленинскими выводами и признал необходимым расширить состав Центральной Контрольной Комиссии, установить самую тесную связь между органами государственного и партийного контроля. (Кто мог знать, что в будущем роль ЦКК будет низведена до малозначащих регистраций партийных дел наверху, а затем этот орган будет Сталиным и вообще упразднен?)

Хотя Сталин был генсеком уже около года, его положение внешне ничем не выделялось. Когда участники Пленума ЦК стали рассматривать представленные Сталиным тезисы доклада "Национальные моменты в партийном и государственном строительстве", они были подвергнуты серьезной критике. Пленум принял тезисы лишь за основу, а в постановлении высказал целый ряд принципиальных замечаний. Было решено тезисы после доработки показать Ленину. Текст тезисов, подготовленных самим Сталиным, подтвердил, что и в вопросе, где генсек считался "специалистом", у него много пробелов. Для окончательной разработки тезисов Пленум создал комиссию в составе Сталина, Раковского, Рудзутака⁵⁹.

Известно, что "Письмо к съезду", перепечатанное в пяти экземплярах, было положено в несколько запечатанных конвертов: один — для секретариата Ленина, три экземпляра — для Надежды Константиновны и пятый — для Владимира Ильича. Ленин сказал, чтобы стенографистка М.А. Володичева написала на конвертах: вскрыть может только Ленин, а после его смерти — Крупская. Слова "после смерти" Володичева не решилась отпечатать. Лишь первая часть письма (об увеличении состава ЦК) была передана Сталину. Предложение об увеличении численности Центрального Комитета было доложено съезду как одно из положений доклада Сталина об организационной деятельности ЦК, однако опять авторство Ленина не упоминалось. Ленин был жив, и конверты с его "Завещанием" не вскрывались. Делегаты съезда единогласно (только его одного!) избрали Ленина в состав нового ЦК и направили теплое приветствие вождю. Председательствующий на заседании съез-

да Л.Б. Каменев зачитал его под бурные аплодисменты. Хотелось бы привести его полностью.

"От глубины сердца партии, пролетариата, всех трудящихся съезд посылает своему вождю, гению пролетарской мысли и революционного действия, привет и слова горячей любви Ильичу, который и в эти дни тяжелой болезни и длительного отсутствия не менее, чем всегда, сплачивает съезд и всю партию своей личностью.

Более чем когда-либо, партия сознает свою ответственность перед пролетариатом и историей. Более чем когда-либо, она хочет быть и будет достойной своего знамени и своего вождя. Она твердо верит, что недалек день, когда кормчий вернется к кормилу.

Съезд посылает свое товарищеское и братское сочувствие Надежде Константиновне, жене-соратнице, и Марии Ильиничне, сестре-другу Ильича, и просит их помнить, что все тяжкие тревоги переживаются вместе с ними изо дня в день той великой семьей, которая называется РКП⁴⁰.

В марте 1923 года новый страшный удар потряс Ленина. Отныне непосредственно влиять на положение дел в партии, в частности вмешаться в реализацию своего "Завещания", Владимир Ильич уже не мог. Вопрос о будущем лидере партии встал во весь рост.

Сталин или Троцкий?

Недостаточно выяснен вопрос: к какому съезду готовил Ленин свое "Завещание"? Мы помним, что оно начинается словами: "Я советовал бы очень предпринять на этом (разрядка моя. — Прим. Д.В.) съезде ряд перемен..." Можно предположить, что к XII съезду. Но прямо об этом нигде не сказано. В то же время в период работы самого съезда, в апреле 1923 года, состояние здоровья Ленина было столь тяжелым, что едва ли он мог настоять на том, чтобы "Письмо..." было доведено до делегатов. Возникло положение, не предусмотренное в ленинских распоряжениях. Но есть свидетельства, что он завещал вскрыть конверты лишь после своей смерти. Не исключено, что "Письмо..." адресовалось и к XII и к XIII съезду. Поскольку на XII съезде партии вопрос о генсеке не поднимался, он с новой силой встал перед

ЦК после мартовского приступа болезни Ленина, в результате которого он потерял фактически возможность активно общаться.

После марта 1923 года Сталин, продолжая исполнять обязанности генсека, предпринял целый ряд мер по упрочению своего положения. Авторитет Сталина в определенной мере укрепился после XII съезда партии, на котором он выступил с организационным отчетом ЦК и с докладом о национальных моментах в партийном и государственном строительстве, а также с заключениями по этим докладам. Пожалуй, он больше всех был на виду у делегатов съезда. В доклады ЦК Сталин привнес немало личных моментов, и прежде всего ярко выраженный схематизм. Он всегда любил все раскладывать "по полочкам", выстраивать мысли по ранжиру. Это обычно производит впечатление, т.к. усиливает ясность, четкость, определенность идеи. Так, именно он ввел в оборот идею о "приводных ремнях", соединяющих партию с народом. Первым, основным "приводным ремнем" он назвал профсоюзы, где теперь, по его словам, "у нас сильных противников нет". Второй "ремень" — кооперативы: потребительские, сельскохозяйственные. Но здесь, признал Сталин, "мы все еще не в силах высвободить первичные кооперативы из-под влияния враждебных нам сил", имея в виду кулака. Третьим "приводным ремнем", по мнению докладчика, являются союзы молодежи. Атаки противника в этой области особенно настойчивы. Далее он перечисляет, раскладывает по нишам другие "ремни": женское движение, школа, армия, печать... При этом Сталин старается давать всем этим элементам свои, по-своему крылатые выражения: печать — "язык партии", армия — "сборный пункт рабочих и крестьян" и т.д.⁶¹ Характерно, что генсек в своем докладе очень мало говорит собственно о с о д е р ж а н и и работы этих "приводных ремней", но зато очень много о том, какие враждебные силы "здесь нам противостоят". Бесспорно, классовая борьба продолжалась, но теперь уже больше в скрытых, неявных формах, однако Сталин по-прежнему жил исключительно борьбой, схватками, противоборствами с явными и мнимыми противниками...

Еще несколько лет назад, в бурные дни Октября, в годы гражданской войны, он не мог и предположить, что обстоятельства сложатся таким образом, что он станет реально претендовать на самые высшие посты в партии и государстве. Судьба причудлива. Человек, у которого не было ни образования, ни профессии, ни обаяния или вулканической энергии ре-

волюционера, неожиданно для всех оказался у самых вершин пирамиды власти. Вот здесь-то он и показал потенциальным соперникам, что тонкий расчет, помноженный на умелое манипулирование аппаратом, значит очень много. Особенно если активно "защищать" ленинизм. Разумеется, так, как его понимал Сталин.

К слову сказать, нынешние оппоненты Сталина часто атакуют его за сокрытие положения дел. До конца 20-х годов этого еще не было — ленинская традиция гласности умерла не сразу. В этом можно убедиться, взяв в руки общедоступные партийные документы, газеты тех лет. Так, в докладе на XII съезде партии Сталин с горечью говорил о голоде в 1922 году, его последствиях, "ужасающей депрессии промышленности", распылении рабочего класса и других горьких вещах. Что было, то было. Сталин тогда все это не скрывал. После мартовского приступа у Ленина Сталин стал проявлять повышенную активность, все реже советуясь с Зиновьевым, Каменевым, еще реже с Бухариным и крайне редко — с Троцким. Политический авторитет Сталина в партии стал медленно, но неуклонно расти, что прежде всего выразилось в усилении влияния генсека в Политбюро. А этого он добился путем постепенной изоляции Троцкого, чего, в свою очередь, нельзя было осуществить без поддержки Зиновьева и Каменева.

"Однажды на Политбюро, — рассказывал мне А.П. Балашов, старый большевик, работник секретариата Сталина, — вспыхнула перепалка между Зиновьевым и Троцким. Все поддерживали точку зрения Зиновьева, который бросил Троцкому: "Разве вы не видите, что вы в "обруче"? Ваши фокусы не пройдут, вы в меньшинстве, единственном числе". Троцкий был взбешен, но Бухарин постарался все сгладить. Часто бывало, — продолжал Балашов, — когда до заседания Политбюро или какого-то совещания у Сталина предварительно встречались Каменев и Зиновьев, видимо, согласуя свою позицию. Мы в секретариате между собой эти встречи тройцы у Сталина так и называли — "обруч". В 20-е годы у Сталина было всегда по два-три помощника. В разные годы это были Назаретян, Каннер, Двинский, Мехлис, Бажанов... Все они знали о резко отрицательном отношении Сталина к Троцкому и действовали в аппарате соответственно..."

Сталину удалось привлечь Зиновьева и Каменева на свою сторону без особого труда, ибо и тот и другой, вынашивавшие весьма честолюбивые планы, особенно Зиновьев, больше опасались Троцкого, чем Сталина. Поэтому, когда 8 октября 1923 го-

да Троцкий направил письмо членам ЦК, содержавшее резкую критику партийного руководства, Сталин не преминул этим воспользоваться, тем более что объективно он во многом был прав, выступая против домогательств своего оппонента.

Троцкого поддержала группа большевиков, подписавших так называемую "платформу 46-ти". Среди них находились и такие известные в партии люди, как Преображенский, Пятаков, Косиор, Осинский, Сапронов, Рафаил, и другие. В качестве главного упрека ЦК Троцкий выдвигает тезис о том, что "партия не имеет плана дальнейшего движения вперед". Вновь повторяет свои идеи "о жесткой концентрации промышленности", предусматривавшей закрытие ряда крупных заводов, "ужесточении политики в отношении крестьянства", вновь настаивает на политике "милитаризации труда". На этом стоит остановиться подробнее.

Еще на IX съезде РКП(б) в своей речи Троцкий провозгласил: "...рабочая масса не может быть бродячей Русью. Она должна быть перебрасываема, назначаема, командироваема точно так же, как солдаты. Это есть основа милитаризации труда, и без этого ни о какой промышленности на новых основаниях серьезно говорить, в условиях разрухи и голода, мы не можем"⁶². Спустя три года Троцкий по-прежнему будет считать, что в своей основе применение военных методов в промышленности и сельском хозяйстве не утратило своего значения. Будучи певцом "казарменного коммунизма", Троцкий часто противоречил себе: с одной стороны, любил говорить об отсутствии демократии в партии; с другой — настаивал на использовании методов милитаризации как универсальных в переходный период. Так или иначе, затеянная Троцким осенью 1923 года дискуссия по экономическим вопросам в условиях, когда Ленин был тяжело болен, в известной мере компрометировала политику ЦК по этим вопросам, но прежде всего Сталина как генсека. Но получилось все наоборот: авторитет Троцкого падал, влияние Сталина росло.

В октябре 1923 года объединенный Пленум ЦК и ЦКК РКП(б) осудил Троцкого. Его поддержали лишь два человека из 114 участвовавших в заседании. Фактически еще до начала борьбы за место лидера в партии Троцкий оказался в одиночестве. Поражение Троцкого было полное. Тогда он попытался опереться на армию, где еще имел немалый авторитет. С помощью начальника ПУРа Антонова-Овсеенко, своего давнего сторонника, Троцкий намеревался использовать вооруженные силы для демонстрации несогласия с линией ЦК. Однако и

коммунисты армии и флота, за небольшим исключением, не поддержали Троцкого. Итоги дискуссии подвела XIII партконференция (январь 1924 г.), не только осудившая Троцкого, но и принявшая ряд важных решений в области экономической политики. Впоследствии Троцкий признавал, что атаки на ЦК, дискуссии, затеваемые им, имели цель стать лидером РКП(б). Однако бросается в глаза, что каждую свою дискуссию Троцкий начинал в крайне неудачный для себя момент, практически заранее зная, что его ждет поражение. Троцкий, переоценивая свое интеллектуальное влияние, явно недооценил "хватку" Сталина, его умение вести политическую борьбу с использованием любых средств.

Символично, что именно тогда, когда Троцкий разжег в октябре 1923 года междоусобный костер борьбы в партии, Ленин последний раз посетил Москву. Как будто чувствуя, что его опасения в отношении раскола в руководстве партии могут стать реальностью, он вопреки воле врачей 18 октября приезжает на автомобиле в столицу. Глядя на здание ЦК, Совнаркома, Ленин, вероятно, думает, что октябрьский выпад Троцкого — это новый этап борьбы за лидерство в партии. Почему у этих людей столь сильные личные амбиции? Что питает их властолюбие? Неужели они не понимают, что революция может победить, лишь уняв цезаристские мотивы?.. На следующий день он внимательным взором последний раз, из автомобиля, окинул площадь и соборы Кремля, улицы Москвы, павильоны Сельхозвыставки. Вернувшись в Кремль, Ленин отобрал в библиотеке книги и возвратился в Горки. Встреч с соратниками не было. Его безмолвное и полутайное посещение Москвы, Кремля было как бы прощанием вождя со столицей, со всем тем, что его связывало с этим беспокойным и смятенным миром...

Правомочно спросить, каково политическое лицо Троцкого, человека, претендовавшего после смерти Ленина на самую первую роль? Известно, что со II съезда партии он примкнул к меньшевикам. В июле 1917 года Троцкий в составе т.н. "межрайонцев" (около 4 тыс. человек) на VI съезде партии был принят в ее ряды и сразу же избран в состав ЦК. В дни Октября, будучи председателем Петроградского Совета, Троцкий проделал большую работу. Это отмечал и Сталин. В своей речи на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС "Троцкизм или ленинизм?" он подчеркнул, что "далек от того, чтобы отрицать несомненно важную роль Троцкого в восстании... Да, это верно, тов. Троцкий действительно хорошо дрался в период

Октября. Но в период Октября хорошо дрался не только тов. Троцкий...”.

Действительно, Троцкий в революции, в гражданской войне быстро завоевал себе большую популярность благодаря незаурядным организаторским и ораторским качествам, мастерству публициста. Известна высокая оценка, которую дал Троцкому Ленин осенью 1917 года. Говоря о выдвижении кандидатов партии в Учредительное собрание, Ленин сказал, что “никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата”⁶¹.

Видимо, будет исторической правдой сказать, что на определенном этапе — накануне и после Октябрьского восстания, в ходе гражданской войны и сразу после нее — Троцкий по популярности уступал только Ленину. Это был один из самых известных вождей Октября. При перечислениях фамилий тогда не пользовались алфавитным принципом, и Троцкий всегда (или почти всегда) шел вторым после Ленина. В протоколах пленумов ЦК за 1918 — 1921 годы присутствовавшие на них члены руководящего партийного органа, как правило, перечислялись следующим образом: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Рудзутак, Томский, Рыков, Преображенский, Бухарин, Калинин, Крестинский, Дзержинский, Радек, Андреев... Так были перечислены, например, члены ЦК на заседании Пленума ЦК РКП(б) от 20 — 21 ноября 1920 года⁶². Но популярность Троцкого не выражалась в большом количестве его личных сторонников. Складывалась парадоксальная картина: Сталин, не будучи лично популярным, олицетворял “линию” партии. Троцкий, заметно более популярный деятель, рано приобрел печать “фракционера”, что не могло серьезно прибавить ему единомышленников. К тому же, как писал И. Дейчер, “Троцкий был настолько уверен в своем положении в партии и в стране, в своем превосходстве над противником, что долго не хотел ввязываться в открытую борьбу за преемственность”. Он был убежден, что после Ленина партия обязательно остановит выбор на нем.

Однако при внимательном анализе работ Троцкого видно, что многие основополагающие идеи Ленина он не всегда разделял. Например, в своей борьбе со Сталиным, вспыхнувшей после смерти Ленина, он пытался взять на вооружение идеи со-

циалистической демократии, оставаясь приверженцем авторитарных методов. Складывалось впечатление, что он ближе стоял к бонапартизму, цезаризму, военному диктаторству, чем к идее подлинного народовластия. Они были ровесниками со Сталиным (оба родились в 1879 г. с интервалом в полтора месяца). Но интеллект Троцкого был более изощренным, более ярким и богатым. Ему были свойственны, как свидетельствуют люди, знавшие его, и многочисленные биографы Троцкого, живость мысли, солидная европейская культура, неукротимая энергия, широкая эрудиция, блестящая манера оратора. Но, переоценивая значимость своей персоны, Троцкий был со всеми (за исключением Ленина) высокомерен, заносчив, авторитарен, категоричен, нетерпим к другим мнениям. А за это люди, естественно, недолюбливали его. Троцкий оказался слабым политиком и далеко не всегда глубоким теоретиком. Отсутствие прочных марксистских убеждений сделало его "героем момента", наивным пророком, несостоявшимся диктатором.

Сталин постепенно нащупал слабые пункты натуры Троцкого и с максимальной последовательностью использовал их в борьбе с ним. Троцкий не очень заботился о "причесанности" и взвешенности своих многочисленных выступлений, замечаний, высказываний, думая больше об их афористичности, парадоксальности и образности. Однажды в разговоре с Лениным Троцкий бросил "крылатую фразу", которая стала известна Сталину: "Кукушка скоро прокукует смерть Советской Республики". Другой раз, в беседе с делегатами конгресса Коминтерна, он заметил, что если не вспыхнет революция в Европе или Азии, то "может погаснуть факел в России". Отныне у Сталина появился "железный" аргумент для обвинения Троцкого в неверии и капитулянтстве. И чем больше впоследствии оправдывался Троцкий, тем больше он в глазах других обивал себя. Сталин уже тогда проявил себя исключительно цепким и изощренным бойцом, устоять против которого политическому или идеологическому противнику было очень не просто.

Если практическая деятельность Троцкого в годы революции и гражданской войны заслуживает в основном весьма положительной оценки, правда с рядом существенных оговорок, то в политическом отношении этот "выдающийся вождь" часто преследовал лишь свои узкоэгоистические, карьеристские цели. Это был сторонник жестких методов, репрессий и смертной казни на фронте. В своих мемуарах он так излагает свое кредо: "Нельзя армию строить без репрессий. Нельзя вести массы

людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. Надо ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади"⁶⁵.

В.И. Ленин, как и многие другие руководители партии, отмечая большие организаторские и литературные способности, крайнее честолюбие Троцкого, видел его политическую ограниченность, заключающуюся в левацком понимании многих важнейших идей марксизма. С особой силой это выразилось в известной работе Троцкого "Перманентная революция".

А.М. Горький вспоминает, что он был удивлен высокой оценкой, которую дал Ленин организаторским способностям Троцкого. "Заметив мое удивление, Владимир Ильич добавил:

— Да, я знаю, о моих отношениях с ним что-то врут. Но — что есть — есть, а чего нет — нет, это я тоже знаю. Он вот сумел организовать военных специалистов.

Помолчав, он добавил потише и невесело...

— Честолюбив. И есть в нем что-то... нехорошее, от Лассалля"⁶⁶.

Действительно, Троцкий с редкой настойчивостью проводил в жизнь ленинскую идею об использовании старых специалистов в интересах революции. Именно по его инициативе и предложению на заседании ЦК 25 октября 1918 года было принято решение освободить из-под ареста всех офицеров, взятых в качестве заложников. В постановлении ЦК указывалось, что те из них, в отношении которых не будет обнаружена принадлежность к контрреволюционному движению, могут быть приняты в Красную Армию. Правда, здесь же было оговорено, что они "должны предоставить список своих семейств", и им указывается, что "семьи будут арестованы в случае их перехода к белогвардейцам". Сталин запомнил это заседание ЦК. Предложения Троцкого о бывших царских офицерах тогда поддержали, а проект Сталина о привлечении к военному трибуналу командующего и члена Военного совета Южного фронта — отклонили. Сталин оба эти решения расценил как "интеллигентский либерализм", особенно в отношении бывших офицеров.

Карл Радек в первом издании своих "Портретов и памфлетов" в статье "Лев Троцкий" пишет, что ему "благодаря своей энергии удалось подчинить бывшее кадровое офицерство... Он сумел завоевать себе доверие лучших элементов специалистов и превратить их из врагов Советской России в ее убежденных сторонников. Я помню ночь, когда пришел ко мне в комнату покойный адмирал Альтфагер, один из первых офицеров старой армии, который начал не за страх, а за совесть помогать Со-

ветской России, и сказал мне просто: "Я приехал сюда потому, что был принужден. Я вам не верил, теперь буду помогать вам и делать свое дело, как никогда я этого не делал, в глубоком убеждении, что служу родине".

Троцкий, пишет Радек, был беспощадным человеком. Когда возникла смертельная опасность для Советской России, Троцкий не останавливался ни перед какими экономическими, материальными и людскими жертвами. В этом он был похож на Сталина. Троцкий, вспоминает Радек, сказал парадоксальную фразу: "Мы ограбили всю Россию, чтобы победить белых". В своём очерке Радек идеализирует Троцкого, приписывает ему много из того, что отличало не только его. Но сегодня ясно, что Ленин, видя ум и большие организаторские и пропагандистские способности Троцкого, долго пытался "вернуть" его в нужную сторону. И наверняка, живи дольше Ленин, судьба Троцкого была бы иной.

Почти по всем основным вопросам Троцкий расходился со Сталиным, иногда и с партией. Как пишет известный американский историк С. Коэн, Троцкий, например, в "нэпе увидел первый признак вырождения большевизма и утраты радикального характера русской революцией". Его предложения о "диктатуре промышленности", развертывании "трудовых армий", необходимости "крови и нервов" для достижения цели при внешнем левачестве были крайне опасны. Троцкий, продолжает С. Коэн, "почувствовал, что, когда гражданская война закончилась, завершилась и кульминационная точка его судьбы"⁶⁷.

Задним числом, уже в эмиграции, Троцкий будет усиленно распространять версию, что Ленин хотел привлечь его в "блок" против Сталина и вместе с ним, Троцким, сместить генсека на XII съезде партии. В книге "Моя жизнь" Троцкий пишет: "...Ленин систематически и настойчиво ведет дело к тому, чтобы нанести на XII съезде, в лице Сталина, жесточайший удар бюрократизму, круговой поруке чиновников, самоуправству, произволу и грубости... Ленин успел в сущности только объявить войну Сталину и его союзникам, причем и об этом узнали лишь непосредственно заинтересованные, но не партия"⁶⁸. Зачем понадобились эти, не лишённые здравого смысла откровения Троцкому? А прежде всего затем, чтобы заявить: Ленин видел его, Троцкого, своим преемником. С этой целью он по-своему комментирует ленинское "Письмо к съезду" и делает вывод: бесспорная цель завещания — облегчить ему руководящую работу. Вот в этих словах весь потаенный (да и потаенный ли?) смысл долгой борьбы Троцкого. Он никогда не смо-

жет смириться с горечью личного краха. Ведь он уже видел себя лидером, диктатором, вождем.

О сомнительности версии Троцкого говорят сами ленинские строки. Ленину совсем ни к чему был "блок" с Троцким для смещения Сталина. Авторитет Ленина был непререкаемым. Другое дело, что иногда в силу разных "высот" интеллектов его не понимали. Когда Владимир Ильич заболел, это испонимание кое-кто пробовал объяснить последствиями болезни, трудностью общения, оторванностью вождя от жизни. Однако не вызывает сомнений: если бы Владимир Ильич был здоров, одно его личное предложение о замене генсека на заседании Политбюро, подкрепленное, как всегда, глубокими аргументами, сделало бы свое дело. Ленин счел неудачной фигуру Сталина на посту генсека, но, видимо, не менее неудачной была бы и кандидатура Троцкого. Оба "выдающихся вождя" не должны были подниматься на капитанский мостик гигантского русского корабля.

До смерти Ленина отношения Сталина с Троцким были сложными. Сталин вначале даже внутренне восхищался "трибуном", но впоследствии довольно быстро понял, что "форма" Троцкого еще не отражает всей глубины его вождистского содержания. Сталин, возможно, раньше других, не считая, разумеется, Ленина, почувствовал, понял, что Троцкий замахнулся на роль преемника вождя. Постепенно внутренняя неприязнь Сталина к Троцкому усилилась, а затем вылилась в тщательно скрываемую (до поры до времени) ненависть. Для себя Сталин своего врага мысленно называл "авантюристом", "жуликом", перефразируя ленинские слова о "жульничании" бывшего меньшевика Троцкого. Сталин, обладая отличной памятью, нанизывал многочисленные ошибки, зигзаги, повороты, авантюры Троцкого на нить своих будущих аргументов, разоблачений, критики, осуждения... Он не забыл левацкой "революционной" фразы Троцкого во время Бреста; помнил, как Троцкий отдал приказ расстрелять большую группу политработников Восточного фронта за измену нескольких военспецов (трагедию удалось предотвратить лишь благодаря вмешательству Ленина); держал в уме нелепое предложение Троцкого о отправке корпуса кавалерии в Индию для инициирования революции; помнил о "кукушке" Троцкого, которая была готова куковать конец Советской власти...

Сталина до сих пор возмущало поведение Троцкого как наркомвоенмора, развезжавшего в гражданскую войну по фронтам в специальном поезде, в сопровождении одного, а то и

двух бронепоездов, заполненных затаятыми в кожу молодыми приверженцами "пролетарского вождя". Не нравилось Генсеку, да и не только ему, что вскоре после революции Троцкий окружил себя большим штатом помощников и секретарей. Глазман, Бутов, Сермухс, Познанский, другие "оруженосцы" помогали Троцкому вести большой архив, переписку, готовить тезисы и материалы к бесчисленным статьям и выступлениям, давали ему нередко и творческие импульсы. Троцкий в этом отношении предвосхитил роль интеллектуального окружения политических деятелей конца XX века, которые нередко просто беспомощны без такого аппарата.

Генсек был убежден, что Троцкий в революции, гражданской войне, в первые годы перехода на мирные рельсы смотрел на все многочисленные проблемы России в немалой мере лишь через призму своих узкокарьеристских, эгоистических, властолюбивых интересов, не учитывал всей сложности сложившейся социально-политической ситуации. Вскоре их отношения характеризовались уже глубокой взаимной неприязнью. К слову сказать, у Троцкого сложились плохие отношения не только со Сталиным. Не скрывая обычно своего "превосходства" над другими, он фактически никогда не имел в руководстве близких сторонников. Даже кратковременный союз с Зиновьевым и Каменевым, который возникнет позже, будет "склеен" на беспринципной, антисталинской основе. Но, надо сказать прямо, Троцкий сильно недооценил Сталина, эту "выдающуюся посредственность", как он стал говорить открыто после того, как его вывели в 1926 году из состава Политбюро.

После мартовского приступа болезни Владимира Ильича Сталин внутренне считал себя просто обязанным не допустить Троцкого к руководству партией. Поражение последнего в связанной его сторонниками дискуссии заметно уменьшило шансы Троцкого, независимо от того, какое решение принял бы съезд по ленинскому "Письму...". Сталин был убежден, о чем он впоследствии не раз говорил в узком кругу (возможно, для своего оправдания), что, приди к руководству партией Троцкий, революционным завоеваниям угрожала бы смертельная опасность.

Троцкий не только недооценил волю и изощренный ум Сталина, но и своими бесконечными выпадами, дискуссиями, полемическими статьями невольно поднял авторитет Сталина, который в этих условиях уже выступал как защитник ленинского наследия, хранитель единства партии. Чем больше "накакивал" Троцкий на Сталина, тем сильнее падала его популяр-

ность. И дело здесь не в Сталине, а в сложившемся общественном мнении о том, что Троцкий атакует линию партии. По существу, Троцкий сам помог Сталину укрепить его политические позиции. Сталин в глазах членов партии как будто ни разу не "качнулся" вправо или влево, проявляя "гибкость" (а порой и изощренную хитрость), опираясь в борьбе с Троцким на своих будущих противников Зиновьева и Каменева.

Январь 1924 года навсегда останется для трудящихся мира, всех советских людей горьким до острой боли временем. Еще 19 января М.И. Калинин докладывал на Политбюро, что врачи, которые лечат, наблюдают за здоровьем Ленина, выражают определенный оптимизм, что он сможет постепенно вернуться к политической деятельности. Он ходит, ему читают материалы, появились проблески надежды... Но все надежды рухнули в одночасье...

Кому нужно в полуразрушенной стране вечно спорящее руководство? Именно об этом парадоксе напомнила XIII партконференция, которая состоялась в середине января 1924 года. Она обсудила очередные задачи экономической политики и дала политическую оценку троцкистской оппозиции.

19 и 20 января Н.К. Крупская постепенно, "дозами", читала В.И. Ленину материалы партконференции. Когда в субботу, вспоминала позднее Надежда Константиновна, во время моего чтения Владимир Ильич стал волноваться, я сказала ему, что резолюции приняты единогласно. Обсуждение вопроса об оппозиции шло остро. Зиновьев и Каменев, будущие союзники Троцкого, требовали на конференции его вывода из состава Политбюро и ЦК. Возможно, Ленин увидел в этом факте признаки раскола, истоки усиления одной личности? Нетрудно представить, как было тяжело Ленину, находясь на протяжении многих месяцев в полной ясности сознания, не принимать активного участия в партийных делах! Все видеть, слышать, понимать, много думать и быть бессильным... Могучая мысль была в немом заточении... Можно только догадываться о глубине духовной трагедии гения. Ленин понимал, что его предположения о возможности обострения фракционной борьбы в партийном руководстве — грозная реальность.

Днем 21-го произошло резкое ухудшение в состоянии здоровья В.И. Ленина.

Евдокия Смирнова, работница швейной фабрики, которая со дня мартовского приступа Ленина помогала Надежде Константиновне ухаживать за больным Лениным, вспоминала:

— Утром, как всегда, подала я ему кофе, а он поклонился приветливо и прошел мимо стола, а пить не стал, ушел к себе в комнату и лег. Я ждала его до 4 часов с горячим кофе, все думала, проснется, выпьет. А уж ему плохо стало. Спросили у меня горячие бутылки... Пока их наливали да принесли, они уж не нужны ему были...

Вечером, в 18.50, Ленина не стало. Патологоанатомическое исследование подтвердило диагноз врачей, что основной болезнью явился резко выраженный склероз сосудов мозга от чрезмерной напряженной умственной деятельности, непосредственной причиной смерти — кровоизлияние в мозг. Троцкий, находившийся на юге, по каким-то неясным причинам не прибыл на похороны, хотя в его распоряжении было достаточно времени. С Тифлисского вокзала 22 января он передал по телеграфу в "Правду" коротенькую статью. В ней есть такие строки:

"И вот нет Ильича. Партия осиротела. Осиротел рабочий класс. Именно это чувство порождается прежде всего вестью о смерти учителя, вождя.

Как пойдем вперед, найдем ли дорогу, не собьемся ли?..

Наши сердца потому поражены сейчас такой безмерной скорбью, что мы все, великой милостью истории, родились современниками Ленина, работали рядом с ним, учились у него...

Как пойдем вперед? --- С фонарем ленинизма в руках..."⁶⁹

Было бы кощунственно ставить под сомнение искренность скорбных слов Троцкого. Перед Лениным не мог не преклоняться и Троцкий.

Ночью 22-го состоялся экстраординарный Пленум ЦК, а 27 января гроб с телом Ильича был установлен в Мавзолее на Красной площади. На II Всесоюзном съезде Советов, открывшемся 26 января, были приняты решения об увековечении памяти В.И.Ленина. Траурное заседание II съезда Советов проходило в затынутом в креп Большом театре.

В 6 часов 20 минут вечера Председатель ЦИК СССР М.И. Калинин обращается с предложением к членам Президиума ЦИК СССР и членам ЦК РКП(б) занять места за столом президиума. В нашей литературе до недавнего времени дело изображалось так, будто на заседании выступал один Сталин со своей "клятвой". Но все было иначе. Первым выступил Калинин, затем Крупская, Зиновьев. Председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев прямо спросил присутствующих: "...сумеет ли мы провести нашу страну дальше, в тот край обетованный, который предносился (так в тексте. — Прим. Д.В.) духовному взору Владимира Ильича? Сумеет ли мы, хотя бы с

грехом пополам, напрягая все силы коллективного разума и коллективной организованности, выполнить то, чему учил нас Владимир Ильич?" Выступали Бухарин, Клара Цеткин, Томский, Ша-Абдурасулев, Краюшкин, Сергеев, Нариманов, Зверева, Каменев. В выступлении последнего была выражена интересная мысль: "Он никогда не боялся остаться один, и мы знаем великие поворотные моменты в истории человечества, когда этот вождь, призванный руководить человеческими массами, был одинок, когда вокруг него не было не только армий, но и группы единомышленников... Единственно, что не оставляло его никогда, — это вера в творчество подлинных народных масс"⁷⁰. Держали слово на заседании Ольденбург, Ворошилов, Смородин, Рыков. Сталин выступал четвертым, после Зиновьева.

Речь Сталина (как обычно, текст готовил он сам, с последующим ознакомлением с ней членов Политбюро) была выдержана в патетической манере клятвы. "Катехизисное" мышление и здесь дало себя знать. Все разложено по "полочкам". Призывал создать "царство труда на земле, а не на небе". Но в его речи было и нечто такое, что всегда, до последних дней его жизни, будет присуще ему, Сталину, — гимн силе, готовности к жертвам: "мы не пощадим сил", "отражая бесчисленные удары", "сила нашей страны", "в этом наша сила", "не пощадим своей жизни"⁷¹. Сталин от имени партии клялся хранить звание члена партии, ее единство, укреплять диктатуру пролетариата, крепить союз рабочих и крестьян, укреплять союз братских республик, верность интернационализму. В речи не было упомянуто ни о народовластии, ни о социалистической демократии, ни о свободе. Возможно, они подразумевались в русле упрочения диктатуры пролетариата? Ведь она имеет не только насильственную сторону! Однако, скорее всего, Сталин просто в этих "тонкостях" не нуждался.

Начиналась новая глава истории. Преемником Ленина на посту Председателя Совнаркома стал А.И. Рыков, на пост Председателя Совета Труда и Оборона был выдвинут Л.Б. Каменев. Сталин, оставаясь генсеком, стал ждать решения XIII съезда партии, где согласно воле умершего Ленина должны были зачитать его "Письмо к съезду". Но знал ли он об этом "Письме..."? На этот счет есть разноречивые свидетельства.

Дальние истоки трагедии

Есть события, которые до поры до времени остаются в тени истории, хотя они заслуживают неизмеримо большего. Это касается, в частности, судьбы ленинского "Письма к съезду". Я уже говорил, что, вероятнее всего, письмо было адресовано делегатам XII съезда партии, но до них, в силу ряда причин, доведено не было. По-моему, Марк Аврелий писал: по-разному летают мысль и стрела; мысль, даже когда она осторожна, рассматривая что-либо, несется тем не менее прямо к своему предмету. Мысли Ленина, изложенные в его "Письме...", "неслись к своему предмету", встречая немало препон. Похоже, для конкретного исторического момента они не смогли, в силу противодействия, сыграть ту роль, на которую были рассчитаны, но для будущего их роль неоценима. В истории политической мысли они останутся как предупреждение-пророчество, гласящее: самые высокие и благородные цели требуют для своей реализации моральной чистоты.

Письмо Ленина от 24 — 25 декабря 1922 года, как и добавление от 4 января 1923 года, перепечатанные и уложенные в конверты, Крупская в соответствии с волей Владимира Ильича передала в ЦК партии 18 мая 1924 года, за пять дней до открытия очередного, XIII съезда РКП(б). В специальном протоколе, фиксирующем передачу этих бесценных документов, рукой Крупской записано: "Мною переданы записи, которые Владимир Ильич диктовал во время болезни с 23 декабря по 23 января, — 13 отдельных записей. В это число не входит еще запись по национальному вопросу (в данную минуту находящаяся у Марии Ильиничны).

Некоторые из этих записей уже опубликованы (о Рабкринс, о Суханове). Среди неопубликованных записей имеются записи от 24 — 25 декабря 1922 года и от 4 января 1923 года, которые заключают в себе личные характеристики некоторых членов Центрального Комитета. Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда. *Н. Крупская*¹².

Пленум, состоявшийся накануне съезда, по докладу комиссии, принимавшей ленинские бумаги, принял следующее поста-

новление: "Перенести оглашение зачитанных документов, согласно воле Владимира Ильича, на съезд, произведя оглашение по делегациям и установив, что документы эти воспроизведению не подлежат, и оглашение по делегациям производится членами комиссии по приему бумаг Ильича"⁷³.

Это был первый съезд без Ленина. Политический доклад делал Зиновьев. Начал чтение доклада необычно взволнованно, сказав: "...в сегодняшней "Правде" один из наших родных рабочих-поэтов прекрасно изобразил настроение партии, относящееся как раз к данному моменту съезда:

*Видно, у мыслей
Дрогнули колени,
В омуте глаз
Заблудилась тоска.
— Политотчет Цека...
Читает... читает...
Не Ленин...*

Без Ленина, без светильника, без самой гениальной головы на земле приходится нам разрешать теперь те громадной важности вопросы, от которых зависят судьбы нашей партии..."⁷⁴

В пространном докладе Зиновьева рассматривался широкий комплекс вопросов: об итогах года, о факторе времени в социалистических преобразованиях, о работе ЦК и Политбюро, об итогах дискуссии, о национальном вопросе, международном положении, работе РКП(б) в Коминтерне, о результатах нэпа, о ленинском плане кооперации. В докладе есть специальный раздел и о том, чтобы РКП(б) "не была только партией города", о "культурных ножницах" и т.д. Однако ни в докладе Зиновьева, ни в орготчете Сталина вопросы, поднятые Лениным в его последних письмах, фактически не были затронуты. Едва ли это было сделано умышленно. Просто интеллектуальный уровень соратников Ленина (хотя он и был в целом высоким) не мог, повторю, обеспечить такого глубокого и прозорливого взгляда в будущее, как у Владимира Ильича. Ленин ведь не просто изложил "план построения социализма", как принято было у нас говорить, в области индустриализации, коллективизации и культуры. Здесь тоже сказался схематизм мышления Сталина, привыкшего все расчленять и упрощать до неузнаваемости. Ленинское "Завещание" — это его концепция социализма, в центре которой — человек, а также вопросы, рассматривающие гарантии народовластия, демократии и гуманизма нового строя. По сути, Ленин искал пути: как не допустить отчуждение рабочего человека, труженика от его власти? Как победить нарождающуюся бюрократию? Как сле-

лать демократичным, гибким аппарат, как поднять роль общественного контроля? Как сделать плоды свободы доступными для всех? Все эти вопросы и составляли суть ленинского намерения о "ряде перемен в нашем политическом строе".

К великому сожалению, Политбюро, его ядро — Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Бухарин или не поняли, или не захотели, а может быть, не смогли в полной мере понять гениальных замыслов Ленина. XIII съезд партии, рассматривая многие важные вопросы текущей жизни, решал задачи сегодняшнего дня, а не завтрашнего. Центральная идея ленинского "Завещания" о развитии народовластия не стала главной идеей работы съезда. Здесь едва ли не главный исток будущих бед.

Вопросы расширения демократической стороны диктатуры пролетариата, обновления руководящих органов, широкое привлечение масс к решению государственных вопросов фактически не поднимались. Сталин лишь коснулся вопроса расширения ЦК. Однако мы помним, Ленин говорил о расширении ЦК за счет рабочих и крестьян. В то же время и на XII и на XIII съездах это расширение было осуществлено, пусть и за счет достойных людей, но в подавляющем большинстве — профессиональных революционеров. Новых членов ЦК из числа рабочих и крестьян избрано было очень мало. А это, согласитесь, далеко не одно и то же.

В политическом докладе Зиновьева вопросы социалистической демократии, о которой так заботился Ленин, были освещены своеобразно, а точнее — односторонне. Докладчик привел высказывание одного инженера завода, специалиста, заявившего, что мало дать людям предметы первой необходимости, им нужно дать "права человека". Пока не имеем этих прав, заявил инженер, мы будем инертны. Пока не будет признано, что "человек — высшая ценность в государстве", у людей будет низкая общественная и трудовая активность. Нельзя не признать проницательности этих суждений. Правда, наряду с этими глубокими мыслями специалист высказал немало и неверных суждений. Зиновьев на подобное настроение интеллигенции реагировал следующим образом: "...незачем по этому вопросу терять лишние слова. Совершенно ясно, что таких прав они (специалисты. — Прим. Д.В.), как своих ушей без зеркала, в нашей республике не увидят. Это бесспорно"⁷⁵. Так думал не только Зиновьев, но и многие в ЦК, не имевшие возможности глубоко постичь гуманистическую концепцию социализма, в центре которой должны были быть проблемы свободы, демократии и гуманизма. В этом неведении также кроются

истоки будущих бед. Слов нет, после революции прошло лишь шесть с половиной лет. Без диктатуры пролетариата Союз советских республик просто не устоял бы под напором внутренних и внешних врагов, но забвение демократических начал, народовластия, о чем так заботился Ленин, не могло рано или поздно не сказаться.

Ленинское "Письмо..." не заняло на съезде того места, какое оно должно было занять. Отдельные делегации были ознакомлены с ним специально выделенными людьми. Особенно активничал Каменев, переходя из делегации в делегацию. Никаких обсуждений не было. По завершении "читки" вносилось заранее подготовленное устное предложение (товарищами из комиссии по приему ленинских документов): рекомендовать Сталину в своей практической работе учесть критические замечания Ленина. На этом все заканчивалось. По существу, "благодаря" такой форме доведения ленинского "Письма..." оно фактически недооценивалось. Так документ исторического значения не стал основой для утверждения демократических норм в партийной жизни, основой организационных изменений в руководящем эшелоне партии и выдвижения нового лица на пост Генерального секретаря. Нужно учесть при этом, что с момента написания "Письма..." прошло почти полтора года. За это время Сталину пришлось возглавить борьбу с Троцким, который еще незадолго до смерти Ленина повел яростные атаки на курс партии, на политику нэпа. Сталин выступил решительно против этих нападок, в действительности защищая и себя. Его поддержало большинство партии. Все это не могло не сказаться на отношении делегатов к Сталину. Многие могли рассуждать так: убрать Сталина — это значит признать правоту Троцкого...

Многие делегаты съезда слабо разбирались в хитросплетениях реальной политики, часто форму принимали за содержание. Ведь не случайно Троцкий благодаря своим запоминающимся речам долго сохранял популярность. В делегациях при зачитании "Письма..." не возникали сомнения: почему этот важнейший документ не обсуждают непосредственно на съезде? зачем эта келейность? почему открыто не обнародовать ленинские предложения? Все это явилось не только результатом определенной обработки и давления, но и прежде всего невысокой политической культуры многих делегатов. Одна из причин будущих бед — в неразвитости, на определенном этапе, политической культуры не только большей части населения, но и членов партии. Едва ли многие из них догадывались, что именно

сейчас, отказавшись после революции от бога на небе, они сделали шаг к тому, чтобы создать его на Земле. Не знали они и того, что бог на небе был символом и требовал чаще символических жертв. А бог на Земле не удовлетворится этим и жертв потребует страшных. Увы, такие провидцы, как Ленин, --- уникальная, историческая редкость.

Но ведь не у всех же была невысокой политическая культура? Разве Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский, Дзержинский, Калинин, Рудзутак, Сокольников, Фрунзе, Андреев, многие другие большевики не понимали, что нужно самым внимательным образом проанализировать "Завещание" вождя? Думаю, что понимали. Но лозунг "единства", часто понимаемый формально, глушил голос интеллектуальной совести. Можно даже сказать, что ее, совести, шанс не был использован. Так будет еще не раз в будущем. Возвышение нового вождя будет происходить не только в условиях непрерывного урезания, кастрирования реальной демократии, превращения партии в машину власти, но и глушения голоса совести многих из тех, кто должен был публично, открыто протестовать против узурпации власти одним человеком. Все знают, чем бы это кончилось для конкретного человека. Но в том-то и дело, что использовать этот шанс совести можно лишь в союзе с мужеством мысли... Но внутреннее рабство, как правило, оказывалось сильнее. Свобода в сознании людей часто была на положении золушки.

Когда Сталину стало известно о ленинском "Письме...", он заявил о своей отставке. Если бы она была принята, возможно, многое пошло бы по-другому. Это был правильный шаг. Только так должен был бы поступить любой большевик на его месте. Но отставка не была решительной. К слову сказать, в 20-е годы Сталин дважды заявлял о своей отставке. После XV съезда, например, в более категоричной форме. Троцкистско-зиновьевская оппозиция потерпела поражение, съезд организационно это оформил. На первом Пленуме после съезда Сталин обратился к членам ЦК с просьбой:

"Я думаю, что до последнего времени были условия, ставящие партию в необходимость иметь меня на этом посту как человека более или менее крутого, представлявшего известное противоядие против оппозиции. Сейчас оппозиция не только разбита, но и исключена из партии. А между тем у нас имеется указание Ленина, которое, по-моему, нужно провести в жизнь. Поэтому прошу Пленум освободить меня от поста Генерального секретаря. Уверяю вас, товарищи, что партия от этого только выиграет". Но к этому времени авторитет Сталина возрос, и

он олицетворял собой в партии человека, борющегося за единство, непримиримо выступающего против различных фракционеров. Отставка вновь была отклонена. Но похоже, Сталин в этом был уже уверен, и просьба об отставке имела замаскированную цель укрепить свое положение.

Каменев и Зиновьев на XIII съезде предприняли все меры, чтобы ленинская настоятельная рекомендация о смещении Сталина с поста генсека не была выполнена. Пожалуй, это самая недостойная страница в их политической биографии, учитывая их близость к Ленину. Сталина уговорили взять свое устное заявление обратно и выработали сообща линию, согласно которой Сталину предлагалось учесть пожелания и критические замечания умершего вождя. Зиновьев и Каменев лично проводили эту работу в крупных делегациях, фактически дезавуируя идеи Ленина. Знали бы они, что обеляли своего будущего могильщика!

Не лишённые способностей и заслуг перед революционным движением, партией на данном этапе Зиновьев и Каменев считали, что главное — не допустить Троцкого на первые роли. Они сами рассчитывали на них. Не судьбы революции, судьбы ленинского "Завещания" и будущее страны интересовали их в первую очередь. Старый, как сам мир, императив вышел на первый план: личные интересы, амбиции, тщеславие. Сталина они оба, как и Троцкий, явно недооценивали. Известно, например, что Зиновьев в начале 20-х годов в узком кругу говорил: "Сталин — хороший исполнитель, но им всегда нужно и можно управлять. У самого Сталина этих способностей к самоуправлению нет". Видимо, Зиновьев, а с ним и Каменев в своих планах рассчитывали, что Сталин останется в роли генсека лишь как руководитель Секретариата, а в Политбюро роль первой скрипки будет играть другой человек. Конечно, Зиновьев! Сталин понял замысел "дуэта" и до поры до времени делал вид, что такой расклад его устраивает. Ведь не случайно же Сталин добился, чтобы докладчиком по основному, политическому вопросу на XIII съезде выступил Зиновьев! Зиновьев, и Каменев опасались Троцкого и не считали опасным Сталина. Троцкий же на съезде был пассивным. Похоже, он просто ждал, когда его позовут... Такова была обстановка в руководящем ядре ЦК.

Сегодня, спустя десятки лет, можно сказать, что главными лицами, ставшими на пути реализации указания Ленина, были Зиновьев и Каменев (разумеется, и Сталин, но один он ничего бы не смог сделать). Именно эти два политика, руководствуясь

сиюминутными личными интересами, фактически пошли наперекор последней воле вождя. Они выступили против его идеи о вооруженном восстании в 1917 году, выступили против и тогда, когда его не стало. А ведь Зиновьев любил публично с гордостью говорить, что до революции, на протяжении целых десяти лет (с 1907 до 1917 г.), он был ближайшим учеником Ленина! Что, мол, никто так не поддерживал Ленина в Циммервальде и Кинталс, как он, Зиновьев! Каменев был лично близок семье Ульяновых и не скрывал этого. Как бы то ни было, эти два политических близнеца уверовали в свою особую роль после Ленина. Именно они совместно со Сталиным приняли решение не предавать гласности ленинское "Письмо к съезду". И хотя на XV съезде партии (декабрь 1927 г.) этот документ по предложению Орджоникидзе был опубликован в текущем бюллетене, до широких слоев партии, до народа он не дошел.

Антидемократичность шага с "Письмом..." была хорошо усвоена Сталиным, и он в последующем еще не раз воспользуется уроком Зиновьева и Каменева. Они хотели прошлое оставить прошлому. Но это не всегда можно сделать. Прошлое может мстить. Сами не ведая, эти люди посеяли конфликт прошлого с будущим. В кровавой жатве падут со временем и их головы... Сталин сразу же, как только одолеет с их помощью Троцкого, потеряет к ним всяческий интерес. А через десять с небольшим лет хладнокровно санкционирует их физическое уничтожение. Нетрудно представить, сколько раз в будущем мысль Зиновьева и Каменева с отчаянием возвращалась к времени, когда они, презрев ленинское "Письмо...", сами подтолкнули наверх диктатора, своего будущего палача. Правда, когда между Сталиным, с одной стороны, и Зиновьевым и Каменевым — с другой, произошел разрыв, тут они стали "принципиальными". Поскольку речь зашла о личном положении, они, забыв о недавней защите Сталина, выступили против него. Уже на XIV съезде партии, в декабре 1925 года, один из лидеров "новой оппозиции" обратился к делегатам, сказав верные, но запоздалые слова: "...я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба..." Но делегаты съезда это заявление оценили лишь как очередной выпад фракционеров. То, что сделали эти политики раньше, сохранив Сталина вопреки ленинскому пожеланию на посту генсека, изменить им, к сожалению, не удастся. Как, впрочем, и никому другому. И мы можем, пожалуй, воскликнуть, как Плутарх о Македонском: будет неверно, если мы сочтем, что власть Александру доста-

лась как подарок судьбы. Сталину власть взять помогли. Прежде всего Зиновьев и Каменев. Вопреки воле Ленина.

В этих условиях Троцкий, потерпевший безоговорочное поражение в прошедшей дискуссии, попытался "сохранить лицо", временно заняв гуттаперчевую позицию. Его выступление на XIII съезде Зиновьев назвал не "съездовской" речью, а "парламентской". По его словам, Троцкий обращался не к делегатам, а к партии и пытался "говорить совсем не то, что думает". Действительно, выступление Троцкого было необычным. Его основное содержание было направлено против бюрократизации партийного аппарата. Для убедительности он ссылался на Ленина, Бухарина, атакуя руководство ЦК с позиций новатора, борца за сохранение революционных традиций в партии. "Масса мыслит медленнее, чем мыслит партия", — утверждал Троцкий. Чтобы сохранить способность партии "мыслить быстро и верно", надо освободиться от "недомоганий" в виде бюрократии партийного аппарата. Но оказывается, Троцкий свои стрелы против бюрократизма пускал с иной целью: именно бюрократия плодит фракционность, утверждал Троцкий. Бюрократия, стало быть, оправдывает идеологические и политические атаки штаба партии. Другими словами, дискуссия, навязанная им партии, была своего рода ответом на бюрократию в ЦК, губкомах, всех эшелонах партийной иерархии. Известное рациональное зерно в этих суждениях есть. Но Троцкий пекся больше не о партии, а о себе. Он остался самим собой: тогда борца за демократию ему понадобилась как словесная косметика для оправдания своих нападков на курс ЦК. Хотя в партии не забыли, что именно Троцкий был одним из инициаторов методов "казарменного коммунизма", с неизбежностью рождающего бюрократические извращения.

Можно сказать, что XIII съезд не пошел вперед в деле развития ленинских идей демократизации. Здесь кроется источник многих будущих трагедий. Делегаты съезда не выполнили последней воли Ленина о перемещении Сталина с поста генсека на другое место. Непоследовательность членов ЦК в этом вопросе, уступка добротам Сталина (в то время!) — Каменеву и Зиновьеву дорого обошлась в будущем партии.

Справедливости ради следует сказать, что, возможно, многие члены ЦК понимали: если сместить Сталина, то несколько создастся впечатление правоты Троцкого. И кто знает, не скомпрометируй Троцкий себя октябрьским (1923 г.) вызовом, его шансы были бы довольно высокими. Однако альтернатива Троцкого не устраивала большинство соратников Ленина. Так

что с известной долей допущения можно сказать, что Сталин сохранил свой пост генсека и благодаря "помощи" Троцкого.

Демократические основы государственного и партийного строительства были лишь намечены Лениным, но он не успел их создать. Возьмем лишь одну грань демократии: ротация руководящих работников. Ведь если бы даже Сталин был оставлен на посту генсека, но его пребывание было ограничено установленным уставным сроком, культового уродства в будущем можно было не допустить. Вполне понятно, когда королева Виктория, императрица Екатерина II, негус Хайле Селассие или шах Ирана Реза Пехлеви находились на троне десятилетиями, — они монархи! Но пребывание Сталина во главе партии и государства десятилетия, фактически ничем и никем не ограниченное, не могло не привести к деформациям. Не могло! В ленинском предложении XII съезду партии "Как нам реорганизовать Рабкрин" просматривается мысль об обязательном обновлении руководящих партийных органов, о разграничении функций ЦК и Советов. Первые ростки демократии не были ухожены. Постепенно их полностью заглушили более мощные побеги догматизма, бюрократии, механического администрирования. Будущий культ "великого вождя" не был случайностью.

На первых порах не было никаких внешних признаков узурпации партийной власти. Наоборот. Сталин вел борьбу с Троцким под лозунгом коллективной борьбы с его бонапартистскими, диктаторскими замашками, претензиями на единоличное лидерство и непомерными амбициями. Троцкий продолжал эксплуатировать политический капитал, нажитый им в годы гражданской войны, не замечая, что он, этот капитал, стремительно таял. Сталин, критикуя претензии Троцкого на особую роль в руководстве, формально предлагал другую, более прогрессивную и демократическую альтернативу — "коллективное руководство". Правда, это руководство постепенно трансформировалось в сторону, выгодную самому генсеку. Сталин уже наметил для себя план постепенного изменения руководящего ядра партии. Первый, кого он должен устранить из руководства, конечно же Троцкий. А пока важно не форсировать события. Так, состав Политбюро после XIII съезда фактически не изменился, даже Троцкий сохранил в нем свое место. Новым членом оказался лишь быстро завоевывающий авторитет в партии Бухарин. Ленинская характеристика Бухарина как "любимца партии" ускорила его избрание в высший партийный орган. Кандидатами в члены Политбюро стали Дзержинский, Сокольников, Фрунзе. Секретариат же предстал в новом виде:

генсек — Сталин, второй секретарь — Молотов, секретарь — Каганович. Новый состав ядра ЦК стал более прочным с точки зрения поддержки Сталина. Пожалуй, самые трудные часы партийной карьеры Сталиным были пережиты. Его не только не сместили с поста генсека, на чем настаивал Ленин, но, более того, ему удалось упрочить свое положение в партийном руководстве.

Ленинское "Письмо к съезду" на целые десятилетия исчезло из поля зрения партии. Оно не было опубликовано в "Ленинском сборнике", хотя Сталин сам обещал добиться этого. Правда, в середине 20-х годов "Письмо..." несколько раз "всплывало" в связи с внутривнутрипартийной борьбой. Оно даже было опубликовано в Бюллетене № 30 XV партийного съезда (тираж более 10 тыс. экз.) с грифом "Только для членов ВКП(б)", разослано в губкомы партии, коммунистические фракции ЦИК и ВЦСПС, часть письма была опубликована в "Правде" 2 ноября 1927 года. Поэтому нельзя говорить, что партия совсем не знала об этом документе. Но, не исполнив волю Ленина сразу, позже это было сделать труднее. Прежде всего потому, что на первых порах Сталин пытался, хотя бы внешне, изменить свое поведение. А главное, в глазах партии он стал во главе большинства ЦК в борьбе с оппозиционерами. Хотя часто оппозиция лишь выражала идейные расхождения, иные взгляды и альтернативы. Но Сталин добился того, что слова "оппозиция", "фракция" стали синонимом враждебности.

Как известно, партия, последующие поколения коммунистов о ленинском "Завещании" узнали лишь после XX съезда КПСС. Такие "тайны" опасны: они, как коррозия, разъедают демократические основы, невольно создавая ложные представления у людей, что правда может быть в заточении. Кстати, К. Радек в своей брошюре "Итоги XII съезда РКП", вышедшей в 1923 году, пишет, что некоторые лица хотели "нажить капитал" на последних письмах Ленина, говоря, "что тут есть какая-то тайна", не дающая возможности их опубликовать⁷⁶.

Чем больше прячется от света правда, как об этом свидетельствует опыт истории, тем больше возможностей для злоупотреблений. В конечном счете все подобные попытки сокрыть правду обречены на провал. Но прежде чем это выясняется, ущерб общественному сознанию, политической культуре, духовным ценностям наносится огромный. История "Письма..." еще раз напоминает, что ложь всегда делают, фабрикуют, создают. А правду фабриковать не надо. Ее просто нужно открыть, найти, высветить, защитить. В этом, в частнос-

ти, одна из прогивоположностей правды и лжи. Для правды нужен свет, много света; ложь всегда ищет темноту, закрытость и "секретность". А Сталин страшно любил "секреты". Множество грифов скоро появятся на "делах", папках, элементарных документах. Конечно, государственные и партийные секреты существовали и, видимо, будут существовать. Но превращение в некую тайну простой переписки, отчетов, телеграмм, элементарных сведений создавало как бы особый пласт жизни для некоторых. Никто не задумывался, что чрезмерная засекреченность государственной и общественной жизни — почва для продажности. В центре всех "тайн" стоял сам Сталин, находивший время лично реагировать на непрерывный поток сообщений.

Не без участия Троцкого текст ленинского "Письма к съезду" на Западе неоднократно публиковался. Вначале в США его давний сторонник М. Истмэн опубликовал текст документа с пространными антисоветскими комментариями. Затем в 30-х годах во Франции Б. Суварин, французский гражданин русского происхождения, сотрудник "Юманите", вернулся к этому документу. Троцкий прилагал постоянные усилия, чтобы привлечь внимание к "Письму...", вырывая из него отдельные фрагменты и изменяя их до неузнаваемости. В конце своей жизни он фактически толковал этот ленинский документ однозначно: Ленин предложил сместить Сталина с поста генсека и рекомендовал делегатам выдвинуть в качестве лидера партии его, Троцкого, как самого способного и умного.

Ленинские идеи, содержащиеся в "Завещании", предусматривали широкий спектр новых шагов в первом в мире социалистическом государстве. Предполагалось усиление притока свежих сил в руководство партии и государства, повышение роли профсоюзов, Советов, общественных организаций, народных и контрольных органов, подотчетности руководителей перед трудящимися. Пусть еще не стояли конкретно вопросы о плебисцитах, референдумах, опросах, обязательной отчетности руководителей, о строгой ротации партийных кадров, других аспектах "технологии" демократии. Важно, чрезвычайно важно, что суть социализма Ленину виделась в синтезе гуманизма, свободы и справедливости. Но Ленин обошел идею революционного плюрализма.

Постепенный отход от ленинских исходных позиций широкого народовластия не мог не сказаться на всех сферах жизни Советского государства. Именно здесь находятся глубинные истоки всех будущих деформаций, культовых уродств, злоупот-

реблений властью. Но идейный заряд Октября был столь преодолим, что его не смогли полностью погасить и заглушить все фильтры и изоляторы догматизма и бюрократии. Нам нужно это всегда помнить и знать. И совсем не потому, чтобы уяснить: ни настоящее, ни будущее не вечны. И то и другое проходит. Вечно, видимо, лишь прошлое. А оно очень часто дает свои предписания грядущему. Оно, будущее, сегодня таково, что, с одной стороны, пока мы не утолим голод в постижении того, что было, нам трудно будет реализовать в действительности наши идеалы. А с другой, стоит видеть, что прошлое учит мужеству и способности защитить правду. У настоящей совести всегда есть свой шанс.

Нужно отдать должное: создававшаяся политическая система общества огромное значение придавала воспитанию населения, подрастающих поколений на идеалах революции, социализма и коммунизма. В ходу был образ идеального "нового человека", некий образец-модель личности грядущего. Уже в 20-е годы, несмотря на то что начали усиливаться бюрократические тенденции, идеологической стороне переустройства общества придавалось первостепенное значение. Простота, скромность в быту, неприязнательность в повседневном общении, готовность откликнуться на любой призыв общества, глубокая неприязнь к мещанству, накопительству, высокая одухотворенность людей, чуждых меркантильным расчетам, — все эти черты человека 20, 30, 40-х и более поздних годов свидетельствовали: бюрократизм не убил лучшее в человеке первой страны социализма. Люди были сильны верой в идею.

Ленинские начала не потерялись полностью в иерархии бюрократических напластований и догматических штампов. Его идеи, пусть порой и в усеченном, неполном виде, были главным оружием в борьбе за выбор путей и методов созидания нового. При всей противоречивости, драматичности этого процесса в стране были силы, готовые отстаивать ленинскую стратегию и тактику на начальном этапе социалистического строительства.

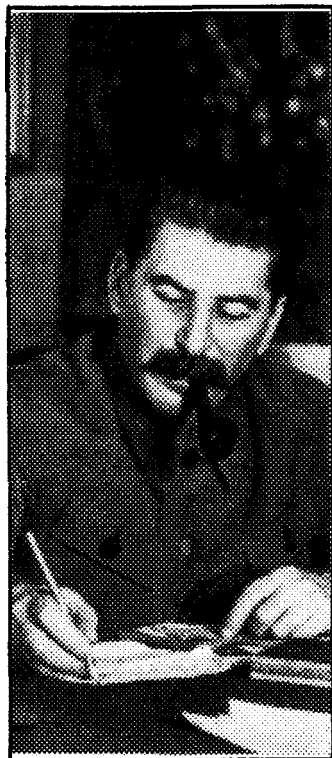
Гегель полагал, что судьба царит над всем в виде слепой, неразумной силы. Теологи добавляют, что это некая внешняя сила, которая знает будущее каждого человека и ведет его по определенной тропе к своему финалу. После смерти Ленина Сталин, вместо того чтобы уйти в какой-либо наркомат с капитанского мостика партии, вопреки Гегелю, которого он так никогда и не сможет осилить, взял судьбу в свои руки. В то время, однако, никто не мог и предположить, какую роль сыграет в истории Сталин — первый гонимый партией большевиков.

Дальние истоки трагедии среди тех, что были названы, видятся и в том, что создававшаяся строго централизованная система уже в потенции несла опасность. Усиливалась монополия партии на власть. Монополия на мысль, волю, идеалы. Идеи плюрализма мнений и взглядов стали опасной ересью. Шло быстрое сращивание партии и государства. Мантия тоталитарности покрывала государство. Человек, сосредоточивший в своих руках необъятную власть, функционер идеи, еще тогда поставил перед собой цель — взять в руки единоличное управление этой системой. Ему в этом не помешали. Предостережение Ленина не было оценено. "Старая гвардия", занятая междоусобной борьбой, не взяла на себя историческую роль коллективного лидера. Завоеванная свобода затуманила видение грядущего. Как писал Николай Бердяев в своем опыте философской автобиографии: "Опыт русской революции подтверждал мою давнюю уже мысль о том, что свобода не демократична, а аристократична. Свобода не интересна и не нужна восставшим массам; они не могут вынести бремени свободы"⁷⁷. Спорная мысль, верная, однако, в такой плоскости: распорядиться завоеванной свободой так, как учил Ленин, ни массы, ни "старая гвардия" не смогли и не сумели. Грядущее, как всегда, было в дымке...

Рукотворность будущего не менее загадочна, чем необратимость и тайны ушедшего.

глава 3

Выбор и борьба

*Истина есть дочь времени,
а не авторитета.*

Ф. Бэкон

Муки родов нового общества продолжались. А жизнь текла. В сцеплениях многих судеб, обстоятельств, конфликтов. После XIII съезда партии к Сталину стала возвращаться утраченная было им уверенность. До смерти Ленина его вряд ли посещали серьезные честолюбивые намерения. А после... Едва ли с полной определенностью можно утверждать, что уже тогда он поверил в возможность реализации, казалось бы, невозможного шанса. Мир человека во многом и часто — загадка.

В 1793 году голова короля Франции Людовика XVI скатилась в корзину после гильотинирования. За минуту, возможно меньше, до того как нож гильотины упал на шею короля, Луи Капет спросил у палача: "Нет ли вестей о Лаперузе?" (шел пятый год, как исчезла кругосветная экспедиция Лаперуза, и, как позже выяснилось, — навсегда). Тайники сознания воистину непроницаемы: еще мгновение — и Людовик XVI кадет в небытие, но он интересуется не собственной судьбой, а Лаперузом... Сталина никто не собирался гильотинировать, но и никто не мог знать его дальнейших планов. Да и были ли они у него?

В библиотеке Сталина, которая стала потихоньку создаваться в его маленькой кремлевской квартире уже с 1920 года, большая часть литературы была дореволюционного издания: сборники трудов Маркса, Энгельса, Плеханова, Лафарга, Люксембург, Ленина, утопистов, книги Толстого, Гаршина, Чехова, Горького, Успенского, малоизвестные теперь работы Бинштока, Зонтера, Гобсона, Кенворти, Танхилевича... Многие из них не являлись лишь антуражем скромного обиталища. В книгах карандашные пометки, подчеркивания, сделанные, возможно, Сталиным.

В "Мыслях" Наполеона жирно отчеркнута на полях фраза из воспоминаний императора: "Именно вечером у Лоди" я уве-

* Во время итальянской кампании 1796—1797 гг. молодой Бонапарт одну из своих блистательных побед одержал у городка Лоди.

ровал в себя как в необыкновенного человека и проникся честолюбием для совершения великих дел, которые до тех пор представлялись мне фантазией¹. Пережил ли Сталин свое "Лоди", сохранив за собой, вопреки воле Ленина, пост генсека? Пожалуй, для политической карьеры Сталина это действительно был кульминационный момент: 45-летний Генеральный секретарь почувствовал, что после смерти Лешина он отнюдь не слабее своих сотоварищей по Политбюро и ЦК.

Об этом Сталин все чаще задумывался в редкие минуты отдыха, приезжая на свою загородную дачу в Зубалово. В начале 20-х годов в Подмоскovie оказались сотни заброшенных особняков, дач, загородных домов, покинутых "бывшими". Большинство из них бежали за границу, иные пали в кровавой рубке гражданской войны, у третьих эти атрибуты "буржуазной роскоши" просто экспроприровали. Многие из этих домов отдали под больницы, приюты для беспризорников, склады и дома отдыха многочисленных госучреждений, которые начали быстро плодиться. Недалеко от станции Усово стояло с десяток дач. Одну из принадлежавших раньше нефтепромышленнику Зубалову выделили Сталину. Здесь же поселились Ворошилов, Шапошников, Микоян, немного позже Гамарник, другие партийные, государственные и военные руководители страны.

В семье у Сталина в 1921 году родился Василий, через несколько лет появилась Светлана, позже приехал сюда и сын от первой жены Яков. Надежда Сергеевна, жена Сталина, — а она, как мы помним, была моложе своего мужа на двадцать два года — с самоотверженностью и рвением молодой хозяйки взялась за устройство бесхитростного быта. Жили скромно на зарплату Сталина, пока его жена не пошла работать в редакцию журнала "Революция и культура", потом в секретариат Совнаркома, а затем на учебу в Промакадемию. Как-то за столом Сталин неожиданно сказал жене: "Я никогда не любил денег, потому что у меня их обычно не бывало". Знакомая с документами сталинского архива, интересно было читать расписки Сталина, переданные им Стасовой в подтверждение того, что он получал в партийной кассе авансы по 25, 60, 75 рублей "в счет жалованья" за следующий месяц. Этот человек о безденежье знал не понаслышке.

Постепенно в доме появились няня и экономка. Не было тогда ни многочисленной охраны, ни комендантов, ни курьеров, ни десятков других должностей, которые возникнут позже, и сами вожди будут называть этих людей "обслужой", чтобы не повторять буржуазного — "прислуга".

Первые годы после революции Сталин, как и все руководители партии, жил просто и скромно, в соответствии с семейным бюджетом и партийными установками. Еще в октябре 1923 года ЦК и ЦКК РКП(б) подготовили и разослали во все партийные комитеты специальный документ, в котором излагались меры, выработанные еще на IX партконференции РКП(б) (сентябрь 1920 г.). В нем говорилось о недопустимости использования государственных средств на благоустройство частных жилищ, оборудование дач, выдачу премий и натуральных вознаграждений ответственным работникам. Предписывалось самым строжайшим образом следить за моральным обликом партийцев, не допускать большого разрыва в заработной плате "спецов" и ответработников, с одной стороны, и основной массой трудящихся — с другой. Игнорирование этого положения, говорилось в циркуляре, "нарушает демократизм и является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов". Подтверждалось ленинское положение, что "ответственные работники-коммунисты не имеют права получать персональные ставки, а равно премии и сверхурочную оплату"². При Ленине существовала даже негласная традиция передачи членами ЦК своего литературного гонорара в партийную кассу.

У руководителей партии тогда не было ценных вещей, и даже разговоры о чем-либо подобном были признаком дурного, мешанского, даже антипартийного тона. Сталину долгое время был присущ внешний аскетизм. После смерти у него фактически не оказалось личных вещей, кроме нескольких мундиров, подшитых валенок и залатанного крестьянского тулупа. Он любил не вещи. Любил власть. Только власть!

Иногда по воскресеньям, если позволяла обстановка, собирались вместе, чаще у Сталина. К нему приезжали Бухарин с женой, бывали здесь Орджоникидзе, Енукидзе, Микоян, Молотов, Ворошилов, Буденный, часто с женами и детьми. Под аккомпанемент гармоники Буденного пели русские и украинские песни, даже плясали... Но к Сталину на дачу никогда не приезжал Троцкий.

Сидя за столом, вели долгие разговоры о положении в стране, партии, текущих внутренних и международных делах. Обычно бывал здесь и старый большевик С.Я. Аллилуев, которого весьма уважал его зять. Как правило, Аллилуев вставлял лишь реплики о "старине" (он был членом партии с момента ее основания, чем очень гордился). Частенько спорили, порой резко. Все обращались на "ты". Сталин — равный среди равных.

Никаких признаков чиновничества, тем более славословия или заискивания.

Встречались люди, которые еще менее десяти лет назад были париями общества, а теперь волею исторических обстоятельств оказались во главе гигантского государства, едва-едва оправлявшегося от бесчисленных ран, нанесенных ему мечами войны, междоусобиц, мятежей. Многие вопросы, обсуждавшиеся здесь, нередко затем выносили на Политбюро. Так, например, Молотов однажды за столом привел любопытную справку: столько-то в России зерна уходит на самогон. столько-то денег недосчитывает от этого казна. Через несколько дней, 27 ноября 1923 года, на заседании Политбюро после сообщения Молотова постановили:

“Поручить секретариату создать постоянно действующую Комиссию для борьбы с самогоном, кокаином, пивными и азартными играми (в частности, лото) в составе: председатель — Г. Смилович, заместитель — Г. Шверник, члены — ГГ. Белобородов, Данилов, Догадов, Владимиров.

Секретарь ЦК Сталин”³³.

Также, обсуждая в узком кругу причины болезни и смерти Ленина, решили предпринять некоторые меры по улучшению медицинского обслуживания руководства партии. На Пленуме ЦК 31 января 1924 года Ворошилов доложил вопрос “Об охране здоровья партверхушки”. Постановили:

“Просить Президиум ЦКК обсудить необходимые меры по охране здоровья партверхушки, причем предпринять необходимость выделить специального товарища для наблюдения за здоровьем и условиями работы партверхушки”³⁴.

Думаю, при Ленине вопрос был бы поставлен иначе, шире; через призму заботы о здоровье всего народа, в том числе и руководящего состава. С таких “мелочей” все начиналось. Элитное мышление “партверхушки”, исповедовавшей уравнилельные принципы, породило и появление привилегий: различные доплаты (“конверты”), личные вагоны для руководства, дачи на юге, многочисленная “обслуга”. Все начиналось постепенно...

Часто спорили: как “внедрить социализм”. Пунктирная линия движения за горизонт, в будущее, намеченная Лениным, словно траектория, терялась где-то в дымке. Вектор движения, его направление были ясны. Но как идти, какими должны быть темпы, методы, способы строительства нового общества — все это выглядело смутно. Проводив гостей, Сталин долго ходил в сумерках отгоравшего дня с думами о дне завтрашнем. В нем

зрели не только ответственность и тревога за будущее. Рядом крепились тщеславие и честолюбие: может быть, эта полоса борьбы и неопределенности и есть его "Лоды"?

Как строить социализм?

Идеально, когда между силой и мудростью существует гармония. Так бывает очень редко. Чаще будущее принадлежит сильным, не обязательно, к сожалению, мудрым. Обычно одно из начал берет верх на каком-то отрезке исторического пути. Осознаем мы или не осознаем этот феномен, он существует наряду с другими. В эти исторические моменты выбора в соотношении мудрости и силы бывает всякое. Сталин не знал и не читал древних мыслителей. А один из них, Сократ, высказал, помнится, мысль, актуальную не только для его времени: "Философы должны быть правителями, а правители — философами". Силе всегда нужна мудрость. Сталин обладал силой, но не обладал мудростью. (Хотя все мы долго его хитрость, изощренность, коварство ума принимали за мудрость.) В момент выбора средств, путей реализации великих идей это сыграло трагическую роль.

Энергия масс первого в мире государства рабочих и крестьян была освобождена. Как направить ее к цели, к идеалу, к вершинам, которые даже Ленину казались близкими? Как строить социализм? Партийная печать полна статей старых и новых теоретиков, дающих советы, указания, как идти дальше. Все было впервые. Часто казалось: достаточно верного лозунга — и дело пойдет.

Напомню, Троцкий в конце 1924 года написал в Кисловодске "Уроки Октября". В них он вновь попытался принизить роль других лидеров революции, с тем чтобы "теоретически" обосновать свои претензии на лидерство. Троцкий, как отмечалось в статье журнала "Большевик" (1924, № 14), с позиций "летописца" в своих "Уроках..." перешел на позицию пристрастного прокурора. Он доказывал, что в ходе революции "ЦК прав тогда, когда он согласен с Троцким, а Ленин не прав тогда, когда несогласен с Троцким...". В революции, писал Троцкий, бывает своего рода паводок, и если упустить его, то не будет ни паводка, ни революции. Он, Троцкий, мол, умет уловить пик паводка... Революция "состоялась", потому что,

вопреки большинству "старого большевизма", во главе ее стали Ленин и Троцкий. Такова была историческая версия бывшего меньшевика.

Троцкий вновь ставит вопрос о том, что судьбы революции в России в решающей мере зависят от того, "в какой последовательности будет происходить революция в разных странах Европы...". В своей работе "Перманентная революция" Троцкий говорит еще более определенно, что завершение социалистической революции в одной стране немыслимо, что "сохранение пролетарской революции в национальных рамках может быть лишь временным режимом, хотя бы и длительным, как показывает опыт Советского Союза". На вопрос, как строить социализм, Троцкий, по существу, отвечал — "ожидая мировую революцию", подталкивая ее. Он верил, что "октябрьские революции" пойдут в мире одна за другой, что Красная Армия должна помочь другим странам в этом великом переломе. Это было явное левачество, но которое, конечно, не было преступлением, как стало впоследствии квалифицироваться. Помимо всего прочего, Троцкому была не чужда и революционная романтика, которая всегда была чужда Сталину.

По вопросу о теории "перманентной революции" Троцкий пишет: "Самостоятельно Россия не может, разумеется, прийти к социализму. Но, открыв эру социалистических преобразований, она может дать толчок социалистическому развитию Европы и, таким образом, прийти к социализму на буксире передовых стран". Так Троцкий считал до 1917 года. После революции он отчасти изменил свою позицию. Мысленно полемизируя со Сталиным, Троцкий высказал свою точку зрения в виде такого диалога:

Сталин. Итак, вы отрицаете, что наша революция может привести к социализму?

Троцкий. Я по-прежнему считаю, что наша революция может и должна привести к социализму, приняв международный характер...

Далее он объясняет эти расхождения так: "Секрет наших теоретических противоречий в том, что вы очень долго отставали от исторического процесса, а теперь пытаетесь его обогнать. В этом же, к слову сказать, и секрет ваших хозяйственных ошибок".

Теория построения социализма в отдельной стране, считал Троцкий, несовместима с теорией "перманентной революции". Только сверхиндустриализация за счет крестьянского сектора,

писал Преображенский, поддерживая Троцкого, может дать государству промышленную основу, шансы на социализм.

Сталин очень поверхностно знал экономику. Однако он видел, в каком тяжелом положении находится страна. Полоса дискуссий и споров в партии, длившаяся почти десятилетие, была периодом борьбы не только за определение уровня и характера демократического общества, но и за поиск путей развития экономики. Если бы у Сталина была экономическая провицательность, то он смог бы увидеть в последних статьях Ленина концепцию социализма, которая включает в себя индустриализацию и добровольную кооперацию страны, мощный подъем культуры широких масс, совершенствование социальных отношений, непреложное развитие демократических начал в обществе. Ленинские пророческие слова о том, что из многих из этих проблем связывает в один узел — смычка города и деревни, "освобождение" экономических рычагов, торговля, извечная предприимчивость делового человека, — что "из России изповской будет Россия социалистическая"⁷, Сталиным никогда не были до конца поняты.

Первые годы его интересовали экономические воззрения Бухарина, Преображенского, Струмилина, Леонтьева, Брудного, но Сталин с трудом понимал суть хитросплетений экономических терминов, законов, тенденций. Человек, который никогда не был на производстве, не ведавший запаха весенней пашни, не одолевший азбуки экономической политграмоты, в конце концов согласился, например, с неизбежностью "товарного голода" при социализме, который сопровождает нас до сих пор. Правда, Сталин пытался что-то понять в экономике. В библиотеке, например, хранилась книга О. Ерманского "Научная организация труда и система Тейлора". Известно, что Ленин похвалил автора за то, что он смог дать изложение "системы Тейлора, притом, что особенно важно, и ее положительной и ее отрицательной стороны..."⁸. Должно быть, поэтому Сталин и читал эту книгу?

Однако, основываясь на его работах, записках, высказываниях, а главное, практических действиях, убеждаешься, что экономическое кредо Сталина было более чем простым. Страна должна быть сильной. Нет, не просто сильной, а могучей. Прежде всего — всемерная индустриализация. Затем — максимально приобщить крестьянство к социализму. Путь, метод, средство — широчайшая опора на диктатуру пролетариата, в которой Сталин признавал только "силовую" сторону. Во время одного из совещаний в ЦК он высказал такую формулу: "Чем

крупнее будут стоять перед нами задачи, тем больше будут трудности". В "Большевике" (1926. № 9 — 10) эту идею сформулировали так: "Мы ставим перед собой все более серьезные и крупные задачи, разрешение которых обеспечивает все более успешные шаги по направлению к социализму, но укрупнение задач сопровождается и ростом трудностей". Как это все перекликается с будущей зловещей формулой об "обострении классовой борьбы по мере ускорения продвижения к социализму"! В середине 20-х годов Сталин очень туманно представлял пути социалистического строительства, но метод у него, несомненно, уже был: сила, команда, директива, указание. Разве это противоречит диктатуре?

Сталин, читая многочисленные выступления видных деятелей партии, чувствовал, что широкий спектр взглядов на судьбы социализма в СССР обусловлен не только дифференциацией идейных и теоретических позиций их авторов, но и тем, что действительность оказалась намного сложнее, чем предполагали большевики. Вот правильно ведь пишет Бухарин в "Большевике": "...раньше мы представляли себе дело так: мы завоевываем власть, почти все захватываем в свои руки, сразу заводим плановое хозяйство, какие-то там пустячки, которые топорчатся, мы частью берем на цугундер, частью преодолеваем, и на этом дело кончается. Теперь мы совершенно ясно видим, что дело пойдет совсем не так"⁹.

Да, дело идет "совсем не так"... Перелистывая статьи, читая доклады, справки, донесения, Сталин чувствовал, что наиболее опасен в этой полосе неопределенности Троцкий. Даже при мысленном упоминании этого имени Сталина охватывало состояние глубокой неприязни, переходящее в озлобление. На днях ему сказали, что, выступая в кругу своих приверженцев, Троцкий заявил, что "некоторые новые вельможи в партии" не могут простить ему, Троцкому, ту историческую роль, которую он "сыграл в Октябре". Конечно, "вельможа" в устах Троцкого — это он, Сталин. До него доходили и более недельные эпитеты Троцкого и его сторонников в свой адрес.

Хотя у Сталина продолжали оставаться внешне неплохие отношения с Зиновьевым и Каменевым, он чувствовал, что его прямолинейность и постепенно растущее влияние не по душе "дуэту". Особенно остро он это понял после XIII съезда партии. В своем докладе на курсах секретарей укомов Сталин подверг критике высказывание Каменева о существовании "диктатуры партии". Но ведь у нас, товарищи, заключил Сталин под одобрительный гул слушателей, есть диктатура пролетариата,

а не партии. Справедливости ради следует сказать, что и Бухарин в то время разделял идею "диктатуры партии". На январском Пленуме ЦК 1924 года он заявил: "Наша задача — видеть две опасности: во-первых, опасность, которая исходит от централизации нашего аппарата. Во-вторых, опасность политической демократии, которая может получиться, если демократия пойдет через край. А оппозиция видит одну опасность — в бюрократии. За бюрократической опасностью она не видит политической демократической опасности. Но это меньшевизм. Чтобы поддержать диктатуру пролетариата, надо поддержать диктатуру партии". Радек к этому добавил: "Мы диктаторская партия в мелкобуржуазной стране"¹⁰.

Но Сталин стал критиковать лишь Каменева. Ему совсем ни к чему было "воевать" со многими. Главное — постепенность, поочередность. Всему свое время. Тут же среагировал политический тандем. На заседании Политбюро критика Сталина в адрес Каменева была осуждена как "нетоварищеская" и неточно выражающая "суть позиции критикуемого". Сталин сразу же заявил о своей отставке. Вторично в качестве генсека, но не в последний раз. Отставка была вновь отклонена... Самим же Каменевым при поддержке Зиновьева. Сталин почувствовал в этом акте растущую неуверенность своих оппонентов — они по-прежнему боялись Троцкого. А генсек еще раз убедился во "флюгерности" мышления как Каменева, так и Зиновьева. Чего только стоит книга последнего "Ленинизм"! Фактически Зиновьев еще раз попытался закамуфлировать, оправдать свое с Каменевым капитулянтство в период Октября, свои разногласия с Лениным. Сталин обладал злой памятью. Он обязательно использует эти факты. В будущем. Когда он нанесет разящий удар по Троцкому, настанет очередь Зиновьева и Каменева, если они не станут ручными. А факты эти надо приберечь, выписать, сохранить. Вот они, эти факты, зафиксированные в документах:

— Нашу позицию по отношению к Временному правительству и войне надо оберегать "как от разлагающего влияния "революционного оборончества", так и от критики т. Ленина";

— Что касается "общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую";

— Тезисы (Апрельские) Ленина ничего не говорят о мире. Ибо совет Ленина — "разъяснять широким слоям неразрыв-

ную связь капитала с империалистической войной” — решительно ничего не разъясняет...¹¹

Сталин уже тогда принял решение: как только будет покончено с Троцким как потенциальным соперником, он уберет этих “беспринципных говорунов”. Даже его, превратившего свою грубость в достоинство, иногда коробила безапелляционность Зиновьева. Выступая на вечернем заседании Пленума ЦК 14 января 1924 года по поводу “дискуссионного листка”, Зиновьев развязно давал характеристики многим членам ЦК, другим большевикам — участникам дискуссии, словно он оценивал, будучи командиром эскадрона, своих подчиненных. “Пятаков, — самоуверенно говорил Зиновьев, — большевик. Но его большевизм еще незрелый. Зелено, незрело”. Еще несколькими часами раньше, говоря о поправках Пятакова к резолюции по экономическим вопросам, Зиновьев без тени сомнения заявил: “Это не поправки, а платформа, которая отличается от хорошей платформы тем, что она плоха. Больше ничего”. Говоря о Сапронове, назвал его “почвенным человеком. Он стоит обеими ногами на земле и представляет что угодно, но только не ленинизм”. Осинский — “представитель уклона более интеллигентского, который ничего общего с большевизмом не имеет”. Даже не преминул лягнуть Троцкого, что Сталину явно понравилось, хотя без какой-либо видимой связи: “Когда мы приехали в свое время на конгресс в Копенгаген, нам дали номер газеты “Форвертс” с анонимной статьей, где говорится, что Ленин и вся его группа — уголовники, экспроприаторы. Автором этой статьи был Троцкий”¹².

Сталин слушал и думал: уже считает себя “вождем”, лидером. Высочка, пустозвон! Конечно, на том пленуме Сталин никак не отреагировал на выступление Зиновьева. Но через два года Сталин не оставит от позиции Зиновьева камня на камне. В мае 1926 года, например, разбирая одно из очередных заявлений Зиновьева, Сталин написал записку членам бюро делегации ВКП(б) в Коминтерне — Мануильскому, Пятницкому, Лозовскому, Бухарину, Ломинадзе и самому Зиновьеву. Сталин, в частности, пишет, что “натолкнулся на целых восемь сплетен и одно смехотворное заявление т. Зиновьева”. По каждому пункту — о Профинтерне, об ультралевом уклоне в Коминтерне и т.д. — генсек дает свои категорические оценки. А о самом Зиновьеве — следующее (убийственное) резюме:

“Тов. Зиновьев с бахвальством заявляет, что не тт. Сталину и Мануильскому учить его необходимости борьбы против ультралевого уклона, ссылаясь на свою 17-летнюю литературную

деятельность. Что т. Зиновьев считает себя великим человеком, это, конечно, не требует доказательств. Но чтобы партия также считала т. Зиновьева великим человеком, в этом позволительно усомниться.

За период с 1898 года вплоть до Февральской революции 1917 года мы, старые нелегалы, успели побывать и поработать во всех районах России, но не встречали т. Зиновьева ни в подполье, ни в тюрьмах, ни в ссылках...

Наши старые нелегалы не могут не знать, что в партии имеется целая плеяда старых работников, вступивших в партию много раньше т. Зиновьева и строивших партию без шума, без бахвальства. Что такое так называемая литературная деятельность т. Зиновьева в сравнении с тем трудом, который несли наши старые нелегалы в период подполья в продолжении двадцати лет?"¹¹

Уже в середине 20-х годов основные оппоненты Сталина поймут, что "выдающаяся посредственность" — незаурядный политик: жесткий, хитрый, коварный, волевой. Скоро это поймут все его противники, а через годы — руководители партий и государств, которые будут иметь с ним дело.

У читателя может сложиться впечатление, что я слишком много внимания уделяю личной борьбе в процессе выбора. К сожалению, все так и было. Иногда ловишь себя на мысли о том, что главные вопросы исторического выбора нередко оказывались на втором плане под напором амбиций "вождей".

Развернувшаяся после Ленина борьба за определение методов социалистического строительства сильно осложнилась личным соперничеством, борьбой за лидерство. В эту борьбу включились прежде всего Сталин, Троцкий, Зиновьев. За ней, конечно, стояли конкретные вопросы политики и экономики, отношение к крестьянству, пути индустриализации, теория и практика международного коммунистического движения. Иногда различия во взглядах на эти проблемы носили второстепенный характер, их можно было достаточно легко привести к "общему знаменателю". Но личные амбиции, соперничество, воинственная непримиримость, особенно Сталина и Троцкого, придали драматический характер этой борьбе, способствовали тому, что любые отличающиеся от сталинских идеи, взгляды, позиции рассматривались только как "классово-враждебные", "капитулянтские", "ревизионистские", "предательские" и т.д.

То обстоятельство, что Сталин все время "защищал" Ленина, вовсе не означает, что генсек был всегда прав. Ленина "защищали" и оппозиционеры, те, кто выступал против Сталина.

Все дело в том, как интерпретировались ленинские идеи, ленинские установки. В нашей исторической науке долго господствовало представление, что Сталин не отступал от ленинских взглядов, по крайней мере в 20-е годы. Это не так. Достаточно сказать об ошибочных установках Сталина в национальном вопросе, нэпе, путях социалистических преобразований в деревне, насаждении бюрократического стиля управления в партии и государстве и т. д. Отход Сталина от ленинизма во многих вопросах наметился еще тогда, в 20-е годы. Если не сказать это со всей определенностью, то можно подумать, что все, что делал Сталин, соответствовало ленинской концепции социализма. А это, разумеется, далеко не так. А во многих случаях — абсолютно не так.

Думаю, не правы те, кто считает, что ошибались только оппозиционеры, а партия, Сталин всегда были правы. Многие ошибочные решения Сталина, к сожалению, освещены, закреплены партийными документами. Ведь если бы партия не ошибалась и принимала только верные решения, то не было бы культа личности, кровавого террора, волюнтаризма и субъективизма в руководстве, не было бы многих лет застоя, и сегодня мы бы не провозглашали жизненную необходимость обновления: "Больше социализма, больше демократии!" Решения и практические шаги ни у одного человека, ни у одной организации никогда не могут быть всегда абсолютно верными, правильными. Жизнь идет вперед через противоречия, конфликты, преодоление. Реальность богаче схем, которые так любил Сталин. Поэтому выбор путей и методов строительства нового общества, достижения и ошибки на этом пути нельзя связывать только со Сталиным. Много родилось раньше. Другое дело, что Сталин стал олицетворением административно-бюрократической модели социализма и ее главным поборником.

Еще одно соображение. Сталин не сразу остановился на какой-то определенной концепции строительства нового общества. Он не всегда понимал, а возможно, и не разделял взгляды Ленина, особенно изложенные в его последних письмах и статьях. Сталин мысленно часто возвращался и обращался к идеям "военного коммунизма", был вынужден какое-то время "терпеть" нэп, понимал, что без тесного, органичного союза рабочего класса и крестьянства решить многочисленные проблемы страна не сможет. И постепенно сползая к цезаризму, единовластию, диктаторству, он сделал свой выбор. Сталин не был теоретиком. Его выводы опирались чаще на цитаты, по-

множенные на волевые импульсы. Сталину внутренние были близки "силовые" методы Троцкого. По сути, он в этом отношении был к нему ближе, чем к кому-либо из других большевистских лидеров. Но это внутреннее сходство, окрашенное личной непримиримостью, поддерживало постоянное "отталкивание", напряжение между двумя полюсами амбиций.

Сталин, перебирая в мыслях перлы Зиновьева и Каменева, усмехнулся: "И эти люди пишут о ленинизме!" О ленинизме напишет он. Напишет так, чтобы все почувствовали полную противоположность понимания ленинизма Сталиным и его временными попутчиками. А пока нужно ударить по Троцкому. Сталин особенно тщательно готовился к своему плановому выступлению на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 года. Он выступил после доклада Каменева, озаглавив свою речь "Троцкизм или ленинизм?".

Все свое выступление генсек посвятил беспощадной критике Троцкого, взяв, правда, мимоходом под защиту (пока!) Каменева и Зиновьева. "Октябрьский эпизод" у этих деятелей Сталин охарактеризовал как случайный: мол, "разногласия длились всего несколько дней потому и только потому, что мы имели в лице Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков". Здесь он покривил душой: он не считал их ни ленинцами, ни большевиками. Просто пока они были нужны ему для борьбы с Троцким и упрочения собственного положения. Сталин бросает в зал слова-вопросы:

— Для чего понадобились новые литературные выступления Троцкого против партии? В чем смысл, задача, цель этих выступлений теперь, когда партия не хочет дискутировать, когда партия завалена неотложными задачами, когда партия нуждается в сплоченной работе по восстановлению хозяйства, а не в новой борьбе по старым вопросам? Для чего понадобилось Троцкому тащить партию назад, к новым дискуссиям?

Сталин после этой длинной тирады обводит глазами зал и глухим, ровным голосом жестко отвечает:

— А "умысел" этот состоит, по всем данным, в том, что Троцкий в своих литературных выступлениях делает еще одну (еще одну!) попытку подготовить условия для подмены ленинизма троцкизмом. Троцкому до разреза нужно развенчать партию, ее кадры, прошедшие восстание, для того чтобы от развенчивания партии перейти к развенчиванию ленинизма¹⁴.

Доля истины здесь есть. Троцкий, награждая Ленина, ленинизм лестными эпитетами (в которых они не нуждаются), исподволь, но неоднократно ставит под сомнение некоторые

ленинские выводы о построении социализма. По Троцкому, без поддержки других стран социализм в России невозможен; индустриализация — только за счет крестьянства; нэп — начало капитуляции; кооперативный план — преждевременен; Октябрь — это просто продолжение Февральской революции; без воспитания населения в "трудармиях" оно не поймет "преимуществ социализма" и т.д. Учитывая, что уже и Зиновьев и Каменев побежали навстречу Троцкому, сколачивая т.н. "новую оппозицию" с целью "осадить" Сталина, выступление последнего сначала против Троцкого, а потом и против его "новых" союзников квалифицировалось на этом этапе как "защита ленинизма". Сталин боролся пока еще дозволенными методами. Но "защищал" чаще цитаты, без их творческого осмысления. В его словах мало конструктивного, нового, тем более что и Троцкий не во всем был не прав, особенно если говорить о бюрократической опасности. Все речи Сталина этого периода — сплошное цитирование. Завершая свое выступление на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС, Сталин однозначно сказал: "Говорят о репрессиях против оппозиции и о возможности раскола. Это пустяки, товарищи. Наша партия крепка и могуча. Она не допустит никаких расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них"¹⁵.

Сталин пока "поощрил", не подверг критике Зиновьева и Каменева, даже взял под свою защиту от нападок Троцкого. Однако основатели "новой оппозиции" не приняли оливковой ветви генсека. На одном из заседаний Политбюро в начале 1925 года Каменев, поддержанный своим единомышленником, заявил, что техническая, экономическая отсталость СССР в сочетании с капиталистическим окружением становятся непреодолимым препятствием для построения социализма. По существу, в главном вопросе Зиновьев и Каменев сблокировались с Троцким, которого они еще несколько месяцев назад за тот же самый тезис подвергали уничтожающей критике. Выступление "новой оппозиции" против политики РКП(б) требовало отпора, выработки общепартийной директивы о дальнейших действиях в области социалистического строительства. В этом смысле важное место занимает XIV партконференция РКП(б), состоявшаяся в конце апреля 1925 года. Сталин не выступал на ней ни с докладом, ни в прениях. Стержневыми на конференции были вопросы о кооперации (докладчик Рыков), о металлопромышленности (Дзержинский), о сельхозналоге (Цюрупа), о партийном строительстве (Молотов), о революционной законности (Сольц), о задачах Коминтерна и РКП в связи с расширен-

ным пленумом ИККИ (Зиновьев). Каменев по традиции (или по инерции?) вел конференцию. Так же, как обычно, он вел заседания Совнаркома, заседания Политбюро. Но это было в последний раз. Больше ему с Зиновьевым не председательствовать на таких форумах... Пожалуй, главное, что определила конференция, — это положение, вопреки первоначальным тезисам Зиновьева, о возможности победы социализма в СССР даже в условиях замедления темпов развития мировой пролетарской революции. Однако окончательной победой социализма может считаться лишь тогда, сделала вывод конференция, когда будут созданы международные гарантии от реставрации капитализма.

Важным было обсуждение вопроса о революционной законности. Докладчик Сольц, сидевший когда-то вместе со Сталиным в туруханской ссылке, отметил, что после победы революции мы "более остро чувствовали потребность в улучшении нашего хозяйства, чем в установлении революционной законности". Теперь же, проникательно говорил Сольц, "надо членам партии, надо тем, кто осуществляет Советскую власть, понять, что наши законы во всех своих проявлениях также утверждают и укрепляют то строительство, которое мы хотим осуществить и укрепить, и нарушение наших законов разрушает это строительство"¹⁶. Жаль только, что примерно через десятилетие эти верные мысли, закрепленные в постановлении конференции, будут основательно забыты.

Через несколько дней после XIV партконференции Сталин выступил с докладом на партактиве Московской организации РКП(б). Специальный раздел своего доклада генсек назвал "О судьбах социализма в Советском Союзе". Сталин еще раз подверг ядовитой критике Троцкого, упомянув многие его работы, высмеяв (в который раз!) его теорию "перманентной революции". С большим пафосом и убежденностью Сталин объяснял партактиву суть полной и окончательной победы социализма в СССР. Но при этом уже стали появляться первые признаки его особой роли и особого места в партии. Там, например, он счел возможным, отбросив скромность, пространно цитировать самого себя. Излагая (пока!) в основном верные положения, Сталин постепенно готовил партию к тому, что он один обладает правами на провозглашение истины.

Сталин пытался опробовать свое понимание путей перехода к социализму не только в выступлениях в ЦК, в печати, но и в очень редких — перед рабочими. Помощник Сталина Товстуха записал одну такую речь, с которой генсек выступил в Сталин-

ских мастерских Октябрьской железной дороги 1 марта 1927 года.

Разглядывая лица сотен рабочих, с любопытством рассматривающих малоизвестного человека, Сталин неспешно, размазывая рукой в ритм своей речи, рассуждал:

"Мы совершаем переход из крестьянской страны в промышленную, индустриальную, обходясь без помощи извне. Как проходили этот путь другие страны?"

Англия создавала свою промышленность путем грабежа колоний в течение целых 200 лет. Не может быть и речи, что мы могли бы стать на этот путь.

Германия взяла с побежденной Франции 5 миллиардов. Но и этот путь — путь грабежа посредством победоносных войн — нам не подходит. Наше дело — политика мира.

Есть еще третий путь, которым следовало царское правительство России. Это путь внешних займов и кабальных сделок за счет рабочих и крестьян. Мы на этот путь стать не можем.

У нас есть свой путь — путь собственных накоплений. Без ошибок здесь нам не обойтись, недочеты у нас будут. Но здание, которое мы строим, столь грандиозно, что эти ошибки, эти недочеты большого значения в конечном счете не имеют..."¹⁷

На другой день "Рабочая Москва" поместила отчет: "Пулеметная дробь аплодисментов. Человек в солдатских хаки, с трубкой в руке, в стоптанных сапогах остановился у кулис. "Да здравствует Сталин! Да здравствует ЦК ВКП(б)!" Записки Сталину. Покручивая черный ус, прилежно изучает записки. Смолкает прибой зала, и Сталин, Генеральный секретарь партии большевиков, именем которого названы мастерские, начинает свой разговор с рабочими..." Замечу — чрезвычайно редкий. Он больше любил выступать на совещаниях, в Кремле, на Пленумах ЦК. Свои "явления" народу Сталин сделал в последующем еще более редкими. Загадочный, таинственный вождь всегда дает больше пищи для легенд.

В условиях достижения первых успехов в хозяйственном и культурном строительстве проходила подготовка к XIV съезду партии. В 1925 году удалось достичь, а по ряду показателей превзойти довоенный уровень в области сельского хозяйства. Так, валовой объем сельхозпродукции превысил 112% от довоенного уровня. Это очень примечательно. Нэп — как смычка города и деревни — начал давать плоды. Промышленное производство, находившееся более пяти лет в полном развале, превысило три четверти довоенного. Появились первые новые

стройки, прежде всего электростанции. А ведь крупнейшие зарубежные экономисты предрекали достижение довоенного уровня не ранее чем через 15 — 20 лет! Значительные результаты были получены в борьбе с неграмотностью. Росла сеть школ, особенно в национальных республиках. Были сделаны крупные шаги по созданию системы высшего образования в стране, принят ряд важных постановлений по форсированию культурно-просветительной и образовательной работы в государстве. Российская академия наук была преобразована во Всесоюзную. Уже в это время появились работы мирового уровня В.И. Вернадского, Н.И. Вавилова, В.Р. Вильямса, Н.Д. Зелинского, И.М. Губкина, М.Н. Покровского, А.Ф. Иоффе, А.Е. Ферсмана и многих других пионеров советской науки. Успешно осуществлялся перевод Красной Армии на мирное положение, одновременно проводилась военная реформа. Особенно быстро эта работа стала проводиться после освобождения в январе 1925 года на Пленуме ЦК с поста наркомвоенмора Троцкого и назначения комиссаром по военным и морским делам председателя РВС СССР М.В. Фрунзе.

Стоит, видимо, напомнить один эпизод, происшедший на этом Пленуме. Зиновьев и Каменев сделали неожиданный ход. Каменев предложил вместо Троцкого на пост наркомвоенна и председателя Реввоенсовета... Сталина. Это можно расценить по-разному. Не исключено, что Зиновьев и Каменев, чувствуя неконтролируемый рост влияния Сталина, решили перевести его на почетное, ответственное место, что позволило бы им на предстоящем съезде убрать его с поста генсека, вновь "подняв" ленинское "Письмо к съезду". Возможно, политический тандем этим шагом хотел убить сразу двух зайцев: окончательно устранить Троцкого и ударить по Сталину. Но, увы, если Троцкий и сыграл роль одного из "зайцев", то Сталин на нее не согласился. Генсек публично не скрыл своего удивления и даже неудовольствия предложением Каменева, что заметили на заседании многие члены ЦК. Большинство голосов инициатива Каменева была отклонена.

Вопрос решался без Троцкого: он сказался больным. В самые решающие моменты борьбы этот политик делал крайне неудачные ходы, облегчая задачу Сталину "бить врагов по частям"... В целом этот Пленум для Сталина значил многое. Позиции Троцкого еще более ослабли. Пленум, по сути, отказал также в поддержке Зиновьеву и Каменеву. В "игре комбинаций" генсек смог сделать то, что не смогли его оппоненты: убил двух зайцев, то бишь ослабил и Троцкого и старый дуэт. По су-

ществу, влиятельная тройка в лице Сталина, Зиновьева, Каменева распалась. Генсек в ней больше не нуждался.

Страна шла к XIV съезду партии, который стал важной вехой в выборе путей индустриализации народного хозяйства. Но к декабрю 1925 года, когда состоялся съезд, с трудом верилось, что то, о чем писали газеты, сбудется. Днепр пока спокойно катил свои воды, не будучи обуздан плотиной; там, где протянется Турксиб, песчаные бури гнали тучи песка; на месте будущего знаменитого Сталинградского тракторного завода лежал пустырь; никто не мог и думать, что у вековой горы через пятилетку взметнутся ввысь домны Магнитки; кто мог предположить, что пионеры ракетостроения приближали эру космических полетов — в начале 30-х произойдет запуск первой советской ракеты "ГИРД-X"...

Да, обстановка постепенно улучшалась. Новая экономическая политика давала исторические шансы большевикам. По сути, это была начальная модель рыночного социализма, способная сохранить в новых условиях двигатель предприимчивости. Нэп помог быстро поднять сельское хозяйство. Промышленность приблизилась к довоенному уровню. Проницательные люди видели в плане ГОЭЛРО не просто путь электрификации страны, а способ поднять социалистическую экономику до высот нового политического уклада. Но это было только начало, связанное с преодолением многих трудностей.

Промышленные тресты, начав действовать на основах коммерции, сами устанавливали цены. Появились перекосы. Например, за кусок мыла, аршин ситца, ведро керосина крестьянин должен был продать зерна в 3 — 4 раза больше, чем в 1913 году. Усиливалось недовольство. Это было тревожным симптомом. Надежды на развитие концессий не оправдались: ожидаемых займов от капиталистических государств получить не удалось, а объем внешней торговли не достиг и половины довоенного уровня. У бирж труда толкалось полтора миллиона безработных. Каждый второй взрослый человек в стране еще не умел читать и писать. Не на что было покупать станки и машины. Почти не было новых крупных строек. Но люди, следившие за газетами, чувствовали: страна накануне огромных перемен. У молодого государства, похоже, не было иного выбора; чтобы выжить в этом сложном, опасном мире, нужно было ускорение. Как и за счет чего?

На таком фоне состоялся XIV съезд партии. Самой видной фигурой на съезде уже был Сталин, и прежде всего потому, что политический доклад, который был сделан генсеком, занимал

основное место в работе делегатов. Съезд подтвердил решение XIV партконференции о возможности полного построения социалистического общества. В резолюции съезда отмечалось, что "вообще победа социализма (не в смысле окончательной победы) безусловно возможна в одной стране"²⁰. Съезд провозгласил переход к индустриализации как ключевой задаче социалистического переустройства общества. Делегаты отдавали себе отчет в том, что этот курс потребует сверхнапряжения и жертв. Встал вопрос о темпах. Полной ясности у многих, в том числе и у руководителей, в этом вопросе не было.

Наряду с рассмотрением главного вопроса экономического характера в центре работы съезда вновь оказались и вопросы борьбы с "новой оппозицией". Известно, что основные силы оппозиции представляла ленинградская делегация, возглавляемая Зиновьевым. Именно он выступил с содокладом от оппозиции. Однако его речь на съезде прозвучала весьма бледно. Аргументы Зиновьева и его единомышленников были слабыми и неубедительными. Зиновьев, Каменев, Сокольников вместе с тем серьезно предупреждали об опасности бюрократизации партии. По их мнению, она уже началась. Однако их выступления носили слишком личный характер, чтобы произвести должное впечатление на делегатов. Как уже отмечалось, Каменев на съезде впервые прямо сказал, что он "пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роль объединителя большевистского штаба". Но когда Каменев произнес эти слова, большинство делегатов съезда стали скандировать: "Сталина! Сталина!", фактически устроив овацию генсеку. Сталин почувствовал, что его линия на "защиту ленинизма", о чем он не устал повторять, получает все большую поддержку партии. Именно в этой монополии на "защиту ленинизма" и его трактовке кроется "тайна" популярности генсека плюс — невысокий уровень политической культуры многих партийцев... Авторитет Сталина незаметно, исподволь достиг общепартийного уровня. Думается, что здесь сыграло решающую роль и то обстоятельство, что все прошедшее после смерти В.И. Ленина время Сталин выступал от имени "коллективного руководства", боролся за реализацию наиболее понятных массам заветов Ленина: восстановление экономики страны, развитие кооперации, оживление торговли, распространение грамотности.

Я уже говорил, что Сталин как будто ни разу не "качнулся" ни к одной из оппозиций. Но такое впечатление складывается потому, что любой свой шаг, решение, критику, предложение он выдавал только за ленинские! Хотя в то же время

анализ практической деятельности Сталина убеждает, что он допускал немало самых различных ошибок, часто поддерживал то одну, то другую группировку, но умел быстрее других "корректировать" свои позиции. Сталин, как никто другой, научился на словах отождествлять свою линию, свою политику с ленинской. Здесь, подчеркну еще раз, кроется одна из тайн поддержки партией Сталина. Конечно, по многим (но не по всем!) вопросам Сталин действительно выступал в защиту ленинских идей. Но чем дальше, тем становилось очевиднее, что его, Сталина, видение этих идей все больше приобретало авторитарный характер. Многие большевики курс партии, работу ЦК очень часто связывали с конкретным лицом. И поскольку в отсутствие Ленина не было явного лидера, "объединитель большевистского штаба" Сталин выступил личностным выразителем первых успехов в народном хозяйстве, курса на единство партии, на оживление, благодаря закону о продналоге, сельского хозяйства. Большинству делегатов было ясно, что Зиновьев, Каменев и остававшийся на этом съезде в тени Троцкий все свои атаки на ЦК, его курс вели, исходя прежде всего из своего стремления занять лидирующее положение. Но поражение оппозиции было безоговорочным.

Очередной этап борьбы в партии нашел и организационное выражение. ЦК ВКП(б) — так стала именоваться теперь партия — отозвал Зиновьева с поста председателя Исполкома Коминтерна, а вскоре по инициативе советской делегации этот пост был упразднен. Руководителем Ленинградской партийной организации стал С.М. Киров. Каменева освободили от обязанностей заместителя Председателя Совнаркома и Председателя Совета Труда и Оборона. Правда, еще некоторое время Зиновьев и Каменев сохранили свое членство в Политбюро. Впервые в его состав вошли Ворошилов и Молотов, что резко усилило позиции Сталина.

В своем более чем часовом заключительном слове по Политическому отчету Центрального Комитета Сталин еще раз подверг уничтожающей критике Зиновьева, Каменева, Сокольников, Лашевича, других их сторонников. Основное внимание в заключительном слове было уделено утверждению курса партии на строительство социализма, на укрепление единства ее рядов. Но вместе с тем от внимания наблюдательных людей не могло ускользнуть, в частности, то обстоятельство, что Сталин постоянно цитировал собственные статьи, записки, обращения и делал это без какого-либо смущения. Люди, обладающие высокой политической культурой, которых, к сожалению, тогда

было не так много, не могли не заметить бесцеремонности Сталина, которую он проявил во время критического анализа. Так, в оскорбительном тоне Сталин отозвался о выступлении Крупской, назвав ее взгляды "сушей чепухой". Потом он еще раз вернется к Крупской, заявив не без доли демагогии и кощунства: "А чем, собственно, отличается тов. Крупская от всякого другого ответственного товарища? Не думаете ли вы, что интересы отдельных товарищей должны быть поставлены выше интересов партии и ее единства?" Для нас, большевиков, демагогически, под аплодисменты закончил тираду Сталин, "формальный демократизм — пустышка, а реальные интересы партии — все". Лашевича назвал "комбинатором", Сокольников — склонным беспредельно "куролесить" в своих речах. Каменева — "путаником", Зиновьева — "истериком" и т.д.¹⁶ Похоже, что Сталин уже тогда стал сползать к позиции, когда и неформальная демократия для него будет "пустышкой". А непростительную грубость в адрес Надежды Константиновны нужно объяснить не просто политической бестактностью по отношению к ней и памяти Ильича, но и подспудной мстью Крупской за те памятные письма, звонки, разговоры, к которым она имела отношение при жизни Ленина. Сталин никогда и ничего не прощал.

Сталин, видимо чувствуя, что в ряде мест своего заключительного слова он "перехлестнул", "перебрал" в оценках, прибег к приему, который использует еще не раз. Поясняя свой грубый критический отзыв на слабую статью Зиновьева "Философия эпохи", Сталин заметил, что его грубость проявляется лишь к враждебному, чуждому, но это — от прямоты его характера. Генсек постепенно свою отталкивающую черту характера превращал в общепартийную добродетель, чуть ли не революционное качество. Но уже сейчас, на XIV съезде, в 1925 году, не нашлось, к сожалению, кроме Каменева, коммуниста, делегата, члена ЦК, способного спокойно, но по достоинству оценить личность Сталина и его сползание к разностой критике, которая, придет время, будет звучать как приговор. Как река берет свое начало из незаметного ключа, так то или иное нравственное качество начинается у человека с отдельного поступка и отношения к нему окружающих.

Сталин, последовательно подвергнув критике многих оппозиционеров, естественно, не обошел и Троцкого. Почувствовав настроение большинства делегатов, генсек отменил предложение Каменева о превращении Секретариата в простой технический аппарат, отметив вместе с тем, что он против "отсечения" от-

дельных членов руководства от ЦК. Бравируя расположением делегатов, Сталин считал уместным вновь заявить, что, если товарищи будут настаивать, он "готов очистить место без шума...". Сталин вел свою речь как опытный политик, добиваясь снова и снова поддержки делегатов, показывая свое бескорыстие и заботу об общепартийных интересах. Высмеивая, критикуя фракционеров, генсек смог тонко показать свое "великодушие", обрамляя свою речь словечками типа "что ж, бог с ним". Хотя Сталин уже решил, что с Зиновьевым и Каменевым "пора кончать", он тем не менее продемонстрировал свое миролюбие: "Мы за единство, мы против отсечения. Политика отсечения противна нам. Партия хочет единства, и она добьется его вместе с Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, без них — если они этого не захотят"¹⁹.

Замечу, что в заключительном слове Сталин сформулировал ряд положений, которые, если бы выполнялись, могли предотвратить самый тяжелый период в истории нашей партии. Под аплодисменты и явное одобрение делегатов Сталин, в частности, заявил: "Пленум решает у нас все, и он призывает к порядку своих лидеров, когда они начинают терять равновесие... Если кто-либо из нас будет зарываться, нас будут призывать к порядку, — это необходимо, это нужно. Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича, глупо об этом говорить.

Коллегиальная работа, коллегиальное руководство, единство в партии, единство в органах ЦК при условии подчинения меньшинства большинству, — вот что нам нужно теперь"²⁰.

Конечно, все это правильные слова. Но если бы эти идеи о коллективности были подкреплены реальными делами, демократическими нормами, то можно было бы предотвратить будущие злоупотребления властью. Но все дело в том, что верные тезисы не нашли своего закрепления в уставных положениях о ротации руководства, сроках пребывания генсека и других лидеров на высших партийных должностях, подотчетности руководителей и т.д. А именно к этому вели ленинские идеи о совершенствовании партийного аппарата, упрочении демократических начал в партии и обществе. XIV съезд был, пожалуй, последним при Сталине, когда критика и самокритика были еще неотъемлемыми элементами атмосферы форума. На последующих съездах критики было все меньше и меньше. В дальнейшем мог критиковать только Сталин или по его указанию. А отсутствие свободного изъяснения идей и взглядов в усло-

виях монополии партии на власть с неизбежностью вело к застою, догматизму, бюрократическому формализму.

Утвердив курс на социалистическое строительство, индустриализацию, съезд стал важной исторической вехой на этом пути. Но демократические начала в партии не получили своего развития. Великое едва ли ведало, что рядом с ним рождается его отрицание. В борьбе этих начал и кроются истоки грядущего триумфа "вождя" и трагедии народа. Не все тогда понимали, что за могущество придется платить личной свободой. Это не парадокс, а закон единовластия.

"Популяризатор" ленинизма

Слова "теория", "теоретик" в молодости у Джугашвили вызвали внутренний трепет. "Верная теория, — говаривал Мартов, — всегда дружит с истиной". Теперь ему эта фраза была понятна; он приобщился, прикоснулся и к теории, и к теоретикам. В 1907 году, в Лондоне, входя в церковь Братства, где проходил V съезд РСДРП, и глядя на непривычные для православного готические очертания храма, Сталин вдруг вспомнил одну из притч Соломона: "Милость и истина да не оставляют тебя; обвяжи ими шею твою, напиши их на скрижали сердца твоего..." Он был в юности прилежным семинаристом, и годы скитаний не выветрили из сознания библейских постулатов. Милость была ему ни к чему: сентиментальности он никогда не любил. А вот истина... Ему казалось, что на съезде он не очень обогатился ею. Долгие споры "об отношении к буржуазным партиям", "о классовой солидарности", "о роли пролетариата в буржуазной революции" казались ему отвлеченными, плохо связанными с русской действительностью.

А она напомнила о себе, эта действительность, во время работы съезда весьма властно. Прервав заседание съезда, председательствующий вдруг объявил, что на завершение работы, оплату помещения, проживание в гостинице и обратный путь делегатам не хватает денег в партийной кассе; и что один либерал согласился дать вексель на три тысячи фунтов стерлингов при условии возвращения под немалый процент и если под векселем подпишутся все делегаты... После паузы все громко заго-

ворили, соглашаясь. Более десяти лет пришлось ждать этому добровольному меценату возвращения своих фунтов. Он рисковал: далеко не все революции в истории свершались как по заказу.

Однажды в перерыве заседания Джугашвили оказался рядом с Лениным, Розой Люксембург и Троцким, спорившими о "перманентной революции". Но раздался звонок, приглашавший на заседание, и Ленин шуткой закончил спор:

-- Наверное, Роза знает русский язык немного хуже, чем марксистский, поэтому у нас с ней и есть кое-какие разногласия... Но это дело поправимо!

Джугашвили смутно понимал суть "перманентной революции" и не включился в этот мимолетный спор. А ведь здесь тоже должна быть истина. А сколько таких истин нужно революционеру? Они ему теперь, пожалуй, особо нужны, хотя он и не собирался писать их на скрижали сердца своего. К этому времени делегат съезда с совещательным голосом Джугашвили уже был автором двух-трех десятков простеньких статей и первой своей, как он считал, крупной теоретической работы "Анархизм или социализм?". Сталин этой работой в душе гордился, хотя еще никто из "литераторов" в Лондоне с ней не был знаком.

Мог ли Сталин знать, что через тридцать с небольшим лет он будет единогласно избран почетным академиком Академии наук могущественной страны? Мог ли он даже подумать, что светила мировой науки --- члены Академии преподнесут ему в день 70-летия фоллиант-панегирик почти в восемьсот страниц, где слова "гениальный ученый", "гениальный теоретик", "величайший мыслитель" будут повторены бесчисленное множество раз?! Академики М.Б. Митин, А.Я. Вышинский, Б.Д. Греков, А.В. Топчиев, А.Ф. Иоффе, Т.Д. Лысенко, А.И. Опарин, В.А. Обручев, А.В. Винтер и другие скажут в этой величественной книге, сколь огромен вклад И.В. Сталина в развитие теории научного коммунизма, философии, политической экономики, сколь велико методологическое значение его идей для науки вообще.

"Величайший мыслитель и корифей науки", как было записано в протоколе № 9 общего собрания Академии наук СССР от 22 декабря 1939 года, между тем был и остался на долгие годы догматическим популяризатором марксизма, примитивным толкователем ленинских идей. Но к тому времени, когда он станет академиком, когда будут приниматься решения, прославляющие Сталина, как "светоча мировой науки", не воля

разума будет руководить этими почтенными людьми. Коронация генсека интеллектуальным венцом станет лишь одним из проявлений тех уродств, которые породило обожествление "вожия".

Ирония судьбы! В 1949 году академик П.Н. Поспелов напишет статью "И.В. Сталин — великий корифей марксистско-ленинской науки", а спустя несколько лет он же, по поручению ЦК, подготовит ошеломляющие разоблачительные выводы, которые лягут в основу знаменитого доклада Н.С. Хрущева на XX съезде партии... Ну а пока вернемся в 20-е годы...

Оказавшись во главе ядра ЦК, Сталин быстро почувствовал, что кроме организаторских качеств, которыми он обладал, "твердой руки", которую уже почувствовали многие в аппарате, ему нужно проявить себя и как теоретика. С одной стороны, переход к новому этапу борьбы за созидание нового общества требовал теоретического осмысления широкого круга вопросов. Все было внове: в экономической, социальной и культурной областях. Ленинская концепция социалистического строительства давала возможность видеть завтрашний день, но и требовала конкретизации применительно к практике ближайшего будущего.

С другой стороны, Сталин понимал, что лидер партии, а он хотел им стать не формально, а фактически, должен иметь устойчивую репутацию теоретика-марксиста. Он понимал, что подавляющее большинство его статей не оставили какого-либо следа в общественном сознании. Многие из них были посвящены тому или иному эпизоду, моменту многоцветной действительности. В этой мозаике лозунгов, идей, призывов, которые выплеснула революция, сталинские скучноватые статьи просто терялись. Правда, ко времени, когда Сталин стал постепенно утверждаться в руководстве партии после Ленина, им было опубликовано и несколько теоретических работ. Одну я уже называл — "Анархизм или социализм?". О том, каков ее теоретический, философский уровень, можно судить лишь по одному фрагменту: "...буржуазия постепенно теряет почву под ногами, — писал Сталин, — и с каждым днем идет вспять... как бы сильна и многочисленна ни была она сегодня, в конце концов она все же потерпит поражение. Почему? Да потому, что она как класс разлагается, слабеет, стареет и становится лишним грузом в жизни. Отсюда и возникло известное диалектическое положение: все то, что действительно существует, т.е. все то, что изо дня в день растет, — разумно, а все то, что изо дня в день разлагается, — неразумно и, стало быть, не избегнет пора-

жения»²¹. Удручающий примитивизм и наивность этих умозаключений очевидны. Правда, это не помешало академику Митину назвать данный фрагмент "классической характеристикой нового"...

Малозаметными остались и такие его теоретические работы, как "Марксизм и национальный вопрос" (1913 г.), "Октябрьский переворот и национальный вопрос" (1918 г.), "К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов" (1923 г.), и некоторые другие. Сталин довольно скоро почувствовал, что он не в состоянии внести нечто принципиально свое в теорию марксизма, что могло бы стать подлинно новым словом в великом учении. Он все больше убеждался, что гений Ленина предвосхитил очень многое; мысль Владимира Ильича приподняла завесу над дальними далями. К какой бы сфере деятельности ни приходилось прилагать свои усилия, Сталин видел в ней следы ушедшей далеко-далеко вперед тени вождя. Мысль генсека не смогла даже приблизиться к мысли гения.

Ожесточенная междоусобица, которая не переставала потрясать партию в те годы, потребовала от Сталина максимально прибегнуть к широкой пропаганде ленинского наследия, его идей и выводов. Так к нему пришла идея прочесть небольшой курс лекций "Об основах ленинизма" в Свердловском университете. Вскоре после смерти Ленина эти лекции были прочтены. В апреле и мае 1924 года их опубликовала "Правда". Пожалуй, именно они принесли Сталину определенное признание как "теоретику".

Образованность не только основной массы населения — крестьянства, но и рабочего класса, партийцев была невысокой. Им была нужна азбука ленинизма. Только предельная популярность, доходчивость, ясность, простота могли обеспечить понимание ленинских идей. Сталин к решению этой задачи оказался готов. Его "бинарное" мышление пригодились как нельзя лучше. Телеграфно короткие фразы. Никаких мудреных терминов. Отсутствие глубины. Но ясность, ясность, ясность... Лекции после публикации были хорошо приняты. Их широко использовали агитпропы для ликвидации политического невежества населения. В последующем "Вопросы ленинизма", "Об основах ленинизма" были канонизированы и превращены усердными сталинскими пропагандистами в догматический цитатник. Работы и впрямь походили на мозаику из цитат. Пожалуй, если их убрать из сборников, то в некоторых из них остались бы одни знаки препинания. Однако одно издание следовало за другим...

В этих работах Сталина немало положений, на которых формировалось мировоззрение миллионов советских людей. Хотя существенно, что генсек, трактуя ленинские идеи, серьезно перекроил многие из них. Так, раскрывая сущность диктатуры пролетариата, он фактически сделал акцент лишь на ее насильственной стороне, начисто "освободив" ее от демократического содержания. Сегодня, например, нельзя без содрогания читать страницы сталинской работы "О политике ликвидации кулачества как класса", зная, что стояло за этим.

Сборник за сборником выходил в Государственном издательстве политической литературы. Редакторы не смели без Сталина что-либо менять, уточнять, поправлять. Поэтому, читая, например, выпущенный одиннадцатым изданием в 1945 году сборник "Вопросы ленинизма", сталкиваешься с местами, от которых берет оторопь. Сталин полемизирует, ругает, критикует, шельмует Зиновьева, Троцкого, Каменева, Сорина, Слуцкого, Бухарина, Рыкова, Радека, многих, многих других, будто они живы: "давайте послушаем Радека", "Троцкий говорит уже два года", "Каменев имеет в виду", "А как говорит Зиновьев?", "Эти факты известны Зиновьеву", "Бухарин опять говорит"... Конечно, мы знаем, что эти работы Сталин написал тогда, когда все эти люди, как тысячи и миллионы других, были живы. Но с тех пор прошли годы, а Сталин продолжает полемизировать со своими оппонентами, которых он распорядился уничтожить. Аргументы, которые выдвигает Сталин, борясь теперь уже с тенями ушедших людей, предстают не просто научно несостоятельными, но и в высшей степени кощунственными. И хотя в книге то и дело жирным шрифтом набрано: "Аплодисменты переходят в овацию", "Гром аплодисментов", "Все встают и приветствуют любимого вождя", "Громовое ура!" (и все это было), не покидает ощущение, что сама книга — из кошмарного сна. Уничтожить своих теоретических оппонентов и продолжать измышлять над мертвыми мог лишь человек, полностью преступивший общечеловеческие нормы морали. Поэтому даже верные суждения, которые встречаются в примитивном популяризаторстве Сталина, не могут не восприниматься как кощунство.

Когда Сталин готовился прочесть, а затем опубликовать свои лекции, он еще не был полностью в плену идеологических предрассудков, которые затем сам усиленно культивировал. Так, например, невозможно представить, чтобы Сталин мог позволить в конце своей жизни то, что он написал о ленинском стиле в 1924 году. В середине 20-х годов он мог, не греша про-

тив истины, утверждать, что стиль ленинизма состоит в соединении русского революционного размаха и американской деловитости. "Американская деловитость — это та неукротимая сила, — писал генсек, — которая не знает и не признает преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело..."²² Думаю, что если бы кто-нибудь публично сказал в более поздние годы сталинские слова: "Соединение русского революционного размаха с американской деловитостью — в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе"²³, то ему пришлось бы об этом горько пожалеть. В 20-е годы мысль Сталина, пусть и без полета и озарения, все же еще не была полностью стянута обручем воинствующего догматизма.

Здесь в самую пору сказать о складе интеллекта Сталина, хотя к этому вопросу я еще вернусь. Он сформировался под влиянием догматической религиозной пищи, практики революционной борьбы, выборочного ознакомления с работами основоположников научного социализма. Можно утверждать, особенно по "знаменитой" четвертой главе "Краткого курса" истории партии, что он до конца так и не разобрался в соотношении теории и метода, взаимосвязи объективного и субъективного, сути законов общественного развития. Его утверждения, что все в природе и обществе запрограммировано железной необходимостью, явно смахивают на фатализм: "Социалистический строй последует за капиталистическим как день за ночью". Марксистская теория — это компас на корабле, который обязательно доплывет до другого берега, но с компасом — быстрее. Сталин высмеивает тех, кто прислушивается к "требованиям разума", "всеобщей морали" и воспекает вульгарный материализм, замешанный на насилии. Конечно же он утверждает, что "примером полного соответствия производственных отношений характеру производительных сил является социалистическое народное хозяйство в СССР..."²⁴. Его аргументация всегда звучит либо как утверждение, либо как приговор. *

Вся история, изложенная в "Кратком курсе", — это цепь побед одних и поражений других — шпионов, двурушников, врагов, преступников. Сталин все уложил в прокрустово ложе схемы: в жизни должно быть так, как в теории. Той, которую он излагает. Подобный подход, говорили Маркс и Энгельс, может свести идеологию к "ложному сознанию". К счастью, в конечном счете судьба марксистско-ленинской идеологии неподвластна Сталину. Все, что происходит, по логике Стали-

на, — это закономерность: рост коммунистических партий — да; разгром "правого уклона" — несомненно; "предательство" социал-демократических партий — естественно и т.д. Творчеству, воле, игре воображения, дерзости сознания в главе не оставлено места.

Сталинский интеллект — в плену схемы. Судите сами: три основные черты диалектики, четыре этапа развития оппозиционного блока, три основные черты материализма, три особенности Красной Армии, три основных корня оппортунизма и т.д. Да, в учебных целях это, пожалуй, и неплохо. Но "инвентаризировать" всю теорию и сводить ее к нескольким чертам, особенностям, этапам, периодам — все это обедняет обществоведение, делает мировоззрение догматическим.

В сталинских работах с определенного времени стали просматриваться ритуальные элементы. В мышлении Сталина трудно выделить оттенки, переходы, оговорки, оригинальные идеи, парадоксы. Мысль "вождя" однозначна: все, что выходит из-под его пера, — это развитие марксистско-ленинской теории. Каждое его изречение — программа. Все, что не согласуется с его установками, — подозрительно, а скорее всего — враждебно. Вульгаризация, упрощенчество, схематизм, прямолинейность, безапелляционность придали взглядам Сталина примитивно-ортодоксальный характер. Есть все основания утверждать, что у Сталина не возникало сомнений в "гениальности" того, что он говорил. Одно из доказательств подобного вывода — уже упоминавшаяся любовь к собственному цитированию. Однако при всем этом интеллекту Сталина была, пожалуй, присуща и сильная черта: его практический характер. Каждое теоретическое положение (часто весьма механически) генсек пытался увязать с конкретными запросами и потребностями социальной практики. Скажу сразу, не всем работам других марксистов присуща эта конкретно-практическая направленность. Но у Сталина эта практическая заостренность, подчеркну еще раз, не носила диалектического характера. Механицизм, автоматизм действия, часто смахивающий на фатализм, нередко придавали карикатурный характер сталинским трудам. Выступая на первом Всесоюзном совещании стахановцев, Сталин говорил: "Очень трудно, товарищи, жить одной лишь свободой. *(Одобрительные возгласы, аплодисменты.)* Чтобы можно было жить хорошо и весело, необходимо, чтобы блага политической свободы дополнялись благами материальными. Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и

возможность зажиточной и культурной жизни. Вот почему жить стало у нас весело, и вот на какой почве выросло стахановское движение"²⁵. Комментировать такую "аргументацию" источников стахановского движения, думаю, нет нужды. Вульгарность и примитивизм долго насаждались в сознании. Мы порой еще не отдаем отчета в том, сколь тяжелые и далекие последствия влекло за собой такое "засорение" сознания людей.

Выбор методов борьбы за социалистическое переустройство общества сопровождался в 20-е годы активизацией теоретической работы руководителей партии. В "Правде", "Большевике" регулярно появлялись статьи Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сталина, Калининна, Ярославского, других деятелей партии, пытавшихся взглянуть на ситуацию и перспективы социалистического строительства. Некоторые из них весьма преуспели в публикации своих трудов. Так, Троцкий за десять лет после революции успел издать 21 том своих сочинений. "Правда" 4 декабря 1924 года сообщала о начале издания Ленинградским отделением Госиздата сочинений Зиновьева в 22 томах. Комиссия по изданию сочинений оценила их как своего рода "рабочую энциклопедию". Здесь же, в "Правде", помещена информация о выходе сборника "Октябрь. Избранные статьи В.И. Ленина, Н.И. Бухарина и И.В. Сталина". Особенно много появлялось в это время материалов, подготовленных Бухариным, — "Противоречия современного капитализма", "О новой экономической политике и наших задачах" и другие статьи.

Сталин стремился не отставать. Однако большая часть его статей в 20-е годы была посвящена не столько популяризации ленинизма, сколько полемике с руководителями различных группировок, оппозиций, фракций. Здесь Сталин чувствовал себя как рыба в воде. Пожалуй, благодаря борьбе с оппозициями, напористой, громкой критике своих вчерашних товарищей он и стал "теоретиком". Об этом, кстати, писал и Троцкий в своей книге "Сталинская школа фальсификаций". В ней отмечалось, что на борьбе с троцкизмом Сталин стал "теоретиком". В полемике, бесчисленных схватках, разоблачениях "оттачивалось" мышление Сталина. Выступления на партийных съездах и конференциях, пленумах, заседаниях Политбюро были жесткими, решительными, по большей части непримиримыми. Хотя порой Сталин, исходя из тактических соображений, и позволял себе либеральные "послабления". Так, 11 октября 1926 года Сталин выступил на

заседании Политбюро с докладом "О мерах смягчения внутрипартийной борьбы". Правда, эти "смягчающие меры" свелись к формулированию пяти ультимативных пунктов, которые должны принять лидеры оппозиции, если они хотят остаться в ЦК.

В полемике с идейными оппонентами Сталин преображался: появлялось красноречие, хлесткость выражений, подчас носящие личный, оскорбительный характер. Характеристики "болтун", "клеветник", "путаник", "невежда", "пустозвон", "подпевала" Сталин употреблял без всякого смущения. Генсек даже гордился репутацией грубого, но непримиримого борца за единство партии, против фракционности, за чистоту ленинизма. Выступая с заключительным словом на XIV съезде партии, Сталин, как мы помним, подверг резкой критике Каменева, Зиновьева, Сокольников. Слово присваивая себе право на грубость, как атрибут генсека, Сталин под одобрительный смех делегатов заявил: "Да, товарищи, человек я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю"²⁶.

Повторяю, часто эти "прямота и грубость" носили попросту оскорбительный характер. Так, в ответе юристу С. Покровскому, пытавшемуся выяснить отношение Сталина к теории пролетарской революции, генсек в самом начале своего письма называет его "самовлюбленным нахалом". На такой же ноте Сталин и заканчивает свой ответ: "...Вы ни черта, — ровно ни черта, — не поняли в вопросе о перерастании буржуазной революции в революцию пролетарскую... Вывод: надо обладать нахальством невежды и самодовольством ограниченного эквилибристика, чтобы так бесцеремонно переворачивать вещи вверх ногами..."²⁷ Такими были стиль и язык критики Сталина. Даже серьезные аргументы, которые он использовал в борьбе против оппозиции, часто обрамлялись грубыми эпитетами. Генсек с полной уверенностью судил: здесь истина, а здесь заблуждение. Основоположники научного социализма никогда себе не позволяли такого. Ведь иначе бы получилось, как писал Рабиндранат Тагор:

Перед ошибками захлопываем дверь.

В смятенье истина: как я войду теперь?

По мере утверждения своего авторитета и повышения политической значимости поста генсека Сталин все чаще прибегал к использованию в качестве аргументов собственных высказываний. В этом случае они уже представляли как истина в высшей инстанции. Но чем дальше, тем меньше Сталин это замечал.

Так, дав определение ленинизма в своих лекциях в Свердловском университете, Сталин в работе "Вопросы ленинизма" фактически превозносит эту дефиницию как совершенную и универсальную. Далее он многократно прибегает к собственному обильному цитированию, сопровождаемому неизменными оценками: "все это правильно, т.к. целиком вытекает из ленинизма" и т.д. Порой поражает, сколь высоко ставит и ценит собственные выводы генсек. В последующем это станет правилом: отсылать читателей к своим статьям и книгам. Так, в ответе Покоеву "О возможности построения социализма в нашей стране" он не только полностью умалчивает, что эта идея целиком принадлежит В.И. Ленину, но и не скрывает, что именно он, Сталин, является автором этой концепции. Не утруждая себя особыми аргументами, генсек в *post skriptum* без обиняков говорит: "Взяли бы "Большевик" (московский) № 3 и прочли бы там мою статью. Это облегчило бы Вам дело". А что касается собственно ответа Покоеву, то наряду с верными положениями Сталин напирает на одну идею: "рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством может добить (выделено мною. — Прим. Д.В.) капиталистов нашей страны"; "оппозиция же говорила, что добить своих капиталистов и построить социалистическое общество мы не сможем"; "если мы не рассчитывали добить (выделено мною. — Прим. Д.В.) наших капиталистов... то мы зря брали власть..."²⁸ и т.д. Акцент на "добивание" в 1926 году остатков эксплуататорских классов слишком очевиден. Представляется, что в то время это не было главной задачей. Со временем "добивание" созреет до глубоко ошибочного тезиса об обострении классовой борьбы по мере продвижения вперед, к социализму. "Битье" и "добивание" скоро станут едва ли не главным занятием Сталина.

Несмотря на весьма посредственный, примитивный уровень теоретических обобщений, выходящих из-под пера Сталина, он очень любил давать определения, формулировать дефиниции. Можно было бы назвать такие широко известные его определения: о сущности ленинизма, о сущности наций, о политической стратегии и тактике, о сути уклонов и т.д. Возможно, какую-то роль в популяризации основ ленинизма они сыграли. Но, как человек, весьма склонный к догматическому мышлению, Сталин буквально канонизировал определения, мог построить целую речь на доказательстве непонимания тем или иным оппозиционером какого-либо вопроса.

Но, пожалуй, самое негативное в теоретическом "творче-

стве" Сталина заключается в том, что он фактически отбросил гуманистическую сущность социализма, постепенно обосновал, если так можно выразиться, "жертвенный социализм". Эти мировоззренческие установки генсека со временем позволяют ему с легким сердцем пойти на неслыханные массовые репрессии, на широкое применение насилия как главного социального рычага в строительстве социализма. По сути, анализ теоретических взглядов Сталина и особенно способов и методов их материализации позволяет сделать вывод, что генсек постепенно отошел от ленинизма. Звучит парадоксально, но это факт: Сталин, оставаясь большевиком, в конце концов не станет ленинцем! И это — руководитель партии! Среди многих разновидностей социализма — утопического, мелкобуржуазного, казарменного, научного — Сталин создал нечто свое. Его социализм — это социализм бюрократический, несущий в себе черты и догматического, и казарменного. Одним словом — сталлинский. Нет, он не смог, не сумел, не успел все деформировать в живой ткани социализма, который строили миллионы. Но сегодня мы знаем, что считать социалистическим общество, где только высока степень обобществления, где коллективное выше личного, где все планируется "сверху", нельзя. Подлинный социализм, каким его видел Ленин, это когда в центре внимания — ЧЕЛОВЕК. Ленинская концепция социализма — это демократия, гуманизм, человек, социальная справедливость. Подобный подход никогда не может сочетаться с насилием, отчуждением народа от власти, вождем-полубогом. А это свидетельствует, что на определенном этапе Сталин все больше отходил от ленинской концепции социализма.

Справедливости ради нельзя не отметить, что над своими статьями, речами, репликами, ответами генсек трудился сам. Свидетельства его помощников, в разное время работавших с ним, других ответственных лиц из аппарата Генерального секретаря дают основания сделать вывод: при огромной загруженности Сталин весьма много работал над собой. Ему ежедневно по его специальным заказам делали подборку литературы, вырезки из статей, сводки по материалам местной партийной печати, обзоры зарубежных изданий, наиболее интересные письма.

Однажды он долго сидел над письмом из Берлина с обратным адресом: Целлендорф, Вальдемарштрассе, 11, "Вилла Нина", В.П. Крымову. Это было довольно необычное письмо. Его автор — один из "бывших", писатель, бежавший из России в 1917 году, но пристально, до боли в глазах и в сердце всмат-

ривавшийся в новую Россию. Читая, Сталин отчеркивал строки: "Я пишу Вам, как одному из самых крупных государственных деятелей в современной России. Я пацифист и интернационалист, но все-таки я люблю Россию больше всякой другой страны. Мне отсюда м.б. видно кое-что, что Вам не так ясно, при всей Вашей осведомленности изнутри (здесь красный карандаш проделал двойной путь. — *Прим. Д.В.*)..."

Нужно во что бы то ни стало сохранить власть в ваших руках, вожаков пролетариата, ничего не щадя. Помните: "Кто не способен на злодейство, тот не может быть государственным человеком". Прежде всего армия. Она не должна воевать, но она должна быть. Все должны знать о ней преувеличенное. Чем больше всяких военных демонстраций, тем лучше... Никаких средств не надо щадить в заботах об увеличении населения России и полном его воспитании. Это самое страшное оружие против капиталистического мира. Сегодня ясно, что современная Россия может дать новый закон истории: размаха маятника в другую сторону может и не быть; он может навсегда остаться слева... Не нужно лжи, но нужны две правды, и о большей умолчать на время и тем заставить верить в меньшую; а когда понадобится, малая отступит перед большой... Не надо притеснять религию, это укрепит ее. Привлекайте частный капитал. Пока государственная власть у вас — это не представляет никакой опасности... Проявление современного русского творчества нужно поддержать, не жалея затрат. Скажем, литературу, м.б. балет. Нужно бросить в остальной мир яркие кристаллики современной России; этим можно иногда сделать больше, чем самой широкой пропагандой... Революция сделала уже колоссально много. Но эксперимент затягивается, нужны какие-нибудь реальные результаты. Нужны какие-то выполнения обещанного благополучия пролетариата. А пока у вас волокиты больше, чем в царском строе. Есть случаи, когда тянуть выгодно, но сплошь эта система гибельна..."²⁹

Сталин долго сидел над письмом, перестав подчеркивать, ибо почти каждая строка была, как ему казалось, умной, взвешенной, выстраданной. Взглянул еще раз на подпись: размашисто — "Вл. Крымов", "опубликование моего письма нежелательно". Сталин отложил письмо в папочку, где лежали бумаги, к которым он еще возвращался.

В 1924 — 1928 годах Сталин неоднократно приглашал к себе профессоров из Промышленной и Коммунистической академий, которые консультировали его в области обществензнания.

Особенно он чувствовал свою слабость в философии. Историю знал заметно лучше. К углублению своих экономических знаний особого рвения не проявлял. Вместе с тем длительный опыт работы на посту генсека, где ему приходилось заниматься самыми разнообразными проблемами, сформировал довольно тонкое чутье, весьма практичный ум, способный быстро оценивать ситуацию, правильно ориентироваться в калейдоскопе проблем и выделять в нем главные звенья. Природная наблюдательность, отличная память на лица, фамилии, факты, богатый опыт общения с целой когортой образованнейших людей из ленинского окружения не могли не выработать у Сталина и нечто свое, неповторимое. Например, не будучи теоретиком, он превосходил многих своих сотоварищей в прагматическом подходе к теории, умении максимально полно "состыковать" ее с практическими задачами.

Уже через несколько месяцев после смерти Ленина многие почувствовали "твердую руку" Сталина. Генсек ничего не забывал и не прощал. Однажды поставив цель, сформулировав задачу, он проявлял порой поразительную изощренность и упорство в их реализации. Эта же линия была видна и в его литературных трудах. В статьях, брошюрах, естественно, были "двороты", некоторые коррективы, но в основном он с упорством повторял то, что сказал ранее. На окружающих это производило впечатление и со временем невольно приобретало хрестоматийный оттенок. Так, сказав однажды, что "ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности"³⁰, Сталин канонизировал определение. Бесспорно, на этапе непосредственной борьбы за выживание нового строя это определение сыграло свою роль, позволило полнее понять сущность идеалов и целей Ленина. Но эта формула у Сталина так и осталась застывшей на долгие годы, хотя очевидно, что она явно беднее содержания теории и практики ленинизма. Сведение ленинских идей только к теории и тактике диктатуры пролетариата было предпосылкой многих изъянов в последующей практике социалистического строительства.

В то же время было очевидно, что ленинизм — это целостная научная система философских, экономических и социально-политических взглядов на пути познания и революционного преобразования мира. Однако даже малейшие отступления от сталинской трактовки сути ленинизма рассматривались как оппортунистическая ересь со всеми вытекающими из этого последствиями.

Сталин был большим мастером упрощения теории марксизма-ленинизма, часто до примитивизма. Кажется, Ремарк сказал, что каждый диктатор начинает с того, что упрощает. Именно Сталину, повторюсь, принадлежит "заслуга" насаждения схематизма в теории, истории партии. Возможно, в тех условиях такое упрощение, порой даже легковесное понимание сути диктатуры пролетариата, классовой борьбы, стратегии и тактики рабочего класса, революционного метода, основных законов диалектики было необходимым, учитывая уровень общей и политической культуры трудящихся. Но вскоре, к концу 20-х годов, другие, более серьезные и глубокие труды уже просто не могли появиться. Оставалось только комментировать, разбирать, славословить сталинские работы. На целые десятилетия теоретическая мысль в обществоведении впала в состояние глубокой стагнации, застоя. Именно Сталин положил начало подгонке тех или иных выводов теории к реалиям жизни, общественному бытию. Сведение марксизма-ленинизма к элементарным схемам, а часто и его препарирование резко затормозили развитие общественной мысли. На ниве простеньких концепций, часто ошибочных, стали бурно расти догматические взгляды. Догматизм можно сравнить с судном, сидящим на мели. Волны бегут, а корабль стоит, но видимость движения сохраняется. Сталин к идеологии подходил сугубо прагматически, полагая, что настоящая идеология внутри страны должна функционировать подобно цементу, а вне ее — как взрывчатка...

Многие из его теоретических выводов стали со временем источником больших социальных бед. Иногда мне думается, что интересная, оригинальная мысль имеет как бы окраску: оранжевую, фиолетовую, пурпурную, изумрудно-лазурную... Это все равно, как если бы луч пронизал туман, мрак, сумерки, очерчивая силуэт, контуры желанной Истины. Пожалуй, мир мысли не только многоструен, но и многоцветен. Но эти краски надо уметь видеть. У Сталина мысль была серой, которая со временем, на практике проявляла себя в самых мрачных тонах. Судите сами.

14 — 15 января 1924 года состоялся Пленум ЦК, рассмотревший целый ряд вопросов. О международном положении доклад сделал Зиновьев. Докладчик и выступающие подвергли критическому анализу неудачи в Германии, где, по мнению многих, не была использована революционная ситуация. В своем выступлении Сталин остановился на роли Радека в этих событиях, бывшего в то время в Германии. "Я против

того, чтобы применять к Радеку репрессии за его ошибки в германском вопросе. Он допустил их целый ряд, из которых я выделяю здесь семь штук". Любимое занятие Сталина — нанизывать ошибки других на длинную бечеву. Я не буду перечислять все, назову лишь ту ошибку, которую Сталин пронумеровал, как в инвентарной описи, "четвертой". Радек считает, продолжал генсек свое перечисление, "главным врагом в Германии фашизм и полагает необходимой коалицию с социал-демократами. А наш вывод: нужен смертельный бой с социал-демократией..."³¹. Это не просто невинная теоретическая ошибка в анализе. Политическая близорукость Сталина в оценке фашизма и социал-демократии дорого обойдется коммунистам, всем демократическим силам в будущем. Его "серос", а точнее ложное, восприятие острейшей проблемы свидетельствует о явном неумении анализировать многозначные связи.

Или еще пример его теоретической недалекости. Во время октябрьского Пленума ЦК РКП(б) 1924 года обсуждался вопрос о работе в деревне. Докладчиком был Молотов. С длинной речью выступил Зиновьев (плохо ориентировавшийся, как Молотов и Сталин, в аграрных вопросах). Но и он довольно верно оценил общую обстановку: "Мы обсуждаем сейчас не только вопрос о работе в деревне, но и об отношении к крестьянству вообще, т.е. гораздо более общий вопрос, который, вероятно, не сойдет с очереди в течение ряда лет, т.к. он целиком упирается в проблему о проведении диктатуры в данной обстановке"³². В своем выступлении Сталин попытался дать ряд политических и теоретических рекомендаций, в которых можно рассмотреть зародыши будущих крупных ошибок. Первое, что нам надо делать, — "это завоевать крестьянство заново". Во-вторых, видеть, что "изменилось поле борьбы". В-третьих, "надо создать в деревне "кадры"³³. Идет 1924 год, а речь Сталина звучит как будто уже из 1929-го... "Проницательность" и последовательность в утверждении тяжелых ошибок. Таким был Сталин как "интерпретатор" ленинизма.

Я еще коснусь теоретических воззрений Сталина в последующие годы. Но сейчас, во времена выбора и борьбы за распространение идей ленинизма в массах, он впервые ощутил силу общественного влияния на людей не только научных концепций, но и литературы и искусства.

Интеллектуальное смятение

Последователь Вл. Соловьева философ Е. Трубецкой в работе "Два зверя" развивал идею о том, что России угрожают две крайности: "черный зверь реакции и красный зверь революции". Для многих деятелей культуры эти "звери" оказались реальными. Художественно-идейные колебания шли по самой большой амплитуде. От прямого, откровенного неприятия самой идеи революции (З. Гиппиус, Д. Мережковский, И. Бунин) до ее восторженного прославления (Д. Бедный, А. Жаров, И. Уткин, М. Светлов). Однако далеко не все быстро определили свои идейные позиции.

У Киплинга есть прекрасные строки, суть которых такова: сила продолжающейся ночи уже сломлена, хотя никакой рассвет не грозит ей ранее часа, назначенного рассвету... Сила старого была сломлена, но было бы неестественным ждать, что все художники станут приветствовать наступающий рассвет. И на главной улице большой литературы, и на ее задворках шло глухое, а иногда и бурное брожение. Основными вопросами, терзавшими художественную интеллигенцию, были: место культуры в "новом храме", проблема творческой свободы, отношение к духовным ценностям прошлого. Кое-кто из писателей всерьез считал, что у русской литературы одно будущее — ее прошлое. Многих мастеров слова революционный шквал напугал, в нем они увидели угрозу не только себе, но и всей культуре. Хотелось бы высказать свой взгляд на отношение интеллигенции к революции, к социализму, к той нови, которая рождалась в страшных муках на нашей многострадальной земле.

Большинство интеллигенции не приняло социалистическую революцию. Разумеется, не все непринявшие стали ее врагами. Нет. Пожалуй, многих интеллигентов устроили бы результаты Февральской буржуазно-демократической революции с каким-нибудь парламентом и другими атрибутами либерального многовластия. Растерянность, интеллектуальное смятение русской интеллигенции продолжалось несколько лет. Затем стали вырисовываться диаметрально противоположные тенденции: полное принятие идей Октября и их полное отрицание, долгие колебания и постепенные повороты. Весьма характерен в этом смысле небольшой сборник "Смена вех", вышедший в июле 1921 года в Праге. Выступившие в нем авторы, в основном кадетской ориентации, активные деятели лагеря белых, призвали пойти на

капитуляцию. Ключников, Потехин, Бобрищев-Пушкин, Устрялов заявляли, что по "роковой иронии истории" большевики сделали "хранителями русского национального дела". Кстати, в своих выступлениях в 20-е годы Сталин неоднократно упоминал Устрялова и само "сменовеховство" как символ разложения вражеского лагеря. Авторы "Смены вех" не скрывали, что считают большевизм утопией, но понимали, что с ними, российскими беглецами, "расправится и уже расправляется история". Ностальгические мотивы, окрашенные в славянофильские тона, знаменовали нечто более важное: поворот части интеллигенции к поддержке социалистической России. Эта смутная тяга к Родине глушила классовые инстинкты, мирила, хотя и с болью, с новыми реальностями в России.

Но большая часть интеллигенции не приняла большевизма. Журнал "Политработник" в 1922 году в статье "Беглая Россия" писал: "Великая Октябрьская революция имеет свой "Кобленц"... Известны "патриотические" подвиги и образ жизни и мышления этой беглой России. Она не имеет даже и налета той печальной красоты глубокой осени, отпечаток которой можно уловить на представителях погибающего феодального общества в Кобленце Великой французской революции. Здесь господствует гниль, мерзость запустения, склока, мелкое и крупное интриганство и подхалимство, громко именуемые "деланием политики"..."³⁴

Выразителем крайнего неприятия Октября стала Гиппиус. В своих "Серой книжке" и "Черном блокноте" она полностью отрицала идеи революции, которая, по ее мнению, похоронила культуру России:

*Напрасно все: душа ослепла,
Мы червю преданы и тле,
И не осталось даже пепла
От Русской Правды на земле.*

Гиппиус олицетворила революцию с "пустоглазой рыжей девкой, поливающей стылые камни". Гиппиус, характеризуя свою и мужа (Мережковского) политическую позицию, с гордостью говорила: "Пожалуй, лишь мы храним белизну эмигрантских риз". В своей Родине они увидели "царство Антихриста".

Даже Троцкий, довольно терпимо относившийся ко всем этим метаниям и считавший неизбежным интеллектуальное смятение интеллигенции, бросил злую реплику по поводу "нытья" Гиппиус. Ее искусство, в котором преобладала проповедь мистического и эротического христианства, писал Троц-

кий, сразу же трансформировалось, стоило "подкованному сапогу красноармейца наступить на ее тонкий носок. Она немедленно стала завывать криком, в котором можно было узнать голос ведьмы, одержимой идеей о святости собственности"¹⁵.

Спектр эстетических интересов Сталина был неизмеримо уже эрудиции Троцкого, и декадентские, иконоборческие традиции и тенденции его мало волновали. Едва ли Сталин хорошо знал творчество Гиппиус, Бальмонта, Белого, Лосского, Осоргина, Шмелева и многих других интеллектуалов, так или иначе оставивших след в истории отечественной культуры. Его ум, эмпирический и лишенный эмоционального богатства, на весь храм культуры смотрел сугубо с прагматических позиций: "помогает", "не помогает", "мешает", "вредит". Художественные критерии, если они у него и были, не имели решающего значения. В полной мере свое кредо в отношении литературы и искусства Сталин выразит через два десятилетия в печально известном постановлении о журналах "Звезда" и "Ленинград". Для него литература и искусство всегда оставались замкнутыми в примитивную биполярную модель: "свои" и "чужие".

Справедливости ради нужно сказать, что, хотя волна эмиграции за рубеж была весьма большой, возможно более 2 — 2,5 миллиона человек, в основном представителей состоятельных слоев, интеллигенции, в том числе художественной (Марк Алданов, К. Бальмонт, П. Боборыкин, И. Бунин, Д. Бурлюк, З. Гиппиус, А. Куприн, Д. Мерзжковский, И. Северянин, А. Толстой, Саша Черный, Вяч. Иванов, Г. Иванов, В. Ходасевич, И. Шмелев, М. Цветаева, В. Набоков-Сирин и многие другие), далеко не все были враждебно настроены против Советской России. Различна и их судьба. Немало таких, кто нашел свою смерть в трущобах Шанхая, ночлежках Парижа или вернулся в края родные. Одних ждала возможность возрождения литературного творчества, другие не смогли адаптироваться в новой социальной среде и навсегда замолчали. Третьи попали под жернова беззакония.

Художественная интеллигенция, оставшаяся в России, вела себя тоже по-разному. Стали быстро возникать творческие союзы, объединения — "Союз крестьянских писателей", "Серапионовы братья", "Перевал", "Российская ассоциация пролетарских писателей" (РАПП), "Ассоциация художников революционной России" (АХРР), "Кузница", "Левый фронт искусств" (ЛЕФ), другие творческие альянсы. В стенах холодных клубов и дворцов шли жаркие дискуссии о пролетарской культуре, литературе и политике, возможностях использования ценностей

буржуазной культуры. В процессе этого литературного брожения, а порой и интеллектуального смятения рождались спорные концепции, иногда — ошибочные взгляды. Возник уникальный шанс в создании и утверждении творческого плюрализма в художественном сознании. В то время еще не были в ходу командные методы, которые для искусства, литературы равнозначны творческой атрофии.

Сталин, мало интересовавшийся поначалу этими вопросами, не видел какой-то опасности в мозаике литературных школ, направлений, тем более что большинство художников (на свой лад) говорили о революции, новом мире, новом человеке, "зовущих далях". Даже авангардистские, часто сектантские увлечения "радикальными методами" творчества казались только наивными, забавными, не более. В ЦК еще не было идей и политических доктрин ждановского толка. Все это придет позже. Этот творческий плюрализм, естественный, как само искусство, за короткий срок смог дать в кино, литературе, живописи произведения, навсегда вошедшие в сокровищницу нашей духовной культуры.

В целом этот период (20-е гг.) характеризуется раскрепощенностью мысли, творческими поисками, смелым новаторством. Художники, мастера слова, сцены, кинематографа много говорили о свободе творчества. У писателей было рожденное революцией стремление постичь тайны великого, вечного, непреходящего. Много говорили о гениях, гениальности, часто "перехлестывая" в своих суждениях через край. А впрочем, самая высокая вершина пирамиды творчества — гениальность, и почему бы мастеру слова не стремиться к ней? Может быть, и прав был крупный русский писатель и философ Н. Бердяев, не оцененный по-настоящему и сейчас, что "культ святости должен быть заменен культом гениальности"?

Революция форсировала творческое созревание многих, и, видимо, были естественны и плодотворны частые дискуссии, споры, соревнования различных художественных школ. Как жаль, что через несколько лет эта атмосфера исканий в значительной мере испарится в каменоломнях бюрократического слога, однодумства, как духовной униформы, родит множество книг с "грибной жизнью", книг-однодневок, о большей части которых сейчас никто и не вспомнит. В двух номерах журнала "Большевик" (1926 г.) была опубликована статья П. Ионова о пролетарской культуре и "напостовской путанице", в которой давался критический анализ воззрений столпов "напостовства" Вардина и Авербаха, выразивших свои взгляды в журнале "На

посту" (отсюда — "напостовцы"). "Большевик" доказывал невозможность существования "чистого искусства", не подверженного влиянию социальных бурь, экономических потрясений, классовых схваток. Через некоторое время "Большевик" поместил ответ П. Ионову Леопольда Авербаха, сводящийся к тому, что культурная революция будет сопровождаться обострением классовой борьбы: "Кто кого переработает — массы ли старую культуру сумеют разбить на кирпичи и нужное им взять, или здание целостной старой культуры окажется сильнее пролетарского культурничества"³⁶.

Вскоре будет провозглашен тезис о необходимости административного управления процессами культуры. Весьма характерна в этом отношении, например, передовая статья в журнале "Большевик", озаглавленная "Командные кадры и культурная революция". В ней постулируется, что проблема "воспитания культурных командных кадров строителей социализма" — проблема политическая³⁷. Ну а как только "подвоспитались культурные командные кадры", стали рушиться церкви, исчезать самобытные творческие объединения, замолкать неповторимые индивидуальности. Такой, например, оказалась судьба целой группы "крестьянских поэтов", ярким представителем которых был С. Есенин. Судьба их печальна. Очень жаль, но к этому приложил руку, видимо, не освободившись от своих ранних радикальных воззрений, и Бухарин... Свобода творчества все более программировалась, а значит, сужалась. А искусство, отчужденное от свободы и духовной сути человека, уже становится суррогатом культуры.

Конечно, сомнительно методы идейного руководства подменять директивным стилем. У политики есть много областей, где она диктовала и будет диктовать, но есть и такие сферы, где она может лишь взаимодействовать. Существуют и такие, где "политический скальпель" противопоказан, иначе он в процессе своего применения добивается противоположного, чем ждали, результата.

Сталин внимательно наблюдал за процессами брожения в литературе. Он чувствовал, что культурная революция, вызвавшая огромные изменения в общественном сознании, с неизбежностью вызовет и повышенный интерес к культурным ценностям вообще и к художественной литературе в частности. К середине 20-х годов грамотность населения страны заметно повысилась. Особенно поразительными были перемены в национальных республиках. К 1925 году по сравнению с 1922 годом число трудящихся, овладевших грамотой, возросло в Гру-

зии в 15 раз, в Казахстане — в 5 раз, в Киргизии — в 4 раза. Аналогичной была картина и в других регионах. Подлинными очагами культуры, грамотности становились рабочие клубы в городах, избы-читальни в деревнях. В 3 раза по сравнению с 1913 годом выросли тиражи периодических изданий. Начался массовый процесс строительства библиотек. Были созданы киностудии в Одессе, Ереване, Ташкенте, Баку. Больше издавалось художественной литературы.

Политбюро неоднократно рассматривало вопрос о создании лучших условий для приобщения масс к художественной культуре, об усилении на нее идейного, большевистского влияния. В июне 1925 года Политбюро одобрило резолюцию "О политике партии в области художественной литературы". В постановлении отмечалась необходимость бережного отношения к старым мастерам культуры, принявшим революцию, а также, по предложению Сталина, подчеркивалась важность продолжения борьбы с тенденциями "сменовеховства". Более того, в документе указывалось, что "партия должна всемерно искоренять попытки самодельного и некомпетентного административного вмешательства в литературные дела"³⁸.

Как видим, в первые годы после революции ЦК партии следовал ленинскому завету о том, что для подлинного социализма нужна "именно культура. Тут ничего нельзя поделывать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще"³⁹. Не забыты были слова Ленина о том, что новая культура не может быть создана на голом месте. К сожалению, в 30-е годы эти ленинские идеи будут преданы забвению.

Помощники Сталина докладывали генсеку о новых книгах, статьях пролетарских писателей. Все, естественно, генсек читать не мог. Но в его библиотеке (которая позже была расформирована, и в ней остались лишь книги с его пометками) сохранились тома, книжки тех лет в дешевых переплетах, с отметками красным, синим, простым карандашом. К слову сказать, большинство своих резолюций, пометок он делал красным карандашом. Многие из его соратников вольно или невольно подражали Сталину (в частности, Ворошилов). Судя по пометкам, различным замечаниям, написанным лично им, есть основания полагать, что Сталин ознакомился с "Чапаевым" и "Мятежом" Д. Фурманова, "Железным потоком" А. Серафимовича, повестями Вс. Иванова, "Цементом" Ф. Гладкова, творчеством М. Горького, которого генсек любил, стихами поэтов А. Безыменского, Д. Бедного, С. Есенина, других извест-

ных мастеров слова. Сталин заметил А. Платонова с его повестью "Впрок". Но, судя по всему, талантливый писатель, проникший в глубокие пласты человеческого духа, остался непонятым. "Бессонный сатаноид" поисков писателя вызвал раздражение генсека, о чем он, в частности, поведал однажды Фадееву. Сталин очень слабо был знаком с классической западноевропейской литературой, подозрительно относился к Западу вообще, к его "разлагающей" демократии.

Сталин любил театр и кинематограф. Но "любил" по-своему, как помещик свой крепостной театр. В 30-е и 40-е годы он был частым посетителем Большого театра, регулярно смотрел по ночам в Кремле или на даче новые фильмы. При его затворничестве они, особенно кинохроника, были своеобразным окном в мир. Живопись любил меньше и не скрывал, что не обладает должным вкусом. Вопросы художественной культуры нередко обсуждал не только в кругу членов Политбюро, где большинство были невысокими ценителями искусства, но и с мастерами слова — Горьким, Демьяном Бедным, Фадеевым и, конечно, с Луначарским.

В его речах художественные образы присутствуют неизмеримо реже, чем у Ленина, Бухарина, Троцкого, некоторых других деятелей партии. Они ему нужны, как правило, лишь для усиления критического начала своих выступлений. Одним из редких примеров такого использования можно было бы назвать выступление Сталина на объединенном заседании Президиума ИККИ* и ИКК** в сентябре 1927 года. Отвечая члену Исполкома югославскому коммунисту Вуйовичу, Сталин бросает:

— Критика Вуйовича не заслуживает ответа. — И дальше говорит:

— Мне вспомнилась маленькая история с немецким поэтом Гейне. Однажды он был вынужден ответить своему назойливому критику Ауфенбергу следующим образом: "Писателя Ауфенберга я не знаю; полагаю, что он вроде Дарленкура, которого тоже не знаю".

И, продолжая, Сталин добавил:

— Перефразируя слова Гейне, русские большевики могли бы сказать насчет критических упражнений Вуйовича:

* ИККИ — Исполком Коминтерна.

** ИКК — Интернациональная контрольная комиссия.

"большевика Вуйовича мы не знаем, полагаем, что он вроде Али-баба, которого тоже не знаем"⁴⁰.

Но, повторяю, его обращение к классике было очень редким, что отражало и весьма ограниченное знакомство генсека с шедеврами мировой и отечественной литературы.

В ряде своих публичных выступлений Сталин не упускал возможности выразить свое отношение к тем или иным писателям и их произведениям. Суждения генсека, как всегда, были категоричны и безапелляционны. Например, в своем письме к В. Билль-Белоцерковскому Сталин однозначно осудил дирижера Большого театра Д. Голованова за то, что тот выступал против механического обновления репертуара за счет классики. Генсек тут же охарактеризовал "головановщину" как "явление антисоветского порядка"⁴¹. В 30-е годы такая оценка могла стоить головы. Здесь же Сталин оценил и "Бег" Булгакова как антисоветское явление, добавив, правда, смягчающую тираду такого содержания: "Впрочем, я бы не имел ничего против постановки "Бега". если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам еще один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти, по-своему "честные" Серафимы и всякие приват-доценты, оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа..."

Продолжая "разбор" творчества Булгакова. Сталин вопрошает:

"Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбье даже "Дни Турбиных" — рыба".

И далее дает пьесе такую оценку: пьеса эта "не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление благоприятное для большевиков: если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит большевики непобедимы"⁴².

Эти фразы Сталина еще раз высвечивают старую истину о том, что окончательную оценку тому или иному произведению дает время. Вельможный вердикт может спустя годы оказаться смешным, наивным, поверхностным. Даже учитывая конкретность исторического момента. А ведь как часто в нашей истории некоторые пытались давать "окончательные" оценки! Именно так, например, делал Сталин. Но в подобной катего-

ричности — весь он: несомневающийся, уверенный в себе, презирающий интеллектуальные раздумья художника.

Генсек мог быть жестким даже к тем, к кому обычно относился как будто с уважением, например к Демьяну Бедному, большевику с 1912 года, быстро ставшему после революции признанным пролетарским поэтом. Множество его басен, частушек, песен, стихотворных фельетонов, повестей, притч пользовались неизменным успехом у широких масс. Актуальность и злободневность каждой строки народного поэта постоянно поддерживали его популярность. Но вот в ряде произведений ("Перерва", "Слезай с печки", "Без пошады") Бедный подвергает критике косность и чуждые нам традиции, которые словно шлейф тянутся из прошлого. В отделе пропаганды ЦК это было расценено как антипатриотизм. Поэта вызвали в ЦК для "разговора". Д. Бедный пожаловался на окрик в своем письме Сталину. Ответ генсека был быстрым и безжалостным.

— Вы вдруг зафыркали и стали кричать о петле...

— Может быть, ЦК не имеет права критиковать Ваши ошибки?

— Может быть, решения ЦК не обязательны для Вас?

— Может быть, Ваши стихотворения выше всякой критики?

— Не находите ли, что Вы заразились некоторой неприятной болезнью, называемой "заснайством"?

После этих уничтожающих вопросов Сталин резюмирует, что критика в произведениях Д. Бедного является клеветой на русский пролетариат, на советский народ, на СССР. "В этом суть, а не в пустых lamentациях перетрусившего интеллигента, с перепугу болтающего о том, что Демьяна хотят якобы "изолировать", что Демьяна "не будут больше печатать"⁴³ и т.п.

Вот так. Жестко и однозначно. Всего несколькими годами раньше, в июне 1925 года, Сталин сам редактировал постановление ЦК о политике в области художественной литературы, где говорилось, что нужно изгонять "тон литературной команды", "всякое претенциозное, полуграммотное и самодовольное комчванство"⁴⁴. Уже в конце 20-х годов эти верные положения были Сталиным забыты. "Командные кадры" в культуре действовали все более активно. Интеллектуальное брожение, порой смятение тоже постепенно проходило по мере ранжирования, администрирования.

Ведь всего за три-четыре года до этого Сталин просил передать благодарность Бедному за "верные, партийные" стихи о Троцком. Они были помещены 7 октября 1926 года в "Правде"

под заголовком "Всему бывает конец". Пожалуй, стоит привести хотя бы часть стихотворения, чтобы полнее почувствовать атмосферу, политический колорит того сложного времени:

*Троцкий — скорей помещайте портрет в "Огоньке".
Усладите всех его лицемерием!*

Троцкий гарцует на старом коньке.

Блестя измятым оперением,

Скачет таким красноперым Мюратом

Со всем своим "аппаратом",

С оппозиционными генералами

И тезисо-моралами. —

Штаб такой, хоть покоряй всю планету!

А войска-то и нету!

Ни одной пролетарской роты!

Нет у рабочих охоты —

Идти за таким штабом на убой.

Жертвуй партией и собой.

.....
Довольно партии нашей служить

Мишенью политиканству отпетому!

Пора, наконец, предел положить

Безобразию этому!

Генсек с удовольствием прочитал стихи, позвонил Молотову, еще кому-то. Все с одобрением оценили политическую сатиру Бедного. Сталин заметил: "Наши речи против Троцкого прочитает меньшее количество людей, чем эти стихи". В этом он, пожалуй, был прав. Но стоило посту чуть "сбиться с тона", не скрыть "обиду", Сталин стал совсем другим: холодным, злым, повелевающим, указующим.

Зная, как сильно зависит от его оценки судьба того или иного произведения, мастера художественного слова часто писали ему с просьбой высказать свое мнение. Чаще его резюме было снисходительным, с обязательным указанием "слабостей" работы. Иногда он поднимался до похвалы. Так, в письме А. Безыменскому Сталин начертил: "Читал и "Выстрел", и "День нашей жизни". Ничего ни "мелкобуржуазного", ни "антипартийного" в этих произведениях нет! И то и другое, особенно "Выстрел", можно считать образцами революционного пролетарского искусства для настоящего времени"⁴⁵.

Свидетельства лиц, близко знавших Сталина, подтверждают: генсек очень внимательно следил за политическим лицом наиболее крупных писателей, поэтов, ученых, деятелей культуры. Сталин чувствовал, что в среде художественной интеллигенции не все приняли революцию. Примеры тому — не только

многочисленная эмиграция. Его насторожило письмо крупного русского писателя В. Короленко Луначарскому, опубликованное уже после его смерти в Париже, в котором писатель выражал тревогу о том, что насилие в послереволюционной России затормозит рост социалистического сознания⁴⁶. Сталин посчитал письмо фальшивкой. Его возмутила и статья Е. Замятина "Я боюсь", опубликованная в одном из небольших петроградских журналов "Дом искусств". Писатель, который в начале 30-х годов станет невозвращенцем, запальчиво, но по существу верно писал: "Настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики. Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока не перестанут смотреть на демос российский как на ребенка, невинность которого надо оберегать. Я боюсь, — продолжал Замятин, — что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не менее старого опасается всякого еретического слова..."⁴⁷ Позже он напишет Сталину, что не может, отказывается работать "за решеткой". О мировоззренческих настроениях некоторых писателей свидетельствовала книга известного марксистского теоретика А. Богданова, который утверждает, что творчество настоящее возможно лишь в случае, если будет устранено принуждение между людьми, если в общественной системе не допустят веры в фетиши, мифы и штампы⁴⁸. Богданов явно намекал на недопустимость диктатуры по отношению к художественному творчеству. Это было уже слишком. Сталин почувствовал, что такие, как Богданов, понимают: революционный миф, если его без конца повторять, мало чем отличается от постулатов Библии. Ведь многие из мифов, которые Сталин в будущем изложит в "Кратком курсе", принимались на веру без критического и рационального осмысления. Нужно было "осадить" этих "проницательных" интеллектуалов.

Сталин стал обдумывать, как полнее канализировать художественную мысль, направить ее на подъем народа, масс, на решение тех бесчисленных проблем, которые стояли перед страной. Но формы воздействия на творческих людей, в понимании Сталина, были в основном административные: постановления, высылка неугодных, введение цензуры. Кстати, в этом он согласен с Троцким, хотя обнародовать это единодушные не собираются. Троцкий в своей работе (о чем только этот плодовитый беллетрист не писал!) "Литература и революция" безапелляционно утверждал, что в стране победившего

пролетариата должна быть "жесткая цензура"⁴⁹. Этот совет Сталин учтет. Он поможет художникам сделать правильный выбор! Как? Он подумает. Но политическая цензура в этом деле займет не последнее место. Ему было трудно понять, что и здесь особую роль в выборе должна сыграть интеллектуальная совесть, непрменный атрибут подлинной демократии. Но, увы, соображения этого порядка тогда не учитывались.

В то время пока Ленин болел, по инициативе ГПУ и при поддержке Сталина была предпринята необычная акция: 160 человек, представлявших ядро, цвет русской культуры (писатели, профессура, философы, поэты, историки), были высланы за границу. Среди них были Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Ф.А. Степун, Л.П. Карсавин, Ю.И. Айхенвальд, М.А. Осоргин и другие. "Правда" 31 августа 1922 года опубликовала статью под многозначительным заголовком "Первое предостережение", в которой обосновывалась необходимость более решительной борьбы с контрреволюционными элементами в области культуры. Рождение и утверждение принципа социалистического реализма сопровождалось борьбой, непониманием, духовным смятением многих творческих работников. Делая акцент на прагматических гранях этого принципа, работники "идеологического фронта" превращали его в директиву, вместо того чтобы помочь осознать сердцем и умом каждому художнику его место в революционной перестройке Отечества.

Безусловно, высылка была сигналом. Вместо широкого демократического вовлечения деятелей науки, литературы и искусства в процесс социалистического строительства, терпеливой работы с ними, Сталин дал понять, что намеревается применить диктаторские методы и в области культуры. Недостатка решимости использовать власть, силу у Сталина никогда не было. Пожалуй, только с М. Горьким он не мог себе позволить снисходительного, порой грубого тона, каким он говорил нередко с другими писателями. Почти в то же время, когда он разносил Д. Бедного за критику—"клевету", генсек совсем другому писал Горькому. Тот в письме Сталину из-за рубежа выражал сомнение в целесообразности излишней критики и самокритики наших недостатков. Сталин отвечал писателю убежденно:

— Мы не можем без самокритики. Никак не можем, Алексей Максимович. Без нее неминуемы застой, загнивание аппарата, рост бюрократизма...

И продолжает:

— Конечно, самокритика дает материал врагам. В этом Вы совершенно правы. Но она же дает материал (и толчок) для нашего продвижения вперед...⁵⁰

Как видим, Сталин был способен выражать достаточно зрелые суждения по вопросам демократизации общественной жизни, в том числе и в области литературы. Но все дело в том, что постепенно правильные выводы и оценки все больше расходились с социальной и литературной практикой.

Помощники иногда докладывали "вождю" о литературе русских эмигрантов. Когда ему показали многотомный роман белогвардейского генерала П. Краснова "От двуглавого орла к красному знамени", вышедший в Берлине в 1922 году, Сталин не стал даже брать его в руки, заметив:

— И когда успел, сволочь?!

Не без его участия было разрешено возвратиться в СССР в разное время А. Куприну, А. Толстому, некоторым другим, менее известным поэтам и писателям. Когда Сталину сказали в 1933 году, что И. Бунин стал первым русским, который удостоен Нобелевской премии, генсек заметил:

— Ну, теперь он и вовсе не захочет вернуться... О чем же он сказал там, в своей речи?

Прочитав коротенькое сообщение — "выжимку" из традиционной речи нового лауреата Бунина на банкете после церемонии награждения в Стокгольме, где великий русский писатель сказал, что "для художника главное — свобода мысли и совести", Сталин промолчал, задумался. Для него это было непонятно: разве Бунину здесь не дали бы возможности думать, мыслить сообразно его интеллектуальной совести? Разве он, Сталин, против свободы мысли, если она служит диктатуре пролетариата? Сталин, правда, не мог вспомнить, что принадлежит перу Бунина, но смутно и, пожалуй, не очень ошибаясь подумал: "Что-то о тайне смерти и божьем мире вещал этот дворянский писатель". Больше Бунин его не занимал. Правда, помощники однажды положили ему стопку зарубежных журналов, в одном из которых — "Современные записки" — был опубликован рассказ Бунина "Красный генерал", посвященный русской революции. Но Сталину было некогда...

Поэзией он вообще мало интересовался. Хотя в юношестве, как я уже упоминал, написал десятка три наивных стихотворений. Революционная борьба не дала времени постичь ему музыку и философию стиховорного ритма. Стихи читать ему почти не приходилось. Правда, однажды, еще в Царицыне, в качестве основы для шифра взяли какое-то пушкинское стихотворе-

ние. С его помощью сообщали в Москву количество отправленных эшелонов с хлебом, их литеры и т.д.

Пожалуй, еще об одном эмигранте-поэте ему докладывали. О В. Ходасевиче. Что очень талантлив, "может быть даже более, чем Д. Бедный...". Прочли даже какие-то строки об "усыхании творческого источника на чужбине". Но этот безысходный тупик В. Ходасевича, Вяч. Иванова, И. Шмелева, А. Ремизова, М. Осоргина, П. Муратова и других беглецов был ему неинтересен. Он и своих поэтов знал плохо. Было не до этого. Слышал, что "кулацкие поэты" Н. Клюев, С. Клычков, П. Васильев скатились на путь хулиганства и контрреволюции. Но то ли Авербах, то ли кто-то из агитпропа ЦК их здорово "осадил".

Вспомнил как-то, что в "Правде" за 30 декабря 1925 года был опубликован некролог по поводу смерти С. Есенина, этого "народника революции". Вот эта газета:

"Вряд ли кого-нибудь из поэтов наших дней так читали и любили, как Есенина".

"В лице Есенина русская литература потеряла, быть может, своего единственного подлинного лирика".

"Города не мог Есенин принять и понять до конца... Он остался романтиком соломенной России. И есть что-то символическое в его гибели: Лель, повесившийся на трубе от центрального отопления. И оно ведь — достижение культуры". Самоубийцы были ему непонятны. Это что-то вроде добровольной сдачи в плен... Да и вообще, он где-то читал, что "Пегас должен быть в узде".

Его больше интересовало отношение писателей, поэтов, драматургов, режиссеров, находившихся здесь, в Москве, Ленинграде, других городах, к тому, что происходит в стране. Противоречивые чувства он испытал от "Голого года" Б. Пильняка, "Конармии" И. Бабеля, сочинений А. Платонова, В. Кина, А. Веселого, Ю. Тынянова, В. Хлебникова... Ему были сразу по душе ясные работы Д. Фурманова, К. Фелина, А. Толстого, Л. Леонова... Сталин по достоинству оценил ряд фильмов Д. Вертова, Л. Кулешова, С. Эйзенштейна, Вс. Пудовкина, Ф. Эрмлера. Говорят, хорошо идут пьесы А. Луначарского "Оливер Кромвель", К. Тренева "Любовь Яровая", Вс. Иванова "Бронепоезд 14-69", Л. Сейфуллиной "Виринея". Его жена Н. Аллилуева смотрела эти спектакли вместе с сотрудниками Наркомнаца. Хорошо, что такие большие режиссеры, как Вл. Немирович-Данченко и К. Станиславский, обратились к советским пьесам. Революция на сцене укреп-

ляет революцию в жизни. Хотя и в ней мы все играем те роли, которые нам уготовила судьба.

Что происходило в живописи, музыке, Сталин знал хуже. С пренебрежением смотрел на все изыски "индустриальной живописи", авангардистов, конструктивистов, футуристов, кубистов. Люди, стоявшие за этими, малопонятными для него (а он был уверен, что и для других) "вывертами", не были, по его мнению, "приставлены" к настоящему делу.

Среди художников, мастеров кисти и резца, поэтов и писателей не прекращались жаркие споры. Спорили часто не о том, поддерживать или не поддерживать революцию. Дискуссии шли о формах искусства, свободе выражения, "точках отсчета" нового творчества и т.д. Как пестрая мозаика, мелькали с газетных страниц названия все новых и новых творческих союзов и объединений. Сталин считал, что в этом калейдоскопе нужно навести порядок. Правда, руки до этого у него не доходили; шла борьба то с одной, то с другой оппозицией. Луначарский, по его мнению, допускал слишком много "вольностей".

В партии нужно единство, нужен согласованный, принятый большинством курс. Последний съезд много сделал в этом направлении. Сталину становилось все более ясно, что без индустриализации, коллективизации партия может не дать народу всего того, что обещала. Пока был ненавистный царь, помещики, буржуазия, тяготы борьбы были оправданы. Но ведь скоро — десятилетие со дня Октябрьского революционного восстания! Да, мы сбросили эксплуатацию. Дали крестьянину землю. Рабочие получили доступ к управлению заводами. Но почему так много недовольных? Почему дело идет медленнее, чем хотелось бы? Может быть, права в чем-то оппозиция?

Все говорят о бюрократии. Вот и сегодня в "Правде" опубликован доклад Лебеда "Меры к улучшению госаппарата и по борьбе с бюрократизмом". Вон как хлестко пишет: "Какие недостатки имеются в нашем госаппарате? Основные из них: раздутые штаты и низкая квалификация работников, причем последнее особенно падо отнести к низовому советскому аппарату. Громоздкость структуры, параллелизм в работе, бюрократизм и волокита, подбор специалистов не всегда правильный, основанный на слабом учете квалификации этих специалистов, наконец, плохой, а иногда и совершенно отсутствующий контроль исполнения заданий высших органов и контроль за работой самих учреждений"⁵¹. Вот об этом и Маяковский пишет...

У Сталина зреет мысль (правда, пока он не знает, как ее

осуществить) ускорить разгром всех этих, изрядно всем надоевших оппозиций на платформе ускорения социалистических преобразований. Вот здесь-то и можно будет активнее нажать на интеллигенцию, полнее впрячь ее в общее дело индустриализации, переустройства сельского хозяйства. Тогда и брожений умов у этих художников будет меньше. В классовом обществе нет и не может быть нейтрального свободного искусства. Нужно, думал Сталин, привлекая известных старых мастеров, воспитывать своих, рабоче-крестьянских писателей. Антипролетарским элементам в культуре делать нечего...

Интеллектуальное смятение художников духа все чаще представлялось Сталину просто контрреволюционной ересью. Правда, менее опасной, чем та, которую проповедовал Троцкий. Похоже, борьба с ним достигла кульминации.

Прежде чем перейти к анализу последнего этапа борьбы с Троцким в стране, сделаю еще одно резюмирующее замечание. Мы сейчас говорили о культуре, интеллигенции и отношении к ним Сталина. Наиболее характерной чертой этого отношения стало полное неуважение свободы. Свободы творчества, свободы выражения, свободы постижения. Это не случайно. Сталин признавал лишь свободу власти. Он считал естественным отказ от свободы духа во имя силы, во имя могущества. Он, не задумываясь, мог пожертвовать личной свободой миллионов. В 30-е годы проблемы свободы для него уже не существовало. Свободой обладал только он (хотя и был пленником своей Системы). Даже формальный глава государства не имел "отношения" к свободе.

В начале 20-х годов Н. Бердяев был на приеме у М.И. Калинина с прошением об освобождении из тюрьмы писателя М. Осоргина, арестованного по "делу комитета помощи голодающим и больным". Выслушав знаменитого русского философа-идеалиста (с его трудами знакомы едва ли не во всем цивилизованном мире, но не на родине), М.И. Калинин заявил: "Рекомендация Луначарского об освобождении не имеет никакого значения; все равно, как если бы я дал рекомендацию своей подписью, — тоже не имело бы никакого значения. Другое дело, если бы тов. Сталин рекомендовал". Итак, уже тогда Калинин считал (и говорил!), что он, глава государства, по сравнению со Сталиным не "имеет никакого значения". А все это означает торжество несвободы. Так началось торжество свободы власти генсека.

Н. Бердяев в своей книге "Царство духа и царство кесаря" пишет, что "кесарь имеет непреодолимую тенденцию требо-

вать для себя не только кесарева, но... и подчинения себе всего человека. Это есть главная трагедия истории, трагедия свободы и необходимости... Государство, склонное служить кесарю, не интересуется человеком, человек существует для него лишь как статистическая единица"⁵². Интеллектуальное смятение интеллигенции, часто протест, творческое молчание были результатом покушения на свободу. Кесарь и свобода несовместимы. То, что составляло ленинское видение социализма, исключало идолопоклонство. А единовластие — наоборот, предполагает и требует его.

Сталин никогда не обращался к философской категории свободы. Он мыслил утилитарно, прагматически. Но с его времени мы привыкли надежды и чаяния людей связывать главным образом с будущим. Да, человек должен видеть перспективы, свои и общества. Но без конца говорить о прогрессе, судьбах людей только в контексте "блаженства грядущих поколений" — это и есть иллюзорная свобода. Гармония, совершенство, изобилие, процветание, перенесенные только в будущее, немногого стоят. Нужно найти оптимальное соотношение нынешнего, реального с грядущим. Будущее имеет смысл только в связи с ныне живущими. Об этом как раз говорили и писали многие из тех художников, которых не мог или не хотел понять Сталин. Пройдут годы, и искусство, литература будут главным образом заниматься тем, чтобы славить его, "вождя". Останется тень свободы. А ее возвращение будет долгим и трудным. Как у Байрона:

*Но средь миллионов стал ты властелином,
Ты меч обрел в восторге толп едином,
А Диогеном не был ты рожден,
Ты мог скорее быть Филиппа сыном,
Но циник, узурпировавший трон,
Забыл, что мир велик и что не бочка он"⁵³.*

Поражение "выдающегося вождя"

Троцкий любил путешествовать. Любил хорошо отдыхать. Заботился о своем здоровье. Даже в самые трудные годы после гражданской войны умудрялся ездить на курорты, охоту, рыбалку. За его здоровьем постоянно следили несколько врачей. Он не стеснялся своих аристократических, бар-

ских привычек. Весной 1926 года он с женой решил осуществить вояж в Берлин для консультаций с врачами. В Политбюро отговаривали Троцкого от поездки. Но он настоял, и поездка состоялась. Документы Троцкому были оформлены на имя члена Украинской коллегии комиссариата народного просвещения Кузьменко. Попрощавшись на вокзале с Зиновьевым и Каменевым, он отбыл с женой и бывшим начальником своего фронтального поезда Сермуксом.

Я уже говорил, что Троцкий был посредственным политиком, и прежде всего из-за переоценки своего влияния, личной популярности. В борьбе со Сталиным Троцкий, повторюсь, нередко принимал самые худшие для него решения: не приехал на похороны Ленина, не являлся на ряд заседаний пленума ЦК, Политбюро. И каждый раз его отрывали от этих важных политических дел поездки на отдых, путешествия, охотничьи вылазки, литературная деятельность. Его отсутствие Сталин каждый раз максимально целеустремленно использовал для усиления собственных позиций.

В последующем у Троцкого было много времени описать свою жизнь. В одной из работ он напишет, что во время поездки в Берлин пришел к выводу, что компромисса со Сталиным быть не может. Один из них должен будет уступить дорогу. Но он продолжал верить, что на обочине окажется Сталин. К нему, вспоминал Троцкий, стали льнуть Зиновьев с Каменевым, и они решили, что вместе могут вырвать инициативу из рук генсека. "Я думал, что мы еще сможем не дать произойти термидорианскому перерождению, высокопарно писал Троцкий. — Сталина нужно было заставить выполнить ленинскую волю".

Может быть, эти мысли родились у Троцкого под стук колес поезда, а может быть, в часы прогулок по улицам Берлина, но только тогда он, видимо, не вспомнил строки английского поэта-священника XVII века Джона Донна: "... не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе". Будущее готовило ему участь пораженца.

Кроме публичных выступлений против Троцкого, Сталин исподволь вел работу по ограничению его влияния. Как свидетельствует секретариата Сталина А.П. Балашов, нередко до заседания Политбюро у генсека собирались его сторонники, где обсуждались меры по ослаблению влияния Троцкого. На эти предварительные совещания не приглашались лишь Троцкий, Пятаков и Сокольников. "Мы уже знали, — го-

ворил мне Алексей Павлович, — что Сталин готовит очередное антитроцкистское блюдо”.

Сталин однажды обнаружил, что в программе политучебы для красноармейцев Троцкий по-прежнему называется “вождем РККА”. Реакция была незамедлительной. Сохранилась записка Сталина Фрунзе от 10 декабря 1924 года с предложением как можно быстрее пересмотреть эти программы. Через несколько дней они были уточнены. В записке Фрунзе с приложенным рапортом начальника агитпропа политуправления РВС Алексинского говорится, что “Троцкий в политучебе больше не фигурирует как вождь Красной Армии”. Сталин “приложил руку” и к тому, что со второй половины 1924 года имя Троцкого больше не присваивалось населенным пунктам и предприятиям, меньше фигурировало в печати в апологетическом стиле. Известны и другие шаги Сталина по постепенному уменьшению популярности и влияния бывшего “вождя РККА”.

Сталин, а его поддерживало большинство ЦК, в период между XIV и XV съездами партии последовательно и настойчиво инициировал проведение нескольких объединенных пленумов ЦК и ЦКК, пленумов Центрального Комитета, заседаний Политбюро, на которых обсуждались действия оппозиции, выносились соответствующие решения. По отношению к Троцкому и его союзникам применялись самые различные меры воздействия: предупреждения, вынесение партийных взысканий, выведение из состава партийных органов. Линия оппозиционеров, однако, была неизменна: борьба за “правильный” курс партии шла одновременно с борьбой за лидерство. Но в стане оппозиции скоро появились крупные бреши. По инициативе Сталина, поддержанной другими партийными руководителями, Зиновьев был выведен из состава Политбюро в июле, а Троцкий — в октябре 1926 года. Каменев был освобожден от обязанностей кандидата в члены Политбюро. Пленум ЦК признал невозможной дальнейшую работу Зиновьева в Коминтерне. Были освобождены от партийных и государственных постов и ряд других оппозиционеров.

Во время XV партконференции, состоявшейся в октябре — ноябре 1926 года, Сталин сделал доклад “Об оппозиции и внутрипартийном положении”, в котором оппозиционная тройка и ее соратники подверглись жесткой критике. Эти же идеи Сталин изложил и в своем докладе на VII расширенном Пленуме ИККИ в декабре того же года. По черновикам докладов видно, как тщательно Сталин готовился к изобличению фракционе-

ров. На специальных листочках были выписаны все слабые пункты оппозиции, ее "грехи":

1) Троцкий, Зиновьев, Каменев: нет фактов, а есть лишь измышления и сплетни.

2) Пусть Троцкий объяснит, к кому он примыкал до Октября: левым меньшевикам или правым меньшевикам?

3) Почему Троцкий не состоял в рядах левой Циммервальда?

4) Разве преследует Сталин полуменьшевика Мдивани? Сплетня.

5) Каменев говорил на IV съезде партии, что допущена ошибка в том, что "открыт огонь налево". Это Каменев левый?

6) Троцкий утверждает, что "предвосхитил" Апрельские тезисы Ленина... Сравнил муху с каланчой!

7) Телеграмма Каменева Михаилу Романову.

8) Зиновьев настаивал на принятии кабальных условий концессии Уркарта*.

9) Зиновьев: "диктатура партии" и т.д.

Сталин пунктуально, тщательно собрал все известные ему крупные и мелкие прегрешения оппозиционеров (а их действительно было немало) и в своих долгих докладах неутомимо подбрасывал в костер борьбы все новые и новые изобличающие факты. На Пленуме ИККИ его доклад "Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии" (вместе с заключением) продолжался около пяти часов! Основной бой оппозиции Сталин дал по пункту "Ленинизм или троцкизм?". Собрав в кучу все прошлые ошибки, вихляния, многочисленные "платформы", генсек поставил оппозиционеров в безвыходное положение глухой обороны. Сталин не критиковал, а "бил" словами. При этом генсек не замечал, что, громя своих противников, все чаще сам оказывается в оппозиции ленинизму. В его выступлениях было много мелкого, второстепенного. Ортодоксальность генсека душила саму идею борьбы мнений. Сталин уже тогда считал, что любое, даже честное, инакомыслие — недопустимо.

Руководители оппозиции, разумеется, имели возможность защищаться. Но Зиновьев, Каменев, Троцкий, оправдываясь,

*Лесли Уркарт — английский финансовый магнат. В 1923 г. пытался заключить договор на крупную концессию в СССР на кабальных условиях. Совнарком отказался утвердить этот договор.

говорили неубедительно, подолгу, уговаривая, например, делегатов партконференции вначале дать им для выступления по часу, затем еще просили по полчаса, потом — еще по десять — пятнадцать минут... Стенограмма конференции свидетельствует, что, кроме множества цитат основоположников марксизма-ленинизма, да и своих собственных, они практически ничего не смогли противопоставить обвинениям в фракционности. Даже Троцкий, славящийся своим красноречием, не мог найти удовлетворительных аргументов, оправдывающих его бесчисленные атаки на ЦК, партию. В конце чрезвычайно пространного, путаного заявления он лишь подтвердил: "Мы не принимаем навязываемых нам взглядов". Выступавший следом за ним делегат Ю. Ларин метко заметил, что все они присутствуют при моменте, когда "революция перерастает часть своих вождей". Ларин верно сказал, что в долгих докладах лидеров оппозиции был лишь "литературный спор о цитатах и различных толкованиях различных мест различных сочинений". Троцкий, Зиновьев и Каменев "вели себя не как политические вожди, а как безответственные литераторы"⁵⁴. Выступавшие также отмечали, что индустриализацию эти лидеры хотели бы осуществить лишь за счет крестьянства, не думая о социальных последствиях.

Бои с Троцким шли не только в ЦК и ЦКК, в печати, но и в Коминтерне. Троцкий был членом ИККИ, и, когда в мае 1927 года обсуждался вопрос о китайской революции, Сталин решил нанести Троцкому удар и здесь. Приведу фрагмент выступления Сталина на X Пленуме ИККИ 24 мая 1927 года, малоизвестного широкому читателю.

"Я постараюсь, по возможности, — говорил Сталин, — отвести личный элемент в полемике. Личные нападки гг. Троцкого и Зиновьева на отдельных членов Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ИККИ не стоят того, чтобы останавливаться на них. Видимо, г. Троцкий хотел бы изобразить из себя некоего героя на заседаниях Исполкома с тем, чтобы превратить работу Исполкома по вопросам военной опасности, китайской революции и т.д. — в работу по вопросу о Троцком. Я думаю, — продолжал Сталин, — что г. Троцкий не заслуживает такого большого внимания (*голос с места: "Правильно!"*), тем более что он напоминает больше актера, чем героя, а смешивать актера с героем нельзя ни в коем случае. Я уже не говорю, что нет ничего оскорбительного для Бухарина или Сталина в том, что такие люди, как гг. Троцкий и Зиновьев, уличенные VII расши-

ренным Пленумом. Исполкома в социал-демократическом уклоне, поругивают почем зря большевиков. Наоборот, было бы для меня глубочайшим оскорблением, если бы полуменьшевики типа гг. Троцкого и Зиновьева хвалили, а не ругали меня”⁵⁵.

Неглубокое по существу выступление Сталина было тем не менее напористым, злым, приклеивало ярлыки оппозиционерам, унижало их как практических деятелей. Исполком готовился к исключению Троцкого из своих рядов, и это произошло 27 сентября того же года. Он остался в одиночестве, но продолжал совершенно бесперспективную борьбу. Троцкий, после его высылки из СССР, окажется, пожалуй, единственным, кто до 1940 года будет изобличать, опровергать, обвинять Сталина. Но чем дольше и яростней будет раздаваться его одинокий голос, тем очевидней будет становиться: Троцкий борется прежде всего уже не столько за революцию и ее идеалы, сколько за себя. Он никогда, до последнего дня, не сможет примириться со своим фиаско, когда его, почти “гения”, вытолкает за кордон, как он скажет, “коварный осетин”. Скоро для Троцкого марксизм, социалистические ценности будут иметь значение постольку-поскольку: главное — как их использовать для развенчания Сталина. В свою очередь, для генсека Троцкий до самой гибели в Мексике будет олицетворением зла, символом перерождения, самой глубокой личной ненависти. Пожалуй, в своей жизни он испытает чувство ненависти такого же накала только к Гитлеру, “обманувшему”, обхитрившему Сталина в 1939 — 1941 годах. А пока борьба продолжалась.

Выводы оппозиционерами сделаны не были. Весной 1927 года ими была направлена в ЦК новая платформа, подписанная 83 сторонниками Троцкого. После нескольких заседаний ЦК и ЦКК Троцкий и Зиновьев в октябре 1927 года были исключены из ЦК ВКП(б). А в следующем месяце — и из рядов партии. XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.) подтвердил исключение из партии Троцкого и Зиновьева. Одновременно в числе 75 активных деятелей оппозиции из партии был исключен и Каменев. Правда, Зиновьев и Каменев, в очередной раз покаявшись, вновь будут восстановлены в партии и даже выступят с покаянными речами на XVII съезде.

Троцкого не только исключили из партии, но и по предложению Сталина лишили должности (малозначашей, второстепенной, на какую обычно в СССР отправляли опальных лидеров, если им не грозило худшее). По указанию генсека СНК СССР 17 ноября постановляет:

"1. Освободить тов. Троцкого Льва Давыдовича от обязанностей Председателя Главного Концессионного Комитета...

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза СССР и Совета Труда и Оборона

Рыков"⁵⁶.

Человек, внесший после Ленина наибольший вклад в победу Октябрьской революции и ее выживание в годы гражданской войны, подвергся полному остракизму. Но худшее для этого "выдающегося вождя" было впереди.

Навязывая партии дискуссию за дискуссией в борьбе со Сталиным, Троцкий помимо своего желания все больше укреплял его авторитет как нового лидера партии. Этот вывод парадоксален, но, пожалуй, никто не способствовал так укреплению положения Сталина во главе партийной "колонны", как Троцкий. Характерно, что, когда слово для доклада (как и заключительное слово на XV партконференции) было предоставлено Сталину, ему (только одному) делегаты устроили овацию.

Здесь еще вряд ли можно обвинять Сталина в "организации", подготовленном "сценарии", "спектакле" и т.д. В глазах большей части делегатов генсек постепенно становился реальным вождем партии. Это впечатление заметно усиливалось на фоне неубедительных выступлений представителей оппозиции, которым вдобавок уже не хватало и мужества. Каменев, например, защищаясь одними цитатами, старался одновременно заигрывать со Сталиным, называя его доклад "обстоятельным", с "правильным цитированием", "верными выводами" и т.д. "Единственной заботой Зиновьева и его друзей стало теперь, - зло вспоминал Троцкий, - своевременно капитулировать... Они надеялись если не заслужить благоволение, то купить прощенис демонстративным разрывом со мной"⁵⁷.

Для всех стало ясно, что объединение Троцкого со своими бывшими противниками, что очень умело использовал Сталин, произошло лишь на платформе концентрации усилий против генсека. Сталин, в ком честолюбивые мотивы и вера в свое особое предназначение все более крепили, не упустил этого исключительного благоприятного шанса. Начав с борьбы идейной, он решил завершить разгром Троцкого политически. Об этом, в частности, свидетельствует его речь на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 года, на котором обсуждались вопросы повестки дня предстоящего XV съезда партии. На Пленуме было решено, в частности, обсу-

дить на съезде вопрос о троцкистской оппозиции. Во время заседания раздалось несколько выкриков из зала, в президиум передали записки, суть которых в том, что ЦК скрыл "Завещание" Ленина и не выполнил его волю. Сталину больше молчать по этому вопросу уже было нельзя.

Его часовая речь на Пленуме была полна гнева и неприкрытой ненависти к Троцкому. Сталин заученно вновь вспомнил все грехи отверженного лидера начиная с 1904 года. Выступление Сталина не было импровизацией: он всегда тщательно готовился к публичному общению с людьми, особенно на партийных форумах. Видя, что Троцкий свою главную стратегическую линию борьбы против него ведет, опираясь на ленинское предостережение о негативных качествах генсека, Сталин нанес удар Троцкому именно по этой позиции.

"Оппозиция думает "объяснить" свое поражение личным моментом, грубостью Сталина, неуступчивостью Бухарина и Рыкова и т.д. Слишком дешевое объяснение! Это знахарство, а не объяснение... За период с 1904 года до Февральской революции 1917 года Троцкий вертелся все время вокруг да около меньшевиков, ведя отчаянную борьбу против партии Ленина. За этот период Троцкий потерпел целый ряд поражений от партии Ленина. Почему? Может быть, виновата тут грубость Сталина? Но Сталин не был еще тогда секретарем ЦК, он обретался тогда вдали от границы, ведя борьбу в подполье, против царизма, а борьба между Троцким и Лениным разыгрывалась за границей. — при чем же тут грубость Сталина?"⁵⁸

Генсек атаку вел под флагом защиты Ленина, которого Троцкий в начале века называл "Максимилиан Ленин", намекая на диктаторские замашки Робеспьера. Генсек буквально добил Троцкого, упомянув о том, что его ранняя брошюра "Наши политические задачи" была посвящена меньшевику П. Аксельроду. Сталин торжествующе прочитал посвящение Троцкого под гул зала: "Дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду".

"Ну, что же, — резюмировал Сталин, — скатертью дорога к "дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду!". Скатертью дорога! Только поторопитесь, почтенный Троцкий, так как "Павел Борисович", ввиду его дряхлости, может в скором времени помереть, а вы можете не успеть к "учителю"⁵⁹.

Сталин, вспомнив также июльско-августовский (1927 г.)

Пленум ЦК и ЦКК, с сожалением заметил, что тогда он отговорил товарищей от немедленного исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК. "Возможно, что я тогда передобрал (разрядка моя. — Прим. Д.В.) и допустил ошибку..." Да это просто редчайший случай, когда Сталин "передобрал" и вообще использовал слово "добро"! Редчайший! Тогдашняя кратковременная слабость была эпизодом. Теперь же он призвал к поддержке "тех товарищей, которые требуют исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК"⁶⁰.

Что касается ленинского "Письма к съезду", то Сталин дал ему свою трактовку, заявив: "Было доказано и передоказано, что никто ничего не скрывает, что "Завещание" Ленина было адресовано XIII съезду партии, что оно, это "Завещание", было оглашено на съезде, что съезд решил единогласно не опубликовывать его, между прочим, потому, что Ленин сам этого не хотел и не требовал"⁶¹. Я уже пытался анализировать последние письма Ленина, поэтому кратко еще раз скажу, что Сталин в октябре 1927 года пошел на искажение исторической правды. В отношении того, к какому съезду обращался Ленин — к XII или XIII, ясности нет. "Завещание" было оглашено лишь по делегациям, а не на съезде. Съезд не принимал решения, тем более единогласного, о неопубликовании "Письма...". В отношении того, что "Ленин сам этого не хотел", утверждение полностью лежит на совести Сталина.

В данном случае генсек, ощущая свою крепнущую силу и почувствовав практически полную поддержку участников Пленума, решил дать бой по самому уязвимому для себя пункту, не останавливаясь перед явной фальсификацией. Сталин использовал факт публикации в "Большевике" по настоянию Политбюро (прежде всего по его настоянию) в сентябре 1925 года специального заявления Троцкого по поводу "Завещания" В.И. Ленина. Троцкий, поддавшись нажиму Сталина, написал тогда, что "Владимир Ильич со времени своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и ее съезду с предложениями, письмами и пр. Все эти письма и предложения, само собою разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII съездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии... Никакого "Завещания" Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого "Завещания", что "всякие разговоры о скрытом или нарушенном "Завещании"

представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича...⁶²

Мог ли знать тогда Троцкий, что, пытаясь отмежеваться от циркулирующих на Западе слухов о том, что "секретные документы Ленина попали на Запад через руки Троцкого", он окончательно загонит себя в угол, борясь со Сталиным? Колокол, выходит, звонил прежде всего по нем. В глазах Пленума лидер оппозиции предстал вновь как политический интриган, и Сталин не упустил возможности покончить с Троцким.

Приведя цитату Троцкого из "Большевика", Сталин пошел напролом:

"Это пишет Троцкий, а не кто-либо другой. На каком же основании теперь Троцкий, Зиновьев и Каменев блудят языком, утверждая, что партия и ее ЦК "скрывают" "Завещание" Ленина?..

Говорят (! — *Прим. Д.В.*), что в этом "Завещании" тов. Ленин предлагал съезду ввиду "грубости" Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту Генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно. Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании Пленума ЦК после XIII съезда просил Пленум ЦК освободить меня от обязанностей Генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос (! — *Прим. Д.В.*)... Все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту. Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убегал и не имею права убегать, ибо это было бы дезертирством... Через год после этого я вновь подал заявление в Пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту. Что же я мог еще сделать?"

Далее Сталин продолжал: "Характерно, что ни одного слова, ни одного намека нет в "Завещании" насчет ошибок Сталина. Говорится там только о грубости Сталина. Но грубость не есть и не может быть недостатком политической линии или позиции Сталина"⁶³.

Троцкий, большой мастер слова и перевоплощения, сидя в зале заседания Пленума, почувствовал, что эта уничтожающая и торжествующая тирада Сталина означает для него политический конец. Троцкий, как он пишет позже, в Мексике, после

речи Сталина физически почувствовал над головой нож гильотины. Троцкий, как и другие революционеры того времени, хорошо знал историю Великой французской революции. Он вряд ли отказал себе в мрачном удовольствии вспомнить 9 термидора и последние слова Робеспьера в Конвенте: "Республика погибла! Настало царство разбойников!" Разумеется, в Робеспьере Троцкий видел только себя. Разница была в том, что Троцкий, как Робеспьер, не мог рассчитывать на санкюлотов Парижа, плебейство столицы. Троцкий оказался фельдмаршалом без войск. Партия была к нему настроена враждебно. Она устала от его интриг. Все было кончено.

Внутренний диалог поверженного кандидата в диктаторы, лидеры партии, был, наверное, самоуничтожающим: как мог он, Троцкий, в смятении думать бывший кумир митинговой толпы, недооценить этого усатого осетипа? Почему-то вспомнились слова из речи вечно хитрящего Зиновьева, с которым он поневоле спутался, на последней партконференции.

*Виновны ль мы, коль хрустит ваш скелет
В тяжелых наших лапах?*

При чем тут Блок? Какое отношение ко всему этому имеет Зиновьев, когда добивают его, Троцкого?! Свой шанс он упустил, роились мрачные мысли в мозгу поверженного "фельдмаршала Троцкого" (как с иронией называл его в годы гражданской войны Л. Красин), еще при жизни Ленина. Но мог ли он предположить, что его публично растолчет этот малозаметный в те годы человек?

Потерпев политическое поражение, Троцкий сосредоточился на публицистической деятельности. Готовя рукопись о Ленине, он напишет осенью 1927 года: "Красный террор так же входит в революцию, как и Октябрьский переворот. Классовые враги могут искать, на кого возложить ответственность... Революционер не может отделять ответственность за красный террор от ответственности за пролетарскую революцию в целом... Заслуга Ленина была в том, что он раньше и яснее других понял неизбежность революционной беспощадности... В этих условиях нужно было ясно видеть врага, держать партию в напряженности и учить ее беспощадной расправе над врагом. Вот этому учил партию Ленин..."¹⁴ Страшные слова, в которые верил не только Троцкий. Эти идеи, не зная, кто их автор, мог бы вполне разделить и Сталин. Он их превратит в дело, кровавое дело... Против Троцкого — тоже.

На октябрьском Пленуме 1927 года состоялось последнее

выступление Троцкого как политического деятеля партии. Речь его была сумбурной, но страстной. Позже Троцкий писал, что он хотел, но не смог в полной мере предупредить "слепшю", что "триумф Сталина долго не продлится и крушение его режима придет неожиданно. Победители на час чрезмерно полагаются на насилие. Вы исключите нас, но вы не предотвратите нашей победы". Всю речь Троцкий, нагнувшись за трибуной, быстро читает по тексту (а ведь Сталина и других руководителей партии в своем кругу он часто пренебрежительно называл "шпартгалльщиками"), стараясь перекрыть шум в зале. Его плохо слушают, перебивая возгласами: "клевета", "ложь", "болтун". Кто-то выкрикнул: "Долой фракционера!.." Троцкий спешит выпалить все, что он написал: об ослаблении революционного начала в партии, засилье аппарата, создании "правящей фракции", которая ведет страну и партию к термидорианскому перерождению... В речи нет убедительных аргументов, нет ясных тезисов о социализме, хотя не все в ней ошибочно. Видна ненависть к руководству ЦК, злоба к Сталину, но это совсем не находит отклика ни у участников Пленума, ни у коммунистов, которые имели возможность ознакомиться с этой речью Троцкого из дискуссионного листка к XV съезду партии.

Попытка провести в десятую годовщину Октября демонстрацию сторонников Троцкого была вызовом, поставившим его вне партии. Окружение Троцкого решило, что его сторонники должны выйти на демонстрацию отдельными колоннами. Лозунги были таковыми, что их оппозиционный смысл мог понять только посвященный: "Долой кулака, изпмана и бюрократа!", "Долой оппортунизм!", "Выполнить завещание Ленина!", "Хранить большевистское единство!". Попытались нести портреты Троцкого и Зиновьева. Но Сталин заранее принял надлежащие меры. Милиция рассеяла группки троцкистов. Зиновьев, специально выехавший в Ленинград, и Троцкий в Москве (объехавший на автомобиле столичные улицы и площади в центре) убедились: за ними идут единицы. Игра окончательно проиграна. Партия и рабочий класс полностью отвернулись от оппозиционеров. Троцкий мог бы позволить себе вспомнить, как десять лет назад на II съезде Советов под овацию зала бросил вслед уходящему Мартову: "Ваше место в мусорной яме истории!" Теперь такие же слова адресовались ему, когда он пытался на площади Революции апеллировать к колонне демонстрантов, идущих на Красную площадь. В Троцко-

го полетели камни. Окна машины были разбиты. Он ясно понял: теперь Сталин спускает его в сточную канаву истории. 14 ноября Троцкий был исключен из ВКП(б). Дальнейшие события развивались стремительно.

Причудливая партийная карьера этого политика, начавшаяся в 1917 году феерическим взлетом, завершилась полной катастрофой через десять лет. Троцкий еще раз пытался публично обратиться к массе. Поводом стала смерть его давнего единомышленника А.А. Иоффе, покончившего жизнь самоубийством. В прошлом — меньшевик, вступивший в партию вместе с Троцким в 1917 году. Был кандидатом в члены ЦК, член ВЦИК. С 1918 года — на дипломатической работе. Постоянный и убежденный сторонник Троцкого, член оппозиции. Иоффе написал предсмертное обращение к Троцкому. Формально речь в письме идет об обиде за то, что на этот раз ЦК партии отказал ему в денежных средствах для лечения за границей. Но политическая суть письма иная. Иоффе пишет, что "цензура Политбюро" не дает возможности сказать правду в литературе о квазивождях, ныне "возведенных в сан". Я не сомневаюсь, писал Иоффе, что моя смерть "является протестом борца", убежденного в правильности пути, который избрали Вы, Лев Давидович. "...Политически Вы всегда были правы, а теперь более правы, чем когда-либо". Иоффе утверждал, что "собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году не он, а Вы были правы. Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю Вам это теперь... Залог победы Вашей правоты — именно в максимальной неуступчивости, в строжайшей прямолинейности, в полном отсутствии всяких компромиссов...". Письмо стало ходить по рукам, давая повод для криво-толков. По решению ЦК оно было опубликовано в журнале "Большевик" (1927. № 23 — 24) с сопроводительной статьей Ем. Ярославского "Философия упадничества", в которой, в частности, дается справка, что Иоффе регулярно и многократно ездил для лечения за границу за счет государства. Суть письма заключается в том, что исключение Зиновьева и Троцкого, по мнению Иоффе, может стать именно тем толчком, который пробудит партию и остановит ее на пути к термидору.

На похоронах Иоффе было много троцкистов, молодежи, перед которыми выступили Троцкий, Зиновьев, Каменев, их единомышленники. Это было последнее публичное выступление Троцкого в СССР и последняя публичная демонстрация

оппозиции. Но резонанса, на который рассчитывали разгромленные оппозиционеры, их речи уже не произвели. Их шансы теперь принадлежали прошлому. Троцкий окончательно убедился, что он вождь без сторонников, полководец без армии.

Троцкий был надломлен, но не сломлен. Сталин искал пути и способы изоляции своего самого ненавистного соперника. Он торжествовал победу, но чувствовал, что борьба не окончена. На нескольких аппаратных совещаниях Сталин давал указания "следить за троцкистами", "ослабить еще больше их влияние", "добить политически". Начались аресты и ссылки. Троцкий, еще три года назад уверенный, что в конце концов он станет во главе партии большевиков, оказался в положении полностью отверженного вождя. Его платформы, несмотря на некоторые правильные идеи, не могли скрыть главного: Троцкий постепенно всю свою борьбу сводил к противоборству со Сталиным. Но позиции тенниса были уже прочными. Постепенно это поняли очень многие. Шансов возглавить партию у Троцкого давно не было.

Зиновьев и Каменев уже после исключения Троцкого из партии уговаривали его покаяться, прийти с повинной. Но нужно сказать: что бы ни говорили и ни писали о Троцком, он, живя в настоящем, всегда смотрел на себя сквозь призму будущего. Будучи чрезвычайно честолюбивым и даже тщеславным человеком, он нередко задумывался о том, что скажут о нем историки, принося сиюминутный успех в жертву приговору истории в грядущем.

Свою горькую чашу испили до дна и члены обеих семей Троцкого. Первая жена Троцкого, Александра Соколовская, и две ее дочери Зина и Нина (как и их мужья) были горячими сторонниками троцкизма. Троцкий оставил первую семью еще в 1902 году, когда младшей дочери шел лишь четвертый месяц. Вначале он писал Александре Львовне из-за границы, но затем время и новая семья отодвинули Соколовскую с двумя дочерьми, по его словам, в "область невозвратного". Правда, понимая, что историки вспомнят и о его первой жене, он напишет в 1929 году в первом томе своих воспоминаний: "Жизнь развела нас, сохранив непорушимо идейную связь и дружбу". Обе дочери после революции оказались в лучах славы отца; затем, через несколько лет, в положении глубокого остракизма. Судьба первой семьи Троцкого в последующем печальна. Сталин не только за политическое инакомыслие, но и за принадлежность к "роду врагов" (в 30-е гг. писалось: "социально опасные эле-

менты по происхождению») заставил заплатить одну страшную цену.

Вторая жена Троцкого — Наталья Седова — тоже начинала "революционеркой". Одно время они с Троцким жили в Петербурге под фамилией Викентьевых. Седова в дальнейшем постоянно была с мужем, разделив с ним и триумф его взлета в годы революции и гражданской войны, и бесконечные метания на чужбине. Замечу, однако, что до 1917 года Троцкий, будучи сыном очень состоятельных родителей, не нуждался так, как другие русские эмигранты.

От второго брака у Троцкого было два сына. Старший сын, Лев, был всегда рядом с отцом, стал активным троцкистом и умер при загадочных обстоятельствах в Париже уже после изгнания отца, еще весьма молодым. Младший, Сергей, ушел из дома, когда Троцкие жили еще в Кремле, заявляя, что ему "противна политика"; не стал вступать в комсомол, погрузился в науку. Отказавшись уехать с отцом в изгнание, Сергей, естественно, в последующем, как сын Троцкого, был обречен. В январе 1937 года в "Правде" появилась статья: "Сын Троцкого Сергей Седов пытался отравить рабочих". С. Седов, сосланный к этому времени в Красноярск, был объявлен "врагом народа". На митинге в кузнечном цехе машиностроительного завода мастер Лебедев говорил: "У нас в качестве инженера подвизался сын Троцкого — Сергей Седов. Этот достойный отпрыск продавшегося фашизму своего отца пытался отравить генераторным газом большую группу рабочих завода". Говорили на митинге и о племяннике Зиновьева Заксе, их "покровителе" директоре завода Субботине... Судьба этих людей такими "обвинениями" была предрешена.

Трагедия семьи Троцкого, где в конечном счете погибли все дети в результате кровавого водоворота, в который втянула их борьба отца со Сталиным, придала изгнаннику ореол мученика в глазах Запада. Наталья Седова пережила мужа и Сталина, "неразлучного врага" ее супруга, и дожила до XX съезда партии.

Генсек вначале, тоже "для истории", публично распорядился, чтобы "не трогали родственников Троцкого", однако судьба всех их горька. Кое-кто из дальних родственников Троцкого уцелел. Живут в Москве. Мне довелось с ними встречаться. Носят они, естественно, другие фамилии. Политическое поражение бывшего предсвоєнсовста Республики было окра-

шено глубокой личной трагедией, которая придет в его семью позже, после его высылки из СССР.

В своих многочисленных книгах, а в изгнании Троцкий напишет их еще около полутора десятка, — нередко, особенно накануне гибели, он будет все чаще обращаться к личной судьбе. "История русской революции" (в трех томах), "Что дальше?", "Скрытое завещание Ленина", "Их мораль и наша", "Дневник в изгнании", "Моя жизнь", "Третий Интернационал после Ленина" и другие книги несут на себе печать трагического эгоцентризма. Троцкий уже не сможет жить без того, чтобы о нем не говорили, писали, спорили. Известность, популярность, слава станут для него важнее хлеба. Его бывшие единомышленники — меньшевики будут частенько "щипать" поверженного вождя. Например, Д. Долин в "Социалистическом вестнике" уже после изгнания Троцкого напишет:

"Изю всех сил старается Троцкий, чтобы его — упаси боже — не стали забывать. Он пишет и день и ночь толстые книги и маленькие статейки, выпускает семейные бюллетени и варьирует на всех языках все те же мотивы о вероломстве Сталина, о предательстве китайской революции и о нежной любви Ленина к Троцкому. Но человечество неблагодарно — и о Троцком чем дальше, тем меньше вспоминают и говорят"⁶⁵. Но эти слова Троцкий прочтет уже на Принцевых островах...

В Политбюро несколько раз обсуждался вопрос: как поступить с Троцким, продолжавшим инициировать не просто антипартийные настроения, но теперь уже, по сути, и антисоветские. В конце концов пришли к выводу о необходимости высылки Троцкого из Москвы. Вначале лидер оппозиции был выселен из Кремля. Были отселены также Зиновьев, Каменев, Радек и другие бывшие руководители. Иоффе, как уже отмечалось выше, предпочел застрелиться. Зиновьев и Каменев решили обратиться к очередному съезду с покаянием: "Лев Давидович, — твердили они Троцкому, — пришло время, когда мы должны иметь мужество сдать". Партия была проиграна окончательно, но они пытались зацепиться на подножке поезда истории. Вскоре было принято решение об отправке Троцкого в Алмату. Руководить высылкой, по некоторым данным, было поручено Бухарину.

Во время отъезда сторонники опального вождя пытались осуществить акцию политического протеста. Троцкий отказался выйти и сесть в автомобиль сам. Его вынесли на руках, также внесли на руках в вагон. Старший сын все время кричал:

"Товарищи, смотрите, как несут Троцкого!" Вот как описывается этот момент его женой с явным налетом мелодрамы, преувеличения и картинности: "На вокзале была огромная демонстрация. Ждали. Кричали: "Да здравствует Троцкий!" Но Троцкого не видно. Где он? У вагона, назначенного для нас, бурная толпа. Молодые друзья выставили на крыше вагона большой портрет Л.Д. Его встретили восторженным "ура". Поезд дрогнул. Один, другой толчок... подался вперед и внезапно остановился. Демонстранты забегали вперед паровоза, цеплялись за вагоны и остановили поезд, требуя Троцкого. В толпе прошел слух, будто агенты ГПУ провели Л.Д. в вагон незаметно и препятствуют ему показаться провожающим. Волнение на вокзале было неопишваемое. Пошли столкновения с милицией и агентами ГПУ, были пострадавшие с той и другой стороны, произведены были аресты"⁶⁶.

Сталин, находясь в это время в Кремле, напряженно следил за высылкой Троцкого. Ему часто звонили и докладывали по телефону. Генсек молча выслушивал, в конце лишь бросал: "Не мяндальничать! Никаких уступок! Помощников Троцкого отсечь! Быстро и без волынки!"

Кончив говорить, нервно расхаживал по кабинету, что-то напряженно обдумывая. Через несколько лет, сидя за столом на даче со своими соратниками, после обсуждения поступившей информации о последнем выступлении Троцкого за рубежом, бросит:

— Тогда совершили две ошибки. Нужно было оставить до поры в Алма-Ате... Но за границу ни в коем случае нельзя было выпускать... И еще: как мы ему разрешили вывезти столько бумаг?

Но это все будет сказано позже, в 30-е годы.

Находясь в Алма-Ате, Троцкий продолжал политическую деятельность. Из ссылки по разным адресам, по его же данным, он ежемесячно направлял сотни писем, телеграмм, обмениваясь информацией и стараясь поддержать затухающий вгонь фракционной борьбы. В мемуарах Троцкий признает, что была налажена и секретная переписка со своими сторонниками. Старший сын в своих записях раскрывает объем переписки. "За апрель — октябрь 1928 г. нами послано было из Алма-Аты 800 политических писем... отправлено было около 550 телеграмм. Получено свыше 1000 политических писем, больших и малых, и около 700 телеграмм..." Кроме того, шла почта и конспиративная с нарочными. Троцкий пытался активизировать оппози-

ционные силы. Роль опального вождя давала Троцкому некоторые моральные преимущества. Ссылка лидера оппозиции не изменила образа его мыслей, не заставила отказаться от попыток вызвать брожение в партии. Для проницательного Троцкого Сталин стал олицетворением термидорианского зла и всех будущих бед. Несостоявшийся лидер в этом был недалек от истины.

Через год, в январе 1929 года, по решению Политбюро, после долгих обсуждений различных вариантов, Троцкий с женой и сыном Львом был выслан через Одессу в Константинополь. Подплывая 12 февраля 1929 года на пароходе "Ильич" к Константинополю, Троцкий решил привлечь к себе внимание мирового общественного мнения. В его заявлении президенту Турции Кемаль-паше говорилось:

"Милостивый государь!

У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу, лишь подчиняясь насильно.

12 февраля 1929 г.

Л. Троцкий".

Вскоре несостоявшийся "фельдмаршал" мировой революции начал свое "путешествие" по ряду стран, завершив его последней остановкой в Мексике. Для Троцкого наступило десятилетие самой активной борьбы против Сталина, а поройвольно или невольно и против государства, которое на первых порах он помогал активно создавать и защищать.

Главная причина личной драмы Троцкого заключается в том, что он в конечном счете на первый план ставил личные амбиции. "Небольшевизм" Троцкого, о котором говорил Ленин, в конце концов опять дал о себе знать. Развязка была ускорена острой личной схваткой "двух выдающихся вождей". Сильный и своеобразный интеллект со слабыми, однако, мировоззренческими "кристаллами", при исключительно высокой амбициозности натуры, постепенно привел Троцкого в стан непримиримых врагов сталинского социализма. Личная ненависть, даже злоба к Сталину нередко подавляли элементарную порядочность и по отношению к тем идеалам и ценностям, которые он сам еще недавно превозносил.

Едва прибыв на свинцовый февральский рейд Константинополя, Троцкий передал буржуазной прессе сборник из шести своих статей под названием "Что и как произошло". Центральное место одной из статей занимало утверждение, которое Троцкий всего лишь год-полтора назад пытался маскировать, что теория о возможности построения социализма в одной стране есть реакционный вымысел, "главный и наиболее пре-

ступный подкуп под революционный интернационализм". Эта "теория" имеет административное, а не научное обоснование⁶⁹. Сталин, прочитав через две недели эти строки из утренней почты, которую ему подаст один из его помощников, скажет: "Наконец, подлец, перестал притворяться".

Оказавшись за рубежом, Троцкий все время старался заботиться о "репутации революционера". Он продолжил издание своих сочинений, часто не останавливаясь перед фальсификациями, натяжками, измышлениями с единственной целью: большее уколоть Сталина и представить себя в историческом зеркале как человека, которого Ленин хотел сделать своим преемником, однако Сталин, нарушив волю Ленина, вероломно помешал этому. Нельзя не признать, что Троцкий раньше, чем многие, рассмотрел Сталина изнутри, не согнувшись перед ним. Но, борясь со Сталиным, Троцкий походя считал возможным оскорбить и целый народ. В XX томе своих сочинений Троцкий позволил издевательские пассажи в адрес русского народа. В его представлении "ни один государственный деятель России никогда не поднимался выше третьеразрядных имитаций герцога Альбы, Меттерниха или Бисмарка", а что касается науки, философии и социологии, "Россия дала миру круглый ноль...". Думается, что эти славянофобские, по сути шовинистические высказывания углубляют понимание политического облика человека, априори решившего, что он призван играть в истории лишь первые роли. За границей Троцкий называл себя человеком, для которого стала доступна вся планета без визы. Он по-прежнему пытался играть роль "второго гения". Ему принадлежат слова: "Ленина везли в революцию в plombированном вагоне через Германию. Меня помимо воли привезли на пароходе "Ильич" в Константинополь. Поэтому свою высылку я не считаю последним словом истории". Он надеялся на возвращение. Но этому не суждено было сбыться. Один из "выдающихся вождей" навсегда оказался за околицей Отечества.

"Личная жизнь" генсека

А может ли быть "личная жизнь" у человека, находящегося на виду у своих сограждан, сотоварищей? Но Сталин не был "на виду". До конца 20-х годов газеты упоминали о нем редко. Правда, губкомы ежемесячно получали не одну

директиву, указание, циркулярное распоряжение за лаконичной подписью: "И. Сталин". С ним еще могли не соглашаться, публично критиковать. Так, в журнале "Большевик" (1925. № 11 — 12) появилась статья М. Семича, выражавшего свое несогласие с позицией Сталина по национальному вопросу. Тогда это было обычным делом. В начале 1926 года в "Большевике" (№ 4) была напечатана реплика Вл. Сорина, несогласного с оценкой Сталиным его подхода к вопросу о взаимоотношениях партии и класса. Сталин в ответе, опубликованном в том же номере журнала, фактически принес извинения Сорину. Это не воспринималось как нечто необычное. Инерция движения общества после Октября была исключительно сильной, и ростки демократии, ухоженные Лениным, еще не были заглушены. Сталин казался всем, кто знал и кто не знал его, обыкновенным человеком. У такого обыкновенного индивидуума должна была быть и своя, обыкновенная личная жизнь, под которой подразумевают все то, что остается человеку вне службы, вне работы. Для политического портрета Сталина эти грани не являются главными, определяющими, но они позволяют лучше понять его натуру.

Мне довелось побеседовать со многими людьми, видевшими, знавшими Сталина, если так можно выразиться, в "домашней обстановке": врачами, охранниками, работниками его секретариата, писателями, военачальниками и другими так или иначе общавшимися с ним людьми. Скажу сразу, за редким исключением, "личной жизнью" генсека была все та же работа. Для него не существовало выходных дней; распорядок дня мало менялся, будь то понедельник или воскресенье. Другое дело, что в конце своей жизни, когда годы, работа и нечеловеческая слава стали пригибать Сталина к земле, он не всегда ездил в Кремль, в Москву, а продолжал работать на даче. Здесь проходили редкие заседания Политбюро, здесь он принимал министров и военачальников, здесь он проводил встречи с иностранными гостями, здесь изредка выходил в парк, чтобы почувствовать свежесть ночного воздуха.

Привычка работать без выходных родилась в трудные послереволюционные годы. Передо мной записка Ленину от товарищей Ровио и Гюллинга с просьбой принять их по карельскому вопросу. Из Совнаркома ее передают наркому по делам национальностей. Резолюция Сталина на записке лаконична: "Могу принять в воскресенье в 3½ часа в Наркомнаце. Сталин. 4 февраля 1922 года". В фонде документов Сталина множество

других подобных свидетельств (записки, распоряжения, телефонограммы и т.д.), подтверждающих, что для этого человека не существовало понятия "выходной день". Правда, иногда по воскресеньям Сталин с членами Политбюро и другими приглашенными за полночь засиживался за обеденным столом. Но за столом шло то же, хотя внешне и "вольное", обсуждение бесчисленных проблем и вопросов, встававших перед страной и партией.

В 20-е годы руководители жили скромно. Сталин, получивший, по распоряжению Ленина, небольшую квартиру, первое время жил в ней. Сохранилось письмо А.В. Луначарского от 18 ноября 1921 года с предложением найти Сталину более удобную квартиру. В.И. Ленин, ознакомившись с письмом, направляет записку начальнику охраны А.Я. Бельенкому:

"Тов. Бельенкий. Для меня это новость. Нельзя ничего иного найти? *Ленин. Вернуть*"⁷⁰.

Кроме этой записки имеется короткое письмо В.И. Ленина секретарю ВЦИК А.С. Енукидзе с просьбой ускорить предоставление квартиры наркому по делам национальностей И.В. Сталину и сообщить по телефону об исполнении. Вскоре квартира Сталину в Кремле — помещение для слуг в старое время — была подобрана. Она редко видела жильца, который появлялся здесь поздно вечером или глубокой ночью и рано уходил на работу. Бесхитростный быт: остатки старой мебели, вытоптанный пол, маленькие окна. В начале 20-х годов Сталин стал жить на даче в Зубалово, а позже, в 30-е, — в Кунцево. Дачу, по приказанию Сталина, все время перестраивали. В последние годы рядом с большим домом построили небольшой деревянный; Сталин переехал туда. А.Н. Шелепин, в прошлом известный партийный и государственный деятель, рассказывал мне: "После смерти Сталина, когда переписывали имущество генсека, то выяснилось, что работа эта довольно простая. Не оказалось никаких ценных вещей, кроме казенного пианино. Даже ни одной хорошей, "настоящей" картины не было. Недорогая мебель. Обтянутые чехлами кресла. Ничего из антиквариата. На стенах висели бумажные репродукции в деревянных простеньких рамках. В зале, на центральном месте, висела увеличенная фотография, где запечатлены Ленин и Сталин, сделанная в сентябре 1922 года в Горках М.И. Ульяновой. (Кстати, та самая, которую вдруг ныне стали дружно объявлять фальшивой, смонтированной. — *Прим. Д.В.*)

На полу два ковра. Спал Сталин под солдатским одеялом.

Кроме маршальского мундира из носильных вещей, — говорил Шелепин, — оказалась пара простых костюмов (один парусиновый), подшитые валенки и крестьянский тулуп..." Правда, этот аскетизм, как я уже говорил, — внешний. "Хозяин" располагал несколькими дачами под Москвой и на юге, многочисленной прислугой. Любая его прихоть тут же исполнялась. Но Сталин делал все для того, чтобы подчеркнуть скромность своего быта.

Еще несколько слов о даче генсека. В кабинете, у большого письменного стола, — вертящееся кресло. Прислуга рассказывала, что Сталин, устав работать, поворачивался в кресле к окну и подолгу молча смотрел в парк. Сталин не любил густого леса. Как говорил мне А.Т. Рыбин, охранявший Сталина, по весне генсек сам указывал деревья, которые надо было вырубить. Сохранилась фотография: ссутулившийся Сталин держит за руку дочку, а человек из "обслуги" по указанию "Хозяина" метит топором деревья, какие вырубать. На фоне деревьев, пока стоящих, но обреченных, — фигура "вождя", спиной к объективу... Сталин, как мы знаем, любил "прореживать" не только леса...

Генсек не любил ничего импортного. Свою неприязнь к иностранному, к "Европе", перенес и на свой быт. Многие годы он подчеркивал свою "пролетарскую простоту", хотя вся жизнь Сталина подтверждает, что нет прямой зависимости между политическими, нравственными параметрами человека и его отношением к быту, ценностям, вещам. Все значительно сложнее. Просто Сталин умел "выделять" главное. А самым главным в его жизни была власть, как цель, средство, непреходящая ценность. Бытовая "оправа" этой власти не имела для Сталина большого значения. В 1938 году Сталину подобрали в Кремле другую квартиру, в великолепном здании, которое строил Казак в XVIII веке, предназначенном для сената. Квартира занимала почти весь второй этаж. Комнаты для гостей. Для охраны. Для приемов. Этажом выше — служебные помещения. Великолепные окна, высокие потолки, крутые лестницы. Но в этой квартире Сталин почти не жил, предпочитая ей ближнюю дачу. Была и дальняя, где он тоже не жил.

К 70-летию Сталина Берия в качестве подарка преподнес ему дачу на берегу водохранилища под Москвой, уговорил "вождя" посмотреть ее. Стареющий "вождь" сдался, приехал. Красивый дом едва просматривался среди высоких сосен и елей.

- Это что за мышеловка? — подозрительно бросил Сталин Берии. Не раздеваясь, походил по комнатам, обошел вокруг, посмотрел на сопровождающих, сел молча в машину и уехал. Больше он там никогда не появлялся. Менять привычки и привязанности в преклонном возрасте трудно. Они словно невидимый поводирь ведут человека по найденным тропкам, превращаясь в неотъемлемую часть загадочного мира каждой личности.

Образ жизни генсек вел нездоровый. Уже в 20-е годы он предпочитал работать по ночам. Очень много курил. За год (или немного меньше) до смерти Сталин бросил курить и очень этим гордился.

Сталин обычно любил выпить перед обедом немного сухого грузинского вина. Мало гулял. У него не было, как он говорил, "аристократической привычки" проводить долгие часы на охоте или рыбалке. Помнится, А.И. Герцен, говоря о цели жизни человека, видел эту цель в многогранности личности, которая, как он писал Н.П. Огареву, умеет "жить во все стороны". Сталин же жил лишь "в одну сторону". Работа, дело, вновь работа и дело, невиданные по своей сложности и масштабности, превратили его в раба своей должности.

Люди, окружавшие Сталина, вспоминают, что в редкие минуты, когда он появлялся в парке, ссутулившаяся фигура описывала один-два круга по асфальтовой дорожке, затем застыла где-нибудь у клумбы или куста сирени. Сталин как бы рассматривал вечное чудо природы, а в действительности думал о своем. У каждого человека ассоциации, идеи, размышления с чем-то связаны. У многих людей мысли о бытии, совести и себе рождаются, когда они смотрят в бездну неба и облаков, колдовские глаза лесного костра или когда слушают дыхание моря. Сталин, бывая в Сочи, любил стоять на берегу и слушать шуршание гальки во время вздохов прибоя. Море представляло перед ним как огромное, фантастическое существо, которому невдомы ни страдания, ни радости, которого не мучает прошлое и не заботит грядущее... Усмехнувшись, глядя на буйство куста сирени, соотнос вечный порядок в Великой Природе со своими делами: "Суета сует..."

Вот только что просмотрел папку с бумагами от Ворошилова. Чем только не приходилось заниматься: испрашивалось разрешение об освобождении от военных сборов трактористов и комбайнеров, вносилось предложение о постройке нового дома для РККА, сообщалось о выступлении Пилсудского, пере-

давалось сообщение чехословацкой буржуазной газеты, докладывалось письмо командира 26-го кавполка о недоразумении с уполномоченным Гостинцевым, письмо т. Ильина о необходимости развертывания дирижаблестроения, о строящихся новых объектах оборонного назначения и т.д. А сколько он продиктовал сегодня телеграмм! Последнюю помнит дословно:

”Рязань, секретарю Сасовского района, село Просяные Поляны.

От учительницы Ширинской получена телеграмма. Защитить учительницу татарской школы от ненужных грубых бесчинств уполномоченного Кадомского РИКа Иванова, врывающегося в квартиру под видом ликвидации имущества отца, требующего выдать никому не нужный шкаф, мешающего спокойно работать, навязывающего мысль покончить с собой.

Прошу немедленно вмешаться, оградить Ширинскую от каких бы то ни было насилий и сообщить ЦЕКА (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) о результатах.

Секретарь ЦК *И. Сталин*”⁷¹.

За каждой бумагой, телеграммой, сообщением — судьба, судьбы. А сколько дел в других папках завтра подбросит Товстуха? И так каждый день...

Со временем всю такую работу возьмут на себя помощники, секретари, аппарат. Но Сталин до конца дней любил решать сам часто мелкие вопросы, отдельные судьбы, особенно связанные с назначениями, ”своевољством”, инакомыслием, строптивостью некоторых людей.

Чем больше повышался вес Сталина в партийных и государственных делах, тем ретивее многие стремились доложить ”на его личное решение” множество вопросов... Что, о трактористах, их призыве, не может решать сам нарком? А строительство нового дома в столице? Разве судьбой учительницы Ширинской не может заняться один из секретарей? Но где-то у Сталина крепла торжествующая мысль: не могут без меня... А я все могу... Может быть, такова доля всех высших руководителей?!

Сталин подспудно чувствовал, что всемерная централизация, обрамляемая сложнейшими бюрократическими ритуалами, делает его пленником такой системы управления, может быть, тормозит, губит дело. А зачем же наркоматы, где их гибкость? Что решают многочисленные всесоюзные ведомства, ”конторы”? Он понимал, но не хотел другого. Единовластие, если его ”разделить”, уже не единовластие. Постепенно все за-

мыкалось на нем. И от его решения и в какой-то степени его окружения зависело: пойдет поток предложений в плоскость дел или будет отторжен плотинной отрицания.

Живя сегодняшним, Сталин иногда мысленно обращался к недавнему прошлому, пытался заглянуть и за горизонт завтрашнего дня. Совсем как в одном из писем Сенеки к Луцилию: "Нас же мучит и будущее и прошедшее, Из наших благ многие нам вредят: так память возвращает нас к пережитым мукам страха, а предвиденье предвосхищает муки будущего. И никто не бывает несчастен только от нынешних причин"⁷². Думал ли об этом же Сталин? Едва ли. Сенеку он не читал. В его библиотеке книг древних мыслителей не было. Дела сегодняшние держали генсека в своих объятиях железной хваткой. А будущее, полагал Сталин, надо не предвосхищать, а делать. В соответствии с его установками на последнем съезде или пленуме.

Пожалуй, ради одного он жертвовал работой: ради кино и театра. Уже с конца 20-х годов постепенно вошло в привычку смотреть один-два фильма в неделю, обычно после двенадцати ночи. Ни один фильм, о котором начинали говорить в народе, не минул небольшого кинозала в Кремле, а позже и киноустановки на даче Сталина. При встрече с руководителями агитпропа как-то бросил: "Кино — не что иное, как иллюзион, но жизнь диктует свои законы". Сталин всегда признавал в кинематографе лишь одну, воспитательную функцию, как, впрочем, и в искусстве вообще.

С 20-х годов его начала приобщать к театру жена. Нечасто бывал он с ней в московских театрах. Но после ее смерти театр прочно вошел в его жизнь, а если конкретно, то Большой театр. Думаю, что большинство его постановок он видел по многу раз. Как рассказывал мне А.Т. Рыбин, один из его телохранителей, а позднее комендант ГАБТа, в начале 50-х годов, накануне инсульта Сталин смотрел "Лебединое озеро". Возможно, двадцатый или тридцатый раз. Обычно бывал в театре один. Занимал место, когда в зале гасили свет. Садился в углу ложи, в глубине. После премьер передавал благодарность артистам, даже бывал на генеральных репетициях, вспоминал Рыбин. Видимо, духовное образование кроме любви к теоретическим постулатам воспитало у Сталина и потребность к общению с музыкой. Кино и театр, пожалуй, были единственными "лирическими отступлениями" в его жизни, целиком заключавшейся в насаждении личной власти и единоначалия в решении множества

дел. Это личное участие в решении всех мало-мальски важных вопросов только наверху постепенно цементировало устой бюрократии, которую в своих речах он по инерции поругивал, а в действительности повседневно насаждал и упорно укреплял.

Конечно, личная жизнь — это всегда семья. Надежда Сергеевна Аллилуева, как я уже говорил, была моложе мужа на двадцать два года. По существу, сразу, из гимназисток, она стала женой одного из руководителей партии. Документы, человеческие свидетельства, в том числе и ее дочери — Светланы, говорят о том, что Аллилуева была цельной натурой. Со временем она стала членом партии, работала в Наркомате по делам национальностей, училась. Приходилось ей бывать в качестве дежурного секретаря и в Горках, у Ленина. Когда решился вопрос о перенесении столицы из Петрограда в Москву, Сталин забрал с собой и родителей жены, которые долго жили с дочерью и зятем в небольшой кремлевской квартире.

Надежда Сергеевна быстро адаптировалась к той атмосфере бесконечных совещаний, митингов, борьбы, поездок, в которой жил ее муж. Знакомство с документами сталинского архива показывает, что многие письма, распоряжения, указания, телеграммы написаны не только помощниками и работниками секретариата Сталина — Назаретяном, Товстухой, Каннером, Мехлисом, Двинским, но и Надеждой Сергеевной. Ее большие, полудетские глаза вчерашней гимназистки жадно смотрели на мир, которым жил ее муж: съезды, пленумы, бесконечные телефонные переговоры, ночные совещания, споры, горы документов. Аллилуева видела, что муж принадлежит делу. И только ему. Она еще не понимала вначале, как мало места отведено ей в его жизни. Счастливый брак — это ведь мост от одного человека к другому, на котором они непрерывно общаются всю жизнь. Сталину некогда было общаться. Нередко на обращения жены к Сталину: "Тебя не интересует семья, дети..." — муж грубо обрывал Надежду Сергеевну, иногда — с бранью. В какой-то степени дефицит общения Аллилуевой восполняли работа, учеба, частые встречи с женами соратников мужа: Полиной Семеновной Жемчужиной (женой Молотова), Дорой Моисеевной Хазан (женой Андреева), Марией Марковной Каганович, Эсфирью Исаевной Гурвич (второй женой Бухарина).

В 20-е годы у Сталина и Аллилуевой появилось двое детей: сначала, в 1921 году, Василий, а спустя четыре года Светлана.

Затем приехал и стал жить у них и сын Яков (от первой жены Сталина — Екатерины Сванидзе). Он был лишь на семь лет моложе своей мачехи, которая, однако, любила этого, не избалованного отцовской лаской, юношу. Поскольку Аллилуева работала, детьми занималась няня. В кремлевской квартире или на даче в Зубалово всегда было много народу, родственников. Кроме родителей жены, здесь часто бывали братья Аллилуевой Федор и Павел, сестра Анна со своими близкими. Приезжали и родственники Сталина по линии первой жены. В 30-е годы, после смерти жены, этот шумный хор родственников, который Сталин видел нечасто, заметно поредел и распался. Только родители Аллилуевой умрут своей смертью. Многие из близких Сталину людей сложат свои головы как "враги народа". Павел, брат Надежды Сергеевны, несколько раз пытался завести с генсеком разговор об ошибочности многих арестов, репрессий, в том числе и родственников Сталина, — все было безрезультатно. Но все это будет в 30-е, роковые годы.

Сам Сталин не смог, да, видимо, и не хотел по-настоящему заниматься воспитанием своих детей. Он их и видел-то крайне редко: иногда в воскресенье, когда их привозили на дачу, или на юге, где до войны генсек неоднократно отдыхал, — в Сочи, Ливадии или Мухалатке. Это не столь уж редкий случай, когда у крупных исторических фигур вырастают дети, ущербные уже в силу того, что их родители — знаменитости. Дети мало что знали об отце. У него не было на них времени. Василий, по свидетельству Светланы, однажды ей выдал "тайну", сказав: "Знаешь, наш отец в молодости был грузином", по-детски непосредственно отразив сильное обрусение отца.

Наиболее трагически сложилась судьба старшего сына Сталина — Якова. У него были тяжелые отношения с отцом. Тот считал его слабым человеком и, как оказалось впоследствии, ошибся. Сталин был недоволен выбором Якова первой да и второй жены, Юлии Исааковны Мельцер. От этих браков у него осталось двое детей. Светлана Аллилуева вспоминает, что, доведенный до отчаяния холодным отношением отца к нему, Яков даже пытался застрелиться. Но пуля, к счастью, прошла навылет, и он остался жив, хотя долго болел. Сталин, увидев Якова после этого крайнего выражения полной отчужденности отца от сына, лишь издевательски бросил ему:

— Ха, не попал!

Все, особенно Надежда Сергеевна, были потрясены ледяной безжалостностью Сталина. Но политическому деспоту трудно

было стать иным дома. Другое дело, что Сталин, общаясь с руководителями страны, принимая делегации, выступая на совещаниях, беседуя с деятелями культуры, мог быстро перевоплощаться. Назвав однажды в книге Сталина за эту способность "великим Артистом", я подумал: не принижаю ли я невольно одну из древних и великодушных профессий? Может быть, эта способность быстрого, с умыслом, перевоплощения дает основания назвать Сталина "великим Лицемером"? Но таким он являлся на людях, а не в семье. Здесь он был самим собой.

Яков с согласия отца окончил Институт инженеров железнодорожного транспорта в Москве, работал на электростанции завода имени Сталина (что чувствует человек, работая на предприятии, носящем имя отца?), затем пожелал стать военным. По распоряжению помощников Сталина Яков Джугашвили был зачислен на вечернее отделение, а затем сразу переведен на четвертый курс первого факультета Артакадемии РККА.

При знакомстве с личным делом старшего лейтенанта Я.И. Джугашвили невольно (в который раз!) бросились в глаза вопросы, на которые должен ответить каждый офицер, составляя собственную автобиографию. Их несколько десятков, но, чтобы полнее почувствовать духовный колорит того времени, приведу два-три вопроса из типового бланка автобиографии:

— Состоял ли в троцкистской правой, национал-шовинистских и прочих контрреволюционных организациях, в каком году и где?

— Были ли отклонения от генеральной линии партии, колебания? Если колебался, то по каким вопросам и как долго продолжались эти колебания?

— Служил ли в белой армии и армии интервентов, в антисоветских националистических отрядах (учредилорцы, петлюровцы, мусаватисты, дашнаки, меньшевики Грузии, банды Махно, Антонова и других), где, когда, в качестве кого, как попал туда, когда, в какой части служил, сколько времени?..

Вот такое было время... Выворачивающее все наизнанку. Могли придаться к пустяку, который стал бы роковым...

Но к Якову Джугашвили не придирались. Хотя и в то время было немало людей, не торговавших своей совестью. Например, офицеры академии Иванов, Кобря, Тимофеев, Шереметов, Новиков (инициалов в деле нет) в аттестациях и характеристиках писали сыну Сталина то, что он, видимо, заслуживал: "Политическое развитие удовлетворительное. Дисциплинирован,

но недостаточно овладел знанием воинских положений о взаимоотношениях с начальниками. Практических занятий не проходил. Со стрелково-тактической подготовкой знаком мало. Имеет большую академическую задолженность. Государственные экзамены сданы на удовлетворительно и хорошо". И это писали сыну всеильного "вождя"! И хотя непосредственные начальники рекомендовали назначить Джугашвили на должность командира дивизиона и присвоить ему звание капитана, начальник факультета Шереметов был другого мнения: "С аттестацией согласен, но считаю, что присвоение звания "капитан" возможно лишь после годичного командования батальонами".

В одном единодушие полное: Яков был порядочный, честный и застенчивый человек, как бы "обоженный" неприязнью отца. Джугашвили переживал, что, "перепрыгнув" через несколько курсов, учился слабо, чувствовал себя неуверенно в роли командира. Может, это тоже сыграло в решающий момент роковую роль в его судьбе на фронте.

С первых же дней войны Яков оказался на фронте. По имеющимся документальным свидетельствам, он храбро сражался, до конца выполнял свой долг, но часть, где он служил, попала в окружение, и он оказался в плену. Есть редкая фотография из немецких архивов, где группа гитлеровских офицеров, окружив капитана Я. Джугашвили, с нескрываемым любопытством разглядывает старшего сына Сталина. Самое интересное в этом снимке — выражение лица, сама поза Якова; со сжатыми кулаками, с ненавистью смотрит он на врагов. Фашисты пытались использовать пленение Якова в пропагандистских целях: разбрасывали листовки с фотографией Джугашвили, но советские люди относились к ним как к фальшивкам.

Сталин переживал не столько за жизнь сына, сколько боялся, что в концлагере могут сломить его волю и заставят сотрудничать с немцами. В воспоминаниях Долорес Ибаррури, вышедших отдельной книгой в Барселоне в 1985 году, приводится малоизвестный факт, не получивший ни подтверждения, ни опровержения. Она пишет, что в 1942 году за линией фронта была заброшена специальная группа, которая должна была вызвать из плена Якова Джугашвили, находившегося к тому времени в Заксенхаузене. В составе спецгруппы был и испанец Хосе Парро Мойсо с документами на имя офицера франкистской "Голубой дивизии". Но операция закончилась неудачей.

Группа погибла⁷³. Яков оказался значительно более сильной личностью, чем о нем думал отец. Джугашвили-младший также боялся, что в результате пыток, психологической обработки, использования особых препаратов он может быть сломлен и в глазах отца и народа станет предателем. Сама мысль эта была невыносима, страшнее смерти. Круги ада, пройденные им в лагерях Хаммельбурга, Любека, Заксенхаузена, не сделали Якова предателем. Но силы были на исходе. 14 апреля 1943 года Яков Джугашвили бросился на колючую проволоку лагерного ограждения, и часовой застрелил его.

Сталин ошибся в сыне, как и во многих других людях. По словам С. Аллилуевой, ее отец уже после победы под Сталинградом как бы невзначай сказал ей:

— Немцы предлагали обменять Яшу на кого-нибудь из своих... Стану я с ними торговаться! Нет, на войне — как на войне.

Судьба другого сына "вождя" также горестна. Не смог отец сделать его сильным, твердым, умным человеком. После смерти матери воспитателем мальчика фактически стал Властик — начальник охраны Сталина. Однако обстановка лести, вседозволенности сформировала безвольного, капризного, слабого человека. Он, правда, неплохо воевал, но не настолько хорошо, чтобы начать войну капитаном, а в 1947 году стать уже генерал-лейтенантом. Личное дело генерал-лейтенанта Сталина Василия Иосифовича весьма красноречиво и свидетельствует о кадровом произволе, который творило окружение "вождя", хотя все делалось с его согласия. Приведу просто несколько выдержек и фактов из тощей папки личного дела:

— В двадцать лет В.И. Сталину сразу присваивается звание полковника (Приказ НКО № 01192 от 19 февраля 1942 г.);

— В двадцать четыре года В.И. Сталин — генерал-майор авиации (Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 2 марта 1946 г.), через год он — генерал-лейтенант;

— Будучи совсем "зеленым", посредственным летчиком, в 1941 году назначается начальником Инспекции ВВС РККА;

— В январе 1943 года назначается командиром 32-го гвардейского истребительного авиаполка; через год — командиром 3-й, в феврале 1945 года — командиром 286-й истребительной авиационной дивизии. В 1946 году В.И. Сталин — командир корпуса, затем заместитель, а позднее и командующий ВВС МВО. Феерический взлет, не основанный, однако, на деловых и моральных данных. За время войны, как указывают в деле его

начальники, он совершил двадцать семь боевых вылетов и сбил один самолет противника типа ФВ-190; награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденом Суворова II степени, медалями.

Вот что писали в аттестации на В.И. Сталина генерал-лейтенант авиации Е.М. Белецкий и генерал-полковник авиации Н.Ф. Папивин:

"По характеру горяч и вспыльчив, допускает несдержанность: имели место случаи рукоприкладства к подчиненным... В личной жизни допускает поступки, несовместимые с занимаемой должностью командира дивизии, имелись случаи нетактичного поведения на вечерах летного состава, грубость по отношению к отдельным офицерам, имелся случай легкомысленного поведения — выезд на тракторе с аэродрома в г. Шяуляй с конфликтом и дракой с контрольным постом НКВД. Состояние здоровья слабое, особенно нервной системы, крайне раздражителен, это оказало влияние на то, что за последнее время в летной работе личной тренировкой занимался мало, что приводит к слабой отработке отдельных вопросов... Все эти перечисленные недостатки в значительной мере снижают его авторитет как командира и несовместимы с занимаемой должностью командира дивизии".

Последующие аттестации аналогичны, однако везде их венчает вывод: "Желательно послать на учебу в Академию". Прославленные генералы С.И. Руденко, Е.Я. Савицкий (в последующем маршалы) не видели в то время иного способа избавить подчиненные им соединения от "беспутного принца".

Доброхоты, преследуя свои цели, осыпали благами и чинами сына Сталина, который незаметно для всех стал хроническим алкоголиком. Можно представить, сколько горя принес своим многочисленным женам (не менее четырех!) этот постепенно опускавшийся человек. Он малоинтересен сам по себе. Но на примере этой беспутной (и несчастной!) судьбы можно еще раз убедиться: злоупотребление властью калечит все в окружении, в том числе и собственных детей. Так уже бывало в истории. Цезари, достигая высот владычества, часто оставляли после себя детей, хилых духом и плотью, морально убитых еще при жизни диктатора торжествующей безнравственностью.

После докладов о компрометирующем его поведении В.И. Сталин лишился высокого поста командующего авиацией столичного округа и покатылся вниз. Не случайно, что уже через двадцать один день после смерти "вождя" приказом мини-

стра обороны СССР № 0726 генерал-лейтенант В.И. Сталин был уволен из армии в возрасте тридцати двух лет без права ношения военной формы... Все махнули на него рукой, и бывший военный летчик Василий Иосифович Сталин кончил жизнь еще молодым, разрушив себя алкоголем.

О проделках Василия мне рассказывал А.Н. Шелепин. "После смерти отца В. Сталина посадили: вспомнили какие-то грехи, злоупотребления и т.д. (Хотя дочь В.И. Сталина Надежда Васильевна утверждает, что суда и следствия не было. Дали 8 лет, и дело с концом. Хотели скорее упрятать человека, который везде говорил, что отца отравили. — Прим. Д.В.) Хрущев попросил меня съездить в Лефортово, куда из Владимирской тюрьмы перевели Василия. Заключение что-то мастерил на станке ("трудовое воспитание"). Привели его ко мне, — продолжал Шелепин, — бросился на колени, заплакал: "Простите, простите, не подведу больше..." Рассказал о встрече Хрущеву. Тот помолчал и говорит:

— Привезите его ко мне.

Назавтра Василия Сталина доставили к Хрущеву. Тот опять бросился в ноги: молил, плакал, клялся. Хрущев, обняв Василия, тоже плакал, долго говорили об отце. После встречи решили Василия досрочно освободить. Подготовили решение, выпустили. При выписке настаивали взять официально фамилию — Васильев. (Этой же фамилией Верховный Главнокомандующий подписывал некоторые директивы времен войны. — Прим. Д.В.) Василий Сталин, при всей его слабости, решительно отказался. Вернулся домой. Своей дочери, Надежде, говорил, что мечтает работать "директором бассейна"... Но постепенно старые друзья "вернули" Василия к прежнему образу жизни. Через месяц после освобождения, будучи нетрезвым за рулем автомобиля, он совершил аварию. Хрущев долго ругался матом, спрашивал:

— Что будем делать? Посадить — погибнет. Не посадить — тоже.

Решили выслать. Подобрали место — Казань. Уехал Василий в "ссылку" со своей очередной женой. Жил в однокомнатной квартире, имея возможность взглянуть на свою недолгую жизнь с ее взлетом и падением. Здесь Василия застанет весть о выносе тела его отца 31 октября 1961 года из Мавзолея. Тюрьма, болезни, водка, бессердечие бывших "друзей" превратили его в полного инвалида".

Жизнь сына "вождя" в миниатюре демонстрирует моральную бесплодность сталинизма. 19 марта 1962 года он скон-

чался. На памятнике будет выбито — не Сталину, кем он был при жизни, не Васильеву, в которого его хотели превратить власти, а "Единственному от Джугашвили". Покойный оставил семерых детей: четырех собственных и трех усыновленных.

Диктатор, чьего слова было достаточно, чтобы за предельно короткое время прорыть огромный канал, построить дворец, переселить сотни тысяч людей с "воли" за колючую проволоку, оказался полностью бессильным как отец. В несчастной судьбе младшего сына повинен прежде всего сам "вождь". Тот же упрек, видимо, ему бросят летописцы, коснувшись судьбы и его дочери Светланы. Он не смог воспитать дочь патриотом Родины. Эволюция ее судьбы известна.

Видимо, пока она была школьницей, Сталин любил ее больше, чем сыночек. Нередко писал ей теплые записки (трудно поверить, что Сталин мог быть таким!), наподобие этой:

"Моей хозяйке — Сетанке (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) — привет!

Все твои письма получил. Спасибо за письма! Не отвечал на письма потому, что был очень занят. Как проводишь время, как твой английский, хорошо ли себя чувствуешь? Я здоров и весел, как всегда. Скучновато без тебя, но что поделаешь, терплю. Целую мою хозяйку.

22 июля 1939 г."

Война отдалила отца от дочери, и, как оказалось, навсегда. Близости, семейного тепла больше не было. Повзрослевшая Светлана, как все девушки ее возраста, испытала первое увлечение. Ее знакомый, журналист и кинорежиссер А.Я. Каплер был арестован, получил пять лет, затем еще пять. Из лагерей Алексей Яковлевич написал письмо:

"Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я осужден Особым совещанием за антисоветские высказывания. Не признал их и не признаю. Награжден орденом Ленина и удостоен Сталинской премии I степени. Причастен к фильмам: "Она защищает Родину", "Котовский", "День войны". Я могу признать только у себя нескромность. Позвольте мне отправиться на фронт, умоляю Вас об этом.

27 января.

А. Каплер".

Сталин потребовал у Берии справку на Каплера. Ему доложили: "Каплер имеет сестру во Франции. Встречался с американскими корреспондентами Шапиро и Паркером. Виновным себя не признал, но изобличается агентурными данными...

16 марта 1944 года"⁷⁴.

А мы помним, что таким "бумагам" Сталин всегда верил.

Два замужества Светланы оказались неудачными, как и третье, когда ее супругом стал иностранец. Он скончался в Москве, и в связи с похоронами Аллилуева в 1966 году оказалась за рубежом, отвозя на родину прах покойного. Из Индии она не вернулась, оказалась на Западе, в руках людей, которые цинично использовали имя ее отца в своих целях. Но, наверное, она против этого не возражала. Действия ее были осознанны. К этому времени дочь Сталина была кандидатом филологических наук, ей было сорок лет. В одной из своих книг, "Только один год", она написала: "Никогда в жизни я не была так уверена в собственной правоте, как сейчас. Неуверенность в себе, в своих возможностях, способностях преследовала меня всю жизнь. Мне всегда было легче поверить, что я все делаю плохо и неверно. Внутренняя скованность и застенчивость мешали мне в контактах с людьми, с аудиторией. Чаще всего хотелось уйти от всех и закрыть покрепче за собой дверь. Все это — психологический результат долгой жизни под прессом, результат воспитания в ненормальной семье, результат долгого существования в обществе, которое поработшено и молчит"⁷⁵.

Коротая, с небольшим перерывом, свои годы на чужбине, Светлана едва ли задумывалась, что ее жестокий, безжалостный отец с "железной" фамилией, которая была призвана подчеркнуть главную черту его характера, в самые тяжкие годы своих бесчисленных арестов тем не менее никогда не помышлял и не соглашался на эмиграцию. Но дочь "железного" отца еще раз подтвердила истину: характер не наследуется, как и убеждения. Они вырабатываются.

Когда 1 ноября 1984 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении в гражданстве СССР С.И. Аллилуевой и о приеме в гражданство СССР ее дочери О.В. Питерс, казалось, что "блудная дочь" вернулась в лоно Отечества. Тем более что на пресс-конференции дочь Сталина заявила: "Попав в этот самый, так называемый "свободный мир", я сама не была в нем свободна ни одного дня. Так я попала в руки бизнесменов, адвокатов, политических дельцов и издателей, которые превратили имя моего отца, мое имя и мою жизнь в сенсационный товар..."

Адаптироваться на Родине Светлана Аллилуева так и не смогла. Она хочет жить там, где ей нравится.

Сегодня легче всего сказать: на детей не было времени. Оправдание несостоятельное. Возможно, дети "вождя" и выро-

сли бы другими, будь жива Надежда Сергеевна Аллилуева. Свидетельства, которыми я располагаю, говорят о том, что и здесь Сталин стал косвенной (а впрочем, косвенной ли?) причиной ее смерти. В ночь с 8 на 9 ноября 1932 года Аллилуева-Сталина покончила жизнь самоубийством. Непосредственной причиной ее трагического поступка явилась ссора, едва заметная для окружающих, которая произошла на небольшом праздничном вечере, где были Молотов, Ворошилов с женами, некоторые другие лица из окружения генсека. Очередной грубой выходки Сталина хрупкая натура жены не перенесла. 15-я годовщина Октября была омрачена. Аллилуева ушла к себе в комнату и застрелилась. Каролина Васильевна Тиль, экономка семьи, придя утром будить Аллилуеву, застала ее мертвой. Вальтер лежал на полу. Позвали Сталина, Молотова, Ворошилова.

Есть основания предполагать, что покойная оставила предсмертное письмо. Об этом можно только строить догадки. На свете всегда есть и останутся большие и маленькие тайны, которые никогда не будут разгаданы. Смерть Надежды Сергеевны, думаю, не была случайной. Наверное, последнее, что умирает в человеке, — это надежда. Когда нет надежды — уже нет и человека. Вера и надежда всегда удваивают силы. У жены Сталина их уже не было.

Сталин был потрясен, когда утром узнал о случившемся. Но и здесь он остался верен своему безнравственному кредо: поступок Аллилуевой расценил не как свою вину, а как предательство по отношению к себе. У него не возникла, видимо, даже мысль, что его черствость, отсутствие тепла и внимания так жестоко ранили жену, что та решилась в минуту глубокого душевного волнения и депрессии на крайний шаг. Попрошавшись на гражданской панихиде с женой, на кладбище Сталин не поехал. Люди из его окружения вскоре попытались устроить еще один брак Сталина — с одной из родственниц близкого к "вождю" человека. Казалось, все решено. Но по причинам, известным только вдове, брак не состоялся. До конца дней Сталин прожил один, передоверив домашнюю заботу о себе экономке из многочисленной "обслуги". Валентина Васильевна Истомина взяла на себя постоянную заботу о вдове, сопровождая Сталина и во время его выездов на Черноморское побережье. Когда Сталин умер, Истомина в присутствии членов Политбюро упала покойному "вождю" на грудь и закричала в голос. Для нее он, видимо, был ближе, чем для соратников.

В самом конце жизни Сталин проявил признаки уважения к памяти своей жены. В столовой и его кабинете на даче, как и на квартире в Кремле, появились фотографии Аллилуевой. Может быть, на закате своих дней в нем проснулась совесть? Когда люди приближаются к черте, за которой — небытие, многие пытаются подвести какие-то итоги. Обычно полноправная хозяйка здесь — совесть. Гегель определял совесть как "процесс внутреннего определения добра". Но мы-то теперь знаем, что у Сталина ни добра, ни совести не было. Напомню еще одно место из письма Сенеки Луцилию: "Человек — предмет для другого человека священный". Может быть, хоть кто-то для Сталина, хоть на какое-то время оказывался священным? Вторая жена? В это трудно поверить...

Нет никаких сомнений, что Н.С. Аллилуева любила Сталина и старалась всячески помогать ему на многотрудном посту. Заботясь о муже, она старалась, как тогда было принято, не прекращать работать, училась в Премакадемии, занималась детьми. Ее родственники свидетельствовали, что в последние годы жизни Аллилуева переживала глубокий внутренний надлом. Возможно, Сталин по-своему ее тоже любил. Но одержимость делом, планами, работой, упоение властью совершенно не оставили в его сердце места ни жене, ни детям, ни родственникам. На месте чувств — железные струны. Он считал, что это естественно. Сталин мог неделями не замечать никого из родных. Не поинтересоваться самочувствием, здоровьем близких. Я уже говорил, что многих из своих внуков он никогда не видел и не стремился к этому. Например, дети Василия от его первой жены — Надежда и Александр, испытавшие немало горьких минут от высокого родства, никогда не были удостоены внимания человека, о котором писатели сочиняли легенды: "Сталин думает о нас". Обо всех "думать" всегда проще, чем о конкретных людях.

Когда был арестован Александр Семенович Сванидзе, брат его первой жены, с которым он был очень близок, у Сталина не возникла даже мысль: как человек, которого он знал всю жизнь, с детства, мог оказаться "врагом"? В самой структуре морали у "вождя" были целые бреши, провалы. Его поступки, поведение, отношение к окружающим и близким дают основание полагать, что Сталину были неведомы благодеяния, сострадание, великодушие, сочувствие, терпимость, человечность, раскаяние, искупление... Такова моральная сторона биографии этого человека, которая может быть понята и объяснена лишь

на основе всего социального и психологического опыта Сталина.

В душе Сталина невозможно было найти, затронуть какие-то струны человеческих чувств. Трагедия старшего сына его волнует лишь постольку, поскольку он боится компрометации своего имени. Второй сын для него просто обуза. Кроме ругани, у него не нашлось средств, чтобы остановить сына от падения. Дочь после своих неудачных замужеств сразу стала для него совершенно далекой и чужой. К внукам он безразличен. Даже мать он не избаловал своим вниманием...

Повторюсь, эти страницы политической биографии генсека, характеризующие нравственные черты личности, возможно, не главные. Но весьма символично, что и сам Сталин пренебрежительно относился к морали и "морализаторству". Для него политика всегда была фаворитом в соотношении с нравственностью. А для исследователя личности столь сложного человека, каким был Сталин, именно здесь приоткрывается одна из "тайн" его характера. Пренебрежение общечеловеческими нравственными ценностями стало проявляться у него давно. Он презирал жалость, сострадание, милосердие. Для него были важны лишь волевые черты. Его душевная скупость, переросшая в исключительную черствость, а затем в безжалостность, стоила жизни жене и исковеркала судьбы его детей. Самое страшное, что и в политике Сталин не находил достойного места для моральных ценностей. Для него было верхом благородства, когда сослуживец доносил на своего коллегу, "врага народа". Когда Берия с согласия "вождя" арестовал жену его ближайшего помощника Поскребышева, Брониславу Соломоновну, то на все просьбы мужа спасти ее у Сталина, как рассказывает дочь Поскребышева, Галина Александровна, был один ответ: "Это от меня не зависит. Я ничего сделать не могу. В НКВД разберутся". Смехотворное обвинение в шпионаже было стандартным. Бедную женщину, мать двоих детей, продержав в тюрьме три года, расстреляли. А ведь отец этих детей по четырнадцать — шестнадцать часов в сутки продолжал быть около Сталина, подавать документы, готовить справки, вызывать людей, отдавать распоряжения "вождя"... "Даже Берия, по приказу которого осуществлен был арест, продолжал бывать в нашей семье, — рассказывала Галина Александровна. — Как, впрочем, у нас бывали и многие другие известные люди: Шапошников, Рокоссовский, Кузнецов, Хрулев, Мерецков. Сталин был лично знаком с моей матерью и, конечно, понимал, что обвинение в

шпионаже (брат матери ездил за медицинским оборудованием за границу — главный аргумент обвинения — и тоже, конечно, был расстрелян) не имеет под собой никаких оснований”.

Когда я знакомился с подобными фактами, мне однажды пришла, на первый взгляд, дикая мысль: арестовывая близких, родственников, жен тех, кто его окружал, Сталин испытывал их лояльность, верноподданнические чувства. Калинин, Молотов, Каганович, Поскребышев, многие другие не подавали и виду, что в их семьях произошла катастрофа. Сталин наблюдал за их поведением и, видимо, испытывал удовлетворение от их безропотности. Чудовищные по своей безнравственности и жестокости деяния — это и есть строки в предельно аморальной биографии Сталина, черты его портрета. Ничего святого, благородного, порядочного не скрывалось за личиной Большого Лицемера, мастерски игравшего множество ролей в жизни, которая походила на фильмы ужасов. Ведь Поскребышев верил, когда Сталин говорил ему смиренно: “Это от меня не зависит. Я ничего сделать не могу. В НКВД разберутся”. А что говорил Берия, ведь он продолжал бывать дома у Поскребышева? Говорил то же самое... Эти люди жили во Лжи, Цинизме, Жестокости. Самое печальное (а это опять же из области морали!), что ему, Сталину, фактически никто не возражал. А ведь шансы совести всегда существуют! Даже в условиях невероятной сложности...

Мы как-то привыкли считать, что гуманизм, мораль, общечеловеческие нормы нравственности — это, мол, все из области “мелкобуржуазного гуманизма”, нравоучительства! А ведь мораль появилась раньше политического, правового, даже религиозного сознания. Когда у людей возникла первая потребность в осознанном общении — возникла нравственность. Без нее человек никогда не стал бы человеком. Как метко заметил однажды Бертольт Брехт: “Чтобы человек почувствовал себя человеком, его кто-то должен окликнуть...” И в этом смысле конкретная “личная жизнь” позволяет увидеть в человеке многие подлинные грани. У Сталина они выписаны жирным черным фломастером. Кто знает, может быть, именно здесь кроется один из глубинных истоков тех деформаций и преступлений, которые будут в 30-е годы освящены его именем? Может быть, я ошибаюсь. Время поправит. Оно — лучший редактор любых биографий. Тем более, повторюсь, я пытаюсь набросать лишь эскиз портрета.

Сталин был “сильной личностью” того типа, который с

неизбежностью стремится только к величию, неограниченной власти. Но "режим террора, — справедливо писал Н. Бердяев, — есть не только материальные действия — аресты, пытки, казни, но прежде всего действие психическое..."⁷⁶. Сталинская практика постепенно, исподволь обоготворила насилие, не заботясь о его нравственном обосновании. Культ силы вне моральных ценностей — драгоценность фальшивая. Ленин видел смысл революции в максимальном достижении человеком вершин свободы в рамках социальной необходимости, которая гуманистична. Для Сталина нравственные параметры революции, строительство нового мира были не более чем "буржуазным морализаторством".

Страшно то, что Сталин не сомневался и в своей нравственной правоте. В одном из томиков М.А. Бакупина генсек однажды подчеркнул фразу: "Не теряйте времени на сомнения в себе, потому что это пустейшее занятие из всех выдуманных человеком". Что можно сказать по этому поводу? Бакунин-то мог не сомневаться; ведь он не был Генеральным секретарем великой партии!

глава 4

Диктатура или диктатор?

*О, злая лесть — на сладостной облате!
Твоих сетей всегда обилен лов.*

Еврипид

Боги не знают возраста. Кто сегодня скажет, сколько лет Зевсу, Афродите, Артемиде, Палладе, Фемиде? Видимо, никто. Но в представлении людей боги вечны. А это все равно что допустить невозможное: "застылость" времени. Но, может быть, они потому и боги, что стоят над временем? Человек для своего удобства разбил его на века, десятилетия, годы, месяцы, сутки, часы, минуты, секунды... А оно, время, течет, не замечая этих эфемерных рубежей. Для бега времени они не имеют никакого значения. Оно текло так, когда на планете не было человека, будет так же "изливаться" из вечного кувшина материи всегда. В повседневности, обыденном сознании, правда, бывает, возникает иллюзия власти судьбы над временем. Чаще всего люди допускают эту ошибку в мгновения памятных дат и юбилеев.

21 декабря 1929 года Сталину исполнилось 50 лет. Нет, еще не было бесконечного славословия, припадания к алтарю "вождя" множества подхалимов, приписывания буквально всех заслуг только ему одному. Еще не будут печатать в его честь фолианты в тысячу страниц сплошной аллилуйщины, принимать в десятках тысяч коллективов приветственные письма в его адрес, начинать и заканчивать его именем все передовицы. Все это будет позже.

Однако уже и сейчас добрая половина "юбилейного" номера "Правды" была посвящена ему. Здесь статьи Л. Кагановича "Сталин и партия", С. Орджоникидзе "Твердокаменный большевик", В. Куйбышева "Сталин и индустриализация страны", К. Ворошилова "Сталин и Красная Армия", М. Калинина "Рулевой большевизма", А. Микояна "Стальной солдат большевистской партии", ряд других. Начало славословию положено. В приветствии ЦК и ЦКК ВКП(б), в частности, говорится, что они приветствуют лучшего ленинца (выделено мной. — *Прим. Д.В.*). В общей шапке номера Сталин называется "верным продолжателем дела Маркса и Ленина", "организатором и руководителем социалистической индустриализации и коллективизации", "вождем партии пролетариата" и т.д. Юбилей

пришелся как нельзя кстати: он приковал всеобщее внимание к человеку, который уверенно разделался с очередной оппозицией, или, как теперь говорили, "уклоном". Популярность Сталина начала быстро расти. Проницательные люди уже тогда заметили, что к концу 20-х годов, к своему 50-летию, Сталин обрел повышенную уверенность, властность, безапелляционность.

Напомню, каким он вступил в революцию: малозаметным функционером-исполнителем, умевшим не просто ждать своего часа, но и не жалеть себя (и других, конечно), выполняя задания Ленина и партии. Сегодня, в день 50-летия, принимая поздравления от членов Политбюро, народных комиссаров, руководителей многочисленных государственных и общественных организаций, Сталин осязаемо почувствовал, что за эти двенадцать лет после революции он научился (или, как он говорил, "наловчился") управлять временем. Нет, конечно, не в том смысле, как об этом пишет Герберт Уэллс, а в том, что он стал чувствовать и понимать: в какой момент форсировать события, когда нанести разящий удар по фракционерам, как использовать фактор времени в гонке индустриализации и начавшейся коллективизации. Ему казалось, что он "пришпорил" время.

Молотов и Каганович предлагали более торжественно отметить юбилей признанного уже почти всеми "вождя". Его удержала не скромность. Просто у него еще свежо было в памяти 50-летие Ленина. Он не раз ловил себя на мысли: ленинские слова о нем, Сталине, обычно приходили ему в голову, когда нужно было делать принципиальный выбор. Подлинный выбор предполагает способность субъекта ставить себя на место тех, кто зависит от него. Ленин умел мысленно принять роль другого; умели это и многие соратники Владимира Ильича. Но только не Сталин. Даже трудно представить, чтобы Сталин мог себя поставить, допустим, на место своей жертвы. Его прямолинейное мышление не допускало таких коллизий. Но сдерживать себя Сталин умел, особенно в начале своего восхождения. Поэтому и теперь, в канун своего юбилея, Ленин одержал его. Пока сдержал.

А тогда 50-летие Владимира Ильича отмечалось в Московском комитете партии. Правда, не было самого юбиляра. Вечер открыл Мясников. С пространной, но маловыразительной речью выступил Каменев, подчеркнув, что Владимир Ильич в "словах хвалы не нуждается, и пролетариат не привив словами, торжественными одами чтить своих вождей, своих лучших товарищей". Затем он долго говорил о войне, которая

”вздернула на дыбы массы”, о том, что Ленина по праву можно назвать главнокомандующим армией пролетариата, который придет к победе над старым миром. Говорил Горький, почему-то повторяя слова Троцкого о том, что русская история бедна выдающимися людьми... Как всегда оригинально, с пафосом, выступил Луначарский, показывая руками, как вокруг Ленина всегда ”веет ветер, ветер вершин”. Читал стихи пролетарский поэт Александровский, говорил о высоком демократизме Ленина Ольминский. Сталину тогда показались совершенно неактуальными слова, сказанные Ольминским: ”Одна из самых характерных черт Ильича — его демократизм. Ленин демократ по самой своей природе”. Сталин вспомнил, что его покорило от этих слов: война еще не отступила, а тут о демократии... Разве для революционера это главное?! И здесь он услышал, как Мясников предоставил слово ему, Сталину. Он готовился к речи, искал что-то необычное и неожиданно решил в день юбилея Ленина сказать... об умении Ленина признавать свои ошибки. Сталин говорил о том, что Ленин был сторонником участия в выборах виттевской думы, но затем публично сказал всем, что ошибался. Так и в 1917 году, негромко читал текст Сталин, Ленин ошибался в отношении к предпарламенту и потом публично признал это. ”Иногда т. Ленин в вопросах огромной важности признавался в своих недостатках. Эта простота особенно нас пленяла, — завершал свою речь Сталин. — Это, товарищи, все, о чем я с вами хотел поговорить”. Слушатели жидко поаплодировали пятиминутному выступлению Сталина, немного недоумевая над неюбилейными словами наркомнаца, как вдруг в зал вошел Ленин.

Речь его была короткой, динамичной, запоминающейся. ”Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а, во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушивания юбилейных речей”. Затем он сказал, что юбилей надо отмечать по-другому, и заговорил о положении дел в партии. Успехи революции, победы, которые мы одержали, продолжал юбиляр, временно отодвинули от нас задачи, которые мы должны решать сегодня в самых различных областях. ”...Нам предстоит громаднейшая работа и требуется приложить труда много больше, чем требовалось до сих пор. Позвольте мне закончить пожеланием, — сказал Ленин, — чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии”!

Почему Сталин тогда, в вечер чествования вождя, решил

отметить "ошибки" Ленина? Он сейчас не мог ответить на этот вопрос. Показать, что наркомнац не ручной? Выделиться? Или он знал, что Ленин не боялся никакой правды? Обо всем этом можно только догадываться. Во всяком случае, упоминание об этом выступлении первое время вызывало у самого Сталина чувство неловкости. Когда заместитель заведующего Центральным партийным архивом В. Адоратский обратился к Сталину с просьбой разрешить включить в сборник статей "О Ленине" его выступление на юбилейном вечере, тот отказался. Резолюция на письме была красноречивой:

"Тов. Адоратский.

Речь записана по существу правильно, хотя и нуждается в редакции. Но я бы не хотел ее печатать: неприятно говорить об ошибках Ильича.

И. Ст."².

Позже, однако, его выступление, "отредактированное", попадет в Собрание сочинений Сталина. Неловкость, "ложная скромность", чувство совестливости покинут его довольно скоро. Уже в начале 1925 года он согласится с предложением В. Молотова о первом крупном увековечении своего имени. После этого Председатель ЦИК Союза ССР М. Калинин и секретарь ЦИК А. Енукидзе подпишут постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета, в котором говорилось:

"Переименовать гор. Царицын — в гор. Сталинград; Царицынскую губернию — в Сталинградскую; Царицынский уезд — в Сталинградский; Царицынскую волость — в Сталинградскую и ж.д. станцию Царицын — в Сталинград"³.

На дворе было 10 апреля 1925 года. После смерти Ленина прошло немногим более года. То было одно из первых "испытаний совести", которое Сталин не выдержал. Впрочем, никакого смущения от "скромного" согласия на массовые переименования Сталин не испытывал. Гегель, которого он невзлюбил за свои бесплодные попытки овладеть хотя бы "оглавлением" его философии, писал, что совесть — это "процесс внутреннего определения добра"⁴. У Сталина то, что люди называют совестью, уже находилось во внутреннем заточении. Его совесть раз и навсегда была лишена каких-либо шансов.

Уже в 1927 году газеты опубликуют "Приветствие сталинградской газете "Борьба", подписанное — "И. Сталин". Скоро это станет нормой. Я не раз задумывался: что мог испытывать человек, беря в руки газету (например, "Правду" 3 марта 1927 г.), где напечатано краткое изложение его речи на соб-

рани в железнодорожных мастерских, носящих его имя. Ты жив, а твоим именем уже названы области, города, районы, предприятия, парки, газеты, корабли, дворцы культуры? Разве это не претензия на бессмертие?

Вот где иллюзия власти судьбы над временем! Ты жив, но ты уже бессмертен! Сталин знал, что свое время он переживет. Но бессмертие — еще не вечность!

...Таким был человек, ставший волею обстоятельств во главе огромной крестьянской страны.

Судьбы крестьянства

Герберт Уэллс, изобразивший в своем публицистическо-книжном репортаже Россию "во мгле", не преувеличивал. Она произвела на него "впечатление величайшего и непоправимого краха". На необозримых, гигантских пространствах, на бескрайней плоской равнине лежали сотни тысяч деревень, с наступлением ночи погружавшихся в вековую мглу. Как сто, двести, триста лет назад...

Почти все мы имеем глубинные корни в крестьянстве. Когда в памяти возникают солнечные пятна детства, то видишь, чувствуешь, осязаешь как наяву: запах талого снега, краснозобых снегирей на заборе, потемневший лед на речке, тонкую, рваную полосу Саянских гор на юге, скрип санных полозьев на деревенской улице. И лица давно ушедших людей...

Своих пращуров мы знаем не дальше дедушек и бабушек. Попробуйте назвать имя и отчество ваших прабабушки и прадедушки? Почти наверняка не вспомните. Время унесло их в вечность. Даже мысленно все труднее попасть в навсегда ушедший мир детства. Иногда хочется представить всех своих ближайших предков за одним длинным фамильным столом. Потемневшие иконы увидели бы сидящих на лавках крестьян. Бородатые мужики в холщовых рубахах с заскорузлыми ладонями вечных трудяг, добрые и покорные глаза их жен, становящихся старухами в сорок лет, рожающих часто прямо на меже; множество светлоголовых ребятишек (из младенчества в детство входила лишь половина). Обязательно за столом сидели бы один-два старика с "Георгием", прошедшие турецкую, японскую, германскую войны. Общинная мораль, превыше всего чтящая православие, труд, семью, Отечество, руководила

этими неграмотными людьми. Может быть, за столом и нашелся бы один грамотей, выписывавший "Ниву". Мужики, бабы, крестьяне... От них осталось сегодня лишь то, что мы сохранили в своей памяти, и, пожалуй, то, что осталось в некоторых из нас крестьянского: истовость в работе, бережливость, доверчивость, готовность прийти на "помочь" всем миром односельчанину.

В этом крестьянском мире еще в начале 30-х годов жило подавляющее большинство наших соотечественников. И в этом мире развернулась настоящая революция, похожая на побойше, санкционированное сверху.

Правда, первые жестокие схватки в деревне вспыхнули в ходе национализации помещичьих, удельных, монастырских земель. Созданные к середине 1918 года комитеты бедноты повели наступление на кулака. Более половины земель, принадлежавших кулакам, было отобрано. Конфискованные машины, скот были распределены между середняками и беднотой. Кулацкая прослойка уменьшалась. Деревня стала середняцкой. Нэп дал деревне возможность торговать после уплаты твердого налога. Еще при жизни Ленина, в конце 1923 года, Советская Россия продала другим странам около 130 миллионов пудов пшеницы. Тогда выглядела дикой, кощунственной сама мысль покупать хлеб... Продавать его — мыслью и делом естественным.

В восстановительный период удалось несколько поднять зерновое хозяйство страны, хотя оно еще далеко не достигло довоенного уровня. Если в целом и вырос объем производства хлеба, то товарного зерна государству явно не хватало. Это объяснялось и низкими закупочными ценами, и отсутствием товаров для села. Производственная кооперация в деревне делала лишь первые шаги. Поддержка бедняцких и середняцких хозяйств обеспечивалась нэпом. Хотя, естественно, нэп оживил и кулацкие хозяйства, дал толчок их росту. Но они не представляли опасности для государства, основой политической власти которого была диктатура пролетариата. Здесь хотелось бы отметить, что социалистические идеалы нельзя понимать как синоним бедности и неприятия богатства. Марксизм выступает лишь против богатства, созданного за счет эксплуатации чужого труда. Значительная часть кулачества свои хозяйства создала собственным трудом.

Ленин предвидел, что социалистические преобразования будут идти наиболее трудно на селе. Но он верил в пропаганду электричеством, тракторами, книжками! Великий провидец по-

лагал, что для того, чтобы обеспечить через нэп широкое участие крестьянства в кооперации, "требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия"⁵. В одной из последних своих работ Ленин формулирует исключительной важности положение: "Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма... При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве"⁶. Разумеется, в ленинском плане кооперирования сельского хозяйства не были раскрыты многие детали, этапы, особенности его реализации. Да это было и невозможно сделать в 1923 году.

Снижение налогового обложения дало возможность середнякам и кулакам увеличить излишки сельхозпродуктов, и прежде всего хлеба. Возросла покупательная способность крестьянства в целом. Но в стране одновременно усиливался товарный голод. Поэтому понятно, что крестьяне не спешили продавать хлеб; им были нужны не бумажные деньги, а машины и другие промышленные товары, а цены на них были высокими. Возникли трудности со снабжением городов. На рубеже 1927 года замаячил хлебный кризис. Кулаки, да и середняки придерживали хлеб, ждали более выгодных цен, нужных товаров.

Оппозиция пыталась использовать в своих целях растущие трудности в отношениях государства и крестьянства. Так, Каменев, выступая на XV съезде партии, обвинил руководство в недооценке капиталистических элементов в деревне, по существу, призвал ужесточить курс против кулака. Представители оппозиции еще раньше предлагали провести насильственное изъятие у кулака и середняка недостающих до нормального снабжения 150 — 200 миллионов пудов хлеба. Политбюро, обсуждавшему доклад, с которым Сталин собирался выступить на съезде партии, хватило мудрости отклонить этот путь. В политическом отчете съезду Сталин однозначно сказал: "Не правы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ: сказал, приложил печать и точка. Это средство легкое, но далеко не действенное. Кулака надо взять мерами экономического порядка. И на основе советской законности. А советская законность не есть пустая фраза"⁷. Кто не согласится сегодня с такими выводами? Разве это не верные слова? И их говорил Сталин!

Но дело в том, что слова Сталина часто расходились с его делами. Да и не только в этом. Он попросту плохо знал крестья-

янский вопрос. За всю свою жизнь он фактически только раз посетил сельские районы. Это было в 1928 году, во время его поездки в Сибирь в связи с хлебозаготовками. С тех пор до конца своей жизни Сталин на селе не появлялся. Кабинетное знание сельского хозяйства с особой силой проявилось позже и выразилось в единоличном принятии целого ряда глубоко ошибочных решений, имевших далеко идущие последствия.

На XV съезде, взявшем курс на коллективизацию сельского хозяйства, вносились дельные предложения по устранению хлебных трудностей в стране. В выступлении А.И. Микояна, в частности, говорилось, что товарная масса застревает в городах, не попадая в деревню, где спрос на нее огромен. "Чтобы добиться серьезного перелома в ходе хлебозаготовок, нужен решительный поворот. Этот перелом должен заключаться в переброске товаров из городов в деревню даже за счет временно-го (на несколько месяцев) оголения городских рынков, с тем чтобы добиться хлеба у крестьянства. Если мы этого поворота не произведем, мы будем иметь чрезвычайные трудности, которые отзовутся на всем хозяйстве"⁸.

Могло показаться, что в целях укрепления союза рабочего класса и крестьянства, решения насущных проблем деревни ставка будет сделана теперь не только на политические, но и экономические средства. Таков был и кооперативный план Ленина. Именно строй "цивилизованных кооператоров", считал он, позволит максимально соединить личный и общественный интересы. А ведь это самое трудное в социалистических преобразованиях! Главное: не использовать лишь командные, силовые, директивные методы, но обязательно учитывать экономические законы, умело применять экономические рычаги в реализации важнейшей, исторической по значимости программы кооперирования крестьянства.

В докладе о работе партии в деревне, который сделал на съезде секретарь ЦК ВКП(б) по работе в деревне В.М. Молотов, делались верные, в основном, выводы. В частности, подчеркивалось, что "развитие индивидуального хозяйства по пути к социализму есть путь медленный, есть путь длительный. Требуется немало лет для того, чтобы перейти от индивидуального к общественному (коллективному) хозяйству". Отмечалось, что в этом процессе недопустимо насилие. "Тот, — продолжал Молотов, — кто теперь предлагает нам эту политику принудительного займа, принудительного изъятия 150 — 200 млн. пудов хлеба, хотя бы у десяти процентов крестьянских хозяйств, т.е. не только у кулацкого, но и у части середняцкого слоя деревни,

то, каким бы добрым желанием ни было это предложение проникнуто, — тот враг рабочих и крестьян, враг союза рабочих и крестьян...” После этих слов докладчика Сталин громко произнес:

— Правильно!

Он еще несколько раз в ходе доклада подбадривал Молотова подобными возгласами⁹.

Казалось, линия на широкое использование экономических методов в кооперировании, соблюдение добровольности, последовательности выработана съездом. В резолюции по докладу Молотова прямо говорилось, что опыт подтверждает “целиком и полностью правильность кооперативного плана Ленина, по которому именно через кооперацию социалистическая индустрия будет вести мелкокрестьянское хозяйство по пути к социализму...”¹⁰. Более того, на съезде были решительно осуждены попытки навязать командные методы в крестьянском вопросе.

Тем более странным выглядело решение Сталина и того же Молотова форсировать процесс не просто кооперирования, а коллективизации деревни. Вскоре после XV съезда Сталин все чаще стал высказывать мнение о необходимости “взвинчивания темпов” индустриализации и коллективизации. Ему очень понравилась статья будущего академика С.Г. Струмилина, в которой тот сформулировал кредо “директивной” экономики: наша задача не в том, чтобы изучать экономику, а в том, чтобы переделывать ее; никакие законы нас не связывают; нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять; вопрос о темпах решают люди...”¹¹ Сталин неоднократно цитировал, заимствовал, заклинал слушателей и читателей полюбившимися фразами. Они как нельзя лучше отражали его собственные намерения. Сталин, по существу, начал быстрый поворот к чрезвычайным мерам. А это означало и наступление на нэп — рыночную модель социализма.

За подписью Сталина в конце декабря 1927 года (сразу же после XV съезда) и в январе 1928 года в губернии пошли грозные директивы, требующие усилить нажим на кулака, начать непосредственную работу по коллективизации. Возможно, такое решение объяснялось и трудностями с хлебом. Но попытка решить продовольственную проблему путем искусственного форсирования процесса обобществления была крупным отступлением от ленинского кооперативного плана.

Думается, что грандиозность социальной революции на селе, которую Сталин решил форсировать, не могла не привлечь

на его сторону большинство в партии. Радикальные, левацкие настроения после революции продолжали устойчиво жить в массе коммунистов; хотелось одним ударом решить те вековые проблемы, которые требовали взвешенного и спокойного подхода.

Сталин по своей натуре был очень осторожен. И все же после мучительных раздумий он пошел на риск — сплошную коллективизацию миллионов крестьянских хозяйств, зная, что масса полуграмотных мужиков еще не была к этому готова. Утопическо-догматический взгляд Сталина на крестьянскую проблему выражался, по существу, в намерении превратить сельского производителя в бездумный "винтик" аграрной машины. Для этого нужно было добиться отчуждения крестьянина от средств производства и распределения продукта. По сути, Сталин решил изменить социальный статус крестьянина как свободного производителя — сделать его бесправным работником. Для этого ему пришлось чрезвычайные меры превратить в "обычные" нормы жизни. Июльский Пленум ЦК (1928 г.) поддержал Сталина. Партия согласилась с возведением насилия в систему...

На смену экономическим законам приходили командно-экономические, постепенно "убившие" нэп, материальную заинтересованность крестьян, их предприимчивость и инициативность в работе. Некоторые из опальных левых, близких в прошлом к Троцкому, также одобрительно отнеслись к "решительным мерам" в деревне, поддержали шаги Сталина. Пятаков, Крестинский, Антонов-Овсенко, Радек, Преображенский и другие подали покаянные заявления и были восстановлены в партии. Пятаков стал председателем Госбанка, затем заместителем наркома тяжелой промышленности. Однако и он, и его единомышленники в 37-м испили горькую чашу до дна. Прошлого "вольномудства" Сталин никому не простил.

Первым пятилетним планом предусматривалось за пять лет охватить кооперированием до 85% крестьянских хозяйств, и в том числе до 20% в форме колхозов. Однако под нажимом сверху на Украине, Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге принимаются решения сократить эти сроки до одного года! Курс на широкое применение насилия по отношению к кулаку и в целом в вопросе коллективизации означал фактически конец нэпа. Вот как это осуществлял сам Сталин.

Приехав в январе 1928 года в Сибирь, Сталин в своих выступлениях на совещаниях с партийным и хозяйственным активом делал особый акцент на усиление давления на кулака. По-

ездка походила на объезд командующим своих гарнизонов. По приезде в очередной пункт Сталин вызывал местных партийных и советских работников, коротко заслушивал их и неизменно делал вывод:

— Работаете плохо! Бездельничаете и потакаете кулаку. Посмотрите, нет ли и среди вас кулацких агентов... Так долго терпеть этого безобразия мы не можем.

После раздраженного разноса следовали конкретные рекомендации:

— Посмотрите на кулацкие хозяйства, — говорил генсек, — там амбары и сараи полны хлеба, хлеб лежит под навесами ввиду недостатка мест хранения, в кулацких хозяйствах имеются хлебные излишки по 50 — 60 тысяч пудов на каждое хозяйство...

Сталин все свои выступления заканчивал одинаково:

Предлагаю:

а) потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам;

б) в случае отказа кулаков подчиниться закону, привлечь их к судебной ответственности по 107-й статье Уголовного кодекса РСФСР и конфисковать у них хлебные излишки в пользу государства, с тем чтобы 25% конфискованного хлеба было распределено среди бедноты и маломощных середняков...

Нужно неуклонно объединять индивидуальные крестьянские хозяйства, являющиеся наименее товарными хозяйствами, — в коллективные хозяйства, в колхозы...¹²

Такой нажимной стиль широко распространялся и поощрялся. Теоретическое и политическое обоснование лозунга, брошенного некоторыми ретивыми администраторами, — "За бешеные темпы коллективизации!" содержалось в статье Сталина "Год великого перелома". Некоторые перемены в настроениях, общественном сознании людей в пользу кооперации (не обязательно колхозов — это лишь одна из ее форм) были восприняты генсеком как повсеместная готовность середняка пойти в колхозы. Последовали новые решительные директивы и указания...

Через неделю после своего 50-летия Сталин выступал на конференции аграрников-марксистов. Его речь была знаменательна тем, что он еще до принятия постановления ЦК объявил: "...от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества, как класса"¹³. Это было пагубное решение, затронувшее самым трагическим образом судьбы миллионов людей.

37-й год в общественном сознании считается апогеем насилия и беззакония в нашей стране. Он коснулся в значительной мере интеллектуального слоя общества, поэтому неудивительно, что об этом так много пишут, превратив этот период в эпицентр общественного внимания. В конце 20 — начале 30-х годов "железная пята" прошла по гораздо большему числу людей, среди которых, возможно, было немало и настоящих недругов, но неизмеримо больше невинных: середняков, причисленных к кулакам, просто строптивых крестьян и членов их семей. Историки начинают разбираться в деталях этого процесса. Кооперирование мелких хозяйств, возможно, было исторической необходимостью. Однако было ли необходимым массовое насилие в этом экономическом перевороте? Без боязни впасть в ошибку, можно сказать: нет, такой необходимости не было. Процесс кооперирования должен был быть добровольным!

По настоянию Сталина для облегчения раскулачивания был составлен документ, "очерчивающий" параметры кулака: доход в год на едока, превышающий 300 рублей (но не менее полутора тысяч на семью), занятие торговлей, сдача внаем инвентаря, машин, помещений; наличие мельницы, маслобойни и т.д. Уже один из этих признаков делал любого крестьянина кулаком. Как видим, применялся не социальный критерий, а имущественный, что, по меньшей мере, недостаточно для определения класса. По существу, создавалась широкая возможность подвести под раскулачивание самые различные социальные элементы.

Насилие справило пышный пир. Масса крестьян пережила самое тяжелое потрясение в XX веке. Пострадали наиболее старательные, умелые, прижимистые, предприимчивые. Конечно, среди них было и немало таких, которые весьма настороженно относились к новой власти. Но всех их Сталин и его помощники однозначно отнесли к врагам социализма, которые должны быть "обезврежены".

Специальная комиссия к январю 1930 года подготовила проект постановления ЦК "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству". Сталиным (собственноручно!) сроки, предложенные комиссией, были сокращены в два раза. Без всякого научного обоснования, учета всех позитивных и негативных факторов, генсек настойчиво требовал: быстрее, быстрее, быстрее! Сводки, доклады, летучки в губкомах, волостях. Масса уполномоченных. Одни только обещают: "Трактора, керосин, соль, спички, мыло — все будет,

чем быстрее запишетесь в колхоз!" Другие действуют более решительно: "Кто не хочет в колхоз, тот враг Советской власти!" Страсти, конфликты, обрезы, убийства партработников, колхозных активистов, многочисленные письма в Москву с жалобами, ходоки за правдой... Такова была внешняя сторона тех драматических, а затем и трагических событий, которые переживало крестьянство. Объективная потребность в кооперировании, начавшая постепенно материализоваться в различных добровольных формах, была затем "подкреплена" целой системой жестких мер административного, политического, правового характера.

Стали обычными факты злоупотреблений. В русский язык вошло злое слово "раскулачивание". Под него подпало более миллиона крестьянских хозяйств (не только кулаков). По некоторым подсчетам, к моменту начала массовой коллективизации кулаков в стране насчитывалось в общей массе крестьянских хозяйств не более 3%, т.е. около 900 тысяч. Многие сотни тысяч семей (в полном составе) после изъятия у них всех средств производства, ценностей, недвижимости выселялись в отдаленные места. Едва ли когда-нибудь удастся назвать точную цифру людей, захваченных этим штормом беззакония. Вместо экономических мер ограничения влияния кулака в деревне были использованы самые беспощадные средства по его ликвидации. По некоторым данным, в 1929 году в Сибирь, на Север было выслано более 150 тысяч семей кулаков, в 1930-м — 240 тысяч, в 1931-м — более 285 тысяч. Но ведь раскулачивание велось и в 1928 году, и после 1931 года... По моим подсчетам, 8,5 — 9 миллионов мужчин, женщин, стариков, детей подпали под раскулачивание, большая часть которых была сорвана с насиженных мест, где остались могилы предков, родной угол, весь бесхитростный крестьянский скраб... Многие были расстреляны за оказание сопротивления, немало погибло на дорогах Сибири и Севера. В ряде мест захваченные инерцией социального насилия, а иногда и материальной заинтересованностью, подверглись раскулачиванию и середняки. Всего, по моим подсчетам, около 6 — 8% крестьянских хозяйств оказались втянуты в той или иной форме в водоворот раскулачивания.

Конечно, сотни тысяч кулацких хозяйств небезропотно приняли этот процесс. Нужно было, думается, применять продуманные административные методы против тех кулаков, которые вели прямую антисоветскую борьбу. Но ведь большая часть кулацких хозяйств могла быть приобщена к процессу об-

обществления, кооперации путем дифференцированного обложения, производственных заданий и обязательств. Этого не делалось. Отказ в самой возможности привлечь кулака к общему процессу ставил его перед трагическим выбором: бороться или ждать своей участи — раскулачивания и ссылки. Поспешность и беспощадность в решении вопросов, затрагивавших миллионы людей, привела к трагедии.

Интересно, пожалуй, привести в связи с вопросом о кулаке выдержку из беседы Сталина с Черчиллем 14 августа 1942 года. Закончились переговоры. Сталин пригласил английского премьер-министра поужинать к себе на кремлевскую квартиру. Во время долгой беседы за столом были Молотов и переводчик. В мемуарах Черчилля это выглядит так. Премьер спросил Сталина:

— На Вас лично так же тяжело сказываются тяготы внешней войны, как и проведенная Вами политика коллективизации?

Эта тема, пишет Черчилль, сейчас же оживила Сталина.

— Политика коллективизации была страшной борьбой, — сказал Сталин.

— Я так и думал, что для вас она была тяжелой. Ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей...

— С десятками миллионами, — сказал Сталин, подняв руки. — Это было что-то страшное, это длилось четыре года. Чтобы избавиться от периодических голодовок, России было необходимо пахать землю тракторами. Мы были вынуждены пойти на это. Многие крестьяне согласились пойти с нами. Некоторым из тех, кто упорствовал, мы дали землю на Севере для индивидуальной обработки. Но основная их часть (имеются в виду кулаки. — *Прим. Д. В.*) была весьма непопулярна и была уничтожена самими батраками...¹⁴

Я сохраняю выражения Черчилля: "аристократы", "помещики", "популярность" и т.д. Известно, что с легкой руки Черчилля цифра 10 миллионов пошла гулять по страницам печати. Мои данные несколько меньше, хотя это, разумеется, отнюдь не уменьшает величину этой страшной человеческой трагедии. То был первый массовый кровавый террор, развязанный Сталиным в собственной стране.

Годы коллективизации знаменовали, по существу, критический перелом в судьбах крестьянства с далеко идущими социальными последствиями. Исторические шансы добровольного кооперирования и нэповского, рыночного, развития были

упущены. Чрезвычайные, силовые методы стали определяющими в формировавшейся системе, все более удалявшейся от ленинского идеала.

А коллективизация продолжалась. Десятки тысяч писем шли в Москву на имя Сталина с жалобами, болью, недоумением, страхом, ненавистью. Запущенная машина беззакония продолжала перемалывать человеческие судьбы. Наконец лишь 2 марта 1930 года Сталин, до которого не мог не дойти размах морального протеста и социального сопротивления крестьянства, выступил в "Правде" с известной статьей "Головокружение от успехов". Как зловещая ода социальному насилию читается сегодня второй абзац статьи: "Это факт, что на 20 февраля с.г. уже коллективизировано 50% крестьянских хозяйств по СССР. Это значит, что мы перевыполнили (выделено мной. —Прим. Д.В.) пятилетний план коллективизации к 20 февраля 1930 года более чем вдвое".

Проценты, цифры плана, его двойное перевыполнение... Неужели Сталин никогда не задумывался, что за всеми этими (и множеством других) цифрами стоят человеческие судьбы?! Ведь он не привел другие данные: сколько сослано, раскулачено, уничтожено, погибло людей... Обычно говорят, что процесс такого гигантского преобразования не мог пройти безболезненно, гладко, без ошибок. Ведь коллективизация коснулась почти четырех пятых всего населения нашего государства! Но кто дал право Сталину исключить свободу выбора простого человека, а все решить за него?! А ведь Ленин предостерегал: "Не смей командовать!" Забыты были и его, Сталина, собственные заявления и заверения: "Кулака надо взять мерами экономического порядка и на основе советской законности!" Словом, для Сталина становилось обычной нормой относиться как к фикции к любым решениям, выводам, положениям, если в тот или иной момент они не соответствовали его планам.

В статье Сталина однозначно делается вывод (как будто по этому вопросу прошел в стране референдум!), что ни товарищество по совместной обработке земли, ни коммуна сегодня не отвечают требованиям социалистического преобразования деревни. Только колхозы! Вот эта форма сельхозартели является единственно приемлемой, решил "аграрий" Сталин, который больше никогда в село не поедет. В последующем он "изучал сельское хозяйство, — как заявил Н.С. Хрущев на XX съезде, — только по кинокартинам". Это, конечно, не совсем так, но трудно представить руководителя, который о любой проблеме может верно судить только из кабинета. Самое печальное, что

характеризует Сталина в целом, — он никогда не признавал своих ошибок. И здесь, в статье, виновники "перегибов", "головокружения от успехов", "чиновничьего декретирования", оказывается, находились лишь на местах: в губерниях, волостях, артелях! Сам Сталин, конечно, ни в малейшей степени "неповинен" в многочисленных извращениях, перегибах, беззаконии. А его прямые указания, директивы, контрольные цифры, соревнование по "охвату" и т.д.? Как всегда, генсек все это выносил "за скобки".

После "Головокружения от успехов" к Сталину хлынул новый поток писем от крестьян. Он был вынужден еще раз разъяснять позицию партии в вопросе о коллективизации, порой вольно или невольно дискредитируя своими обобщениями саму идею переустройства сельского хозяйства на путях постепенной кооперации. В ответах колхозникам генсек писал:

"Иные думают, что статья "Головокружение от успехов" представляет результат личного почина Сталина. Это, конечно, пустяки. Это была глубокая разведка (выделено мной. — Прим. Д.В.) ЦК".

Далее он пишет:

"Трудно остановить во время бешеного бега и повернуть на правильный путь людей, несущихся стремглав к пропасти..."¹⁵

Примечательно, что, затрагивая социальные, экономические, культурные вопросы, Сталин предпочитает пользоваться военными терминами: "разведка", "фронт", "наступление", "отступление", "перегруппировка сил", "подтягивание тылов", "подвод резервов", "полная ликвидация врага"... Речь, разумеется, шла и о "ликвидации кулачества как класса". И при этом — напыщенная образность, признание, что массы людей "неслись стремглав к пропасти". Как бы резюмируя свое понимание сути и методов преобразования села, Сталин на конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 года заявил: для того чтобы мелкокрестьянская деревня пошла за социалистическим городом, нужно "насаждать в деревне крупные социалистические хозяйства в виде совхозов и колхозов..."¹⁶. Фактически это была команда по ликвидации целой социальной группы крестьянства без обсуждения Пленумом ЦК, без глубокого обоснования всех последствий. К слову сказать, через десять лет в редакционной статье "Большевика" об этой "аграрной" речи Сталина будет сказано:

"Большевистская партия под руководством товарища Сталина дала изумительный образец решения крестьянского во-

проса... Триумфом сталинской программы социалистической переделки крестьянского хозяйства является сплошная коллективизация и ликвидация на ее основе кулачества как класса. Эту боевую программу переделки крестьянского хозяйства на социалистической основе товарищ Сталин изложил в документе величайшей теоретической силы, в своей речи на конференции аграрников-марксистов...¹⁷

В результате работы специальной комиссии Политбюро под председательством Молотова в январе 1930 года по настоянию Сталина было принято постановление ЦК "О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации". Эта партийная директива усилила напряженность в деревне, т.к. в соответствии с постановлением кулакам путь в колхозы был закрыт. Положение этой части крестьянства стало трагическим и безвыходным. Против кулаков принимались самые жесткие меры — полная конфискация имущества и высылка семьи экспроприруемого в отдаленные районы. Соответственно усиливались выступления кулачества против Советской власти, принимая порой большой размах. Противоправные действия против зажиточной части крестьянства породили ответную волну протеста, бандитизма, вооруженных выступлений против властей.

"Насаждение" коллективной формы хозяйства сопровождалось запугиванием, страхом, репрессиями, обещаниями. А ведь Октябрь создал прочные объективные предпосылки для реализации ленинского кооперативного плана: крестьяне получили землю, стали полноправными союзниками рабочего класса; был положен конец их эксплуатации. Новая, Советская власть ведь была и его, крестьянина, властью! Но методы принуждения, насилия, администрирования, которые в свое время разделял Троцкий, были использованы Сталиным в максимальной мере. Сразу же "забуксовало" зерновое хозяйство. Следом — и животноводство. А главное, была "подсечена" предприимчивость крестьянина; производительность труда в колхозах стала ниже, чем в индивидуальном хозяйстве. Последствия были исключительно тяжелыми. Во многих районах начался массовый забой скота: к 1933 году по сравнению с 1928 годом его количество сократилось в два-три раза. Чтобы помешать засаливать мясо, резко ограничили продажу соли. Сократились площади посевных земель... Сотни тысяч семей были сорваны с мест и лишены крова.

Сталину докладывали о том, что происходило в деревне. Генсек мог понять сообщения, информацию, но ему были чуж-

ды сантименты. Струны его чувств были так глубоко упрятаны, что едва ли что могло их затронуть. Он верил, что так нужно.

Однажды в редкую минуту, когда он почти заколебался в верности своего выбора, вспомнил старого бунтаря Бакунина, к которому где-то в глубине души питал уважение: "Воля всемогуща; для нее нет ничего невозможного". Сталин знал, что часто в речах, статьях, стихах его фамилия прежде всего олицетворяется со стальной волей, нестигаемым характером, твердой рукой. Волю Сталин действительно ценил в людях выше всяких "интеллигентских" добродетелей. Высокая цель для него всегда оправдывала любые средства их достижения. Он верил, что крестьяне просто не понимают, что им готовят и предлагают. Генсек не думал, что программа, которую он форсировал, часто представляла как "кошмар добра". Люди, которые выступали против нее, казались ему не просто недоумками, а прежде всего политиками, неспособными увидеть всех преимуществ форсированного наступления в деревне. О том, что наступать предстояло против человека в крестьянской домотканой рубашке, часто в лаптях, неграмотного, со своими традициями и заботами, привязанного пуповиной к своему наделу, генсека не волновало. Мужик был средством достижения высоких целей. А цель — превыше всего.

Все это время, особенно с начала 1928 года (поездка Сталина в Сибирь с 14 января по 6 февраля), в Политбюро велась глухая борьба. Курсу Сталина вначале осторожно, а затем все более настойчиво противодействовал Бухарин, его поддерживали Рыков и Томский. Это не было группировкой "правых", как ее вскоре нарекут. Просто эти руководители по своим взглядам, убеждениям проповедовали более умеренный, взвешенный подход к проблеме крестьянства. Они спокойнее отнеслись к так называемому "Шахтинскому делу", на основании которого Сталин ребром поставил вопрос "быстрейшей замены, контроля" над специалистами, доставшимися стране от старого строя.

В выступлениях Сталина и Бухарина без упоминания фамилий стала содержаться критика (эзоповским языком) друг друга. Так, 28 мая 1928 года Сталин выступил в Институте красной профессуры, где Бухарин, недавно выдвинутый здесь и ставший единственным академиком из числа высших руководителей, пользовался особо большой популярностью. Генсек захотел именно здесь поставить под сомнение позицию Бухарина, представив его как "защитника кулачества" в решении крестьянско-

го вопроса и хлебной проблемы. В своем большом выступлении, к которому Сталин тщательно готовился, он допустил несколько закамуфлированных выпадов против Бухарина. Но все поняли, кому они адресованы.

— Есть люди, — читал текст Сталин, — которые усматривают выход из положения в возврате к кулацкому хозяйству, в развитии и развертывании кулацкого хозяйства... Эти люди полагают, что Советская власть могла бы опереться сразу на два противоположных класса, — на класс кулаков... и на класс рабочих...

Далее Сталин продолжал:

— Иногда колхозное движение противопоставляют кооперативному движению, полагая, очевидно, что колхозы — одно, а кооперация — другое. Это, конечно, неправильно. Некоторые доходят даже до того, что колхозы противопоставляют кооперативному плану Ленина. Нечего и говорить, что такое противопоставление не имеет ничего общего с истиной¹⁸.

Бухарин, более чем кто-либо другой, понимал, почему Сталин форсирует колхозное строительство. Из коллективного хозяйства легче изъять хлеб! И здесь Сталин не ошибался: аграрное производство, включенное в командную систему, проще заставить фактически вновь вернуться к практике "военного коммунизма". Вот некоторые данные. В 1928 году (начало коллективизации) при валовом сборе зерна 4,5 миллиарда пудов крестьяне продали государству 680 миллионов пудов. В 1932 году (валовой сбор 4,3 млрд. пудов) — государство уже получило 1,3 миллиарда пудов! При приблизительно одинаковом валовом сборе зерна государство смогло удвоить товарную массу хлеба, полученного от крестьян. Но какой ценой!

На Северном Кавказе, Украине, в Поволжье, в других регионах страны наступила полоса жестокого голода. Сегодня нет достоверных данных о его жертвах. Но ясно одно: число их очень велико. Возможно, немногим меньше, чем во время раскулачивания. И это тоже цена "аграрной революции" генсека.

Голод был вызван не только засухой, охватившей основные сельскохозяйственные районы, но и дезорганизацией крестьянского хозяйства в ходе коллективизации, насильственным изъятием сельхозпродукции, наконец, несбалансированностью народного хозяйства в целом. Население городов ежегодно увеличивалось на 2 — 2,5 миллиона человек; росло число едоков. При низких закупочных ценах колхозное крестьянство не смогло, естественно, обеспечить страну хлебом. С самого начала существования колхозного производства от принципа материаль-

ной заинтересованности крестьянина не осталось и следа. К тому же государство продолжало импортировать хлеб. Для закупки за границей машин, оборудования, техники нужна была валюта. И Сталин торопил, настаивал. Его указания, естественно, выполнялись. Во многих районах, особенно на Украине, несмотря на голод, хлеб выбирался полностью. Цена индустриализации была горькой, трагической. Индустриализация — это не только самоотверженный труд рабочего класса, но и неисчислимы жертвы крестьян.

Голод толкал людей на хищение хлеба. По инициативе Сталина 7 августа 1932 года был принят Закон об охране социалистической собственности. Редактируя его, генсек собственноручно вписал: "...люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы, как враги народа..."¹⁹ За хищение колхозного имущества предусматривался расстрел или 10 лет лагерей. Закон "о колосках", как называли его в деревне, безжалостно карал тысячи голодающих. Сталин требовал его безусловного исполнения, и уже к началу 1933 года было осуждено свыше 50 тысяч человек.

По распоряжению Сталина о голоде в стране не писали, а он охватил районы с общей численностью населения 25 — 30 миллионов человек. Особенно тяжелыми последствия были на Украине и в Поволжье. Недород был большим, тем не менее планы поставок зерна и другой продукции государству остались прежними. Более того, новые коллективные хозяйства, еще не ставшие на ноги, получали повышенные задания по сдаче хлеба. Их невыполнение расценивалось как саботаж, "подрыв политики партии в деревне". Смятение охватывало тысячи деревень. Пассивное сопротивление крестьян выражалось в различных формах, в том числе и в невыходе на работу.

Голод и бесправие привели к тому, что колхозы шли на различные нарушения, чтобы обеспечить хоть чем-то голодающих. Освещение этих процессов было примерно таким. В одной из газет, в частности, сообщалось, что "из районов Северного Кавказа поступают сообщения о рваческих, кулацких тенденциях, проявляемых отдельными колхозами и совхозами в хлебозаготовках. В хуторском колхозе, несмотря на невыполнение плана в 1000 центнеров, правление распорядилось произвести обмолот хлеба для раздачи колхозникам".

Сталин, выступавший на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1933 года, ничего не сказал о голоде, а лишь глухо упомянул об имеющихся "трудностях и лишениях" в деревне. Главная задача, поставленная генсеком перед

колхозниками, была предельно ясной: "От вас требуется только одно — трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины, установить хороший уход за конем, выполнять задания вашего рабоче-крестьянского государства, укреплять колхозы и вышибать вон из колхозов пробравшихся туда кулаков и подкулачников"²⁰. О помощи бедствующим — ни слова.

Социализм на селе утверждал себя насилем. Это был метод Сталина. Мощь государства достигалась ценой свободы. Конечно, хлеб был нужен для закупок за рубежом промышленного оборудования, улучшения снабжения быстро растущих городов, создания государственных запасов. Но применять столь крайние меры было нельзя! Командно-директивные методы отныне окончательно вытеснили экономические. Ликвидировался не только кулак, но вытеснялся и единоличник вообще. И все это достигалось силой. На совещании в ЦК в 1934 году Сталин заявил однозначно:

— Надо создать такое положение, при котором индивидуалу в смысле усадебного личного хозяйства жилось бы хуже, чтобы он имел меньше возможностей, чем колхозник... Надо усилить налоговый пресс...²¹

И этот пресс все плотнее прижимал не только "индивидуалов", но и колхозы, делая их не хозяевами на своей земле, а каким-то бесправным сословием... Формировался новый тип крестьянина, отчужденного от земли и результатов своего труда. Люди потеряли право распоряжаться собой. Недоумение, смятение уступят место равнодушию. Но это будет позже. Как раз этого очень и опасался Бухарин.

До неузнаваемости искажив позицию Бухарина, изобразив его "защитником кулака" и человеком, не понимающим сути ленинского кооперативного плана, Сталин тогда, в Институте красной профессуры, впервые вынес разногласия с Бухариным "на люди".

В свою очередь в своих публичных выступлениях Бухарин, не называя имен, говорил о недопустимости администрирования в экономике. Главный теоретик Политбюро постоянно проводил мысль: без процветающего сельского хозяйства невозможна успешная программа индустриализации; нажим, реквизиции, насилие в колхозном строительстве недопустимы. В начале 1928 года исход борьбы был еще неясен. На первых порах однозначно поддерживали Сталина лишь Молотов и Ворошилов, а Бухарина — Рыков и Томский. Куйбышев, Калинин, Микоян и Рудзутак колебались, стремились примирить двух

влиятельнейших членов Политбюро. По сути, от этого "центристского" ядра тогда зависело: чья линия — Сталина или Бухарина — одержит верх. Но, как всегда, Сталин оказался более искусным и изощренным в аппаратных, закулисных делах. В результате апрельский, июльский, а затем и ноябрьский Пленумы ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 года заняли жесткую позицию в отношении альтернативы, предлагаемой в крестьянском вопросе Бухариным.

Сталин не просто "подталкивал" преобразования, он силой рушил все старое. Сталин не мог не понимать, что его курс на обобществление сельского хозяйства, по существу, вел к возрождению принципов "военного коммунизма". На смену твердому налогу пришла обязательная сдача, а не продажа хлеба. И это будет надолго, на десятилетия.

Бухарин же предлагал эволюционный путь преобразования деревни, в ходе которого кооперация, обобществленный сектор будут постепенно вытеснять индивидуальное хозяйство экономически, силой примера. Не во всем он был прав, особенно в определении исторических перспектив преобразований и их темпов, растягивающих процесс на долгие годы. История не отвела стране так много времени. И все же борьба Бухарина против триумфа злой силы, примененной к миллионам граждан Советского государства — крестьянам, была оправдана и по моральным, и по политическим соображениям.

Но Сталин не поддержал Бухарина. И вот к чему это привело! Повторю еще раз: в ходе переустройства деревни, безусловно, можно было избежать террора и трагедий, которые не уступают, а во многом — прежде всего по масштабам насилия и своим последствиям — превосходят репрессии 1937 — 1938 годов. Конечно, насилие и в том и другом случае глубоко преступно. Но удавшаяся операция с "ликвидацией кулачества как класса" вселила уверенность в Сталина, который почувствовал свои диктаторские возможности и не остановился перед тем, чтобы окончательно ликвидировать всех тех, кто когда-либо выступал или мог выступить против него.

Кстати, многие элементы плана Бухарина представляются рациональными, как, например, дальнейшая реализация нэпа в единстве с добровольным кооперированием сельского хозяйства.

И еще об одном. Последствия сталинской коллективизации сказываются уже многие десятилетия, несмотря на множество реформ, постановлений, решений, имеющих целью выправить положение в сельском хозяйстве.

Да, совершив насильственную "аграрную революцию", Сталин обрек сельское хозяйство на долгие десятилетия застоя. Кровавый эксперимент, стоивший миллионов человеческих жизней, не принес облегчения стране. По существу, на многие годы в село вернулась практика "военного коммунизма", хотя об этом никогда не говорилось. Сталин на многочисленных совещаниях расписывал победы колхозного строя. Фактическая разверстка, безвозмездное изъятие хлеба стали законом. Свободная торговля быстро зачахла: у колхозов не оказалось товарного хлеба. А Сталин все продолжал изыскивать методы ужесточения командного управления притихшими селами... Сколько состоялось пленумов ЦК, сколько принималось решений по коренному улучшению положения дел в сельском хозяйстве! А положение неизменно ухудшалось. Все усиливалось отчуждение колхозника от земли, средств производства, распределения, управления. Страх и равнодушие пришли в село. Колхозами командовали все, никто даже не вспоминал их кооперативную природу.

Первой жертвой сталинского цезаризма стало крестьянство.

Так "умер" нэп. Так оборвалась умеренная линия в руководстве Политбюро. Так было положено начало фактическому отмиранию на долгие годы коллективного руководства в партии. Так возобладало откровенное стремление Сталина решать все вопросы единолично.

Огромная притягательность социализма, рожденного Октябрем, стала падать. Недруги социализма и по сей день, желая нанести удар побольнее, обращаются к нашим крестьянским делам. Ничего не скажешь: Сталин дал обильную пищу и весомые аргументы для дискредитации когда-то столь привлекательных идей. Вот, например, как подает свою книгу "Урожай горя" Роберт Конквист: на обложке фраза -- "В период с 1929 по 1932 год Сталин нанес двойной удар по крестьянству ликвидацией кулака и насильственной коллективизацией"¹⁰⁰.

В разгар Великой французской революции, когда большинство ее вождей не видели приближающейся беды, Сен-Жюст, чувствуя подземные толчки приближающегося кризиса, бросил: "Революция закончена..." Сталин, решившись на беспрецедентное использование насилия против собственного народа, подрезал жилы огромной социальной группе, так много получившей от революции, но не сумевшей из-за сталинского цезаризма воспользоваться ее плодами. Революция на крестьянских

полях "закоченела" в жестких тисках сталинской административно-командной системы.

С конца 1928 года в биографии Сталина начинается новый этап: не только устраняются все непосредственные соперники в руководстве, но и начинается все то, что мы привыкли называть "культом личности". Устранение Бухарина было заметной вехой в этом процессе.

Драма Бухарина

Политический портрет Сталина, думаю, был бы неполным без освещения людей из его окружения — соратников, беспрекословных соглашателей, поддакивателей и противников. Чтобы показать еще одну грань характера Сталина, остановлюсь на драме Бухарина, разыгравшейся в 20-е годы. Трагедия этого человека произойдет позже.

Долгое время между Сталиным и Бухариным были тесные дружеские отношения. Временами казалось даже, что их связывает прочная дружба. С 1927 года Бухарин по настоянию Сталина жил в Кремле, а после смерти жены генсека они поменялись квартирами. Сталин объяснил это желанием освободиться от постоянных напоминаний о роковом дне смерти Надежды Сергеевны. **Николай Иванович Бухарин**, натура утонченная, свято хранил чувства дружбы, порядочности, искренности в отношениях со Сталиным. С ним они были всегда на "ты". Сталин обращался к Бухарину "Николай", а последний обычно звал генсека "Коба". В период с 1924 по 1928 год Сталин всегда внимательно прислушивался к Бухарину, неоднократно публично подчеркивал, что "его теоретический ум высоко ценил Ленин", что партия дорожит этим самородком. Для Бухарина личная дружба была чем-то духовно высоким, даже святым, от нее он не мог отмахнуться просто так, как это довольно неожиданно сделал Сталин в апреле 1929 года на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).

Свою речь на пленуме Сталин начал как раз со своих отношений с Бухариным.

— Товарищи! Я не буду касаться личного момента (а ведь уже коснулся! — *Прим. Д.В.*), хотя личный момент в речах некоторых товарищей из группы Бухарина играл довольно внушительную роль. Не буду касаться, так как личный момент

есть мелочь, а на мелочах не стоит останавливаться. Бухарин говорил о личной переписке со мной. Он прочитал несколько писем, из которых видно, что мы, вчера еще личные друзья, теперь расходимся с ним в политике (выделено мной. Прим. Д.В.)... Я думаю, что все эти сетования и вопли не стоят ломаного гроша. У нас не семейный кружок, не артель личных друзей, а политическая партия рабочего класса²⁷.

По существу, перефразируя слова Маркса по отношению к Дантону, Сталин пыгался убедить Политбюро, ЦК в том, что Бухарин, хотя и находился на вершине Горы, был в значительной мере вождем Болота.

Все вроде правильно: интересы дела выше личных отпущений. Но сколько все же отталкивающего, просто мерзкого в словах Сталина: упоминания о дружбе не стоят и "ломаного гроша", у нас "не артель личных друзей"... Наивный идеалист Бухарин получил от Сталина еще один урок макиавеллизма. Оказывается, его дружба, мнения, наконец, для Сталина просто "мелочь". А ведь так было не всегда.

Как рассказывал мне А.П. Балашов, работавший в секретариате Сталина, генсек, когда ему приносили бланки с результатами голосования членов Политбюро путем опроса, часто, не поднимая головы от бумаг, бросал:

— Как Бухарин, "за"?

Мнение Николая Ивановича, говорил Балашов, было весьма важным для Сталина при определении своего собственного отношения к конкретному вопросу.

Так каким же был Бухарин? Почему из всех соратников Ленина, оставшихся после его смерти на партийных постах, у многих о Бухарине сохранились наиболее теплые воспоминания с привкусом непоправимой горечи? Почему Ленин называл его "любимцем партии", а Сталин в конце концов уничтожил этого выдающегося деятеля?

Н.И. Бухарин родился в Москве в 1888 году в семье школьного учителя, дослужившегося до чиновника седьмого класса (надворного советника). Судьба Бухарина подтверждает еще раз, что большинство вождей Октябрьской революции были не пролетарского происхождения. Этому есть объективное объяснение: быть лидером, не овладев достижениями мировой культуры, нельзя. Усвоить ее, развить, разработать методологию использования в социальной практике могли в то время преимущественно выходцы из более или менее обеспеченных слоев.

В 1906 году Бухарин стал членом партии. О юности будущего теоретика сохранились любопытные воспоминания его друга тех лет Ильи Эренбурга. Студент экономического отделения юридического факультета Бухарин занимался пропагандистской работой среди рабочих и студентов. Его небольшую подвижную сухошавую фигурку с редкой бородкой и рыжими волосами над высоким лбом часто можно было видеть в те годы не только на студенческих митингах в Московском университете, но и на предприятиях Замоскворецкого района Москвы. После ареста в 1910 году ему удается бежать из Онеги, маленького городка Архангельской губернии, и он вскоре оказывается за рубежом. В Россию Бухарин вернется лишь после революции.

Шесть лет пребывания за границей были для него чрезвычайно плодотворными. Там он познакомился с Лениным, относившимся к Бухарину всегда не просто с теплым чувством, но и с большой любовью, что не мешало ему вести с ним жесткие дискуссии. Начинающий теоретик не вылезал из библиотек, быстро овладел немецким, французским и английским языками. Здесь Бухарин подготовил рукописи двух крупных теоретических работ — "Политическая экономия рантье" и "Мировое хозяйство и империализм". Характеризуя государство, попавшее в руки тирана, Бухарин, используя художественный образ, заимствованный у Джека Лондона, пророчески писал, что такой диктатор будет ходить своей "железной пятой" по лицам людей. Это было абстрактное, но едва ли не пророческое предупреждение против единовластия, милитаристской силы, для которых нет ничего святого.

В Нью-Йорке Бухарин познакомился с Троцким. Несмотря на частые теоретические и политические разногласия, между ними почти на десятилетие установились весьма теплые личные отношения. В Нью-Йорке и застала Бухарина весть о Февральской революции. Путь в Россию был долгим; в Японии он был арестован, затем попал под стражу уже на родине, во Владивостоке (за пропаганду среди солдат), и смог добраться до Москвы лишь в мае 1917 года.

Вскоре Бухарин стал редактором "Правды" и находился на этом посту почти двенадцать лет с одним небольшим перерывом. Как редактор главной партийной газеты, он принимал активное участие в выработке политики партии и ее пропаганде.

Он не умел ни хитрить, ни притворяться, ни "разводить дипломатию". Так, в 1918 году, в драматические недели борьбы за заключение мирного договора с Германией, Бухарин стал

фактически лидером оппозиции Ленину. В течение двух месяцев Бухарин возглавлял различные группы "левых", выступавших против Брестского мира и проповедовавших революционную войну.

Левокоммунистические пристрастия Бухарина не были случайными. В годы гражданской войны он был олицетворением самой радикальной "левой" линии. Именно Бухарин был одним из идеологов и политики "военного коммунизма".

В работе "Экономика переходного периода" Бухарин, по сути, занялся апологетикой теории и практики "военного коммунизма". Элементы насилия, декретирования в экономике Бухарин называл "издержками революции". Эти "издержки" по существу являются "революционным законом". Пролетарская революция, по Бухарину, вначале разрушает экономику, но затем создает ее быстрыми темпами. Хотел того или не хотел Бухарин, но он был одним из певцов "военного коммунизма".

Наиболее полно его взгляды как теоретика "военного коммунизма" были выражены в широко известной работе "Азбука коммунизма", готовить которую ему помогал Е. Преображенский, тоже способный молодой теоретик. В начале 20-х годов Сталин, кстати, высоко оценивал этот "катехизис" коммунистов. В "Азбуке...", как в энциклопедии, были изложены основные положения о революции, классовой борьбе, диктатуре пролетариата, роли рабочего класса, программе коммунистов и т.д. Успех "Азбуки..." был велик. Она переиздавалась около двадцати раз, распространялась за рубежом. Благодаря этой популярной книжке, где основные проблемы революционного движения были изложены с весьма радикальных, левых позиций, Бухарин в партии и стране стал известен не меньше, чем Троцкий, Зиновьев, Каменев. На Западе по этой книге о Бухарине долго судили как о "жреце ортодоксального марксизма".

И для этого были основания. Вот, например, что писал Бухарин в своем сборнике теоретических статей "Атака", изданном в 1924 году. Грандиозный мировой переворот, который грядет, включает в себя "и оборонительные, и наступательные войны со стороны победоносного пролетариата: оборонительные — чтобы *отбиться* от наступающих империалистов, наступательные — чтобы *добить* отступающую буржуазию...". Мировая революция будет захватывать одну страну за другой. Этому не помешают "все эти "лиги наций" и прочая дребедень, которую напевают с их голоса социал-

предательские банды..."²⁴. В революции, гражданской войне Бухарин представлял собой тип революционного радикала. если хотите — романтика, готового пойти на самые крайние меры. Стоит ли за это его осуждать? Видимо, нет. Время было такое. Многие мысли, прежде чем стать привычными, долго витают лишь у вершин эпохи, не опускаясь в доли прозаического бытия. Так, в то время любые надгосударственные, наднациональные, общечеловеческие идеи представляли просто буржуазными. Вседь многое из того, что мы говорим сегодня, повергло бы в ужас не только "ортодоксального марксиста". А именно таким и казался всем Бухарин.

Тем удивительнее быстрый поворот, который произошел в умонастроениях Бухарина несколько лет спустя. Он не скрывал, что эволюция его взглядов произошла под влиянием Ленина, прежде всего последних работ Владимира Ильича. При этом Бухарину удалось более глубоко проникнуть в сущность эпохи, чем большинству других руководителей партии. Во время болезни Ленина Бухарин часто навещал его и нередко подолгу наедине с ним обсуждал злободневные вопросы теории и практики социалистического строительства. Впрочем, обо всем этом можно только догадываться и строить предположения. Однако как бы там ни было, с 1922 — 1923 годов Бухарин входит в умеренное крыло большевистского руководства, уделяя особо большое внимание социально-экономическим проблемам.

На этом стоит остановиться и потому, что в нашей истории, к сожалению, часто на высоких партийных и государственных постах находились люди (Сталин — ярчайший пример тому), слабо, примитивно, вульгарно знавшие экономику, ее законы. Часто умение диктовать, а то и просто подписывать директивы, провозглашать лозунги типа "Экономика должна быть экономной", строить бесконечные планы на завтра, а завтра — на послезавтра, без реальной отдачи и отчета, считалось достаточным для того, чтобы распоряжаться судьбами многих миллионов людей. "Послужной список" генсека, его окружения напоминает: для политического руководителя мало одной идейной убежденности в истинности той или иной "платформы", искреннего желания материализовать ее на практике. Нужна не просто компетентность аппаратчика, а нечто более высокое: если не гениальность, то талант — обязательно. И сегодня, знакомясь с многочисленными работами Н.И. Бухарина, на которые было наложено "табу" для советских людей на целых пятьдесят лет, мы видим, что он был руководителем новой,

ленинской формации: убежденным, знающим и талантливым человеком.

Если Троцкий увидел в нэпе первый признак "вырождения большевизма", то Бухарин, наоборот, разглядел великолепный исторический шанс соединить новые возможности, которые дает социализм экономике. обществу, с предпринимательским потенциалом старых, отвергнутых структур. То, что один из "вождей" революции считал "троянским конем термидора", другой, более талантливый в социально-экономическом плане, определил как "дополнительный рычаг в процессе общественного переустройства". Выступая на собрании актива Московской парторганизации в апреле 1925 года, Бухарин заявил: "Сейчас дело идет о том, чтобы развитие мелкобуржуазных хозяйственных стимулов поставить в такие условия, чтобы оно вместе с частным накоплением все в возрастающей степени обеспечивало укрепление нашего хозяйства... Чем больше будет загрузка наших заводов, тем более массовым будет наше производство, тем больше город будет вести деревню; рабочий класс, тем мягче (выделено мной. — Прим. Д.В.) и в то же время прочнее будет вести крестьянство к социализму"²⁵.

Однажды, где-то в начале 1925 года, между Сталиным и Бухариным состоялся серьезный "экономический" разговор. Суть его свелась к высказыванию Сталиным своих сомнений по поводу нэпа и защите Бухариным самой сути этой политики. Бухарин в своих записках упоминает об этом разговоре. Сталин все время "нажимал" на то, что долгая ставка на нэп "задушит социалистические элементы и возродит капитализм". Генсек не понимал сути действия экономических законов и более полагался на "пролетарский напор", "директивы партии", "выработанную линию", "ограничение потенциальных эксплуататоров" и т.д. Разговор был долгим, и уже тогда Бухарин почувствовал, что Сталин не понимает и не доверяет нэпу, видит в нем, как и Троцкий, угрозу завоевания революции. Бухарин, обескураженный диалогом, решил изложить свое понимание нэпа в печати. Вскоре в "Большевике" появилась глубокая, не потерявшая своей актуальности до наших дней статья "О новой экономической политике и наших задачах", в которой он использовал и выводы своего доклада на собрании актива Московской парторганизации. Приведу два фрагмента из этой статьи:

"Смысл новой экономической политики, которую Ленин еще в брошюре о продналоге назвал правильной экономической политикой... в том, что целый ряд хозяйственных факторов, которые раньше не могли оплодотворять друг друга, по-

тому что они были заперты на ключ военного коммунизма, оказались теперь в состоянии оплодотворять друг друга и тем самым способствовать хозяйственному росту...

Эп, это: меньше зажима, больше свободы оборота, потому что эта свобода нам менее опасна. Меньше административного воздействия, больше экономической борьбы, большее развитие хозяйственного оборота. Бороться с частным торговцем не тем, что топтать на него и закрывать его лавку, а стараться производить самому и продавать дешевле, лучше и доброкачественнее его²⁶.

Эти строки Сталин не выделил в статье, хотя она и испещрена его пометками. Генсеку было очень трудно понять, как это можно давать свободу частному сектору? Разве это не подрывает диктатуру? Узость и примитивность экономического мышления предопределили в конце концов выбор Сталина в пользу командно-бюрократической системы руководства народным хозяйством с одновременным отказом от тех огромных возможностей, которые создавала новая экономическая политика. Сталин слушал, читал Бухарина, пока мало возражал, но где-то в глубине души у него нарастало чувство раздражения "экономическим капитулянтством" теоретика.

Бухарин до конца своих дней не переставал повторять, что его взгляды основываются на ленинских работах, и прежде всего последних, предсмертных пяти статьях исторического "Завещания".

После смерти Ленина Бухарин из кандидатов был переведен в члены Политбюро. Его авторитет определялся прежде всего репутацией нового теоретика марксизма, поразительной человеческой мягкостью, исключительной доступностью для людей. Он был полным антиподом Сталину в этом отношении.

Бухарин долго стоял в стороне от борьбы фракций, групп, оппозиций. Не случайно Зиновьев после одной из своих безуспешных попыток заручиться поддержкой Бухарина в борьбе со Сталиным назвал его презрительно — "миротворец". Бухарин, лояльно относящийся ко всем до 1928 года, старался быть выше фракционной борьбы. Главным он считал наметить основные тенденции социально-экономического развития страны, пути ее глубокой реконструкции. Здесь ему пришлось решительно выступить против так называемого "закона Прображенского", палящегося партией и партией к руководству. Его суть: сверхиндустриализация в такой стране, как Россия, возможна только на основе максимального "выдавливания" средств у крестьянства. Справедливости ради следует сказать, что сам

Преображенский отвергал насилие в отношении крестьянства, но считал необходимым широко "поставить" неэквивалентный обмен в рыночных отношениях между промышленностью и сельским хозяйством.

Бухарин убежденно считал, что "город не должен грабить деревню", что только политическая смычка, помноженная на смычку экономическую, поможет ускорить развитие промышленности и сельского хозяйства. Другими словами, теоретик новой экономической политики стоял за более гармоничные отношения между городом и деревней, допуская, правда, определенный перекося (на начальном этапе) в сторону выкачивания средств из крестьянства. Другими словами, Бухарин считал, что промышленность должна развиваться быстрее, но методы перекачки средств из сельского сектора должны быть умеренными. В одной из своих статей он прямо говорил: "Товарищи стоят за перекачку средств сверх меры, за такой усиленный нажим на крестьянство, который экономически нерационален и политически недопустим. Наша позиция состоит вовсе не в том, что мы отказываемся от этой перекачки; но мы гораздо более трезво учитываем то, что подлежит учету, то, что хозяйственно и политически целесообразно"²⁷. У Сталина эти выводы поначалу возражений не вызывали.

Даже такое положение, сформулированное Бухариным в 1925 году, не вызвало подозрений у генсека:

"Могут появиться чудаки, которые предложили бы объявить крестьянской буржуазии "варфоломеевскую ночь", и они могли бы доказывать, что это вполне соответствует классовой линии и вполне осуществимо. Но одна беда: это было бы глупо в высшей степени. Нам этого совершенно не нужно делать. Мы бы от этого ровно ничего не выиграли, а проиграли бы очень многое. Мы предпочитаем разрешить буржуазному крестьянину развивать его хозяйство, но брать с него будем гораздо больше, чем берем с середняка"²⁸.

Бухарин в кооперировании крестьянства, и это стоит особо подчеркнуть, видел возможность ограничения влияния "буржуазного крестьянина", но ограничений не административных, а экономических. По сути это было конкретизацией ленинского плана кооперирования крестьянства, но без насилия, реквизиций, давления и угроз.

Но уже в 1928-м и особенно в 1929 году и позже идеи Бухарина о кооперировании крестьянства будут расцениваться Сталиным не просто как отступление от ленинизма, а прямые

“враждебно-диверсионные планы правого уклона”, оппортунистическая ересь “враждебных социализму элементов”.

Бухарин пытался доказывать, что в Советской России не осталось крупных организованных враждебных политических сил, которые бы представляли серьезную опасность социалистическому государству. Насилие в отношении крестьянства будет иметь далеко идущие тяжелые последствия, пророчески предупреждал Бухарин. В этом нельзя с ним не согласиться. История подтвердила его правоту. Но Бухарин упускал две вещи: во-первых, медленные темпы кооперации, рассчитанные на десятилетия, ставили под угрозу само существование социализма в России, во-вторых, индустриализация страны требовала огромных средств, а источником их могла быть деревня. Оптимальное решение, думается, было где-то посредине. Что же касается гуманной стороны концепции Бухарина, то она не может не вызывать уважения к ее автору за высокую этическую одухотворенность, правильное, ленинское понимание созидательной стороны диктатуры пролетариата.

В 1925—1927 годах Сталин и Бухарин были самыми влиятельными деятелями в партии. И Бухарин фактически помог Сталину в борьбе против Троцкого, Зиновьева и Каменева. Хотя одновременно старался поддерживать с ними лояльные отношения. В результате вывода из состава Политбюро Троцкого, Зиновьева и Каменева вес Сталина и Бухарина в решении текущих и стратегических вопросов заметно возрос. Совсем еще недавно, когда оппозиционеры нападали на Бухарина, Сталин запальчиво отвечал им:

— Крови Бухарина требуете?! Не дадим вам его крови, так и знайте.

Обращает на себя внимание не только сам факт защиты Бухарина, но и использование “кровавой” метафоры. Тогда это казалось случайностью...

В Политбюро два его ведущих члена в известном смысле как бы дополняли друг друга. Сталин решал все организационные и политические вопросы, а Бухарин занимался разработкой и изложением теоретических принципов политики партии. Без преувеличений можно сказать, что до начала 1928 года Сталин во многом полагался на Бухарина в решении экономических вопросов и даже руководствовался его взглядами. В этом факте еще раз отмечу характерное заимствование Сталиным тех или иных установок других деятелей, которые затем трансформировались у него в личные. Мы знаем, что Сталин перенял многие командно-директивные лозунги Троцкого; в некотором

смысле обогатил свое понимание аграрных проблем воззрениями Бухарина. Но чем же объяснить, что начиная с 1928 года Сталин начал отворачиваться от Бухарина? Почему генсек, разделявший дотоле взгляды Бухарина, вдруг счел их "правым уклоном"? Почему их личная дружба быстро трансформировалась в устойчивую неприязнь?

Думается, что причин здесь несколько. Прежде всего, Сталина обеспокоила растущая в народе и партии популярность Бухарина как теоретика, политического деятеля, обаятельного руководителя. Авторитет Бухарина в партии в тот момент мало чем уступал авторитету Сталина. Сталина насторожила одна из статей Бухарина, посвященная Ленину, в которой тот писал: "Потому что у нас нет Ленина, нет и единого авторитета. У нас сейчас может быть только коллективный авторитет. У нас нет человека, который бы сказал: я безгрешен и могу абсолютно на все сто процентов истолковать ленинское учение. Каждый пытается, но тот, кто выскажет претензию на все сто процентов, тот слишком большую роль придает своей собственной персоне". В этих словах Сталину послышался выпад в собственный адрес: ведь в лекциях об основах ленинизма, которые генсек прочел в Свердловском университете, он выступил толкователем всего ленинского учения... Разве это не ясно? А потом, как это нет единого авторитета? А авторитет Генерального секретаря? Сталина беспокоило, что у Бухарина появилось немало способных учеников (Астров, Слепков, Марецкий, Цейтлин, Зайцев, Гольденберг, Петровский, другие), начавших заявлять о себе в печати, вузах, партийном аппарате. Например, Слепков и Астров стали редакторами "Большевика", Марецкий и Цейтлин работали в "Правде", Гольденберг — в "Ленинградской правде", Зайцев — в ЦКК и т.д. Сталина беспокоило, что усилилось политическое, теоретическое влияние Бухарина на идеологические процессы в партии и стране.

Другая причина кроется в волюнтаристско-волевых чертах характера генсека. Коллективизация, настоящая революция в сельском хозяйстве, но силовая революция сверху, началась в целом успешно, лучше, чем ожидали, чем предполагал Бухарин. Сводки, реляции, доклады с мест, информация аппарата постепенно убеждали Сталина, что при соответствующем нажиме наметки, связанные с коллективизацией, могут быть радикально пересмотрены. А самое главное: этот путь, по мнению Сталина, обещал быстрое преодоление зернового кризиса. А он, кризис, нарастал. Сталин все чаще говорил в узком кругу:

— Без решительного перелома в деревне хлеба у нас не будет.

Ему в этом охотно поддакивали Молотов и Каганович. У Сталина исподволь, но неуклонно зрела идея сократить сроки переустройства сельского хозяйства в 2 — 3 раза. Когда же нажим вызвал глухое, но широкое сопротивление крестьянства, особенно кулака, неожиданно пришло "гениальное" решение — ускорить его "ликвидацию как класса" чисто административными, политическими методами.

Споры в Политбюро по этому вопросу стали еще жарче. Повторю, Сталина всецело поддерживали Молотов и Ворошилов. Бухарина — Рыков и Томский. Сторонники Бухарина были тоже за коллективизацию и за "наступление на кулака", но без экспроприаций и насилия. Они верили в конечном счете в эффективность экономических методов давления. Колебались Калинин, Рудзутак, Микоян, Куйбышев. Кто знает, разберись они лучше в ситуации, поддержи линию Бухарина, и многое могло пойти по-иному. Ведь Бухарин не был против ни индустриализации, ни коллективизации, он был не согласен прежде всего с силовыми методами решения этих исторических задач. А это не мелочь: речь шла о людях. В конечном счете, рассуждал Бухарин, все преобразования должны служить человеку, социализму, а не наоборот! Но интеллектуальная совесть у тех членов Политбюро, от которых зависело принятие оптимального (а не обязательно радикального!) решения, не была столь утонченной, как у Бухарина. Еще один шанс совести был упущен. Как сказал Цезарь после одного из сражений с Помпеем: "Сегодня победа осталась бы за противниками, если бы у них было кому побеждать"²⁹. Даже Троцкий, наблюдавший теперь со стороны борьбу в Политбюро, сказал своим помощникам: "Правые могут затравить Сталина", имея в виду, что в их распоряжении пост главы правительства, руководство профсоюзами, теоретическое лидерство. Шанс был... Хотя, пожалуй, это было скорее стремление выдать желаемое за действительность. Неустойчивый баланс длился недолго, хотя одно время многим действительно казалось, что умеренная линия Бухарина одержит верх. Но Сталин уже тогда был непревзойденным мастером доводить свое решение до конца.

Рыков, ставший преемником Ленина на посту Предсовнаркома, и Томский — почти бессменный руководитель советских профсоюзов — не видели в Сталине бесспорного лидера, а Бухарина поддерживали не из личных соображений, а, что называется, по убеждению. Попытки Сталина повлиять на их

взгляды успеха не имели. Однажды Пятаков назвал Рыкова и Томского "убежденными эпистами". Думается, что это соответствует действительности. Но вся беда в том, что борьба против Сталина шла в стенах кабинетов, в самом узком кругу. Добавлю к этому, что для Бухарина и его сторонников опасность прослыть "фракционером" не была отвличенной. Но Бухарин, будучи глубоко убежденным в гибельности аграрного курса Сталина, не нашел путей более широкой опоры на тех, кто не приял насилия, диктаторства, "чрезвычайных мер". Бухарин пробовал вернуться к спокойному диалогу со Сталиным — тот принимал его на условиях полной капитуляции. Опальный лидер мучительно размышлял: "Иногда я думаю, имею ли я право молчать? Не есть ли это недостаток мужества?"³⁰ Но сказать — да, не хватает мужества — не смел. Уважая, а затем и презирая Сталина, Бухарин до конца своих дней надеялся, что к тому вернется благоразумие, порядочность, терпимость... Мы знаем теперь, что эти надежды были абсолютно напрасными.

Резко ухудшились отношения Сталина и Бухарина после публикации 30 сентября 1928 года на страницах "Правды" знаменитой статьи Бухарина "Заметки экономиста". В ней упрямый Бухарин (Ленин когда-то называл Бухарина "воском", а тот доказывал Сталину, что черепаха потому такая твердая, что она... мягкая) вновь утверждал необходимость и возможность бескризисного развития и промышленности, и сельского хозяйства. Любые другие подходы в решении экономических проблем Бухарин назвал "авантюристическими". "У нас должен быть пущен в ход, сделан мобильным максимум хозяйственных факторов, работающих на социализм, — писал Бухарин. — Это предполагает сложнейшую комбинацию личной, групповой, массовой, общественной и государственной инициативы. Мы слишком все перцентрализовали".

Через неделю Политбюро осудило это выступление Бухарина, и Сталин перешел в решительное наступление. В долгих жестких дискуссиях в Политбюро компромисса найти уже не могли. Многие заседания не протоколировались, а записывались лишь рсценция. Они свидетельствовали о том, что Сталин все больше одерживал верх. Бухарин остался в меньшинстве. В ряде пунктов пошел на уступки Рыков. Заколебался Томский. Сталин стал требовать, чтобы Бухарин "прекратил свою линию торможения коллективизации". В острой перепалке Бухарин запальчиво назвал Сталина "мелким восточным деспотом". Сталин не ответил на выпад, но для себя твердо решил: "Он больше мне не нужен".

Натянутые отношения все ухудшались. Но еще прежде, видя, что позиции "умеренных" слабеют, Бухарин совершил, казалось, необдуманый шаг, придя неожиданно 11 июля 1928 года к Каменеву на квартиру, фактически попытался установить нелегальные отношения с бывшей "оппозицией", которую ранее сам помог Сталину разгромить. После Бухарин еще дважды побывал у Каменева. Встречи были наедине. О чем долго говорили два бывших соратника Ленина, видимо, мы никогда точно не узнаем. Правда, в записях Каменева, как утверждал Троцкий, говорилось, что Бухарин был и взбешен, и подавлен. Он без конца повторял, что "революция погублена", что "Сталин — интриган самого худшего пошиба", он уже не верил, что можно что-либо изменить. Характерно, что содержание этого разговора сторонники Троцкого распространили в подпольной листовке, датированной 20 января 1929 года. За подлинность этих данных, естественно, ручаться нельзя.

Сталину, конечно, сообщили об этих контактах Бухарина, и на апрельском Пленуме 1929 года они будут одними из самых страшных "аргументов" против Бухарина. Контакты с Каменевым совершенно ничего не дали "умеренным", но сталинский ярлык "фракционер" Бухарин заработал. И здесь Бухарин решил обратиться к общественному мнению. В годовщину смерти В.И. Ленина, 24 января 1929 года, в "Правде" появилась статья теряющего почву под ногами Бухарина "Политическое завещание Ленина", представляющая изложение доклада на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина.

В статье говорилось о ленинском плане построения социализма, о важности изповской политики, о демократизме принятия решений и т.д. Бухарин писал как о самом сокровенном: в ленинских статьях "развивается курс на индустриализацию страны на основе сбережений, на основе повышения качества работы при кооперировании крестьянства, т.е. наиболее легком, простом и без всякого насилия (выделено мной. — Прим. Д.В.) способе вовлечь крестьянство в социалистическое строительство". Пожалуй, в этой формуле суть взглядов Бухарина на вопросы, так волновавшие партию в то время.

Но самое главное: заголовок статьи напоминал коммунистам (кто знал и кто помнил), что "Завещание" предполагало и перемещение Сталина с поста генсека на другой пост... Это было последней каплей. Тем более что в статье Бухарин с горечью и едва ли не с исключительной прозорливостью писал: "Советь не отменяется, как некоторые думают, в политике".

Я еще раз хочу напомнить мысль, которую я высказывал в книге ранее и к которой еще не раз вернусь: настоящая совесть всегда имеет свой шанс. Бухарин старался использовать этот шанс до конца; это требовало немалого мужества, готовности пожертвовать собой, своим будущим... Как не хватало многим этого мужества тогда, не хватало и позже! Совесть — тончайший интеллектуальный и эмоциональный камертон, измеряющий величину нравственности и гражданственности человека. Можно быть молодым или старым, рядовым или руководящим работником, но все равны в одном: для проявления подлинной совести нет какой-то границы или ранжира. Бухарин оказался человеком, для которого совесть навсегда осталась высочайшим мерилом гражданственности.

Конечно, преклоняясь перед умом Бухарина и его пророческим видением грядущего, нужно помнить, что ему, как и всем людям, были свойственны слабости и ошибки. Он тоже слишком поздно разглядел Сталина. Не всегда был последователен во взглядах. Допускал и досадные "сбои". Например, в статье "Злые заметки", опубликованной 12 января 1927 года в "Правде", совершенно незаслуженно обрушился на Есенина, объявив его поэзию "есенинщиной", "мужицко-кулацким естеством", дав как бы сигнал к нападкам на этого и других "крестьянских поэтов". Что было, то было. Об этом можно только сожалеть. Сталин, однако, отмечал не эти ошибки. Генсек посчитал, что бухаринский лозунг "Обогащайтесь!" выражает суть кулацкого мировоззрения, а его установка на "припаивание" кулачества к социализму просто враждебна. Сталин, порывшись в своей памяти и бумагах, припомнил еще одно "прегрешение" Бухарина. Николай Иванович на октябрьском Пленуме ЦК 1924 года, когда обсуждались вопросы работы в деревне, неожиданно для всех выступил с предложением "колонизировать" деревню! Но под "колонизацией" Бухарин понимал командирование 30 тысяч рабочих из города в село. И хотя партия прибегнет к этому совету позже, Сталин бросил не один увесистый камень в Бухарина за его идею "колонизации". Для всех, и в том числе Сталина, было ясно, что "колонизация" просто неудачный термин, суть которого в оказании городом помощи селу. Однако Сталин умел и пустяк превращать в "политическое дело".

Апрельский и ноябрьский Пленумы ЦК и ЦКК 1929 года, рассмотревшие вопрос о "правом уклоне" в ВКП(б), завершили начатый Сталиным разгром "группы Бухарина". В трехчасовой речи Сталин обрушился на Бухарина за отказ от предложенного ему Политбюро 7 февраля 1929 года компромисса,

равносильного поражению. А это означает, констатировал Сталин, что в партии теперь "есть линия ЦК, а другая — линия группы Бухарина". Несмотря на то что до января 1928 года Сталин в основном дружно работал с Бухариным, генсек определил несколько "этапов разногласий" с ним. При этом он сыпал словечками типа: "чепуха", "ерунда", "книжонки Бухарина", "немарксистский подход", "знахарство", "липовый марксист", "разглагольствования", "полуанархическая лужа Бухарина" и т.д.

Главный удар в своей речи Сталин нанес Бухарину как теоретика. Поскольку после Ленина Бухарин справедливо считался ведущим теоретиком в партии, Сталин решил его развенчать: "Теоретик он не вполне марксистский, теоретик, которому надо еще доучиваться для того, чтобы стать марксистским теоретиком"³². Здесь, конечно, Сталин не преминул привести ленинскую оценку Бухарина, сделав особый акцент на его второй части: "...в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)". Таким образом, это — "теоретик без диалектики, теоретик-схоластик". И дальше Сталин долго перечислял все разногласия, которые были у Бухарина с Лениным, расценив их как попытки "учить нашего учителя Ленина". Да это ведь и неудивительно, считал Сталин, если еще недавно "теоретик-схоластик" состоял в "учениках у Троцкого... вчера еще искал блока с троцкистами против ленинцев и бегал к ним с заднего крыльца!"³². Именно так расценил Сталин встречи Бухарина с Каменевым, о которых ему, естественно, стало известно.

В таком духе выдержана вся долгая речь Сталина, в которой разностной, уничтожающей критике были подвергнуты кроме Бухарина и Рыков с Томским. К слову сказать, эта речь была опубликована лишь много лет спустя в Собрании сочинений Сталина. Бухарин и Рыков были смещены со своих постов, но пока остались в Политбюро. Поскольку резолюция пленума была разослана во все местные партийные организации, началась проработка "правых" по всей стране. "Правда", другие органы печати систематически публиковали материалы, предававшие анафеме лидера "правых". А это было одновременно фактическим сигналом к форсированию коллективизации с ее не просто бесчисленными перегибами, а насильственной ломкой векового уклада крестьянства. О добровольности уже не говорили. Бухарин и после этого продолжал считать, что 20-процентный прирост промышленной продукции — предел,

после которого сельское хозяйство не выдержит. Сталин, как мы знаем, считал иначе, в несколько раз завышая эту цифру.

В ноябре 1929 года была утверждена генеральная линия партии на всеобщую коллективизацию, так как писал Сталин, "в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами"³³. А Бухарин все еще не хотел "каяться", как от него требовали, и 17 ноября 1929 года его вывели из состава Политбюро. Правда, спустя неделю, мучаясь угрызениями совести от малодушия, Бухарин, Рыков и Томский написали краткую записку в ЦК, в которой осудили свою позицию:

"Мы считаем своим долгом заявить, что в этом споре оказались правы партия и ее ЦК. Наши взгляды оказались ошибочными. Признавая эти свои ошибки, мы со своей стороны поведем решительную борьбу против всех уклонов от генеральной линии партии и, прежде всего, против правого уклона".

Сталину не понравилось, что в заявлении не было указано прямо о его, генсека, правоте. Ну да ладно. С Бухариным покончено.

Думаю, тогда еще очень немногие могли предвидеть не только приближающуюся трагедию Бухарина, но и поражение умеренного крыла в руководстве партией в целом. Приходится признать, что иногда наши недруги со стороны, казалось бы, замечали это довольно пророчески. В 8-м номере (апрель 1931 г.) меньшевистского "Социалистического вестника", основанного за рубежом Л. Мартовым, была опубликована статья, в которой анализировались результаты нэпа. В этом антисоветском журнале подчеркивалось, что Сталин делает все для того, чтобы "оборвать мечты о возвращении нэпа, оборвать надежды на эволюцию". Генсек, говорилось в статье, "уже не раз пытался скрутить в бараний рог правых коммунистов, — но по разным внутренним причинам расправа до сих пор не доведена до предела и насильственный конец Рыкова, Бухарина, Томского отсрочен. Процесс их окончательного вытеснения не только из аппарата, но и из партии еще не закончен. Сторонники нэпа, чувствительные к требованиям крестьянства (хотя и бессильные психологически порвать с диктатурой), уже сняты с постов, но еще не объявлены врагами народа. Но диктатор добирается и скоро доберется до них"³⁴.

В данном случае социал-демократам, покинувшим Советскую Россию, нельзя отказать в проницательности. А может быть, это пророчество Сталин расценил как "подсказку"? Подшивки этого тощего журнала лежали в книжном шкафу ста-

линского кабинета. Во всяком случае, логика борьбы, а главное, методы Сталина были такими, что искушенный аналитик мог уловить в ней не только отражение крестьянской трагедии на рубеже 20 — 30-х годов, но и неизбежный грядущий конец защитников нэпа и умеренной линии в руководстве ВКП(б).

Николай Иванович Бухарин, "покаявшись", страшно мучился от своей непоследовательности. Метался: почему не смог убедить Политбюро? Он понимал, что был не во всем прав. Рывок для индустриализации, по-видимому, был необходим. Жертвы неизбежны. Но какие? Ведь не человеческие же жизни... Он до конца не мог согласиться с методами тотального насилия, которые были применены к крестьянству. "Ликвидировать", а точнее, управлять кулаком можно было только экономическими методами. Драма Бухарина еще не вылилась в трагедию. В партии тогда, наверное, никто не мог предположить, что наступят кровавые 30-е годы... Все случится почти спустя десять лет после его капитуляции в ноябре 1929 года. Похоже, верно сказал летописец о гибели Цезаря: то, что назначено судьбой, бывает не столько неожиданным, сколько неотвратимым.

За полгода до ареста Бухарина Сталин (как и все члены Политбюро) получит его письмо. Только что пройдет судилище над Зиновьевым и Каменевым и их четырнадцатью "подельцами". Во время этого процесса, на котором подсудимые будут "показывать" на Бухарина, Рыкова и других, Вышинский объявит о начале следствия по "делу Бухарина". Вернувшись из Средней Азии, где он был в отпуске, Бухарин узнает о заведенном на него "деле". Бывший "любимец партии" в отчаянии. Он сразу сядет за стол и напишет письмо Сталину. Его мне обнаружить не удалось. Затем тут же, почти аналогичные — членам Политбюро и Вышинскому. Передо мной два письма Бухарина Ворошилову. Чтобы понять, как драма Бухарина перерастала в трагедию, я приведу отрывки из этих писем.

"Дорогой Климент Ефремович,

Ты, вероятно, уже получил мое письмо членам Политбюро и Вышинскому: я писал его ночью сегодня в секретариат тов. СТАЛИНА с просьбой разослать: там написано все существенное в связи с чудовищно-подлыми обвинениями Каменева. (Пишу сейчас и переживаю чувство полуреальности: что это — сон, мираж, сумасшедший дом, галлюцинация? Нет, это реальность.) Хотел спросить (в пространство) одно: и вы все верите? Вправду?

Вот я писал статьи о Кирове. Киров, между прочим, когда я

был в опале (поделом) и в то же время заболел в Ленинграде, приехал ко мне, сидел целый день, укутал, дал вагон свой, отправил в Москву, с такой нежной заботой, что я буду помнить об этом и перед самой смертью. Так вот, что же я неискренне писал о Сергее? Поставьте честно вопрос. Если неискренне, то меня нужно немедленно арестовать и уничтожить: ибо таких негодяев нельзя терпеть. Если вы думаете "неискренне", а сами меня оставляете на свободе, то вы сами трусы, не заслуживающие уважения...

Правда, я — поскольку сохраняю мозги — считал бы, что с международной точки зрения глупо расширять базис сволочизма (это значит идти навстречу желаниям прохвоста Каменева! Им того только и надо было показать, что они — не одни). Но не буду говорить об этом, еще подумаете, что я прошу снисхождения под предлогом большой политики.

А я хочу правды: она на моей стороне. Я много в свое время грешил перед партией и много за это и в связи с этим страдал. Но еще и еще раз заявляю, что с великим внутренним убеждением я защищал все последние годы политику партии и руководство КОБЫ, хотя и не занимался подхалимством.

Хорошо было третьего дня лететь над облаками: 8° мороза, алмазная чистота, дыхание спокойного величия.

Я, б.м., написал тебе какую-то нескладницу. Ты не сердись. Может, в такую конъюнктуру тебе неприятно получить от меня письмо — бог знает: все возможно.

Но "на всякий случай" я тебя (который всегда так хорошо ко мне относился) заверяю: твоя совесть должна быть внутренне совершенно спокойна; за твое отношение я тебя не подводил: я действительно ни в чем не виновен, и рано или поздно это обнаружится, как бы ни старались загрязнить мое имя.

Бедняга Томский! Он, быть может, и "запутался" — не знаю. Не исключаю. Жил один. Быть может, если б я к нему ходил, он был бы не так мрачен и не запутался. Сложно бытие человека! Но это — лирика. А здесь — политика, вещь мало лиричная и в достаточной мере суровая.

Что расстреляли собак — страшно рад. Троцкий процессом убит, политически, и это скоро станет совершенно ясным. Если к моменту войны буду жив — буду проситься на драку (не красно словцо), и ты тогда мне окажи последнюю эту услугу и устрой в армии хоть рядовым (даже если каменевская отравленная пуля поразит меня).

Советую когда-либо прочесть драмы из франц. рев-ции Ром. Роллана.

Извини за сумбурное письмо: у меня тысячи мыслей, скачут как бешеные лошади, а поводьев крепких нет.

Обнимаю, ибо чист
Ник. Бухарин”.

1.IX.36 г.

Ворошилов, прочитав, все взвесив, посчитает необходимым тут же переслать письмо Сталину и ответить Бухарину, но так, чтобы об этом ответе знали Сталин и другие руководители. На всякий случай нарком запасается политическим алиби. Следует распоряжение своим помощникам. Быстро составляются два документа:

”Сов. секретно. Л И Ч Н О.

Товарищу СТАЛИНУ
” МОЛОТОВУ
” КАГАНОВИЧУ
” ОРДЖОНИКИДЗЕ
” АНДРЕЕВУ
” ЧУБАРЮ
” ЕЖОВУ

В дополнение к письму Н. БУХАРИНА, направленному Вам 1/IX с.г. за № 2839 с.с., по приказанию тов. К.Е. ВОРОШИЛОВА направляю Вам копию ответа тов. ВОРОШИЛОВА БУХАРИНУ и копию ответа Н. БУХАРИНА.

ПРИЛОЖЕНИЕ: На трех листах.

Адъютант Наркома обороны СССР
комдив (Хмельницкий”.

4.IX.36 г.

А ответил Ворошилов своему бывшему товарищу в духе нравов, уже царивших в окружении единодержца.

”Тов. БУХАРИНУ.

Возвращаю твое письмо, в котором ты позволил себе гнусные выпады в отношении партруководства. Если ты, твоим письмом хотел убедить меня в твоей полной невинности (так в тексте. — Прим. Д.В.), то убедил пока в одном: — впредь держаться от тебя подальше, независимо от результатов следствия по твоему делу, а если ты письменно не откажешься от мерзких эпитетов по адресу партруководства, буду считать тебя и негодяем.

3.IX.36.

К. Ворошилов”.

Можно представить, как был ошеломлен Бухарин, хотя в глубине души он понимал, что нож сталинской гильотины давно занесен над его головой. Бухарин мог бы вспомнить, что 8 термидора, накануне своей гибели, Робеспьер воскликнул в Конвенте: “К тирании приходят с помощью мошенников, к чему приходят те, кто борется с ними? К могиле и к бессмертию”.

Боролся ли Бухарин? Судите сами. Прочтя убийственное письмо Ворошилова, Бухарин нашел в себе силы ответить "сталинскому наркомун".

"Тов. ВОРОШИЛОВУ.

Получил твое ужасное письмо.

Мое письмо кончалось: "обнимаю".

Твое письмо кончается "негодяем".

После этого что же писать?

У каждого человека есть или, вернее, должна быть своя личная гордость. Но я хотел бы устранить одно политическое недоразумение. Я писал письмо личного характера (о чем теперь очень сожалею), в тяжком душевном состоянии; затравленный, я писал просто к человеку большому; я сходил с ума по поводу одной только мысли, что может случиться, что кто-то поверит в мою виновность.

И вот, крича, я писал: "Если вы думаете "неискренне" (что я напр., кировские статьи писал "неискренне"), а оставляете меня на свободе, то вы сами трусы и т.д. И далее: "А если вы сами не верите в то, что набрехал Кам... и т.д. Что же, я думаю, по-твоему, что вы — трусы или обзываю трусами руководство? Наоборот, этим я говорю: так как всем известно, что вы не трусы, значит, вы не верите в то, что я мог написать неискренне статьи. Ведь это же видно из самого письма!

Но если я так сумбурно написал, что это можно понять, как выпад, то я — не страха ради иудейска (так в тексте. — Прим. Д.В.), а по существу, — трижды. письменно и как угодно, беру все эти фразы назад, хотя я совсем не то хотел сказать, что ты подумал.

Партийное руководство я считаю замечательным. И в самом письме к тебе, не исключая возможности ошибки со мной с вашей стороны, я писал: "В истории бывают случаи, когда замечательные люди и превосходные политики делают тоже ошибки частного порядка"... Разве этого не было в письме? Это же и есть мое действительное отношение к руководству. Я это давным-давно признал и не устану это повторять. Смее думать, я доказал это своею деятельностью за все последние годы.

Во всяком случае, это недоразумение прошу снять. Очень извиняюсь за прошлое письмо, впредь отягощать никакими письмами не буду. Я — в крайне нервном состоянии. Этим и было вызвано письмо. Между тем мне необходимо возможно спокойнее ждать конца следствия, которое, уверен, до-

кажет мою полную непричастность к бандитам. Ибо в этом — правда.

3.IX.36 г.

Прощай. *БУХАРИН* ³⁵.

Бухарин сказал: "Прощай". Но Сталин еще раз ослабил хватку горла задыхающегося Бухарина. 10 сентября 1936 года "Правда" сообщала, что Прокуратура СССР, не найдя данных, подтверждающих факт преступления, дело прекращает. Но это была лишь передышка. Сталин решил, что в следующем акте трагедии главным действующим лицом будет Пятаков. Он сам установит очередность спектаклей. В феврале подойдет очередь Бухарина... Февральско-мартовский Пленум ЦК 1937 года не только теоретически "обоснует" необходимость кровавой жатвы, но и бросит под сталинские серпы новые жертвы...

Сталин расчищал место на пьедестале. Еще один соратник Ленина оказался на обочине. "Вождь" почувствовал, что он может, вправе единолично принимать самые крупные решения. А разве, думал Сталин, это противоречит принципам диктатуры пролетариата, роли вождя в революции?

О диктатуре и демократии

Ленинские томики в библиотеке Сталина были густо испещрены рукой владельца. Одна деталь: изучая, читая, знакомясь, а может быть, просто разыскивая нужную цитату или мысль у Ленина, генсек мало интересовался ленинскими идеями о демократии. Но о диктатуре пролетариата — пометок много. Хотя, повторю еще раз: диктатура и демократия — две стороны одной медали, если речь идет о пролетарской диктатуре.

...Находясь в начале 1917 года вдали от России, Ленин с головой ушел в теоретическую работу. Записи в тетради, которые вошли в историю как знаменитая "синяя тетрадь", были озаглавлены: "Марксизм о государстве". В тревожные дни июля, когда Временное правительство пыталось разгромить партию большевиков и физически уничтожить вождя революции, Ленин продолжил свою работу над книгой в Разливе. На основе многочисленных заметок, собранных в "тетради", положений, идей, высказанных основоположниками научного социализма, Ленин за несколько недель августа — сентября написал свой ге-

ниальный труд "Государство и революция". Меня, еще раз перечитавшего его в ходе работы над этой книгой, особенно привлекли идеи о государстве переходного периода, о диктатуре пролетариата.

Ленин вопрошает:

— Каково же отношение этой диктатуры к демократии?

И отвечает словами "Коммунистического манифеста": "...превращение пролетариата в господствующий класс и завоевание демократии". Да, подчеркну это особо: Ленин видел в диктатуре инструмент для подавления эксплуататоров, угнетателей. Без этого тогда нечего было и браться за социальное переустройство общества, бороться за материализацию идеалов социализма.

Демократия и диктатура — понятия соотносимые. В известном смысле любое государство есть политическая диктатура господствующих классов. Приведу еще одну выдержку из "Государства и революции". Диктатура пролетариата, писал Ленин, "соединяет насилие против буржуазии, т.е. меньшинства населения, с полным развитием демократии, т.е. действительно равноправного и действительно всеобщего участия всей массы населения во всех государственных делах..."³⁶. Эти ленинские акценты на полное развитие демократии особенно важны, но генсек на них фактически не обращал внимания.

В диктатуре пролетариата, родившейся в Октябре 1917 года, насилие занимало ведущее место. И это объяснимо: шла борьба за то, чтобы победить, устоять, выжить. Но как-то сложилось, что не только в буржуазной литературе, но порой и в марксистской, прежде всего в 20-е и 30-е годы, рассматривалась лишь эта грань диктатуры. В то же время Ленин всегда считал, что созидательная, демократическая функция диктатуры пролетариата не только важнейшая, но имеет тенденцию стать главной и единственной. К сожалению, Сталин не разделял, во всяком случае на деле, эту идею Ленина. Для него в диктатуре пролетариата как форме власти трудящихся главным навсегда остался насильственный элемент.

Уже в начале 30-х годов проникательные люди могли почувствовать, что ленинские слова: "...не нам принадлежит... аппарат, а мы принадлежим ему"³⁷ — отражают реальное положение дел. Рождалась диктатура бюрократии. Коллективной бюрократии. А бюрократия постепенно порождала элиту, целую иерархию начальников. Директивы становились едва ли не главным средством социального общения. Все решалось в кабинетах. Собрания, сессии, съезды, пленумы лишь "одобряли",

“поддерживали”. Народовластие — только на словах. Шестеренки бюрократической машины крутились небыстро, но неотвратно. У главного пульта сидел Сталин, поглядывая из окон Кремля на свое детище. Таким уродливым стал переход к социализму, сталинскому социализму.

Сталин никогда не понимал, не хотел понимать сути пролетарской демократии, самого существа народовластия. Знакомство с его архивом, заметками, записками, записями речей свидетельствует: демократия для него была не более чем свободой поддерживать (только поддерживать!) решения партии. Ну а поскольку, как полагал Сталин, партию олицетворяет он, Генеральный секретарь, то подлинный демократизм заключается в согласии, одобрении его выводов, решений, намерений. Не все сразу заметили, что Сталин, раздвываясь с Троцким, Зиновьевым, Камневым, Бухариным, Пятаковым, Рыковым и другими лидерами партии, мыслящими иначе, чем он, подчеркивал при этом не их различия с ним, Сталиным, а с ленинизмом. Один из самых коварных, антидемократических приемов Сталина заключался в отождествлении (во всех случаях!) своей позиции, взглядов, решений с ленинскими. Не все сразу заметили, что благодаря такому приему никто и не мог оказаться правым в полемике, схватках со Сталиным. Для этого, по сути, нужно было развенчивать Ленина!

Да, конечно, есть вопросы, по которым Сталин выступал с правильных, ленинских позиций (например, о возможности построения социализма в СССР). Но ведь в конце концов генсек сумел так все представить, что его ошибки в национальном вопросе, отрицательное отношение к “позднему” нэпу, ложная концепция классовой борьбы, неправильное понимание сути коллективизации и преувеличение роли аппарата в политической структуре государства были не чем иным, как истинной интерпретацией подлинного ленинизма! Однажды, схватившись с Бухариным накануне его вывода из состава Политбюро, Сталин гневно бросил:

— Вся ваша компания — не марксисты, а знахари. Никто из вас не понял Ленина!

— Что же, один ты понял?!

— Я повторяю, вы не поняли Ленина! Разве ты забыл, сколько раз тебя бил Ленин за левачество, оппортунизм и путаницу?

Почти этими же словами Сталин будет “прижимать” Бухарина на апрельском Пленуме ЦК и ЦКК в 1929 году. Красная

нить всех его пространных рассуждений: он, Сталин, защищает ленинизм. И в том числе его понимание народовласти, демократии. В узурпации генсеком монополии на толкование ленинских положений — один из истоков многих будущих бед. Никто серьезно не смог тогда показать глубокую несостоятельность догматических претензий Сталина на роль единственного "защитника" ленинского наследия.

Подводя на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК в январе 1933 года итоги первой пятилетки, Сталин включил в доклад специальный раздел о задачах и результатах борьбы "с остатками враждебных классов". Хотя речь шла об "остатках", Сталин тем не менее призвал вести с ними "непримиримую борьбу". И ни слова о перевоспитании, включении многих "бывших", членов их семей в новую жизнь, которая быстрее и эффективнее способна менять их умонастроения и "классовые инстинкты". Сталин, рисуя социальную картину в обществе после первой пятилетки, говорил: "Остатки умирающих классов: частные промышленники и их челядь, частные торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы... расползлись по нашим заводам и фабрикам, по нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и главным образом — по колхозам и совхозам. Расползлись и укрылись они там, накинув маску "рабочих" и "крестьян", причем кое-кто из них пролез даже в партию.

С чем они пришли туда? — продолжал Сталин. — Конечно, с чувством несправедливости к Советской власти, с чувством лютой вражды к новым формам хозяйства, быта, культуры... Единственное, что остается им делать, — это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии. И они пакостят как только могут, действуя тихой сапой. Поджигают склады и ломают машины. Организуют саботаж. Организуют вредительство в колхозах, совхозах, причем некоторые из них, в числе которых имеются и кое-какие профессора, в своем вредительском порыве доходят до того, что прививают скотине в колхозах и совхозах чуму, сибирскую язву, способствуют распространению менингита среди лошадей и т.д.³⁸

После такой мрачной картины, рисующей ситуацию в стране в начале 1933 года, честных людей брала просто оторопь. Кругом враги, вредители, остатки эксплуататорских классов, но которые почему-то так же опасны, как и в первые годы Советской власти. Конечно, враждебно настроенных людей, не

принявших Советскую власть, было немало. И это естественно. Но они явно не представляли той грозной опасности, которую изобразил Сталин. А изобразил лишь для того, чтобы резюмировать: "Сильная и мощная диктатура пролетариата, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махины"³⁹. Тем не менее генсек делал ставку на дальнейшее усиление карающей, насильственной функции диктатуры пролетариата.

Таких выступлений Сталина в конце 20 — начале 30-х годов было много. Исподволь формировалось общественное сознание, в котором наряду с революционной устремленностью, энтузиазмом, коллективистским оптимизмом начинали прорастать семена подозрительности, недоверия к окружающим, готовность поверить в самые нелепые легенды о "врагах народа". Настоящее безумие 1937 — 1938 годов не возникло, если бы сознание людей исподволь к этому не готовилось. Миллионы людей, живущих в реальном капиталистическом окружении, привыкали постепенно к тому, что среди друзей, товарищей, коллег на производстве, в вузе, воинской части, творческом коллективе есть, "притаились" враги, ждущие своего часа... Призыв, лозунг, директива могли "бросить" многих на то, чтобы, как говорил Сталин, "добить последние остатки капитализма". Отсюда — один шаг до террора. Или, по крайней мере, — готовность к нему. Вот, видимо, почему Сталин, делая пометки в тексте речи Ленина на заседании Петроградского Совета 17 ноября 1917 года, обошел своим вниманием строки: "...террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять"⁴⁰. Сталин не был готов к такому пониманию диктатуры пролетариата. Напротив, генсек считал, что применение насилия является органичным элементом мирного строительства социализма. "Репрессии, — заявил Сталин летом 1930 года на XVI съезде партии, — являются необходимым элементом наступления"⁴¹.

А страна действительно наступала. Уже к 1930 году объем промышленного производства достиг 180% от довоенного уровня. К началу коллективизации столько же, сколько до войны, производилось сельхозпродукции. Шел процесс превращения аграрной страны в индустриальную. Высокими темпами ликвидировалась неграмотность. Миллионы людей получили возможность приобщиться к лучшим творениям мировой культуры. Народ, страна были на подъеме, хотя одновременно шли

крайне болезненные, трагические процессы "ликвидации кулачества как класса", складывалась жесткая командно-бюрократическая система управления народным хозяйством, культурой, наукой. Революционный заряд Октября продолжал инициировать активность людей в общественном сознании, трудовой и социальной деятельности. Постепенно утверждались нормы коллективистской морали. Казалось, самое время дать импульс демократическим началам в государстве и обществе. Но после Ленина они не получили сколько-нибудь заметного развития. А вскоре были просто отброшены.

Забвение демократической грани пролетарского государства грозило рано или поздно "отлучить" массы от социального творчества, превратить людей в слепых исполнителей, "винтики" гигантской государственной машины. Однако Сталин не спешил "включать" демократический потенциал социализма. Может быть, некому было напомнить генсеку, что "социализм невозможен, — как учил Ленин, — без демократии в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготавливается к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы..."⁴². Ленин уже на другой день после Октябрьского восстания произнес слова, которые были актуальны тогда, в 17-м; не менее актуальны на рубеже 20-х и 30-х годов; исключительно важны и сегодня: "Мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам"⁴³.

Сталин много размышлял о демократии, диктатуре. Тома ленинских работ в кабинете Сталина — немые свидетели раздумий его хозяина. У него не вызывало сомнений — ведь об этом писали классики! — диктатура имеет приоритетное значение перед демократией. Вообще он редко сомневался, а если сомнения и приходили к генсеку, их редко кто мог "разглядеть". Лицо, не выражающее эмоций, словно было создано для множества мраморных копий, которые скоро появятся на площадях сотен, тысяч городов. Глядя через щели тяжелых занавесей на кремлевский двор, Сталин думал: "До чего узко, начетнически трактует диктатуру и демократию компания Бухарина! Например, разве не ясно, что роль рабочего класса надо повышать, поднимать! Каждый крестьянин должен видеть в рабочем своего вождя!" Вспомнил, что, когда в прошлом году, в октябре 30-го, он, Сталин, предложил "закрепить твердо" рабочих за своими предприятиями, до него дошли признаки глухого недовольства. А ведь он продиктовал: "Запретить на ближайшие два года выдвижение квалифицированных рабочих во всякие

управленческие аппараты (кроме производственных и профсоюзных)". Но вот, спустя полгода, он почувствовал реакцию на это решение из контрреволюционного зарубежья. Некий С. Шварц, один из беглых меньшевиков, в "Социалистическом вестнике" опубликовал статью "Рабочий класс и диктатура". В ней он писал, что благодаря ему, Сталину, появилась "тенденция к оттеснению рабочих от аппарата управления, тенденция превращения рабочих в трудовое сословие, на обязанности которого лежит максимальное напряжение его трудовой энергии и безоговорочное подчинение социально-обособляющейся от него диктатуре"⁴⁴. Даже термины изобрели: "податное сословие диктатуры", "трудовое сословие". Могильщики революции! Если бы их не разгромили еще в те далекие уже теперь дни, не быть бы ему тут, в Кремле, да и вообще, все свелось бы к буржуазному выкидышу Февраля.

Он никак не мог понять, почему и социал-демократическая печать, и враждующий с ней Троцкий столь яростно атакуют партийный аппарат, диктатуру?! Разве не ясно, что это важнейший инструмент власти? Мысль генсека вновь и вновь убеждала его самого в исторической правоте: аппарат — орудие диктатуры. А без диктатуры бессмысленны даже разговоры о социализме, демократии... Но мы сегодня знаем, что Сталин уже тогда укреплял не столько диктатуру пролетариата, сколько диктатуру бюрократа.

Сталин много говорил о равенстве, общественных интересах как исходных посылах социалистической демократии. Беседа в 1936 году с группой работников ЦК, отвечающих за подготовку учебников, Сталин подчеркнул:

"Наша демократия должна всегда на первое место ставить общие интересы. Личное перед общественным — это почти ничего. Пока есть лодыри, враги, хищения социалистической собственности, значит, есть люди, чуждые социализму, значит, нужна борьба..."

"Личное перед общественным — это почти ничего". Не замечая изъянов, мы постепенно убедили людей в том, что все мы хозяева общенародной собственности. А то, что принадлежит всем, — не принадлежит никому. Чувство хозяина как бы исчезло. Постепенно восторжествовали уравнилельные принципы. За изобретение рабочему могли не заплатить несколько тысяч, хотя оно давало миллионную прибыль, только потому, что одному это — "много". Постепенно сформировался тип работника, боящегося "переработать", человека, спокойно смотрящего на приписки, очковтирательство, откровенное во-

ровство: "Что, государство станет от этого беднее?" Так "про-растал" сталинский тезис: "Личное перед общественным — это почти ничего". А сталинская "демократия" поддерживала людей в этом состоянии. Двигало ими, главным образом, принуждение, административные меры, страх, другие рычаги той системы, которую венчал единодержец.

Сталин не выступал против демократии. Не выступал потому, что понимал ее так, как может понимать деспот. Ведь многие цезари тоже не прочь создавать послушные парламенты, традиционную атрибутику с выборами, присягами, клятвами, формальным представительством. Для Сталина демократия как выражение социалистического народовластия была приемлема и терпима лишь в той степени, в какой она укрепляла его личную диктатуру. В беседе с Г. Уэллсом Сталин в центре всех своих рассуждений поставил власть "как рычаг преобразования", рычаг новой законности, нового порядка. Но ни разу Сталин не поставил власть в плоскость народовластия. Ни разу! Сталин ничего не любил так, как власть: полную, неограниченную, освященную "любовью" миллионов. И здесь он преуспел. Ни одному человеку в мире не удалось и никогда, видимо, не удастся совершить, казалось бы, запредельное: уничтожить миллионы соотечественников и получить взамен слепую любовь еще многих и многих миллионов сограждан! И все это вписывалось в сталинское понимание соотношения диктатуры и демократии.

Со временем для Сталина "жертвенность" стала одним из неотъемлемых атрибутов социализма. Когда планировалась новая стройка в Сибири, на Севере, то в "плановом порядке" определялась потребность в покрытии "естественной убыли". Органы НКВД даже планировали "емкости" в регионах, своеобразный резерв невольников для "социалистических строек". С конца 20-х годов недостатка в дешевой и бесправной (часто и обреченной) рабочей силе не было. Все "инициативы" по использованию заключенных Сталиным поддерживались. Он или бросал помощнику "согласен", или коротко расписывался на документе. Это означало, что предложение ведомства по использованию десятков, сотен, тысяч "врагов народа" в том или ином регионе одобрено.

Забегая вперед, замечу: Берия в своих записках Сталину не раз утверждал, что задания по строительству организациям НКВД так велики, что не хватает "живой силы"⁴⁵. Сталин "откликнулся".

25 августа 1938 года состоялось заседание Президиума Вер-

ховного Совета СССР, обсуждавшее вопрос о досрочном освобождении заключенных за хорошую работу. Возразил Сталин:

— Нельзя ли сделать так, чтобы люди оставались в лагере? А то мы их освободим, вернуться они к себе и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться. Ведь есть же у нас добровольно-принудительный заем. Давайте сделаем добровольно-принудительное оставление⁴⁶.

Указание "вождя" было ясным. Был принят Указ "О лагерях НКВД", согласно которому "осужденный, отбывающий наказание в лагерях НКВД СССР, должен отбывать установленный судом срок полностью". Такова была сталинская демократия.

Следствием атрофии демократических начал явилось создание машины принуждения и сильного карательного аппарата. Быстрое распространение получил догматизм в общественных науках, идеологии, пропаганде. Но главное, на что я хотел бы обратить внимание читателя: дефицит народовластия стал быстро вести к первым проявлениям переоценки роли одной личности, превознесению ее заслуг, изображению Сталина как некоего мифического мессии.

Интересно отношение самого Сталина к возвеличиванию его личности. (Еще до апогея культа личности это заметили многие.) Приведу выдержки беседы генсека с Эмилем Людвигом, состоявшейся 13 декабря 1931 года.

Людвиг. За границей, с одной стороны, знают, что СССР — страна, в которой все должно решаться коллегиально, а с другой стороны, знают, что все решается единолично. Кто же решает?

Сталин. Единоличные решения всегда или почти всегда — односторонние решения. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, с мнением которых надо считаться... Никогда, ни при каких условиях, наши рабочие не потерпели бы теперь власти одного лица.

Людвиг спросил, как Сталин относится к методам иезуитов.

Сталин. Основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство, — что может быть в этом положительного?

Людвиг. Вы неоднократно подвергались риску и опасности, Вас преследовали. Вы участвовали в боях. Ряд Ваших близких друзей погибли. Вы остались в живых... Верите ли Вы в судьбу?

Сталин. Нет, не верю... Это предрассудок, ерунда, пережи-

ток мифологии... На моем месте мог быть другой, и кто-то должен был здесь сидеть... В мистику я не верю⁴⁷.

Как видим, Сталин умел отвечать вроде бы "правильно". Но это совсем не значило, что его слова отражали его убеждения.

Один из глубинных источников многих человеческих бед, в том числе и культового характера, заключается в дуализме (раздвоенности) личности, как у мольеровского Тартюфа. Одно на словах, другое на деле. Для Сталина это стало нормой: осуждать вождизм и укреплять его, критиковать иезуитство и поощрять его на практике, говорить о коллективном руководстве и сводить его к полному единоначалию. Дуализм — производная лжи, продукт антиистины — является одной из основ обожествления единодержцев.

Уже в начале 30-х годов Сталин резко сократил свои (и без того крайне редкие!) выезды в области, на предприятия, в воинские части. С одной стороны, он плохо знал производство и ему не хотелось вникать в "земные" дела, связанные с технологией, производительностью труда, рентабельностью и т.д. С другой, его постоянно преследовало чувство, что на него готовится покушение. Ведь у него есть враги, и Троцкий или кто-нибудь из "бывших" могут пойти на крайние меры. "Органы" постоянно твердили об этом. Вот докладывает же опять Ульрих:

"Секретарю ЦК ВКП(б)

тов. И.В. Сталину.

16 декабря с.г. после двухдневного разбирательства в закрытом заседании военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор по делу группы шпионов и террористов, подготавливавших по заданию германского подданного теракт на Красной площади 7 ноября 1935 года. Приговорены к расстрелу Г.И. Шур, В.Г. Фрейман, С.М. Певзнер, В.О. Левинский..."⁴⁸

Сталин не стал дальше читать, подумал: "Охотятся за мной". Но он вырвет самые корни этих недобитков, вырвет.

Сталин редко "являлся" народу и потому, что, будучи по-своему пронизательным человеком, понял: чем реже он будет мелькать перед людьми, тем легче будет создавать у народа тот образ, который он хотел. Загадочность, таинственность, закрытость ходят рядом со священным, легендарным, сверхчеловеческим... Поэтому посещения трудовых коллективов он заменял тщательным анализом документов, регулярным просмотром кинохроники, заслушиванием многочисленных докладов

и, мало кто об этом знает, размышлениями перед географической картой.

Сталин любил постоять у карты, оглядывая, как владыка, гигантскую страну. Не обладая богатым воображением, Сталин, однако, представлял, как трудятся сейчас миллионы людей, воплощая в жизнь его, вождя, указания. Иногда водил пальцем по карте: Турксиб, Магнитка, Днепрогэс, Беломорско-Балтийский канал, Кузбасс; долго задерживался взглядом на колымских краях. Даже чтобы разглядеть эти края, нужно было сделать несколько шагов вправо... После такого очередного размышления перед картой неожиданно позволил Ворошилову и спросил: изучают ли в Красной Армии географию? Хорошо ли знают красноармейцы карту страны? Ведь обращение к карте Родины, подытожил Сталин, воспитывает гордость за нее, преданность нашему делу, идее... Ворошилов не был готов ответить на такой нестандартный вопрос, сказал что-то невпопад и обещал разобраться. Назавтра же, по его указанию, ПУР подготовил записку:

”Тов. Сталину.

На Ваш запрос об изучении географии красноармейцами сообщая, что география изучается всеми красноармейцами в обязательном порядке по специальным программам. Помимо изучения географии в порядке общеобразовательной подготовки, она проходится также и на политзанятиях. Особое внимание при этом обращено на изучение карты.

В этом году дополнительно к тому, что имели части, ПУРом рассылается 220 тысяч географических карт, 10 тысяч географических атласов, 8 тысяч карт на национальных языках и 10 тысяч глобусов.

28 июня 1935 г.

К. Ворошилов¹⁴⁹.

Сталин с удовлетворением просмотрел записку и, не поднимаясь с кресла, взглянул на карту. Хотя до стены было недалеко, он видел, где находится Сталинград, Сталино, Сталинск, Сталинабад...

Вскоре после смерти Ленина возникла крайне сомнительная, вождистская практика присвоения имен партийных, государственных, творческих деятелей городам, районам, предприятиям, вузам, театрам и т.д. Стали поименно сообщения газет о досрочном выполнении плана квартала химзаводом им. Сталина (Москва), ткацкой фабрикой им. Ворошилова (Тверь), первой и третьей бумажными фабриками им. Зиновьева (Ленинград), заводом им. Бухариша (Гусь-Хрустальный) и т.д. Практически в стране к концу 20-х годов уже не осталось облас-

тей, где бы имя Сталина не было присвоено какому-нибудь административному, производственному или культурному объекту или учреждению. Этим в сознании людей незаметно утверждалась мысль об исключительной, порой недоступной простому пониманию (иррациональной) роли Сталина в судьбе нации, истории народа, его будущем. Славословия в адрес "вождя" можно было услышать в любом служебном докладе или выступлении, где попутно превозносился и "вождь" местного масштаба.

Вот характерный пример. Н.С. Хрущев, секретарь МК ВКП(б), выступая на пленуме горкома в июне 1932 года, сказал: "Правильное большевистское руководство Московского обкома и городского комитета партии, указания, которые мы получаем в повседневной своей работе от т. Кагановича, громадная активность рабочих обеспечивают нам выполнение задач, которые стоят перед Московской партийной организацией..." Эти молитвенные заклинания, ставшие неотъемлемым элементом общественной жизни при Сталине, оказались столь живучи, что десятилетия существовали и после его смерти. В этом атрибуте вождизма не просто обожествляется руководитель, этим, если хотите, оскорбляется весь народ, который, будучи творцом всего сущего на Земле, ставится в положение "благодарителя", а не хозяина. Невольно создается впечатление, что люди, отказавшись от бога на небе, создают его на Земле.

Да, именно создают. Наиболее активны в создании культа "вождя" Молотов, Ворошилов, Каганович. Их голоса громче всех в славословии Сталина. Как это ни парадоксально, в этом хоре порой слышны голоса Зиновьева, Каменева, Бухарина, некоторых других опальных руководителей. Как-то неудобно читать их речи и статьи, особенно Зиновьева, покаянно секущего себя за прошлые ошибки и прославляющего "прозорливость и мудрость вождя партии товарища Сталина". Даже Бухарин не удержался от льстивых слов. Кто знает, может быть, они действительно разуверились в том, за что боролись, или просто инстинкт самосохранения давил на разум? Больше всех старался Карл Радек, о котором Сталин однажды сказал в узком кругу: "Мелкий троцкист, к тому же без убеждений".

Радек в 1934 году написал брошюру о Сталине "Золчий социалистического общества" в форме лекции по мифическому курсу истории победы социализма, которая, как мечтал автор, будет прочитана в 1967 году в 50-ю годовщину Октябрьской революции, в "школе междупланетарных сообщений". Одним из этих (1967 г.!) Радек выразил пожелание, чтобы Сталин, уже

находившийся на посту генсека двенадцать лет, и через тридцать три года (!) стоял бы у руля партии и государства. Вся брошюра написана примерно в таком стиле, как и приведенный ниже отрывок: "Политические вожди занимают свое место в партии и в истории не на основе выборов, не на основе назначений, хотя в демократической партии, какой являлась ВКП(б), эти выборы и назначения необходимы для того, чтобы занять место вождя. Вождь пролетариата определяется в борьбе за боевую линию партии, за организацию ее грядущих боев. И Сталин, принадлежавший и при Ленине к первым в руководстве партии, стал ее признанным и любимым вождем..."⁵⁰ Брошюра по тем временам вышла колоссальным тиражом — 225 тысяч экземпляров — и неоднократно переиздавалась. Рассказывают, что, когда Радеку, недавнему троцкисту, кто-то из "непримиримых" ядовито напомнил: давно ли ты говорил о Сталине совсем другое, как же это понимать? — тот нашелся: "Если бы такие, как я, оппозиционеры жили во времена Робеспьера, то каждый из нас был бы уже на голову короче..." Радек здесь просто предвосхитил то, что его ожидало через три года: славословие Сталина не помогло ни ему, ни Зиновьеву, ни Каменеву, ни многим другим, кто, признав свое идейное поражение, готов был исполнять любую волю "любимого вождя". Радек не понимал, что многое из того, что нас окружает, сиюминутно, суетно, эфемерно. То, что он хотел представить вечным, незыблемым, — величие и славу "вождя", — было таковым (и то отчасти!) лишь в сравнении с ним самим. Река перемен никогда не иссякает.

Параллельно со славословием в официальной литературе незаметно начала пересматриваться история и исподволь формироваться мысль: вождей Октября было двое — Ленин и рядом с ним вездесущий Сталин. В предисловии к 6-томному Собранию сочинений Ленина Адоратский утверждал, что ленинские труды нужно изучать вкупе с работами Сталина, что концентрированное изложение ленинских идей сделано "вождем" в "Основах ленинизма" и т.д.

Еще до апогея культа были попытки увековечить Сталина и в политической биографии. В сталинском фонде есть письмо Ярославского генсеку. В нем, в частности, говорится:

"Серго мне сегодня, уезжая, звонил, что говорил (так в тексте. — Прим. Д.В.) с Вами по поводу задуманной мною книги "Сталин"..."

На письме ответ, как всегда, карандашом, генсека:

"т. Ярославскому. Я против. Я думаю, что не пришло еще время для биографий.

1.VIII.1931.

*И. Сталин*⁵¹.

Резолюция весьма красноречива: "Не пришло еще время для биографий". Триумф одной личности только начинался. Еще не сломлено было крестьянство, еще только поднимался лес заводов, еще жива большая часть "ленинской гвардии", и прежде всего те, кто хорошо знает, каким он был всего десять лет назад. Только появляются статьи, подобные панегирику Ворошилова, подготовленному к 50-летию "вождя". Главное — постепенность, последовательность, неотвратимость... Важно сохранять на людях приверженность скромной манере держаться. Вот и сегодня он заметил, садясь не в первый, а во второй ряд президиума совещания, как с новой силой вспыхнули аплодисменты. Люди стали на цыпочки, чтобы рассмотреть его невысокую фигуру. "Время для биографий" еще придет...

Но уже положено начало практике направлять верноподданнические письма, рапорты вождю. Вот, например, 7 апреля 1931 года коммуна им. Сталина села Цасучей Оловянниковского района Восточно-Сибирского края послала в Москву рапорт, опубликованный в "Правде":

"...Выдвигая встречный план по расширению посевных площадей, коммуна вместо преподанной (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) цифры в 262,5 га засеивает 320 га... Мы за генеральную линию партии под руководством большевистского ЦК и лучшего ленинца — тов. Сталина! Мы за полное осуществление пятилетки в 4 года и ликвидацию кулачества на основе сплошной коллективизации! По поручению коммунаров коммуны им. Сталина

Климов, Токмаков".

Такие письма вскоре стали приниматься на каждом собрании каждого предприятия, колхоза, совхоза, вуза, учреждения. Началась деформация общественного сознания, которое отныне стало питаться исключительно культовыми мифами. Пропаганда все больше и больше делает акцент на веру: все, что сказал, выразил, сформулировал Сталин, непреложно, верно, не требует доказательств. Другими словами, Сталин — полубог. В конце концов эти мифы, ставшие основой всей общественной жизни, будут сведены к двум простеньким постулатам:

— вождь партии и народа — в высшей степени мудрый человек. Сила его интеллекта способна ответить на все вопросы прошлого, разобраться в настоящем, заглянуть в грядущее. "Сталин — это Ленин сегодня";

— вождь партии и народа — полное олицетворение абсолютного добра, заботы о каждом человеке. Он отрицает зло, невежество, вероломство, жестокость. Это улыбающийся человек с усами, держащий маленькую девочку с красным флажком на руках...

Система мифов, без которых невозможен культ личности, стала закрепляться ритуалами (обязательная ссылка на руководящие указания "лучшего ленинца", принятие встречных планов, отправление благодарственных писем, распространение внешней символики и т.д.). Чем выше превозносился Сталин, тем больше, объективно, унижался народ. Прав был немецкий писатель Лихтенберг, сказавший однажды: "Слава знаменитейших людей всегда отчасти объясняется близорукостью тех, кто ими восхищается..."

Понимал ли сам Сталин, что процесс возвеличивания его персоны унижает партию, народ, общество? Видел ли он аморальность этого курса? Предпринимал ли генсек сознательные шаги к усилению цезаризма? На все эти вопросы следует ответить однозначно: да, понимал, видел, предпринимал. Отдельные шаги, жесты "скромности", которые иногда позволял себе Сталин, служили одной цели — возвеличить себя еще больше. И он поддерживал утомительные и бесконечные ритуалы славословия в свой адрес. Генсек не мог не понимать уродливости положения, когда над головами тысяч демонстрантов плывут сотни одинаковых портретов с его изображением; когда в каждом номере "Правды" можно насчитать десятки упоминаний его "стальной" фамилии; когда любой успех связывают с его мудростью, заботой, предвидением. Сталин, недоучившийся семинарист, понимал "технологию" культа, его психологию и проявления.

Он знал, что, кроме культов вождей, богов, императоров, в истории были попытки создания и иных культов. Еще Робеспьер и другие депутаты Конвента пытались утвердить в сознании народа культ "верховного существа". В декрете Конвента говорилось, что "культом, достойным верховного существа, является исполнение человеком его гражданских обязанностей". Это, по сути, была новая государственная религия республики. Робеспьер, держа в руках цветы и колосья ржи, выступил на грандиозном празднестве в честь "культа верховного существа". Он надеялся, что с его помощью граждане республики станут рыцарями долга и чести. Робеспьер жестоко ошибся. Сталин, читая книгу о Робеспьере, не мог понять, как тот не увидел главного: нужно было укреплять собственную власть,

создавать собственный культ, а не рождать эфемерные призраки общечеловеческой нравственности. Культ морали генсек считал творением либералов, рафинированных интеллигентов, буржуазной выдумкой.

Культ личности... В этом деле не должно быть осечек. А посему Товстуха, Двинский, Каннер, Мехлис, а затем и Поскребышев ежедневно просматривали и визировали все более или менее значимые материалы о нем и его фотографии, предназначенные для печати. А наиболее важные показывали ему, генсеку. Нередко его карандаш добавлял одно-два слова, которые еще более рельефно высвечивали "исключительность", "проницательность", "решительность", "заботу", "мужество", "мудрость товарища Сталина". Сам он давно понял, что благоприятный образ вождя, или, как сегодня говорят, — "имидж" руководителя, больше всего зависит от внешнего спокойствия, невозмутимости, величавой медлительности. Разве в великой сумятице клокочущего мира это не является редким и уникальным?

Иногда, споря по бесчисленным вопросам, рожденным тем сложным временем, люди пытаются определить: с какого момента начался культ личности Сталина? Кто первый "позвал" людей славословить генсека? Называют имена тех же Ворошилова, Молотова, Кагановича... И все же, думаю, явления культа начались не с этого: если бы взмах не стал славить Сталина Ворошилов, это начал бы делать кто-нибудь другой. В тех условиях это было практически неизбежно. Почти полное отсутствие гласности, подлинного контроля снизу за деятельностью высших эшелонов власти, непомерная "секретность" порождали вождизм и соответствующие ему культовые обряды.

"Тайны" культа не в личностях, а в том процессе, который стал быстро развиваться после смерти Ленина. Государственные, партийные, общественные институты оказались непригодными для социальной защиты. Несовершенство политического механизма власти сделало возможным мнение, волю, прихоть одного человека выдавать за волеизъявление народа. Опыт социалистической государственности был очень незначительным; ленинские предостережения были учтены лишь формально; наличие постоянной внешней угрозы создавало атмосферу "осажденной крепости", в которой, как известно, всегда сознательно идут на ограничение демократии. Отсутствие подлинной выборности, сменяемости и обновления руководства, создание номенклатуры, всевластие аппарата, выдвижение на-

силы в качестве универсального средства решения социальных вопросов (вспомним сталинские термины "насаждение колхозов", "раздавить врага", "ликвидация кулачества", "нанесение сокрушающего удара пособникам" и т.д.) создали предпосылки серьезных деформаций в сфере общественного и индивидуального сознания. В нем стали играть доминирующую роль мифы, обожествляющие отдельного человека.

Конечно, причины единовластия — в недрах государства, общества, в истории, традициях создаваемой системы. Главная идейная "заслуга" Сталина здесь состоит в том, что он смог своим изощренным умом добиться, чтобы в конце концов его имя олицетворялось с социализмом, новым великим делом. А дальше логика проста: славословие, защита, укрепление социализма есть одновременно и славословие, защита и укрепление позиций Сталина, после Ленина — подлинного и единственного вождя. В партии, кстати, фактически не было сомнений, что должен быть вождь и после смерти Владимира Ильича. Цезаристские настроения масс, огромное значение быстро растущего аппарата в деле упрочения и узурпации личной власти стали понятны Сталину ранее, чем кому-либо другому.

В организационном отношении "заслуга" Сталина еще более очевидна: он смог превратить партию в инструмент личной власти. Советы, заняв уже с конца 20-х годов подчиненное, а затем вспомогательное, порой даже бутафорское положение, утратили реальную власть. Партия, которая должна была осуществлять политическое, идейное руководство обществом, полностью взяла на себя функции государственной власти. Это лишило ее творческого динамизма, сделало важнейшим звеном сталинской диктатуры.

Вместе с тем нельзя отрицать и влияния внешних факторов на формирование деспотического единовластия в стране. Наличие реальной угрозы империалистического нападения давало в руки партии постоянный беспорный аргумент в "защиту" централизации, ограничения демократии, превращения страны в полувоенный лагерь, которому, естественно, необходим политический полководец. Коминтерн, все более теряющий свою независимость, освящал авторитетом коммунистических партий вождизм Сталина. Да и редкие буржуазные деятели, решившие сотрудничать с СССР, предпочитали иметь дело со Сталиным, а не с огосударственной партией.

Таким образом, все или почти все (кроме совести!) "работало" в тот период на Сталина. При этом нельзя отбрасывать и субъективные моменты, помогавшие Сталину: подчерки-

вание верности ленинизму, демонстративная "скромность", происхождение. Все это позволяло Сталину без драматических сбоев двигаться к его цезаристской цели. Самое страшное заключалось в том, что подавляющее большинство народа и партии верило, что сталинский курс на единовластие и есть социализм. Тогда немногие понимали, что абсолютная власть развращает абсолютно.

Поэтому рассуждения — с чьей легкой руки начался культ — беспредметны. Главная беда не в том, что начали славословить, а в том, что не думали о народовластии, которое кардинальнейшим образом и отличает социализм от других общественно-экономических формаций. Думаю, можно сказать, что культ личности — уродливые социальные отношения власти и народа, руководителя и общества. В общественном сознании это выразилось в ликвидации свободы выбора народа, в пренебрежении к прошлому, в мифологическом утопизме, в господстве веры, а не истины, в гипертрофии коллективного в ущерб личному. Проявления культа — это прежде всего трагедия свободы: социальной, духовной, политической, нравственной. Свобода стала главной жертвой культа Сталина. Но это уже о природе культа личности, вопросе, которому в одной из последующих глав будет уделено большее внимание.

Как видим, в портрете Сталина, еще больше укрепившего свое положение в партии и государстве, уже начали проявляться многие из тех черт, которые мы прямо связываем с будущими бедами. Ленинские слова: "Это те мелочи, которые могут приобрести решающее значение" — станут пророческими. А пока страна в невероятном порыве, пережив муки голода в начале 30-х годов, кровь и страдания миллионов крестьян, достигала все новых рубежей в индустриализации, социальном и духовном обновлении. Особым этапом в жизни страны и Сталина стал XVII съезд партии.

"Съезд победителя"?

Рубеж второго и третьего десятилетий нашего века для Сталина оказался весьма трудным. Разгром "правых" в партии обещал как будто спокойную жизнь. Заметно вырос авторитет генсека. Бывшие оппозиционеры, в том числе Бухарин, искали повод и способ, чтобы подчеркнуть свою лояль-

ность Сталину, свое "прозрение" и "полное согласие с генеральной линией партии". Каменев с Зиновьевым, например, несколько раз пытались восстановить прежние "добрые" отношения со Сталиным, еще раз приезжали к нему на дачу с "мировой".

Многие падение с высокого поста расценивают как личную трагедию. Не были исключением и эти политические деятели. Каменев в свои сорок с небольшим лет как-то сразу сдал, поседел и выглядел как "моложавый старик". В своих нечастых разговорах со Сталиным по телефону или лично Каменев неизменно находил повод для осторожных напоминаний об их совместном прозябании на Курейке, о том, что он, Зиновьев и Сталин были ближайшими соратниками Ленина, о драматических событиях, связанных с утверждением Сталина на посту генсека. Зиновьев и особенно Каменев не теряли надежды на возвращение в верхние эшелоны партийной иерархии.

Сталин прекрасно понимал, в чем дело. Его реакция была снисходительно-покровительственной. Иногда он даже давал какую-то надежду опальным. Но в душе понимал, что люди, которым он в значительной мере обязан своим нынешним положением, ему не только не нужны, но и могут оказаться опасными. Зиновьев и Каменев слишком хорошо знали Сталина. А генсек не любил людей, которые о нем знали больше, чем это предписывалось официальной пропагандой. Все его внимание в начале 30-х годов было сосредоточено на революции в сельском хозяйстве, рывке в индустриализации, консолидации своих сторонников.

Быстрыми темпами росла промышленность. Форсированно завершалась коллективизация сельского хозяйства, превратившаяся в настоящее национальное бедствие. Приближалась дата очередного, XVII съезда партии.

Состоявшийся в январе — феврале 1934 года съезд в сталинской пропаганде был назван "съездом победителей", поскольку сам Сталин в Отчетном докладе ЦК назвал успехи партии и страны "великими и необычайными". Бесспорно, к 1934 году страна сделала крупный рывок в своем развитии. Когда я смотрел черновик доклада, над которым работал Сталин, то обратил внимание: генсек, тщательно редактировавший доклад, каждую страницу, каждый абзац, стремился более выпукло показать прежде всего достижения. Он считал, что огромные жертвы, принесенные народом, должны дать результат. Целые страницы доклада переписаны Сталиным заново. Генсек хотел

показать народу и партии: его руководство плодотворно, успешно, победоносно.

Сталин особый акцент сделал на том, что за три с половиной года после XVI съезда партии промышленность в стране удвоила объем выпускаемой продукции. За несколько последних лет созданы новые отрасли производства: станкостроение, автомобильная, тракторная, химическая промышленность; появилось моторостроение, самолетостроение, комбайностроение; стали производить синтетический каучук, азот, искусственное волокно и т.д. Генсек с гордостью объявил, что пущены в ход тысячи новых промышленных предприятий, и в том числе такие гиганты, как Днепрогэс, Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты, Уралмаш, Челябинский тракторный завод, Краматорский машиностроительный, и ряд других. В докладе Сталина было, как никогда, много цифр, таблиц, схем. Ему было о чем говорить съезду.

30-е годы мы как-то теперь привыкли измерять только трагическим масштабом, а ведь это были и годы невиданного энтузиазма, подвижничества, массового трудового героизма. Нам сейчас порой трудно представить, как миллионы людей, часто имея минимум необходимого для нормальной жизни, верили, что они подлинны творцы коммунистического грядущего, что от их самоотверженности зависят не только их судьбы, но и судьбы мирового пролетариата. Вот несколько сообщений "Правды" тех лет. Генсек всегда читал ее полностью, а не выборочно, подчеркивая карандашом некоторые материалы. При этом Сталина переполняло чувство "единоличного хозяина".

"Коллективный рапорт бакинских нефтяников, обсужденный на 40 митингах 20 тысячами нефтяников, дополненный 53 местными рапортами и 254 письмами рабочих". В рапорте говорится, что "нефтяная пятилетка усилиями рабочих и специалистов и под испытанным руководством ленинской партии закончена в два с половиной года".

Сообщение с Магнитостроя:

"На строительном участке доменного цеха родился совсем новый тип бригады — сквозная хозрасчетная бригада экскаватора. Переход на хозрасчет экскаваторов дал прекрасные результаты... Хозрасчетные экскаваторы побили мировой рекорд загрузки машин".

Заметка из Татарии:

"Уборка и хлебопоставка проходят под лозунгом подготовки ко второму всетатарскому съезду колхозников и завоевания права включить своего представителя в делегацию, которая по-

едет с рапортом к товарищу Сталину. Занять первое место на Всесоюзной красной доске — популярнейший лозунг в колхозах Татарии”.

С высоты сегодняшнего дня можно говорить о наивности, прекраснодушии, огромной вере в Сталина миллионов простых людей, которые построили для нас все то, на чем стоим ныне. Но нельзя не восхищаться неукротимым энтузиазмом людей, их гордостью за свершенное, уверенностью в том, что будущее в их руках. Невиданной силы подвижничество, высокая гражданственность, часто обрамленная культовыми ритуалами, — это и был тот огромный социальный заряд, созданный Октябрем, верой в справедливость и лучшее будущее. Мы всегда, и сейчас и в следующем веке, должны помнить этих людей, творцов, созидателей, которых “вождь” чаще называл “массы” или иногда — “винтики”.

В это же время на страницах “Правды” встречаются сообщения, которые сегодня, когда мы многое знаем, вызывают не просто настороженность, а глубокое понимание подоплеки того, о чем тогда писала главная газета страны.

В середине июля 1933 года “Правда” сообщала:

”Товарищи Сталин и Ворошилов приехали в Ленинград и вместе с товарищем Кировым в тот же день выехали на Беломорско-Балтийский канал. По ознакомлении с работой канала и с состоянием гидротехнических сооружений выехали через беломорский порт Сорока на Мурманск”.

Через две недели после посещения Сталиным Беломорстроя было опубликовано постановление СНК СССР об открытии Беломорско-Балтийского канала им. т. Сталина и постановление ЦИК СССР о награждении отличившихся при строительстве канала. Орденами Ленина награждены 8 человек: Ягода Г.Г. — заместитель председателя ОГПУ; Коган Л.И. — начальник Беломорстроя; Берман М.Д. — начальник Главного управления исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ; Френкель Н.А. — помощник начальника Беломорстроя; Рапопорт Я.Д. — заместитель начальника Беломорстроя; Фирин С.Г. — начальник Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря; Жук С.Я. — заместитель главного инженера Беломорстроя; Вержбицкий К.А. — заместитель главного инженера строительства⁵².

На XVII съезде С.М. Киров в своей речи скажет:

— Такой канал, в такой короткий срок, в таком месте осуществить, — это действительно героическая работа, и надо от-

дать справедливость нашим чекистам, которые руководили этим делом, которые буквально чудеса сделали⁵³.

Точнее было бы сказать, что чудеса творили сотни тысяч заключенных. Недостатка в них не было. После раскулачивания более миллиона кулацких и середняцких хозяйств, ужесточения борьбы с "остатками эксплуататорских классов" в распоряжении ОГПУ была огромная сила, которая построит не только Беломорско-Балтийский канал. Должности награжденных орденами Ленина красноречиво говорят о том, как и кем строился канал им. Сталина. Идея широко использовать заключенных в народном хозяйстве, а в 30-е годы большой проблемой было обеспечить им фронт работ, была не новой. Напомню, Троцкий еще в середине 20-х годов, развивая идею милитаризации труда, советовал, что "враждебные государству элементы должны направляться в массовом порядке на объекты строительства пролетарского государства". Совет одного из "выдающихся вождей", как видим, не остался не замеченным другим.

О достижениях в сельском хозяйстве сказать Сталину в докладе было труднее. Да, создано свыше 200 тысяч колхозов и 5 тысяч совхозов. Развитие сельского хозяйства, признал генсек, пошло "во много раз медленнее, чем промышленности". Сталин признал также, что, по "сути дела, отчетный период был для сельского хозяйства не столько периодом быстрого подъема и мощного разбега, сколько периодом создания предпосылок для такого подъема и такого разбега в ближайшем будущем"⁵⁴. Здесь же докладчик отметил тяжелое положение в животноводстве. Пожалуй, с тех пор оно у нас так и не стало легким. Как и в сельском хозяйстве вообще.

Разгромив в течение десяти лет после смерти Ленина многочисленные "оппозиции", Сталин остался в конце концов без "работы". И генсек сказал об этом: если на XVI съезде нам пришлось добивать приверженцев всяческих группировок, то на этом съезде и "бить некого". Хотя тут же, чтобы, не дай бог, не ослабили бдительности, противореча самому себе, высказался в том смысле, что "остатки их идеологии живут в головах отдельных членов партии" и мы должны быть готовы их разбить. Но Сталин редко "бил" по идеологии, больше — по ее носителям. Заявив, что страна идет к созданию "бесклассового, социалистического общества", тут же сделал вывод, что бесклассовости можно добиться только "путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы"⁵⁵.

Думается, что Сталин, будучи глубоко убежденным в уни-

версальности методов насилия, в том, что диктатура пролетариата — это прежде всего инструмент насилия, просто не хотел понимать пагубности этой концепции. На "съезде победителей", когда, по его же словам, были "практически ликвидированы остатки эксплуататорских классов", он призывает к дальнейшему усилению механизма принуждения, укреплению карательных органов. Значения демократической эволюции Сталин не хотел понимать по весьма простой причине: любое усиление подлинного народовластия в такой же степени ослабляло бы его вождистские возможности. Добавлю к этому, что по своему характеру Сталин был авторитарной, деспотической натурой, в которой всегда чувствовалось что-то восточное, далекое во времени... Не случайно Бухарин в 1928 году назвал Сталина "Чингисханом".

Не без ведома Сталина среди 1225 делегатов оказалось немало тех, кто в свое время принадлежал к различным группировкам, фракциям, "оппозициям", "уклонам". Все они давно в различной форме покаялись, повинились, искали возможности вновь заслужить расположение Сталина, теперь уже неизмеримо более сильного и авторитетного. Не все из "разгромленных" были беспринципными людьми, приспособленцами. Многие из этих бывших "оппозиционеров" искренне раскаивались, часто в малозначачих "грехах", не желая оставаться вне партии и поддерживая курс на форсированное строительство социализма.

Генсек специально посоветовал Кагановичу прежде всего обеспечить представительство на съезде немалой группы тех лиц, которые бы своими покаянными речами еще более усилили могущество "вождя", теперь уже единственного на вершине власти. Спустя десятилетия, читая эти речи, представляешь унижение людей, бичующих себя, как в религиозном экстазе, лишь для того, чтобы насытить чувство тщеславия одного человека. И это разглядели многие делегаты. Киров говорил, например, что сейчас эти бывшие оппозиционеры "пытаются... вклиниться в это общее торжество, пробуют в ногу пойти, под одну музыку, поддержать этот наш подъем... Вот возьмите Бухарина, например. По-моему, пел как будто по нотам, а голос не тот. Я уже не говорю о товарище Рыкове, о товарище Томском"⁵⁶.

Что же говорили на "съезде победителей" эти люди, вчера еще члены Политбюро, соратники и ученики Ленина?

Бухарин, бывший "любимец партии" и ее теоретик: "Сталин был целиком прав, когда разгромил, блестяще применяя

марксо-ленинскую (так в тексте. — *Прим. Д. В.*) диалектику, целый ряд теоретических предпосылок правого уклона, формулированных прежде всего мною... Обязанностью каждого члена партии является... сплочение вокруг товарища Сталина, как персонального воплощения ума и воли партии, ее руководителя, ее теоретического и практического вождя⁵⁷.

Не верится, что это говорил человек, интеллектуальная совесть которого была кристально чистой...

Рыков, первый после Ленина Председатель Совнаркома: "Я хотел характеризовать роль товарища Сталина в первое время после смерти Владимира Ильича... О том, что он как вождь и как организатор побед наших с величайшей силой показал себя в первое же время. Я хотел характеризовать то, чем товарищ Сталин в тот период сразу и немедленно выделился из всего состава тогдашнего руководства"⁵⁸.

И это говорил человек, всегда славящийся своей прямоотой, неподкупностью, большим гражданским мужеством...

Томский, руководитель профсоюзов страны: "Я обязан перед партией заявить, что лишь потому, что товарищ Сталин был самым последовательным, самым ярким из учеников Ленина, лишь потому, что товарищ Сталин был наиболее зорким, наиболее далеко видел, наиболее неуклонно вел партию по правильному, ленинскому пути, потому, что он наиболее тяжелой рукой колотил нас, потому, что он был более теоретически и практически подкованным в борьбе против оппозиций, — этим объясняются нападки на товарища Сталина"⁵⁹.

И это говорил человек, известный своей партийной принципиальностью и умением отстаивать ее до конца...

Приведу фрагмент выступления вновь принятого в члены партии, битого-перебитого **Зиновьева**, первого, кто назвал четыре имени рядом — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. "Мы знаем теперь все, что в борьбе, которая велась товарищем Сталиным на исключительно принципиальной высоте, на исключительно высоком теоретическом уровне, — что в этой борьбе не было ни малейшего привкуса сколько-нибудь личных моментов..." Зиновьев назвал доклад Сталина "докладом-шедевром", долго и заискивающе говорил "о триумфе руководства, триумфе того (выделено мной. — *Прим. Д. В.*), кто возглавил это руководство...". Когда меня вернули в партию в первый раз, сказал кающийся Зиновьев, то Сталин мне сделал такое замечание: "Вам в глазах партии вредили и вредят даже не столько принципиальные ошибки, сколько то непрямотушие по отношению к партии, которое создалось у вас в течение ряда

лет" (здесь в зале стали раздаваться многочисленные возгласы: "Правильно, правильно сказано!"). Далее бывший претендент в лидеры партии заявил: "Мы видим теперь, как лучшие люди передового колхозного крестьянства стремятся в Москву, в Кремль, стремятся повидать товарища Сталина, пощупать его глазами, а может быть, и руками, стремятся получить из его уст прямые указания, которые они хотят понести в массы"⁶⁰.

Это говорил человек, который много лет лично знал Ленина, учился у него, считал себя его соратником. Страх оказаться окончательно выброшенным на политическую свалку заставлял Зиновьева говорить все эти унижительные слова. Также, презрев интеллектуальное достоинство и совесть, курили фимиами "вождю" Каменев, Радек, Преображенский, Ломинадзе, другие поверженные Сталиным в "оппозиционной" борьбе.

Сталин, сидя теперь, как обычно, во втором ряду, с внешним безразличием посмотрел на поднимающегося на трибуну Каменева. Ему вспомнилось, как тот, председательствуя, как бывало раньше на съездах, заседаниях Политбюро или на других совещаниях, нетерпеливыми репликами старался "вернуть" выступавших в нужную сторону. Однажды, когда их отношения уже испортились, Каменев бросил Сталину, перечислявшему в своем выступлении ошибки "оппозиции":

— Товарищ Сталин! Что вы как овец считаете: первое, второе, третье... Ваши аргументы не умнее этих овец...

— Если учесть, — быстро парировал генсек, — что вы одна из этих овец...

Что сейчас скажет Каменев?

А Каменев каялся неприлично, униженно, вымаливающе:

— Та эпоха, в которую мы живем, в которую происходит этот съезд, есть новая эпоха... она войдет в историю — это несомненно — как эпоха Сталина, так же как предшествующая эпоха вошла в историю под именем эпохи Ленина, и что на каждом из нас, особенно на нас, лежит обязанность всеми мерами, всеми силами, всей энергией противодействовать малейшему колебанию этого авторитета... Я хочу сказать с этой трибуны, что я считаю того Каменева, который с 1925 по 1933 год боролся с партией и с ее руководством, политическим трупом, что я хочу идти вперед, не таща за собою, по библейскому (простите) выражению, эту старую шкуру... Да здравствует наш, наш вождь и командир товарищ Сталин!"⁶¹

Сталин, полузакрыв глаза, слушал торопливую речь Каменева. Даже он еще не знал, что почти через три года сделает Каменева с Зиновьевым и многими другими не "политическими

трупам», а физическими, натуральными. Но что это последнее (на таком форуме) выступление Каменева, Сталин знал точно. Хватит либеральничать!

Сталин с нескрываемым интересом слушал все эти панегирики, чувствуя себя триумфатором. Ведь он знал, что Каменев в разговоре с Троцким называл его "свирепым дикарем", а Зиновьев в своем кругу именовал "кровавым осетином"; Бухарин не раз уязвлял Сталина за незнание иностранных языков; Радек в первом издании книги "Портреты и памфлеты" не нашел для него, будущего генсека, и нескольких слов; Преображенский, считавшийся крупным теоретиком, в одной из речей в 1922 году назвал генсека "неучем"...

Мсть? Нет, это мелко, думал триумфатор. Пусть вся партия убедится, что во всех спорных вопросах, во всех дискуссиях, на всех переломных этапах правым оказывался только он, Сталин. И это говорит не он, а они, его бывшие оппоненты. Пусть все знают впредь, что он обладает не только политической волей, организаторскими способностями, что признается в партии уже давно, но и особой мудростью, прозорливостью, способностью к предвосхищению и твердой рукой... Съезд победителей? Может, съезд победителя?! Если бы Сталин хорошо знал отечественную историю, то мог бы вспомнить весьма красноречивый факт. После разгрома Наполеона сенат решил преподнести Александру I титул "Благословенный" в знак особых заслуг в спасении Отечества. Однако Александр вежливо, но твердо отказался.

А Сталин все ждал и ждал новых эпитетов, сравнений, фишама. Никто, правда, не додумался сказать: идет "съезд победителя". Фантазия людей все же не всегда на высоте... Но многое на этом съезде прозвучало впервые. Хрущев и Жданов, например, первыми назвали его, Сталина, "гениальным вождем", Зиновьев причислил его к лику классиков научного социализма, Киров определил генсека как "величайшего стратега освобождения трудящихся нашей страны и всего мира"; Ворошилов сказал, что Сталин, будучи "учеником и другом" Ленина, являлся и его "оруженосцем". Уж это-то нелепость: друг и оруженосец!

Возможно, Сталин думал, что диктатура пролетариата должна иметь персональное олицетворение? Для демократии не нужны лица, облеченные особой властью, чтобы ее выражать. А диктатура класса... Все говорит о том, что Сталин считал нормальным для руководителя первого в мире социалистического государства обладать неограниченными правами. А ими,

как известно, обладают лишь диктаторы. Сталин, слушая выступления делегатов, мысленно пробежал свой причудливый путь от экспроприатора до вождя крупнейшей пролетарской партии. То, что когда-то ему представлялось утопией, обрело черты реальности; что считалось вероятным, кажется теперь определенным; желаемое стало действительностью. Сталин на рубеже этих десятилетий поверил в свою особую роль и призвание; с каждым съездом он наполнялся уверенностью: только он может добиться невозможного. Столь роковое заблуждение было тоже одним из субъективных истоков многих и многих бед.

Устав от шквала эпитетов — "мудрый", "гениальный", "великий", "прозорливый", "железный", Сталин с особым вниманием слушал делегатов от армии. После безудержного словесия, которого он ждал уже от каждого оратора, Сталина неприятно поразила скупая на похвалы речь Тухачевского. Он опять взялся за свое: излагает свои "проекты" технической реконструкции армии. Сказано же было ему, что слишком много фантазирует; нет, опять за свое... Сталину вспомнилось большое письмо Тухачевского, направленное ему в начале 30-х годов. В нем Тухачевский выражал свое недовольство отношением Сталина и Ворошилова к его предложениям о технической модернизации армии. Командующий Ленинградским военным округом писал:

"На расширенном заседании РВС СССР т. Ворошилов огласил Ваше письмо по вопросу моей записки о реконструкции РККА. Доклад Штаба РККА, при котором Вам моя записка была направлена, мне совершенно не был известен... В настоящее время, познакомившись с вышеупомянутым докладом, я вполне понимаю Ваше возмущение фантастичностью "моих" расчетов. Однако должен заявить, что моего в докладе Штаба РККА нет абсолютно ничего. Мои предложения представлены даже не в карикатурном виде, а в прямом смысле в форме "записок сумасшедшего..."⁶²

Сталин уже тогда понял из письма, что Тухачевский, у которого были натянутые отношения с Ворошиловым, полемизирует не с наркомом, а с ним, генсеком. Его неприятно поразила независимость суждений этого военачальника, который, похоже, смотрит много дальше застывшего на уровне опыта гражданской войны наркома. Когда выступал Ворошилов, то Сталин знал, о чем скажет человек, ставший легендой, декорацией героического былого, ибо нарком накануне съезда приносил показать свою речь генсеку.

Ворошилов в своей речи ухитрился найти новый эпитет: "стальной Сталин". И конечно, Ворошилов не обошелся без восклицаний: "Имея такого испытанного, мудрого и величайшего вождя, каким является наш Сталин", нас не устрасит "никакое свиное или еще более скверное рыло, где бы оно ни появилось..."⁶³. Сталина покоробил вульгаризм наркома: "мудрый", "великий вождь" и рядом какие-то "рыла"...

Сталин не упустил, к своему удовлетворению, и высказываний Долорес Ибаррури, Белевского, Бела Куна, Вильгельма Кнорина, других руководителей международного коммунистического движения о том, что он теперь не только вождь большевиков, но и "вождь всемирного пролетариата". Задумавшись, поймал себя на мысли: если бы все это ему приснилось два десятка лет назад, в Курейке, под вой пурги, что бы мог он подумать? Сошел с ума? "Вождь всемирного пролетариата"... Поистине судьбы людей непредсказуемы.

Как все хрупко, эфемерно в нашем быстро меняющемся мире, Сталин вдруг почувствовал в последний день работы съезда. Все казалось простой формальностью: избрать членов ЦК и новых органов (вместо ЦКК) — комиссий партийного и советского контроля. Персональный состав руководящих органов на Политбюро был, конечно, "обговорен" заранее, и все, казалось, триумфальное чествование "вождя" спокойно шло к завершению. Счетная комиссия, избранная съездом, заканчивала свою работу. Но вдруг произошло неожиданное. В комнату к Сталину зашли возбужденные и встревоженные Каганович и председатель счетной комиссии Затонский. Но вначале несколько слов об источнике этой информации.

В своих воспоминаниях о подробностях работы съезда рассказывает А.И. Микоян, бывший кандидатом в члены и членом Политбюро с 1926 по 1966 год, делегат всех съездов партии — с X по XXIV. Об этом говорится и в целом ряде других мемуаров. В "Истории КПСС", вышедшей в свет в 1962 году, отмечается, что "ненормальная обстановка, складывавшаяся в партии, вызывала тревогу у части коммунистов, особенно у старых ленинских кадров. Многие делегаты съезда, прежде всего те из них, кто был знаком с завещанием В.И. Ленина, считали, что наступило время переместить Сталина с поста генсека на другую работу". По свидетельству А. Микояна (а его в свою очередь проинформировали старые большевики А. Снегов, О. Шатуновская, Н. Андреасян, бывший членом счетной комиссии), Каганович с тревогой объявил Сталину неожиданные результаты голосования: из 1225 делегатов трое подали го-

лоса "против" Кирова и около трехсот (!), почти одна четверть голосовавших, "против" Сталина. Это было невероятно!

Сейчас никто не может точно сказать, что ответил генсек. Но, по утверждению Микояна, быстро было принято решение оставить "против" Сталина, как и "против" Кирова, три голоса, а остальные бюллетени уничтожить. Добавлю, что благодаря сложившейся практике в списках для голосования осталось ровно то количество кандидатов, которое необходимо для избрания. В общем, это были "выборы без выбора", где нужно простое большинство. Сталин, даже если бы учли 300 голосов "против", все равно вошел бы в состав ЦК и, видимо, был бы избран в любом случае генсеком*. Но политический резонанс после оглашения результатов был бы таким, что учесть все его последствия представлялось невозможным. Все сразу почувствовали бы, что величие "вождя" эфемерно.

По этим же свидетельствам, группа старых большевиков, узнавшая о результатах голосования до их официального объявления, предложила Кирову, чтобы он согласился на выдвижение его генсеком. Киров отказался и якобы обо всем рассказал Сталину.

В этой неясной до конца драматической истории тем не менее есть несколько объективных обстоятельств, придающих ей достаточно большую степень правдоподобности. Прежде всего, на съезде оказалось немало делегатов, состоявших ранее в различных "оппозициях" и выступавших прежде лично против Сталина. Кроме того, многие из партийных работников, бывших на съезде, уже имели возможность испытать на себе бесцеремонность, грубость и диктаторские замашки Сталина. Но обстановка в партии уже была такой, что подвергать открыто критике Сталина и тем более предлагать сместить его с высокого поста не мог никто. Хотя возможность использовать шанс совести существует всегда. И выразить свое подлинное отношение к Сталину с помощью тайного голосования эти люди, бесспорно, могли. Если когда-нибудь это сообщение, сделанное Микояном на основе свидетельств группы старых большевиков, в том числе членов счетной комиссии XVII

* После XVII съезда партии Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) не избирался. И до конца своей жизни Сталин в партийных и государственных документах генсеком не именовался. Впрочем, это ему и не требовалось: "вождь" обладал такой властью, какую не мог иметь официально провозглашенный Генеральный секретарь ЦК партии.

съезда партии, будет полностью доказано, то оно одновременно зафиксировало одно из самых неприглядных, преступных действий Сталина против партии. Я уже не говорю здесь (об этом будет сказано в другой главе), сколь трагичной окажется судьба подавляющего большинства делегатов "съезда победителей", поскольку Сталин после голосования стал в каждом из них видеть потенциального противника.

Еще одним последствием этого запутанного дела явилось резкое изменение отношения Сталина к Кирову, который теперь в его глазах стал реальным соперником.

"Съезд победителей", таким образом, отразив крупные изменения в стране в пользу социалистического переустройства общества, зафиксировал нарастание диктаторских амбиций "вождя". Диктатура пролетариата, как инструмент овладения большевиками и левыми эсерами властью в октябре 1917 года, была расценена Сталиным как уникальная возможность единолично отправлять ее важнейшие функции.

Сталин и Киров

Еще раз вернемся к одному из эпизодов XVII съезда партии. Выступая на нем, Енукидзе, в частности, сказал: "Товарищ Сталин сумел окружить себя лучшими людьми в нашей партии, сумел вместе с ними обсуждать и решать всякие вопросы, сумел из этой группы людей создать такую могучую силу, которой не знала история ни одной революционной партии..."⁶⁴ Ничего не скажешь, действительно, в те годы в окружении Сталина были еще интересные люди, и среди них С.М. Киров. Хотя к понятию "окружение" он едва ли подходил, поскольку работал в Закавказье, а затем в Ленинграде. И все же Киров был близким человеком для Сталина. Енукидзе, который также был личным другом, однако, преувеличивал, что вокруг Сталина всегда были "лучшие люди в нашей партии". К сожалению, бывали около него разные люди. И одаренные, самообытные и кристально чистые соратники; и подкакиватели, никогда и ни в чем ему не перечившие, главной заботой которых было угадать и исполнить желание "вождя". К несчастью для народа и партии, подвизались рядом со Сталиным (особенно в конце 30-х, в 40-е гг.) лица, которых иначе как преступниками не назовешь.

Сталин не был глупым человеком. Он хотел иметь возле себя верных, преданных друзей, соратников, а главное — беспрекословных исполнителей, понимающих с полуслова его желание, намерение, жест. Хотя для "публики" он всегда старался подчеркнуть, что отношения, основанные на личной преданности, недостойны высоких принципов. Например, отвечая на письмо члена партии Шатуновского, Сталин писал:

"Вы говорите о Вашей "преданности" мне. Может быть, это случайно сорвавшаяся фраза. Может быть... Но если это не случайная фраза, я бы советовал Вам отбросить прочь "принцип" преданности лицам. Это не по-большевистски. Имейте преданность рабочему классу, его партии, его государству. Это нужно и хорошо. Но не смешивайте ее с преданностью лицам, с этой пустой и ненужной интеллигентской побрякушкой"⁶⁵.

Правильные слова. Но, увы, они расходились с делами. Ведь Сталин был великим Лицемером. И, как правило, окружал себя лишь теми, кто не доставлял ему хлопот. Прежде всего это касалось помощников. Напомню их имена: Назаретян, Товстуха, Бажанов, Каннер, Марьин, Двинский, Поскребышев. Больше всего он привязался к двум: Товстухе и Поскребышеву.

И.П. Товстуха понимал его с полуслова. Человек с неплохой теоретической подготовкой, он был способен сформулировать идею, заметить в тексте принципиальную ошибку. Сталин ценил его за исключительную самоотверженность в работе. В архиве Сталина сохранилась его записка Зиновьеву, Каменеву и Бухарину, в которой он пишет: "Товстуха не хочет уезжать в отпуск. В деле есть мое предложение о немедленном отпуске т. Товстухе, которое он не допустил к голосованию..."⁶⁶ И тут же Сталин выговорил своему помощнику, что тот о своем несостоявшемся отпуске поведал Каменеву. Вконец расстроенный Товстуха написал официальную записку:

"Сталину.

Копия Каменеву.

Заявляю, что ни тов. Каменеву, ни кому бы то другому я никогда не говорил, что будто бы хочу в отпуск, но меня т. Сталин не пускает.

Товстуха".

Каменев карандашом полушутливо набросал на этой бумажке "местного значения":

"Подтверждаю, что никогда, нигде, ни в каком виде Товстуха не говорил мне об отпуске, а лишь о том, что он бы мог увеличить свою работу над Лениным (так в тексте. — Прим.

Д.В.), если бы он начинал свою работу в ЦК пораньше. В смерти Товстухи прошу меня не винить.

*Л.Кименев*⁶¹.

Как видим, в аппарате Сталина вершились не только серьезные и "великие" дела.

Короткое время у Сталина работал Б. Бажанов, выходец из семьи интеллигентов. Генсек быстро проникся к нему уважением. Вскоре Бажанов стал стенографировать заседания Политбюро. Однако он умело скрывал свои подлинные взгляды. В 1928 году ему удалось бежать в Персию, а оттуда в Англию. Несколько десятилетий он зарабатывал на жизнь, вначале комментируя то, что он знал, а затем фабрикуя самые различные домыслы о нашей стране и ее руководстве.

Многие годы Сталин держал около себя Л.З. Мехлиса, который некоторое время был помощником "вождя". Лев Захарович Мехлис, родившийся в Одессе, начинал меньшевиком, вступил в партию в 1918 году, познакомился со Сталиным в годы гражданской войны. Занимал ряд видных постов в аппарате ЦК, "Правде", был народным комиссаром Госконтроля СССР, начальником Главного политуправления РККА. Не лишенный способностей, но с откровенно полицейским мышлением, Мехлис был одним из тех, кто регулярно докладывал Сталину "доверительную информацию" о других руководителях партии. Но едва ли это был человек идеи. Однажды он обратился к Сталину с просьбой сделать дарственную надпись на только что вышедшей в 1924 году книге генсека "О Ленине и ленинизме". Сталин быстро начертил на титульном листе:

"Молодому другу по работе

т-щу Мехлис

от автора.

23.05.24"

Самое интересное, что Мехлис, заполучив автограф, ни разу не раскрыл книги: все листы теперь уже ссохшейся и пожелтевшей книги так и остались неразрезанными.

Влияние Мехлиса определялось не столько должностями, сколько отношением к нему самого Сталина. Мехлис бывал у Сталина часто, подолгу оставаясь с ним один на один. Ему Сталин давал самые щекотливые поручения. Передо мной лежит целый том его личных донесений из разных мест, куда его направлял "вождь". Сотни шифровок, телеграмм, письменных докладов об одном и том же: "враги орудуют", "везде беспечность", "благодущие губит дело", "нужно ужесточить меры...". Сталин верил Мехлису, пожалуй, больше, чем многим другим.

Тот умел найти "врагов" там, где и подозревать-то было вроде бы смешно... В июле 1937 года, когда Краснознаменный ансамбль песни и пляски был на востоке, к Сталину поступила зашифрованная телеграмма.

"Доношу: в ансамбле краснознаменной песни тяжелое положение. Прихожу к заключению: в ансамбле орудует шпионско-террористическая группа (выделено мной. — Прим. Д.В.). Уволил на месте девятнадцать человек. Веду следствие. В составе есть бывшие офицеры, дети кулаков, антисоветские элементы. Привлек к работе нач. особого отдела. Пускать ансамбль в части?"

*Мехлис*⁶⁸.

Думаю, вопрос, заключавший телеграмму, был напрасным: арестовано пол-ансамбля, кого "пускать"? Таким был человек, который в гени "вождя" играл свою, особую, зловещую роль. Подозрительность Сталина нашла в Мехлисе идеальный источник ее поддержания.

Но, пожалуй, наибольшим доверием и близостью к "вождю" пользовался А.Н. Поскребышев, которого Хрущев на XX съезде партии назвал "верным оруженосцем" Сталина. Бывший фельдшер из Вятки, сын сапожника, он уже с 1922 года работал в ЦК, а с 1928 года помощником Сталина, заведующим особым сектором. Во время войны Сталин сделал члена ЦК и депутата Верховного Совета СССР А.Н. Поскребышева генерал-майором. Поскребышев отличался поразительной работоспособностью и исполнительностью. Его старшая дочь, Галина Александровна Егорова, рассказывала мне, что на работе он проводил не меньше 16 часов. Хотя незадолго до смерти Сталина Берия удалось убрать его из Кремля, Поскребышев остался до конца своих дней преданным слугой "Хозяина". Между прочим, первая жена Поскребышева была дальней родственницей Троцкого, что в конце концов сыграло трагическую роль.

Дочь Поскребышева рассказывала мне, что отец все жалел, что не вел дневника, так много он знал. Правда, подумав, всегда заключал, что если бы такой дневник у него был, то его давно бы не было в живых.

Вся информация любого характера поступала к Сталину через Поскребышева. Он знал о происходящих в партии и стране процессах не меньше, чем Сталин. Это был идеальный исполнитель: бездумный, невозражающий, в любое время находившийся на своем посту. Однако роль Поскребышева в "коридорах" власти была значительно важнее официального статуса, в силу особого расположения к нему "вождя".

Хотя Поскребышев по натуре не был жестким человеком, перед ним заискивали; так много зависело от того, когда, как доложит "бумагу", выскажет предложение первый помощник.

Бывший нарком путей сообщения И.В. Ковалев, который всю войну иногда по три-четыре раза в день докладывал Сталину о движении военных эшелонов, как-то назвал Поскребышева "двужильный". "В любое время, когда бы Сталин ни вызывал, лысоватая голова его помощника всегда была наклонена над ворохом бумаг. Это был человек с компьютерной памятью. У него можно было получить точную справку по любому вопросу, — заключил Ковалев рассказ о Поскребышеве, — одним словом — энциклопедия".

Все это были близкие Сталину люди, как он иногда говорил, из "обслуги". Но и другие из числа самых близких соратников — Маленков, Каганович, Ворошилов — отличались прежде всего абсолютным согласием с "вождем". Во всем.

О некоторых из них я расскажу в других главах книги. Например, один из этой тройцы, Ворошилов, при решении любых дел, самых мелких и самых ответственных, стремился прежде всего во всем поддержать "вождя". В далеком 1923 году почему-то одной из сотрудниц эссентукского санатория, где тогда отдыхали генсек и Ворошилов, понадобилась такая странная справка, собственноручно написанная Сталиным:

"К сведению советских и парт. учреждений.

Свидетельствую, что предьявительница сего Мария Геперова, служащая грязелечебницы в Эссентуках, является заслуживающей полного доверия и преданной Советской Республике труженицей.

15.11.23.

И. Сталин".

Тут же, ниже, дописано: "Вполне присоединяюсь.

*К. Ворошилов*¹⁶⁹."

Когда видный военачальник И.Э. Якир был арестован и приговорен к расстрелу, то он обратился к Сталину с письмом, в котором заверял, что он абсолютно невиновен в приписываемых ему преступлениях. Сталин отреагировал лаконично: "Подлец и проститутка", а Ворошилов, привыкший всегда и во всем соглашаться со Сталиным не только по форме, но и по содержанию, написал, как и в 1923 году:

"Совершенно точное определение.

*К. Ворошилов*¹⁷⁰."

А ведь это был подчиненный Ворошилова, один из талантливых советских командиров, которого Ворошилов прекрасно знал!

Молотов, Каганович, Ворошилов, как и помощники, были самыми близкими к Сталину людьми, безоговорочно поддерживавшими любой его шаг. Но ведь были и другие, те, кто считался его соратником, но сумел сохранить свое доброе имя. Один из них — **Сергей Миронович Киров**, большевик ленинской формации: бесконечно преданный делу, простой, отзывчивый человек. Везде, где бы ни работал Киров, люди любили этого общительного и скромного руководителя. Когда Кирова по ленинской рекомендации направили в Азербайджан, в его партийной характеристике значилось:

“Устойчивость — во всех отношениях... Энергичный работник... В проведении принятых решений более чем настойчив. Уравновешен и обладает большим политическим тактом... Великолепный журналист... Первоклассный и великолепный оратор...”⁷² За годы работы в Закавказье Киров оставил о себе исключительно добрую память. После XIV съезда, когда “новая оппозиция” пыталась сделать Ленинградскую парторганизацию своей опорой, ЦК партии направил Кирова в Ленинград, где он был избран секретарем горкома и обкома. Биограф Кирова Ю. Помпеев свидетельствует, что, когда тот прибыл в Ленинград, один из самых близких его друзей, **Серго Орджоникидзе**, прислал в обком любопытную записку, характеризующую нового первого секретаря Ленинградской парторганизации.

“Дорогие друзья!

Ваша буза нам обошлась очень дорого: отняли у нас тов. Кирова. Для нас это очень большая потеря, но зато вас подкрепили как следует. У меня нет ни малейшего сомнения, что вы там справитесь и каких-нибудь месяца через два все будет сделано. Киров — мужик бесподобно хороший, только, кроме вас, он никого не знает. Уверен, что вы его окружите дружеским доверием. От души желаю вам полного успеха”.

А чуть ниже Серго добавил постскрипту:

“Ребята, вы нашего Кырыча устройте, как следует, а то он будет шататься без квартиры и без еды...”⁷²

Сталин знал Кирова давно, с октябрьских дней 17-го. Трудно сказать, почему сухую, черствую, а порой и просто ледяную натуру Сталина потянуло к этому вечно улыбающемуся, энергичному крепышу. Они не раз вместе отдыхали, дружили семьями, хотя и находились обычно далеко друг от друга. В одной из сталинских записок к Орджоникидзе, написанной в Сочи, упоминается о Кирове, его лечении (удивительно: Сталина никогда не интересовало чужое здоровье).

”Дорогой Серго!

...А Киров что делает там? Лечится от язвы желудка нарзаном? Ведь так можно доконать себя. Какой знахарь ”пользует” его?..

Привет Зипе.

Привет от Нади всем вам. Твой Сталин.

Сочи 30 июня 1925 г.””.

Пожалуй, ни к одному партийному работнику Сталин не проявлял такого внимания и даже любви. Ему нравился этот открытый и простой человек. Где появлялся Киров, вокруг него сразу же собирались люди. Было раньше такое, теперь полузабытое, выражение ”душа общества”. Так вот, Киров был в самом хорошем смысле душой любого общества: партийного, рабочего, студенческого, красноармейского. Киров на фоне непроницаемого Молотова, угодливого в самом выражении лица Кагановича, вечно готового к исполнению Ворошилова был носителем подлинной теплоты человеческих отношений — моральной ценности непреходящего значения.

Почти каждый диктатор имеет свои слабости. У Сталина это выражалось в интуитивном доверии очень небольшому кругу людей: Поскребышеву, Мехлису, Молотову, Кирову, может быть, еще двум-трем лицам. Чувства симпатии, привязанности объяснить трудно. Нередко их трудно ”обосновать” аналитически, поскольку они целиком из области психологии. Сталин любил улыбку Кирова, его открытое русское лицо, бесхитростность, одержимость в работе. Играя как-то в воскресенье с присхавшим на дачу ленинградским лидером в городки (Сталин взял себе в пару кухонного рабочего Хорьковского, а Киров — Власика), он спросил гостя:

— Что ты больше всего любишь, Сергей?

Киров удивленно посмотрел на Сталина и со смехом ответил:

— Большевику положено работу любить больше жсны!

— А все же?

— Навернос, идею... — ответил Киров, выстраивая новую фигуру.

Сталин неопределенно махнул рукой, но выпытывать больше не стал: ему было непонятно, как можно ”любить идею”? Может быть, для красного словца? Но Сталин знал, что Киров фальшивить не умел. Знал и то, что Киров, как, пожалуй, никто другой, мог влиять даже на него.

Вспомнилось дело Рютина. Сталин знал этого бывшего прапорщика старой армии еще с начала 20-х годов. В 1918 году

он был командующим войсками Иркутского военного округа, в 1920-м — секретарем Иркутского губкома, во второй половине 20-х годов — секретарем Краснопресненского райкома партии Москвы, членом редколлегии "Красной звезды", кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Потом Рютин "понесло". Сталину докладывали, что он стал одним из авторов ходившего нелегально по рукам пространного документа "Ко всем членам ВКП(б)". Главный удар "обращение" наносило по нему, именовавшемуся в документе не иначе как "диктатор" с антиленинским "намордником" в руках. Сталин помнил, что на заседании Политбюро он настаивал не просто на исключении М.Н. Рютин из партии, но и рекомендовал вынести ему смертный приговор. Это был, видимо, первый случай, когда Сталин пытался до судебного разбирательства предрешишь судьбу человека. Члены Политбюро молчали. С одной стороны, по делу выходит, что Рютин пытался создать "контрреволюционную организацию", а с другой — смертный приговор?! "Партверхушка" была в замешательстве. И тут раздался голос Кирова:

— Нельзя этого делать. Рютин не пропащий человек, а заблуждающийся... черт его разберет, кто только не приложил руку к этому письму... не поймут нас люди...

Сталин почему-то быстро согласился. Рютин получил десять лет и погиб в 1938 году. Но Сталин не забыл: Киров может смело высказывать свое мнение, не считаясь даже, если нужно, с ним.

Сталин очень немногим дарил свои книги с дарственной надписью. Так вот, Киров удостоился самого сердечного автографа "вождя", казалось полностью неспособного даже выговаривать или писать такие слова. На титульном листе книги "И. Сталин. О Ленине и ленинизме" рукой генсека четким и твердым почерком выведено:

"С.М. Кирову

Другу моему и брату любимому от автора.

23.05.24.

** Сталин".*

Когда председательствующий на XVII съезде партии П.П. Постышев объявил на очередном заседании: "Слово имеет товарищ Киров", зал взорвался овацией. Все встали. Встал и Сталин. Зал долго рукоплескал еще одному "любимцу партии". Пожалуй, только сам Сталин удостоился такого приема у делегатов съезда. Речь Кирова была самой яркой, сочной, информативно насыщенной. Да, она, как почти все, за редким исключением, выступления делегатов на этом съезде, была

густо пересыпана хвалебными эпитетами в адрес генсека. Возможно, в этом плане Киров даже "перехлестнул" многих других ораторов. Об этом остается лишь сожалеть, но надо понимать, что, хотя шанс совести существует всегда, порой его можно использовать, лишь "перешагивая" через обычные нормы поведения. А это всегда на грани гражданского подвига. Ни Киров, ни кто-либо другой его не совершили на съезде, где на глазах делегатов и с их помощью утверждался культ личности. Все они, и Киров в том числе, способствовали укреплению единовластия цезаря. В истории нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. Иначе это уже не история, а ее фальсифицированная копия.

Как мы уже знаем, выборы руководящих органов партии на съезде имели (насколько об этом можно сегодня судить) своеобразную кульминацию, столь неприятно поразившую Сталина. Его триумф был сильно омрачен. Но Сталин не подал вида. У мраморных богов Древней Греции и Рима лица непроницаемы. Чувства на них застыли на века и тысячелетия. Сталин умел сохранять маску невозмутимости в самых критических ситуациях. Он давно понял, что это всегда производит на окружающих большее впечатление, нежели суетливость, показная энергия, "руководящая" поза. Получив "сигнал", что далеко не все на съезде разделяют радость превращения его в единоличного вождя, Сталин внешне сохранил спокойствие. Дальше все шло, как и было запланировано. На Пленуме ЦК, состоявшемся после съезда, Кирова избрали членом Политбюро и Оргбюро, секретарем ЦК ВКП(б), он также остался секретарем Ленинградской парторганизации. Сталин первоначально планировал после съезда перевести Кирова из Ленинграда в Москву, но сейчас делать этого не стал, передумал.

Работы у Кирова стало больше. Как секретарь ЦК, Киров ведал вопросами тяжелой и лесной промышленности. Часто приходилось бывать в Москве. Сталин, как и прежде, часто звонил ему по "вертушке", когда тот бывал в Москве, неоднократно встречался, обсуждал текущие дела и заботы. Казалось, ничего не изменилось, Киров по-прежнему "друг и брат любимый". Некоторые историки, правда, считают, что в отношениях Сталина к Кирову появилась холодность, больше официального, что, дескать, несколько раз ленинградскому секретарю досталось от "вождя" за какие-то незначительные промахи. Возможно. Документы, люди, звавшие Сталина и Кирова в то время, с которыми мне довелось говорить, не засвидетельствовали ничего подобного. А скорее всего, Ста-

лин просто умел хранить глубоко внутри свои чувства и намерения.

Тем неожиданнее ошеломляющее, трагическое сообщение о том, что 1 декабря 1934 года в Смольном убит С.М. Киров:

“Данными предварительного следствия установлено, что фамилия злодея, убийцы товарища Кирова — Николаев (Леонид Васильевич), 1904 года рождения, бывший служащий Ленинградской РКИ. Следствие продолжается”⁷⁴.

Прошло лишь два дня, как Киров вместе с другими ленинградцами — членами ЦК вернулся из Москвы с Пленума, на котором было принято важное и радостное решение: отмена карточек на хлеб и другие продукты питания. В поезде живо обсуждали этот долгожданный шаг: как будут рады рабочие, весь народ! Делились мнениями и о просмотренном спектакле по пьесе Булгакова “Дни Турбиных”, поговорили о предстоящем собрании партактива Ленинграда, который был назначен на 1 декабря. В общем приехал Киров в приподнятом, деловом настроении.

В день актива, закончив подготовку доклада, Киров к половине пятого приехал в Смольный. Шел по коридору, здоровался, обменивался репликами, отдельными фразами со многими людьми. Свернув налево, в узкий коридор, направился к своему кабинету. Навстречу ему шел ничем не приметный человек. У дверей кабинета раздались два выстрела. Сбежавшиеся увидели лежавшего ничком Кирова и бьющегося в истерике убийцу с револьвером в руке...

Через два часа после убийства Сталин, Молотов, Ворошилов, Ежов, Ягода, Жданов, Косарев, Агранов, Заковский и некоторые другие выехали в Ленинград специальным поездом. На вокзале Сталин обложил встречающих нецензурной бранью, а Медведя, начальника Ленинградского управления НКВД, ударил по лицу рукой. Медведь, как и его заместитель Запорожец, был переведен на работу на Дальний Восток, а в 1937 году, когда всюю заработала машина террора, они были уничтожены. По некоторым данным, первый допрос Николаева провел сам Сталин, в присутствии группы людей, приславших с ним. С самого начала целый ряд обстоятельств, связанных с убийством Кирова, подчеркнули его загадочный характер. Об этом доложил на XX съезде партии Хрущев: “Необходимо заявить, — сказал он, — что обстоятельства убийства Кирова до сегодняшнего дня содержат в себе много непонятного и таинственного и требуют самого тщательного расследования. Есть причины подозревать, что убийце Кирова — Николаеву —

помогал кто-то из людей, в обязанности которых входила охрана личности Кирова. За полтора месяца до убийства Николаев был арестован из-за его подозрительного поведения, но был выпущен и даже не обыскан. Необычайно подозрительно и то обстоятельство, что когда чекиста, входившего в состав личной охраны Кирова, везли на допрос 2 декабря 1934 года, то он погиб во время автомобильной "катастрофы", в которой не пострадал ни один из других пассажиров машины. После убийства Кирова, — продолжал Хрущев, — руководящим работникам ленинградского НКВД были вынесены очень легкие приговоры, но в 1937 году их расстреляли. Можно предполагать, что они были расстреляны для того, чтобы скрыть следы истинных организаторов убийства Кирова". А ведь человек, который погиб в катастрофе, — сотрудник НКВД Борисов — возглавлял охрану Кирова и, по некоторым данным, предупреждал Сергея Мироновича о возможном покушении. Во всяком случае, человек, дважды задерживавший Николаева с оружием на пути следования Кирова и затем отпускавший его по чьему-то распоряжению, был убит.

В архивах, в которые я получил доступ, нет материалов, позволяющих с большей степенью достоверности высказаться по "делу Кирова". Ясно одно, что это было сделано не по приказу Троцкого, Зиновьева или Каменева, как стала вскоре гласить официальная версия. Зная сегодня Сталина, его исключительную жестокость, коварство и вероломство, вполне можно предположить, что это его рук дело. Одно из косвенных свидетельств — устранение двух-трех "слоев" потенциальных свидетелей. А это уже "почерк" Сталина.

За рубежом имеется обширная литература об этом загадочном деле, но она часто носит слишком тенденциозный характер и основана, как правило, лишь на предположениях и умозаключениях. К их числу можно отнести, например, выводы старого эмигранта, завершившего свою жизнь в Соединенных Штатах, Б.И. Николаевского⁷⁵.

Процесс по делу Николаева был проведен в пожарном порядке. Уже через 27 дней в опубликованном обвинительном заключении утверждалось, что Николаев является активным членом подпольной троцкистско-зиновьевской террористической организации. Под заключением стояли подписи заместителя Прокурора СССР А.Я. Вышинского, с чьим именем будет связано еще немало трагических и темных страниц ближайшего будущего, и следователя по важнейшим делам Л.Р. Шейнина. Как и следовало ожидать, все обвиняемые по этому делу, в том

числе и Николаев, были расстреляны. Почему, "как и следовало ожидать"?

Дело в том, что уже в день убийства Кирова по инициативе Сталина принимается постановление ЦИК СССР (без обсуждения на Политбюро), в соответствии с которым были внесены изменения в существующий Уголовно-процессуальный кодекс. Сталин настолько спешил, что постановление даже "не успели" подписать у главы государства, Председателя ЦИК СССР М.И. Калинина. Документ, выражающий кредо беззакония, вынужден был подписать секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе. В нем говорилось:

1. Следовательским отделам предписывается ускорить дело обвиняемых в подготовке или проведении террористических актов.

2. Судебным органам предписывается не задерживать исполнения смертных приговоров, касающихся преступлений этой категории, в порядке рассмотрения возможности помилования, так как Президиум ЦИК СССР считает получение приговоров подобного рода неприемлемым.

3. Органам комиссариата внутренних дел предписывается приводить в исполнение смертные приговоры преступникам упомянутой категории немедленно после вынесения этих приговоров.

Ряд "дел", рассматривавшихся в Москве и других городах, форсировали уже на основе новых указаний. Поскольку убийство Кирова произошло в Ленинграде, а следствие связало этот акт с зиновьевцами, уже в декабре 1934 года большая группа "заговорщиков" во главе с Зиновьевым и Каменевым (Евдокимов, Бакаев, Куклин, Гессен и др.) села на скамью подсудимых. Каких-либо прямых улик, доказательств, свидетельствующих о причастности этих лиц к убийству Кирова, выявить не удалось. Зиновьев после XVII съезда партии, хотя и не был избран в ЦК, как-то оживился, посчитал, что "гроза" прошла стороной и для него могут еще наступить лучшие времена. Он даже написал и опубликовал после съезда в "Большевике" статью, озаглавленную "Международная значимость истекшего десятилетия". (Она стала последней.) А тут внезапно арест. После того как Зиновьев прочел в газете об убийстве Кирова, сопровождаемом комментарием, что в деле замешаны "трокистско-зиновьевские мерзавцы", внутри у него все оборвалось. Он понял, что теперь его ждет самое худшее. Под напором следствия, а затем и прокурора Зиновьев был вынужден "признать", что в "самом общем плане" бывшая антипартийная группа может нести

"политическую ответственность" за случившееся. Этого оказалось достаточно: аргументов, доказательств "правосудию" не требовалось. Первая репетиция политических процессов была проведена. Зиновьев получил 10 лет, Каменев — 5 лет, остальные — в этих же пределах. Приговоры были вначале согласованы со Сталиным. Это, пожалуй, первый случай, когда политические взгляды, отличные от официально провозглашенных, были публично приравнены к уголовному преступлению.

Так продолжалась драма двух бывших соратников Ленина, честолюбивых, непоследовательных, раскаявшихся, возможно неискренне, мятущихся, но тем не менее — совсем не преступников.

Убийство Кирова знаменовало приближение зловещего времени. Народ поверил в подрывную, террористическую деятельность бывших "оппозиционеров". Во-первых, какое-то количество вредителей, расхитителей, классовых ненавистников, видимо, в обществе было. А во-вторых, отсутствие объективной информации, элементарной гласности создавало идеальные условия для манипулирования сознанием миллионов. На тысячах митингов выдвигались требования решительных действий по отношению к террористам. В 30-е годы люди были одержимы идеей, их можно было поднять призывом, лозунгом, зажечь видением перспективы. Но можно было и легко заставить поверить во "врагов", "шпионов", "диверсантов", "террористов". К тому же они не знали правды о происходящем. В стране зрела атмосфера, как выразился один из пострадавших в 30-е годы, В. Окулов, "которая могла разрядиться в любой момент массовым террором, где главными жертвами будут невинные люди". Печать непрерывно накаляла обстановку, "выявляла", сообщала о все новых "вражеских центрах", "заговорах", "тергруппах".

1 декабря 1934 года сразу резко подняло "значение", как любил говорить Сталин, карательных органов. НКВД стало численно быстро расти. Полномочия "органов" расширились. Постепенно они станут рядом с партийными комитетами, а затем и заслонят их, выйдя из-под контроля. Самой популярной темой печати станет "необходимость укрепления бдительности". Ее пропаганда начнет щедро сеять семена подозрительности, недоверия к каждому. За многими руководителями будет установлена слежка. Сталин, как мы помним, страшно боявшийся покушения на свою особу, резко усилит охрану, до минимума сведет свои "явления" народу. У многих простых людей сформируется представление, что на производстве, в

колхозе, вузе много скрытых врагов. Каждая неудача, катастрофа, поломка, авария будет ассоциироваться с вредительством. Постепенно в стране созреет атмосфера, в которой Сталин сможет проводить свои кровавые чистки, рассчитывая на поддержку дезинформированных масс.

Еще до убийства Кирова по личному решению Сталина на ряд постов, играющих немаловажную роль в механизме борьбы с "врагами народа" и партии, были выдвинуты лица, которым предстояло сыграть зловещую роль в беззакониях предстоящих лет. Это прежде всего Н.И. Ежов, член Оргбюро (он станет секретарем ЦК в начале 1935 г.), один из организаторов чистки партии (1935 — 1936 гг.); А.Я. Вышинский, бывший меньшевик, ставший заместителем, а затем и Прокурором СССР. С именем этого человека будут связаны постыдные и преступные политические процессы 1937 — 1938 годов.

Директивы, циркуляры, печать требовали искать и разоблачать "врагов". И, как выяснилось, их "оказалось" немало. Атмосфера подозрительности, страха, недоверия помогла быстро поднять волну террора, которая взметнется до страшных высот в 1937 — 1938 годах. В центр пошли многочисленные донесения об обнаруженных и разоблаченных "врагах". Вот несколько донесений, хранящихся в архиве Верховного суда СССР.

"ЦК ВКП(б) тов. Сталину И.В.

СНК Союза ССР тов. Молотову В.М.

Управлением Государственной безопасности УНКВД по Северному краю закончено следствие по делу о контрреволюционной террористической группировке, подготовлявшей совершение террористического акта против члена ЦК и секретаря Севкрайкома ВКП(б), члена ЦИК тов. Вл. Иванова.

В качестве обвиняемых по настоящему делу привлечены к ответственности и преданы суду 7 человек: Ракитин Н.Г., Заостровский П.В., Попов П.Н., Левинов Г.Н., Ивлев Н.И., Заостровский А.В., Копосов Н.А. Из обвиняемых признал полностью виновным себя только Попов П.Н.

Дело Ракитина и др. предполагается заслушать в выездной сессии военной коллегии Верх. суда СССР в г. Архангельске с применением закона от 1 декабря 1934 года.

Главных обвиняемых: Ракитина, Заостровского П.В., Левинова считаем необходимым приговорить к расстрелу, а остальных обвиняемых к лишению свободы на разные сроки. Просим Ваших указаний.

23 января 1935 г.

А. Вышинский.

В. Ульрих".

”Секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину.

При рассмотрении дела осуждена к расстрелу Белозир Л.И. за то, что она, будучи членом контрреволюционной подпольной террористической организации украинских националистов, завербовала в эту организацию Щербина и Терещенко, которые должны были во время Октябрьских празднеств 1934 года в Киеве совершить теракт над гг. Постышевым и Балицким.

Белозир на всех допросах упорно отказывалась дать какие бы то ни было показания, а также заявила, что она отказывается от помилования. В силу этого прошу указания о возможности приведения в исполнение приговора над осужденной Белозир Л.И.

Гг. А.А. Вышинский и В.А. Балицкий считают возможным приговор исполнить.

3 февраля 1935 г.

В. Ульрих”.

”Секретарю ЦК ВКП(б)

товарищу И.В. Сталину

9 марта с.г. Выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР под моим председательством рассмотрела в закрытом судебном заседании в г. Ленинграде дело о соучастниках Леонида Николаева: Мильды Драуле, Ольги Драуле и Романа Кулинера.

Мильда Драуле на мой вопрос: какую она преследовала цель, добиваясь получения пропуска на собрание партактива Ленинграда 1 декабря п.г., где должен был делать доклад т. Киров, ответила, что ”она хотела помогать Леониду Николаеву”. В чем? ”Там было бы видно по обстоятельствам”. Таким образом, нами установлено, что подсудимые хотели помочь Николаеву в совершении теракта.

Все трое приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. В ночь на 10-е марта приговор приведен в исполнение.

Прошу указаний: давать ли сообщение в прессу.

11 марта 1935 г.

*В. Ульрих*¹⁷⁶.

Молниеносное правосудие: 9-го суд, в ночь на 10-е расстрел, 11-го утром доклад верховному Жрецу. Даже по одной-двум фразам доклада Ульриха видно, сколь поверхностным было рассмотрение дела в суде. Скоро это станет нормой, особенно через два года.

На последнем ”деле” хочется немного остановиться. За год-полтора до трагедии стали настойчиво распространять грязный слухок о том, что Мильда Драуле, бывшая жена Николаева, находится в ”особых отношениях” с Кировым. Люди, знавшие Кирова, однозначно отвергали саму возможность та-

кой связи. Кому были нужны эти слухи? Не исключено, кто-то хотел натравить неврастеника Николаева на Кирова. Когда Я. Агранов и Л. Шейнин — работники НКВД — начали следствие, то Николаев заявил, что пошел на убийство по соображениям мести. Но вскоре "признал", что совершил злодеяние по заданию подпольной троцкистско-зиновьевской группы... Видимо, имя Драуле было использовано организаторами преступления, чтобы заставить Николаева быть "более решительным". Ну а затем и Мильда, и Ольга Драуле могли оказаться просто опасными, и их решили убрать. Что и сделали...

Сталин поддерживал напряжение. В середине 1935 года было опубликовано его интервью с Гербертом Уэллсом, которое тот взял у Сталина еще годом раньше. И, видимо, не случайно. Сталин вновь напомнил о главном в диктатуре пролетариата — насилии. На вопрос Уэллса: "Не является ли ваша пропаганда старомодной, ибо она является пропагандой насильственных действий?" — Сталин ответил так:

— Коммунисты вовсе не идеализируют метод насилия. Но они, коммунисты, не хотят оказаться застигнутыми врасплох, они не могут рассчитывать на то, что старый мир сам уйдет со сцены, они видят, что старый порядок защищается силой, и поэтому коммунисты говорят рабочему классу: готовьтесь ответить силой на силу... Кому нужен полководец, усыпляющий бдительность своей армии, полководец, не понимающий, что противник не сдается, что его надо добить?⁷⁷

Как Сталин любил слово "добить"... Во множестве речей он призывает "добивать" оппозицию, остатки эксплуататорских классов, кулаков, перерожденцев, двурушников, шпионов, террористов... И "добивал". Похоже, что "добивал" и потенциальных соперников. Пока действовали сдерживающие тормоза решений XIII съезда партии (пожелания делегаций, ознакомившихся с ленинским "Письмом..."), пока у Сталина было свежо в памяти ленинское предостережение, отношение к "оппозиционерам" было как к идейным противникам. "Капитулянтов" (раскаившихся) обычно быстро восстанавливали в партии, назначали на ответственные посты, публиковали их статьи. Например, Зиновьев и Каменев, восстановленные в партии в июне 1928 года, открыто выражали свою надежду, что "партия еще понадобится их опыт", имея в виду, по всей вероятности, руководящие посты. Бухарина, Рыкова и Томского не прекращали склонять в печати как "пособников кулачества" и тем не менее на XVI съезде партии избрали в состав ЦК. Эта терпимость, по-видимому, не просто похвальна; она является

выражением ленинского понимания демократии в партии и государстве. Сталину, почти никогда не использовавшему слово "демократия" (единственное исключение — его доклад о новой Конституции СССР), бесконечные "вихляния" некоторых лиц, однако, изрядно надоели. Диктатура и демократия для него — несовместимы.

Сталин скоро сделает ставку на "удержание" общества в состоянии перманентной "гражданской войны". Народом, который всегда на "взводе", который бдительно всматривается в каждого, легче управлять и манипулировать. До конца жизни диктатор с помощью своего окружения будет делать все, чтобы поддерживать в обществе социальное, политическое напряжение.

Даже сталинская любовь к Кирову (факты убеждают, что она была) не остановила, по-видимому, его перед тем, чтобы устранить популярнейшего человека, потенциального противника. Подозрительность, жестокость, властность у Сталина всегда брали верх, когда нужно было сделать выбор между элементарно порядочным и тем, что мешало его власти. Убийство Кирова явилось хорошим предлогом для ужесточения всего внутривластного курса в стране. Он не мог забыть, что четвертая часть делегатов XVII съезда голосовала против него. А сколько их во всей стране? Тогда еще мало кто мог предположить, что из 1225 делегатов с правом решающего и совещательного голоса 1108 скоро будут арестованы и большая часть их погибнет в подвалах НКВД и лагерях. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на этом съезде, 98 человек будут арестованы и расстреляны. А ведь подавляющее большинство этих людей были самыми активными участниками Октябрьской социалистической революции, восстановления страны после разрухи, исторического рывка от сохи к современному индустриальному государству. Это была сознательная ликвидация старой "ленинской гвардии". Они слишком много знали. Ему нужны были самоотверженные исполнители, функционеры более молодого поколения, не знавшие его раннего, прежнего.

Едва ли случайно, что в середине 1935 года Сталин поддержал предложение о ликвидации Общества старых большевиков и Общества бывших политкаторжан. Архивы этих обществ принимали комиссии, членами которых были Ежов, Шкирятов, Маленков. Многим из старых большевиков в страшные годы беззакония, в конце 30-х, будут предъявлены обвинения в их

"преступлениях" четвертьвековой давности... Не использовались ли здесь изъятые архивы?

К этому же времени относится начало возвышения Л.П. Берия, бывшего в то время первым секретарем ЦК Компартии Грузии. В середине 1935 года в Партиздате ЦК ВКП(б) была опубликована "работа" Берия "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье". Изданная на хорошей бумаге, в твердом переплете (что тогда было редкостью), книжонка наполовину состояла из сталинских цитат и безудержно превозносила "вождя". Но главное, что я хочу отметить, в "труде" Берия содержался прямой политической донос на двух видных большевиков — Енукидзе и Орахелашвили. И хотя первый, член ЦК и ЦИК, был давним личным другом Сталина, судьба того и другого была решена. Сталин всегда верил доносам. Берия это усвоил быстро. Правда, Орахелашвили пробовал протестовать. Он написал Сталину личное письмо с проектом опровержения в "Правде". Сталин в своем ответе, по сути, отверг заявление старого большевика. В письме Сталина говорилось:

"Товарищу Орахелашвили.

Письмо получил.

1) ЦК не думает ставить (не имеет оснований ставить!) вопрос о Вашей работе в ИМЭЛе. Вы погорячились и решили, видимо, поставить его. Это ни к чему. Оставайтесь в ИМЭЛе и работайте.

2) "Письмо" в редакцию "Правды" следовало бы напечатать, но текст Вашего "письма", по-моему, неудовлетворителен. Я бы на Вашем месте выбросил из "письма" все "полемиические красоты", все "экскурсы" в историю, плюс "решительный протест" и сказал бы просто и коротко, что ошибки (такие-то) действительно допущены, но квалификация ошибок, данная т. Берия, слишком, скажем, резка и не оправдывается характером ошибок. Или что-нибудь в этом роде. Привет!

8.VIII.35 г.

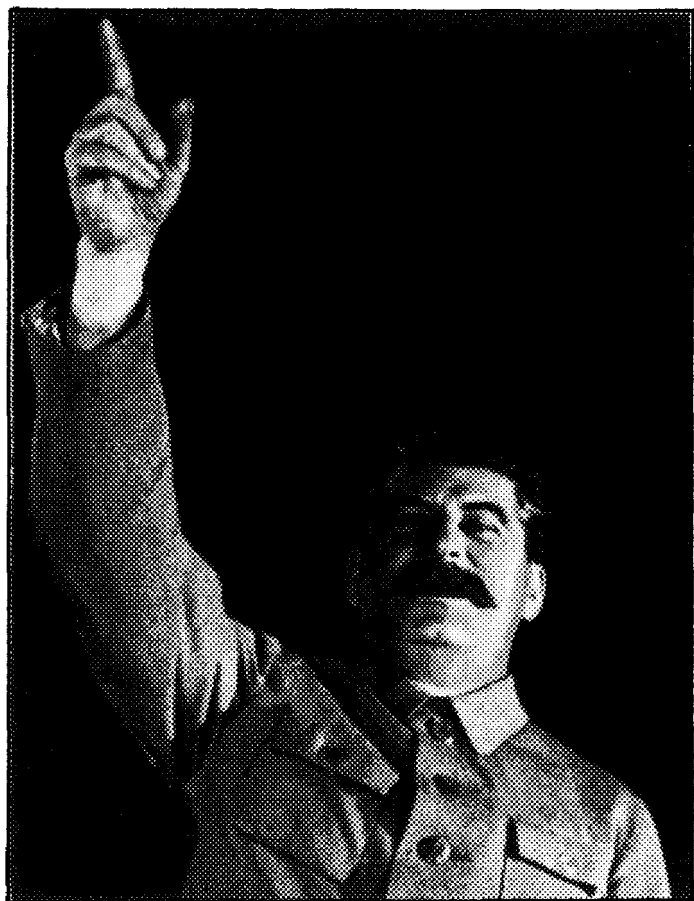
*И. Сталин*⁷⁸.

Страна и партия стояли перед страшными испытаниями. Человек, обожествивший в диктатуре пролетариата лишь насилие, стал диктатором. Пусть его и называли "любимый вождь", "гениальный полководец", "мудрый зодчий", ничто не могло закамуфлировать глубинной сути человека-диктатора. Но тогда этого люди не понимали. Пройдут целые десятилетия, пока наступит прозрение. А пока кончался на трагической ноте 1934 год. "Съезд победителя"... А затем сигнал подготовки к террору. Может быть, действительно 1937 год начался, во-

преки всем астрономическим календарям, 1 декабря 1934 года? В том, что касается беззаконий, которые поощрял и инициировал Сталин, можно ответить утвердительно. Диктатура пролетариата, как одно из проявлений демократии большинства, все больше подменялась единовластием диктатора и диктатурой бюрократии. Семена будущей трагедии уже давали свои зловещие всходы. Поезд трагического будущего был на подходе. Сегодня мы знаем, что он не был остановлен.

глава 5

В "ТОГЕ" ВОЖДЯ

Отрицать ложных богов необходимо, но это еще не все: под их масками следует искать причины их существования.

А. Герцен

Один из корифеев мировой культуры, Плутарх, в своих "Избранных жизнеописаниях" так писал об основателе Рима Ромуле: "Надеясь на крепость своей власти и все более и более обнаруживая свою гордость, он переменял народную форму правления на монархию, которая сделалась ненавистной и возбуждала неудовольствие уже с первых дней одною одеждою царя. Он стал носить красный хитон и пурпуровую тогу и занимался делами, сидя на кресле со спинкой. Его всегда окружали молодые люди, названные целерами за ту быстроту, с какою они исполняли данные им приказания. Другие шли впереди него, разгоняя палками народ. Они были подпоясаны ремнями, чтобы связать немедленно всякого, на кого им укажут"¹. Едва ли ведая о том, Плутарх описал характернейший случай, когда человек, вознесенный волею обстоятельств на вершину власти, все более утверждает в своем могуществе, превращает народ в толпу и становится уже не похожим на себя. История доказала: человек слаб перед магией власти. За редчайшим исключением долгое, бессрочное пребывание в "пурпуровой тоге" преображало вождей как по отношению к людям, так и прежде всего по отношению к самим себе.

Я не "примеряю" буквально слова Плутарха к Сталину: он внешне не переменял форму правления, не стал носить "красный хитон", не сидел в кресле, похожем на трон. Нет, конечно. Но к середине 30-х годов его взгляды на роль вождя в общественном развитии претерпели заметную эволюцию. Он, видимо, помнил слова Плеханова о роли личности в истории. В свое время, когда Сталин создавал свою библиотеку, то поставил Плеханова в списке мыслителей пятым после Ленина, Маркса, Энгельса и Каутского. Плехановские сочинения испещрены сталинскими пометками. Быть может, генсек листал тома Плеханова и перед тем, как ехать в декабре 1930 года на встречу с бюро партячейки отделения философии и естествознания Института красной профессуры? Возможно. Доподлинно известно только, что, давая указания "разворошить и перекопать весь

навоз, который накопился в философии", Сталин среди других указаний дал и такое:

— Плеханова надо разоблачить, его философские установки. Он всегда свысока относился к Ленину...²

Думаю, Сталин знал о словах Плеханова: "Великий человек является именно начинателем, потому что он видит *далее* других и хочет *сильнее* других". И этот вывод, сделанный человеком, которого пришла пора "разоблачить", ему нравился. А вот продолжение мысли Плеханова: вождь не может "остановить или изменить естественный ход вещей"³ — едва ли импонировало Сталину. Ведь он считал себя теперь способным на многое, если не на все, единственным в стране вождем.

Если в 20-е годы слово "вождь" довольно широко употреблялось в качестве своего рода эпитета и в отношении других ("вождь Красной Армии Троцкий", "вожди революции Зиновьев и Каменев", "вождь красных профсоюзов Томский", "вожди Интернационала", "вожди коммунистического Союза молодежи" и др.), то теперь так именовался только он, Сталин. Думается, что Ленин, также пользовавшийся словом "вожди", обозначал этим не столько личные качества руководителей, сколько политические. Для Ленина, как свидетельствует анализ его работ, вождь — это прежде всего передовой представитель класса, общественной группы. Ничего культового, мифического, связанного с персонификацией власти, Ленин не допускал. В своей работе "Насущные задачи нашего движения", написанной еще в 1900 году, великий мыслитель подчеркивал: "Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых (разрядка моя. — Прим. Д.В.) представителей, способных организовать движение и руководить им"⁴. Годом раньше, изучая попятное движение в русской социал-демократии, Ленин отмечал особую роль "рабочей интеллигенции", страстно стремившейся к знаниям и социализму. Именно из этой среды и берутся, считал он, "рабочие-передовики". По Ленину, вождь — это передовой выразитель интересов трудящихся, способный самоотверженно бороться за их удовлетворение. "Всякое жизненное рабочее движение выдвигало таких вождей рабочих, своих Прудонов и Вальянов, Вейтлингов и Бебелей, — писал он. — И наше русское рабочее движение обещает не отстать в этом отношении от европейского"⁵. Ленин говорит, таким образом, о многих вождях как синониме передовых руководителей пролетариата.

Логика же действий Сталина и его окружения вела к тому, чтобы создать соответствующую систему политических и социальных отношений в партии и стране и утвердить положение "господствующей личности". (Это выражение я заимствовал из критического анализа Плехановым работ французского философа XIX века И. Тэна.)⁶

"Господствующая личность"

Э то выражение Плеханова, по моему мнению, весьма удачно характеризует ситуацию, которая стала складываться в стране с начала 30-х годов, ситуацию, отражающую неуклонное восхождение одной личности на вершину вождизма, утверждение цезаризма. Такое положение стало возможным потому, что партия, как это ни горько говорить, разрешила, согласилась с этим современным цезаризмом. Мы десятилетиями говорили о возрастании роли партии в самых различных сферах нашей деятельности, но ни в докладе Н.С. Хрущева на XX съезде партии "О культе личности и его последствиях", ни в известном постановлении ЦК по этому вопросу, ни в других официальных документах не было сказано о том, что партия хоть в какой-то мере виновна в уродстве культа. Хотя среди причин его появления эта — одна из основных. Подобострастное отношение к своим руководителям, бесконтрольность, пожизненность должностей создали обстановку, в которой человек со злым, изощренным, хитрым умом, человек, не знавший компромиссов, каким был Джугашвили-Сталин, стал "господствующей личностью". Господствующей во всем: в социальной и экономической жизни, в умах людей. Партия оказалась не в состоянии выработать такие защитные меры, которые уберегли бы ее и народ от единовластия.

В "Святом семействе" К. Маркса и Ф. Энгельса приводится глубокая мысль:

"Великие кажутся нам великими лишь потому, что мы сами стоим на коленях.

Поднимемся!"⁷

Имеется много высказываний Сталина, в которых он верно трактует соотношение "вождь и масса", не преувеличивает роли личности в истории, подчеркивает значение коллективного руководства в партии. Так, в декабре 1931 года он говорил:

“Единоличные решения всегда или почти всегда — однобокие решения. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, с мнением которых надо считаться. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, могущие высказать и неправильные мнения... В нашем руководящем органе, в Центральном Комитете нашей партии, который руководит всеми нашими советскими и партийными организациями, имеется около 70 членов. Среди этих 70 членов ЦК имеются наши лучшие промышленники, наши лучшие кооператоры, наши лучшие снабженцы, наши лучшие военные, наши лучшие пропагандисты, наши лучшие агитаторы, наши лучшие знатоки совхозов, наши лучшие знатоки колхозов, наши лучшие знатоки индивидуального крестьянского хозяйства, наши лучшие знатоки наций Советского Союза и национальной политики. В этом ареопаге, — продолжал Сталин, — сосредоточена мудрость нашей партии. Каждый имеет возможность исправить чье-либо единоличное мнение, предложение. Каждый имеет возможность внести свой опыт. Если бы этого не было, если бы решения принимались единолично, мы имели бы в своей работе серьезнейшие ошибки”¹⁸. Хотел того или не хотел Сталин, но последними словами он невольно подтвердил мысль, что многие из “серьезнейших ошибок”, допущенных в процессе коллективизации, партийного и государственного строительства, в сфере культуры, стали возможны именно в результате единоличных решений одного человека, превратившегося в “господствующую личность”.

Прежде всего это выразилось в устойчивой тенденции к свертыванию коллегиальности в работе Центрального Комитета, которой Ленин придавал огромное значение. Известно, что в первые шесть лет после Октября в соответствии с партийными нормами и политической необходимостью было создано шесть съездов, пять конференций и 43 пленума ЦК. На всех этих партийных форумах не было давления авторитетов, коммунисты имели возможность свободно излагать свою точку зрения, формулировать позицию по тому или иному вопросу. Как правило, важнейшие документы, принимавшиеся партией, были плодом коллективных усилий и разума. В процессе выработки решения принимались во внимание (или к сведению) самые различные подходы и мнения. Свидетельство тому — жаркие споры, компромиссы, многочисленные дискуссии по узловым вопросам внутренней и внешней политики партии.

В то же время, когда после XVII съезда партии стало рельефно просматриваться культовое обожествление его персо-

ны, "вождь" принял меры к резкому ограничению коллегиальности в выработке решений. Он уже не нуждался в других мнениях. С 1934 года (после XVII партсъезда) по 1953 год (год смерти Сталина), т.е. за двадцать лет, в основном до войны, состоялось всего два партийных съезда, одна конференция, 22 пленума ЦК. Перерыв между XVIII и XIX съездами партии — 13 лет! Были годы — 1941, 1942, 1943, 1945, 1946, 1948, 1950, 1951-й, — когда Центральный Комитет на свои заседания не собирался ни разу! Со временем Сталин, а это явствует из его решений и линии поведения, смотрел на ЦК уже не как на "ареопаг мудрости", как он еще называл его в 1931 году, а просто как на партийную канцелярию, удобный подручный аппарат для реализации его решений. По сути, партия стала послушной машиной выполнения указаний "господствующей личности". А ведь готовясь к XIV съезду партии в 1925 году и редактируя проект Устава ВКП(б) (с изменениями), Сталин подчеркнул в знак особой важности слова: "Очередные съезды созываются ежегодно. Центральный Комитет имеет не менее одного пленарного заседания в два месяца". Жизнь, естественно, внесла свои коррективы. Была война, заставившая страну трансформироваться в военный лагерь и не позволившая скрупулезно придерживаться принятых норм. И это объяснимо. Но фактически пренебречь ими...

Ленин еще на III съезде партии, в далеком 1905 году, в докладе "Об участии социал-демократии во временном революционном правительстве" говорил: "Революционный народ стремится к самодержавию народа, все реакционные элементы отстаивают самодержавие царя (разрядка моя.— *Прим. Д.В.*). Успешный переворот поэтому не может не быть демократической диктатурой пролетариата и крестьянства..." Еще на заре века, задолго до победы социалистической революции, Ленин допускал лишь "самодержавие народа" в форме "демократической диктатуры". Для Сталина теперь все эти старые речи о демократии, народном представительстве, коллективном разуме стали как-то сразу неактуальными, даже наивными. Разве он не выражает интересы народа? Разве он что-либо хочет лично для себя? Разве марксизм отрицает роль вождей?.. Единоличный "вождь" все прибирал к рукам: мысль, политическую волю, социальный арбитраж. Все это становилось похожим на политическое самодержавие.

Усилению бюрократических тенденций в партии способствовало специфическое понимание Сталиным партийного единства. Известно, что в 20-е годы партии пришлось столк-

нуться с весьма активным противодействием в проведении своей политики со стороны отдельных групп коммунистов. Далеко не всегда это были "враги". Часто особые взгляды, позиции, отличные от принятых, "курсы", "платформы" возникали от нестандартных оценок ситуации, своеобразного понимания перспектив движения, а иногда появлялись как результат особенностей характера отдельных личностей. Но сегодня, анализируя весь спектр борьбы "оппозиции", "группировок", все больше убеждаешься, что одним из решающих пунктов разногласий и ожесточенных схваток были проблемы выбора конкретных путей развития демократии, соотношения "вождь и партия", роли масс в революционном процессе, хотя отчасти это как бы камуфлировалось иными мотивами и фразами. Во многих случаях "оппозиционеры" были просто не согласны с авторитарностью, не готовы к единомыслию, как духовной униформе, к чему всегда стремился Сталин. Мы, диалектики, зная, что жизнь движется вперед противоречиями, обычно тем не менее инакомыслие рассматривали как враждебное проявление. А может быть, в инакомыслии как раз и выражалось стремление найти более оптимальную альтернативу? Разве бездумное единомыслие не плодит догматиков, безликих, равнодушных людей?

В те годы было, конечно, и немало таких людей, которые сознательно ставили перед собой цели, не вписывающиеся в программные установки партии. Как правило, у них были другие идеалы или иные социальные приоритеты. В условиях разрухи, внешней империалистической опасности, роста различных оппозиционных группировок по инициативе Ленина на X съезде партии в марте 1921 года была принята знаменитая резолюция. После доклада, сделанного Владимиром Ильичем, съезд обязал немедленно распустить все фракционные группировки. В резолюции ясно говорилось, что единство и сплоченность рядов партии, обеспечение полного доверия между членами партии и работы действительно дружной, действительно воплощающей единство воли авангарда пролетариата, является особенно необходимым в настоящий момент...¹⁰ Эта установка сыграла большую роль в сплочении партии. Но она выступала не против разномыслия, борьбы мнений, а против фракционных групп с политическими платформами, несовместимыми с программными и уставными целями партии.

Сталин часто обращался к этой резолюции, нанося удары по "оппозициям" и "уклонам". Постепенно в его устах слова "оппозиция", "оппозиционер" приобрели вполне определенный

смысл, тождественный понятиям "противник", "враг". В последующем "вождь" любое, даже частное несогласие отдельных руководителей с политикой партии и тем более несогласие с его позицией однозначно расценивал как "борьбу с партией", "вражескую деятельность". Борясь за единство, но понимая его не диалектически, а догматически, Сталин постепенно добился полной ликвидации здоровой борьбы мнений, свободного высказывания коммунистами своих взглядов, критики вышестоящих партийных органов. В партии возникло "бездумное однодумство". Под флагом борьбы за "монолитность" партии Сталин исподволь, постепенно, но неуклонно убивал демократические начала во внутривнутрипартийной жизни. Понимая единство как исполнительность, беспрекословное повиновение директивам, готовность поддержать любое решение вышестоящих органов, Сталин тем самым способствовал укреплению в партии догматического мышления, искоренению творческой инициативы масс. Часто малейшее отступление от спущенных сверху канонов не просто осуждалось. Маленков, выступая на январском Пленуме ЦК 1938 года, привел пример, когда в Калмыкии, в Сарычинской парторганизации, был исключен из партии коммунист Кушев. На занятиях по политграмоте Кушеву был задан вопрос:

— Можем ли мы построить социализм в одной стране?

— Построить социализм в одной стране можно, и мы его построим, — отвечал Кушев.

— А построим ли мы коммунизм в одной стране?

— Коммунизм в одной стране построим...

— А полный коммунизм?

— Построим.

— А окончательный коммунизм построим?

— Окончательный — вряд ли, — размышлял Кушев, — без мировой революции. Впрочем, посмотрю в "Вопросах ленинизма", что по этому поводу пишет тов. Сталин¹¹.

Вот за последний ответ, за свои сомнения, Кушев был исключен из партии и снят с работы. Но Маленков усматривает здесь не проявление догматизма, не культовое уродство, требующее религиозного, политического единомыслия, а видит "происки врагов", окопавшихся "на каждом предприятии, в колхозе и совхозе". Кушев допустил малейший "сбой" в единомыслии, и "враги" тут же этим воспользовались, исключив его из партии. Такова логика Маленкова.

Подобные трактовки уродовали демократическое понимание единства, предполагающее синтез коллективной воли с

одновременной возможностью свободно излагать свои взгляды и позиции. Ведь X съезд своей резолюцией о единстве предусматривал, что партия неустанно будет продолжать, испытывая новые приемы, бороться всякими средствами против бюрократизма, за расширение демократизма, самостоятельности...¹² Любой коммунист, рискнувший выступить с новым предложением, инициативой или несогласный с теми или иными аспектами политики партии, рисковал быть ошельмованным, а то и просто причисленным к лику "врагов". От коммунистов все больше требовали лишь "поддерживать" и "одобрять" и все меньше и меньше — принимать реальное участие в обсуждении важных проблем партийной и общественной жизни. А все это автоматически еще выше поднимало "вождя" над партией, превращало его в "господствующую личность".

На XVII съезде партии по предложению Сталина была ликвидирована Центральная Контрольная Комиссия, обладавшая прерогативами контроля за работой ЦК и Политбюро. Функции созданной Комиссии Партийного Контроля были перенацелены на контроль за исполнением партийными организациями решений центральных органов и прежде всего указаний "господствующей личности".

Постепенно решения Сталина стали восприниматься всеми как решения партии. Уже в середине 30-х годов его указания оформлялись как постановления ЦК или циркулярные распоряжения. Власть партийного "вождя" стала фактически неограниченной. Приведу характерный пример. Накануне и в годы войны, когда вошли в норму "ночные бдения" в кабинетах руководителей, Сталин частенько приглашал нескольких членов и кандидатов в члены Политбюро пообедать у него на даче в Кунцево. Чаще всего это были Молотов, Ворошилов, Каганович, Берия, Жданов. Реже приглашались на ночные обеды Андреев, Калинин, Микоян, Шверник, Вознесенский. Во время застолья решались различные вопросы государственной, партийной и военной политики. Сталин обычно резюмировал итоги "беседы". Маленков, а иногда Жданов оформлял эти "заседания" протоколами Политбюро. Споры, дискуссий не возникало. Собратья Сталина старались чаще всего угадать мнение "вождя" или вовремя поддакнуть. Принципиальных несогласий со Сталиным никогда не было. Даже самому "единодержцу" это иногда надоедало. Так, когда за обедом, накануне XVIII съезда партии, зашла речь о подготовленном докладе Сталина, то все

стали хором дружно его хвалить. Сталин слушал, слушал и вдруг жестко бросил:

— Так я вам дал вариант, который я забраковал, а вы аллилуйю поете... Вариант, с которым буду выступать, весь переделан!

Все осеклись. Наступило неловкое молчание. Но Берия быстро нашелся:

— Но уже и в этом виде чувствуется Ваша рука. А если Вы переделали и этот вариант, можно представить, каким сильным будет доклад!

Политбюро, избранное после XVII съезда партии, — А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, С.М. Киров, С.В. Косиор, В.В. Куйбышев, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, И.В. Сталин — собиралось еще достаточно регулярно, но не всегда в полном составе. Чаще вопросы решались в узком кругу: Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, позже — Жданов или Берия. Со временем Сталин создаст внутри Политбюро различные комиссии: так называемые "пятерки", "шестерки", "семерки", "девятки"... Как сообщил в своем докладе на XX съезде партии Хрущев, эта система, смахивающая на карточную терминологию, была закреплена специальным решением Политбюро. Конечно, жизнь сложна, проблем много, и всегда, еще и при Ленине, в ЦК создавались различные комиссии. Но, несмотря на их важность, все принципиальные решения должны приниматься полным составом Политбюро, Центральным Комитетом. А сведение управляющей функции партии к мнению "пятерки", в которой, конечно, было одно мнение — мнение "господствующей личности", обесценивало коллегиальность. Сталин любил выслушивать соображения соратников, оставляя за собой последнее слово, которое в подавляющем большинстве случаев было решающим.

На множестве документов, рассматриваемых им, Сталин оставлял обычно резолюции "Согласен", "За", "Можно", а иногда направлял отдельные документы своим соратникам, для того чтобы выяснить их мнение. Но, как правило, точка зрения других для него ничего не значила.

Например, Пятаков в апреле 1936 года пишет письмо Сталину с просьбой разрешить полет стратостата "СО-35-1" "при благоприятной метеорологической обстановке".

Сталин на документе пишет, как будто советуясь:

"Т-шу Ворошилову.

Как быть?

И. Ст."

Ворошилов отвечает:

"Товарищу Сталину. Думаю, что можно разрешить.

7.4.36

К. Ворошилов".

Еще ниже на этом документе следует категорическое:

"Я против.

И. Ст."¹³.

Подобная безапелляционность в суждениях, которая без аргументов отвергала другие мнения и оставляла в силе лишь свое, постепенно создала обстановку, когда многие члены и кандидаты в члены Политбюро стремились прежде всего предвосхитить решения Сталина. Некоторым это хорошо удавалось, особенно Берии.

Хотя Сталин продолжал публично подчеркивать значимость коллегиальности в работе ЦК, уже в середине 30-х никто не мог публично высказать свое несогласие или хотя бы сомнения в верности "сталинской политики". Коллегиальность превратилась в коллективное автоматическое одобрение решений, выводов, установок "вождя". Было положено начало бюрократическому абсолютизму.

Знакомясь с результатами многих поименных опросов, заочного голосования по тому или иному вопросу, я не встретил ни одного случая, когда кто-нибудь хоть косвенно поставил под сомнение явно ошибочные, а порой и преступные предложения Сталина. Об этом — в следующей главе. Но здесь хотелось бы еще раз вернуться к мысли, которую высказывал неоднократно ранее: шанс совести, пусть даже последний, фактически никто в руководстве ЦК даже не пытался использовать. Никто не желал (или не мог) возражать Сталину, пусть в самой деликатной форме. Нередко, находясь уже у черты, разделяющей жизнь и небытие, многие покорно соглашались с мнением "вождя", сознавая даже, что это не смягчит их приговор. А ведь в составе ЦК были не только "поддакиватели", которых усиленно выдвигал Сталин.

Партийные документы 30-х и 40-х годов убеждают: обсуждение любого вопроса проводилось на основе указаний и установок "вождя". Формулируя часто верные хозяйственные, социальные, технические проблемы, пути их решения, участники совещаний, заседаний, пленумов непременно освящали их "идеями", "положениями", "выводами", высказанными в разное время Сталиным. После XVII съезда и до смерти "вождя" уже никто не мог публично что-то добавить или как-то обогатить тезис, сформулированный им. Фактически в партии постепенно утвердился принцип догматического единоначалия.

Еще древние заметили, что абсолютная, ничем не ограниченная власть может обернуться злом. В "Письмах" римского историка Саллюстия к Цезарю есть такая сентенция: "Никто не уступит власть другому по собственному желанию. И как бы ни был добр и милостив тот, кто стоит на вершине могущества, он всегда вызывает опасение тем, что может употребить свою власть во зло". Проницательность этих слов находила свое подтверждение в истории, к сожалению, неоднократно.

Взаимоотношения между партией и вождем, полагал Сталин, нужно было закрепить в массовых, доступных всем коммунистам и народу изданиях. Таковыми явились "История ВКП(б). Краткий курс", вышедшая в 1938 году, и через десятилетие — "Краткая биография" И.В. Сталина. В журнале "Большевик" (1937. № 9) Сталин опубликовал письмо составителям учебника истории ВКП(б). Главный акцент в "Истории..." пишет Сталин, должен быть сделан на борьбе партии с фракциями и группировками, антибольшевистскими течениями. И это не случайно, поскольку, таким образом, в эпицентре истории партии обязательно будет он. Ведь именно он, Сталин, "разгромил" Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, группировки и "уклоны", которые они возглавляли. При помощи этого нехитрого методологического подхода — показа истории партии прежде всего через борьбу с "оппозициями" — на первый план выходит ее победитель, Сталин. Бесспорно, различных, но чаще всего не антиленинских, а скорее антисталинских группировок в то время было не так уж мало, и борьба с ними занимала значительное место во внутрипартийной жизни. Но история партии, конечно, не сводилась и не должна сводиться только к этой борьбе.

Сталин не постеснялся (как мы знаем, он практиковал это уже давно) дать указание составителям учебника чаще ссылаться на его идеи. Он, например, предложил использовать "письмо Энгельса Бернштейну в 1882 году, приведенное в первой главе моего доклада VII-ому расширенному Пленуму ИККИ "О соц.-дем. уклоне" в ВКП(б), и мои комментарии к нему". Без этих комментариев, пишет дальше Сталин, "борьба фракций и течений в истории ВКП(б) будет выглядеть как непонятная склока, а большевики, — как неисправимые и неутомимые склочники и драчуны"¹⁴. Группа авторов по поручению ЦК за короткий срок подготовила "Краткий курс", на длительное время ставший основным, а часто и единственным пособием по идейно-теоретической подготовке миллионов советских людей. Книга, вышедшая в нашей стране общим тиражом

почти 43 миллиона экземпляров, проникнута апологией сталинского "гения", его "мудрости" и "прозорливости". В ее первом издании отмечалось:

"Комиссия Центрального Комитета ВКП(б) под руководством товарища Сталина и при его активнейшем личном участии разработала "Краткий курс истории ВКП(б)".

Однако такая формулировка не удовлетворила Сталина. В выпущенной позже "Краткой биографии" Сталина, которая им тщательно редактировалась, дополнялась и уточнялась, появилась новая формулировка:

"В 1938 году вышла в свет книга "История ВКП(б). Краткий курс", написанная товарищем Сталиным и одобренная комиссией ЦК ВКП(б)"¹⁵.

Сталина уже не смущало то обстоятельство, что книга, безудержно прославляющая его, была, оказывается... написана тоже им. Так осуществлялось идеологическое обоснование абсолютной роли "вождя", его контроля над партией и государством. Кроме того, Сталин, устранив к этому времени практически всех видных соратников Ленина, "вычеркнул" их и из истории. В "Кратком курсе", кроме Ленина и Сталина, фактически нет конкретных лиц — творцов революции и социализма. Есть лишь "враги".

Книга, ставшая обязательной для коммунистов, студентов вузов, всей системы партийного просвещения и политического образования, однозначно изложила несколько сталинских "аксиом": в революции было два вождя — Ленин и Сталин; основная заслуга в построении социализма в СССР принадлежит Сталину; после Ленина у партии был и есть лишь один вождь — "мудрый", "дальновидный", "смелый", "решительный"... В этом массовом издании сталинская схема "вождь и партия" была, таким образом, доведена до всего народа. Популярность, примитивизм изложения, элементарный схематизм сделали "Краткий курс" весьма доступным пособием практически для каждого человека. В общей системе воспитания советских людей, которая сложилась в 30-е годы, эта книга заняла центральное место. После ее выхода в свет, 1 октября 1938 года, было созвано совещание пропагандистов Москвы и Ленинграда, на котором выступил Сталин. Стоит привести некоторые выдержки из его речи.

"Одна из задач издания, — заявил Сталин, — ликвидировать разрыв между марксизмом и ленинизмом". Далее он дал понять, что пока существует лишь одна книга, которая в единстве рассматривает марксизм-ленинизм. "Книга Сталина "Об

основах ленинизма", — без тени смущения продолжал докладчик; — излагает то новое и особенное, что внесено Лениным в марксизм. Не скажу, что там изложено все, но книга Сталина дает все основное, что внесено Лениным в марксизм"¹⁶. Без малейшей скромности, о которой так любил поговорить Сталин, он дает высочайшую оценку своему труду. К этому времени он уже и сам уверовал в себя не только как единственного мудрого вождя, но и как великого теоретика. Таков закономерный результат единовластия, единоначалия в общественно-политической организации, какой является партия.

Гай Светоний, описывая жизнь римского императора Тиберия, уверял, что диктатор знал о своем будущем заранее и "давно предвидел, какая ненависть и какое бесславие ожидают его впереди"¹⁷. Сталин и не помышлял об этом. Его архив — записки, резолюции, письма, фотографии, кинохроника, стенограммы речей — свидетельствует об уверенности "вождя" в своем бессмертии в памяти народа. После XVII съезда и до конца своих дней он, далеко не такой проницательный, как Тиберий, закреплял свою "славу" на века. Постепенно "самодержавие вождя" по отношению к партии, народу было закреплено во множестве культовых актов и "обрядов". Так, например, были учреждены сталинские стипендии, сталинские премии. (Постановление правительства об учреждении премии им. В.И. Ленина, принятое при участии Сталина еще в августе 1925 г., было просто забыто.) Государственный гимн, редактированием которого лично занимался Сталин, отразил его роль в судьбе Отечества:

*Нас вырастил Сталин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.*

С. Михалков и Эль-Регистан, подготовив по поручению "вождя" текст гимна, вручили его Сталину. Тот, посидев над строчками, внес поправки. В архиве Сталина сохранились эти "следы".

Вместо "Свободных народов союз благородный" Сталин вписал: "Союз нерушимый республик свободных".

Второе четверостишие подверглось большей переработке. Оно выглядело первоначально так:

*Сквозь грозы сияло нам солнце свободы.
Нам Ленин в грядущее путь озарил,
Нас вырастил Сталин — избранник народа,
На труд и на подвиги нас вдохновил.*

После того как по тексту "прошелся" карандаш Сталина, вторая и третья строки стали выглядеть иначе:

*И Ленин великий нам путь озарил,
Нас вырастил Сталин — на верность народу...*

Сталину чем-то не понравились слова "избранник народа". Хотя, если вдуматься, народ его действительно не избирал. Он стал лидером, вождем, диктатором огромного народа, не будучи им избранным! С его самой существенной правкой согласились сразу же не только Михалков и Эль-Регистан, но и присутствовавшие вечером 28 октября 1943 года у Сталина Молотов, Ворошилов, Берия, Маленков и Щербаков. Так что Сталин не просто "утверждал" текст гимна. Например, предложенный авторами припев:

*Живи в веках страна социализма,
Пусть наше знамя миру мир несет,
Живи и крепни славная Отчизна,
Тебя хранит великий наш народ, —*

Сталин сразу же отбросил, не объясняя даже, почему ему он не понравился. Возможно, его не устраивало "миру мир"¹⁸

В гимне не было ни слова о партии, но оказались столь "необходимыми" слова о вожде... Постепенно в сознании советских людей утверждалась мысль, что Сталин — это не только вождь партии, но и вождь всего народа. В концентрированной форме эту идею еще в декабре 1939 года публично выразил член Политбюро ЦК ВКП(б) Н.С. Хрущев: "Все народы Советского Союза видят в Сталине своего друга, отца и вождя.

Сталин — друг народа в своей простоте.

Сталин — отец народа в своей любви к народу.

Сталин — вождь народов в своей мудрости руководителя борьбой народов"¹⁹.

Ем. Ярославский, один из придворных комментаторов сталинизма, одну из глав своей книжки "О товарище Сталине" так и назвал — "Вождь народов". Главная ее идея: "Рядом с Лениным, начиная с конца 90-х годов, и всегда вместе с Лениным, всегда по одной дороге, никогда не сворачивая с этого пути, идет товарищ Сталин..."²⁰ В этой книжке-панегирике есть, однако, и верные мысли, которые, должно быть, помимо своей воли выразил автор. Так, Ярославский в нескольких местах нажимает на "беспощадность Сталина к врагам". Что верно, то верно. "Вождь" был беспощаден ко всем, кого он считал врагами.

Сталин, читая подобные "творения", все больше утверждался во мнении, что высшей точки он достигнет не скоро. "Вознесение", казалось, будет бесконечным. Так, как славили

его, не славили ни одного российского императора. В конце концов он сам поверил в свою земную мессианскую роль непогрешимого, всевидящего, всемогущего. Корни народной трагедии тем глубже погружались в социальную почву, чем торжественнее превозносился триумф "вождя".

Отмечая все эти культурные уродства, абсолютизирующие роль "вождя", следует сказать, что они тем не менее играли стабилизирующую, сплывающую роль, хотя и на догматической основе. Сегодня мы знаем, что сплочение народа, достижение его морально-политического единства возможно и на другой основе. Но тогда, когда страна так и не приобщилась после смерти Ленина к подлинной социалистической демократии, упор на воспитание веры в "вождя", его мудрость, непогрешимость быстро дал результат. Несмотря на страшные репрессии в конце 30-х годов, тоталитарные тенденции в развитии государства, диктаторскую роль "вождя", общество, его социальные устои оставались прочными.

Сегодня, спустя десятилетия после смерти Сталина, когда опубликованы многочисленные материалы о нем, его времени, деяниях и преступлениях, еще немало людей по духовной, социальной, моральной инерции продолжают считать его великим преобразователем, мудрым вождем с "твердой рукой". Думается, что "тайна" живучести этой привязанности связана не только с временными, возрастными обстоятельствами ("своя" судьба, "свое" время, "свои" кумиры), а прежде всего с тем, что с легкой руки генсека всей системой пропаганды, воспитания, социальной жизни долгое время утверждалось: "Социализм — это Сталин". Поэтому в огромной степени верность Сталину — это верность той, давней, освещенной молодостью идее. Этой идее так много отдано, и вдруг оказывается, что символ, олицетворявший социализм, оказался ложным... А отрицать "ложных богов" — непросто; все же они — боги...

Дело не только в личных качествах Сталина. Сам он не мог так изменить духовные и социальные структуры общества, даже в силу своей безграничной власти и влияния. Сама социальная практика, стратегия и тактика возвеличивания одной личности постепенно создали определенную систему отношений. Только в этой системе Авторитет Вождя мог генерировать процессы, которые мы давно уже именуем культом личности. Только в этой системе отношений все (или почти все) стало "работать" на усиление Авторитета Вождя. Но, конечно, особенно активно здесь "трудилось" непосредственное окружение. Оно само стало неотъемлемым компонентом его

Авторитета. Другими словами, в перекосе соотношения "вождь и партия" виновна не только личность. Дело, видимо, в том, что не был создан реальный демократический механизм, который при всех условиях обеспечил бы первенство авторитета партии, народа, масс. На словах это, конечно, провозглашалось. Но они расходились с делами, социальной практикой. Именно поэтому в соотношении авторитетов вождя и народа и произошли те деформации, которые так дорого обошлись народу и партии. Это важно подчеркнуть потому, что наиболее частой, распространенной ошибкой в определении генезиса, природы культа личности является акцент на субъективные качества человека, носителя этого культа. Их роль, безусловно, велика. Но главные причины проявления отрицательных качеств конкретной личности находятся в сложившейся системе общественных отношений, политическом механизме власти. В этом все дело.

Если бы все заключалось только в человеке, то после его ухода, смерти в этой системе, в этом механизме не нужно ничего изменять: ведь носителя культовых явлений уже нет. Но в том-то и суть, что все гораздо сложнее. Культ "господствующей личности", обожеествляющий Авторитет Вождя, питается "соками" той социальной среды, системы, где он возник. Без создания надежного демократического механизма гарантий, защиты личностные деформации могут проявляться либо, как уже было в истории, в форме "субъективизма" или "волюнтаризма", либо в карикатурном самовозвеличивании и парадности, ведущих к социальному, экономическому и духовному застою.

Поскольку слишком часто (и справедливо!) указывают на большую роль в культовых уродствах личных качеств Сталина, я попытаюсь выделить в его портрете те, которые характеризуют его интеллект. Пожалуй, это наименее изученная сторона в облике такого сложного человека, каковым являлся Сталин.

Интеллект Сталина

Античная мифология оставила нам образ Минервы — богини мудрости. Древние ее изображали в виде стройной женщины, возникшей из головы Юпитера в полном военном облачении: на голове шлем, в одной руке копье, в

другой шит. У ног богини сидит сова — священная птица, олицетворение бесшумного полета мысли. Мысль, по поверьям тех, кто жил в седой дали веков, всегда парит над человеком, над историей. Отвечая на одно из писем, Сталин привел слова Гегеля: "Сова Минервы вылетает только ночью"²¹, истолковав их как выражение неизбежного отставания сознания от реалий бытия.

Прежде чем попытаться охарактеризовать интеллект Сталина, напомним, что означает это понятие. Психологи обычно подразумевают под интеллектом умственные способности; философы — процесс мышления; в различных научных текстах этим термином называют мыслительные возможности человека, его ум, творческое начало, способность к познанию и т.д. В основном это верно отражает различные стороны интеллекта. Известно, что индивидуальное сознание состоит из двух основных компонентов: рационального (теоретического) и эмоционального (чувственного). Если бы понятие "интеллект" полностью совпадало с содержанием индивидуального сознания, то в нем не было бы необходимости. Интеллект, по моему мнению, выражает обобщенную характеристику способностей человека к творческой мыслительной деятельности. Интеллект — не какой-то особый, самостоятельный элемент индивидуального сознания, а скорее — интегрированное проявление человеческой психики в форме способностей к активному рациональному отражению действительности. Интеллектуальные свойства в разной степени присущи каждому нормальному человеку. К. Маркс писал, что "человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы"²². Можно, пожалуй, сказать, что интеллект является не чем иным, как преимущественно рациональным уровнем сознания, выражающего способности человека к творческому освоению действительности. "Освоение" окружающего мира осуществляется интеллектом на уровне рассудочного мышления ("здравого смысла"), разума (высшей мыслительной способности) и интуиции. При общности основных характеристик каждый интеллект уникален, неповторим, своеобразен.

В последние годы, видимо под влиянием все новой и новой негативной информации о Сталине, его жизни и деяниях, стало складываться впечатление, что умственные способности этого человека не поднимались выше среднего уровня. Иногда еще более категорично утверждают, что характеристика Троцкого в отношении Сталина как "выдающейся посредственности" по

сути точна. С этим едва ли можно согласиться. Ибо трудно тогда понять, как человек, лишенный каких-либо приметных умственных способностей, с 1912 года входил в руководящие органы партии, как Ленин мог называть его одним из "выдающихся вождей", как удалось Сталину в сложнейшем клубке политических противоречий и конфликтов 20-х годов выйти победителем в беспощадной борьбе с теми, кто превосходил его во многих отношениях.

Все дело в том, что вольно или невольно в оценке личности Сталина на первый план (и это естественно) выходят его преступления, коварство, жестокость, беспощадность к тем, кого он считал врагом. Но все это лишь косвенно характеризует интеллект, а больше — нравственные грани человека. В этом смысле незаурядный интеллект Сталина (думаю, что он таковым и был) как бы обрамлен многими атрибутами антигуманизма. Интеллект Сталина в общечеловеческом, моральном плане практически обесценен его органической связью с проявлениями зла. Если бы можно было охарактеризовать интеллект Сталина кратко, то, видимо, будет близка к истине формула — "незаурядный злой ум". Я считаю, что моральная ущербность сама по себе — огромная брешь в интеллекте. Это его нравственные сумерки, без звезд и зарниц добра. Можно, пожалуй, даже сказать, что нравственные изъяны в структуре личности могут низвести даже сильный интеллект до функции счетной машины, логического механизма, до уровня рационального безжалостного аппарата.

Сталин, испытав еще до революции в интеллектуальных спорах с оппонентами немало тягостных, порой унижительных минут, не смирился с ролью статиста в этих дискуссиях, а старался максимально расширить круг своих политических, теоретических знаний. При огромной загруженности (это удалось установить точно) Сталин весьма много работал над повышением своего интеллектуального уровня. В личном архиве Сталина сохранился один любопытный документ. Несмотря на пространность, приведу его полностью.

В мае 1925 года Сталин поручил Товстухе подобрать для себя хорошую личную библиотеку. Товстуха, поколебавшись, спросил:

— Какие книги должны быть в библиотеке?

Сталин, начавший было диктовать, внезапно остановился, сел за стол и в присутствии помощника почти без раздумий, в течение 10 — 15 минут, написал простым карандашом на листе бумаги из ученической тетради следующее:

"Записка библиотекарю. Мой совет (и просьба):

1) Склассифицировать книги не по авторам, а по вопросам:

- а) философия;
- б) психология;
- в) социология;
- г) политэкономия;
- д) финансы;
- е) промышленность;
- ж) сельское хозяйство;
- з) кооперация;
- и) русская история;
- к) история других стран;
- л) дипломатия;
- м) внешняя и вн. торговля;
- н) военное дело;
- о) национальный вопрос;
- п) съезды и конференции (а также резолюции), партийные, коминтерновские и иные (без декретов и кодексов законов);
- р) положение рабочих;
- с) положение крестьян;
- т) комсомол (все что имеется в отдельных изданиях о комсомоле);
- у) история революций в других странах;
- ф) о 1905 годе;
- х) о Февральской революции 1917 г.;
- ц) о Октябрьской революции 1917 г.;
- ч) о Ленине и ленинизме;
- ш) история РКП и Интернационала;
- щ) о дискуссиях в РКП (статьи, брошюры);
- щ¹) профсоюзы;
- щ²) беллетристика;
- щ³) худ. критика;
- щ⁴) журналы политические;
- щ⁵) журналы естественно-научные;
- щ⁶) словари всякие;
- щ⁷) мемуары;

2) Из этой классификации изъять книги (расположить отдельно):

- а) Ленина (отдельно)
- б) Маркса (—)
- в) Энгельса (—)
- г) Каутского (—)
- д) Плеханова (—)
- е) Троцкого (—)
- ж) Бухарина (—)
- з) Зиновьева (—)

- и) Каменева (—)
- к) Лафарга (—)
- л) Люксембург (—)
- м) Радека (—)

- 3) Все остальные классифицировать по авторам (исключив из классификации и отложив в сторону: учебники всякие, мелкие журналы, антирелигиозную макулатуру и т. п.).

29.V.25 г.

*И. Сталин*²³.

Учитывая, что это был фактически моментальный набросок, а также принимая во внимание уровень "книжной цивилизации" того времени, нельзя не признать определенную широту взглядов Сталина. Во главу угла Сталин поставил, как видим, составные части научного социализма, историю, некоторые конкретные области знания, связанные прежде всего с политической деятельностью и борьбой с оппозициями. Заметно беднее список персоналий, в котором кроме Ленина — основоположники научного социализма, а также те, с кем он полемизировал или будет полемизировать. В списке нет таких корифеев мысли, как Гегель, Кант, Фейербах, Руссо, Декарт, Дидро, многих других социалистов-теоретиков.

Я уже говорил, что об угаснувшем разуме, его тайниках рассуждать очень трудно. Но остались дела, идеи, материализованные в поступках, свершениях, позволяющие судить о "секретах", особенностях интеллекта. В случае со Сталиным немало пищи для размышлений дает его библиотека, "следы" в ней самого Сталина. На страницах очень многих книг из библиотеки в Кремле, в Кунцево, в квартире — подчеркивания, пометки, замечания на полях. На некоторых книгах стоит экслибрис: "Библиотека №... И.В. Сталина". Напомню, что все тома первого издания Собрания сочинений В.И. Ленина испещрены подчеркиваниями, галочками и восклицательными знаками на полях. К некоторым работам Сталин, по-видимому, обращался не раз, ибо отдельные строки из статей подчеркнуты неоднократно и красным, и синим, и простым карандашами. Больше всего Сталина интересовали мысли Ленина о диктатуре пролетариата, его борьбе с меньшевиками и эсерами, выступления на съездах партии.

Из своих современников Сталин чаще обращался к Бухарину и Троцкому. Например, брошюра Бухарина "Техника и экономика современного капитализма", изданная в 1932 году, вся испещрена красным карандашом "вождя", особенно выводы Бухарина о соотношении производительных сил и производ-

ственных отношений. На книге М. Смоленского "Троцкий", вышедшей в Берлине в 1921 году, подчеркнуты все те места, где критически оценивался сталинский непримиримый оппонент: "Троцкий — колюч и нетерпим", "эта натура властная, любящая повелевать", "политический властолюбец", "Троцкий — гениальный политический авантюрист"²⁴ и другие. Сталин где мог искал аргументы против своего антипода. Видимо, много аргументов для борьбы с ним Сталин взял из брошюры Л. Троцкого "Терроризм и коммунизм", изданной в 1920 году. Так же тщательно изучены книги Г. Зиновьева "Война и кризис социализма", Л. Каменева "Н.Г. Чернышевский", А. Бубнова "Основные моменты в развитии компартии в России", И. Нарвского "К истории борьбы большевизма с люксембургизмом", Я. Стэна "К вопросу о стабилизации капитализма" и другие. Все, что касалось "борьбы", не оставалось вне поля зрения Сталина.

Постоянный, устойчивый интерес на всю жизнь Сталин сохранил к исторической литературе, и прежде всего к жизнеописаниям императоров и царей. Книги И. Беллярминова "Курс русской истории", Р. Виппера "Очерки Римской империи", А. Толстого "Иван Грозный", сборник "Романовы" и другие изучались весьма тщательно. В 30-е и 40-е годы в его библиотеке были собраны учебники истории для средней школы и вузов, и все — с его пометками²⁵. Нетрудно заметить, что в освещении (соответствующим образом) отечественной истории Сталин видел один из важнейших рычагов единовластия, формирования общественного сознания.

Помощники докладывали Сталину обо всех интересных, по их мнению, материалах из периодической печати, "толстых" журналов. В перерывах между работой над деловыми бумагами "вождь" иногда отвлекался на 30 — 40 минут и брал в руки новинки художественной литературы, листал статьи в журналах. Иногда после чтения нажимал кнопку звонка, входил помощник, и Сталин просил позвонить тому или иному писателю, руководителю творческого союза и передать его пожелания и замечания. Бывали случаи, когда он сам брался за перо. Пролистав "В степях Украины" Корнейчука, сразу же написал короткое письмо:

"Многоуважаемый Александр Евдокимович!

Читал Вашу "В степях Украины". Получилась замечательная штука — художественно цельная, веселая, развеселая. Боюсь только, что слишком она веселая; есть опасность, что

разгул веселья в комедии может отвести внимание читателя-зрителя от ее содержания.

Между прочим: я добавил несколько слов на 68 стр. Это для большей ясности.

Привет!

И. Сталин".

А вставки Сталина были следующими:

1) "налог теперь будут брать не от количества скота, а от количества гектаров колхозной земли..."

2) "разводи сколько хошь колхозного скота, налог остается тот же..."²⁶.

Прагматический ум Сталина сработал и здесь: он не упустил случая, чтобы устами Корнейчука пояснить одно из последних указаний ЦК, сказать также, что не все понравилось...

Прочитав пьесу Н. Эрдмана "Самоубийца", написал К. Станиславскому:

"Многоуважаемый Константин Сергеевич!

Я не очень высокого мнения о пьесе "Самоубийство" (так в тексте. — *Прим. Д.В.*). Ближайшие мои товарищи считают, что она пустовата и даже вредна... Не исключаю, что театру удастся добиться цели. Культпроп (т. Стецкий) поможет Вам в этом деле. Будут товарищи, знающие художественное дело. Я в этом деле дилетант.

Привет!

9.XI.31

И. Сталин"²⁷.

Стараясь прослыть в творческих кругах "либералом", Сталин кокетничает своим дилетантством. А мы знаем, сколь категоричны его суждения по поводу не только пьес, но и книг, фильмов, музыки, архитектуры. Положение первого лица в государстве, обязанного знать если не все, то очень многое, действительно делало Сталина "универсальным дилетантом". Иногда его дилетантство "работало" на репутацию "универсального", всезнающего вождя.

Сталин внимательно следил за литературой, выходящей и за рубежом. Ему переводили (в одном экземпляре) почти все, что выходило из-под пера Троицкого. Просматривал Сталин и эмигрантские издания. В декабре 1935 года заведующий отделом печати и издательств ЦК Б. Таль сообщал членам Политбюро:

"Просьба сообщить, какие из нижеперечисленных белоэмигрантских изданий выписывать для Вас в 1936 году:

1. Последние новости

2. Возрождение
3. Соц. Вестник
4. Знамя России
5. Бюллетень экономического кабинета Прокоповича
6. Харбинское время
7. Новое русское слово
8. Современные записки
9. Иллюстрированная Россия²⁸.

Сталин, ознакомившись с очередным списком, бросил помощнику: "Все, все выписать!"

В специальном шкафу в кабинете Сталина хранилось много белоэмигрантской, "враждебной" литературы. У него были практически все книги Троцкого, с многочисленными закладками, подчеркиваниями. Интервью, заявления Троцкого для буржуазной печати тут же переводились и докладывались Сталину. Нужно сказать, что он очень пристально следил за всем, что писали его недруги за границей.

Бросается в глаза отношение Сталина к антирелигиозной литературе, которую он откровенно называл "макулатурой". Что бы ни говорили, а религиозное образование сказывалось у него всю жизнь. Часто религиозные элементы проскальзывали в письменной и устной речи Сталина. Вспомним его драматическое выступление по радио 3 июля 1941 года, когда он обратился к народу с необычными для многих советских людей словами: "Братья и сестры!" После празднования своего 50-летия Сталин собственноручно написал для "Правды" благодарность за поздравления в библейском духе: "Ваши поздравления и приветствия отношу на счет великой партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня по образу своему и подобию" (выделено мной. — Прим. Д.В.)²⁹. В беседе с Черчиллем в Москве в августе 1942 года речь зашла о Ллойд-Джордже, одном из инициаторов интервенции против Советской России в годы гражданской войны. Сталин, помолчав и вздохнув, как бы подвел итог воспоминаниям о далеких теперь уже годах: "Все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит богу"³⁰.

Конечно, я далек от мысли утверждать, что в мировоззрении Сталина существенную роль играли религиозные элементы. Но что ярко выраженный догматизм интеллекта имел своими истоками религию, представляется весьма вероятным.

Сталин был апологетом формулы, дефиниции, застывших определений. Он мог часами искать нужное слово, выражение, определение у классиков, чтобы "неотразимо", как он полагал, "ущучить", сразить своих оппонентов. Так, на апрельском Пле-

нуме ЦК и ЦКК 1929 года Сталин уличил Бухарина в "незнании Ленина". Для него это было особенно важно, ибо репутация Бухарина как теоретика была всем известна.

Бухарин, выступая на одном из совещаний накануне Пленума, высказал резонное соображение, что чрезмерная перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность будет "непосильной данью" для крестьянства. Сталин тут же отметил про себя слова о "военно-феодальной эксплуатации крестьян", о "дани" и долго вечером рылся вместе с Товстухой у себя в библиотеке в ленинских работах. Рылся и нашел. Тут же выстроил ряд, как ему казалось, "убийственных" аргументов. Выступая на Пленуме, Сталин заявил: "...Бухарин "разорился" здесь насчет того, что марксистская литература не может, будто бы, терпеть слова "дань". Он возмущался и удивлялся по поводу того, что ЦК партии и вообще марксисты позволяют себе употреблять слово "дань". Но что же тут удивительного, — торжествуя обвел Сталин глазами зал, — если доказано, что это слово давно уже получило права гражданства в статьях такого марксиста, как тов. Ленин?! — Помолчав, тоном триумфатора Сталин добавил: — Или, может быть, Ленин не удовлетворяет требованиям марксиста с точки зрения Бухарина?"

И здесь Сталин привел ленинские работы "О "левом" ребячестве и о мелкобуржуазности", "О продналоге", "Очередные задачи Советской власти", где Владимир Ильич совсем в другом контексте употребляет слово "дань". На голос с места: "Все-таки по отношению к середняку никогда не употреблялось понятие "дань" — Сталин немедленно парировал:

"Не думаете ли вы, что середняк ближе к партии, чем рабочий класс? Ну и марксист вы липовый. Если можно насчет рабочего класса говорить о "дани", насчет рабочего класса, партией которого мы являемся, почему нельзя сказать то же самое насчет середняка, который является всего-навсего нашим союзником?"³¹

Сталина мало беспокоило, что он перевел спор в малосодержательную плоскость: говорил или не говорил Ленин слово "дань". Суть вопроса для него осталась на втором плане.

Сталин смог "отточить" свой ум полемиста, участвуя в многочисленных дискуссиях. Правда, он прибегал при этом всегда к одному и тому же приему, который ставил в тупик оппонентов: он неизменно подавал себя "защитником" Ленина, исходил априори из того, что только он правильно, верно истолковывает Ленина. Почти на любой аргумент противной стороны у Сталина быстро находилась цитата, выраже-

ние Ленина, иногда высказанные совсем по другому поводу. Сталин давно заметил, что броня из ленинских цитат делает его практически неуязвимым. Зиновьев, обсуждая однажды коминтерновские дела со Сталиным, когда их отношения уже основательно испортились, в споре бросил ему:

— Для вас ленинская цитата — как охранный грамота вашей непогрешимости. А надо видеть ее суть!

— А разве плохо идея быть "охранной грамотой" социализма? — тут же нашелся Сталин.

Прямолинейность, наступательность, воинственность, грубость Сталина в конце концов помогли ему повергнуть своих оппонентов. Странное дело, нередко более тонкие, иногда даже изящные аргументы Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина не встречали поддержки у аудитории! А грубоватые, плоские, часто просто примитивные филиппики Сталина, тесно увязанные с "защитой Ленина", генерального курса партии, единства ЦК и т.д., быстрее доходили до сознания людей. Его прагматический ум не заботился о красоте стиля, как у Троцкого, афористичной витиеватости, как у Зиновьева, интеллигентной рассудительности, как у Каменева, научной аргументации, как у Бухарина. Сталин в бесчисленных спорах и полемике одолев их главным: они хотели "ревизовать ленинизм", а он его "защитил". Такая интерпретация уже с начала 30-х годов стала официальной.

Сталинское мышление было схематичным. Напомню, он любил все раскладывать "по полочкам", "разжевывать", популяризировать до элементарщины. И если оппоненты излагали свои идеи иначе, Сталиным это квалифицировалось очень жестко: "немарксистский подход", "проявление мелкобуржуазности", "анархистская схоластика". Его доклады, выступления, резолюции всегда облечены в строгие рамки перечислений, особенностей, черт, уровней, направлений, задач. В этом одна из причин популярности сталинских работ, в которых все упрощено до предела и потому доступно. Элементарные "особенности" и "черты" легко усваивались людьми. Такой ход мысли облегчал реализацию сталинских идей, но жестко сковывал творческое начало людей. Сталинская простота не звала к углубленному анализу, выяснению всей сложности и взаимосвязности мира.

Гай Светоний в своих жизнеописаниях отмечал, что, хотя Нерон в детстве изучал "благородные науки", философией овладеть он отказался, полагая, "что для будущего правителя это помеха". Едва ли так думал Сталин, но его догматический

интеллект оказался не в состоянии постичь хотя бы относительные глубины философии. Самым уязвимым местом в сталинском интеллекте была его неспособность овладеть диалектикой. "Вождь" это чувствовал, поскольку долго и настойчиво пытался обогатить свои знания в области философии. По рекомендации руководства Института красной профессуры Сталин пригласил к себе для "уроков по диалектике" известного в то время советского философа из плеяды старых большевиков Яна Стэна. Стэн работал заместителем директора Института Маркса и Энгельса, затем ответственным сотрудником аппарата ЦК, избирался делегатом ряда партийных съездов, был членом ЦКК, имел самостоятельные, независимые суждения. Стэн стал "учителем философии" для Сталина, разработал специальную программу занятий, в которую включил изучение трудов Гегеля, Канта, Фейербаха, Фихте, Шеллинга, а также Плеханова, Каутского, Брэдди. Дважды в неделю Стэн приходил к Сталину в назначенный час и терпеливо пытался разъяснить высокопоставленному ученику гегелевские концепции о субстанции, отчуждении, тождестве бытия и мышления — понимания реального мира как проявления идеи. Абстрактность раздражала Сталина, но он пересиливал себя и продолжал слушать монотонный голос Стэна, изредка перебивая недовольными репликами: "Какое все это имеет значение для классовой борьбы?", "Кто использует всю эту чепуху на практике?".

Стэн, напомнив, что философия Гегеля, как и других немецких мыслителей, стала одним из источников марксизма, невозмутимо продолжал: "Гегелевская философия, по существу, есть "перевернутый" на голову материализм, а поэтому глубоко двойственна. Гениальность философа заключается в том, что он включает в свою систему отдельные материалистические положения. Это, по сути, энциклопедия идеализма. В его метафизической системе гениально разработан диалектический метод. Маркс говорил, что у Гегеля диалектика стоит на голове, надо ее поставить на ноги, чтобы увидеть ее рациональное зерно..." Сталин, уже нервничая, требовательно вопрошал: "Какое это имеет значение для теории марксизма?"

Стэн вновь продолжал терпеливо разъяснять, стараясь до предела упрощать недоступные для понимания "вождя" философские премудрости. Сталин смог лишь отрывочно понять закон перехода количественных изменений в качественные, но не одолел сути диалектического отрицания, единства противоположностей. Несмотря на все ухищрения и усилия Стэна, Сталин так и не усвоил тезис о единстве диалектики, логики и теории

познания, о чем свидетельствует анализ его "философских работ". Может быть, поэтому у "ученика" ничего не осталось к "учителю", кроме неприязни. Стэн, как Карев, Луппол и другие философы — ученики академика А.М. Деборина, был объявлен теоретическим "прислужником троцкизма", в 1937 году арестован и погиб. Казалось, что эта же участь ожидает и Деборина, весьма близкого в конце 20-х годов к Бухарину. Но Сталин ограничился тем, что надолго навесил к крупному ученому ярлык "воинствующего идеалиста-меньшевика", отстранил его от активной научной и общественной работы.

В октябре 1930 года состоялось заседание президиума Ком-академии, где обсуждался вопрос "О разногласиях на философском фронте". Заседание свелось, по существу, к долгой проработке Деборина за его "недооценку ленинского этапа в развитии марксистской философии". Деборин отчаянно защищался, но выступившие Милютин, Митин, Мелонов, Ярославский "уличали" его, а заодно и Стэна, Карева, Луппола в "недооценке" материалистической диалектики. После заседания президиума страсти в академии продолжали бушевать. Ученые не могли мириться с насаждением полицейских методов в науке. Пожалуй, философия была первой жертвой сталинского "науковедения". Сталин ясно дал понять, что в общественной науке лидер должен быть один. Тот, кто является лидером политическим. В декабре того же года генсек выступил с докладом о положении на "философском фронте". Формально это было уже упоминавшееся выступление на бюро партийной ячейки Института красной профессуры, директором которого являлся Деборин.

Речь Сталина была жесткой и категоричной. Она весьма красноречиво свидетельствует об уровне философского мышления Сталина, уровне рациональности его интеллекта и просто об элементарном такте. Стенограмма из сталинского архива сообщает:

— Надо разворошить и перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании. Все, что написано деборинской группой, — разбить. Стэна, Карева вышибить можно. Стэн хорохорится, а он ученик Карева. Стэн — отчаянный лентяй. Он умеет лишь разговаривать. Карев важничает и ходит как надутый пузырь. Деборин, по-моему, безнадежный человек, однако в редакции (речь идет о журнале "Под знаменем марксизма". — Прим. Д.В.) его надо оставить, чтобы было кого бить. Будете в редакции иметь два фронта, но у вас большинство...

После выступления докладчику посыпались вопросы:

— Можно ли связывать борьбу в теории с политическими уклонами?

— Не только можно, но и обязательно нужно. — поучал Сталин.

— А как насчет "левых"? "Правых" уже касались...

— Формализм выступает под левацкими прикрытиями, — рассуждал генсек, — подает свой материал под левым соусом. А молодежь падка на левизну. А эти господа — хорошие повара.

— На чем следует сосредоточить свое внимание институту в философской области? — следует новый вопрос.

— Бить — главная проблема. Бить по всем направлениям и там, где не били. Гегель для деборинцев — икона. Плеханова надо разоблачить. Он всегда свысока относился к Ленину. И у Энгельса не все правильно. В его замечаниях об Эрфуртской программе есть местечко насчет вращающегося в социализм. Это пытался использовать Бухарин. Не беда, если где-то в своей работе заденем Энгельса...³²

Вот так Сталин "наставлял" философов, почти не разбираясь в философии. Главное — "бить"... А какой должна быть марксистская философия, он показал в специальном разделе "Краткого курса" истории партии. Короткие, рубленые фразы делят философию на несколько основных черт, как солдат в шеренге. Ничего больше! Это типичная метафизика, которую Сталин называл диалектикой. Для ликбеза, при наличии и других работ, эта "философская азбука" могла еще как-то сойти. Но самое страшное: после сталинских работ никто уже не смел на эту тему писать. Философам, как и другим общественникам, оставалось только комментировать, разъяснять, прославлять... Сталинское время — период глубокой стагнации философской мысли. Да только ли философской? Такое участие Сталина в "философских" дискуссиях характеризовало уровень рациональности его интеллекта.

Известно, что зрелость интеллекта в огромной степени зависит от способностей личности. Особенно способности к активному, творческому отражению объективной действительности. Ум Сталина отражал мир, действительность, естественно, не зеркально, созерцательно, а целенаправленно, если так можно сказать, "выборочно". Он изучал, анализировал все общественные и социальные процессы через призму классовости политических позиций, собственных "директив" и "указаний".

Но вернемся еще раз к его выступлению перед философами.

Отвечая на вопросы после своего доклада, Сталин уже решил: надо его указания этим философам закрепить особым решением. И уже в следующем месяце было принято специальное постановление ЦК о журнале "Под знаменем марксизма". Сторонники Деборина, объединявшиеся вокруг издания, были охарактеризованы как "группа меньшевистствующего идеализма".

Ум Сталина, его мышление со временем приобрели, так сказать, "директивный" характер. Он давно усвоил истину, что ум слабеет не от "износа", а "ржавеет" лишь от лени мысли и бездеятельности. Совсем по Шекспиру:

*Тот, кто вложил в нас
Не для того богоподобный разум,
Чтоб праздно плеснел он.*

А.П. Балашов рассказывал мне, что Сталин в течение суток перерабатывал колоссальное количество информации: докладов, донесений, справок, телеграмм, шифровок, писем, оставляя почти на каждом документе распоряжения, указания, лаконично выражая свое отношение к самым различным вопросам, которое расценивалось как окончательное решение. Прочитав кипу писем, адресованных ему лично, и набросав на них лаконичные: "Поблагодарите за доброе отношение", "Помогите человеку", "Ерунда какая-то", он нередко выбирал одно-два и отвечал обстоятельно.

Вот письмо от Шнеера из Ленинграда. Старый большевик спрашивает об опасности реставрации капитализма и о том, есть ли уклоны в Политбюро...

Сталин, отрывая лист от большого блокнота, пишет четким, разборчивым почерком:

"Тов. Шнеер!

Опасность реставрации капитализма у нас существует. Правый уклон недооценивает силу капитализма. А левый — отрицает возможность построения социализма в нашей стране. Он намерен провести свой фантастический план индустриализации ценою раскола с крестьянством.

В Политбюро нет у нас ни правого, ни левого уклона.

С ком. приветом.

27.X.28 г.

И. Сталин^{***}

Документ из 30-х годов. Из дней наивысшего триумфа Стаханова. Он и Грант поставили перед правительством вопрос об "обучении на инженеров и техников", освобождая стахановцев от производства на один-два дня в шестидневку для учебы. Многие поддерживали это предложение. Оно казалось революционным, новым. Писали об этом и в газетах.

Сталин прочел документ и коротко написал:

"т. Орджоникидзе.

Дело не серьезное.

И. Ст."³⁴

В интеллекте Сталина непросто проследить способности к творческому решению возникающих проблем. Он все стремился делать в соответствии со сложившейся схемой, догмой, постулатом, устоявшимся представлением. Вместе с тем Сталин был способен и к интуитивному мышлению, когда выводы и решения приходят, как бы "перескакивая" через этапы, ступени познания. В этом случае "путь" мысли не виден, а рельефно представлен лишь ее результат, обобщение, догадка, подозрение. В процессе интуитивного мышления интеллект как бы минуется логические рассуждения, а сразу "выдает" итог, резюме. Конечно, беспочвенное подозрение обычно возникает при дефиците каких-то нравственных элементов в сознании. Именно так и было у Сталина. Он мог посмотреть на кого-либо из своих соратников и заявить: "Почему ты избегаешь смотреть мне в глаза?" Болезненная подозрительность в этом случае, пожалуй, не столько проявление интуитивного мышления, поскольку предположения Сталина были лишены реальной основы, сколько выражение глубоко ущербной позиции: во всех видеть потенциальных врагов.

Следует назвать еще одну черту сталинского интеллекта, которая выступает в его портрете весьма рельефно. Известно, что знания позволяют человеку быть компетентным, чувства — благородным. А воля дает возможность убеждениям, интеллектуальным замыслам материализоваться в поступки. Воля подобна "мускулам" ума; это двигательная сила интеллекта. Ведь в жизни бывает так, что собственное бессилие так же опасно, как и чужая сила. Наличие сильной воли делает интеллект активным, деятельным, целеустремленным. Обычно такой интеллект чаще встречается у военачальников и полководцев. Не случайно именно они прежде всего отмечали наличие сильного интеллекта у Сталина.

Сталину как Верховному Главнокомандующему будет посвящена отдельная глава, но сейчас, характеризуя его интеллект, приведу лишь некоторые свидетельства выдающихся советских полководцев Г.К. Жукова и А.М. Василевского, много работавших с ним бок о бок в годы войны. Маршал Жуков отмечал в Сталине "способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большую эрудицию и редкую память". Далее самый выдающийся советский полководец пи-

шет: Сталин "читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях знаний. Поразительная работоспособность, умение быстро схватывать суть дела позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного материала, которое было под силу только незаурядному человеку... Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный, временами он впадал в острое раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он резко менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым, жестким"³⁵.

Маршал Василевский, отмечая многие характерные качества Сталина, выделяет у него удивительно сильную память. "Я не встречал людей, которые бы так много помнили, как он. Сталин знал не только всех командующих фронтами и армиями, а их было свыше ста, но и некоторых командиров корпусов и дивизий... В течение всей войны И.В. Сталин постоянно помнил состав стратегических резервов и мог в любое время назвать то или иное формирование"³⁶.

Приведу еще одно свидетельство, характеризующее интеллект Сталина, на этот раз У. Черчилля. Когда я доложил о плане "Торч", писал английский премьер, Сталин быстро оценил его стратегические преимущества. "Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все оценил молниеносно"³⁷.

Я привел несколько свидетельств людей, встречавшихся со Сталиным во время войны. Их рассуждения позволяют глубже понять особенности интеллекта этого человека. Трудно что-либо возразить против наличия у Сталина большой "мыслительной силы", высокой целеустремленности, сильной воли. Думается, не только игра случайностей и стечение обстоятельств сделали его в годы революции и гражданской войны соратником Ленина. Но вот что следует подчеркнуть: Сталину удавалось проявить свои сильнейшие качества — волю и целеустремленность — обычно тогда, когда в них была особая нужда. Может быть, поэтому они были замечены. Может быть, поэтому сам Сталин поверил в себя. Может быть, поэтому ему удалось многое из того, что оказалось невозможным для других. Однако к этому стоит добавить, что в то время, когда маршалы Жуков и Василевский писали о Сталине, они еще многого

не знали и, что особенно важно, многого не могли сказать.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну особенность сталинского интеллекта: он не обладал способностью делать достаточно долгосрочные прогнозы. Горизонт, за которым находилось непознанное, неведомое, был от него недалек. Это партийцы заметили еще давно. В середине 20-х годов секретарь Тульского обкома ВКП(б) Иван Кабанов (позже репрессированный) однажды сказал: "Сталин — это, конечно, большой человек, большой ум, хороший организатор, но его ум не аналитический, а схематический. Вопросы прошлого он разберет великолепно, так, что всем станет ясно. Но перспективы ему не уловить. Он к этому не привык". Весьма ценное и верное наблюдение.

Интеллект Сталина — во многом незаурядный, но отнюдь не "гениальный", даже не "выдающийся". Он не мог реально оценивать собственные возможности. Сталин безапелляционно судил почти обо всех сферах знания — от политической экономики до языкознания, наставлял специалистов в области кинематографии и сельского хозяйства, делал решающие выводы в области военного дела и истории. Эта разносторонность в подавляющем большинстве суждений была дилетантской, а часто просто некомпетентной, хотя хором хвалителей немедленно возводилась в ранг высших откровений.

Приведу такой пример. Как известно, по инициативе группы геростратов-архитекторов Каганович и Молотов предложили Сталину построить Дворец Советов (в соответствии с решением, принятым еще в 1922 г.) именно на том месте, где возвышался великолепный храм Христа Спасителя. Сталин его быстро одобрил. Интеллектуальная ущербность в этом факте проявилась в полной мере: генсек оказался не в состоянии оценить историческую значимость памятника русской культуры. Еще до доклада Сталину место строительства Дворца Советов определялось тайным голосованием на заседании Совета строительства. Предлагалось три площадки: Китай-город, Охотный ряд и место, где стоял величественный храм — гордость России. В голосовании приняли участие начальник строительства Крюков, Иофан, Красин, Лавров, Попов, Беседа, Крутиков, Мордвинов, Орлов, приглашенные Щусев, Людвиг, Бархин, Пожарлицкий. (В документе нет инициалов этих людей.) Народ, на чьи пожертвования строился храм Христа Спасителя, никто спрашивать не собирался. Храм, создававшийся около полувека, был снесен 5 декабря 1931 года. Когда раздались

взрывы, Сталин, работавший в своем кабинете в Кремле, вздрогнул. Спросил тревожно помощника:

— Что за канонада? Где взрывают?

Поскребышев доложил, что в соответствии с июльским решением об определении места строительства Дворца Советов, одобренным им, Сталиным, сносят храм Христа Спасителя. Сталин успокоился. На продолжавшиеся в течение часа взрывы уже больше не обращал внимания, а вновь перешел к просмотру донесений с мест о ходе коллективизации. Едва ли Сталин знал, что эту национальную святыню народ строил на свои копейки, что интерьеры и скульптуры создавали Верещагин, Маковский, Суриков, Прянишников, Клодт, Рамазанов, другие прославленные мастера. Храм, созданный на века, по "атеистическим и архитектурным соображениям" был уничтожен. Редкие, уникальные кадры, запечатлевшие взрыв храма, отдаются острой болью в сердце, когда благодаря кинематографу мы мысленно переносимся в стылый декабрь 31-го. Взрывали не просто храм: взрывали культуру, взрывали ушедшее. Сталин в прошлом ценил только то, что могло его утвердить в настоящем.

Академик архитектуры Б.Иофан, автор утвержденного проекта дворца, так описывал внешний вид готовящегося к сносу храма и пожелания Сталина: "...шел 1931 год. Храм Христа Спасителя еще стоял посредине огромной площади у Москвырки. Большой и грузный, сверкающий своей позолоченной головой, похожий одновременно на кулич и на самовар, он давил на окружающие его дома и на сознание людей своей казенной, сухой, бездушной архитектурой, отражая собою бездарный строй российского самодержавия и его "высокопоставленных" строителей, создавших это помещичье-кулеческое капище... Пролетарская революция смело заносит руку над этим грузным архитектурным сооружением, как бы символизирующим силу и вкусы господ старой Москвы..." Академик с восторгом описывал "гениальные замечания", данные Сталиным по проекту дворца. Его "дерзновенные" предложения предусматривали высоту дворца свыше четырехсот метров. Скульптуру Ленина на верхней части сооружения Сталин предложил довести до ста метров. Мания грандиозности всегда была присуща генсеку: Большой зал — непременно — на 21 тысячу мест. Почему так низко возвышение для президиума? Ведь там будет находиться вождь! Выше, выше! Никаких люстр: освещение только отраженным светом. Главные мотивы дворца: выразить шесть частей клятвы Сталина после смерти Ленина... Сталин дал ясно

понять, что это будет не просто Дворец Советов, а дворец, прославляющий его, вождя, на века. Все грандиозное общественное здание будет выражением "идеи торжества многомиллионной советской демократии..."³⁸.

"Демократии", при которой силуэт дворца, его облицовка, освещение, высота пилонов, содержание скульптурных групп, мозаика, пропорции, другие сугубо специальные вопросы определялись человеком, который в своей "гениальности" полагал нормальным делать решающие заключения и в области архитектуры.

Примат политического всегда брал верх, когда речь шла и об истории, культуре, искусстве. Сильный прагматизм интеллекта Сталина был не в состоянии сопоставить конкретные исторические и культурные ценности с вечностью, эпохой, временем. Например, заявление Хрущева на февральско-мартовском Пленуме 1937 года о том, что, "перестраивая Москву, мы не должны бояться снести дерево, церквушку или какой-нибудь храм"³⁹, встретило молчаливое одобрение Сталина. Его интеллект относился к ценностям культуры как к чему-то второстепенному. "Вождь" позволял себе здесь, как и в других сферах, быть верховным судьей и ценителем. Часто от одного-единственного замечания Сталина полностью зависела судьба произведения, творения, замысла большого мастера или целого коллектива.

Практический интеллект Сталина не "окрашен" в благородные цвета гуманизма, человеколюбия. Более того, его интеллект был глубоко аморальным. Судите сами. В июле 1946 года Берия доложил Сталину, что в исправительно-трудовых лагерях МВД за годы войны "накопилось" свыше 100 тысяч заключенных, полностью потерявших трудоспособность, содержание которых отвлекает значительные материальные ресурсы. МВД предложило неизлечимо больных, в том числе душевнобольных, освободить. Сталин уточнил: за исключением особо опасных преступников — врагов, осужденных к каторжным работам⁴⁰. Для "вождя" было безразлично, как умрут несчастные.

Интеллекту Сталина не были свойственны способность к любознательности, удивлению, сомнению. Эти чувства, которые условно можно назвать интеллектуальными, сопровождают процесс проявления творческого мышления человека. Именно об этом говорил Ленин, отмечая, что без эмоций никогда не бывало, нет и не может быть человеческого искания истины⁴¹. Сталин умел "прятать" проявление непосредственных

чувств. Его интеллект был холодным, часто леденящим. И в этом — еще один из истоков трагедии всех тех, кто обожествлял "великого вождя".

Атрибуты цезаризма

В начале 1937 года немецкий писатель Лион Фейхтвангер посетил Москву. Результатом его поездки стала апологетическая книга "Москва 1937 (отчет о поездке для моих друзей)". Фейхтвангер не скрывал, что он пустился в путь в качестве "симпатизирующего". За время пребывания в СССР его симпатии к нашей стране еще больше возросли. Но чего не мог не заметить Фейхтвангер и чему посвятил едва ли не бóльшую часть своей книги — это месту Сталина в жизни советских людей. "Поклонение и безмерный культ, которыми население окружает Сталина, — это первое, что бросается в глаза иностранцу, путешествующему по Советскому Союзу. На всех углах и перекрестках, в подходящих и неподходящих местах видны гигантские бюсты и портреты Сталина. Речи, которые приходится слышать, не только политические речи, но даже и доклады на любые научные и художественные темы, пересыпаны прославлениями Сталина, и часто это обожествление принимает безвкусные формы"¹⁴².

Когда Фейхтвангер при встрече сказал об этом лично Сталину, тот лишь хитро улыбнулся и, пожав плечами, заметил, что рабочие и крестьяне "были слишком заняты другими делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен (выделено мной. — Прим. Д.В.) тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами, — портретов, которые мелькают у него перед глазами..."¹⁴³. Фейхтвангер, пытаясь понять истоки, предпосылки этого массового идолопоклонства, пошел не намного дальше Сталина. Преклонение перед вождем, утверждал писатель, "выросло органически, вместе с успехами экономического строительства. Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование и за создание армии, обеспечивающей это новое благополучие. Народ должен иметь кого-нибудь, кому он мог бы выражать благодарность за несомненное улучшение своих жизненных условий, и для этой цели он избирает не отвлеченное понятие, не абстрактный "коммунизм", а конкретного челове-

ка — Сталина... Безмерное почитание, следовательно, относится не к человеку Сталину — оно относится к представителю явно успешного хозяйственного строительства»⁴⁴.

Это бесхитрое объяснение так понравилось Сталину, что уже в конце того же, 1937 года книжка Фейхтвангера, вышедшая в Амстердаме, была молниеносно переведена и издана большим тиражом в Москве. Пожалуй, это единственное издание в нашей стране, увидевшее свет при Сталине, где признавалось наличие культа личности, вождизма, цезаризма и давалось какое-то ему обоснование. Оказывается, народ не сам добывает хлеб, мясо, содержит свою армию, поддерживает порядок, и все это результат деятельности одного человека — Сталина. Очень удобная формула: "почитание", оказывается, относится не столько к Сталину как к человеку, сколько к "представителю" все возрастающих успехов. По сути, Сталин олицетворял для Фейхтвангера социалистические идеалы и реальность, а посему, полагал писатель, народ должен выражать ему "благодарность". Кстати сказать, эта вождистская концепция верноподданничества довольно живуча. У нее есть немало сторожников и в наше время.

После публикации отдельных страниц моей книги в "Литературной газете" и "Правде" я получил несколько тысяч писем. Так вот, часть их авторов, возможно десятая часть, оперирует такими доводами: "Сталин построил социализм, поэтому народ чтит вождя"; "хотя люди были "винтиками", зато был порядок"; "Сталин не велел себя славить, это народ от благодарности за сделанное для него чтит вождя"; "при Сталине снижались цены, как не быть ему благодарным?" и т.д. Эти фразы взяты без изменений из писем. Как видим, и сейчас еще есть люди, почитающие "вождя". Некоторые, правда, оговариваются: "В большом деле нельзя обойтись без ошибок, и не один Сталин в них виноват"; "Сталин был вынужден прибегнуть к репрессиям"; "Сталина обманывали Берия и Ежов — незакония творил не он"; "Легко сейчас все валить на Сталина, ведь он ответить не может"... Это тоже фразы из писем. Я не хочу обидеть людей, написавших эти строки. Но их веру в "вождя", думаю, можно объяснить главным образом дефицитом правды, незнанием подлинной картины деяний этого человека и его окружения, грузом культивировавшихся долгие годы представлений.

Но здесь я хотел сказать о другом: культовый вождизм ушительен для народа. Более того — оскорбителен. Его можно назвать цезаризмом XX века. Напомню: цезаризм как полити-

ческая система ведет свой отсчет с времен Юлия Цезаря. Будучи лишь магистратом, можно сказать, слугой народа, он тем не менее сосредоточил в своих руках всю верховную власть. Сохранив старые республиканские формы правления, признавая на словах ее демократические прерогативы, Цезарь превратил народные собрания в послушное орудие своей власти. Они были низведены до органов, лишь одобряющих волю вождя. Цезарь создал новую прослойку (патрицианское сословие), разновидность древней бюрократии, которая была главным инструментом его власти.

Я, разумеется, далек от мысли проводить прямые аналогии. Но косвенные — можно. Цезаризм в условиях XX века — это диктатура единовластия при сохранении всех внешних атрибутов государственной демократии. Конечно, это не легитимная (монархическая) власть, данная "божиею милостью". Любой современный цезарь оскорбился бы, если бы был сделан хоть намек на это. Но термин "цезаризм" уместен как выражение узурпации власти отдельной личностью при сохранении формальных признаков народовластия. Другими словами: речь идет не об аналогиях, а о политическом принципе. Как сложилась цезаристская, вождистская концепция, каковы ее предпосылки?

Без выявления истоков цезаристского вождизма трудно понять, как Сталин при всей своей жестокости, попрании элементарных общечеловеческих норм был популярен в народе. Сейчас еще многие пожилые люди, даже терпевшие в жизни невзгоды, связанные с культом личности, с большой симпатией относятся к давно умершему "вождю". Я уже говорил ранее, что глубинной основой вождизма является слабость демократических начал в партии и государстве. Страна, жившая столетия под сенью царской короны, не могла, к сожалению, за несколько послереволюционных лет сбросить груз старого мышления, как другой самодержавный хлам. Царя, династию, царские атрибуты в стране уничтожили, а мышление, склонное боготворить сильную державную личность, осталось.

Н. Бердяев в своей оригинальной и глубокой работе "Судьба России" писал в 1918 году: "Россия — страна культурно отсталая... В России много варварской тьмы, в ней бурлит темная, хаотическая стихия Востока. Отсталость России должна быть преодолена творческой активностью, культурным развитием... Наиболее самобытной будет грядущая, новая Россия, а не старая, отсталая Россия"⁴⁵. Эта самая "отсталость" не могла не сказаться на многих социальных процессах после револю-

ции. Особенно после смерти Ленина, когда все больше стал проявляться дефицит демократии.

Но еще при его жизни стали слишком часто славить "вождей", приписывать им "особые заслуги". Известно, как сам Ленин относился к фактам славословия в свой адрес. Но он, вероятно, не учел, что одного нравственного негодования здесь было явно мало. В самой нарождающейся системе отсутствовали сдерживающие, критические механизмы, которые, видимо, возможны лишь в условиях подлинного революционного плюрализма. Едва ли, например, стали бы славить Сталина левые эсеры, останься они на политической сцене! Раньше других заметил опасность рождения идеологии вождизма Троцкий, написавший в 1927 году воспоминания о Ленине под названием "О пустосвятстве".

"...Умерший Ленин как бы вновь родился: вот вам разгадка мифа о воскресшем Христе... Но опасность начинается там, где есть бюрократизация почитания и автоматизация отношения к Ленину и его учению. Против той, как против и другой, опасности очень хорошо и, как всегда, простыми словами говорила недавно Н.К. Крупская. Она говорила о том, чтобы не ставить Ленину лишних памятников и не создавать во имя его ненужных и бесполезных учреждений"⁴⁶. Идеология вождизма рождается при дефиците демократии.

Со временем, особенно в 30-е годы, правда будет строго "дозироваться". В этих условиях люди уже не имели возможности делать правильные выводы в отношении тех, кто руководит народом, кто способен быть лидером. А ведь Ленин еще на заре века писал, что партия должна вести дело так, "чтобы она видела перед собой, как на ладони, всю деятельность каждого кандидата на этот высокий пост, чтобы она ознакомилась даже с их индивидуальными особенностями, с их сильными и слабыми сторонами, с их победами и "поражениями". Открытость, гласность подобны свету. Поэтому Ленин призывал и требовал: "Света, побольше света!"⁴⁷ Правда воистину не может быть роскошью. Однако со временем и сам Сталин, и его окружение, их действия окажутся отгороженными от людей и общественного мнения непроницаемой завесой. Возьмем акты беззакония, репрессии против невинных людей. Что было известно о них? Проходила информация лишь о крупных деятелях, известных ученых, видных военачальниках, разоблаченных как "враги народа". А основная масса несчастных исчезала незаметно в немоте ночи, и часто навсегда. Сам чудовищный приговор многим и многим арестованным — "10

лет без права переписки", — означавший, как правило, физическую расправу, был апофеозом антигласности. Что люди знали об "особых совещаниях", созданных при НКВД в июле 1934 года? Тогда ведь считалось, что в их компетенции — только ссылка и тюремное заключение на 5 лет. А затем оказалось, что они приговаривали невиновных к расстрелу, к 25 годам лагерей и каторжных работ...

Постепенно общественность приучили "потреблять" лишь часть правды. Так, миллионы советских людей 20 февраля 1938 года узнали, что в Гренландском море ледоколами "Таймыр" и "Мурман" снята с дрейфующей льдины четверка отважных зимовщиков — И.Д. Папанин, П.П. Ширшов, Э.Т. Кренкель, Е.К. Федоров, но ничего не знали, что одновременно заканчивались последние приготовления к суду-спектаклю над Н.И. Бухариным, который начнется через две недели. Подвиг папанинцев на какое-то время заслонил "правотроцкистский блок" и его "злодеяния"... Бухарину и его сотоварищам по несчастью оставалось жить меньше месяца...

В условиях всеобщих запретов, контроля, цензуры, ограничений правда стала роскошью. Неосторожное слово, действие, поступок расценивались как покушение на монополию истины, провозглашенной "вождем". Выступая на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года, его участник Могушевский усмотрел, например, опасное деяние в работе минского радио. Там, где его никогда не было. "С минской радиостанции, — заявил оратор, — шли антисоветские передачи. 23 января — день трансляции обвинительного заключения по делу о троцкистском центре. После передачи обвинительного заключения и отчета об утреннем судебном заседании по радио начинают передавать концерт, включающий известную бемольную сонату Шопена. Это не случайность. Сделано очень тонко: передается не просто траурный марш — это было бы слишком откровенно, — а бемольная соната. Не всякий знает, что в ней-то и содержится этот марш. А это — не случайность"⁴⁸.

Такая "сверхбдительность" в отношении "врагов народа" порождалась прежде всего нагнетанием атмосферы заговоров, вредительства, диверсий. Для тех, кто зависел от Сталина, проявление подобной "бдительности" было одним из способов сохранить должность и... жизнь. В этих условиях, например, секретарь Свердловского обкома партии Кабаков усмотрел "вредительство" в другом: "Мы обнаружили, — говорил он на Пленуме, — что в одном ларьке покупки обертывают докладом

Томского (покончившего к этому времени с собой и объявленного "врагом народа". — Прим. Д.В.). Мы проверили и обнаружили, что торгующие организации закупили порядочное количество такой литературы. Кто может сказать, — "проницательно" вопрошал Кабаков, который сам скоро станет жертвой, — что эту литературу используют только для обертки?"⁴⁹

"Заталкивание" правды в прокрустово ложе сталинских схем создавало духовные условия для утверждения культового вождизма. "Темные стороны", "темные пятна", "мрачные замыслы", "коварные планы" могли быть только у троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев — всех, кто выступал "против народа". Человек, который распознал, разгромил всю эту "нечисть", — прозорлив, проницателен, мудр, велик.

Тогу вождя, пусть и не пурпуровую, а в виде скромной красноармейской шинели, Сталин не смог бы надеть, не установив господства над умонастроениями, сознанием людей. Он понимал, что нужно подкреплять веру во всемогущего вождя и стимулировать энтузиазм, шире пропагандируя достижения, объясняя неудачи главным образом "происками врагов и вредителей". И это припосило успех. Энтузиазм был неподдельный. Подвижничество — часто жертвенным. Люди искренне требовали смерти, суровой кары изменникам. Даже Алексей Стаханов писал: "Когда в Москве происходил процесс сначала Зиновьева—Каменева, потом Пятакова и его банды, мы немедленно потребовали, чтобы их расстреляли. В нашем поселке даже те женщины, которые, кажется, никогда политической не занимались, и те сжимали кулаки, когда слушали, что пишут в газетах. И стар, и млад требовал, чтобы бандитов уничтожили..."⁵⁰

Вырастали поколения, в основе убеждений которых была глубокая вера в правильности всех шагов "великого вождя". Мало кто задумывался, что этой верс очень недоставало знания правды. К ней мы приходим лишь сегодня. Когда ныне реабилитированы практически все политические противники Сталина, совсем по-иному предстанет и вся внутрипартийная жизнь, борьба тех лет. Шла борьба за лидерство, за определение путей и методов строительства новой жизни. Некоторые ошибались. Взгляды многих отличались от принятых партией. Но врагов, какими изображал их Сталин, было очень мало. Однако инакомыслие представлялось Сталиным наихудшей разновидностью вражеской деятельности. Отсутствие, дефицит правды создали предпосылки для эскалации цезаристских шагов Сталина. Малейшее подозрение, только подозрение, могло вырасти в обви-

нение с трагическим финалом. 4 августа 1938 года Ворошилов, например, направил Сталину статью М. Кольцова с запиской следующего содержания:

"Тов. Сталину.

Посылаю статью т. Кольцова, которую он так давно обещал. Прошу посмотреть и сказать, можно ли и нужно ли печатать. Мне статья не нравится.

*К. Ворошилов*⁵¹.

Сталин резолюции на записке не оставил, однако отдал распоряжение внимательно "разобраться с Кольцовым", за которым уже следили. И этого было достаточно: дело кончилось трагедией известного журналиста и писателя... Даже Цезарь не проявлял такой воинственной нетерпимости и беспощадности.

Кстати сказать, Сталин очень часто обходился без резолюций. Я просмотрел, наверное, не одну тысячу документов, адресованных лично ему: о выполнении народнохозяйственных планов, ходе сева, выселении целых народов, исполнении приговоров, перемещениях руководящего состава, строительстве военных заводов; расшифрованные телеграммы разведорганов, переводы статей из буржуазной печати, личные письма "вождю", различные "проекты", с которыми к нему обращались изобретатели и просто одержимые маниакальной идеей люди. И множество других. По моим подсчетам, Сталин ежедневно рассматривал 100 --- 200 документов самого разного объема. От одной страницы до фолиантов. В большинстве случаев он просто расписывался: "*И. Ст.*" или "*И. Сталин*". Поскребышев до доклада прикреплял квадратик чистой бумажки с уже подготовленным возможным вариантом решения и фамилией исполнителя. Часто "вождь", соглашаясь с проектом решения, ставил свою подпись на этом крохотном листке, нередко судьбоносном для очень многих людей, а порой, передавая своему помощнику бумаги, отдавал отложенную отдельно стопку документов и коротко бросал: "Согласен". Это значило, что, хотя здесь нет его резолюции, он не возражает против предложенного решения вопроса. Сталин редко писал длинные резолюции, и они не отличаются ни остроумием, ни оригинальностью. Той, которой мог поразить, например, маршал Р.Я. Малиновский. Вспоминается случай, когда один полковник вскоре после войны (не буду называть его фамилию) обратился с письмом к министру обороны: зимой полковник по своему головному убору (папахе) отличается от остальных офицеров. А летом все, и полковники и не полковники, носят

одинаковые фуражки. Надо как-то и в этом случае "выделить" полковников... Резолюция Малиновского была лаконична:

"Разрешить этому полковнику, в порядке исключения, и летом ходить в папахе".

Однажды Мехлис в конце разговора со Сталиным подал тому несколько листочков отпечатанного текста:

— Что это?

— Один историк мне рассказал, как генерал Драгомиров оценивал своих подчиненных. Показалось забавным. Для рядки, Иосиф Виссарионович, как-нибудь посмотрите, — изобразил улыбку Мехлис.

Сталин тут же, едва вышел его любимец, перелистал три-четыре страницы и, что с ним никогда не бывало, расхохотался. Один, в кабинете. Поскребышев, зашедший с очередной папкой к Сталину, растерялся и не мог ничего понять, пока "Хозяин" не сунул ему эти листки.

Генерал Драгомиров, блестяще образованный, русский интеллигент, крупный ученый, одно время, в конце прошлого века, командовал Киевским военным округом. Ежегодно ему представляли на утверждение около тридцати аттестаций на генералов, находившихся в его подчинении. Драгомиров, написавший многие свои книги афористичным, сочным языком, остался верен себе и в этом рутинном деле. Вот некоторые выводы из аттестаций, собственноручно написанные командующим. Генерал-лейтенант Донатович: "Был конь, да уездили". Генерал-лейтенант Плаксия: "Отличный начальник дивизии, будет таким же корпусным, если бог веку даст". Генерал-лейтенант Зегелер: "Усерден, болезнен. Более претензий, нежели содержаний". Генерал-лейтенант Засс: "Мягко, чтоб не сказать слабо. В умственном отношении скромно". Генерал-майор Отфиновский: "Давно по дряхлости нуждается в покое". Генерал-майор Воинов: "Настойчив, мягок, симпатично-вкрадчив, тактичен. К нежному полу прилежен". Генерал-лейтенант Сулин: "Исполнителен, энергичен, знает дело отлично. Пылко не по годам". Генерал-майор Бергер: "В мирное время бесполезен, а в военное время будет вреден".

Насмеявшись, Сталин походил по ковровой дорожке своего огромного кабинета, сел за стол и на очередной бумаге начертил: "И. Ст.". Никакого юмора и шутства...

Сталинский цезаризм, культовый вождизм складывался на основе растущей централизации власти. Анализируя документы, на которых наложены резолюции Сталина, убеждаешься,

что часто еще до рассмотрения этих вопросов высшими государственными и правительственными органами власти все было предопределено. Резолюции Сталина было достаточно, чтобы ее оформили затем как указ, постановление, распоряжение. Одновременно в обществе сложилось мнение: все, что решалось успешно, творчески, новаторски, тут же приписывалось "мудрому руководству товарища Сталина"; все, что было связано с отставанием, невыполнением планов, головоутомлением, бюрократией, косностью, нехватками, объяснялось "происками троцкистов, двурушников, диверсантов, шпионов, вредителей" и т.д. Повторение изо дня в день этих "истин" исподволь формировало мировоззрение многих людей, в котором "вождю", новому цезарю, отводилось, конечно, решающее место во всей нашей жизни.

Сталин действовал в соответствии со своим, во многом глубоко ошибочным представлением о социализме и путях его построения. Идеал, модель, контуры социализма он видел иначе, чем Ленин и многие его соратники. А видел иначе не потому, что не понимал ленинской концепции. Нет. Он смотрел на социализм по-другому потому, что в центре этой концепции давно уже отвел место себе, "вождю на все времена". Вот он, современный цезаризм! Этот деформированный насильем образ социализма, при сохранении многих внешних атрибутов нового общества, был далеко не ленинским. Во главе его стоял "вождь", который хотя и не держал скипетр, но с его необъятной властью не мог сравниться ни один монарх. Централизация власти привела к тому, что сердцевинной политической системы стал один человек. Так сформировался цезаризм — единовластие, диктатура одного лица.

Эпизодически Сталин делал "знаки", "жесты", подавал "сигналы", с помощью которых хотел убедить партию, массы в том, что он против своего прославления, славословия, идолопоклонства. С полной уверенностью можно сказать, что эти "протесты" были тонко рассчитаны на публику. В его архиве, например, имеется такое письмо.

"Тов. Андрееву (Детиздат ЦК ВЛКСМ) и Смирновой (автору "Рассказов о детстве Сталина").

Я решительно против издания "Рассказов о детстве Сталина". Книжка изобилует массой фактических неверностей... Но не это главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория "героев" и "толпы" есть не большевистская, а

эсеровская теория... Народ делает героев отвечают большевики...

Советую сжечь книжку.

16 февраля 1938 г.

*И. Сталин*⁵².

Написанное четким почерком письмо рассчитано на еще большее прославление Сталина. Кто может теперь сказать, что Сталину чужда скромность? Но здесь есть и другая сторона: "вождь" никогда не любил вспоминать свое детство. Оно у Сталина ассоциировалось с такой глубокой пропастью по сравнению с той вершиной, где он находился сейчас, что у него как бы кружилась голова. Да и зачем людям знать, что он был такой же, как все? Пусть знают, какой он сейчас.

Сталину больше нравилось, когда о его скромности говорили другие. На февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года в выступлении Мехлиса есть фрагмент: "Мне товарищ Сталин прислал еще в 1930 году в "Правду" такое письмо. Позволю его зачитать без его разрешения.

"Тов. Мехлис!

Просьба пустить в печать прилагаемую поучительную историю одного колхоза. Я вычеркнул в письме слова о "Сталине" как "вожде партии", "руководителе партии" и т.д. Я думаю, эти хвалебные украшения ничего, кроме вреда, не дают (и не могут дать). Письмо нужно напечатать без таких эпитетов.

С ком. приветом

*И. Сталин*⁵³.

Такие "реплики" служили лишь для муссирования живучих легенд об "исключительной скромности товарища Сталина", чуждого-де какого-либо тщеславия. Сталин знал, что Мехлис поймет его письмо "как надо" и использует соответственно. Кстати, Мехлис на Пленуме именно так и обыграл его.

Культовый вождизм питался и тем обстоятельством, что, например, к трагическому 1937 году Сталин был во главе страны уже целых пятнадцать лет! Так уж произошло, что Ленин не успел в деталях разработать механизм ротации, периодической смены одних руководителей другими. Хотя, как уже говорилось ранее, в последних работах Ленина содержались глубокие идеи постоянного обновления центральных органов государственной власти, руководства в партии. Сталин их просто не "заметил". Партия, сотрясаемая в 20-е годы внутренней междоусобной борьбой, постоянно раздуваемой генсском, не смогла решить этот вопрос в духе ленинских идеалов. Мы об этом почти не говорим. Однако ясно, будь более сильны в партии демокра-

тические начала, традиции, более глубокое понимание опасности цезаристских тенденций, она могла (и должна была!) не допустить подобного. А Сталин времени не терял. С каждым годом его положение становилось все прочнее. Постепенно с политической арены убирались его самые опасные противники: когда Сталин добился к середине 30-х годов единовластия, он, естественно, и не думал создавать и отлаживать демократический механизм передачи власти от одного руководителя к другому. Никто уже не мог, разумеется, даже поставить вопрос о сроках пребывания генсека на посту.

Сейчас много спорят и пишут, что могло бы произойти в нашей истории, выполни XIII съезд партии волю Ленина. В этой связи хотелось бы сделать одно замечание. История не запрограммирована. Мы можем давать научный прогноз на 2000 год, можем пытаться представить и более далекую перспективу. Но как реализуется предвидение, с точностью никто сказать ничего не может. Поэтому часто свершившееся кажется нам неизбежным, а потому и закономерным. А в действительности это лишь одна из многих реализованных возможностей. То, что Сталин остался у власти, — историческая реальность, но она не была неизбежной. Кажется, зачем гадать по поводу того, чего не произошло, не случилось? Почему люди всегда возвращаются к былому, прошлому и ищут, как выразился однажды Ключевский, то место, за которое они "запнулись"? Мы всегда хотим постичь корни, генезис былых ошибок, просчетов, промахов. Обычно они в истории оплачиваются слишком дорогой ценой. Поэтому сегодня можно утверждать, что, если бы пребывание Сталина на посту генсека было определено конкретным уставным сроком, культового уродства почти наверняка бы не было. Хотя разумеется, сроки пребывания п е р в о г о лица партии и государства на высшем посту — не единственное условие, гарантия народовластия.

В многочисленных письмах, полученных мною, есть и такие, где говорится, что-де, "не будь Сталина, кто знает, выжили бы мы или нет?", "кто может сказать, как повернулась бы война без Сталина?". Мол, "в трудное время выживания социализма нужен был такой сильный человек, как Сталин". Эти вопросы-размышления поставлены конкретными людьми, просто я не называю их фамилий. Но, впрочем, можно пазвать хотя бы одну. П.А. Молодцов из Череповца прислал злое письмо "гр-ну Волкогонову". В нем он, например, пишет, что тоже сидел при Сталине за хулиганство, но не видел, чтобы сажали напрасно. "Безвинно никто не сидел. У нас в бараке был дневальным один из политических по фамилии Папкин. Срок ему да-

ли за то, что разбил окно в избирательном участке, — 10 лет. Сейчас Вы скажете, много дали, а по тем временам как раз, потому что страна кишела врагами. Да их и сейчас полно... А Сталин был настоящим отцом нации, был настоящим полководцем, был настоящим руководителем и вождем..."

Такое вот письмо. Полемизировать с ним едва ли имеет смысл. Но одну мысль высказать в связи с этим необходимо. Обращение таких людей к Сталину, его времени, "порядку в обществе" не случайно. Главная причина реанимации интереса и возвеличивания давно умершего "вождя" выступает как своеобразная реакция на годы застоя, с коррупцией, разложением, бездуховностью, дуализмом. Нынешние трудности обновления связаны отчасти с демагогией, декларативностью и явно недостаточными конкретными результатами. При низкой демократической культуре многих людей гласность, другие реальные свободы и права слабо увязываются с обязанностями, делом, созидательной стороной перестройки. Тема взаимосвязи обновления и "порядка" не столь уж консервативна, как иные понимают. Без высокой организованности, дисциплины, ответственности быстро обесцениваются и демократические достижения. Думаю, письмо П.А. Молодцова, как и многих других, в немалой степени связано и с этим обстоятельством.

Наш народ никогда не был беден на таланты и светлые головы. При демократическом выборе руководителей на самых ответственных постах должны быть люди, достойные исторического признания. Это не только партийные работники, как это часто бывает, но и крупные ученые, организаторы производства. Без боязни власть в ошибку можно сказать, что все то, что мы стыдливо называем проявлениями "субъективизма", годами "застоя", по большому счету есть не что иное, как следствие культового вождизма, современного цезаризма.

Именно формальная демократия привела к тому, что уже в 30-е годы партия стала главным инструментом сталинского единовластия. И когда на февральско-мартовском Пленуме 1937 года Жданов в осторожной форме поставил вопрос о "нежелательности подмены" партийными органами хозяйственных органов, Сталин, заключая обсуждение доклада "О подготовке партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР", не преминул однозначно и жестко подчеркнуть:

— Нельзя политику отделять от хозяйственной деятельности. Партийным организациям нужно по-прежнему вплотную заниматься хозяйственными вопросами⁵⁴.

Это, по Сталину, значит непосредственно, прямо подменять Советы, которые были низведены до второстепенного придатка партийной власти.

Культ и народ, культ и социализм должны быть несовместимы. Хотя в прошлом как раз соединение этих элементов и придало сталинскому цезаризму чудовищное обличье. Для него всегда было необходимо уравнивание всех в бедности, единомыслие и бездумность; для него исключительно важны готовность откликнуться на лозунги и призывы, способность "донести", "сообщить" в вышестоящие органы. Кстати, у меня в архиве лежит несколько десятков писем (нет, не мне) в вышестоящие органы с требованием, чтобы мне "запретили" писать о Сталине, чтобы меня "наказали", "пресекли", "разжаловали" и т.д. Кроме жалости, эти люди сегодня ничего не вызывают. Но в прошлом подобные "сигналы" отправили в могилу тысячи честных людей. Ведь без доноительства цезаризм существовать не может.

Цезаризм создавал гарантии не для народовластия, а для "господствующей личности". Именно поэтому ни в Конституции, ни в партийном Уставе не были оговорены, например, prerogативы Генерального секретаря, его взаимоотношения с государственными институтами. Все это способствовало, как этого и хотел Сталин, огосударствлению партии, превращению ее в аппарат, механизм власти, а не в общественно-политическое объединение людей, приверженных определенной системе ценностей и идей. Подлинная демократия как главный гарант недопущения единовластия — в развитии советского парламентаризма, повышении роли Советов, отчетности исполнительных органов, ротации кадров на выборных должностях. Сегодня в условиях, когда у нас в стране идут, хотя и трудно, позитивные преобразования, многие считают, что культ личности после всего того, что мы знаем о Сталине, больше просто невозможен. Думаю, что это не так. Культ личности может иметь самые различные формы и проявления. И совсем не обязательно только цезаристскую, диктаторскую форму, как во времена Сталина. Все, по моему мнению, может быть иначе, возможно даже в "гуманистической" упаковке, если мы не создадим четкую систему правовых, политических, экономических, нравственных гарантий. Начиная от крупных мер — максимально широкого влияния людей на процесс выборов, выдвижение высших руководителей — и кончая "мелочами" — широкой гласности в назначении министров, помощников, референтов, играющих огромную

роль в ходе принятия решений. У каждого решения должны быть конкретные авторы. И о них должны знать люди. Думаю, тот, например, кто когда-то предложил первым переименовать город с поэтическим, прекрасным названием Набережные Челны в город Брежнев, "заслуживает" того, чтобы о нем мог высказать свое мнение народ. Сколько подобных бездуховных и головоупяских предложений было реализовано, а действительные авторы навсегда остались в тени. Нельзя поступать так, как было во времена Цезаря: все позитивные, удачные решения приписывались ему, а все сомнительные, неудачные — кому угодно, но только не вождю.

Сталин понимал, что любая децентрализация, усиление роли государственных органов, повышение значимости общественных организаций, с неизбежностью приведет рано или поздно к идейному и политическому кризису самой концепции культового вождизма. Для Сталина было просто необходимым держать общественное сознание в обруче примитивного догматизма, питая его главным образом своими работами. Культура, важнейшим элементом которой является общественное сознание, огромный ущерб принесли мифы и штампы, культивировавшиеся в то время. Главный из этих мифов — "непогрешимость, мудрость и прозорливость всепобеждающего вождя", как его именовали официальные издания. Люди верили, когда читали такие, например, строки: "На Мавзолее Ленина, окруженный своими ближайшими соратниками — Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Калининным, Орджоникидзе, стоял Сталин в серой солдатской шинели. Спокойные его глаза смотрели в раздумье на сотни тысяч пролетариев, проходящих мимо ленинского саркофага, уверенной поступью лобового отряда будущих победителей капиталистического мира... К сжатой, спокойной, как утес, фигуре нашего вождя шли волны любви и доверия, шли волны уверенности, что там, на Мавзолее Ленина, собрался штаб будущей победоносной мировой революции"⁵⁵. Эти строки, написанные в 1934 году, принадлежат К. Радеку.

Да, народ верил таким словам. Люди с надеждой вчитывались в уже нечастые статьи и речи Сталина, привычно скользили глазами по бесчисленным портретам. Со школьных лет знали: "Сталин думает о нас". Это не просто "воспитывало" молодых. Непрерывный психологический "массаж" сознания вел к перерождению кадров. Отныне ценились лишь те работники, которые готовы были соглашаться с самыми абсурдными по-

стулатами, выводами, решениями, если они были освящены именем Сталина. Едва ли верил А.И. Микоян в 1937 году собственным словам из доклада, посвященного 20-летию ВЧК—ОГПУ—НКВД: "Учитесь у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учился и учится у товарища Сталина!"³⁶ Но так должны были говорить все, кто занимал хотя бы мало-мальский пост. Да и не обязательно занимал его. В эти заклинания верило большинство. Кто не верил, все равно произносил их. Тот трудный, едва уловимый в то время шанс совести, выражающийся в принципиальной несогласии с культовым вождизмом, цезаризмом, пытались использовать очень немногие. Страна жила, строилась, развивалась, хотя народу внушали, что все это — благодаря "великому вождю". Как писал Е. Евтушенко в стихотворении "Страх":

*Потихоньку людей приручали
и на все налагали печать:
где молчать бы — кричать приучали,
и молчать: где бы надо кричать.*

Писать портреты ушедших людей трудно. Силуэт личности — словно тень на экране истории. Документы, письма, фотографии, воспоминания стариков, знавших Сталина лично. Всем им сегодня далеко за восемьдесят. Слушая их негромкие голоса, словно смотришь в бинокль, но с обратной стороны... Все видится не просто уменьшенным, а удаленным растущей временной исторической дистанцией. Каждый такой рассказ о "великом вожде", непременно сопровождается попутным описанием и тех, кто как бы скрывался в его тени. При жизни о них знали мало. Не только потому, что некоторые соратники лишь мелькнули в тени Сталина и исчезли — Г.Я. Сокольников, Н.А. Угланов, С.И. Сырцов, В.Я. Чубарь, К.Я. Бауман, Р.И. Эйхе и многие другие, но и потому, что "вождь" любил тайну. Никогда еще в нашей стране так не берегли "секреты", как во времена единовластия. Кроме десятка-полтора крупных слов в энциклопедиях о людях из ближайшего окружения Сталина, народу знать было не положено.

В тени "вождя"

После XVII съезда ВКП(б) из тех, кто составлял ядро руководства партии десять лет назад на XIII

партсъезде, в составе Политбюро остался лишь Сталин. Остальных смели с политической арены бури междоусобиц. С ними Сталину было тесно и неудобно. Ведь они знали Сталина всяким — твердым и колеблющимся, напористым и растерянным, привлекательным и жалким. Они знали, что в революции был только один вождь — Ленин, что Сталин в лучшем случае был на третьих-четвертых ролях. Знали они, что почти во всем, кроме воли, Сталин уступал многим. Ему было тесно на капитанском мостике с Троцким, считавшим его "посредственностью"; Бухариным, назвавшим генсека "восточным деспотом"; Рыковым, никогда и никого, кроме Ленина, не почитавшим; Зиновьевым, полагавшим, что он должен быть естественным преемником Ленина; Каменевым, думавшим почти так же, как и его ближайший друг. Сталину они быстро оказались не нужны не только потому, что, как принято считать, то и дело шарахались от одной "оппозиции" к другому "уклону", но и потому, что они не могли, да и не хотели "рассмотреть" в нем вождя. Читая избранные произведения Бонапарта, Сталин однажды задержался глазами на строках: после взятия Тулона в 1794 году начальник Наполеона Дюгомье представил храброго офицера к чину бригадного генерала, отметив в представлении Комитету общественного спасения: "Наградите и выдвиньте этого молодого человека, потому что, если вы этого не сделаете, он выдвинется сам собой"⁵⁷. Сталин "выдвинуться сам собой" мог только в ином по составу окружении. Ему нужны были другие соратники.

После XVII съезда партии на трибуне Мавзолея, в президиумах собраний, за столом Политбюро вместе со Сталиным были новые лица: А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, С.М. Киров, С.В. Косиор, В.В. Куйбышев, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, а также А.И. Микоян, Г.И. Петровский, П.П. Постышев, Я.Э. Рудзутак, В.Я. Чубарь, позже — А.А. Жданов, Р.И. Эйхе. Среди этих людей он быстро выделил "ядро" — Молотова, Кагановича, Ворошилова. Скоро, однако, среди членов и кандидатов в члены Политбюро появились зияющие бреши: от руки убийцы пал Киров, очень быстро скончался Куйбышев, покончил с собой Орджоникидзе, были выведены из состава и стали жертвами репрессий Косиор, Постышев, Рудзутак, Чубарь, Эйхе... На глазах шести членов Политбюро и одного кандидата в 1937 — 1939 годах была разыграна едва ли не самая жуткая сцена в нашей истории. Эти люди были не просто очевидцами и свидетелями. Все они, осо-

бенно Сталин в окружении ближайшей "тройки", были прямо причастны к трагедии. Ни у кого из них не хватило мужества прочесть, нет — прокричать "вождю" слова из гетевского "Фауста":

*Из этой залы, где стоит твой трон,
Взгляни на царство: будто тяжкий сон
Увидишь. Зло за Злом распространилось,
И беззаконье тяжкое в закон
В империи повсюду обратилось...*

Но это была не империя, а первое социалистическое государство рабочих и крестьян, впервые в истории взявших власть и... вручивших ее в руки "великого вождя". Никто из окружения не помешал, не захотел остановить беззаконие. Никто не попытался использовать шанс своей совести. Так что же это были за люди, окружавшие Сталина? Сумеет ли мы их рассмотреть в тени, отбрасываемой "вождем"?

Еще весной 1986 года в подмосковной Жуковке можно было встретить старика с высоким лбом и неизменно в пенсне, медленно прогуливающегося по дорожке дачного поселка. Постукивая тростью, он внимательно вглядывался в редких прохожих выцветшими карими глазами. Поношенное ратиновое пальто, стариковские разношенные ботинки, потухший взгляд выдавали в гуляющем много пережившего и испытавшего человека. Но едва ли кто мог сказать, что старику шел девяносто седьмой год и что он не кто иной, как бывший Председатель Совнаркома, бывший член Политбюро, бывший народный комиссар по иностранным делам и один из самых близких соратников Сталина — Вячеслав Михайлович Молотов. Еще при Ленине этот долгожитель стал секретарем ЦК партии, кандидатом в члены Политбюро. И хотя история сохранила ряд нелестных замечаний Владимира Ильича о стиле работы Молотова в секретариате (например, о том, что он плодит "под носом у себя позорнейший бюрократизм и глупейший"⁵⁸), это был один из тех могикан, кто работал рядом с Лениным многие десятилетия тому назад. Само по себе явление уникальное: встретить в середине 80-х годов человека, который входил в состав ЦК, возглавляемого Лениным! У поэта Ф. Чуева, многократно встречавшегося с Молотовым, есть немало документальных свидетельств об этом ближайшем соратнике Сталина. "Был он скромнен, точен и бережлив. Следил, чтобы зря ничего не пропадало, чтобы свет попусту не горел в других комнатах. Когда он умер 8 ноября 1986 года, — записал Чуев, — и вскрыли его за-

вещание, в конверте была сберегательная книжка — 500 рублей на похороны...”

Да, этот человек работал с Троцким и Бухариным, Рыковым и Зиновьевым. Он провел не один час за столом переговоров с Гитлером и Риббентропом; его знали Черчилль, Рузвельт и Трумэн. Он один из главных “архитекторов” Пакта о ненападении и Договора о дружбе и границе с Германией. Многие советские люди помнят драматические слова Молотова, произнесенные им (не Сталиным!) в полдень 22 июня 1941 года: “Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами”. (Сегодня мы точно знаем: Сталин был ошеломлен катастрофическим началом войны. До последнего момента у него в глубине души теплилась искра надежды: войны можно избежать, по крайней мере — оттянуть ее начало. Сталин, доверявший не интуиции, а лишь фактам, оказался в плену эфемерного предположения. А точнее — своего желания. Потрясение было столь большим, что он отказался от обращения к народу, поручив это своей “правой руке” — Молотову. Как его ни уговаривали выступить члены Политбюро, он этого сделать не смог. Не сумел прийти в себя от шока и подавленности. Он решил выступить, когда, как он надеялся, удастся отбить нападение. Он и не предполагал, какая надвигалась катастрофа!)

За долгие десятилетия Молотов стал настоящей тенью “вождя”. Везде рядом: на заседаниях Политбюро, на трибуне Мавзолея, в газетных строках, на международных конференциях... Даже публикуя выступление Молотова, “Правда” по привычке давала рядом большую фотографию Сталина...

О чем думал в последние годы жизни этот обитатель московской квартиры на улице Грановского и казенной дачи в Жуковке? Что вспоминал этот реликт былого могущества? Может быть, свои доклады на съездах? Молотов специализировался на организационных вопросах. Может быть, о заседании ЦК в декабре 1930 года, когда сместили Рыкова с поста Председателя Совнаркома, а Сталин сам предложил его кандидатуру? Тогда Молотов сказал, что в течение ряда лет он проходил “школу большевистской работы под непосредственным руководством лучшего ученика Ленина, под руководством товарища Сталина. Я горжусь этим”.

Нужно сказать, что прошедшие после смерти Сталина десятилетия не сделали его другим. Незадолго до своей смерти он сказал Чуеву о Сталине: “Если бы не он, не знаю, что с нами и было бы”. До последних своих дней он считал Сталина гениальным, был убежден в том, что Тухачевский был военной

силой "правых" — Рыкова и Бухарина, якобы готовивших заговор. Утверждал, что "1937 год позволил устранить у нас "пятую колонну" во время войны". Конечно, соглашался Молотов, "были допущены ошибки, погибло много честных коммунистов, но удержать завоеванное мягкими мерами было нельзя". У человека, которого овеяли самые разные ветры истории, мышление как бы застыло. А может быть, это была тонкая моральная мимикрия: попытка использовать последнюю возможность для оправдания перед потомками? На этом послушном, усердном, настойчивом, изощренном исполнителе воли Сталина лежит огромная ответственность за деформацию законности, за превращение насилия в решающий инструмент власти.

На печально известном февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года Молотов сделал доклад "Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов". Все содержание доклада было подобно призыву к социальному погрому: "Вчерашние колебания неустойчивых коммунистов перешли уже в акты вредительства, диверсий и шпионажа по сговору с фашистами, в их угоду (так в тексте. — Прим. Д.В.). Мы обязаны ответить ударом на удар, громить везде на своем пути отряды этих лазутчиков и подрывников из лагеря фашизма... Мы должны торопиться доделать это дело, не откладывая его и не проявляя колебаний"⁵⁹.

И он не колебался. В июне того же года один из доносчиков (ведь его призыв "доделать это дело" не был брошен в пустоту) написал Сталину, что ответственный работник Совнаркома старый большевик Г.И. Ломов якобы был близок с Рыковым и Бухариным. Сталин начертил наискосок:

"Т-щу Молотову. Как быть?"

Ответ не заставил себя ждать и был немногословным:

"За немедленный арест этой сволочи Ломова.

*В. Молотов*⁶⁰.

Судьба человека была решена. Арест, допросы, приговор, расстрел. Член партии с 1903 года, бывший делегат исторической Апрельской конференции, член ЦИК СССР, как и многие тысячи честных большевиков, росчерком пера был зачислен во "враги народа". Именно Молотов дал санкцию на арест первого секретаря Свердловского обкома Кабакова, наркома легкой промышленности Уханова, председателя Дальневосточного крайисполкома Крутова и многих, многих других товарищей. При прямом соучастии Молотова из двадцати восьми народ-

ных комиссаров Совнаркома, который он возглавлял, больше половины были репрессированы.

Молотов был жесток. В марте 1948 года Председатель Совета Министров РСФСР Родионов обратился к нему с просьбой: помочь где-то устроить, разместить 2400 инвалидов и престарелых спецпереселенцев (ссылных). Ответ Молотова краток:

"Обязать министерство внутренних дел СССР разместить 2400 инвалидов и престарелых спецпереселенцев в лагерных пунктах.

Зам.пред.Совмина СССР

*В. Молотов*⁶¹.

Вот так, спрятать несчастных в лагеря, и проблема решена...

Для Сталина это был очень удобный человек, с полуслова понимавший намерение "вождя" и обладавший колоссальной работоспособностью. Сталин не раз в присутствии других членов Политбюро отмечал рвение Молотова. Когда тому в марте 1940 года исполнилось пятьдесят лет, Сталин распорядился, чтобы Пермь стала городом Молотов, хотя на карте страны уже был не один десяток городов, поселков, колхозов, совхозов, носящих это имя...

В 30-е годы вокруг Сталина теоретиков не осталось. Главным "теоретиком" был, естественно, он сам. Но иногда он снисходил до того, что позволял и некоторым из своих сподвижников, прежде всего Молотову, проявить себя в теоретических изысках. В одном из писем Адоратский попросил Сталина написать для готовящейся Комакадемией "Философской энциклопедии" статью о стратегии и тактике ленинизма. Сталин наложил на письмо резолюцию:

"т. Адор-ому

Страшно занят практическими делами и никак не могу исполнить Вашу просьбу. Попробуйте обратиться к Молотову: он в отпуску и, возможно, у него найдется свободное время.

С ком. пр.

*И. Сталин*⁶².

Конечно, Молотов не был теоретиком, но на фоне Ворошилова, Кагановича, Андреева и некоторых других выглядел предпочтительнее. Когда не стало Бухарина, единственным "толкователем" и "генератором идей" оказался сам "вождь". Не случайно 30 — 40-е годы оказались чрезвычайно бедными на откровения и открытия в области обществоведения. Их просто не могло быть. Неудивительно, что в этих условиях и Молотов мог считать себя "теоретиком".

За внешней невозмутимостью, исключительной выдержкой, непроницаемостью, вежливой и официальной корректностью скрывалась сильная злая воля, которая не отделяла себя ни на йоту от своего патрона. Черчилль, не раз встречавшийся с Молотовым, так характеризовал его в своих мемуарах: "Его подобная пушечному ядру голова, черные усы и смышленные глаза, его каменное лицо, ловкость речи и невозмутимая манера держать себя были подходящим выражением его качеств и ловкости... Его улыбка сибирской зимы, его тщательно взвешенные и часто разумные слова, его приветливая манера себя держать делали его совершенным орудием советской политики в дышащем смертью мире"⁶³. Это говорил политический недруг, отмечая в Молотове фанатичную приверженность своему делу. С такой же одержимостью Молотов во всем поддерживал Сталина и во внутренней политике. В тени "вождя" это был едва ли не самый влиятельный и безоговорочный исполнитель его воли. Без таких исполнителей культовый вождизм, современный цезаризм едва ли был возможен.

Мало чем уступал в рвении Молотову другой соратник Сталина — Лазарь Моисеевич Каганович. Он тоже из долгожителей. Во всяком случае, 95-летие он отметил в ноябре 1988 года в своей квартире на Фрунзенской набережной в Москве и, возможно, думает дожить до ста лет, что не удалось Молотову.

С.И. Семин, работавший после войны у Н.А. Вознесенского, рассказывал мне: "Помню, пришел я к Кагановичу с какими-то бумагами (он тогда возглавлял и Военно-промышленную комиссию) в новых сапогах. Каганович взял бумаги, посмотрел на меня, и взгляд его остановился на моих сапогах.

— Сыми, — скомандовал сталинский нарком.

— Зачем? — заикнулся было я, ничего не понимая.

— Сымай быстрее!... — не захотел объяснять Каганович.

Взяв затем в руки мои еще не разношенные сапоги, нарком долго их вертел, лазил рукой в голенище и, бросив наконец их мне на пол, удовлетворенно резюмировал:

— Хорошие сапоги. — Затем добавил: — Ведь я был сапожником..."

Кто знает, останься он навсегда сапожником, сохранил бы свое доброе имя. Правда, едва ли кто вспоминал бы о нем тогда. Но свой выбор — уже не профессиональный, а политический — Каганович сделал еще в 1911 году, вступив в партию большевиков вслед за своим старшим братом. Оказавшись в 1918 году в Москве, Каганович, тогда сотрудник Всероссийской

коллегии по организации Красной Армии, познакомился со Сталиным. В 1920 году Лазарь Каганович был командирован в Туркестан. Но когда Сталин стал генсеком, он вытребовал Кагановича из Средней Азии, поставив его во главе организационно-инструкторского отдела ЦК. Так малограмотный, но исключительно напористый и в высшей степени исполнительный функционер стал быстро продвигаться по партийной и служебной лестнице вверх.

Сталин любил Кагановича за три вещи: нечеловеческую работоспособность, абсолютное отсутствие своего мнения в политических вопросах (он так и говорил, не дожидаясь выяснения вопроса, о чем идет речь: "Я полностью согласен с товарищем Сталиным") и безропотную исполнительность. А она выражалась в постоянной готовности выполнять любые задания "вождя". Как-то после XVIII партийной конференции Сталин перед заседанием Политбюро спросил Кагановича:

— Лазарь, ты знаешь, твой Михаил (брат, нарком авиационной промышленности, большевик с 1905 года. — *Прим. Д.В.*) якшался с "правыми"? Есть точные данные... — Сталин испытующе смотрел на наркома.

— Надо поступать с ним по закону, — дрогнувшим голосом выдал Лазарь.

Сообщив после заседания об этом разговоре по телефону брату, Каганович ускорил развязку. Его брат в тот же день, не дожидаясь ареста, застрелился.

Сталин ценил таких людей. Ведь преданность ему нужно постоянно доказывать. И доказывать не мелочами, не одним славословием. Разве Каганович не доказал ее, например, на длинном-предлинном Пленуме ЦК в феврале — марте 1937 года? Карательная машина еще только готовилась, настраивалась, нацеливалась на "прореживание" рядов партии, интеллигенции, рабочего класса, крестьянства, военных, а Каганович уже отличился. В двухчасовом докладе "сталинский нарком" железных дорог излагал первые, "пробные" результаты:

"Мы в политаппарате дороги НКПС разоблачили 220 человек. С транспорта уволили 485 бывших жандармов, 220 эсеров и меньшевиков, 572 троцкиста, 1415 белых офицеров, 285 вредителей, 443 шпиона. Все они были связаны с контрреволюционным движением"⁶⁴.

Нетрудно представить, что означали слова Кагановича об "увольнении" с дороги "шпионов и вредителей". Сталин мог быть по-настоящему доволен "анализом" Кагановича, когда тот с жаром докладывал Пленуму: "Мы имеем дело с бандой

оголтелых разведчиков-шпионов. В отношении железной дороги их приемы особенно ухищрены. Серебряков, Арнольдов, Лифшиц культивировали низкие нормы пропускной способности, организовывали крушения, противодействовали стахановскому движению. Особо вредили Кудреватых, Васильев, Братин, Нейштадт, Моршихин, Беккер, Кронц, Бреус — они мешали внедрению паровоза "ФД". Линия Москва — Донбасс строилась вредительски; Пятов строил Турксиб вредительски; Караганда — Петропавловск строилась Мрачковским вредительски; линия Эйхе — Сокур строилась Барским и Эйдельманом вредительски..." Каганович, хотя газеты писали о перевыполнении планов перевозок, новаторстве, движении кривоносовцев, продолжал нагнетать:

— Шермергорн, начальник управления железнодорожного строительства, вредил. Тов. Сталин не раз нам говорил: "Плохой он человек, враждебный человек". Тов. Сталин прямым образом предупреждал о нем и предложил присмотреться, проверить его...

--- Подозрительный человек, — бросил реплику Микоян.

— Мерзаец Серебряков, — продолжал Каганович, — очень метко назвал оборонные узлы и определил свои вредительские цели...⁶⁵

Все в докладе Кагановича было в том же духе: множество фамилий, брань, целые стаи вредителей, которые только тем и занимаются, что взрывают, создают пробки, плохо проектируют, срывают перевозки. Разве мог Сталин не оценить такого "юмора" Кагановича в докладе на Пленуме:

"Емшанов, мерзаец, с 1934 года начальник Московско-Донецкой железной дороги. После снятия он уже другой работы не получил и пошел на жительство прямо к т. Ежову, в НКВД. Арнольдову объявлял, объявлял выговоры... все говорили — не сохранили человека. Вот его теперь и сохраняет — охраняет т. Ежов..."⁶⁶

Глубоко невежественный Каганович, как и все соратники Сталина, пытался создать себе некое теоретическое реиоме. Одно из постановлений ЦК обязывало руководителей учреждений, предприятий и ведомств лично вести марксистско-ленинские занятия с кадрами. Бывший ответственный работник НКПС, ставший в годы войны наркомом путей сообщения, И.В. Ковалев рассказывал мне: "Каганович собрал группу руководителей и открыл семинар. Вскоре он предоставил слово мне. В своем выступлении я остановился на том, что в силу своего положения, действуя стихийно, пролетариат способен

выработать лишь тред-юнионистское сознание... Каганович ошалело смотрел на меня, смотрел и вдруг заявляет:

— Чего городишь, что еще за "юнионистское" сознание! Пролетариат может все выработать! Пролетарское сознание!

Все переглянулись. Сколько я ни пытался, опираясь на Ленина, растолковать Кагановичу необходимость внесения в сознание пролетариата научной теории, до него это не доходило. Подозрительно смотря на меня, Каганович скоро свернул семинар и больше за проведение таких непосильных для себя вещей не брался..."

Свой "авторитет" Каганович зарабатывал наездами (по поручению "вождя") для "наведения порядка" в те или иные области. Его поездки в Челябинскую, Ивановскую, Ярославскую и другие областные партийные организации сопровождались настоящими погромами: многих местных работников снимали, на них заводили "дела", кончавшиеся часто трагически. Сталин был доволен "железным Лазарем", как он не раз его называл. Такие соратники ему и были нужны: беспрекословные, фанатично преданные, с полуслова понимающие его намерения.

Когда же Каганович решал судьбы людей на местах, он ни с кем не советовался, а просто выполнял инструкцию Сталина: "Посмотри там внимательнее на месте и решай... Не миנדальничай..." Документы бесстрастно свидетельствуют, что нередко до окончания следствия Каганович лично составлял и редактировал проскты приговоров, вносил в готовящиеся материалы произвольные изменения, вроде того, что против него, наркома, готовились якобы "террористические акты". Чем все это в конце концов заканчивалось, теперь уже ясно.

Итак, пройдя причудливый путь из Москвы в Туркестан и обратно, он вскоре стал заведующим отделом ЦК, через который шли основные назначения на крупные посты. Уже в 1926 году Каганович становится кандидатом в члены Политбюро. Ему исполнилось тогда 33 года. Усердие, жестокость, исключительную исполнительность Кагановича быстро заметил Сталин. В связи со сложной обстановкой на Украине по рекомендации генсека Каганович возглавил партийную организацию республики. Уже тогда у него сложились непростые отношения с Председателем СНК Украины Чубарем, что в конце концов самым роковым образом скажется на судьбе последнего. Конфликты Кагановича с остальными руководящими работниками ЦК КП(б)У не прекращались. В 1928 году он вернулся в Москву и стал первым секретарем Московского городского и об-

ластного комитетов партии. На XVI съезде партии его избрали членом Политбюро.

В первой половине 30-х годов влияние Кагановича было особенно сильным. Нарком путей сообщения неоднократно выезжал в районы, где коллективизация шла трудно, и сразу же после его "палетов" дело ускорялось. Сталина мало интересовали методы, которыми пользовался "железный Лазарь". Жестокий по натуре, предельно грубый Каганович был типичным, более того, классическим представителем административно-бюрократического аппарата, с особой социальной бесцеремонностью бравшимся за любое дело. В результате его поездки на Северный Кавказ увеличился поток "раскулаченных", вывозимых на Север. В Московской области он без колебаний снимал любого, кто не следовал его директивам. В соответствии с его невежественными заключениями были запрещены некоторые пьесы на московских сценах. Будучи председателем Центральной комиссии по проведению партийной чистки, он вел ее беспощадно. Именно его имя фигурирует в центре загадочного инцидента по выборам в ЦК на XVII съезде партии. Он был одним из главных инициаторов уничтожения, под видом реконструкции Москвы, многих ее исторических памятников, в том числе знаменитого храма Христа Спасителя. Словом, Каганович успевал повсюду. Сталин по достоинству оценил безграничное усердие соратника, наградив его в числе первых только что учрежденным орденом Ленина.

Каганович вместе со Сталиным и другими людьми из его окружения несет перед нашей историей немалую ответственность, прежде всего за последовательное, широкое внедрение и применение бюрократических, административных и, самое главное, насильственных методов в практику социалистического строительства.

Долголетие дает возможность продлить трезвую памяти. Кагановичу есть о чем вспомнить: силовое руководство на Украине; "победы" над Постышевым и Чубарем; особую благосклонность Сталина, которого он даже не раз замещал в 30-е годы, когда "вождь" уезжал на юг; дружбу с Хрущевым; вклад в "реконструкцию" Москвы, сопровождавшуюся сносом Сухаревой башни, разрушением Страстного монастыря, сношением Иверских ворот и многих других "старорежимных" строений... Если прозревает совесть, можно пережить свои деяния вновь, страдая. Если же она застыла несколько десятков лет назад, память может лишь воссоздать в сознании мелькание немых черно-белых кадров былого. У людей с такой судьбой долголе-

тие подобно наказанию. Ничего изменить нельзя. Все вечно в своей необратимости. Кроме тех оценок, которые люди давали, дадут и будут давать прошлому.

В число ближайших соратников "вождя" в 30-е годы входил и **Климент Ефремович Ворошилов**. Еще при жизни его имя стало легендарным. Уже в те, далекие теперь, годы пионеры, комсомолия с энтузиазмом распевали:

*Когда нас в бой
Пошлет товарищ Сталин
И первый маршал
В бой нас поведет...*

Ворошилов к революционному движению приобщился рано. Еще в 1906 году, будучи делегатом IV съезда РСДРП, познакомился с Лениным, Сталиным, другими известными революционерами. Пройдя ссылки и аресты, Ворошилов встретил Февральскую революцию в Петрограде. В годы гражданской войны Ворошилов воевал на разных фронтах, он был, как принято считать, замечен в битве за Царицын, где окрепла его дружба со Сталиным. Последующая слава Ворошилова как "героя гражданской войны" в значительной степени объясняется высоким покровительством. Слов нет, сражался будущий нарком обороны храбро, но без выдумки, отдавая дань партизанщине. Выступая на VIII съезде партии, Ленин, в частности, сказал:

— ...Ворошилов приводил такие факты, которые указывают, что были страшные следы партизанщины. Это бесспорный факт. Тов. Ворошилов говорит: "У нас не было никаких военных специалистов, и у нас 60 000 потерь". Это ужасно... Героизм царицынской армии войдет в массы, но говорить, мы обходились без военных специалистов, разве это есть защита партийной линии... Виноват тов. Ворошилов в том, что он эту старую партизанщину не хочет бросить⁹⁷.

Свой боевой путь Ворошилов прошел с Первой Конной армией, где он был членом Военного совета, воевал на Северном Кавказе, в Крыму; сражался против отрядов Махно; участвовал в разгроме Кронштадтского мятежа. За героизм и мужество в гражданской войне Ворошилов был удостоен двух орденов Красного Знамени. После X съезда партии Ворошилов — неперемный член ЦК партии, а с XIV съезда и член Политбюро. Став после смерти Фрунзе наркомом по военным и морским делам, Ворошилов внес определенный вклад в строительство Красной Армии. Успех в этом деле, в частности, объяснялся и тем, что в наркомате, военных академиях, в ряде окру-

гов в то время служили многие творчески мыслящие восначальники, военные теоретики как из числа тех, кого выдвинула революция, так и офицеров старой армии. Среди них Б.М. Шапошников, автор работы "Мозг Армии", М.Н. Тухачевский, написавший "Вопросы современной стратегии", К.Б. Калининский, К.И. Величко, А.И. Верховский, А.М. Зайончковский, В.Ф. Новицкий, А.А. Свечин, Р.П. Эйдеман, И.Э. Якир и многие другие.

Еще в конце 20-х годов появились биографии, книги, многочисленные статьи о Ворошилове, например такие: "Вождь армии мировой революции", "Мы слушаем твой приказ, тов. Ворошилов", "Большевицкий полководец", "Главкомандующий от станка" и т.д. Был учрежден знак "Ворошиловский стрелок"; в честь Ворошилова был назван тяжелый танк "КВ" (правда, был и более современный и мощный танк "ИС" — "Иосиф Сталин").

Слава Ворошилова была поистине всенародной. Как относился к этому Сталин? Спокойно. Он на нее мало обращал внимания, ибо в 30-е годы о наркоме уже говорили только как о человеке, "выполняющем волю вождя", о "красном маршале под руководством товарища Сталина", о "сталинском наркоме" и т.д. Сталин, более чем кто-либо, знал Ворошилова, знал и цену ему. Все считали, что они были друзьями. Но в настоящей дружбе нет и не может быть должников. А Ворошилов всегда считал себя "должным" Сталину: за славу, почст, посты, награды, положение.

В 30-е годы это уже был абсолютно бездумный исполнитель, который не имел своего мнения. У него не было нечеловеческой работоспособности Кагановича, ума и хитрости Молотова, осторожности и осмотрительности Микояна, он уступал во многом и другим членам Политбюро. Но Сталин считал, что Ворошилов нужен ему из-за того ореола легендарности, который сформировался вокруг "вождя Красной Армии". Сталин был уверен, что в решающую минуту нарком, не задумываясь, поддержит его. И не ошибся. Когда припел час выношенного Сталиным кровавого чистилища, Ворошилов, не колеблясь, стал вместе с "вождем" разжигать костер репрессий, в котором сгорели три Маршала Советского Союза, сотни и тысячи командиров Красной Армии. В своей речи на февральско-мартовском Пленуме ЦК в 1937 году, перечислив поименно многих "врагов народа", пропикших в РККА, Ворошилов решил проиллюстрировать сказанное примером, что, мол, не только "наверху" есть троц-

кисты-вредители. Нарком зачитал письмо арестованного майора Кузьмичева:

”Наркому обороны г. К.Е. Ворошилову.

Меня обвиняют, что я являюсь членом контрреволюционной террористической группы, которая готовила покушение на Вашу жизнь. Да, я в 26—28 годах входил в троцкистскую организацию. Начиная с 29 года я стремился загладить свою вину. В Вашем лице всегда видел не только вождя Красной Армии, но и чрезвычайно отзывчивого человека. Я награжден двумя орденами Красного Знамени. Как же меня зачислили в банду фашистских убийц?

По-видимому меня расстреляют. Может быть, через несколько лет все же троцкисты скажут, зачем они оболгали честного человека, и вот когда раскроется действительная правда, я вас прошу восстановить моей семье честное имя. Простите за маранье, больше не дают бумаги.

21.VIII.36.

Кузьмичев”.

Ворошилов, зачитав письмо, обвел глазами зал и эффектно закончил:

— А через 10 дней он признался: хотели теракт совершить в районе Белой Церкви во время маневров...⁶⁸

Ворошилов знал, как добываются эти признания. Докладывая Пленуму, сказал, адресуясь, конечно, Сталину, что он часто ”говорит с Ежовым в отношении лиц, подлежащих изгнанию из рядов армии”. Иной раз ”отстаиваю отдельные лица. Правда, сейчас можно попасть в неприятную историю: отстаиваешь, а он оказывается доподлинным врагом, фашистом...”. Видимо, эта же позиция руководила Ворошиловым, когда он выразил свое отношение к письму Якира, с которым тот обратился накануне расстрела:

”К.Е. Ворошилову. В память многолетней в прошлом честной работы моей в Красной Армии я прошу Вас поручить посмотреть за моей семьей и помочь ей, беспомощной и ни в чем не повинной. С такой же просьбой я обратился к Н.И. Ежову.

9 июня 1937 г.

Якир”.

Ворошилов, прочитав записку, размашисто написал:

”Сомневаюсь в честности бесчестного человека вообще.

10 июня 1937 г.

К. Ворошилов”⁶⁹.

Передо мной несколько томов документов, подписанных Ворошиловым или с его резолюциями. Том с письмами тех командиров, которые еще до суда, до расстрела успели обратиться к наркому с просьбой, мольбой, криком о помо-

щи. Письма Горячева, Кривошеева, Сидорова, Хаханьяна, Букштыновича, Прокофьева, Красовского. Вот письмо Ефремова, бывшего командующего войсками Забайкальского военного округа (аналогичные письма он направил Сталину и Микояну):

"Товарищи, располагая всеми данными, опровергающими возведенную на меня фашистами Дыбенко и Левандовским клевету, однако я на Политбюро 18.IV.38 г. так, к стыду моему и огорчению, был рассеян, что забыл привести доказательства моей невинности и преданности партии Ленина — Сталина... Комвойск Дыбенко на себя говорит что-то невероятное. Он после учения безусловно помешался, иначе я не мог понять — ведь это был бы 1934 год! По показанию Дыбенко он меня "завербовал"... и даст задание завербовать командный состав...

Все мои братья — коммунисты, четверо командиры РККА. Сын 17 лет комсомолец. Мать и сестры с двенадцатью детьми в колхозе "Путь социализма" в Орловской области. Дядя повешен в 1905 г. за восстание на флоте, отец убит кулаками. Сам я московский рабочий. Участвовал в войне в Китае. Имею ранения. Награжден: орденом Ленина, тремя орденами "Красное Знамя", орденом Трудового Красного Знамени... Прошу Вас скорее прекратить мои переживания и муки.

Всегда Ваш Ефремов Михаил"⁷⁰.

Это письмо, как и тысячи других, осталось без ответа. Правда, Букштыновичу, Красовскому и Ефремову тогда повезло. Они уцелели. Но не благодаря Ворошилову. Машину репрессий ни он, никто другой не хотел тормозить и сдерживать. Более того, отвечая на запросы с мест, Ворошилов лаконично и безжалостно санкционировал аресты, наказания, расстрелы. Вот текст нескольких телеграмм из множества подобных (в 1937 и 1938 гг.).

"Хабаровск. Блюхеру. На номер 88. Судить.

К. Ворошилов"

"Свердловск. Горбачеву. На номер 39. Разрешаю арест.

К. Ворошилов"

"Полярное. Командующему Северной Полярной флотилии. На номер 212. Судить и наказать как подобает.

Ворошилов"

"Свердловск. Гайлиту. Найти, арестовать и строжайше судить.

Ворошилов"

”Ленинград. Дыбенко. Магеру. На номер 16758. Разрешаю арестовать и судить.

Ворошилов”

”Тбилиси. Куйбышеву. Апсе. На номер 344. Судить и расстрелять.

Ворошилов”⁷¹.

Как пишет Гай Светоний в своей книге ”О грамматиках и риториках”, Гай Альбуций из Новарии прославился тем, что самозабвенно защищал несправедливо обвиненных в убийстве. Один раз, защищая обвиняемого, он в присутствии Пизона ”разгорячился до того, что стал оплакивать участь Италии...”. Ворошилову до Альбуция было далеко: он не только не защищал невиновных, но и фактически был активным участником массовых репрессий.

В апреле — мае 1937 года он направил Сталину одну за другой ряд записок такого содержания:

”Политбюро ЦК ВКП(б)

тов. Сталину.

Прошу исключить из состава Военного Совета при Народном Комиссаре обороны СССР:

Тухачевского М.Н.

Эйдемана Р.П.

Лонгва Р.В.

Ефимова Н.А.

Аппога Э.Ф.

как исключенных из рядов РККА.

25 мая 1937 г.

*К. Ворошилов*⁷².

Расписавшись, Ворошилов слово ”исключенных” зачеркнул и заменил словом ”уволенных”. Хотя он-то хорошо знал, куда всех их собираются ”уволить”. В последующие дни он направил Сталину такие же записки, но с другими именами — Горбачева, Казанского, Корка, Кутякова, Фельдмана, Лапина, Якира, Уборевича, Германовича, Сангурского, Ошлея, других... Наркома, видимо, не волновало, что практически весь Военный Совет при Народном Комиссаре обороны СССР оказался ”шпионским”, ”фашистским”, ”троцкистско-бухаринским”... Главное — не перечить, соглашаться, ”поддерживать линию товарища Сталина”. Таким был еще один из ”тройки” ближайшего окружения Сталина. Правда, его, в отличие от других, тень ”вождя” укрывала не полностью. Его жизнь больше, чем других, была на виду у народа. Однако на самостоятельности суждений и поступков это никак не сказалось.

Соратники оказались под стать ”вождю”. Конечно, они, и

особенно Берия, несут ответственность за все извращения и преступления, которые совершил Сталин. Но эту ответственность должны разделить и те, кто просто поддакивал, соглашался, голосовал, восхищался "мудрыми решениями" Сталина. Степень вины их различна. История рассудит, кто больше, а кто меньше виновен. А.А. Андреев, А.А. Жданов, М.И. Калинин, А.И. Микоян, Г.А. Маленков, Н.С. Хрущев, некоторые другие деятели из высшего партийного и государственного руководства фактически не пытались ограничить единовластие диктатора.

Я коснулся не всего, а лишь ближайшего окружения Сталина. О некоторых других лицах, исполнявших волю "вождя", читатель узнает из других глав. А теперь — еще об одном человеке, призрак которого часто посещал Сталина.

Призрак Троцкого

Конечно, этим призраком был Троцкий. Сталин его ненавидел больше, чем тогда, когда он был рядом. Проклинал ту минуту, когда согласился с предложением о его высылке из страны. Он не хотел даже себе признаваться в том, что боялся Троцкого тогда. Но Сталин опасался этого призрака и теперь. И от чувства, что он никак не может решить "проблему" Лейбы Давидовича, как он раньше мысленно обращался к Троцкому, злоба закипала в нем еще больше. Однажды Сталин не удержался и почти публично сказал об этом.

В беседе с Эмилем Людвигом, о которой я уже упоминал ранее, Сталин, говоря об авторитетах, вдруг заявил:

— Троцкий тоже пользовался большим авторитетом... И что же? Как только он отошел от рабочих, его забыли.

— Совсем забыли? — переспросил Людвиг.

— Вспоминают иногда — со злобой.

— Все со злобой?

— Что касается наших рабочих, то они вспоминают о Троцком со злобой, с раздражением, с ненавистью⁷³.

Сталин был неискренен: возможно, и многие рабочие вспоминали Троцкого недобрым словом, но прежде всего вспоминал его он сам. Вспоминал "со злобой, с раздражением, с ненавистью". Так он вспоминал "одного из выдающихся вождей" в силу ряда обстоятельств. Когда Сталин слушал Молотова, Ка-

гановича, Хрущева, Жданова, ему нередко приходила мысль: насколько умнее, выше этих функционеров был Троцкий! На целый порядок! Он мысленно перебирал других своих соратников и в растерянности убеждался — ни по уровню мышления, ни по организаторской хватке, ни по ораторскому таланту, ни по мастерству публициста они не могли сравниться с Троцким. Но он был умнее и талантливее и его, Сталина. И хотя Сталин отгонял от себя эту мысль, в душе порой не мог не согласиться с этим. "Как я мог выпустить такого врага", — едва не стонал Сталин. Однажды он признался в ближайшем кругу, что это была одна из самых крупных ошибок в его жизни.

Другая причина, постоянно подогревавшая его ненависть к Троцкому, заключалась в том (в этом он не мог признаться даже самому себе), что он часто следовал в своей практике рецептам изгнанного врага. Генсек помнил, что, когда шла борьба вокруг нэпа, Троцкий однажды заявил на Политбюро: "Рабочий класс может приблизиться к социализму лишь через великие жертвы, напрягая все свои силы, отдавая свою кровь и нервы". Эту же мысль он провел затем в октябре 1922 года на комсомольском съезде. Поверженный соперник не уставал тогда повторять, что без "рабочих армий", "милитаризации труда", "полного самоограничения" революция рискует никогда не вырваться из "царства необходимости в царство свободы". Почти весь XV том сочинений Троцкого посвящен "милитаризации труда". Выступая 12 января 1920 года на заседании коммунистической фракции ВЦСПС, Троцкий призывал на особо важные объекты посылать "ударные батальоны, чтобы они повысили производительность личным примером и репрессиями". Необходимы "принудительные меры, необходимо установить военное положение в... ударных областях. Нужно применить там трудовую повинность с военными методами..."⁷⁴. В этих выкладках — классическая азбука казарменного коммунизма, одним из певцов которого в начале 20-х годов был Троцкий. Полностью от этих идей он не отойдет никогда.

Сталину всегда импонировала идея так поставить дело, чтобы люди были готовы добровольно "отдавать свою кровь и нервы". Троцкий в изгнании (с Принцевых островов, из Франции и Норвегии) не раз писал об "эпигонстве" Сталина, подразумевая, видимо, не только его компиляторские склонности, но и заимствования в социальной методологии.

Но главное, почему Сталина постоянно страшил призрак Троцкого, заключалось в другом: тот создал свою политическую организацию — IV Интернационал и при первой возмож-

ности ставил на одну доску его и Гитлера. Это было невыносимо. Вечный призрак мстил за поражение так больно, как не мог бы придумать и сам Сталин. Нередко ему казалось, что их борьба, которая как будто закончилась в ночь на 10 февраля 1929 года, когда пароход "Ильич" незаметно покинул одесскую гавань с Троцким на борту, в действительности еще только начинается.

Два "выдающихся вождя", разделенные многими границами, каждый по-своему вели неравную борьбу. Один, "вознесшийся вождь", достигший редкого единовластия, перед которым могут померкнуть многие абсолютистские режимы, стремился сформировать у партии и народа устойчивую ненависть к Троцкому как предателю и пособнику фашистов.

Другой, "вождь поверженный", не жалел своего красноречия, чтобы доказать, что Сталин и Гитлер "стоят друг друга". Находясь в изгнании, поддерживаемый группками единомышленников в ряде стран, Троцкий умел влиять на общественное мнение. Его выступления, устные и печатные, по-прежнему были эффектны. Как и раньше, главной мишенью для него был Сталин, которого Троцкий величал "могильщиком революции". Троцкий много знал. В годы революции и гражданской войны будущий изгнанник был ближе к Ленину, чем Сталин. Ленин не раз брал Троцкого под защиту, ценил его организаторский и пропагандистский талант. Сталин помнил, что в то время, когда их отношения были еще терпимыми, он в основном с одобрением относился к некоторым левацким идеям, разделяемым Троцким, — двинуться на Варшаву, чтобы ускорить революционный пожар в Европе, и организовать поход в Азию. Троцкий как-то уверял, что Азия более революционна, чем Европа. Что, мол, если создать на Южном Урале революционную базу, то поход в Азию с целью ускорить революцию — реален. Революции в Китае и Индии победят тогда обязательно. Сталин не возражал. У Троцкого было немало левацких вывихов, заскоков: он пытался торопить время, мыслил уже не масштабами России, а грезил мировой революцией. В известном смысле он был "романтиком" мировой революции; многие свои долгосрочные планы в 20-е годы он связывал именно с ней. Но Сталин понимал, что публично говорить об этих "грехах" Троцкого — это бросать тень на самого себя; ведь сегодня он "наследник" революционных дел Октября.

Особенно больно ранили и тревожили Сталина слова Троцкого о том, что он говорит не только от своего имени, но и от

имени его молчащих сторонников, от лица всех притихших оппозиционеров, находящихся в СССР. Читая переведенные книги Троцкого "Сталинская школа фальсификаций", "Открытое письмо к членам большевистской партии", "Сталинский термидор", "вождь" почти терял самообладание. Какой он слепец! Выходит, его оценка, данная Троцкому в ноябре 1924 года, неверна? А тогда, выступая перед коммунистической фракцией ВЦСПС, он охарактеризовал Троцкого как человека, который хорошо действует при подъеме революционного дела и теряется, "дрейфит" при его поражении⁷⁵. Ведь Троцкий потерпел, кажется, полное поражение! Но он не сдался, он борется! Сталина вновь и вновь терзали мысли о промахе: зачем он выпроводил Троцкого за кордон? А теперь приходится расплачиваться за этот легкомысленный поступок. Подручные Троцкого готовят против него заговор, организуют диверсии, ведут шпионаж, сколачивают подполье, а мы уже несколько лет бездействуем!

В своем докладе на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года "О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников" Сталин по своему обыкновению выделил "главное звено". Этим звеном стал раздел "Современный троцкизм". Как всегда, Сталин ставил перед слушателями, как школярами, вопрос: что такое троцкизм? И отвечал: "Современный троцкизм это оголтелая банда вредителей. Еще 7 — 8 лет назад это было ошибочное антиленинское политическое течение. Теперь же это банда фашистских вредителей". И дальше: "Каменев и Зиновьев отрицали наличие у них политической платформы. Они лгали. А Пятаков, Радек и Сокольников на процессе 1937 года не отрицали наличия такой платформы. Реставрация капитализма, территориальное расчленение Советского Союза (Украину — немцам, Приморье — японцам); в случае нападения врагов — вредительство, террор. Это все платформа троцкизма..."⁷⁶ Так Сталин повязывал всех своих поверженных и потенциальных врагов троцкистской веревочкой.

По истечении десятилетий наш взгляд на Троцкого, несомненно, должен быть уточнен. Я уже имел возможность сказать о его интеллектуальных и нравственных качествах — весьма противоречивых и сложных. У Троцкого была одна неизлечимая слабость: демон Сталина верил, был убежден в том, что он гениален, и почти не скрывал этого. Отсюда и его амбициозность.

Не уверен, но, быть может, правы те, кто считал и считает,

что, одолей Троцкий Сталина, наш народ столкнулся бы с диктатурой не менее ярко выраженного цезаристского типа. Вместе с тем, учитывая высокий уровень культуры и интеллекта Троцкого, можно утверждать, что едва ли он был способен на те преступления, которые совершил Сталин.

При всем этом истина должна быть превыше всего: в годы революции и гражданской войны Троцкий был вторым по значению лидером партии после Ленина. Мы помним оценки Лениным этого "выдающегося вождя". Никто не знает, каким бы был далее Троцкий, будь жив Ленин. Конечно, я слишком много сейчас высказываю предположений, памятуя, что исследователь имеет право на гипотезу. Но одно могу сказать однозначно: в годы его активной деятельности в партии (1917 -- 1924 гг.), да, наверно, и позже, Троцкий не был врагом революции и социализма. Он был последовательным врагом Сталина. Я совсем не хочу закрывать глаза на те антисоветские пассажи, к которым порой прибегал Троцкий в конце своей трагической жизни. В этот тупик, идейный и политический, его завела логика борьбы со Сталиным.

Возможно, антисоветские выпады Троцкого после его депортации принесли определенный вред нашему общему делу. Но нельзя не отдать должное Троцкому: он не сломался, как многие, перед диктатурой Сталина. Он один из первых почувствовал, что Сталин готовит термидор, и, к сожалению, во многом оказался прав.

Есть еще одно объективное обстоятельство, которое позволяет мне говорить, что, по крайней мере, в Октябре и первой половине 20-х годов Троцкий шел с революцией. До конца своих дней он с уважением относился к Ленину. Вот что писал Луначарский: "Троцкий колюч и властен. Только в отношениях с Лениным после их объединения он проявлял трогательное и нежное почтительное отношение, со скромностью, характерной для действительно великого человека, Троцкий признавал превосходство Ленина"⁷⁷. Но... Я уже не раз говорил: Троцкий, пожалуй, любил себя в революции больше, чем саму революцию. Истоки его трагедии не столько в борьбе со сталинизмом, сколько в борьбе со Сталиным, в борьбе за власть. Вечная горечь несостоявшегося взлета на самую вершину пирамиды власти выдвинула у Троцкого на первый план личные интересы. Возможно, мои размышления вызовут "праведный" гнев некоторых людей. Думаю, нас рассудит время.

Какой была в 30-е годы реальная опасность со стороны Троцкого? Существовало ли какое-то влияние Троцкого на по-

литические и общественные процессы в СССР? Эти вопросы важно выяснить, ибо "троцкистская опасность" послужит поводом для страшной трагедии партии и народа.

Пока Сталин укреплял свое единовластие, Троцкий скитался по миру. Принцезы острова в Мраморном море, Франция, Норвегия и наконец Мексика — такой путь прошел депортированный лидер оппозиционеров. Вначале Троцкий надеялся на скорое возвращение в Союз, верил, что Сталин продержится недолго. Ему казалось, что интеллектуальные недостатки, бескультурие, грубость и хитрость Сталина столь очевидны, что они сами по себе должны генерировать очередную оппозицию, рождать все новых и новых противников генсека. Вновь, в который раз, Троцкий ошибся. "Отверженный гений" верил, что при его высокой популярности и известности вокруг него будут концентрироваться все враждебно настроенные к Сталину силы. Бродя среди коричневых валунов Бийюк Ада, крошечного островка, затерявшегося в Мраморном море, Троцкий размышлял о причудливости человеческой судьбы. Когда-то этот остров был местом заточения знатных византийских особ. Теперь здесь оказался, думал изгнанник, один из "архитекторов русской революции". Эти слова из дневника Троцкого, написанные на заброшенной вилле острова, еще одно свидетельство исключительно высокого самомнения главного оппонента Сталина.

Буржуазная пресса к высылке Троцкого вначале отнеслась настроенно. Одно время по страницам газет гуляла версия, что-де Сталин умышленно выслал одного из бывших вождей русской революции, чтобы способствовать подъему рабочего движения в капиталистических странах. В Германии, Англии буржуазные газеты даже описывали детали этого "дьявольского" плана Сталина, не отказавшегося от надежд на разжигание мировой революции. О Троцком писали как о "революционной взрывчатке", и потому буржуазные правительства воздерживались от предоставления политического убежища изгнаннику. Но постепенно в политическом мире Запада почувствовали, что, хотя Троцкий по инерции продолжал громко ругать фашизм, буржуазное филистерство, империалистическую политику грабежа, вектор его злобы был направлен прежде всего на Сталина, его режим, вольно или невольно на свою бывшую Родину. Но тем не менее никаким "шпионом", "террористом", "фашистским агентом" Троцкий никогда не был. Это все выдумки Сталина, которому нужен был жупел, чтобы оправдать собственные преступления.

С помощью своих последователей, которые стали совершать из разных стран паломничество на Принцевы острова, опальный вождь установил довольно широкие контакты со многими мелкими группами, оппозиционно настроенными к Коминтерну, к сталинскому режиму, лично к Сталину. С их помощью Троцкий вскоре наладил выпуск на нескольких языках небольшого журнала "Бюллетень оппозиции". Иногда, особенно до 1935 года, Троцкому удавалось засылать небольшое количество экземпляров "Бюллетеня..." в Советский Союз. Стало ясно, что Троцкий пытается установить связи со своими бывшими соратниками и единомышленниками в Советском Союзе. Об этом сообщает и автор биографии Троцкого И. Дейчер. В третьем томе он пишет, например, что через немецкого корреспондента в Москве Соболевичкуса Троцкий получал важную информацию из России, справочные материалы, статистические данные для своих книг и статей. Через руки Соболевичкуса и его брата шла значительная часть переписки Троцкого со своими сторонниками в Советском Союзе, передавались шифры, письма, написанные специальными чернилами, адреса почтовых ящиков и т.д. И хотя эти связи Троцкого были довольно слабыми, все же до 1935 года он имел возможность получать некоторую информацию из СССР и направлять туда свои письма по нелегальным каналам.

Троцкий вывез около тридцати ящиков со своими архивами и книгами. Сталин позже приписал это близорукости "органов", которым была поручена депортация. Долгие четыре года, что пробыл Троцкий на Принцевых островах, были временем ожидания, выбора и определения дальнейших путей борьбы. У Троцкого постепенно гасла уверенность, что его позовут в Москву; он все больше приходил к выводу, что единственный способ остаться "на плаву" — это продолжать борьбу со Сталиным. Ну а пути, методы этой борьбы были ему пока неясны. Он еще не понимал до конца, что его третья эмиграция станет последней и он уже больше никогда не ступит на землю Родины.

Сидя вечером в своей комнатке, оборудованной под кабинет, с окнами в сторону моря, Троцкий под шум прибоя перебирал, перелистывал тома своих сочинений. Вообще из всех его книг (он это сам понимал) лучшей была "История русской революции", написанная уже после разрыва со Сталиным. Но главная слабость книги — обнаженный, неприкрытый эгоцентризм Троцкого. Листая страницы, он сам поражался своей скорописи. Вот VIII том сочинений "Политические силуэты". О

ком он только ни написал (добавлю, писал интересно!): об Адлере, Каутском, Бебеле, Жоресе, Вальяне, Плеханове, Мартове, Раковском, Коларове, Либкнехте, Люксембург, Витте, Азефе, Николае II, Сухомлинове, Милюкове, Пирогове, Герцене, Струве, Свердлове, Литкенсе, Ногине, Мясникове, Склянском, Фрунзе и многих, многих других... О Ленине специального очерка нет, но он часто упоминает его, рассказывая о других⁷⁸. Или вот целый том, посвященный в основном Брестскому миру. Глаза пробежали строки: "Партийный съезд, высшее учреждение партии, косвенным путем отверг ту политику, которую я в числе других проводил... и я слагаю с себя какие бы то ни было ответственные посты, которые до сих пор возлагала на меня наша партия"⁷⁹. Как давно это было — на VII съезде партии!

Троцкий мысленно опять перенесся в те далекие уже годы. Шелестели страницы... Сталину на них места не было. Пожалуй, косвенно о нем был том, посвященный культуре. Наугад открыл страницу: "Бюрократизм и молчалинство". С любопытством читал написанные несколько лет назад строки: "...все, что направлено против интересов революционной диктатуры, должно быть беспощадно отмечено. Но это не значит, что у нас не должно быть своей демократии, пролетарской, полнокровной, бьющей ключом. Мы ее должны создать. Социалистическое строительство возможно только в условиях роста подлинной, революционной демократии трудящихся масс... Где есть бюрократизм, там он неизбежно рождает из себя молчалинство... Главный молчалинский принцип: угождать. Кому? Хозяину..."⁸⁰ Троцкий вздохнул и, при всей любви к самому себе, подумал: все это теперь не актуально... У Сталина иные заботы, иные мотивы, иные приоритеты. Ему же остается только борьба, борьба, борьба со Сталиным. Едва ли с системой, прежде всего с личностью... Море шумно вздохнуло, может быть согласившись.

Дейчер, получивший после смерти Троцкого доступ к его закрытым личным архивам, пишет, что еще до своего окончательного поражения и высылки Троцкий вместе с Зиновьевым и даже Шляпниковым сделал попытку организовать незначительные группировки своих сторонников в зарубежных коммунистических и рабочих партиях. Во Франции во главе их были Альфред Росмер, Борис Суварин, Пьер Монотт; в Германии — Аркадий Маслов и Рут Фишер (бывшие сподвижники Зиновьева); симпатизировал Троцкому Андрес Нин в Испании, возглавлявший небольшую группу; в Бельгии — Ван Оверштаттен и Лесойл, изгнанные из компартии, также поддерживали Троц-

кого. Крохотные группки троцкистов возникли в Шанхае, Риме, Стокгольме, ряде других городов и столиц. Троцкий надеялся из этих осколков создать новое движение антисталинского толка.

Но у Троцкого не было ни серьезной социальной базы, ни серьезной программы. Ведь не мог же антисталинизм стать привлекательной платформой для широкой международной организации. И он вновь стал пережевывать мотивы и варианты "перманентной революции", доказывая, что "доктрина социализма в одной стране есть национал-социалистическое извращение марксизма". Постоянным элементом его "программы" оставался ярый антисталинизм. Но за его проявлениями была видна прежде всего личная ненависть к Сталину, личная обида за несбывшиеся амбициозные надежды, личная боль утраты близких в России. Троцкий надеялся, что его откровенный антисталинизм найдет широкий отклик в компартиях. Но этого не произошло.

В глазах коммунистов многих стран достижения СССР в развитии экономики, в области культуры и образования были связаны с именем Сталина. На Западе еще не знали о его характере, еще не начались громкие политические процессы в Москве, еще не подобрана была та краска, которой можно было бы нарисовать подлинный портрет Сталина. Попытка Троцкого вызвать извне политическое давление на Советский Союз, на Сталина, его политику была заведомо обречена на провал. Еще меньше шансов было у Троцкого "поднять" его бывших сторонников в СССР непосредственно против Сталина. Но своими статьями, бюллетенями, речами, интервью Троцкий, хотел он того или нет, провоцировал, создавал впечатление, что оппозиция растет, что число его единомышленников увеличивается, что "идет консолидация антисталинских сил". К сожалению, это не соответствовало действительности. Но крайне подозрительный и мнительный Сталин очень многое из этих трескучих заявлений брал на веру. Некоторые из них, возможно, сыграли трагическую роль, провоцируя Сталина.

Сталин исходил злобой, но ничего не мог поделать: ряд работ Троцкого уже своим названием направлен против него — "Сталинская школа фальсификаций", "Преступления Сталина", "К политической биографии Сталина". Последняя работа, которую Троцкому помешала закончить смерть, называлась красноречиво "Сталин"... Сочинения Троцкого издавались в десятках стран. Образ Сталина у мирового общественного мнения формировался — это правда — не книгами Фейхтвангера и

Барбюса, а прежде всего работами Троцкого. Со страниц его книг вставал мрачный азиатский деспот: коварный, жестокий, фанатичный, недалекий и мстительный. Изгнанник не жалел черной краски. Сталина одна мысль о Троцком настраивала на жестокую непримиримость. В любом троцкисте он видел частицу Троцкого и требовал, чтобы "к ним не было пощады".

Находясь в 1936 году в Норвегии, Троцкий написал книгу "Преданная революция". В ней человек, которому ни одна страна не хотела давать визы, фактически обратился к коммунистам — своим бывшим соотечественникам с призывом совершить государственный переворот. Правда, этот переворот он назвал "политической революцией", которую-де должны, обязаны совершить его сторонники, участники бывших разгромленных оппозиций, бывшие меньшевики, эсеры, выходцы из других партий. Слепая ненависть к Сталину, безысходность и бесперспективность собственного положения лишили Троцкого возможности трезво оценивать политическую ситуацию в СССР. Впрочем, я уже отмечал, что Троцкий никогда не был сильным политиком.

"Преданная революция" была написана не только о том, что было, как было, по мнению Троцкого, но и содержала его долгосрочные прогнозы общественного развития в СССР. Троцкий оказался не очень проницательным футурологом, ибо его уверенность в "политической революции" против Сталина основывалась лишь на его страстном желании поражения "вождя". В его прогнозе, в частности, высказывалась и такая мысль, что если Германия развяжет войну против СССР, то Сталину едва ли удастся избежать поражения. Трудно однозначно утверждать, действительно ли желал этого Троцкий, или личная ненависть и здесь исказила его видение мира.

Сталин ночью залпом прочел перевод "Преданной революции". Листая страницы, Сталин кипел желчью. У него давно зрели два пункта вынашиваемого решения. Именно вынашиваемого. Сталин редко прибегал к мерам, которые он как следует не обдумал. Теперь, считал он, решение созрело. Во-первых, нужно любой ценой устранить Троцкого с политической арены. Он понимал, что любая маскировка убийства своего заклятого врага будет бесполезной. Все поймут, кто его инспирировал и организовал. Во-вторых, он еще больше утвердился в необходимости решительной и окончательной ликвидации всех, кто потенциально мог быть врагом его диктатуры внутри страны. Возможно, Сталин и сам не предполагал, как далеко заведет его это решение.

"Преданная революция" Троцкого, доставленная Сталину в начале 1937 года, была одной из последних капель, переполнивших чашу его ненависти ко всем "недобиткам", обостривших чувство мести за пережитые в прошлом моменты глубокой неуверенности, почти унижения перед "интеллигентами", "соратниками" и "оппонентами". Эта книга, можно сказать, сыграла роковую роль.

Сталин чувствовал, что скоро пробьет его час, когда медлить и колебаться будет нельзя. Тем более что Ежов все время докладывает об "активизации бывших оппозиционеров". На днях нарком, от которого сильно пахло спиртным, принес большой лист со "схемой связи" Троцкого со своими единомышленниками в СССР. "Вождь", изучив труд ежовского ведомства, сухо распрощался с наркомом, не подав ему руки на прощание.

Сталин вспомнил полузабытое дело Блюмкина. Да, именно того эсера Блюмкина, который убил немецкого посла Мирбаха, чтобы сорвать Брестский мир. Тогда он был приговорен к расстрелу, но благодаря вмешательству Троцкого смертную казнь заменили на "искупление в боях по защите революции". Блюмкин довольно долго служил в штабе Троцкого, сблизился с ним, а затем перешел работать в органы ГПУ. Возвращаясь летом 1929 года из Индии через Константинополь, он встретился с Троцким на Принцевых островах. И. Дейчер пишет, что изгнанник после долгих разговоров написал послание своим соратникам в Москве, посоветовал Блюмкину, как бороться со Сталиным. Когда Блюмкин вернулся в СССР, его быстро арестовали: то ли за ним следили в Турции, когда он садился на пароход для поездки на Принцевы острова, то ли он неосторожно рассказал кому-либо в Москве о своей встрече с Троцким. А скорее, все было так, как рассказывал секретарь Луначарского И.А. Сац. Блюмкин занес Радеку пакет от Троцкого, что-то передал по его поручению устно. Когда Блюмкин ушел, Радек, не распечатывая пакета, позвонил Ягоде и рассказал о визите, тот — Сталину. "Связника" тут же арестовали. Радек получил краткосрочную индульгенцию. После короткого суда Блюмкина расстреляли. Судьбе не было угодно вторично улыбнуться смертнику.

Сталин вспомнил о Блюмкине неспроста. А может быть, такие блюмкины, проинструктированные Троцким, находятся где-то рядом с ним? Ведь убили же Мирбаха... Сколько их? Кто они? Кто может знать размах реальной опасности? Как далеко запустил свои щупальца Троцкий? Сомнения, опасения, злоба,

страх, раздражение, ненависть к Троцкому переполняли Сталина. Хотя смерть Блюмкина напугала многих троцкистов, кто может поручиться, что страх лишил воли к борьбе всех его сторонников?

И здесь личные качества Сталина, его худшие черты, а их у него было немало, вновь, в который раз, сыграли зловещую роль. Сталин в ряде своих выступлений провозгласил, что троцкизм является главной враждебной платформой, на которой блокируются все враги Советского государства. Призрак Троцкого, который не склонил перед ним, Сталиным, головы, гипертрофировался до размеров государственной угрозы. В любом провале, неуспехе, неудаче, катастрофе Сталину виделась "рука Троцкого". Кстати, на политических процессах 1937 — 1938 годов одной из главных линий обвинения подсудимых являлось утверждение о прямых связях, директивах, "указаниях" Троцкого, даже встречах с ним то в Берлине, то в Осло и т.д. В докладах на февральско-мартовском и других Пленумах ЦК (а их состоялось в 1937 г. четыре) чаще всего звучали слова "Троцкий", "троцкизм", "троцкистские шпионы и убийцы" и т.д. Неважно, какой обсуждался вопрос: тень троцкизма витала в зале⁵¹. Троцкий стал для Сталина олицетворением универсального зла.

В действительности же все было не так. Троцкизм даже в пору своего наибольшего влияния, в середине 20-х годов, имел в партии немного сторонников. После высылки Троцкого лишь некоторые его приверженцы сохранили ему верность. Но таких были единицы. Может быть, десятки. Пусть — сотни. Одни почувствовали, что Троцкий уже давно борется не за идеалы социализма, а ведёт личную борьбу, в какой-то мере смахивающую на антисоветизм. Другие отошли от активной политической деятельности, осудив троцкизм. Те, кого Сталин "простил" и кому позволил вернуться в Москву (Раковский, Преображенский, Муралов, Сосновский, Смирнов, Богуславский, Радек и другие), находились на третьестепенных постах. Сталин разрешил бывшим оппозиционерам-троцкистам заниматься экономикой, просвещением, но ни одного не вернул на значительный политический пост. Подавляющее их большинство публично покаялись в печати. Никто из них не представлял хоть какую-то угрозу строю, внутренней стабильности общества.

Конечно, Сталин понимал, что он всех их идейно "кастрировал", заставив отказаться от "левого курса", осудить "перманентную революцию", принять ленинизм в его интер-

претации. "Вождь" понимал также, что в глубине души эти люди по-прежнему не согласны с ним, Сталиным. А это для него представляло, по его мнению, большую опасность. Ведь в характере Сталина с молодых лет была заложена скрытность, неискренность. Он считал, что у других людей эти качества развиты в той же мере. Но все это лишь из области предположений. Сознание — последнее прибежище человека, где он бесконечно долго может быть независимым. Но инакомыслие — не обязательно политическая опасность. Так было, и так есть.

Троцкизм, другими словами, не представлял серьезной, более того, даже мало-мальски серьезной опасности. После 1935 года Троцкий фактически (это явствует из его публикаций, писем того времени) потерял какую-либо связь с СССР. Газеты и радио были его главными источниками. Процеживая, "выуживая" нужную ему информацию, Троцкий продолжал изображать себя человеком, который может влиять на социальные, политические и идеологические процессы в Советском Союзе. Сталин заставил себя в это поверить. Ему нужен был повод, чтобы раз и навсегда покончить со всеми, кто когда-либо не разделял его взглядов. Или кто может потенциально, в будущем, поступать враждебно по отношению к нему. Ведь не мог же он допустить, чтобы сбылись пророчества Троцкого, при воспоминании о которых Сталину становилось не по себе. Особенно после последней книжонки Троцкого, которую тот "накатал" за два-три месяца после январского (1937 г.) политического процесса в Москве над Пятаковым, Радеком, Сокольниковым, Серебряковым и другими. Одно ее название — "Преступления Сталина" — могло вывести из себя кого угодно.

Троцкий, вновь утверждая, что Советский Союз едва ли выдержит столкновение с капиталистическими странами, считал одновременно безнадежными в перспективе и позиции Сталина. Слова Троцкого стучали в сознании "вождя" как злоещее предзнаменование: "Завтра Сталин может стать обременительным для правящей прослойки... Сталин стоит накануне завершения своей трагической миссии. Чем сильнее кажется, что он ни в ком больше не нуждается, тем ближе час, когда никто не будет нуждаться в нем. При этом Сталин едва ли услышит слова благодарности за совершенный труд. Сталин сойдет со сцены, обремененный всеми преступлениями, которые он совершил"⁸². Троцкий, как мы помним, ошибался в своих прогнозах. Но Сталина это только подстегивало. Стремясь ликвидировать осколки бывших оппозиций, Сталин этим самым хотел

нанести смертельный удар и по Троцкому, лишить его малейшей надежды на осуществление своих пророчеств.

Читая Троцкого, Сталин видел не только политические, подстрекательские призывы изгнанника. Троцкий все время говорил, что фигура Сталина на Олимпе власти случайна, что это гримаса истории. "Вождя" это уязвляло больше всего. В "Истории русской революции" Троцкого Сталин прочел: "Из-за колоссального значения, которое приобрел приезд Ленина (в апреле 1917 г. в Петроград. — Прим. Д.В.), следует сделать лишь вывод, что вожди создаются не случайно, что они избираются постепенно и готовятся десятилетиями, что их нельзя заменить по капризу и что их механическое устранение из борьбы наносит партии громадную рану и во многих случаях может парализовать ее на длительный период". Троцкий не скрывает, что "устранение", смерть признанного вождя Ленина, выдвинуло не Сталина, а именно его, Троцкого, на роль лидера: "Теперь нет никого, за исключением меня, кто может выполнить миссию вооружения нового поколения революционным методом..."⁸³

Около человека в "тоге" вождя все время стоял призрак. Хотя этот призрак был пока живым человеком, находился далеко от Москвы. Для Сталина Троцкий стал олицетворением "перманентного" зла. А может быть, Сталин, думая о призраке, вспоминал начало века, партийный съезд в Лондоне? Тогда он впервые увидел Троцкого: выющиеся волосы, энергичные движения, пенсне, красивая речь, театральные жесты. Он привлекал всеобщее внимание. Троцкий несколько раз задержал свой взгляд на хмуром кавказце, который еще носил фамилию Джугашвили. Тогда премьером был Троцкий, а Сталин — его молчаливым призраком. Мог ли представить молодой Лейба, что тот загадочный представитель боевой дружины с Кавказа станет его спутником-врагом до конца жизни, которая оборвется, к радости Сталина, 21 августа 1940 года?

Популярность триумфатора

История полна примерами обожествления отдельных личностей. В исследовании советского историка С. Утченко о Юлии Цезаре приводятся такие подробности его прославления. "...Сенатом было назначено пятидесятидневное

благодарственное молебствие в честь победы. Сенат разрешил Цезарю появляться на всех играх в одеянии триумфатора, в лавровом венке, а также носить высокие красные сапоги, которые, по преданию, носили когда-то альбанские цари. Сенат и народ постановили, чтобы Цезарю был выстроен на Палатине дом за государственный счет и чтобы дни его побед были объявлены праздничными днями. Во время игр и процессий его статую из слоновой кости проносили на роскошных носилках; статуи Цезаря воздвигались также в храме Квирина и среди изображений царей на Капитолии. Это были уже такие почести, которые, по словам Светония, превосходили человеческий предел...¹⁸⁴

В 30-е годы славословие Сталина не достигло еще "человеческого предела". Хотя даже на выставке картин Рембрандта, как писал в своей книжке Фейхтвангер, красовался "колоссальный некрасивый бюст Сталина". Но следует сказать, что Сталин был тогда действительно популярен в народе. Сегодня это звучит странно, даже кощунственно по отношению к человеку, который на своем "лицевом счете" имеет столько преступлений против собственного народа. Но тогда люди, по крайней мере подавляющее большинство, судили о Сталине, о делах в государстве по внешним явлениям, часто не имея ни возможности, ни желания проникнуть в сущность происходящего. То было время, когда всеми способами утверждалось единомыслие, однообразие. С детского сада детей приучали скандировать здравицы в честь "великого вождя". То было время, когда никто не мог себе позволить не любить Сталина. По мере высвечивания правдой всех культовых уродств, преступлений Сталина и его окружения, механизма действия всей бюрократической машины, возникает мысль: почему все же Сталин в те годы был популярен? Почему и сейчас немало людей с благоговением относятся к умершему кумиру? Каковы "тайны" популярности Сталина в народе?

Думаю, что этот феномен можно объяснить целым комплексом причин. Одна из них заключается в том, что, несмотря на огромные моральные провалы и физические жертвы, общество в целом не деградировало и добивалось немалых успехов в экономической, социальной, культурной сферах. Думаю, что, будь лидером другой человек, руководитель ленинского типа, эти успехи были бы, конечно, большими. И тем не менее культовые уродства не затормозили полностью общественного развития.

Крупные изменения произошли в индустриальном разви-

тии. Вот несколько цифр, которые, правда, скорее всего, преувеличены, но тем не менее характеризуют выполнение ленинского плана ГОЭЛРО в промышленности:

	1913 г. произ- ведено	1935 г. произ- ведено	Год, в кото- ром выпол- нен план ГОЭЛРО
Валовая продукция крупной промышленности (1913 = 1)	1	5,6	1929—1930
Производство электроэнергии (млрд кВт.ч.)	2,0	26,3	1931
Нефть (млн т)	10,3	25,2	1929—1930
Уголь (млн т)	29,2	109,6	1932
Железная руда (млн т)	9,2	26,8	1934
Чугун (млн т)	4,2	12,5	1934
Сталь (млн т)	4,3	12,6	1933
Бумага (тыс. т)	269,2	640,8	1936 ⁸⁵

Как видим, в промышленности был совершен крупный рывок от глубокой отсталости к индустриально развитому государству. Народ, переживший империалистическую и гражданскую войны, разруху, не мог не поражать огромным потенциалом энергии, творческого заряда, рожденного Октябрем. Разумеется, и здесь сказались и ошибки, и перегибы, связанные с утверждением культового вождизма. Но тем не менее в национальном, народном самосознании настойчиво пульсировала гордая мысль: "Мы многое можем! Даешь пятилетку в четыре года!" Словно подтверждая сталинские слова: "Жить стало лучше, жить стало веселее!" — к концу 30-х годов появились сотни новых заводов, фабрик, дорог, городов, дворцов культуры, домов отдыха, больниц, школ, лабораторий, преобразовавших панораму страны.

Неизмеримо хуже дело обстояло в сельском хозяйстве, где были допущены особо крупные ошибки в определении путей и методов кооперирования. Помноженные на преступные деяния при раскулачивании, они на многие десятилетия определили безрадостную картину в аграрном секторе. Если накануне коллективизации в стране было 25 миллионов мелких единоличных крестьянских хозяйств (35% бедняцких, 60% середняцких и 5% кулацких), то к середине 30-х годов свыше 90% крестьянских дворов вошли в состав коллектив-

ных хозяйств. Однако это не дало, как ожидалось, решающего прироста сельхозпродукции. Приведу еще одну таблицу:

В среднем за год	1909—1913	1933—1937	1938—1940
Зерно (млн т)	65,2	72,9	77,9
Мясо (в убойном весе млн т)	3,9	2,7	4,5
Шерсть (тыс. т)	180	83	146
Молоко (млн т)	24,1	22,2	27,6 ⁸⁶

Крупные стратегические просчеты, связанные с насилием как основным инструментом коллективизации, не только породили длительную социальную напряженность в обществе, но исторически "отомстили" хроническим отставанием в этой сфере деятельности. Сколько бы ни говорил Сталин в своих речах о крупных успехах в колхозном строительстве, о "решающих достижениях" здесь говорить не было оснований. Да, в колхозы пришла техника, специалисты, образование, культура, но разрушенные вековые структуры оказалось совсем не просто заменить новыми.

Более впечатляющими выглядят достижения в области народного образования.

	1913 г.	1928 г.	1941 г. (1 января)
Всего специалистов с высшим и средним специальным образованием (тыс. чел.)	190	521	2401
В том числе: с высшим образованием (тыс. чел.)	136	233	909
со средним специальным образованием (тыс. чел.)	54	288	1492 ⁸⁷

Всеобщая грамотность населения стала великим достижением народа. Печать, радио, кино активно влияли на миллионы людей, отдававших все силы построению социалистического общества.

Подавляющее большинство людей верили, что это только начало, что завтра, послезавтра откроются новые горизонты в улучшении их жизни, условий труда, социального обеспечения. После отмены карточек, нормирования продуктов питания в магазинах стало больше появляться не только промышленных,

но и продовольственных товаров. И хотя, по сегодняшним меркам, жилось трудно, тесно, без достатка, общая атмосфера в обществе была оптимистичной. Печать, радио настойчиво внушали, что все нынешние и особенно будущие успехи связаны прежде всего с "мудрым руководством вождя". Подрастающему поколению ежедневно с малых лет вдалбливалось: "Сталин думает о каждом", "если бы не Сталин, мы не были бы индустриальной державой, у нас не было бы крова над головой и гарантированного куска хлеба". Историю остановить нельзя, поэтому, несмотря на промахи, изъяны и преступления Сталина и его окружения, народ строил, творил, дерзал. Самое парадоксальное и драматическое заключается в том, что в дни, когда тысячи и тысячи невинных честных сынов и дочерей Отечества гибли в сталинской мясорубке, те, кого миновала эта горькая участь, изумляли страну, а часто и мир.

Почти в те же июньские дни 1937 года, когда М.Н. Тухачевский и группа других военачальников попали на скорый и неправый суд, "Правда" сообщала, что героический экипаж в составе В. Чкалова, Г. Байдукова и А. Белякова на отечественном самолете АНТ-25 совершил первый в мире беспосадочный перелет по маршруту Москва — Северный полюс — Северная Америка. Это был триумф советской техники, советских людей. В марте 1937 года "Правда" писала, что Алексей Стаханов установил новый трудовой рекорд. За 6 часов он вырубил на шахте "Центральная" им. Сталина 321 тонну угля. Это 23 нормы забойщика на этом участке! За одну смену Стаханов на 83 тонны перевыполнил суточное задание всего участка!⁸⁸ Но и этот рекорд обязательно увязывали с именем Сталина. В своей книге "Рассказ о моей жизни", вышедшей вскоре после установления рекорда, Стаханов пишет: "Когда я все припоминаю, все мысли собираю вместе, то мне хочется каждый раз сказать одно и то же: спасибо товарищу Сталину! Товарищ Сталин так поднял меня, рядового рабочего, что об этом я не мог и думать никогда. Я уже теперь привык к словам "стахановское движение", часто встречаю свое имя в газетах, слышу на собраниях. Первое время мне все это, откровенно говоря, непонятно было. Да и теперь я считаю, что наше движение справедливо звать сталинским, потому что рабочий класс, двинувшийся в сталинский поход за овладение техникой, родил мой рекорд и рекорды моих товарищей. Именно товарищ Сталин сделал наше движение широким"⁸⁹.

Папанин, Чкалов, Бусыгин, Виноградовы, Кривонос, Дюканов, многие другие пионеры своего дела, патриоты, новаторы.

энтузиасты пропагандировались не "сами по себе", а непременно через призму "руководства", "участия", "заботы" Сталина о каждом из них, о каждом человеке. Реальные успехи, рекорды, изобретения, достижения, увязываясь в контексте с ролью Сталина, создавали "вождю" устойчивую популярность. Часто это выражалось в самых необычных формах. Я уже говорил, что после публикации ряда статей о Сталине я получил тысячи писем. Одно из них — от члена партии С.Е. Плоста. Он пишет, что его отец, будущий крупный политработник Красной Армии, после рождения сына по единодушной просьбе друзей — слушателей Военно-политической академии им. В.И. Ленина назвал его Сталием. Сталий Ефимович пишет мне, что дальнейшая судьба его отца сложилась трагически: 15 мая 1937 года он был арестован как "враг народа", а 4 ноября, накануне 20-й годовщины Великого Октября, расстрелян. Мальчик остался жив, но он, взрослый уже человек, всю жизнь носит имя, связанное с фамилией деспота, погубившего его отца... Каждая трагедия имеет свою окраску, свое лицо.

Даже кампании по разоблачению и уничтожению "врагов" увязывались с авторитетом и популярностью Сталина. Непрерывно в печати муссировалась мысль, что "троцкистско-зиновьевские вредители" имели целью осуществить террористические акты в отношении руководителей партии и государства и, прежде всего, "хотели убить товарища Сталина". И вместе с тем "товарищ Сталин, постоянно подвергаясь опасности, проявляет внимание к каждому человеку, имевшему ошибки, если он хочет стать на путь исправления". На февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года Молотов привел пример "бережного отношения товарища Сталина к кадрам", зачитав одно из писем "вождя".

"Пермь, секретарю горкома тов. Голышеву.

До ЦК дошли сведения о преследованиях и травле директора моторного завода Побережского и его основных работников из-за прошлых грешков по части троцкизма. Ввиду того, что как Побережский, так и его работники работают ныне добросовестно и пользуются полным доверием у ЦК ВКП(б), просим вас оградить товарища Побережского и его работников от травли и создать вокруг них атмосферу полного доверия.

О принятых мерах сообщите незамедлительно в ЦК ВКП(б).

26 дек. 1936 г.

Секретарь ЦК Сталин^{***}.

"Вот как надо относиться к товарищам из бывших троцки-

стов, которые теперь честно работают на своем посту", — заключил Молотов. Даже в самый разгар репрессий Сталин с помощью своего окружения стремился создать себе репутацию человека, в высшей степени справедливого и внимательного. Все это делалось для закрепления широкой популярности лидера в народе. Надо признать, что страна, еще не остывшая от революционных бурь, активно воспринимала и впитывала в себя призывы к усилению бдительности, необходимости ужесточения борьбы с "врагами народа", живо реагировала на факты "разоблачений", не замечая в них ни мистификаций, ни фальсификаций.

Сталин заботился даже о мелочах, если они были связаны с его "явлением народу". Его манера просто одеваться, просто говорить весьма импонировала людям. Фейхтвангер отмсчал, что "Сталин определенно не является великим оратором. Он говорит медленно, без всякого блеска, слегка глуховатым голосом, затруднительно. Он медленно развивает свои аргументы, апеллирующие к здравому смыслу людей, постигающих не быстро, но основательно... Когда Сталин говорит со своей лукавой приятной усмешкой, со своим характерным жестом указательного пальца, он не создает, как другие ораторы, разрыва между собой и аудиторией..."⁹¹. Он тщательно готовился к своим редким выступлениям. Товстухе, а затем Поскребышеву поручалось к каждому выступлению подобрать дюжину интересных цитат из произведений основоположников научного социализма, художественной литературы, фольклора. Как сообщал Антонов, работник секретариата Ворошилова, "референты-докладчики Сталина помогают ему подбором цифрового материала по соответствующим вопросам. Часто эти данные заказывают в соответствующих наркоматах. Из этих цифр тов. Сталин выбирает себе пужные. Никакого текста референты не дают"⁹². В ходе выступления Сталин иногда их использовал. При этом он придерживался всегда определенной литургической тональности, усвоенной им еще в духовной семинарии. Он любил категоричную структуру своих речей: вопрос — ответ, вопрос — объяснение. Часто прибегал к рефрену, умышленным повторам, обладающим, по его мнению, гипнотическим действием. И надо сказать, эта неброская, но продуманная манера производила большое впечатление на участников различных совещаний и встреч. Самое главное, она убеждала в его мудрости. А ведь давно замечено, что ничто так не способствует популярности, как уверенность людей в достоинстве ума их руководителя.

Ни одна фотография Сталина не могла быть опубликована без предварительного одобрения самого "вождя" или позднее — Поскребышева. Сталин любил каноническое изображение своей личности: фотографии в солдатской шинели — воплощение "пролетарской строгости", держащий на коленях или за руку ребенка — "отец своего народа", в форме генералиссимуса — "великий полководец, победитель". Может быть, поэтому бесчисленные скульптуры, портреты, фотографии Сталина удручающе однообразны и невыразительны. Работая над книгой, я смог найти большое количество его фотографий. Но наиболее впечатляющи те, которые сделаны случайно, без позирования. Самые интересные в этом смысле фотографии Н.С. Власика и Н.С. Аллилуевой, но качество их таково, что они, к сожалению, едва ли могут быть воспроизведены в книге.

Сталин, заботясь об упрочении своего единовластия, исподволь способствовал формированию в стране целой иерархии руководителей, которые стояли на более низких ступенях власти. Можно было уже в начале, допустим, 30-х годов взять подшивку центральной газеты и обнаружить неофициальную табель о рангах. Конечно, на вершине пирамиды — "лучший ученик Ленина". В отчетах пишут, что зал стоя приветствует вождя. Аплодисменты переходят в овации. Непременно здравницы, "ура". Единодержку долго не дают говорить. Восторг неподдельный. Состояние экзальтации. Настоящее идолопоклонение. Нет предела превосходным степеням, славящим эпитетам.

А вот как пишет газета о Молотове, Кагановиче, Ворошилове: "В президиуме появился славный соратник Сталина". Бурные, продолжительные аплодисменты. Могут даже назвать по имени-отчеству. Здесь же неперенные эпитеты: "стойкий большевик-ленинец", "сталинский нарком", "руководитель сталинской школы"...

Дальше, когда речь идет о руководителях пониже (наркомы, секретари обкомов, руководители крупных ведомств), эпитеты уже более "взвешенные": "верные большевики"; "отличные чекисты"; "самоотверженные руководители"... Но хотя эти люди стояли значительно ниже на иерархической лестнице, они возглавляли целые республики, области, наркоматы и до 1934 года часто именовались "вождями" (регионального масштаба).

Те же, кто находится еще ниже, ведут работу по претворению "гениальных" планов индустриализации, коллективизации, организуют подписки на воздушные флотилии, проводят

митинги и шествия, участвуют в раскулачивании и заполняют доски почета. Многим из них в конце десятилетия сильно повезет, если останутся живыми, тогда они наверняка поднимутся на следующую ступень. Вакансий будет много. Во времена сталинского единовластия табель о рангах составляла одну из важнейших основ цезаризма. Чем меньше народовластия, тем больше начальников.

Сталин понимал, что в народе, особенно среди крестьянства, еще не были изжиты подспудные "царистские" традиции. Века забитости и темноты не могли не оставить глубоких следов, какой-то иррациональной веры во всемогущество любого правителя, особенно находящегося в столице. Среди крестьян культовые настроения были связаны не только непосредственно со Сталиным, но и с властью вообще.

Сталину часто писали простые люди. Ответы готовились в его большом секретариате, поручавшем местным органам помочь в просьбах заявителей. Иногда Сталин собственноручно отвечал на некоторые письма. В архиве генсека удалось обнаружить десятки фотокопий этих ответов. Вот один из примеров:

"Ленинград. Семье Климкиных.

Дорогие товарищи!

Из-за перегруженности опоздал с ответом, за что прошу извинения. Выражаемое Вами пожелание уже выполнено мною. Направлены облигации: на 100 рублей в распоряжение ЦК МОПРа* и на 300 рублей — в распоряжение колхоза "Пламя Революции" в Хоперском округе — одного из застрельщиков массовой коллективизации деревни.

Высылаю детишкам карточку, как они этого просили.

Привет!

7.04.30 г.

*И. Сталин*¹⁹³.

Позднее каждое такое письмо становилось предметом широкой пропагандистской кампании в районе, области, крае как пример "простоты и заботы вождя о народе".

Удалось установить, что Сталин немало внимания уделял не только, как бы теперь сказали, проблемам управления, но и непосредственно "технике единовластия". Он внимательно проштудировал работы В. Воровского "О природе абсолютизма", М. Александрова "Государство, бюрократия и абсолютизм в

* МОПР — Международная организация помощи борцам революции.

истории России", Ю. Казьмина "Судьба властелина" и другие аналогичные труды. Можно сделать вывод, что тяга к исторической литературе у Сталина не была бескорыстной, простым читательским интересом. Он искал аналогии, "реценгты", изучал "техпологию" власти, ее психологические нюансы. Так, например, Сталин усвоил, что большое воздействие на сознание и чувства людей производят его речи на различных торжествах, крупных совещаниях в Кремле. В течение 1935 года Сталин выступил в Кремле на совещании железнодорожников (30 июля), колхозниц — ударниц свекловичных полей (10 ноября), на совещании передовых комбайнеров (1 декабря), на приеме передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана (4 декабря), трактористов (20 декабря) и т.д. Каждое подобное совещание широко освещалось в печати, отражалось в кинохронике. По мере роста популярности Сталин, однако, пришел к выводу, что выступать, "являться народу" нужно реже; в этом случае в той же пропорции растет значимость его общения с людьми. Сталин почувствовал, что "затворничество", "скрытность" дают большие возможности для распространения официальных легенд, мифов, сусальных штампов о "вожде".

Страна, где веками народом правил самодержец, не может легко и просто "стряхнуть" психологические напластования одними заклинаниями. Нужно время. Поэтому для поддержания и роста своей популярности Сталин делал особый акцент на формирование "веры в вождя", "веры в его заботу о людях", "веры в его справедливость". Все те ошибки, просчеты и преступления, которые совершал Сталин, он всегда объяснял "вредительством", "головотяпством", "тупостью" чиновников, местных руководителей, которые или не поняли, или исказили его указания. Эта линия срабатывала безотказно. Ведь даже сейчас есть люди, которые считают, что трагедия Сталина в том, что он "доверился" Ежову, а затем Берии, что Сталин "многого не знал", что размах репрессий был ему "неизвестен". Все это отголоски той утонченной идеологической кампании, которую Сталин вел многие годы. Ее суть внешне бесхитростна: все победы, успехи народа достигнуты благодаря Сталину; все перегибы, злоупотребления, поражения стали возможными в результате неисполнения его воли.

Причины популярности Сталина в народе кроются и в высокой политической культуре широких масс. Я об этом уже говорил, но хочу вернуться к этой мысли вот с какой стороны. Ленин в одной из своих последних статей "О нашей револю-

ции" писал, что для строительства социализма требуется определенный уровень культуры и нужно создавать предпосылки этого уровня⁹⁴. В данном случае мне хотелось бы подчеркнуть тот аспект этой культуры, который выражает взаимоотношение народа и власти. Сталин, как только почувствовал (а впервые он имел основания для этого в 1927 г. и окончательно после XVII съезда партии в 1934 г.), что может стать "долгосрочным" вождем, тут же начал более всего заботиться о том, чтобы сделать этот символ привлекательным для людей. В ход пошли фильмы, книги, исследования о сильной личности, диктаторах, "прогрессивных" царях. Наряду с подлинно революционным искусством исподволь насаждались произведения, фактически абсолютизирующие роль отдельной личности. Сталин лично консультировал С. Эйзенштейна и Н. Черкасова, каким должен быть образ Ивана Грозного в одноименном кинофильме.

Нужно сказать, что популярности Сталина особенно активно способствовало окружение "вождя". Говоря словами Саллюстия, эти люди славословием "домогались благосклонности". Сталин был подозрителен, в каждом неосторожном жесте, слове, мысли он видел "знак", смысл, намерение. Есть доказательства, что рутинные, бессодержательные, апологетические статьи в честь его 60-летия, 70-летия Сталин тем не менее внимательно анализировал. Он просматривал наедине кипы журналов, книг, в которых писали о нем. Его тщеславие было ненасытным. Но он умел его скрывать на людях, поддерживая легенду о своей "исключительной скромности". Правда, несмотря на различные заголовки, эти статьи были очень похожи друг на друга. Например, Молотову подготовили статью "Сталин, как продолжатель дела Ленина", а Микояну — "Сталин это Ленин сегодня". Окружение знало об этой особенности "вождя" и соревновалось между собой в поиске эпитетов, возвышенных сравнений, исторических аналогий, которые бы, по мнению авторов, могли еще больше прославить "великого вождя". Сплошь и рядом "хвалителям" изменяло не только чувство меры, но и здравый смысл. В 1939 году, когда еще не были подведены кровавые итоги искоренения "врагов народа", помощники Сталина Поскребышев и Двинский писали о нем как о человеке, которому присущи "величайшая человечность и гуманность". В их статье "Учитель и друг человечества" есть такие слова: "Сталин вошел в революцию с образом Ленина в уме и сердце. О Ленине он думает всегда, и даже тогда, когда мысли его погружены в проблемы, подлежащие разрешению,

рука его машинально, автоматически чертит на листке бумаги: "Ленин... учитель... друг..." Как часто после рабочего дня уносили мы с его стола исчерченные этими словами вдоль и поперек листочки⁹⁵.

Подобная сусальность должна была, по мысли авторов, воздействовать не столько на ум, сколько на чувства людей. О том, что это придуманная сусальность, я могу судить по такому факту. В архиве (фонде И.В. Сталина) хранятся самые различные бумаги, документы — от исторического значения до малозначащих записок. Сохранились там доклады, с которыми Сталин выступал на съездах партии, и одновременно записки вроде: "т.т. Андрееву, Молотову, Ворошилову: Пора кончать. Закругляйте выступления. К четырем надо закончить пленум. *И. Ст.*". Так вот, в архиве есть и бумажки, на которых Сталин машинально, автоматически чертил совсем не то, о чем писали Поскребышев и Двинский. Вот на одном из заседаний Политбюро в руках у Сталина оказалась брошюра "О правой опасности в нашей партии". Сталин рассеянно слушал выступления и все время отвлеченно водил карандашом по обложке. Я переписал следующие слова:

"Сталин. Признавать. Учитель. О правой опасности. О правой опасности в нашей партии. Мухалатка. Частное совещание. Токио. Учитель. Сокольников. Рабочее издательство "Прибой". Огонь. Дискуссия. Молотов"⁹⁶.

По машинальным записям, сделанным в конце 20-х годов, можно сделать лишь один определенный вывод: Сталин жил борьбой. Утверждения Поскребышева и Двинского о том, что Ленин был у Сталина "в уме и сердце", механическими записями (увы!) не подтверждаются. Хотя я мог бы привести подобной тарбарщины немало.

Популярность Сталина стала вместе с тем и уродливой формой социальной самозащиты. Человек, не желающий навлечь на себя подозрения, в своих публичных выступлениях, разговорах не мог допустить "промашки" в отношении лидера. Любое, даже косвенное "очернительство" роли "вождя" кончалось трагически для неосторожного человека. Как мне рассказывал социолог А. Федоров, в конце 40-х годов в одной МТС на Витебщине произошел такой случай. После побелки помещения конторы собирались вновь развесить портреты на стенах. Молодой тракторист, зашедший с улицы, нечаянно уронил портрет Сталина, прислоненный к стене, и, пытаясь удержаться на ногах, наступил на лицо "вождя". В комнате было несколько человек. Наступило тягостное молчание. Затем мастер сделал

трактористу резкое замечание. Как уж там развивались события дальше, я не знаю, но через три дня, сказал Федоров, парня забрали, и вернулся он лишь после XX съезда партии. Одна из машинисток в редакции районной газеты допустила ошибку в словосочетании "сталинский взор", вставив букву "д" ("вздор"). Больше ошибаться ей не пришлось. Она тут же исчезла.

Поэтому где-то в невидимом слое популярности, если посмотреть на нее в разрезе существовавших отношений между людьми, постоянно присутствовал страх. Не все и не всегда это осознавали, но люди, знавшие о репрессиях, те, у кого пострадали родные и знакомые, "славили" Сталина, держа в сознании известные им факты. Поэтому популярность "вождя" держалась не только на определенных достижениях, которых добился народ, усилиях пропаганды и манипуляции общественным сознанием в угоду "величайшего из вождей", но и на понимании (не всегда ясно осознанном) возможности реальной кары за выражение каких-либо замечаний или даже сомнений в его адрес. Не случайно поэтому самый расцвет популярности "вождя" совпал с расцветом доноительства, как неизбежным следствием политики насаждения всеобщей подозрительности и шпиономании.

Естественно, было бы неправильно считать, что абсолютно все граждане нашей страны фанатично любили "вождя" и что у всех он пользовался безусловной популярностью. Нельзя забывать, что в партии была большая прослойка коммунистов с до-революционным стажем, которую часто называли "ленинской гвардией". Эти люди не по "Краткому курсу", отредактированному Сталиным, знали историю партии и реальный вклад всех руководителей партии в Октябрьскую революцию. Старые коммунисты, по крайней мере большая их часть, узнали о Сталине значительно позже, поскольку в Октябрьские дни, да и в годы гражданской войны будущий генсек, как мы помним, находился на вторых-третьих ролях. Именно поэтому Сталин с особенным "пристрастием" относился к старым коммунистам. Он понимал, что эти люди, даже не выступая открыто против него, потенциально оценивают Сталина иначе, не так, как бы хотелось ему. А посему люди с революционным прошлым были ему не нужны. Результат известен: "старая гвардия" понесла наиболее тяжелый урон.

Сталин видел, что, несмотря на движение вперед, многое не получалось. Буксовало сельское хозяйство, хотя 1936 год, предшествовавший году, меченному как эпицентр трагедии, был

урожайным. Страна по-прежнему переживала серьезные экономические и социальные трудности. После революции прошло столько лет, а он все еще призывал к ограничениям во имя будущего, хотя "жить стало лучше, жить стало веселее". Крупных результатов в улучшении жизни людей было не так уж много. Если он, Сталин, скажет, что в этих трудностях повинны вредители, разве народ не поверит? Тем более, все эти бывшие оппозиционеры — люди с подмоченной репутацией. Кто не видит, что факты вредительства налицо в народном хозяйстве, в аппарате? Разве за рубежом не пытаются использовать бывших оппозиционеров? Вон, например, белоэмигрантская газета "Русское слово" прямо говорит, что у Сталина есть оппозиция не только в партии, но и в армии...

Ход его мыслей, а часто и прямые рассуждения сразу же улавливали Молотов, Каганович, Ежов, быстро выдвигающийся Маленков... Сталин не был Цезарем и не носил одеяний триумфатора, красных сапог, как альбанские цари. Его почести, казалось, не достигли, как у Юлия Цезаря, "человеческого предела". И прежде всего потому, что Сталин нередко ежился в своей солдатской шинели, как бы ощущая невидимые взоры своих потенциальных недоброжелателей. Только их полное устранение безоговорочно укрепит его положение. Нужна была крупная акция. Массированный удар по притаившимся недоброжелателям, скрытым врагам и оппозиционерам оправдает, по мысли Сталина, многие провалы и просчеты в его хозяйственной политике, ликвидирует его потенциальных врагов. После войны Молотов добавил: Сталин, уничтожая врагов, смотрел далеко — он уничтожил тех, кто в войне с фашизмом мог стать на сторону Гитлера.

Сталину казалось, что он дождался своего часа. Отныне, даже в потенции, даже мысленно, никто не сможет посягнуть на его цезаристское единовластие. Трагедия приближалась. Решение зрело и окончательно оформилось, когда он был вдали от Москвы, в Сочи, где мог спокойно обдумать пути дальнейшего упрочения своего единовластия. Прочитав немало книг о деспотах, Сталин тем не менее многого не знал. Если бы он взял томик Гая Светония, описавшего деспотизм Тиберия, то мог бы вычитать такие строки: "Угодливость была ему так противна, что он не подпускал к своим носилкам никого из сенаторов ни для приветствия, ни по делам. Когда один консулер, прося у него прощения, хотел броситься к его ногам, он так от него отшатнулся, что упал навзничь. Даже когда в разговоре или в пространной речи он слышал лесть, то немедленно обрывал го-

ворящего, бранил и тут же поправлял. Когда кто-то обратился к нему — "государь", он тотчас объявил, чтобы более так его не оскорбляли. Кто-то другой назвал его дела "священными" и говорил, что обращается к сенату по его воле; он поправил его и заставил сказать вместо "по его воле" — "по его совету" и вместо "священные" — "важные"¹⁰⁷. Как же далеко вперед ушел Сталин от Тиберия! Но, впрочем, оценить этого "вождь" не мог, ибо Светонием свой ум не засорил...

25 сентября 1936 года они с Ждановым (который на XVII съезде партии стал секретарем ЦК и быстро вошел в доверие к Сталину) направили из Сочи на имя Молотова, Кагановича и других членов Политбюро телеграмму:

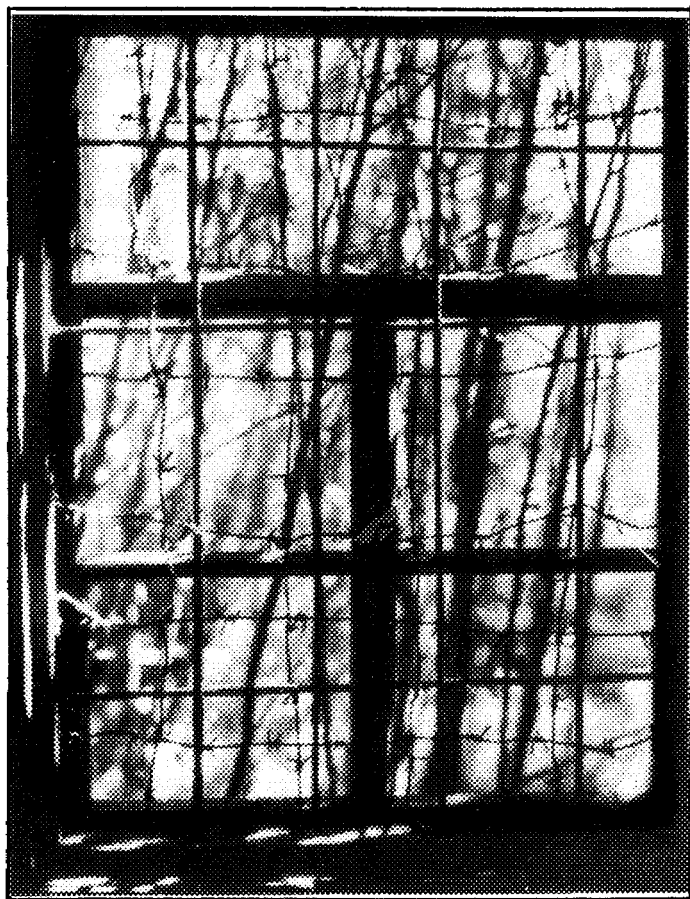
"Мы считаем абсолютно необходимым и спешным, чтобы тов. Ежов был назначен на пост народного комиссара внутренних дел. Ягода определенно показал себя явно неспособным разоблачить троцкистско-зиновьевский блок. ОГПУ отстает на четыре года в этом деле. Это замечено всеми партийными работниками и большинством представителей НКВД".

Сигнал был дан. Чудовищный, страшный сигнал. Едва ли кто мог предположить, как много будет обнаружено после него в нашем Отечестве "шпионов", "вредителей", "диверсантов", "террористов", просто "двурушников". Можно даже подумать, что не они жили среди нас, а мы — среди них! А мы поем: "...я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!" Сталина недавний процесс над Зиновьевым и Каменевым ободрил: народ горячо поддержал государственное обвинение. Еще не состоялся суд, не известны обстоятельства дела, а печать, радио дружно скандируют: "Уничтожить гадов!", "Смерть врагам!", "Никакой пощады двурушникам!". Сталин почувствовал, что он добился многого: отобрал истину у народа, превратил его в толпу, за которую теперь будет думать только он сам. Возможно, это преступление Сталина, а у него их длинный ряд, одно из тягчайших.

Помните, "вождь" еще в 1933 году предсказывал, что "контрреволюционные элементы" могут "зашевелиться". Так и произошло! Речь шла уже не просто об унижении народа культовым уродством, а о чем-то большем и страшном. Трагедия надвигалась. Рана будет чудовишно страшной. Вот уже сколько лет она никак не может полностью зарубцеваться...

глава 6

Эпицентр трагедии

Все понять — отнюдь не значит все простить.

Э. Кестнер

Наступал новый, 1937 год. В Москве, других городах, тысячах сел и деревень огромной страны шла обычная в новогодние праздники суматоха: в клубах и тесных квартирах украшались елки, ребята клеили самодельные гирлянды, шли последние приготовления в кружках художественной самодеятельности, которые тогда были на каждом предприятии, в колхозе, школе. Мужчины запасались одной-двумя бутылками "Московской"; в магазинах крупных городов можно было купить и хорошее вино, "для женщин". В последние год-два выбор гастрономии на прилавках и в витринах продовольственных магазинов не мог не радовать покупателей. В новогоднем номере "Правды" 1937 года, например, была напечатана небольшая заметка "Праздничные покупки", в которой сообщалось: "Разнообразные вина — от советского шампанского до муската, сотни сортов колбасных и рыбных изделий, торты, пирожные, фрукты — все это в большом количестве покупали вчера в магазинах москвичи. Тысячи агентов "Гастронома", "Бакалей" и других продовольственных магазинов были заняты доставкой на дом покупателям различных продуктов к новому праздничному столу..."

В наркоматах, крайкомах, обкомах, райкомах завершали "подбивку" итогов года: нужно было рапортовать. А сказать народу было о чем: в минувшем году введен в строй Харьковский станкостроительный завод, торжественно открыт Камский целлюлозно-бумажный комбинат, начато строительство Соликамского магниевого завода, в Армении дала промышленный ток Конакарская ГЭС, завершён ввод Мурманского рыбного комбината, сотни других, больших и малых производственных объектов. Количественные показатели (но отнюдь не качественные) впечатляли. Было о чем докладывать Сталину. Даже образованный лишь в 1936 году Наркомат оборонной промышленности, не выполнивший план по многим показателям, направил "вождю" рапорт: "Оборонная промышленность будет лучшей в стране". Отчеты наркомов Кагановича,

Микояна, Любимова радовали Сталина: не только железнодорожный транспорт, но и легкая, местная промышленность, торговля, наконец, дали немалую прибавку. Пусть все знают, что Сталин слов на ветер не бросает. Ведь по его указанию было принято решение сделать 1936 год ударным: прирост производства средств производства предусматривался на 22%, а предметов потребления — на 23%. По его же указанию "Правда" поместила передовую "План подъема благосостояния народа", где указывалось, что слова "великого вождя" "жить стало лучше, жить стало веселее" никогда не расходятся с делом¹. Пусть еще раз все убедятся в справедливости этого лозунга.

Пульс страны бился ускоренно и мощно. Шли годы, а революционный энтузиазм, получивший заряд от октябрьского генератора, повторюсь еще раз, не иссякал. Жили еще бедно, одевались просто, скромно. Без конца объявлялись "ударные" декады, ставились производственные рекорды, печать пестрила именами ударников труда А. Стаханова, А. Бусыгина, Е. Виноградовой, М. Виноградовой, М. Дюканова, П. Кривоноса, М. Мазая, А. Гургенидзе, С. Хачатряна, О. Ходжаева, Н. Сметанина, многих, многих других. Социалистические будни были аскетическими и суровыми, но страна в целом — устремленной в будущее.

Считалось неприличным говорить об интересах конкретных людей — общее дело целиком поглощало каждого человека. Державные мотивы не позволяли в полный рост поднимать вопросы о всестороннем, гармоничном развитии личности. Социалистические ценности, в центре которых, по Ленину, — человек, всей системой сформировавшихся отношений ставились в решающую зависимость от воли и разума одного лица. Принадание к идеологическому алтарю "господствующей личности" стало обязательным. Вот передовая "Правды" за 1 января 1937 года "Нас ведет великий кормчий". Статья заканчивается красноречивым панегириком: "Советский корабль хорошо оснащен и хорошо вооружен. Ему не страшны штормы. Он идет по своему курсу. Его корпус сооружен гениальным строителем для борьбы с враждебной стихией в эпоху войн и пролетарских революций. Его ведет гениальный кормчий Сталин". Здесь же, на полосе, огромный портрет "вождя", возвышающийся над людским морем. Кто-то в этом "море" несет и небольшой портрет Ленина...

Газеты первых дней 1937 года передавали не только дыхание, иногда крайне напряженное, гудившегося народа. На их страницах — предупреждения о грозной опасности, нависшей

из-за кордона. Очередные корреспонденции М. Кольцова из Испании, подробности потопления фашистами советского парохода "Комсомол", постановление ЦИК СССР о присвоении звания Героя Советского Союза группе командиров РККА "За образцовое выполнение специальных и труднейших заданий Правительства". Все понимают — это "испанские" герои.

Здесь же предостерегающая статья Я. Рудзутака, которому осталось жить немногим больше года: "Посредством своих агентов — Троцкого и его банды — фашисты пытались расстроить путем вредительства наше хозяйство, их руками они хотели убить лучших людей нашей страны, мозг и сердце нашей страны. — товарища Сталина..."

В начале декабря 1936 года Чрезвычайный VIII съезд Советов принял новую Конституцию СССР, провозгласившую расширение основных демократических прав и свобод советских людей, включая свободу совести, слова, печати, собраний и митингов, неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки.

Это был триумф Сталина. В книге "О Конституции СССР", изданной Партиздатом ЦК ВКП(б) в 1937 году, есть такие слова: "Появление тов. Сталина встречается продолжительной, бурной овацией всего зала. Весь зал встает. Со всех сторон несутся крики: "Ура тов. Сталину!", "Да здравствует тов. Сталин!", "Да здравствует великий Сталин!", "Великому гению тов. Сталину, ура!", "Виват!", "Рот фронт!", "Тов. Сталину слава!"³

В докладе "О проекте Конституции Союза ССР", перечисляя по своему обыкновению "особенности", под номером пять Сталин назвал "последовательный и до конца выдержанный демократизм". В этом месте доклада он мог бы вспомнить, что всего несколько месяцев назад отправил на казнь своих бывших товарищей и соратников Ленина — Зиновьева и Каменева. Во время их последней встречи, по некоторым сведениям, Сталин, следуя принципам своей "демократии", заявил бывшим партийным вождям:

— Наши убеждения не позволяют проливать кровь старых партийцев, какие бы тяжкие грехи за ними ни числились... Процесс, в котором вы должны помочь государству и партии, направлен не против вас, а против Троцкого. Все это нужно Советской власти...⁴

Феноменальная злая память Сталина хорошо помнила не меньше дюжины писем Зиновьева с мольбами о пощаде. Он помнил, как Ягода 17 декабря 1934 года передал ему письмо

бывшего соратника, написанное им во время обыска и ареста. Там были такие слова:

"Ни в чем, ни в чем, ни в чем я не виноват перед партией, перед ЦК и перед Вами лично. Клянусь Вам всем, что только может быть свято для большевика, клянусь Вам памятью Ленина.

Я не могу себе и представить, что могло бы вызвать подозрение против меня. Умоляю Вас поверить этому честному слову. Потрясен до глубины души"⁵.

Ответом было указание Сталина ускорить суд, и ровно через месяц, 16 января 1935 года, его старый партийный товарищ получит 10 лет, а предварительно будет вынужден признать свои несуществующие преступления. Плюс к этому дать обязательство назвать "всех лиц, о которых помню и вспоминаю, как о бывших участниках антипартийной борьбы". Сталин никогда не останавливался на полдороге. Через год Зиновьев и Каменев предстали перед новым судом, чтобы до конца испить свою горькую чашу. Но Сталин помнил не приговор (он знал его заранее), а то унижение, с которым Зиновьев молил о пощаде. Сталин принадлежал к тому типу садистов, которым смерть жертвы не давала полного удовлетворения. Нужна была ее полная моральная капитуляция. Да, он помнил эти письма!

"...Я дохожу до того, — писал Зиновьев Сталину 14 апреля 1935 года, — что подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели же Вы не видите, что я не враг Вам больше, что я Ваш душой и телом, что я понял все, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение..."⁶

Сталин давно поставил себя выше любых законов, поправ тем самым даже ту хрупкую, слабую демократию, которая, возникнув после Октября, оказалась в тисках сталинского бюрократизма. А почти в это же время Прокурор СССР А.Я. Вышинский уже начал "шлифовать" огромную, многочасовую обвинительную речь на готовящемся втором открытом судебном процессе по делу "троцкистских заговорщиков", которую он с пафосом произнесет 28 января 1937 года.

Миллионы советских людей, искренне гордясь продолжающимся "затяжным рывком" к экономическому и оборонному могуществу страны, желая друг другу счастья в новогоднюю ночь, не могли и предполагать, каким кровавым будет год наступающий. Кто мог подумать, что год 20-летия Великой Октябрьской социалистической революции станет эпицентром

трагедии советского народа, верхом социального цинизма? Но именно этому уже были подчинены, казалось, необъяснимые замыслы "вождя", постыдная и преступная сущность единовластная "господствующей личности".

Как это ни парадоксально, но об этой трагедии советские люди узнают почти через два десятилетия. И то далеко не полностью. А пока им предстоит вместе со всеми возмущаться, негодовать и проклинать "фашистских выродков", "шпионов" и "террористов". Даже такие люди, как А. Фадеев, А. Толстой, П. Павленко, Н. Тихонов, Б. Ясенский, Л. Никулин, в статье "Шпионы и убийцы" предадут анафеме тех, кто поневоле стал действующими лицами в постыдном и преступном спектакле. А главный Режиссер этого "действия" в очередной раз обратит внимание народа: еще в январе 1933 года он говорил, что при определенных условиях "могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов". И вот, "зашевелились"!

На фоне успехов отдельные аварии, пожары, катастрофы — а они были — конечно же, выглядели как "вредительство". Разве он, Сталин, не говорил, что притаившиеся бывшие оппозиционеры, выходя из других партий только и ждут своего часа?! Чем больше наши успехи, тем сильнее их противодействие... Вот она — жестокая классовая борьба, натягивающая тетиву противоборства до предела!

К XVII съезду партии была выпущена книга под названием "Канал имени Сталина". Тридцать шесть советских писателей под руководством М. Горького, Л. Авербаха и С. Фирина написали панегирик первому в истории опыту перевоспитания "врагов народа в его друзей". Это, писали они, "отлично удавшийся опыт массового превращения бывших врагов пролетариата... советской общественности в квалифицированных представителей рабочего класса и даже в энтузиастов государственно-необходимого труда". Вот еще один пассаж: "...человеческое сырье обрабатывается неизмеримо труднее, чем дерево, камень, металл". "Герои" книги — "бывшие вредители" — инженеры, профессора, учителя, тысячи других интеллектуалов (а не только кулаков, воров и рецидивистов), "превращенные" в "соратников пролетариата". Преступление многих состояло лишь в том, что они думали иначе, чем Сталин, которому, как пишут авторы, присущи "отлично организованная воля, проницательный ум великого теоретика, смелость талантливого хо-

зияна, интуиция подлинного революционера, который тонко разбирается в сложности качеств людей и, воспитывая лучшие из этих качеств, беспощадно борется против тех, которые мешают первым развиться до предельной высоты...". А мешали Сталину не только какие-то "качества". Мешали люди. Много людей. Страшно много.

Все эти "недобитки" мешали ему (потенциально) окончательно утвердиться в роли единственного, безраздельного и всеми, именно всеми, любимого вождя. Разве забыл он, что Бухарин, Пятаков, Радек, Преображенский, многие другие были его товарищами по партии, по борьбе? Нет, конечно, не забыл. Но плохо то, что и они не забыли. Они знают, каким он был. Впрочем, во имя "высоких целей" это теперь не имеет никакого значения. Где-то он читал, кажется это фраза Медичи из анналов инквизиции: "Есть заповедь — прощать врагам нашим. Но нет заповеди, чтобы прощать нашим бывшим друзьям". Сталин мог усмехнуться наивности сентенции: он не прощал ни тех, ни других.

"Враги народа"

История знает много жестокостей и злодеяний. Пожалуй, нарицательным стало имя римского императора Нерона, сына Домиция Агенобарба и Агриппины-младшей. Император прославился невиданной жестокостью. Даже Сенека, философ и искусный актер, воспитывая Нерона, так и не смог привить императору добродетели. Властитель, проводя реформы, добываясь могущества государства, не остановился перед убийством сводного брата и матери, вынудил к самоубийству Сенеку. В конце концов правление Нерона уже было неотделимо от казней — апофеоза жестокости. Страшный пожар Рима повлек за собой казни невинных людей. Раскрыв заговор Пизона, император стал после этого выдумывать мнимые заговоры, чтобы истребить наиболее популярных сенаторов и опасных конкурентов. Поощрялись доносы... Склонность к злодеяниям как способу правления сочеталась у Нерона с любовью к поэзии и другим искусствам...

Нет, я не собираюсь проводить никаких прямых исторических аналогий, тем более столь небесспорных. Просто хотелось еще раз напомнить, что единовластие в любой бесконтрольной

форме чревата злоупотреблениями, вплоть до злодеяний. Во все времена и исторические эпохи. Эта истина верна не только для 54 — 68 годов нашей эры, когда правил Нерон.

Никакие справедливые цели и намерения не могут оправдать безнравственных средств, которые являются не только злом моральным по своему характеру, но и злом социальным по своим последствиям. Ведь "в нашем идеале, — и в это страстно верил Ленин, — нет места насилию над людьми"¹⁰. А именно к нему широко прибег Сталин в печальном, трагически вошедшем в нашу историю 1937 году. Это был эпицентр трагедии не столько в силу масштабов репрессий (в 1929 — 1933 гг., видимо, пострадало людей больше), а прежде всего в результате невиданного политического цинизма, который не мог своевременно разглядеть великий народ.

Кто ввел в обиход страшный термин "враг народа"? Откуда он появился? Конечно, дело не в понятии, а в попытке найти какие-то исторические, политические, логические обоснования, которые использовал Сталин для широкого применения социального насилия. Я уже упоминал в начале книги, что Сталин впервые познакомился с историей Великой французской революции в Туруханске. На него произвела большое впечатление решительность Робеспьера и Кутона, добившихся в критическую минуту принятия Закона об упрощении судебного процесса над "врагами революции". Ему импонировала формула Робеспьера: "...кто ходит в шитых золотом штанах, тот враг всех санкюлотов". Кто не с революцией — тот ее враг, по-своему читал Робеспьера Сталин. Еще тогда он отметил интересное, по его мнению, место из речи Робеспьера в Конвенте 10 июня 1794 года: "Когда свобода добывается, по-видимому, блестящего триумфа, враги отечества составляют еще более дерзкие заговоры".

Сталин в истории искал не только аналогии, но и аргументы для своего оправдания в будущем. Ему очень импонировала мысль Робеспьера, высказанная им 5 февраля 1794 года в Конвенте: врагами народа следует управлять с помощью террора... Ведь это по настоянию Робеспьера, в ответ на убийство Марата, Шалье, Лепелетье де Сен Фаржо и других якобинцев, Конвент декретировал: "Поставить террор в порядок дня". Революционный трибунал, созданный Конвентом за полтора месяца до начала термидора, вынес 1563 приговора, и из них лишь 278 оправдательных, остальные смертные!¹¹ Робеспьер не остановился перед тем, чтобы отправить на эшафот и таких деятелей, как Дантон, Демулен, Филиппо...

Сталин, однако, не хотел замечать, что Робеспьер так же ценил жизнь тех, кого посылал на казнь, как и свою. Советский диктатор всегда смертельно боялся покушений. Поэтому в основе обвинений множества несчастных была пресловутая статья 58^b — "совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти". Листая тома уголовных дел, видишь (если верить судопроизводству того времени), что тысячи и тысячи советских граждан только и думали, как устранить "вождя" и все его окружение! Сталин не хотел повторять ошибок Великой французской революции. Его террор будет беспощадным!

Хотя термин "враг народа" был в обиходе и раньше, после 1934 года Сталин наполнил его "конкретным содержанием". Еще в "Закрытом письме", которое ЦК партии направил в республиканские и областные парторганизации 29 июля 1936 года и к которому Сталин непосредственно "приложил руку", подчеркивалось, что враг народа обычно выглядит "ручным и безобидным", что он делает все для того, чтобы "потихоньку вползти в социализм", что это люди, не принявшие социализма, и чем безнадежнее будет их положение, тем охотнее "они будут хвататься за крайнее средство..."¹².

Как мне рассказывал А.А. Епишев, работавший в 1951 — 1953 годах заместителем министра государственной безопасности, Берия любил на совещаниях подчеркивать мысль, авторство которой он приписывал Сталину: "Враг народа не только тот, кто вредит, но и тот, кто сомневается в правильности линии партии. А таких среди нас еще много, и мы должны их ликвидировать..." Епишев, скупой на рассказы о себе, делился в редкие минуты откровений:

— Удалось с трудом вырваться из бериевского вертепа. После неоднократных просьб отпустить меня вновь на партийную работу Берия злоеще бросил:

— Не хочешь со мной работать? Ну что же — как хочешь...

— Через несколько дней меня направили в Одессу, — продолжал собеседник, — вновь избрали первым секретарем обкома, а вскоре ко мне зашел начальник областного управления МВД и предложил с завтрашнего дня оставаться дома. Я знал, что это значит: со дня на день будет арест... А тех, кто работал рядом с ним и в чем-нибудь сомневался, Берия считал не "простыми" врагами народа. Меня чудом спас счастливый случай: Берия в эти самые дни арестовали... "Враг народа" была универсальная форма отбора тех, кто не подходил под сталинский ранжир...

Думаю, это образное выражение Епишева довольно верно схватывает существо вопроса. Ну а не подходили под "сталинский ранжир" многие. Большинство же просто обвинялись в том, что они не подходят. Таким образом, сталинская концепция "врагов народа", внешне заимствованная "вождем" у руководителей Великой французской революции, ничего общего с их пониманием не имеет. Робеспьер, установивший революционно-демократическую диктатуру, видел врагов в обладателях "несправедливо приобретенного богатства и тиранической аристократии". Сталин, подчеркнув еще раз, — во всех тех, кто даже потенциально мог не разделять его взглядов. Даже инакодумство, само подозрение в нем считалось враждебным деянием. Никто не выступал против единовластия Сталина, но он чувствовал, что в душе многие, особенно из ленинской "старой гвардии", не одобряют его, Сталина, социализм. Этого было достаточно, чтобы беспредельно подозрительный и жестокий диктатор постепенно созрел для страшного решения.

Сталин с помощью идеологического аппарата исподволь нагнетал в стране атмосферу подозрительности, настраивая на ожидание предстоящей кровавой чистки.

Подавляющее большинство советских людей безоговорочно поверили, что идет борьба не на жизнь, а на смерть с людьми, которые не оставили надежд реставрировать капитализм в нашей стране. Передовицы газет уже в январе 1937 года пестрели заголовками "Шпионы и убийцы", "Торговцы Родиной", "Троцкист — вредитель — диверсант — шпион", "Подлейшие из подлых", "Троцкистская шайка реставраторов капитализма"... Непрекращающийся "массаж" общественного сознания давал свои плоды: люди негодовали, узнав о подлости тех, кто так долго "маскировался".

Как это могло произойти? Почему Сталину и его окружению удалось убедить партию, народ в том, что они живут среди врагов? Как обосновывалось настоящее безумие шпиономании и вредительства? В значительной мере на эти вопросы отвечает февральско-мартовский Пленум ЦК партии 1937 года.

На Пленуме, который продолжался около двух недель, было заслушано немало докладов. Начал секретарь ЦК А.А. Жданов, доложивший о подготовке парторганизаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и перестройке партийно-политической работы. Жданов, который уже стал пользоваться особой благосклонностью "вождя", в своем докладе высказал ряд как будто верных мыс-

лей. В частности, он подчеркнул, что "новая избирательная система означает гораздо более пирокую гласность в деятельности советских организаций". Он вполне справедливо поставил вопрос о состоянии внутрипартийной демократии как важнейшем условии правящего здоровья ВКП(б). Но тут же привел цитату Сталина о том, что, хотя "нам бьет в глаза культурная работа диктатуры", органы подавления сегодня так же нужны, как и в период гражданской войны. Мы не можем не учитывать, продолжал докладчик, что, "пока наши люди дремлют и раскачиваются, враги уже действуют...". А в партии обстановка, по словам Жданова, неспроста. Ряды партии редет; в пей оказалось немало врагов. Далее он заявил: "Вредная практика кооптации укоренилась и зашла далско. Практика кооптации нарушает законное право членов партии принимать участие в выборах своих руководящих органов".

Затем секретарь ЦК привел любопытные данные. В бюро райкомов и горкомов кооптировано до 59% членов и кандидатов в члены бюро. В Киеве, например, заявил Жданов, 19 октября 1934 года в горком кооптировали сразу 14 человек, в том числе Ашрафьяна, Дзениса, Сенченко, Тодера и других, оказавшихся врагами народа. В Харьковском горкоме из 158 членов и 34 кандидатов, избранных на IV городской партийной конференции, осталось только 59, а кооптировано 61. А бюро горкома, за исключением одного, состоит целиком из кооптированных. В Ленинском районе Харькова 4 апреля 1936 года ставился вопрос об "исключении целой пачки людей", говорил Жданов. Пригласили и актив. Зачем? А затем, что на пленуме райкома присутствовали 10 членов, а надо было вывести 12 человек! Так 10 человек сожрали 12 человек! (Смех среди участников Пленума.) Жданов еще долго приводил подобные примеры¹³.

То были не просто симптомы партийной антидемократии. В партии создавалась атмосфера законности беззакония, дозволенности широкого использования силовых методов. Сталиным и его окружением уже был создан моральный климат, в котором стал возможным переход от административных методов решения проблем к методам прямого насилия над потенциальными противниками.

К началу Пленума "господствующая личность" уже провела "разведку боем". Я имею в виду расправу над Зиновьевым и Каменевым, другими большевиками. Народ поддержал. Сталину мешали эти деятели, низведенные до мелких служащих, но много знавшие о нем. Например, о тех совещаниях, которые

проводил Сталин у себя в кабинете, настраивая Зиновьева и Каменева против Троцкого; о его многочисленных интригах, подделывании старых партийных документов (Сталин организовал, например, "записку" Вл. Сорина и Е. Стасовой о необходимости внесения изменений в протоколы заседания ЦК от 23 февраля 1918 г. о Брестском мире)¹⁴; о загадочной истории болезни и смерти М.В. Фрунзе и других сомнительных страницах былого, которые "вождь" никогда не ворошил. Зиновьев и Каменев уже сидели. Но он жаждал отправить их в небытие.

15 августа 1936 года Зиновьев и Каменев по личному распоряжению Сталина вновь были преданы суду. Еще не начались заседания, не оглашено обвинительное заключение, а газеты и радио дружно требуют: "Смерть гадам!", "Нет пощады врагам!", "Врагов народа — на свалку истории!". Сталинская месть не знала компромиссов: его бывшие коллеги по Политбюро были приговорены к смертной казни и расстреляны. Их последняя мольба — письма с просьбой о помиловании к Сталину — осталась без ответа. "Вождь" надеялся, что вместе с Каменевым умрет и сделанное им на XIV съезде партии заявление: "...я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба..."; что вместе с Зиновьевым умрет и его оценка Сталина как "кровавого осетина... не ведающего, что такое совесть...". У истории много тайн. Но надеяться на то, что они всегда будут нераскрытыми, не мог, не должен был даже Сталин. Да, оба были "оппозиционерами". Оба боролись за власть, за свое видение путей развития. Часто вилияли, были непоследовательными. Но врагами социализма, народа не были никогда. Сталин не любил ограничиваться одним "слоем" обезвреженных врагов. А посему у Зиновьева, Каменева, сотен тысяч других, кому он "отказал в доверии", были уничтожены или сосланы и семьи. Так, вслед за Л.Б. Каменевым погибли его жена, два сына (один не достигший совершеннолетнего возраста), брат с женой... Сталин вырубал не только деревья, но и поросль вокруг. В тридцать седьмом эта рубка превратилась в круглосуточный "лесоповал".

Доклады Молотова, Кагановича, Ежова на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года были посвящены, в сущности, одному вопросу — "Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов". В докладах отсутствовал какой-либо разумный анализ, реальное осмысление положения дел по той простой причине, что сам предмет обсуждения был миражем, видимостью. Было много крепких

слов, заклинаний. Одновременно докладывались и первые "результаты", которые сегодня просто ошеломляют.

Молотов, начав доклад, заявил, что делает его вместо Орджоникидзе. 18 февраля, за неделю до открытия Пленума, Серго застрелился. В правительственном сообщении говорилось, что он умер от паралича сердца. По свидетельству ряда лиц, знавших семью Орджоникидзе, Серго крайне болезненно относился к нагнетанию шпиономании и выискиванию врагов. У него было по этому поводу несколько крупных и резких разговоров со Сталиным. Но тот в ответ послал Серго доносы на него самого, поступавшие в НКВД, явно намекая, что "дыма без огня не бывает". Должно быть, Орджоникидзе понял, что "вождь" требует полного послушания, либо его ждет трагическая участь других. В довершение всего Сталин поручил Серго сделать доклад на Пленуме "О вредительстве в тяжелой промышленности". Орджоникидзе предстояло своими руками отдать на закание многих командиров производства, принять непосредственное участие в произволе, с чем настоящий большевик смириться не мог. Свой шанс совести Орджоникидзе использовал, хотя и не лучшим способом, но в той обстановке, пожалуй, единственно достойным. В день трагического выбора люди Ежова передали Орджоникидзе протокол допроса его брата Папулия. Были арестованы и некоторые другие родственники Серго. Его буквально подталкивали к роковому шагу. И Серго этот шаг сделал.

Сталин, прибыв на квартиру Орджоникидзе, приказал, чтобы в печать пошла "обоснованная" версия самоубийства. Письмо, написанное покойным, по свидетельству близких, оказалось у Сталина. О его содержании, по-видимому, мы никогда не узнаем. Затравив Орджоникидзе, "вождь" убрал еще одного человека из своего окружения, который не разделял курса на террор. (Для Сталина стало нормой — толкнуть человека в объятия смерти, а затем нести гроб или урну с прахом, проносить скорбные речи, утешать родных.)

Из-за похорон наркома начало Пленума пришлось перенести. Для Сталина смерть Серго была лишь обычным эпизодом: он не любил тех, кто колебался. А Орджоникидзе, осознав, что Пленум должен одобрить целую программу террора, не просто заколебался, а выразил свой протест, уйдя из жизни. Впрочем, так поступят в те годы и многие другие — Томский, Гамарник, Сабинин, Любченко...

Молотов в докладе сыпал цифрами, множеством фамилий "врагов народа", пробравшихся в тяжелую промышленность:

Аристов, Гайдеров, Берман, Норкин, Карцев, Аркус, Язовских, Яковлев, десятки других руководителей. По словам Молотова, всем этим "шабашем террористов и троцкистских агентов" руководил Пятаков. Стремясь показать не только расширение "вредительства" в народном хозяйстве, но и активную борьбу с ним, Молотов привел зловещую статистику — о количестве осужденных в аппаратах ряда наркоматов к 1 марта 1937 года:

Наркомтяжпром — 585 человек

Наркомпрос — 228

Наркомлегпром — 141

НКПС — 137

Наркомзем — 102...¹⁵

И так по двадцати одному ведомству. Докладывая Пленуму, Молотов все время делал акцент на то, что все эти вредители действовали по указаниям из "троцкистского центра". Председатель Совнаркома объяснял "стратегию" вредительства лозунгом Троцкого: "Наносить чувствительные удары в чувствительных местах".

Однако, даже допуская, что факты вредительства могли быть и, возможно, были, Предсовнаркома должен был знать, что при огромных масштабах проектирования, строительства, введения в эксплуатацию новых промышленных и иных объектов делалось это часто в огромной спешке, "кавалерийским наскоком". Слабая техническая вооруженность, низкая производственная, технологическая культура и дисциплина, некомпетентность не могли не приводить к авариям, крушениям, пожарам, браку. Однако все это объявлялось только как результат "пронсков троцкистских вредителей".

В этом же духе был выдержан и доклад Кагановича, "осветившего" уроки вредительства на железнодорожном транспорте. Здесь был другой набор: троцкисты вредили внедрению паровоза "ФД", не допускали "превышения норм" (а как только вопреки установкам "предельщиков" их нарушали, следовали аварии и катастрофы), противодействовали стахановскому движению, срывали планы перевозок. У Кагановича тоже был длинный список вредителей-руководителей: Кудреватых, Васильев, Братин, Нейштадт, Морщихин, Беккер, Кронц, Бреус, Барский и многие, многие другие. Чтобы не отстать от Молотова, Каганович тоже доложил, что в НКПС "рукав не жуют", времени не теряют и охоту на "врагов" тоже начали. Я уже приводил "статистику" Кагановича. Нетрудно представить, как "разоблачали" и "увольняли" (слова Кагановича) с транспорта тысячи людей. Приходится только удивляться такой дружной

концентрации на железной дороге буквально всех разновидностей "врагов народа": бывших жандармов, эсеров, меньшевиков, троцкистов, белых офицеров, вредителей и шпионов!

Ежов своим докладом еще больше нагнетал обстановку: выходило, что буквально повсюду проникли "враги". Его страшная "статистика", которую, мне кажется, не стоит здесь приводить, создавала мрачное впечатление самой широкой активизации многочисленных враждебных организаций в стране.

Ежов, этот нравственный и физический пигмей, накануне Пленума был удостоен звания генерального комиссара государственной безопасности, которое до него никому не присваивалось. Его удостоится позже только Берия. Некоторые идеи доклада сталинского наркома были откровенно подстрекательскими, направленными на развертывание кампании доносительства на "внутренних врагов". "За несколько месяцев, — заявил Ежов, — не помню случая, чтобы кто-нибудь из хозяйственников и руководителей наркоматов по своей инициативе позвонил бы и сказал: "Тов. Ежов, что-то мне подозрительна такой-то человек, что-то там неблагополучно, займитесь этим человеком". Таких фактов не было. Чаще всего, когда ставишь вопрос об аресте вредителя, троцкиста, некоторые товарищи, наоборот, пытаются защищать этих людей!"¹⁶

В специальном постановлении, принятом Пленумом по докладу Ежова, снова отмечалось, что Наркомвнудел в борьбе с врагами запоздал по крайней мере на 4 года. Похоже, по мысли Сталина, кровавую чистку надо было провести накануне XVII съезда партии. НКВД вменялось "довести дело разоблачения и разрома троцкистских и иных агентов до конца, с тем чтобы подавить малейшие проявления их антисоветской деятельности"¹⁷. Но все это было прелюдией. Эмпирические сыскные выкладки Молотова, Кагановича, Ежова больше пугали здравомыслящих участников Пленума, нежели убеждали их в существовании всеобщего вредительства. Нужно было теоретическое и политическое обоснование. Первые докладчики обрисовали "ландшафт", где действовали "враги", по их сущности, "природа" и причины активизации были неясны. Сейчас можно лишь догадываться, о чем думали тогда участники Пленума, какие испытывали чувства: через три года после "съезда победителей", на двадцатом году Советской власти столкнуться вновь едва ли не с тотальной "опасностью реставрации капитализма"... Сталин, уже в значительной мере "освободивший"

ЦК от большевиков ленинской школы, вновь (в который раз!) решил прибегнуть к чрезвычайным мерам.

Была нужна четкая программа. "Вождь" сформулировал ее. Нужно было теоретическое обоснование террора против "врагов". Сталин проделал эту работу. Нужно было "поднять" людей на ликвидацию "троцкистских и иных двурушников". Сталин решил и эту задачу. По тщательности формулировок, продуманности структуры доклада, с которым выступил Сталин, содержанию его заключительного слова и резолюции, написанной им собственноручно, видно, какое большое значение "вождь" придавал предстоящей кровавой чистке. Но даже Сталин едва ли предполагал, сколь огромной окажется инерция насилия и какими тяжелыми будут последствия этого трагического для нашего народа шага.

Доклад Сталина был озаглавлен "О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников". По многочисленным зачеркиваниям, пометкам на полях, вставкам, сделанным четким почерком Сталина, видно, как тщательно он готовился к докладу. Он не опустил до мелкого "вылавливания" вражеских функционеров, чем самозабвенно занимались Молотов, Каганович и Ежов. Основной докладчик все разложил по полочкам. Вначале Сталин охарактеризовал феномен "политической беспечности", затем перешел к последствиям капиталистического окружения. Здесь он верно отметил, что опасность со стороны империализма реальна, ее следует постоянно учитывать в процессе социалистического строительства. Но эту опасность Сталин органично связал, что было совершенно неоправданно, с "троцкистской опасностью". Самих троцкистов он охарактеризовал как "оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств". Фактически Сталин объявил троцкизм главной опасностью для социализма. Дав подробнейшую характеристику современного троцкизма, он пришел к далеко идущему зловещему теоретическому выводу:

"Чем больше мы будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее они будут идти на острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство обреченных"¹⁸.

В ряде своих выступлений в конце 20-х, а затем в 1934 —

1936 годах Сталин выдвинул теорию обострения классовой борьбы по мере упрочения позиций социализма. Эта концепция парадоксальна по своему звучанию и ненаучна по своему содержанию. Но Сталин был прагматиком. Ему нужно было теоретически "обосновать" готовящийся процесс тотальной чистки. Кроме Сталина, в его окружении эту задачу никто решить не мог. Это было нужно ему. "Вождь" давно привык к тому, что все его теоретические выкладки были оправданием политического курса партии. С одной стороны, еще в 1934 году Сталин утверждал, что эксплуататорские классы в СССР ликвидированы, а теперь, спустя три с лишним года, стал вдруг доказывать, что борьба "обостряется". Это, подчеркивал он на Пленуме, стало возможным при условии маскировки бывших оппозиционеров, которые вели скрытую подрывную работу, консолидировали свои силы, дожидаясь своего часа. Сталин насчитал целых "шесть гнилых теорий", которые мешают партии окончательно разгромить "троцкистскую банду": мол, нельзя считать, что перевыполнение плана сводит на нет работу вредителей; мол, не стоит полагаться на то, что стахановское движение само по себе ликвидирует вредителей; мол, ошибочна позиция некоторых, считающих, что троцкисты не готовят свои кадры, и т.д.

Если предыдущие докладчики и многие выступающие сосредоточивали свое внимание на эмпирии конкретного бытия, приводя конкретные факты вредительства, то Сталин, как всегда, все загнал в жесткую схему. В заключительном слове 5 марта он заявил, что "есть семь пунктов, по которым у участников Пленума нет ясности". Были среди этих пунктов и отдельные верные суждения (например, ряд бывших троцкистов заняли правильные позиции, и "их не следует опорочивать"), были суждения явно вождистские (мол, надо иногда прислушиваться к голосу т.н. "маленьких людей"), суждения "мобилизующие" ("врагов мы будем в будущем разбивать так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом"). Сталин, любивший простые афоризмы и всем понятные сравнения, заявил на Пленуме: "Чтобы выиграть сражение, может потребоваться несколько корпусов. А для того, чтобы его провалить, — несколько шпионов. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого нужны тысячи людей. Чтобы его взорвать, нужно всего несколько человек"¹⁹. Словом, "вождь" указал на особую опасность даже "отдельных шпионов", стимулируя тем самым повышенное внимание к их разоблачению.

Резолюция по докладу Сталина содержала двадцать семь

категоричных тезисов. Его карандаш придал им законченный вид:

— осудить практику недооценки пропагандистского фронта;

— осудить практику превращения пленумов в средство парадных манифестаций;

— осудить практику кооптации и сведения выборов к пустой формальности;

— осудить практику артельности в деле распределения партийных сил;

— осудить практику бездушного отношения к судьбе отдельных членов партии... и т.д.²⁰

На первый взгляд трудно не согласиться с основным содержанием сталинских постулатов, но вся беда в том, что эти декларации реально несколько не влияли на "судьбы отдельных членов партии", не предотвращали другие нарушения демократических основ жизни ВКП(б). Например, за два дня до принятия этих решений, обязывающих "осуждение бездушия", была решена судьба Бухарина и Рыкова, а месяцем раньше был объявлен приговор Пятакову, Радеку, Соколышкову, другим "шпионам" и "террористам", а фактически — товарищам по партии. Для Сталина постоянный разрыв между словом и делом стал привычным. То, что предназначалось для широкого "потребления", как правило, выглядело более или менее респектабельно, демократично, законно. То же, что адресовалось узкому кругу лиц, держалось в строгом секрете. Двойная мораль, двойные стандарты, двойные подходы уже стали нормой в сложившейся вокруг Сталина системе отношений. Особенно наглядно это проявилось в решении судьбы Бухарина и Рыкова.

На февральско-мартовском Пленуме 1937 года, одобрявшем курс на ужесточение борьбы с "троцкистскими шпионами и террористами", была принята резолюция "по делу Бухарина и Рыкова", которые до Пленума еще продолжали оставаться кандидатами в члены ЦК. Для выработки проекта постановления Пленума по этому вопросу создали комиссию под председательством Микояна, в которую вошли также Андреев, Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Ежов, Шкирятов, Крупская, Косиор, Ярославский, Жданов, Хрущев, Якир, Берия, Эйхе, Багиров, Буденный, Чубарь, Косарев, Постышев, Гамарник, ряд других членов ЦК (всего 36 человек)²¹.

К заседанию этой комиссии Бухарин подготовил обстоятельную, страстную записку, в которой отверг все обвинения в

свой адрес. Опальный теоретик написал и несколько писем Сталину, пытаясь убедить "вождя", что данные против него "показания" группой арестованных "врагов народа" инспирированы, что он никакого отношения к террористической, шпионской и другой подобной деятельности не имеет. Бухарину удалось по "вертушке" (которая все еще стояла в его квартире) два-три раза дозвониться до Сталина. Сталин успокаивал:

— Николай, не паникуй. Разберемся... Мы верим, что ты не враг. Но раз на тебя "показывают" Сокольников, Астров, Куликов, другие двурушники, которые признались в своем вредительстве, надо спокойно разобраться... Успокойся!

— Как можно даже думать, что я "пособник террористических групп"! — срывался Бухарин.

— Спокойно, Николай, спокойно. Разберемся... — и Сталин вешал трубку.

Объяснения Бухарина и Рыкова на комиссии, по сути, слушать не стали. Главные "аргументы" были те же: участники "параллельного троцкистского центра" утверждают, что Бухарин, Рыков и будущие "однодельцы" знали о вредительской, террористической деятельности "центра" и помогали в ней. Бухарин был в отчаянии; Рыков вел себя сдержаннее, поняв, что их неотвратимо ждет судьба недавно расстрелянных Зиновьева, Каменева, а затем и Пятакова, Муралова, Дробниса, Шестова и других "подлых изменников". Именно такие эпитеты были в ходу, когда дело касалось политических процессов. Бухарин объявил голодовку в знак протеста против чудовищно несправедливых обвинений.

Вечером 26 февраля, а затем утром 27 февраля Бухарину позвонил Поскребышев и сообщил, что ему и Рыкову надо явиться на Пленум, который уже начал работу (хотя Бухарин и Рыков еще были кандидатами в члены ЦК, их приглашали уже не на все заседания). Кроме Уборевича и Акулова, никто не подал им руки. Началось заседание комиссии Пленума по "делу" Бухарина и Рыкова. Еще до доклада Ежова Сталин бросил в зал:

— Бухарин объявил голодовку. Николай, кому ты выдвигаешь ультиматум, Центральному Комитету? Проси прощения у него.

— Но ведь вы собираетесь меня исключить из партии...

— Проси прощения у ЦК.

Бухарин, как с ним бывало не раз, не выдержал. Ему почудились в словах Сталина проблески надежды. Однако тут же он понял, что в основе рассмотрения его "дела" лежат материалы

следствия НКВД, а его объяснение, письменное и устное, расценивается лишь как попытка "вести партию в заблуждение". Сейчас можно только догадываться, что испытали Бухарин и Рыков перед стеной не просто непонимания, а заранее запрограммированной враждебности. У членов комиссии были данные, которые опирались на "доказательства", "показания", полученные от уже осужденных недозволенными способами.

Бухарин на предложение председателя комиссии Микояна чистосердечно признать свое участие в антигосударственной деятельности резко, с места, ответил:

— Я не Зиновьев и Каменев и лгать на себя не буду.

— Не будете признаваться, — тут же зло ответил ему Молотов, — этим и докажете, что вы фашистский наймит, они же в своей прессе пишут, что наши процессы провокационные. Арестуем — сознаетесь!

— В НКВД есть люди, которые, прикрываясь авторитетом партии, творят невиданный произвол, — продолжал Бухарин.

— Ну вот, мы тебя туда пошлем, — вмешался Сталин, — ты и посмотришь...

Пожалуй, знали о том, что обвинения фальшивые, лишь Сталин, Ежов и его ближайшее окружение. Бухарин и Рыков, вся жизнь которых была как на ладони, не могли быть врагами. Сталин почувствовал колебания членов комиссии, ознакомившихся с письменным заявлением Бухарина, поспешил завершить обсуждение заранее обговоренным решением. Приступили к поименному голосованию предложения Ежова, которое гласило: "Исключить Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК и членов партии, с преданием их суду военного трибунала, с применением высшей меры наказания — расстрела". Но следующий же голосующий, Постышев, заявил, что он "за исключение и предание суду, но без расстрела". Буденный, Мануильский, Шверник, Косарев — "за исключение, суд и расстрел". Антипов, Хрушев, Николаев, Шкирятов — "за исключение, суд без расстрела"...

Сталин понял, что единогласного решения уже не будет, и сделал свой ход, продумав его, как всегда, до конца:

— Я предлагаю, — заявил он, — исключить Бухарина и Рыкова из партии, суду не предавать, а направить это дело для расследования в НКВД.

Сталин знал, что это равносильно чудовищному и противозаконному — "исключить, судить, расстрелять", но внешне он выступил миротворцем, даже "гуманистом". Возможно, у Бухарина и Рыкова после предложения Сталина вновь затеплился

слабый уголек надежды. Естественно, что после сталинского резюме большинство членов комиссии выступали уже с облегчением:

— Я за предложение товарища Сталина, — так заявили Крупская, Варейкис, Молотов, Ворошилов. Иные повторили слова Постышева — Косиор, Петровский, Литвинов: за "суд без расстрела". Но из истории не выбросишь и того, что Косарев и Якир, ближайшие очередные жертвы беззакония, проголосовали и после сталинского предложения за "исключение, суд и расстрел". Как видим, ряд членов комиссии выносили еще до суда приговор; остальные изложили иное мнение, не предвещающее, казалось бы, ужасного конца. Микоян, председательствовавший на заседании комиссии, публично своего мнения не высказал. После поименного опроса решили еще раз проголосовать. Теперь уже единогласно прошло предложение Сталина:

1. Исключить из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) Бухарина и Рыкова; суду их не предавать, а направить дело Бухарина и Рыкова в НКВД;

2. Поручить комиссии в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна и Ежова выработать на основе принятого решения проект мотивированной резолюции.

Председатель комиссии

27.02.37 г.

*А. Микоян*²².

Сталин понял, что нужно готовить еще один процесс. Исход его был для "вождя" ясен.

Бухарин и Рыков сразу же после окончания заседания, едва выйдя из зала, были арестованы. Начались долгие тринадцать месяцев, которые отделяли Пленум и финал трагедии Бухарина и Рыкова, а вместе с ними и многих, многих людей, которые потенциально могли быть против единовластия "вождя".

Остается добавить, что по "делу" Бухарина и Рыкова была принята испешренная собственноручными поправками и вставками Сталина резолюция. Она явилась, по существу, политической инструкцией и методологическим ключом в подходе к аналогичным делам. Пленум не просто одобрил теоретические тезисы Сталина об "обострении классовой борьбы" на современном этапе, но и преподал урок, какой должна быть реакция на "вражеские" действия. В резолюции было три пункта. Краткое их содержание таково:

1. На основании следственных материалов Пленум ЦК устанавливает, что тт. Бухарин и Рыков, как минимум, знали о

преступной, террористической, шпионской и диверсионной деятельности троцкистского центра, но скрывали это, чем и содействовали преступному делу.

2. На основе следственных материалов НКВД, очных ставок, Пленум ЦК устанавливает, как минимум, что тт. Бухарин и Рыков знали об организации преступных террористических групп со стороны их учеников и сторонников — Слепкова, Цейтлина, Астрова, Марцекого, Нестерова, Родина, Куликова, Котова, Угланова, Зайцева, Кузьмина, Сапожникова и др. и не только не вели борьбы, но и поощряли их.

3. Пленум ЦК ВКП(б) устанавливает, что записка т. Бухарина в ЦК ВКП(б), где он пытается опровергнуть показания поименованных выше троцкистов и правых террористов, является по своему содержанию клеветническим документом.

Учитывая сказанное и принимая во внимание, что и при жизни Ленина т. Бухарин вел борьбу против партии и против самого Ленина (как и Рыков), все происшедшее не является случайным или неожиданным, а посему (далее написано рукой Сталина. — Прим. Д.В.) "исключить Бухарина и Рыкова из состава канд. в члены ЦК ВКП(б) и из рядов ВКП(б). Передать дело Бухарина и Рыкова в НКВД"²³.

Ни слов "товарищай", ни сокращений "тт." здесь уже нет...

Убрать Бухарина и Рыкова сразу Сталин, однако, еще не мог. Их слишком хорошо знали в народе и партии. Нужен был процесс, а для того чтобы обвиняемые к нему "созрели", требовалось время.

Сталин был незаурядным политическим Режиссером и Драматургом. В отличие от Шекспира, сказавшего устами Гамлета: "Быть или не быть?", дилеммы у него не было. Эту особенность его зловещей политической натуры стоит подчеркнуть: гамлетовская дилемма касалась одного Гамлета. Сталин же решал судьбы тысяч и миллионов людей. Так триумф "вождя" оборачивался страшной трагедией народа.

Решения Пленума ЦК дали чудовищный импульс. Уже в марте 1937 года в республиках и областях прошли пленумы партийных комитетов. На них не только излагались установки "вождя", но и докладывались первые результаты по их выполнению. Вот, например, несколько выдержек из доклада Жданова, сделанного им 15 марта 1937 года в Ленинграде:

"Бухарин и Рыков, как оказалось, ничем не отличались от зиновьевцев и троцкистов. Это одна шайка разбойников. Более позорного, болсе гнусного, более отвратительного поведения,

как вели себя Бухарин и Рыков, я не припомню. Четыре дня мы добивались от них правды. Но даже искры, даже намек на человеческое отношение к партии мы не дождались. Как с их стороны было заявлено, что мы им не судья". Далес Жданов решился как можно унижительнее "выставить" Бухарина перед ленинградскими коммунистами. Мол, его голодовка — актерский прием: "В 12 часов ночи поплотнее посл, как следует, и до 10 утра объявил голодовку..."²⁴

Жданову уже было что сказать и о развернувшейся в Ленинграде "работе" по выявлению "врагов": "...на Кировской и Октябрьской железных дорогах вскрыто 8 вредительских групп; 10 групп — на заводах города, а также в НКВД, в ПВО, в партийном аппарате..." За короткое время во всех райкомах были выявлены "гизда врагов": в Выборгском районе — 13 человек, Василеостровском — 12, Кировском — 12... всего 223 партийных работника. "Можете представить засоренность партийного аппарата!"

Энергичными мазками Жданов продолжал рисовать картину засилья врагов в городе — колыбели революции. "Институт красной профессуры с 1933 по 1936 год выпустил 183 человека. 32 из них уже арестованы. Из 130 оставшихся сейчас в Ленинграде — 53 выявлены как враги народа"²⁵, под гул негодования продолжал один из сталинских теоретиков и практиков террора. Такой же гул, раскаты возмущения шли по всей стране. Недоумение, страдания, страх были, напротив, немыми, безмолвными.

Более полувека минуло с тех пор, а боль и горечь утрат остались. Как мне пишет К.А. Кужела, 80-летний ветеран из Перми: "Почти каждую ночь я вижу себя, молодого, в далеском колымском лагере и каждый раз просыпаюсь от ужаса..."

Фарс политических "спектаклей"

На иконописных изображениях Страшного суда, перед которым, в соответствии с евангельским словом от Матфея, предстанут все, художники изобразили кары за грехи земные. Разбойникам — повешение, сребролюбцам — льют в горло золото расплавленное, блудникам и блудницам — геенна огненная, священникам, не радевшим о стаде своем, — прямая

путь в ад. Старые богомазы изобразили и растерянного человека с распростертыми руками, не знающего куда идти: половину жизни он жил праведно, а остальную грешил неоглядно. Клеветники висят, за языки повешенные. Нашлось на библейских картинах и место судьям немилостивым и несправедным; поедает их жадно "чревь неусыпающий". Однако, глядя на эти творения старых мастеров, трудно понять, что руководило действиями судей несправедных, попирающих самое святое — справедливость.

Совсем иное дело с судом несправедным, который чинил расправу с бывшими и потенциальными "оппозиционерами". Главный Режиссер судебных политических спектаклей знал, чего хочет. Сталин ненавидел Троцкого. Но не отвергал некоторые его методы, хотя никогда в этом не признавался. Напомню, что в его библиотеке были практически все книги Троцкого. Одна из них — "Основные вопросы пролетарской революции" — была близка ему по духу. Особенно раздел "Терроризм и коммунизм", где Троцкий пишет: "Революция требует от революционного класса, чтобы он добился своей цели всеми средствами, какие имеются в его распоряжении: если нужно — вооруженным восстанием, если требуется — терроризмом... Там, где он (революционный класс. — Прим. Д.В.) будет иметь против себя вооруженный заговор, покушение, мятеж, он обрушит на головы врагов суровую расправу. Вопрос о форме репрессии или об ее степени, конечно, не является "принципиальным". Террор может быть очень действен против реакционного класса, который не хочет сойти со сцены. Устрашение есть могущественное средство политики..."²⁶ Конечно, Сталин, приступая к "великому очищению", скорее всего, разделял идеи, высказанные Троцким еще полтора десятилетия назад. Он следовал этим рецептам периода революции и гражданской войны, но применил их, однако, когда, по его же словам, "социализм победил полностью". Нет никакого сомнения в том, что Сталин видел в массовых репрессиях "законный метод" диктатуры пролетариата и тогда, когда эксплуататорских классов в стране не осталось. Ведь именно так Жданов разъяснял установки сталинского доклада на февральско-мартовском Пленуме: "Репрессия имеет воспитательную роль"²⁷. Конечно, можно спросить: что понимать под "репрессией"? Едва ли есть сомнение в том, как понимал суть репрессий Сталин. В этой связи хотелось бы сделать одно отступление.

Судя по многочисленным письмам, которые я получаю после своих публикаций, среди читателей есть и такие, которые хо-

тели бы вывести сталинские репрессии "за скобки". Согласно анализировать все его шаги, "заслуги", "свершения", но не хотят даже говорить о репрессиях. В лучшем случае отсылают к Ежову, Берни и т.д. Происходит своеобразное "расслоение" биографии: признается то, во что эти люди верят. Когда я читал тома дел с фамилиями погибших, невинно погибших "благодаря" Сталину тысяч людей, я как бы слышал их голоса из давно ушедшего; вечное недоумение, смертельную тоску, отчаяние и утраченные надежды. Думаю, хорошо бы этим людям, пытающимся обелить деспота, дать почитать эти тома. Репрессии — крайнее выражение диктаторского единовластия — являются апофеозом аморальности. Сталин медленно, но неуклонно шел к тотальному террору. Но ему, человеку злого, хитрого ума, были необходимы "оправдательные" аргументы перед партией, народом, историей. Этих аргументов у него не было. Он их сфальсифицировал, сфабриковал, в частности с помощью политических процессов. Сталин, дирижировавший из-за кулис этими процессами, преследовал ясные для себя цели.

После процесса над Зиновьевым и Каменевым 23 января 1937 года в Москве начался так называемый процесс "семнадцати". Здесь вместе с Пятаковым, которого Ленин назвал в своем "Письме к съезду" человеком "несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей", было еще шестнадцать обвиняемых. Главная цель процесса — доказать, что Троцкий с помощью этих людей организовывал вредительские акции, готовил реставрацию капитализма в СССР. Процесс так тщательно "подготовили", что Пятаков, с его выдающейся волей, красочно описывал свою встречу с изгнанником в Осло (где подсудимый никогда не был), говорил о том, что Троцкий в своей "директиве поставил два варианта о возможности нашего прихода к власти. Первый вариант — это возможность прихода до войны и второй вариант — во время войны. Первый вариант Троцкий представлял в результате, как он говорил, концентрированного террористического удара. Он имел в виду одновременное совершение террористических актов против ряда руководителей ВКП(б) и Советского государства, и, конечно, в первую очередь против Сталина и ближайших его помощников. Второй вариант, который был, с точки зрения Троцкого, более вероятным, — это военное поражение..."²⁸. Дальше все в том же духе. Зиновьева и Каменева Сталин взял измором и обманом; Пятакова и его "содельцев" — пытками.

Еще один спектакль, так называемый процесс "двадцати

одного", был особенно тягостным. Здесь готовилась расправа над Бухариным, Рыковым, Крестинским, Раковским, Розенгольцем, другими мучениками сталинского произвола.

С помощью этих судилищ Сталин хотел нанести последний, сокрушающий удар по бывшим — главным образом — сторонникам Троцкого, заклеив их как "оголтелую банду вредителей", занимающуюся "шпионажем, террором, убийствами, поджогами". Троцкий был главной идейной и политической мишенью Сталина. "Дуэль" с Троцким продолжалась. В ней не могло быть ничьей. Не случайно, что в обвинительном заключении по делу Г.Л. Пятакова, К.Б. Радека, Г.Я. Сокольников и других на нескольких страницах текста Троцкий упоминается пятьдесят один раз! Аналогичная картина и в обвинительном заключении по делу Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, Н.Н. Крестинского, Х.Г. Раковского, А.П. Розенгольда и их товарищей по несчастью. Когда начались процессы, Троцкий из Мексики все время давал понять, что да, "судят его единомышленников, но судят за идеи". Так, почти в каждом выпуске своего "Бюллетеня оппозиции" Троцкий обязательно что-нибудь печатал о Раковском, Крестинском, Розенгольце, показывал их "несовместимость" со Сталиным, подчеркивал свою солидарность с ними. Почти регулярно изгнанник публиковал "протесты" против преследований своих "сторонников". Вся эта защита Троцким "врагов народа" Сталину была на руку, давала ему дополнительные "аргументы".

Сталин чувствовал приближение войны. Он не мог избавиться от ощущения, что смотрит на внешний мир глазами Троцкого. "Вождь", повторюсь, боялся признаться в этом даже самому себе. Стоило ему прочесть что-либо, написанное Троцким, как он чувствовал, что тот "харкает беду" не зря. Вот в той же "Преданной революции" Троцкий пишет: "Можем мы ожидать, что Советский Союз выйдет из приближающейся великой войны без поражения? На этот откровенно поставленный вопрос мы ответим также откровенно: если война останется только войной, поражение Советского Союза будет неизбежным. В техническом, экономическом и военном смысле империализм несравненно сильнее..."²⁹ Это звучало как приговор не только социализму, но и ему, Сталину. Но недаром он стальной: так просто не уступит. Уже сейчас, до войны, нужно убрать всех потенциальных пособников фашизму! Ведь если Гитлер придет с мечом, то посадит здесь кого-нибудь из "недобитков" размышлял Сталин. Мы будем готовиться к будущей

войне, а возможную "пятую колонну" уберем сейчас. У Гитлера не будет здесь опоры... Такой ход мыслей Сталина возможен. Тем более что Молотов, по свидетельству Ф. Чуева, незадолго до своей смерти подтвердил, что накануне войны Сталин проводил курс на максимальное ослабление социальной базы возможных квислингов и лавалей.

Несмотря на общий подъем, заметные успехи и консолидацию общества на вождистской основе, крупных изъянов и провалов было очень много. Многочисленные недостатки в промышленности, хроническое отставание сельского хозяйства, медленный рост жизненного уровня народа требовали объяснений. Самым удобным для Сталина казалось свалить все на "вредительство и диверсии". В ежедневных сводках послушные исполнители, точно уловив адрес классового врага, указанный "вождем", докладывали. Вот, например, небольшая выдержка из сводки за 19 октября 1937 года:

"ЦК товарищу Сталину

СНК товарищу Молотову

Секретарю ЦК тов. Ежову.

На Урале, в с. Таборы за развал колхоза приговорено к расстрелу 5 человек (в том числе пред. Таборинского РИКа Мотырев А.Л., пред. райзо Мешавкин Н.Л.).

Минск. За умышленное засорение муки расстреляно 5 человек (в том числе зав. заготконторой Чудновский Р.Л., зав. конторой "Заготзерно" Левченко В.М., директор элеватора Капланский В.Н.).

Саратов. Троцкистско-правая группа выпустила большое количество нефти в Волгу. К расстрелу приговорено 9 человек, в том числе: управл. Саратовской конторой Главнефть Браткин М.Н., директор крекинг-завода Богданов В.Ф., профессор Саратовского университета Орлов Н.А.

Ленинград. По заданию агентов гестапо в системе Ленэнерго систематически поломки с увечьями рабочих. Приговорено к расстрелу 10 человек...³⁰

Подобные перечни длинны. В конце, перед подписью "В. Ульрих", лаконичная приписка: "Все приговоры приведены в исполнение". Часто на этих чудовищных сводках в углу торопливая подпись: "Товарищу Сталину доложено. *Поскребишев*".

Эти массовые трагедии стали обычными в течение 1937 — 1938 годов после громких политических процессов в январе и июне 1937 года, марте 1938 года. Сталин был уверен, что теперь всем становилось ясно, кто мешает еще более быстрому

движению вперед, кто "торгует" Родиной, кто готовит "убийство Сталина и его окружения", кто выполняет директивы Троцкого. Политические процессы в Москве стали своеобразными детонаторами взрыва насилия в стране, массового террора по отношению не только к потенциальным противникам Сталина, но и в большинстве случаев — просто к случайным людям, особенно руководителям, на предприятиях и в учреждениях которых случались какие-либо происшествия: пожары, взрывы, обвалы, аварии и т.д. Где-то в конце 37-го размах репрессий вышел, пожалуй, из-под контроля. Во многих наркоматах и иных ведомствах донос становился способом выживания. Все это было следствием первых крупных политических процессов, решение о проведении которых было принято лично Сталиным и одобрено его окружением.

Поражает леденящая бесчувственность и беспредельная жестокость, с которой "вождь" неизменно давал согласие на уничтожение людей. Ему докладывали об отдельных лицах, группах лиц, представляли огромные списки. В архиве Сталина мне лишь однажды встретился документ, который хоть в какой-то степени говорит о милосердии "вождя".

т. Сталину И.В.

В Прокуратуру обратилась жена Куклина А.С., осужденного 18 января 1936 года к 10 годам лишения свободы. Куклин содержится в Бутырской тюрьме. При медосвидетельствовании 7 января с.г. было установлено, что Куклин болен злокачественной опухолью пищевода. Положение его признано безнадежным.

Прошу Ваших указаний.

22 марта 1936 года.

А. Вышинский".

Ниже изложено решение: "Дано указание т. Сталина т. Ульриху о досрочном освобождении. *А. Вышинский*"³¹.

Может быть, в 1936 году Сталин еще "не созрел"? Не думаю — у него ни разу не дрогнула рука, не взбунтовалась мысль, когда речь шла о людях, которых он хорошо знал. Он санкционировал расстрел А. Назаретяна, своего бывшего помощника; Н. Горбунова — бывшего секретаря Ленина; А. Енукидзе, своего друга и бывшего секретаря ЦИК; А. Косарева, о котором Сталин в свое время говорил, что это "настоящий вождь молодежи", Я. Стэна, своего "учителя философии"; А. Солнца, товарища по нелегальной работе; С. Урицкого, известного разведчика, которого "вождь" весьма ценил; Л. Карахана,

бывшего заместителя наркома иностранных дел, которого ставил в пример другим; Я. Агранова, чекиста, с которым у него в свое время были дружеские отношения; А. Бубнова, вместе с которым в годы гражданской войны пришлось выполнять поручения Ленина; И. Варейкиса, "крепкого большевика", по оценке самого "вождя"; согласился на арест Г. Бройдо, своего бывшего заместителя по наркомнацу...

Сталин, обладая феноменальной памятью, пробегая многочисленные списки осужденных или арестованных, часто отмечал про себя, что знает этих людей лично. Он мог бы о каждом из них что-то сказать, вспомнить, охарактеризовать. Вот секретари обкомов, которые не раз бывали у него в кабинете, — И. Варейкис, И. Кабаков, П. Смородин, Б. Шеболдаев, Э. Прамнэк, Я. Сойфер, Л. Картвелишвили, Б. Калмыков, К. Хавкин... А этих партийных работников хорошо знал не только он, их знали и в республиках — Н. Гикало, С. Эфендиев, М. Кулиев, М. Нариманов, Г. Сулганов, М. Кахиани, Н. Лакоба, А. Ханджян, С. Нурпеисов, А. Икрамов, Ф. Ходжаев... Или ученые — со многими из них он имел личные контакты — Ю. Стеклов, В. Сорин, М. Фуршик, И. Луппол, А. Гастев, Н. Вавилов, Г. Надсон, А. Свечин... Множество знакомых имен встречалось и в списках писателей, других деятелей культуры — Б. Пильняк, Б. Ясенский, О. Мандельштам, А. Веселый, Н. Клюев, А. Воронский, Е. Чаренц, Ю. Таубин, Г. Табидзе, С. Сейфуллин... Читая списки работников Коминтерна, он как бы слышал шум зала, где проходил последний конгресс, видел лица Бела Куна, П. Лапиньского, Ф. Тabora, А. Варского, Я. Анвельта, Я. Ленцманиса, О. Рястаса, Ф. Бошковица, Ф. Шультке, Р. Хитарова... А бесконечные списки военных — так знакомы все эти фамилии и имена! Тысячи имен и фамилий... Тысячи жизней со своими судьбами, надеждами, болями, страстями. Люди, которые славили его и готовы были выполнить любую его волю. Многие из них успеют написать ему, Сталину, свое последнее письмо. И он прочтет многие из этих писем... Но ничего уже не изменится. Человек с железной фамилией не знает жалости и сострадания, зова товарищества и чувства чести. Он, похоже, и совесть считал "химерой". Во всяком случае, она никогда ему не "мешала". Достаточно было поставить карандашом несколько букв на уголке списка или просто бросить Поскребышеву: "Согласен". И все. Это значило, что все эти люди сегодня же или завтра перешагнут через линию, откуда возврата нет. А вскоре Вышинский и Ульрих совместно с Ежовым так отладят каратель-

ную машину, что ему останется лишь знакомиться с сухими цифрами жуткой статистики. Но у него с детства были крепкие нервы.

Есть сведения, что Сталин накануне процессов несколько раз встречался с А.Я. Вышинским и В.В. Ульрихом. В документах Сталина нет следов его разговоров с этими "жрецами правосудия", которые, как можно предположить, носили характер инструктажа. Армвоенюрист Ульрих чем-то нравился Сталину. Возможно, за лаконизм речи, строгость и краткость донесений о кровавой жатве, которые тот во множестве направлял Сталину в 1937 — 1938 годах. Можно лишь догадываться о реакции "вождя" на них. На некоторых стоит подпись "И. Ст.", на других завитушка Поскребышева. Эти люди как бы регистрировали уход из жизни тысяч обреченных на смерть и безвестье. Но уход не чужестранцев-агрессоров, а своих соотечественников, со многими из которых они были близко знакомы.

Поток, а затем лавина этих донесений должны были бы нравственно сломать любого человека, напугать, потрясти до основания. Однако и в самый разгул репрессий Сталин, как обычно, бывал в театре, смотрел по ночам кино, принимал наркомов, редактировал постановления и другие документы, устраивал полуночные застолья, диктовал ответы на письма, давал замечания по поводу тех или иных статей в "Правде" или "Большевике". Даже если гипотетически допустить, что Сталин безоговорочно верил в то, что террор косит подлинных "врагов народа", можно только поражаться его абсолютной бесчувственности и жестокости.

Ульрих отвечал представлениям Сталина о судьбе, которому чужды сантименты. Сталин видел, что председатель военной коллегии Верховного суда СССР, подписывая десятки, сотни смертных приговоров, сохраняет полную невозмутимость и спокойствие. Это была живая составная часть гильотины.

По-другому выглядел Вышинский, коренастый, плотный человек в очках. Сталину нравилось красноречие Прокурора СССР, который своими обвинительными тирадами буквально парализовывал сидящих на скамье подсудимых. Им, в своем большинстве, оставалось в последнем слове лишь соглашаться с Вышинским. За рвение на бухаринском процессе по предложению Сталина Вышинского наградили орденом Ленина. На "вождя", по-видимому, произвели немалое впечатление заключительные слова речи прокурора на процессе Бухарина 11 марта 1938 года:

"Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продававших врагу нашу Родину, расстрелять, как поганых псов!

Требует наш народ одного: раздавите проклятую гадину!

Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа.

А над нами, над нашей счастливой страной, по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным..."³²

"Вождь и учитель" любил усердие. Вышинский в последующем стал заместителем Председателя Совнаркома, затем министром иностранных дел, удостоился Сталинской премии, других знаков особого внимания Сталина.

Будучи в 1949 — 1953 годах министром иностранных дел СССР, Вышинский вошел в историю дипломатии своими исключительно длинными, непримиримыми речами. Да, это был период "холодной войны", но представители государств — участников ООН, членов Совета Безопасности знали, кем в действительности является этот академик-дипломат. Теперь он не мог, конечно, как на политических процессах, бросаться словами: "вонючая падаль", "жалкие подонки", "проклятая гадина". Но его дипломатический запас брани тоже был запоминающимся: "распоясавшийся господин", "гнусный клеветник", "сумасшедший"... Его, как и раньше, ничто не смущало. Он мог говорить без конца: на 4-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Вышинский выступал 20 раз; на 5-й — 26, на 6-й сессии — 22 раза. Прокурорское "красноречие" вызывало у слушателей, как свидетельствовали иностранные дипломаты, "смесь любопытства и глубокой неприязни". Но все это будет позже...

Вышинский не меньше, чем главный Режиссер процессов, знал цену политического фарса, который ему поручили разыгрывать. На последнем политическом процессе, состоявшемся в марте 1938 года, была завершена публичная обработка общественного мнения. Набор обвинений был прежним: выполнение директив Троцкого, шпионаж и диверсии, подготовка поражения СССР в грядущей войне, расчленение страны, покушение на жизнь Сталина и других высших руководителей.

Для того чтобы политические спектакли удались, их долго "репетировали". Процесс Бухарина, например, готовился более

года. Несколько месяцев ушло на то, чтобы сломить волю обвиняемых. Следователи располагали широким набором средств насилия, чтобы вырвать нужные показания. А это, вопреки элементарным нормам, считалось главным доказательством вины. Некоторые держались месяц, два, три. Иные ломались быстро. А затем шли унижительные репетиции. Именно репетиции! Сломленных людей заставляли заучивать нужные версии, делать подсказанные заявления, "обличать" указанных людей. После многократных повторений этих постыдных инсценировок "режиссерам" давали знать о готовности тех или иных "актеров" к "премьере". Правда, были иногда и временные "сбои".

Так, в обвинительном заключении, которое зачитал секретарь суда 2 марта 1938 года, говорилось, например, что подсудимый Н.Н. Крестинский "вступил в изменническую связь с германской разведкой в 1921 году", договорился с генералами Сектом и Хассе о сотрудничестве с рейхсвером за 250 тысяч марок ежегодно за троцкистскую работу. Когда же председатель суда спросил подсудимого Крестинского, признает ли он себя виновным, тот, вопреки прежним показаниям, стал их полностью отрицать. В кулуарах процесса произошел заметный переполох. Сделали перерыв. Доложили Сталину. Тот зло выругался: "Плохо работали с дрянью". Дал понять: подобного больше слышать не намерен. Приняли меры. И уже на следующий день к вечеру Крестинский вошел в "норму".

Крестинский. Свои показания на предварительном следствии я полностью подтверждаю.

Вышинский. Что означает в таком случае ваше вчерашнее заявление, которое нельзя рассматривать иначе, как троцкистскую провокацию на процессе?

Крестинский. Вчера, под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжелым впечатлением от оглашения обвинительного акта, усугубленным моим болезненным состоянием, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен.

Вышинский. Машинально?

Крестинский. Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным по всем тягчайшим обвинениям, предъявленным лично мне, и признаю себя полностью ответственным за совершенные мною измену и предательство...³³

За исключением подобных нескольких мелких "осечек".

этот процесс прошел гладко. Все обвиняемые соглашались с прокурором, дружно принимали чудовищные обвинения, с готовностью уточняли любые детали своих "злодеяний": уникальное сотрудничество суда и обвиняемых! Никто ничего не опроверг... Все обвиняли только самих себя!

Впрочем, не всегда и не все. Бухарин, например, понимая, что он обречен, пытался иногда в прямой или эзоповской форме, а подчас и в виде трагической сатиры поставить под сомнение достоверность обвинения. Возможно, прощаясь с жизнью, Бухарин обращался к грядущему, думал о будущем, нашем времени. Вот лишь некоторые фразы Бухарина, свидетельствующие о том, что и в самую трагическую минуту ему удавалось сохранить присутствие духа и высоту интеллекта.

В своем последнем слове Бухарин, в частности, сказал:

— Я считаю себя... и политически, и юридически ответственным за вредительство, хотя я лично не помню, чтобы я давал директивы о вредительстве...

— Гражданин прокурор утверждает, что я наравне с Рыковым был одним из крупнейших организаторов шпионажа. Какие доказательства? Показания Шаранговича, о существовании которого я не слышал до обвинительного заключения...

— Я категорически отрицаю свою причастность к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и Максима Пешкова, Киров, по показанию Ягоды, был убит по решению "правотроцкистского блока". Я об этом не знал...

— Голая логика борьбы сопровождалась перерождением идей, перерождением психологии, перерождением нас самих, перерождением людей...³⁴

Этот фрагмент из последнего слова Бухарина весьма примечателен. Это уже не признание, а скорее обвинение организаторов процесса, тех, кто, следуя "голой логике" борьбы, привел к перерождению и идей, и людей. Косвенный намек на Сталина здесь весьма прозрачен. Бухарин пытался как мог использовать своей последний шанс совести...

Сталину ежедневно подробно докладывали о ходе процесса то Ежов, то Вышинский, то кто-то еще. Он уточнял детали, давал советы. Ему первому показали кинохронику процесса, фотографии зала с обвиняемыми. По его указанию "спектакль" широко освещался в печати, на радио. Пригласили иностранных корреспондентов и даже дипломатов. Все поражены: преступники идеально "сознательны". Не нужно экспертиз, дополнительных расследований, судебных споров, диалогов прокурора и защитников. На процессе безраздельно солирует прокурор.

Все остальные ему подыгрывают. Даже Фейхтвангер в своей тенденциозной книжке "Москва 1937" вынужден был признать, что "если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности: так добросовестно и старательно не пропускали они ни малейшей неточности друг у друга, и их взволнованность проявлялась с такой сдержанностью. Короче говоря, гипнотизеры, отравители и судебные чиновники, подготовившие обвиняемых, помимо всех своих ошеломляющих качеств должны были быть выдающимися режиссерами и психологами"³⁵. В этом выводе немецкий писатель был отчасти прав: организаторы фарса, особенно главный Режиссер, были выдающимися циниками.

Кроме грубого нарушения законности во время следствия, актов насилия, существует еще одна причина полной безропотности людей, сидевших на скамье подсудимых. На протяжении недель и месяцев им внушали: их признание "нужно народу и партии". Только "признание поможет до конца разоблачить преступников". А это означало: надо "признаваться" и оговаривать других... Раз судит народ, страна, то нужно говорить то, что они требуют... Судя по всему, этот мотив руководил действиями многих. В последнем слове он звучал по-разному. Подсудимый Г.Ф. Фринько: "Самый тяжелый приговор — высшую меру наказания — я приму как должное". Подсудимый Н.Н. Крестинский: "Мои преступления перед Родиной и революцией безмерны, и я приму, как вполне заслуженный, любой ваш самый суровый приговор". Подсудимый А.И. Рыков: "Я хочу, чтобы те, кто еще не разоблачен и не разоружился, чтобы они немедленно и открыто это сделали. Мне бы хотелось, чтобы они на моем примере убедились в неизбежности разоружения..." Подсудимый Н.И. Бухарин: "...стою коленнопоклоненным перед страной, перед партией, перед всем народом"³⁶.

Сталин, читая эти слова, мог быть вполне доволен: "Хотя бы перед смертью враги народа, партии, кажется, не взбунтовались, стали говорить то, что нужно". Он расценивал эту "чистосердечность" как победу, не подозревая, что в ней кроются и корни его, Сталина, неизбежного исторического, морального поражения. Но "вождь" знал и другое. Первые три месяца после ареста Бухарин держался. Ему угрожали, требовали, но опальный академик и из тюрьмы все время пытался убедить Сталина (он писал несколько писем своему бывшему соседу по квартире в Кремле) в главной идее своего заявления на

февральско-мартовском Пленуме ЦК: "Заговор, враги народа существуют, но главные из них находятся в НКВД".

Сталин не реагировал на эти сигналы. Возможно, Бухарин, встречая ледяное молчание в ответ на свои письма, вспомнил между допросами судьбу известного социалиста Фердинанда Лассалья. Лассаль полюбил девушку из дворянской семьи, хотя она и была невестой другого. Лассаль, красавец и умница, сумел завоевать ее сердце. Однажды девушка сказала ему: "Моя семья настроена к вам враждебно, мы должны бежать!" Он стал успокаивать ее: "К чему вызывать скандал и калечить Вашу судьбу? Несколько месяцев терпения, и мы поженимся с согласия родителей". Лассаль не получил ни этого согласия, ни девушки. Более того: ее жених убил его на дуэли. Возлюбленная оплакивала его, а затем вышла замуж за убийцу Лассалья... Кто знает, может быть, судьба и ему давала такой шанс — бежать? В феврале — апреле 1936 года Бухарин ездил за границу для покупки архивных материалов Маркса и Энгельса. Он уже тогда чувствовал, что петля на его шее затягивается. Коба не умел шутить. Его шутки — как у висельника... Приходили ли ему мысли о невозвращении на Родину тогда, в Париже; сожалел ли он об этом упущенном шансе сейчас? Никто не знает. Однако вся его жизнь была такой, что, говоря словами Робеспьера, вместе с могилой он мог обрести бессмертие только в своем Отечестве.

Лежа на нарах в камере, Бухарин, возможно, старался осознать, почему судьба столь жестока. Ведь именно он помогал на каком-то этапе утвердиться Кобе... Если бы он с Томским и Рыковым были более решительными и последовательными, то, пожалуй, могли бы в 1927 году обуздать Сталина. Однако Бухарин вновь, в который раз, поверил тогда Сталину...

После того как в ходе "следствия" Бухарин долго молчал и дело стало явно затягиваться, Сталин разрешил Ежову использовать "все средства", тем более что по его настоянию на места еще раньше было послано следующее разъяснение: "Применение методов физического воздействия в практике НКВД, начиная с 1937 года, разрешено ЦК ВКП(б). Известно, что все буржуазные разведки применяют методы физического воздействия против представителей социалистического пролетариата, и притом применяют эти методы в самой отвратительной форме. Возникает вопрос, почему социалистические органы государственной безопасности должны быть более гуманны по отношению к бешеным агентам буржуазии и заклятым врагам рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП(б) считает, что методы

физического воздействия должны как исключение и впредь применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае как допустимый и правильный метод".

По существу, это "исключение" стало обычным правилом, к нему прибегали тотчас же, как только обвиняемый проявлял неподатливость в "диалоге" со следователем. Фактически Сталин официально санкционировал нарушение элементарных норм социалистической законности. Поэтому, когда Сталину вновь доложили, что Бухарин "запирается", было предложено расширить "методы допроса". Когда угрозы в адрес его молодой жены и крохотного сына в сочетании с "методами физического воздействия" стали применяться в комплексе, Бухарин сдался. Он подписал самые чудовищные выдумки следователя, заклеил себя как "троцкиста", "руководителя блока", "заговорщика", "предателя", "организатора диверсий" и т.д. Невыносимо тяжело и сегодня читать его слова: "Я признаю себя виновным в измене социалистической Родине, самом тяжком преступлении, которое только может быть, в организации кулацких восстаний, в подготовке террористических актов, в принадлежности к подпольной антисоветской организации. Я признаю себя, далее, виновным в подготовке заговора "дворцового переворота"..."³⁷

Да, Сталин был доволен. И все же, читая иногда стенограммы допросов, диктатор не мог не чувствовать в некоторых ответах обвиняемых скрытую насмешку, предсмертную прощуху над организаторами "спектакля":

Вышинский. Подсудимый Бухарин, — факт или не факт, что группа ваших сообщников на Северном Кавказе была связана с белоэмигрантскими казачьими кругами за границей? Рыков говорит об этом, Слешков говорит об этом.

Бухарин. Если Рыков говорит об этом, я не имею основания не верить ему.

Вышинский. Вам, как заговорщику и руководителю, был известен такой факт?

Бухарин. С точки зрения математической вероятности можно сказать с очень большой вероятностью, что это факт.

Вышинский. Позвольте спросить еще раз Рыкова: Бухарину было известно об этом факте?

Рыков. Я лично считаю с математической вероятностью, что он должен был об этом знать³⁸.

Сталин зло отодвинул листки стенограммы, явственно почувствовав глухой сарказм загнанных в угол людей: их спраши-

вают о связях с белоэмигрантами, а они — "математическая вероятность"! После каждого заседания обвиняемым напоминали: от полноты и точности изложения согласованных на следствии версий зависит не только их судьба, но и жизнь их близких. Идея "судебных заложников" принадлежит Сталину. Хотя "вождь" знал заранее: какие они заложники? Судьба подсудимых, как и членов их семей, была предreshена еще до начала процесса. Он давно позаботился и о юридической стороне дела: еще 20 июля 1934 года было принято соответствующее добавление все к той же 58-й статье — "о членах семей изменников"...

Готовя процесс "двадцати одного", Сталин не мог допустить "осечки"; Бухарин и его "однодельцы" должны были полностью "созреть". К тому же процесс, по замыслу "вождя", должен был подвести итоги первого этапа массовой чистки и террора, развернувшихся в партии и стране. Сталин относился к процессу не только как к юридическому акту, венчающему ликвидацию наиболее опасных "врагов", но и как к всесоюзному уроку классовой бдительности, непримиримости и ненависти ко всем, кто мог даже потенциально выступить против него, а следовательно, и против социализма. В свете этого вывода не случайны его указания о широчайшем освещении процесса в печати, на радио, организации бесчисленных митингов с требованиями "уничтожить фашистских гадов".

Сталин был расчетлив. С одной стороны, с помощью этих "спектаклей" еще больше утверждалось его единовластие. Народ, партия не могли, по его мнению, не усвоить урока: любые оппозиции бесперспективны. Этими процессами "вождь" насаждал систему взаимного социального контроля, при которой все следили друг за другом. Только он, признанный и единственный вождь, находился вне этой системы слежки и доносов. Даже люди из ближайшего его окружения не могли себя чувствовать спокойно. Судьба Косиора, Постышева, Рудзутака, Чубаря, других руководителей из самого верхнего эшелона власти красноречиво свидетельствовала об этом.

С другой стороны, политические процессы были организованы так, что Сталин, как их главный Режиссер, находился в тени. Имеется очень мало публичных высказываний "вождя" по поводу процессов. Его истинная роль для абсолютного большинства народа была неизвестна. Создавалось впечатление, что "шпионов", "предателей" и "убийц" судит сам народ. Но если бы, представим себе, весь народ непосредственно судил обвиняемых, результат, вероятно, был бы тот же. Страна еще

не "остыла" от классовых схваток революции, гражданской войны, коллективизации. Любое сообщение о "теракте", "вредительстве", "шпионаже" вызывало в народе гневную реакцию. Фашизм устроил пробу сил в Испании, шла милитаризация Германии, сколачивались антикоминтерновские пакты, капиталистический мир смотрел на "большевистскую Россию" лишь через перекрестие прицела...

Вот что, например, писала "Вечерняя Москва" 15 марта 1938 года: "История не знала злодеяний, равных преступлениям банды из антисоветского "правотроцкистского блока". Шпионаж, диверсия, вредительство обер-бандита Троцкого и его подручных — Бухарина, Рыкова и других — вызывают чувство гнева, ненависти, презрения не только у советского народа, но и всего прогрессивного человечества.

Они пытались убить нашего дорогого вождя товарища Сталина. Они в 1918 году стреляли в товарища Ленина. Они оборвали пламенную жизнь Сергея Мироновича Кирова, умертвили Куйбышева, Менжинского и Горького. Они предавали нашу Родину.

Славная советская разведка, руководимая сталинским наркомом Николаем Ивановичем Ежовым, разгромила змеиные гнезда этих гадов!"

Так народ превращали в толпу. Так "массаж" общественной психологии рождал феномен единения вокруг ложной идеи. Так Сталин манипулировал сознанием миллионов людей.

Троцкисты-вредители для всех были безусловными врагами. А как же иначе? В день завершения процесса, 13 марта 1938 года, был выпущен 200-тысячный автомобиль "ЗИС" на Московском автозаводе им. Сталина, досрочно выполнен квартальный план угледобычи в Караганде, москвичи и гости столицы впервые проехали по только что сданному Покровскому радиусу второй очереди Московского метрополитена им. Л.М. Кагановича. В Тульской области в передовых колхозах приступили к строительству водопроводов (в колхозе им. Хрущева пробурена скважина глубиной 46 метров)... Каждая республика, каждая область, каждый завод и колхоз стремились порадовать партию и "вождя" новыми достижениями. Атмосфера общества, в невиданном порыве, в каком-то иступлении строящего новые города и дороги, заводы и дворцы, была наэлектризована до предела. Люди только-только почувствовали, как начала улучшаться жизнь, испытали гордость от рекордных взлетов Стаханова, Чкалова, Папанина, Бусыгина,

Сметанина, тысяч других, а тут, вот они — конкретные разрушители всего того, что стало уже для народа святым.

Чудовищная мистификация процессов казалась реальным отражением продолжающегося обострения классовой борьбы. Отсутствие гласности, подлинной информированности облегчало манипулирование сознанием миллионов. Без представления реалий первого двадцатилетия Советской власти, духовной атмосферы 30-х годов, тех императивов, которые диктовали многим людям линию их поведения, нельзя понять социальную драму этой эпохи, те трагические коллизии, которые потрясли страну.

Судить о прошлом всегда легче, чем о настоящем. Обогащенные опытом долгого пути, мы знаем, пожалуй, больше, чем те, кто жил в то время. Справедливо ставя в эпицентр исторической вины одного человека, мы не должны вместе с тем забывать, что эта личность могла там оказаться благодаря той системе отношений, которую в конечном счете создали многие. У французского писателя Жана Лабрюйера есть глубокая мысль: "Невинно осужденный — это вопрос совести всех честных людей". Сталин узурпировал власть и совершал преступления и потому, что ему позволили это сделать. Сегодня признания осужденных выглядят не только как вечное историческое обвинение организаторам "спектаклей". Это урок для всех поколений.

Нет, не только сегодня все люди с горестным недоумением разводят руками: почему все они признались в несовершенных преступлениях? Уже во время процессов это стало одной из самых больших загадок для западной печати. Сталин, всегда внимательно следивший за барометром общественного мнения не только у себя в стране, немедленно среагировал. По его указанию была быстро подготовлена и опубликована в "Правде" статья "Почему они признаются". В ней, в частности, говорилось: почему вы признаетесь, спросил Вышинский, может, есть давление со стороны? Подсудимые категорически отвергли такое предположение. Они подтверждают, что следствие велось в совершенно корректной форме, что ни о каком насилии, прямом или косвенном, не может быть и речи. Подсудимый Муралов заявил, например, что в заключении к нему отпосились все время "культурно и воспитанно"... Муралов заперся 8 месяцев, Богуславский — 8 дней, Радек — 3 месяца... Они заговорили. Под уликами. Обвинение обосновано строго фактически. Подсудимые подавлены тяжестью неоспоримых

улик...³⁹ Так официально объясняли тогда феномен чудовищных признаний.

В том, что подсудимые были "подавлены", сегодня сомневаться не приходится. Но только не "уликами". Как определила Комиссия Политбюро ЦК КПСС на своем заседании 5 февраля 1988 года, предварительное следствие "проводилось с грубыми нарушениями социалистической законности, фальсифицировалось, от обвиняемых недозволёнными методами добывались признательные показания". Не случайно и то, что, например, в "обойме" подсудимых по так называемому "антисоветскому правотроцкистскому блоку" собраны люди, часто даже не знавшие друг друга: партийный работник и врач, дипломат и нарком, хозяйственник и республиканский руководитель. Организаторам политического фарса нужно было показать широкую сеть правотроцкистских предателей, развернутую в СССР; доказать, что существует реальная опасность попасть в эту сеть всякому, кто допустит благодушие, утрату классово-бдительности, рогозейство. Действия "блока" показывают, внушали людям архитекторы процесса, что они не только "торгуют Родиной", готовясь ее расчлениить, но и занимаются шпионажем в пользу Германии и Японии, взрывом шахт и крушением поездов, убийством выдающихся советских людей, подготовкой покушений на Сталина, Молотова, Кагановича, Ежова, других руководителей...

Сталин, как я уже говорил, внимательно следил за реакцией мирового общественного мнения на процессы. Он ожидал худшего. Конечно, всех повергало в недоумение обстоятельство, что подсудимые не защищались, а дружно вторили обвинению. Но, мало зная о реальных фактах, сопутствующих процессу, буржуазная пресса не поднялась выше абстрактных осуждений "антидемократизма". Сталина бесил Троцкий. Тот продолжал почти ежедневно излагать на страницах западных газет свои доводы, опровержения, разоблачения, а теперь вот стало известно, что готовит проведение своего пропагандистского "контрпроцесса".

Совершенно вывела из себя Сталина ядовитая статья Троцкого в 65-м номере "Бюллетеня оппозиции" за 1938 год. С присущим ему сарказмом и пронизательностью Троцкий зло подметил фальшь процессов: "В этой преступной деятельности наркомы, маршалы, послы, секретари неизменно получают приказы из одной инстанции, не от их официального вождя, а от изгнанника. Троцкому стоит подмигнуть, и ветеранам революции достаточно, чтобы стать агентами Гитлера и микадо.

По "инструкциям" Троцкого, переданным через лучшего корреспондента ТАСС, руководители промышленности, сельского хозяйства и транспорта уничтожают производительные ресурсы страны. По приказу "врага народа номер 1", отданного из Норвегии или Мексики, железнодорожники уничтожают военные транспорты на Дальнем Востоке, а очень уважаемые врачи травят своих пациентов в Кремле. Эту удивительную картину рисует Вышинский, но тут возникает трудность. При тоталитарном режиме аппарат осуществляет диктатуру. Но если мои наймиты занимали все ключевые посты в аппарате, почему Сталин сидит в Кремле, а я в ссылке?"

Сталин пришел просто в бешенство, прочитав эти строки. Обругав Ежова за "кретинизм" в фабрикации дел, он вновь, в который уже раз, задумался: не пора ли завершить всю эту кампанию? Нет, он не был готов к этому. Пока оставались люди, которые хотя бы в душе могли видеть в Троцком альтернативу, он остановиться не мог. "Вождь" читал у кого-то из древних мыслителей: террор, остановленный на полпути, опасен. Выжившие полны жаждой мщения.

Политические процессы имели еще одну цель. С их помощью, прямо или косвенно, Сталин пытался доказать, что все бывшие оппозиционеры, троцкисты, бухаринцы, зиновьевцы, меньшевики, дашнаки, эсеры, анархисты, бундовцы объективно навсегда остались на позициях, враждебных социализму. К ним фактически "пристегнули" и большинство из тех, кто бывал за границей: дипломатов, деятелей культуры, производственников, ученых, даже тех, кто, выполняя интернациональный долг, воевал в Испании. К "врагам" отнесли многих вернувшихся на родину эмигрантов, немало зарубежных коммунистов, работавших в Коминтерне или его организациях. В легион "врагов" попадали чаще те, кто когда-либо был исключен из партии, кто был "обижен" Советской властью, кто когда-то выражал политические сомнения. Автоматически "врагами" считались и близкие родственники репрессированных. Большую группу составляли чекисты. Некоторые из них уничтожались потому, что пытались хотя бы косвенно саботировать преступные замыслы, а иные, наоборот, попадали в разряд врагов, как, например, Ягода, Фриновский, Берман, за чрезмерное рвение, за то, что слишком много знали. На таких людей списывали перегибы, извращения, "вредительство в органах НКВД".

Особенно преследовались те, кто помнил о Ленине и подлинном ленинизме, кто боролся в свое время с царизмом, а значит, хотя бы инстинктивно ценил истинную свободу и демокра-

тию, кто мог знать об Иосифе Джугашвили нечто такое, что выходило за официальные рамки. Это были люди, которые буквально понимали указание Ленина о том, что "нет другого пути к социализму, кроме как через демократизм, через политическую свободу"⁴⁰. Эти люди не хотели питаться суррогатами сталинского толкования ленинизма. Но таких уже было меньшинство. Остальные попадали в жернова репрессий попутно, по касательной. Одни работали под началом "врагов народа", другие их вовремя "не разоблачили", третьи — "пособничали" им в чем-то, о чем они даже сами не догадывались...

Подозрительность усиливала инерцию насилия. Едва ли В. Захаров, М. Моциев и другие железнодорожники со станции Арзамас представляли, в чем суть троцкистских взглядов, но эти взгляды вкупе с "намерениями к террористическо-диверсионной деятельности" послужили основанием для вынесения им 31 октября 1937 года смертных приговоров. Как докладывал в своей сводке Сталину Ульрих, "все обвиняемые признали себя виновными полностью". Чудовищная подозрительность, трактуемая как "сталинская бдительность", исправно поставляла Молоху правосудия свои жертвы.

Особенностью этих процессов было стремление Сталина не просто уничтожить своих реальных и потенциальных оппонентов, но и предварительно вывалить их в грязи аморальности, измены, предательства. Все процессы являют собой беспрецедентный пример самоунижений, самооговоров, самоосуждений. Часто это выглядело просто абсурдным и продиктованным лишь низкой мстостью. Так, подсудимые назойливо твердили, что они "предатели", "шпионы", "двурушники", "вредители", "убийцы". Камснев, например, прямо заявлял, что "мы служили фашизму, мы организовали контрреволюцию против социализма". Обещания снисхождения, угрозы репрессий по отношению к семьям, систематическое физическое насилие на допросах ломали этих людей, заставляли играть свои унижительные роли по сценарию, написанному "жрецами правосудия". Главный Режиссер все время находился за кулисами, а его помощники — Вышинский и Ульрих — цинично вели "спектакли".

В книге английского историка религии Дж. Фрейзера "Фольклор в Ветхом завете" есть глава "Чаша Иосифа", начало которой стоит привести полностью. "Когда братья Иосифа пришли из Палестины в Египет, чтобы закупить там зерно на время голода, и уже собирались в обратный путь, Иосиф велел положить в мешок Вениамина свою серебряную чашу. Как только братья покинули город и еще не успели отойти на дале-

кое расстояние, Иосиф послал им вслед своего управителя, приказав ему обвинить их в краже чаши. Тот обыскал все мешки и нашел пропавшую чашу в мешке Вениамина. Управитель стал упрекать братьев за их неблагодарность по отношению к его господину, которому они за оказанное гостеприимство и за всю его доброту отплатили тем, что похитили у него драгоценный бокал. "Для чего вы заплатили злом за добро? — спросил он их. — Не та ли это чаша, из которой пьет господин мой и гадает на ней? Худо это вы сделали". Когда же братья были приведены обратно и поставлены перед Иосифом, он сказал им: "Что это вы сделали? Разве вы не знали, что такой человек, как я, конечно, угадает?" Из этих слов мы можем заключить, — пишет Дж. Фрейзер, — что Иосиф особенно кичился умением обнаружить вора, гадая на своей чаше"⁴.

Когда "братьев" по несчастью (и духу — тоже) Бухарина и Рыкова исключали из состава кандидатов в члены и членов ЦК, Сталин своей репликой дал им слабую надежду, что "в НКВД разберутся". Представ спустя год перед военной коллегией Верховного суда СССР, те, кто оказался "по другую сторону барьера", как прозвучало в последнем слове Н.И. Бухарина, почувствовали, что "чаша Иосифа", чаша злодейства и коварства, наполнена до краев. Им предстояло испытать ее до дна.

"Научиться ценить людей..."

4 мая 1935 года Сталин произнес речь в Кремле на выпуске "академиков" Красной Армии. К этому времени кадровый погром еще не наступил. В руководящих эшелонах партийного, государственного, хозяйственного аппарата, среди профессиональных военных, технической и творческой интеллигенции, местных работников в республиках, краях, областях скоро будут зиять крупные бреши. Словно эпидемия страшной чумы выкосит сотни тысяч людей. В начале 1939 года Сталин затребовал из Главного управления кадров РККА справку о командном составе армии и флота. Он долго молча всматривался в графы таблицы: около 85% командиров были моложе 35 лет. Сталин не спеша листал страницы этой справки. Может быть, он вспомнил, что кроме трех маршалов и большой группы командармов первого и второго рангов по его воле исчезли и другие способные военачальники? Многие из

них при назначении побывали здесь, в его кабинете... Может быть, вспомнил речь Ворошилова на заседании Военного Совета при наркомате 29 ноября 1938 года? Тогда нарком, как о великом достижении, доложил: "В ходе чистки в Красной Армии в 1937 - 1938 годах мы вычистили более сорока тысяч человек... За десять месяцев 1938 года выдвинули более 100 тысяч новых командиров"⁴². Из пятидесяти с небольшим членов Военного Совета старого состава остались лишь десять человек... Какие чувства испытывал "вождь", взирая на бреши в командном корпусе? Едва ли кто скажет об этом. Известно лишь, что, увидев "пустоши" в кадровом составе, Сталин предложил увеличить численность академий, создать новые училища. Но такие "дыры" были не только в рядах военных...

Бывший нарком путей сообщения И.В. Ковалев рассказывал мне:

— Назначили меня в 37-м начальником Западной железной дороги. Приехал в Минск. Прихожу в управление дороги. Пусто. Передать мне дела некому. Русакова, моего предшественника, арестовали и расстреляли. Вызываю заместителей — никого нет. Арестованы... Ищу того, другого — какая-то тишина страшная... Как смерч прошел. Даже удивительно, как еще поезда идут, кто руководит всем этим огромным хозяйством. Пошел на квартиру к знакомому работнику из управления дороги. К удивлению своему, застал его дома вместе с заплаканной женой. "Ты чего не на работе?" — не успев поздороваться, начал я разговор.

— Жду. Сегодня сказали — придут меня забрать. Вот белье собрал... Наседкин из НКВД каждого второго подчиняет... Дорогу может парализовать...

Выяснив картину бедствия, осмелев от беды, продолжал Ковалев, я позвонил в Москву, Сталину (ведь если дорога не заработает по-настоящему, быстрехонько возьмут и меня). Ответил Поскребышев. Описал ему обстановку. Как-то быстро вакханалия прекратилась. Да и сажать было уже некого, завершил свою мысль Ковалев.

Положение на этой дороге не было исключением. Машина репрессий была запущена на полный ход. Как она работала, дают представление выдержки из выступлений участников октябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. Вот что, например, говорил Соболев, секретарь Красноярского крайкома партии, во время обсуждения доклада Молотова о ходе избирательной кампании. Вопрос был о выборах, а говорили о "вратах народа".

— Сейчас мы разоблачаем и уничтожаем врагов: бухаринцев, рыковцев, тропкистов, колчаковцев, диверсантов, всю эту сволочь, — говорил Соболев, — которую мы громим в крае. Они совершенно открыто делают выступления (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) против нас... Я имею в виду одну из наиболее излюбленных форм диверсий в крае — это поджоги.

Пескарев из Курской области рисовал такую картину:

— В связи с тем что в руководстве областной прокуратуры и областного суда у нас долго орудовали мерзавцы, вредители, враги народа, то оказалось, что они центр тяжести карательной политики перенесли на ни в чем не повинных людей: за три года в области было осуждено 18 тысяч колхозного и сельского актива (часто за то, что лошадь захромала или опоздали на работу)...⁴³

"Разоблачали и уничтожали" везде. К маю 1935 года, когда состоялось выступление Сталина в Кремле, результаты этих "разоблачений и уничтожений" были еще неизвестны. Но кто мог подумать тогда, слушая речь "вождя" в Кремле, что он решится на эту кровавую оргию?

В абсолютной тишине кремлевского зала звучал негромкий голос Сталина. Скупые жесты дополняли его неторопливую речь. Держа перед собой текст, Сталин редко в него заглядывал. Сотни глаз молодых командиров, политработников, с новыми скрипящими португезами, "кубарями" и "шпалами" в петлицах, напряженно всматривались в невысокую плотную фигуру "вождя".

— Вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке, — размеренно продолжал секретарь ЦК. — Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили: "Остался там". На мой вопрос: "Как же так, остался?" — они с тем же равнодушием ответили: "Чего же там спрашивать, утонул, стало быть". И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что "надо бы кобылу напоить". На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: "Что ж нам жалеть их, людей-то; людей мы всегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу..." (*Общее оживление в зале.*) Полусогнутый указательный палец "вождя" застыл в воздухе, фиксируя парадоксальность ответа сибиряка.

— Так вот, равнодушное отношение некоторых наших ру-

ководителей к людям, к кадрам и неумение ценить людей, — продолжал Сталин, иногда по-прежнему взмахивая здоровой рукой, словно отрубая слова, — является пережитком того страшного отношения людей к людям, о котором я только что рассказал...

— Так вот, товарищи, если мы хотим изжить с успехом голод (выделено мной. — *Прим. Д.В.*) в области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие, — мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника (выделено мной. — *Прим. Д.В.*), способного принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях "кадры решают все"⁴⁴.

Я привел эту пространную выдержку из речи Сталина по нескольким причинам. С одной стороны, мы видим, что "вождь" уже тогда признавал дефицит ("голод") кадров. С другой — зная роль и место Сталина в грядущих массовых репрессиях, еще и еще раз поражаешься его беспредельному цинизму, двуличию и жестокости. Готовя расправу над тысячами преданных партии и народу коммунистов, тут же публично рассуждает о людях, кадрах, как "самом ценном капитале"... Даже если допустить, что на каком-то этапе карательная машина вышла из-под контроля Сталина и беззаконие совершалось уже в силу страшной инерции, нельзя не испытать потрясения, сопоставляя ранние фарисейские сентенции "вождя" и его будущий личный "вклад" в дело уничтожения кадров.

Я не располагаю официальными данными о количестве жертв в 1937 — 1938 годах. Возможно, их пока и нет. На основании имеющихся материалов (списки делегатов съездов, партийные статистические отчеты, доклады с мест, данные из архивов судебных органов, различные донесения Сталину, Молотову, Берии и т.д.) можно сделать осторожную оценку общего количества репрессированных. Кстати, наиболее точные данные — по Наркомату обороны. Анализ целого ряда материалов, возможно, повторяю, недостаточно полных, показывает, что в эти трагические два года — 1937-й и 1938-й, — по моему мнению, подверглись репрессиям порядка 4,5 — 5,5 миллиона человек. Из них погибли в результате смертных приговоров 800 — 900 тысяч человек. Кроме того, это известно точно, очень многие сгинули в лагерях и тюрьмах позже, даже не бу-

дучи приговоренными к смерти. В периодической печати приводятся самые различные данные о масштабах репрессий. Компетентные органы совместно с учеными и представителями общественности на основании архивных материалов должны наконец сделать горестное заключение о сталинском "итоге" 1937 — 1938 годов. Пока этого нет, авторы публикаций вынуждены "экстраполировать", "прикидывать" и т.д. У меня есть ряд документов, которые, как мне кажется, косвенно подтверждают близость приведенной выше цифры — 4,5 — 5,5 миллиона жертв — к истинной. Эти документы свидетельствуют: после войны количество лагерей и исправительно-трудовых колоний не сокращалось, а даже росло, и число заключенных примерно оставалось на одном уровне в течение нескольких лет. Поэтому количество заключенных, допустим, в 1948 или 1949 годах может дать представление об их числе в 1937 — 1938 годах. Вот выдержки из этих документов:

"Товарищу Сталину.

В соответствии с Вашими указаниями при этом представляем проект решения об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников...

18 февраля 1948 г.

*В. Абакумов.
С. Круглов*⁴⁵.

"Товарищу Сталину.

МВД СССР докладывает Вам о состоянии и работе исправительно-трудовых лагерей и колоний за 1947 год. На 1 января 1948 года содержалось 2 199 535 заключенных в лагерях и колониях. Создано 27 новых лагерей...

7 марта 1948 года.

Министр внутренних дел СССР

*С. Круглов*⁴⁶.

Нужно учитывать, что, кроме того, в подобных "учреждениях" содержались заключенные тюрем, численность которых мне неизвестна (но думаю, не более 30% от "населения" лагерей и колоний). Приведу еще один документ:

"Товарищу Сталину.

МВД СССР докладывает о состоянии и работе исправительно-трудовых лагерей и колоний за 1949 год. На 1 января 1949 года содержатся 2 550 275 заключенных; за контрреволюционную деятельность — 22,7%. Сроки заключения свыше 10 лет у 366 489 человек. Созданы два новых особых лагеря со строгим режимом для шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, нацио-

налистов, белоэмигрантов... Обеспеченность жил.площадью заключенного в среднем — 1,8 кв. метра...

23 января 1950 г.

*С. Круглов*¹⁷.

Эти данные не включают, как я уже говорил, заключенных в тюрьмах. Нужно также учитывать, что лагеря сильно пополнились полициями, фашистскими прихвостнями, лицами, осужденными за националистические вооруженные выступления против Советской власти в конце и после войны в западных районах страны, как и депортированными из освобожденных районов и арестованными безвинно. Поэтому (с учетом тюрем) количество заключенных около 3 — 4 миллионов, видимо, было не только в 1948 и 1949 годах. Едва ли число репрессированных в 1937 — 1938 годах могло быть намного больше, чем в 1948 — 1949 годах. Объективный показатель — "жилплощадь", как выражался министр внутренних дел С. Круглов, едва ли увеличилась с тех горьких лет. "Жили" на трехэтажных нарах. При этом важно иметь в виду, что состав ГУЛАГа постоянно "обновлялся". Ежедневно приходило пополнение, многие не выдерживали тяжелейших условий и погибали. Какой-то процент осужденных освобождался. Но ежегодно сталинская карательная система едва ли могла содержать более 4 — 5 миллионов человек. Повторюсь: сравнивая возможности ГУЛАГа с интервалом в 10 лет, думаю, что мои оценки масштаба сталинских репрессий в 1937 — 1938 годах близки к истинным. Впрочем, их можно опровергнуть, но лишь публикацией государственных данных.

Если говорить о персональной ответственности, то главный виновник всех этих невиданных репрессий — И.В. Сталин. "Вождь" лично давал указания Ежову о направленности и масштабах репрессий, нередко указывал конкретных лиц, которых, по его мнению, следовало "проверить". Чтобы избежать в переписке и телефонных разговорах упоминания слов "смертная казнь", "высшая мера наказания", Сталин предложил именовать эту меру наказания "первой категорией". Из документов видно, что репрессии в отношении многих известных лиц были осуществлены по личному указанию Сталина. Р. Эйхе, Я. Рудзугак, В. Чубарь, С. Косиор, П. Постышев были арестованы и расстреляны с санкции Сталина. В аппарате ЦК, например, Сталин предложил "проверить" (а это означало самое худшее) заведующего отделом агитации и пропаганды А. Стецкого, заведующего отделом печати Б. Таля, заведующего сельхозотделом Я. Яковлева, заведующего отделом

науки К. Баумана, ответственного работника Комиссии партийного контроля Ф. Зайцева, десятки других работников. Для всех эта "проверка" закончилась расстрелом.

Когда дело приняло широкие масштабы, Сталин одобрял смертные приговоры большими списками, а в 1938 году, "устав" от этого занятия, предоставил право решать судам и трибуналам без доклада ему. Н.С. Хрущев на XX съезде партии сказал, что в 1937 — 1938 годах Ежов направил Сталину 383 списка с именами многих тысяч партийных, советских, комсомольских, армейских и хозяйственных работников. Все они были Сталиным утверждены. Не думаю, что Сталин ограничился только этими списками. Их было больше. Поскольку на них часто стояли визы и других руководителей, многие документы уже после XX съезда партии исчезли. Как мне рассказывал А.Н. Шелепин в начале апреля 1988 года, целый ряд списков, на которых стояла и подпись Хрущева, был изъят из архивов по его же указанию И.А. Серовым, тогдашним заместителем министра госбезопасности. Они были переданы Первому секретарю ЦК партии Н.С. Хрущеву, который, решившись на смелый шаг в разоблачении злодеяний Сталина, видимо, хотел отмежеваться от его преступлений. Хотя, несомненно, Хрущев, Молотов, Каганович, Ворошилов, Маленков, другие руководители виновны в беззакониях или как соучастники, или как слепые исполнители, или как бездумные "поддакиватели". Но Сталин несет перед историей главную ответственность за бесчисленные преступления 1937 — 1938 годов.

"Вождь" очень заботился, чтобы его имя не фигурировало в качестве лица, санкционировавшего ВМН (высшую меру наказания). У меня есть много писем, адресованных Сталину, Ворошилову, Молотову, другим руководителям партии с мольбами о помиловании. Отдельные письма они читали, часто не оставляя своих "автографов". Однако все авторы писем погибли. Остается предположить, что Сталин предпочитал устно выносить свое решение, а иногда и вообще не рассматривать этих прошений, так как судьба тех, кто их писал, была им предрешена заранее. Вот эта "закрытость" роли Сталина как прямого, непосредственного организатора и участника преступлений породила и поныне "здравствующую" легенду о том, что он "не знал" о репрессиях. Как говорила, например, на XXII съезде КПСС старая большевичка Д.А. Лазуркина, когда она сидела в тюрьме, то "ни разу не обвиняла тогда Сталина. Я все время дралась за Сталина, которого ругали другие заключенные, высланные и лагерники. Я говорила: "Нет, не может быть, чтобы

Сталин допустил то, что творится в партии. Не может этого быть⁴⁸. Подобная наивность могла проистекать лишь от незнания истинной картины.

Сталин и его окружение возвели насилие в норму жизни. Именно их усилиями в конце концов была создана такая система отношений в государстве и партии, которая породила обстановку беззакония. Как говорилось в докладе на XX съезде партии "О культе личности и его последствиях", "произвол одного лица поощряет и разрешает проявление произвола другими лицами. Массовые аресты и высылки многих тысяч людей, расстрелы без суда и нормального следствия создали обстановку, лишающую чувства безопасности и полную страха и даже ужаса".

Печальным и трагическим является то обстоятельство, что террор был развязан в условиях, когда прямой, непосредственной угрозы социалистическому строю в стране не было. Внешняя угроза, которая существовала многие годы, как, впрочем, существует и сейчас, ни в коей мере не могла оправдать репрессий. Вероятно, единичные проявления классовой вражды, неприятия нового строя в стране имели место. И в этом нет ничего удивительного. Но нет никаких доказательств наличия массовых вредительских и враждебных элементов.

Сталин полностью игнорировал ленинские указания об отношении к революционному террору. Да, было время, когда молодая Советская республика, чтобы выжить, была вынуждена ответить на белый террор красным террором. Но как только появились объективные признаки упрочения новой власти, незамедлительно были приняты меры, чтобы прекратить крайнее насилие как способ решения социальных, политических и экономических задач.

"Террор был нам навязан терроризмом Антанты, — говорил Ленин в своем докладе о работе ВЦИК и Совнаркома 2 февраля 1920 года, — когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали"⁴⁹. Сталин, видимо, не считал нужным к "собственной программе" относиться как к

"обещанию". Вспомним постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года, принятое по инициативе Сталина: "Приводить в исполнение смертные приговоры преступникам... немедленно", "получение прощений о помиловании... неприемлемо". Никаких адвокатов, никакого нормального следствия... Арестованный сразу же становился преступником. Так построил террористическую машину лично Сталин. Аппарат репрессий был создан. Первыми под нож сталинской гильотины попали видные партийные, государственные и военные деятели.

В 1937 году состоялось несколько пленумов ЦК партии. На каждом из них кроме рассмотрения вопросов о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР, об ошибках при исключении коммунистов из партии, о мерах по улучшению работы МТС и других проблем непременно рассматривались и такие, как "о составе ЦК ВКП(б)". А это означало, что продолжалась чистка и высшего партийного органа. Например, на октябрьском Пленуме ЦК партии 1937 года из его состава было выведено 24 члена и кандидата! Среди них: Зеленский, Лебедь, Носов, Пятницкий, Хатасвич, Икрамов, Криницкий, Варейкис, Гринько, Любченко, Еремин, Дерibas, Демченко, Серебровский, Розенгольц, Птуха, Шубриков и другие. Все они, в основном большевики с большим стажем, костяк партийных кадров, квалифицировались как "враги народа"⁵⁰. Участь их печальна. И так — на каждом пленуме... На декабрьском Пленуме ЦК 1937 года, например, было утверждено (голосование опросом) следующее решение:

"На основании неопровержимых данных Пленум ЦК признает необходимым вывести из состава членов ЦК ВКП(б) и подвергнуть аресту как врагов народа: Баумана, Бубнова, Булина, Межлаука, Рухимовича и Чернова, оказавшихся немецкими шпионами и агентами царской охранки; Михайлова, связанного по контрреволюционной работе с Яковлевым, и Рындина, связанного по контрреволюционной работе с Рыковым, Сулимовым".

Далее почерком Сталина дописано: "Все эти лица признали себя виновными"⁵¹.

Подумать только, как бедна фантазия главного Инквизитора: более половины состава ЦК — "шпионы" и "агенты царской охранки"! Двадцать лет после краха дома Романовых их жандармское ведомство продолжало как ни в чем не бывало действовать! Все это похоже на безумие, пир злой силы! Просматривая пожелтевшие листки, которые рассылались членам ЦК для заочного голосования, я не встретил ни одного несо-

гласия, возражения, сомнения. Только "за", "согласен", "безусловно согласен", "верное решение", "необходимая мера" и т.д. Совесть безмолвствовала в заточении лжи и страха.

К концу 1938 года фактически не оставалось кандидатов, которыми можно было заполнить страшную брешь. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на XVII съезде, 98 человек, или 70%, были арестованы и в 1937 - 1938 годах погибли. Такова судьба не только большинства членов Центрального Комитета, но и основной части делегатов "съезда победителей". А ведь 80% делегатов XVII съезда с правом решающего голоса были большевики со стажем до 1921 года! Это люди, прошедшие ленинскую школу, подполье, революцию, гражданскую войну. Сталин не мог забыть, что почти триста делегатов голосовали тогда против него. Кто они? Диктатор в каждом видел потенциального врага.

Республиканский, краевой и областной эшелоны также были обескровлены. Многие обкомы были просто обезглавлены; все секретари партийных комитетов попадали, по словам Кагановича, на "жительство" к Ежову. Назову лишь несколько фамилий из тысяч местных партийных и советских работников, кому довелось испытать из "чашки Иосифа": А. Богомолов, Т. Братановский, Е. Вегер, М. Гусейнов, Б. Додобаев, Н. Журавлев, С. Зегер, В. Еремченко, Ю. Коцюбинский, Г. Крутов, Н. Марголин, Д. Орлов, Н. Степанян, Я. Попок, А. Шпильман, А. Ханджян, многие, многие другие. Обобщенные данные мог иметь только Сталин. Что думал он, листая страшные сводки и доклады Ежова, Ульриха, Вышинского, когда мог "убедиться", что страна, партия, армия, народное хозяйство — во власти врагов? Неужели ему не могла прийти даже мысль о том, что его концепция "врагов народа" чудовищна в своей нелепости и преступности? Но "вождь" отличался последовательностью. Раз принятое решение Сталин всегда старался довести до конца. С "очищенным" обществом он добьется многого, о чем будут "говорить в веках"...

Однажды, обсуждая с Ежовым в присутствии Молотова очередную список, Сталин, не обращая ни к кому, обронил:

— Кто будет помнить через десять — двадцать лет всех этих пегодаев? Никто. Кто помнит теперь имена бояр, которых убрал Грозный? Никто... Народ должен знать: он убирает своих врагов. В конце концов, каждый получил то, что заслужил...

— Народ понимает, Иосиф Виссарионович, понимает и поддерживает, — как-то машинально откликнулся Молотов.

Хотя оба они должны были знать, что народ безмолствовал. Крики одобрения были гласом неведения, бесправия и подавленности.

Рассуждения "вождя" о том, что нужно "научиться ценить людей, ценить кадры", выглядят в высшей степени кощунственными. Ежов, который в октябре 1937 года стал кандидатом в члены Политбюро, не знал предела в цинизме и незаконии. По его предложению органы НКВД стали готовить списки лиц, которые попадали под юрисдикцию коллегий военных трибуналов. Например, стоило вменить человеку в вину шпионаж, как он предстал уже перед военным трибуналом. О том, как расправлялись со "шпионами" и сколько их было "выявлено", свидетельствует, например, такое донесение Ульриха:

"Комиссару Государственной безопасности I ранга тов. Берия Л.П.

За время с 1-го октября 1936 года по 30-е сентября 1938 года военной коллегией Верховного суда СССР и выездными сессиями коллегий в 60 городах осуждено:

к расстрелу 30 514 человек
к тюрем.закл. 5643 человека

Всего 36 157

15 октября 1938 года

В. Ульрих".

В 1937 — 1938 годах Ежов, а потом и Берия направили на имя Сталина множество списков "шпионов", где заранее, до суда, предлагалась конкретная мера наказания (в подавляющем большинстве случаев — расстрел). Но сначала они получали донесения от Ульриха. Вот еще одно такое сообщение:

"Комиссару госбезопасности I ранга, зам. наркома внутренних дел СССР тов. Берия

В сентябре 1938 года военной коллегией Верховного суда Союза ССР в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Хабаровске и других городах осуждено:

к расстрелу 1803 человека
к тюремн.закл. 389

Всего 2192

В. Ульрих"⁵².

В октябре будет больше: 3588... Но это только "работа" военных трибуналов. А сколько "работало" обычных судов?! Сталин, любивший поговорить о том, что нужно заботиться о человеке, кадрах, проявлять внимание к каждому коммунисту, утверждал без колебаний эти страшные списки.

До сих пор есть еще немало людей, которые хотели бы отделить эту сторону деятельности Сталина, характеризующуюся предельной античеловечностью, от тех мер, которые он осуществлял как глава партии и народа по реализации социально-экономических планов и программ. Даже если, согласно логике этих людей, признавать его "заслуги" в этой области, мы не имеем права, прежде всего морального, выдавать Сталину индульгенцию в том, что "он совершал преступления, искренне веря в то, что совершает их во благо страны". Какое же это "благо страны", если для его фундамента требовались сотни тысяч, миллионы человеческих черепов?! Поэтому очень спорно заявление Н.С. Хрущева на XX съезде о том, что "мы не можем считать, что поступки Сталина были поступками безумного деспота. Он считал, что так нужно было поступать в интересах партии, трудящихся масс, во имя защиты революционных завоеваний. В этом-то и заключается трагедия!"

Согласиться с этим нельзя. Сталин сознательно создавал режим личной диктатуры, в условиях которой он считал себя абсолютно свободным в выборе средств. При чем здесь "защита революционных завоеваний", о которой говорил Хрущев?! Страшное, пьянящее чувство абсолютной власти двигало Сталиным... Повторюсь: абсолютная власть развращает абсолютно. Сталин не мог не знать, что развязанный им террор против партийных, хозяйственных и военных кадров ведется на основе сплошных нарушений социалистической законности. Он не мог не знать, что ни Косиор, ни Постышев, ни Рудзутак, ни Чубарь, ни Эйхе не были врагами народа. Сталин не мог не знать о сплошной фальсификации политических процессов. Если бы над его деятельностью был реальный общественный, партийный, государственный контроль, Сталину не удалось бы провоцировать беззаконие, он просто не решился бы на него. Полная безнаказанность и бесконтрольность позволили проявиться самым отвратительным чертам его характера. Созданная "вождем" тоталитарная система открыла простор для любых действий диктатора. Абсолютная свобода Сталина означала абсолютную несвободу для всех, кто от него зависел. Но в целях морального и социального камуфляжа "вождь" продолжал публично фарисействовать.

Поэтому рассуждения о том, что "трагедия Сталина заключается в том, что он верил в наличие врагов народа и поэтому расправлялся с ними", не просто наивны, но и глубоко неверны. Это была не трагедия Сталина, а трагедия народа. Его деяния можно квалифицировать лишь как преступные. Говоря сло-

вами Маркса, Сталин действовал с "тимур-тамерлановской "расточительностью" в расходовании человеческой жизни..."⁵³. Чужая жизнь не имела для него никакой ценности.

Массовое насилие стало неотъемлемой составной частью сталинского социализма, резко отличавшегося от социализма ленинского. Вполне вероятно, что Сталин даже хотел "процветания" общества, материального благополучия его членов и бесспорно — создания сильного государства. Но он не хотел спрашивать членов этого общества: как, каким образом они хотели бы достичь социалистических идеалов?!

При всей непреклонности в достижении поставленных целей Сталин иногда проявлял колебания, когда до него вдруг "доходил" масштаб репрессий. Именно этим можно объяснить обсуждение на январском (1938 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) вопроса об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии. Этот вопрос был поднят по инициативе "вождя". Слушая доклад Маленкова, выступления Багирова, Постышева, Косиора, Игнатьева, Зимина, Кагановича, Угарова, Косарева, Сталин не мог не поражаться размаху репрессий, беззакония и настоящего погрома кадров. Например, в выступлении Постышева отмечалось, что по приезду в Куйбышев он столкнулся с обстановкой, когда в результате чистки была парализована нормальная деятельность обкома, облисполкома и райкомов партии. В силу того что во многих райкомах осталось по два-три члена, они фактически прекратили работу. Таких райкомов в области оказалось более тридцати! Сталин, Берия, Ежов, Маленков, Молотов тут же свалили всю вину на Постышева, хотя он совсем недавно переехал в Куйбышев.

При знакомстве с документами создается впечатление, что решение "утопить" Постышева было принято до Пленума. Практически все выступающие, начиная с докладчика Маленкова, акцентировали особое внимание на ошибках Постышева. При одобрительных репликах Сталина главную роль критика Постышева на Пленуме взял на себя Каганович. Стоит привести некоторые его аргументы:

— Я Постышева знаю хорошо. Я ездил по поручению ЦК в прошлом году в Киев, когда мы вскрывали грубейшие ошибки т. Постышева в руководстве Киевской и Украинской партийными организациями. Постышев показал себя в Киеве работником, срывающим на практике директивы партии, за что ЦК его тогда и снял с Киева (так в тексте. — *Прим. Д.В.*). Слепота т. Постышева к врагам народа граничит с преступлением. Он не видел врагов даже тогда, когда все воробьи на крышах чир-

кали... Наблюдая тебя в кулуарах и слушая твоё выступление на этом Пленуме, я утверждаю, что ты хитришь с ЦК партии.

— Я никогда в жизни не хитрил, — пытался парировать Постышев.

— Что говорил здесь на Пленуме Постышев — это повторение враждебных партии разговоров. Он не видит того, что за последний год мы имеем более 100 тысяч выдвинутых новых людей. Это наша великая сталинская победа...⁵⁴

Каганович, говоря о "сталинской победе", невольно проговорился о масштабах вынужденной замены кадров руководителей, "выбывших из строя" вследствие репрессий. Колоссальную брешь в кадровом составе, возникшую в результате незаконий, недалекие люди типа Кагановича оценили как ситуацию, способствующую революционному обновлению руководящего состава на различных уровнях.

Критические выступления Ярославского, Косарева, Угарова шли по нарастающей. Постышева уже не просто критиковали, а прямо обвиняли и судили. Было видно, что на этот раз выбран жертвой именно он. Каганович сумел передать руководству партии свою давнюю неприязнь к Постышеву. Дальнейшие события на Пленуме свидетельствуют, что все шло по заранее подготовленному Сталиным сценарию. Довершил разгром Постышева второй секретарь Куйбышевского обкома, приглашенный на Пленум, Игнатов. Он прямо назвал действия Постышева "антипартийными". Каганович тут же резюмирует, обращаясь к Постышеву:

— Ты и сейчас хитришь с ЦК. Это враждебная линия. Постышев как политический руководитель обанкротился...

— Я признаю целиком и полностью свою речь, которую я произнес здесь, — поднялся Постышев, — неправильной и непартийной. Как я произнес эту речь, я и сам понять не могу. Я прошу Пленум простить меня. Я не только никогда не был с врагами, но и всегда боролся против врагов...

Но спасти Постышева теперь мог только Сталин. Однако он, дождавшись полного унижения кандидата в члены Политбюро, старого большевика, который пытался иметь свое суждение, окончательно предпринял его судьбу:

— У нас здесь, в Президиуме ЦК, или Политбюро, как хотите, сложилось мнение, что после всего случившегося надо какис-либо меры принять в отношении тов. Постышева. По нашему мнению, следовало бы его вывести из состава кандидатов в члены Политбюро, оставив его членом ЦК⁵⁵.

Проголосовали, естественно, единогласно. Постышеву ос-

тавалось быть на свободе лишь месяц. По предложению Сталина Комиссия партийного контроля подготовила в феврале того же года проект постановления по Постышеву, которое было утверждено Политбюро. Основное содержание этого документа, одобренного и отредактированного Сталиным, стоит привести. Постышеву вменялась вина за следующие преступления:

1) Роспуск 35 райкомов партии (они просто перестали действовать, т.к. за пять месяцев 1937 г. в Куйбышевской области было исключено из партии 3,5 тыс. коммунистов. — *Прим. Д.В.*);

2) Провокации против советских органов (на одном из заседаний горсовета было выведено 34 депутата);

3) Привлечение кадров на полевые работы, разбор общественных построек, вредительство в разгар уборки;

4) За время работы в Куйбышеве Постышев мешал НКВД разоблачать врагов, направляя удары против честных коммунистов;

5) Помощники Постышева как на Украине, так и в Куйбышеве оказались врагами народа (шпионами);

6) Постышев знал о наличии контрреволюционной правотроцкистской организации в области...

Признать все указанные действия Постышева П.П. антипартийными, направленными на пользу врагов народа. Исключить Постышева П.П. из рядов ВКП(б)⁵⁶.

Все оставшиеся 49 членов ЦК и кандидатов проголосовали (заочным опросом) за это решение. Бюллетеня Сталина вновь не оказалось... Он всегда, где только можно, старался оставлять меньше "следов".

Судьба Постышева была решена. Последовали арест и расстрел. Сталинская "забота о кадрах" весьма рельефно видна на примере "дела Постышева", который в силу ряда причин не устраивал "вождя" в качестве не только члена высшего партийного руководства, но и вообще как коммунист старой ленинской школы. Сталину иногда было достаточно услышать одну фразу, провести одну беседу, получить какую-то информацию, чтобы вынести свое окончательное суждение о личности. В те годы это было и приговором.

Так, после "инспектирования" Постышева в Куйбышеве Маленков доложил Сталину:

— Постышев политически вредный человек.

— Чего же его держать? — вопросом ответил Сталин.

П.П. Постышев еще не знал, что Сталин уже распорядился его дальнейшей судьбой.

Не все заметили или, точнее, не придали особого значения, что во время выступления Косарева на январском Пленуме 1938 года произошла его перепалка с Мехлисом. Косарев фактически критиковал Политуправление РККА, которое возглавлял Мехлис, за слабую организацию работы с комсомольцами: "В армии 500 тысяч членов молодежной организации, а ежегодно принимают в партию лишь несколько тысяч". Мехлис тут же парировал с желчью:

— ЦК комсомола не занимается армейским комсомолом. Я предложил Белобородову (секретарь ЦК ВЛКСМ. — *Прим. Д.В.*) пойти руководить комсомолом в армию, он отказался. Хотя руководить только из ЦК...⁵⁷

Имевшаяся и раньше неприязнь Мехлиса к Косареву наверняка усилилась и, кто знает, не сыграла ли она роковую роль в судьбе комсомольского вожака.

Пленум, поставивший вопрос об ошибках при рассмотрении персональных дел коммунистов, незаметно свернул на старую колею; оказывается, все эти "ошибки", "перегибы" есть не что иное, как происки еще нераскрытых "врагов". Именно такой вывод и был сделан на Пленуме: "Пора всем парторганизациям и их руководителям разоблачить и до конца истребить замаскированного врага, пробравшегося в наши ряды..."⁵⁸ Установка "вождя", данная им на февральско-мартовском Пленуме 1937 года, опять возобладала: перегибы и ошибки в борьбе с врагами народа есть результат действия неразоблаченных троцкистов и иных вредителей. Как видим, проблески зрелого подхода в оценке вакханалии беззакония были в 1937 — 1938 годах слабыми. Демон насилия брал верх над элементарным благоразумием. Сталин ошибки в развертывании насилия видел в недостатках применения этого насилия.

В итоге вместо анализа причин перегибов, бездушного и преступного отношения к судьбам коммунистов был дан новый толчок к поиску "нераскрытых врагов". Секретарь Киевского обкома КП(б)У Кудрявцев, выступая на партсобраниях, спрашивал коммунистов: "А вы написали хоть на кого-нибудь заявление?" В результате таких призывов к бдительности в Киевской парторганизации доносы были поданы почти на половину членов партии. К слову сказать, одной из первых жертв стал и сам Кудрявцев...

Погром кадров, учиненный по инициативе Сталина и его окружения, привел к тому, что на волне доноительства появилось немало нечистоплотных людей, пытавшихся (и порой безуспешно!) сделать в сложившейся ситуации партийную, го-

сударственную, военную карьеру, а то и просто свести как-нибудь старые счёты. В решении январского (1938 г.) Пленума ЦК говорится, что есть "отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии"⁵⁹. Верная констатация того, что карьеристы и доносчики представляют большую опасность для партии, никак не связывалась, однако, с самим курсом высшего политического руководства на репрессии, где и находились глубинные истоки трагедий, деформаций, извращений. Установка Пленума "до конца истребить замаскированных врагов" еще раз показала фарисейский характер лозунга Сталина "ценить кадры".

Ложь подобна снежному кому. Одна ложь родит другую. Произвольно "обострил" классовую борьбу, Сталин вызвал волны лжи. Перед ней общество оказалось беззащитным. Ложь ежовских органов в союзе с ложью суда и прокуратуры, ложью печати, ложью бесчисленных речей в поддержку "справедливых приговоров" создала ситуацию поистине уникальную. Узнать, где причины вакханалии? Негде. Обратиться за помощью? Не к кому. Обличить явных негодяев? Никто не позволит...

Характерный пример. В фонде Берия огромное количество различных доносов. Приведу один, из пазывая автора. У него, возможно, выросли дети, внуки... Вообще, указывая в книге многие фамилии, зная, что у всех этих людей могут быть родственники, я искренне говорю, что ни в одном случае лично им я не хотел бы причинить боль. Но история не была бы историей, если бы мы все "зашифровали". Вот это письмо-донос:

"Тов. Маленков!

Я заместитель командира части внутренних войск НКВД. Сегодня проходил митинг по поводу награждения орденом "Победа" товарища Сталина. Но на митинг были приглашены лишь офицеры. Солдат не пригласили. Странно... Вел митинг генерал Бровкин. Выступило всего 3 — 4 человека, и митинг закрыли. Затем сказали после закрытия митинга, что часть едет на уборку урожая, а нач. политотдела Кузнецов переводится на другое место службы.

Стерто, смазано, опоплено такое важнейшее политическое мероприятие, как митинг, посвященный награждению товарища Сталина орденом "Победа".

Реакция адресата "естественна": "Тов. Берия.

*Маленков*⁶⁰.

Коронованная Сталиным Ложь распоряжалась судьбами миллионов. Сталину нет прощения прежде всего за создание в стране обстановки, когда ложь господствовала, заставляя людей покоряться, молчать или поддерживать решения, суть которых для многих была совершенно неясной. Сталин считал себя вправе дозировать правду, делать обобщения, обязательные для всего народа, определять, что нужно и что не нужно для него. Репрессии, беззакония того времени могли существовать лишь на лжи. Именно здесь лежит один из социальных и гносеологических истоков народной трагедии. Но народ долго обманывать нельзя; ложь никогда не имела и не имеет будущего. Сталин не хотел считаться с этой бесспорной истиной.

Трудно заживающая рана 1937 — 1938 годов связана не только с болью, нелепостью, алогичностью пира насилия, который правил "вождь". От этой раны берут начало и многие беды, связанные с гибелью талантливых руководителей, хозяйственников, ученых, военных, деятелей культуры. А разве бреши в кадрах не позволили пробраться к постам, должностям, занять выгодные позиции "карьеристам-коммунистам"? Февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 года записал в решении не только: "Обязать Наркомвнудел довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца, подавить малейшие проявления их антисоветской деятельности", но и постановил: "Укрепить (выделено мной. — *Прим. Д.В.*) кадры НКВД"⁶¹. Критерии "укрепления" в то время были однозначными: слепое, фанатичное исполнение воли "вождя". Люди с совестью тогда не могли уцелеть в "органах". Абакумовы, кругловы, меркуловы, ежовы, берни, кобуловы, мамуловы, рухадзе, как и некоторые другие выдвиженцы, удержались в НКВД отнюдь не благодаря личным достоинствам, а потому, что не обладали ими. Сама система сложившихся отношений в условиях единовластия рождала беспринципных людей, аллилуйщиков, подхалимов. Сталин ценил безропотность, готовность следовать "линии", даже если она была заведомо ошибочной или преступной.

К счастью, влияние Сталина не могло деформировать весь спектр большевистских качеств у истинных патриотов. Приверженность социалистическим идеалам, высокая гражданственность, предельная самоотверженность, революционный энтузиазм и любовь к Родине большинства советских людей не утонули в тине лжи, славословия и бюрократических извращений того времени. Но, конечно, интеллектуальный и нравствен-

ный потенциал народа получил бы несравненно большее развитие, если бы не произошла народная трагедия 37-го.

Сталин немало читал. Жаль, что в его библиотеке не было книги Х.-А. Льоренте "Критическая история испанской инквизиции". При желании он мог бы найти много родственных себе черт у Томаса Торквемады, генерального инквизитора церкви, бросавшего тысячи людей в костер для "чистоты веры". Смерть еретиков лишь вдохновляла Торквемаду на поиски новых и новых жертв. Но Великому Инквизитору было далеко до сталинского размаха.

"Заговор" Тухачевского

Сталин любил армию, любил военных. Любил взглянуть на себя в большое зеркало в маршальском мундире; строгость униформы с блеском золота погон отвечала его представлению об эстетическом совершенстве. Вооруженные Силы были предметом его особой заботы. "Вождь" всегда с какой-то внутренней гордостью вспоминал свою военную деятельность на фронтах гражданской войны. Он, пожалуй, больше, чем кто-либо другой (за исключением Троцкого), бывал на фронтах.

Сталин лично знал почти весь командный состав — от командира корпуса и выше. Маршалы и командармы в своем большинстве были ему хорошо знакомы еще со времен гражданской войны. Да и теперь, в конце 30-х годов, назначения на все основные должности в РККА проходили через Сталина. "Вождь" обычно выслушивал краткий доклад кандидата, внимательно всматривался ему в глаза, молчал, а затем беседовал в течение 7 — 10 минут. Его интересовали военный опыт, знание театра военных действий, взгляды будущего командира на военное строительство в условиях технического оснащения армии. Иногда задавал неожиданные вопросы, вроде: "Как вы оцениваете немецкие танки?", "Нужны ли в нынешних условиях УРы (укрепленные районы. — Прим. Д.В.)?", "Каково ваше мнение о новом полевом уставе РККА?". В конце беседы, слабо пожимая руку взволнованного командарма (комкора или другого командира), желал успеха на новом посту и постоянной готовности проводить в жизнь "линию партии". И снова испытующе вглядывался в глаза человека. Ему всегда хотелось про-

читать самое важное для него: предан ли тот "товарищу Сталину"?

Долгие часы Сталин проводил с наркомками, конструкторами, учеными, создающими боевую технику и оружие, обычно лично осматривал новые образцы, бывал и на испытаниях. По его инициативе проводились совещания по различным вопросам военного строительства, на которых Сталин часто присутствовал. Выступал редко, но своими репликами и замечаниями всегда "доворачивал" ход обсуждения в ту или иную сторону. В 1939 году, например, целый день провел на совещании руководящего состава работников тыла РККА, решавшего вопросы снабжения командного и рядового состава полевой и повседневной формой, качества обмундирования.

Конечно, Сталин занимался всеми этими вопросами не только из любви к военному делу. Подобно любому руководителю государственного уровня, Сталин прекрасно понимал, что политическая власть, ее реальная сила, место страны в мире и ее международный авторитет в огромной мере определяются не только экономической, но и военной мощью. Все выступления Сталина во второй половине 30-х годов полны тревоги по поводу роста фашистской опасности, усиления империалистической угрозы на западе и востоке. Можно без преувеличения сказать, что в эти годы приоритетными объектами его внимания были РККА и НКВД. И именно по линии НКВД с конца 1936 года к Сталину стали поступать тревожные сообщения.

Интересно, что первые симптомы коллизий между Сталиным и высшими военными чинами уловили в Германии. Начальник Главного разведывательного управления РККА комкор С. Урицкий еще 9 апреля 1937 года докладывал Сталину и Ворошилову о том, что в Берлине муссируют слухи о существующей оппозиции советскому руководству среди генералитета. Правда, успокаивал начальник ГРУ, этому мало верят. В доказательство привел высказывания некоего Артура Юста в "Дейче Альгемайне цайтунг": сегодня "диктатура Сталина нуждается в исключительной опоре. В высшей степени странным было бы именно сейчас начать потрясать устои армии. Ничто сейчас не является таким важным для Сталина, как безусловная надежность Красной Армии"⁶². Похоже, что так думал и сам Сталин, но для "безусловной надежности" стал именно "потрясать устои армии". Тем более что сигналы об оппозиции, заговоре среди генералитета начали поступать сразу из многих источников.

Вначале Ежов направил Сталину записку с материалами

РОВСа (белоземгрантской организации "Русский общевоинский союз") из Парижа. В ней речь шла о том, что "в СССР группой высших командиров готовится государственный переворот". В этом материале, который был, вероятнее всего, фальшивкой или, в лучшем случае, выдумкой белоземгранта, утверждалось, что во главе заговора стоит маршал М.Н. Тухачевский. Сталин передал записку Орджоникидзе и Ворошилову с резолюцией: "Прошу ознакомиться". Следов реакции его соратников на документе обнаружить не удалось. Скорее всего, откровенно фальшивый характер записки не произвел впечатления на читавших, даже на Сталина, чрезвычайно мнительного и подозрительного человека. При этом следует еще раз сказать, что Сталин всегда очень полагался на "бумагу", на заведенное "дело", на доклады органов НКВД. Сделаю отступление.

Как мне рассказывал А.Т. Рыбин, работавший в то время в одном из отделов НКВД, а затем в охране "вождя", когда Сталину устно доложили о "связях" М.Е. Кольцова с "иностранными разведками", он не придал вначале информации должного значения. У него в памяти была недавняя беседа с писателем, оставившая о нем неплохое впечатление. Но когда через месяц (кому-то это было очень нужно?!) ему положили папку с доносом, двумя свидетельствами близко знавших Кольцова лиц, Сталин велел дать ход этому сфабрикованному делу. Сталин не допускал, что в письменных докладах его могут обманывать, вводить в заблуждение. Он полагал, что на это имеет право только он. Кстати, эту особенность Сталина во всем верить "бумаге" активно использовал Ежов, а позже и Берия. Доносы, сообщения, доклады, нередко прямо фантастические, находили в психологии Сталина весьма благодатную почву. Мысля категориями "врагов", "борьбы", "окружения", "заговоров", "двурушничества", "вредительства", Сталин не сомневался в правдивости этих докладов.

Об исключительной подозрительности Сталина, не доверявшего даже своему окружению, помощникам, родственникам, мне говорили многие, близко знавшие "вождя" в пору его личного триумфа. Как рассказывал А.Н. Шелепин, Сталин требовал от Берии особой проверки людей, охранявших его. Берия играл на этом: периодически "находил" в окружении Сталина "шпиона" или "террориста"; нет-нет да и сообщал о "подозрительных" сигналах, данных и т.д. Например, однажды Берия приказал арестовать уборщика Федосеева и его жену за подготовку "теракта". Не случайно даже гардины на окнах были подрезаны на полметра от пола, чтобы никто не мог спря-

тагья. Никто не знал, где Сталин будет спать сегодня — на диване в кабинете или в маленьком зале, постели были заготовлены и там и тут. В комнаты Сталина без его вызова никто, кроме Берии, входить не смел.

Уезжая к себе на дачу в бронированном автомобиле, Сталин знал, что каждая такая поездка — целая операция, связанная с обеспечением его безопасности. Рядом с водителем Митрохиным сидели телохранители — либо Туков, либо Старостин (в 40-е гг.), готовые, как и в автомобилях сопровождения, защитить Сталина от "террористов". У "вождя" была привычка пристально вглядываться в лица людей. Если чей-нибудь взгляд ему вдруг не понравился, этот человек больше у него не работал. Замечу, что, хотя существуют версии, созданные в окружении Берии, о нескольких попытках покушения на Сталина, каких-либо документов на этот счет обнаружить не удалось.

Владыки, постоянно ожидающие покушения, начинают подозревать всех. Например, император Александр II, на которого было совершено несколько нападений (и в конце концов террористы добились своей цели), стал до такой степени подозрительным, что "однажды он выстрелил в своего адъютанта, когда последний сделал резкое движение и царю показалось, что офицер хочет убить его"⁶³. Поэтому, постигая внутренний мир Сталина, нельзя не учитывать его гипертрофированную подозрительность по отношению к другим. Хрущев в своем докладе на XX съезде партии подчеркивал крайне болезненную подозрительность Сталина даже к членам Политбюро. Может быть, полностью он доверял лишь Власику и Поскребышеву. Да, пожалуй, Вале Истоминой, его "экономке", молодой женщине, которая вскоре после гибели Н.С. Алилуевой пришла к нему в дом. До конца его дней она заботилась о Сталине, старалась создать ему, насколько это возможно, домашний уют. Будучи черствым человеком, он тем не менее не раз отмечал бесхитростную и искреннюю заботу о нем этой женщины. В целом же маниакальная подозрительность была одной из характернейших черт этой "господствующей личности".

Поэтому информация, которая поступила Сталину из Чехословакии от президента Бенеша, резко усилила подозрение к Тухачевскому. Как писали бывший сотрудник Кальтенбруннера В. Хаген (в книге "Тайный фронт"), Х. Хегнер (в мемуарах "Рейхсканцелярия 1933 — 1945 гг."), а также У. Черчилль, Сталин "клянул" на сфабрикованный в Берлине документ о "сотрудничестве" Тухачевского и ряда других командиров Красной Армии с германским генералитетом. В ведомстве Канариса

искусно подделали подпись Тухачевского, оставленную Михаилом Николаевичем еще в 1926 году в Берлине на документе о техническом сотрудничестве в области авиации с одной из германских фирм.

Сфабрикованный документ наводил на мысль, что Тухачевский состоит в тайной связи с представителями германского генералитета с целью насильственного свержения Сталина. В Берлине был разыгран спектакль с пожаром и кражей документов, с тем чтобы они якобы попали в Прагу. О пожаре Ежов несколько раз докладывал Сталину и Ворошилову:

"В дополнение к нашему сообщению о пожаре в Германском военном министерстве, направляю подробный материал о происшедшем пожаре (в ночь с 1 на 2 марта 1937 г. — *Прим. Д.В.*) и копию рапорта начальника комиссии по диверсиям при гестапо...

Генеральный комиссар государственной безопасности

Ежов".

Бенеш, вероятно с благими намерениями, приказал препроводить документы в Москву. Сталина это донесение очень насторожило, но он ограничился пока лишь тем, что передал документы Ежову. За Тухачевским усилили слежку и стали собирать "материалы". Далее события, видимо, развивались так, как их излагает Б.А. Викторов, бывший заместитель Главного военного прокурора. После XX съезда партии он руководил специальной группой военных прокуроров и следователей по реабилитации невинно осужденных в годы сталинского беззакония.

В своих записках он вспоминает много интересных фактов. Листая дело осужденного в 1957 году за нарушение законности следователя Радзивиловского, Викторов обратил особое внимание на такие строки из его показаний: "Я работал в УНКВД Московской области. Меня вызвал Фриновский (один из замов Ежова. — *Прим. Д.В.*) и поинтересовался, не проходят ли у меня по делам какие-либо крупные военные. Я ответил, что веду дело на бывшего комбрига Медведева. Фриновский дал мне задание: "Надо развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной Армии, раскрытие которого выявило бы огромную роль и заслуги Ежова перед ЦК". Я принял задание к исполнению. Не сразу, конечно, но я добился от Медведева требуемых показаний о наличии в РККА заговора. О полученных показаниях было доложено Ежову. Он лично вызвал Медведева на допрос. Медведев заявил Ежову и Фриновскому, что показания его вымышленные. Тогда Ежов приказал вернуть

Медведева любыми способами к прежним показаниям, что и было сделано. Протокол с показаниями Медведева, добытыми под физическим воздействием, был доложен наверх...

Вскоре после этого последовали аресты Тухачевского и других "заговорщиков". Буквально накануне Сталину доложили, что Троцкий в своем очередном "Бюллетене оппозиции" заявил, что "недовольство военных диктатом Сталина ставит на повестку дня их возможное выступление". Это подтолкнуло "вождя" к решительным действиям. Но прежде чем принять окончательное решение об аресте Тухачевского, весьма популярного в народе военачальника, Сталин выслушал Молотова, Ворошилова, Ежова. Молотов поверил сообщением из-за рубежа (к слову сказать, бывший ближайший сподвижник Сталина до конца своих дней настаивал на существовании заговора), Ворошилов не скрывал своей давней неприязни к Тухачевскому, а Ежов хотел на этом деле подняться еще выше. Естественно, что они были за арест "заговорщика". 24 мая Сталин после некоторых колебаний сделал еще один шаг к вершине кровавой драмы, имевшей особо тяжелые последствия. Членам и кандидатам в члены ЦК был направлен для голосования (опросом) документ следующего содержания:

"На основании данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Рудзутака и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правом (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) заговорщицком блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии, Политбюро ЦК ВКП(б) ставит на голосование предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в Наркомвнудел.

Секретарь ЦК ВКП(б) *И. Сталин*"⁶⁴.

Все единогласно проголосовали "за". Никто не засомневался, никто не защитил. Военачальники, прекрасно знавшие Тухачевского с гражданской войны, слепо, на веру приняли сообщение провокаторов, даже не попытались выслушать самого маршала. Инерция беззакония уже была очень сильной. Ни у кого не возникло ни желания, ни смелости поинтересоваться, что стоит за фразой: "На основании данных, изобличающих..." Некоторые из голосовавших шли еще дальше предложения, подписанного Сталиным. Буденный, например, на своем бланке написал: "Безусловно "за". Нужно этих мерзавцев казнить. 25.5". Мехлис, как в большинстве подобных случаев, несколько раз подчеркнул свое "за". Ни Ворошилов, ни Егоров, сослуживцы Тухачевского, ни Хрушев, ни Микоян, осудившие впо-

следствии этот акт беззакония, не нашли в себе мужества, чтобы не написать это роковое "за". Во время всех этих процессов о шансах совести все как будто забыли... И вновь — в который раз! — Сталин оставил свой бланк голосования незаполненным. То ли он себя полностью отождествлял с Политбюро, то ли заботился о том, чтобы в истории осталось меньше его темных следов? А может быть, Сталин уверовал, что останется в нашей истории навсегда святым и неприкасаемым?

Тухачевского Сталин знал давно, с гражданской войны. Знал, как тот умело командовал 5-й армией. Помнил о приказе Реввоенсовета Республики от 28 декабря 1919 года, в котором говорилось:

"Награждается Почетным Золотым Оружием командующий 5-й армией тов. Михаил Николаевич Тухачевский за личную храбрость, широкую инициативу, энергию, распорядительность и знание дела, проявленные им при победоносном шествии доблестной Красной Армии на Восток, завершившемся взятием гор. Омска"⁶⁵.

Прохаживаясь вдоль стола в своем кабинете, Сталин размышлял о противоречивости бытия. Еще несколько дней назад, накануне решения ЦК об аресте Тухачевского, он пригласил Молотова, Кагановича, Ворошилова, Чубаря, Микояна на спектакль Узбекского государственного музыкального театра "Фархад и Ширин" по поэме Алишера Навои. Все сошлись во мнении, что спектакль являет собой яркое выражение роста социалистической культуры. Открывая утром "Правду", Сталин с удовлетворением читал о новых и новых достижениях советских людей. В конце мая полярники во главе с О.Ю. Шмидтом высадились на Северном полюсе и оборудовали дрейфующую станцию. В ближайшее время откроется первый съезд советских архитекторов (пора, наконец, строить города и села, достойные времени). Хотя эта область — математика — исключительно далека от него, но, видимо, работы академика И.М. Виноградова действительно прославляют советскую науку, раз так о нем пишут... Даже маленькое сообщение о снижении цен на туалетное мыло на 15% не могло не радовать. Как правильно пишет неизвестный ему поэт: "Страна на марше..." Но маршу этому мешают, пытаются не просто "сбить ногу", а остановить поток, во главе которого идет он. Такие, как Тухачевский, опасны не только для него, Сталина, но и для страны. "Сколько волка ни корми..." Дворянскую кровь не заменить пролетарской. Вот сейчас, на 12 ночи он вызвал Ежова: пусть доложит о ходе следствия по делу Тухачевского.

Слушая Ежова, доложившего о допросах М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича, А.И. Корка, Р.П. Эйдемана, Б.М. Фельдмана, В.М. Примакова, В.К. Путны, Сталин думал о самом молодом из всех пятерых Маршалов Советского Союза. С одной стороны, "вождь" всегда отдавал должное высокой профессиональной подготовке Тухачевского, его оригинальному стратегическому мышлению, несомненному таланту теоретика. А с другой — Сталин с гражданской войны сохранил где-то в душе недоверие к "буржуазным военспецам", недолюбливал маршала за независимость и смелость суждений, знал о довольно натянутых отношениях Тухачевского с Ворошиловым. Вспомнил и записку Гамарника на его, Сталина, имя, в которой начальник Главного политуправления РККА писал:

"Только сейчас, перед самым своим отъездом, получил копию письма тов. Тухачевского на Ваше имя о военных советах округов и поэтому не имею возможности подробно изложить соображения по поставленному им вопросу. Тов. Тухачевский, соглашаясь в записке с оставлением военных советов округов, предлагает вывести из их состава начпуокров...

Считаю предложение тов. Тухачевского абсолютно неправильным и вредным как для мирного, так и особенно для военного времени.

Я. Гамарник".

Тогда Сталин поддержал Гамарника. Вспомнил еще более раннюю докладную записку Тухачевского, которую ему показал Ворошилов. В ней первый заместитель наркома обороны давал определения таким категориям военной науки, как "глубокий маневр", "фронтальный удар", "обход фланга", "встречный бой", и другим. Тухачевский вновь ставил вопросы о разработке теории "маневренной войны" в эпоху широкой моторизации, ускорения технического перевооружения армии и т.д. Сталин молча выслушал несогласие Ворошилова с "теоретизированием" Тухачевского, которому нарком хотел ответить специальным письмом. В архиве оно сохранилось. Заканчивалось письмо такими словами:

"Я советую Вам возможно скорее покончить с Вашими чрезмерными литературными увлечениями и все свои знания и энергию направить на практическую работу. Это принесет немедленную и ощутимую пользу тому делу, на которое мы с Вами партией поставлены...

С комприветом

К. Ворошилов"⁶⁶.

Нарком обороны болезненно реагировал на теоретические

изыскания Тухачевского, еще больше подчеркивающие низкую образованность Ворошилова, тяготевшего к старым, консервативным формам военного строительства. Поэтому положение первого заместителя наркома, который интеллектуально был неизмеримо выше, чем его начальник, едва ли могло быть прочным. Трудно было рассчитывать, что Ворошилов оценит Тухачевского по достоинству. Легче было предположить, что он незаметно будет перемещен на другую, более низкую должность. Так и произошло: Тухачевского назначили командующим Приволжским военным округом, где он пробыл очень недолго.

Сталин тоже не мог не признавать, что по интеллектуальному уровню, теоретической подготовке, свежести мышления Тухачевский значительно превосходил своего начальника. Но ведь так бывает часто. Начальнику, полагал "вождь", не обязательно быть умнее своих заместителей. Важно вести "линию"... Ворошилов это делать умеет. А Тухачевский... Трудно поверить полностью тому, что докладывает Ежов... Но ведь и Троцкий в своей "Преданной революции" намекает... В одном из своих интервью еще в Осло "гражданин без визы" так и сказал: "В Красной Армии не все преданы Сталину. Там меня еще помнят". А ведь Троцкий был лично хорошо знаком с Тухачевским... Сталин, сопоставляя обрывки своих воспоминаний с докладами Ежова, все более заставлял себя поверить, что "фашистский заговор" в РККА не только существует, но и представляет собой грозную реальность. Тем более что в очередном докладе Ежов сообщил наконец, что "заговорщики сознались". Сталин имел, пожалуй, основания вспомнить строки из Псалма тридцать седьмого Псалтыря, за знание которого он когда-то получил высшую оценку: "И я сказал: да не восторжествуют надо мною враги мои". Именно его, а не народа!

Сталин приказал закрытый процесс провести быстро, без задержек. Всех расстрелять. Кивнул на стол. Там лежал открытый номер журнала "Большевик" со статьей М. Тухачевского "О новом полевом уставе РККА". Статью даже не успели "выбросить" из номера, так быстро развивались события. В начале июня 1937 года, до процесса, на Военном Совете при наркомате (через полгода его будет уже невозможно собрать — почти все члены совета будут репрессированы) были заслушаны сообщения Ежова и Ворошилова о раскрытии "подлой контрреволюционной военно-фашистской организации". В докладе говорилось, что заговорщики действуют давно и их деятельность тесно связана с немецкими военными кругами. Утверждалось, что

заговорщики готовили уничтожение руководителей партии и страны и с помощью фашистской Германии намеревались захватить власть. На заседаниях Военного Совета присутствовали члены правительства, об их ходе немедленно докладывалось Сталину. Судьба Тухачевского и его "однодельцев" была предопределена. Менее чем через две недели после ареста, 11 июня 1937 года, состоялся закрытый суд. В печати о передаче дела арестованных в суд было сообщено лишь в день процесса. А на другой день уже появилась информация о приговоре.

Суд был в высшей степени скорым и чудовищно неправым. Начался в 9 часов утра и вскоре после обеда завершился вынесением приговора. За судейским столом сидели: председательствующий — армвоенюрист В.В. Ульрих, понаторевший на этих делах, а также маршалы С.М. Буденный и В.К. Блюхер, командармы первого ранга Б.М. Шапошников и И.П. Белов, командармы второго ранга Я.И. Алкснис, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширин и комдив Е.И. Горячев. Судили без защитников и права обжалования, как это было предусмотрено законом от 1 декабря 1934 года.

Тухачевский, Якир, Уборевич, Путьна, Примаков, Корк, Эйдеман, Фельдман сидели напротив своих боевых товарищей. Все хорошо знали друг друга. Едва ли кто из членов суда верил, что перед ними сидят "заговорщики и шпионы". Думаю, что и у Тухачевского и его сотоварищей могла где-то шевельнуться надежда: ведь суд, состоящий из людей, с которыми двадцать лет служили под одними знаменами, должен прислушаться если не к зову справедливости, то хотя бы к традициям боевого товарищества... Но совесть в то время предельно скупно использовала свой вечный шанс. Остался он не востребованным и на этот раз...

На суде должен был быть и начальник ПУРККА Я.Б. Гамарник. Или в качестве подсудимого или... члена суда. Вот что мне рассказала о последнем дне жизни Яна Борисовича его дочь В.Я. Кочнева:

— В конце мая отец заболел, то ли чувствовал приближение развязки, то ли вновь его мучил приступ диабета. Он знал, как потом рассказывала мама (мне уже было 12 лет), что 27 мая арестован Тухачевский, 29-го арестованы Уборевич, Якир (прямо в поезде), другие военачальники. 30-го к отцу приехал Блюхер. Они хорошо знали друг друга по Дальнему Востоку. О чем-то долго говорили. Потом отец сказал матери, что ему предлагают стать членом суда над Тухачевским... "Но как я

могу! — воскликнул отец. — Я ведь знаю, что они не враги... Блюхер сказал, что, если откажусь, меня могут арестовать”.

31-го вновь ненадолго приезжал Блюхер. Затем пришли какие-то люди и опечатали сейф отца. Ему сказали, что он отстранен от должности, а его заместители Осепян и Булин арестованы. Отцу приказали быть дома. Как только люди из НКВД ушли, в комнате отца мы слышали выстрел... Когда с мамой вбежали, все было кончено.

Кочнева, помолчав, добавила:

— Думаю, выстрел был ответом на предложение Сталина стать членом трибунала над своими боевыми товарищами. Больше ответить отец тогда ничем не смог. Мать арестовали, дали ей 8 лет как жене “врага народа”, а затем, в лагере, — еще 10 лет “за содействие врагу народа”. Больше я никогда не видела матери, умершей, согласно извещению, в 1943 году в лагере. Меня направили в детдом. По достижении совершеннолетия дали 6 лет как “социально опасному элементу”. Затем начались ссылки...

Судьба семьи Гамарника характерна для многих, многих тысяч несчастных родственников невинно осужденных...

А ведь “выкорчевывание” родственников врагов началось еще в годы гражданской войны. В своем приказе № 903 от 30 сентября 1918 года Троцкий, пытаясь пресечь массовый переход командиров на сторону белых, постановил:

“Приказываю штабам всех армий Республики доставить по телеграфу члену Реввоенсовета Аралову списки всех перебежавших во вражеский стан лиц командного состава. На т. Аралова возлагаю принятие по согласованию с соответствующими учреждениями необходимых мер по задержанию семейств перебежчиков и предателей...”⁶⁷ Для Сталина в 30-е годы, как и в годы Великой Отечественной войны, это станет обычной практикой. Но какие будут масштабы!

Я сделал отступление, а суд был почти молниеносным. Все было решено заранее. Ульрих связывал “военно-фашистский заговор” главным образом с контактами подсудимых с представителями вооруженных сил Германии. Как уже было сказано, Тухачевский в 1926 году возглавлял советскую военную делегацию в Берлине. Якир учился на курсах генерального штаба в Германии в 1929 году. Корк был там военным атташе. Многие встречались с представителями Германии на дипломатических приемах, маневрах, различных переговорах.

Одним из главных аргументов в поддержку версии “вредительства” была концепция Тухачевского о необходимости уско-

ренного формирования танковых и механизированных соединений за счет сокращения конницы. Здесь Ульриху активно помогал Буденный. Поскольку обвиняемые не подтверждали данных на предварительном следствии показаний, председательствующий все время спрашивал:

— Показания, данные вами в НКВД, вы подтверждаете? — вынуждая подсудимых придерживаться сфабрикованной до суда версии.

Тем более что, как теперь установлено, по отношению ко всем этим видным советским военачальникам было применено в полном объеме физическое воздействие.

Наконец, еще одним пунктом обвинений было "намерение, якобы для успеха заговора, устранение Ворошилова" (так в тексте. — *Прим. Д.В.*). Тухачевский, Корк, Путна, Уборевич говорили, что они вместе с Гамарником хотели поставить вопрос в правительстве о смещении наркома, как не справляющегося со своими обязанностями. Откровенно высказанное желание было расценено судом как проявление "заговорщицкой деятельности". Но по существу дела подсудимые отвергли грязные домыслы в "шпионаже в пользу фашистской Германии и подготовке контрреволюционного переворота". В своем последнем слове Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич убежденно говорили о своей преданности Родине, народу, армии, особенно подчеркивали свою полную лояльность "товарищу Сталину". Просили о снисхождении за возможные ошибки и промахи в работе.

Диссонансом на суде прозвучало последнее слово Примакова. Он полностью подтвердил официальное обвинение, заявив, что "всех заговорщиков объединило знамя Троцкого, их приверженность фашизму". Примаков сказал, что он назвал следствию более 70 человек, о которых он лично знает, что они "входили в военно-фашистский заговор". Мол, у "головки" заговорщиков есть "вторая Родина": у Путны, Уборевича, Эйдмана в Литве есть родственники; Якир имеет близких в Бессарабии; Эйдеман — в Америке... Сломленный многомесячными пытками, Примаков послушно говорил то, что ему поручили сказать следователи. Если все остальные были арестованы менее двух недель назад и еще сохранили силу духа, то Примаков, прославленный герой гражданской войны, находился в застенках уже более года. Именно поэтому бывший комкор отрешенно и бесстрастно говорил чудовищные вещи, подсказанные ему на Лубянке.

В то время в системе НКВД задерживались следователи

лишь определенного склада: бессердечные циники и садисты, которым неведома была совесть. Генерал армии А.В. Горбатов, прошедший сталинские круги земного ада, вспоминал: "Я случайно узнал, что фамилия моего изверга-следователя — Столбунский. Не знаю, где он сейчас. Если жив, то я хотел бы, чтобы он мог прочитать эти строки и почувствовать мое презрение к нему. Думаю, впрочем, что он это и тогда хорошо знал... До сих пор в моих ушах звучит зловеще шипящий голос Столбунского, твердившего, когда меня, обессиленного и окровавленного, уносили: "Подпишешь, подпишешь!" Выдержал я эту муку и во втором круге допросов. Но когда началась третья серия, как хотелось мне поскорее умереть!"

В "деле" Тухачевского особенно отличился следователь по особо важным делам Ушаков (он же Ушиминский). В своих объяснениях, которые он дал после XX съезда комиссии по реабилитации, Ушаков писал:

"Первым был арестован Фельдман. Он категорически отрицал какое-либо в каком-либо заговоре участие, тем более против Ворошилова... Я взял личное дело Фельдмана и в результате его изучения пришел к выводу, что Фельдман связан личной дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом других крупных командиров... Вызвал Фельдмана в кабинет, заперся с ним, и к вечеру 19 мая он написал заявление о заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и других... Затем мне дали допрашивать Тухачевского, который уже на следующий день сознался. Я, почти не ложась спать, вытаскивал от них побольше фактов, побольше заговорщиков... Даже в день процесса, рано утром, я отобрал от Тухачевского дополнительные показания об участии в заговоре Апанасенко и других..."

В одном из допросов Тухачевского участвовал сам Вышинский. Заставил подписаться под словами: "Признаю, что виновен. Жалоб не имею". Но жалобы, прошения о помиловании были написаны почти всеми в адрес Сталина, Молотова, Ворошилова.

Сотоварищи Тухачевского также прошли "энергичную" обработку: запугивание, угрозы семьям, безграничное насилие. Во время следствия обвиняемым внушали: только признание сохранит им жизнь...

Перед вынесением приговора Ульрих с Ежовым побывали у Сталина. Доложили о ходе процесса и поведении обвиняемых. Ульрих угодливо положил на стол проект приговора. Сталин не стал смотреть его, а лишь бросил: "Согласен". Помолчав, спросил:

— Что говорил в последнем слове Тухачевский?

— Говорил, гад, что предан Родине и товарищу Сталину. Просил о снисхождении, — быстро ответил Ежов. — Но сразу было видно, что хитрит, не разоружился...

— А как суд? Как вели себя члены Присутствия?

— Активно вел себя лишь Буденный... члены суда в основном молчали. По одному-два вопроса задали Алкснис, Блюхер да, кажется, Белов...

Сталину с самого начала состав суда показался подозрительным. Он тут же распорядился "посмотреть" на этих людей внимательно. Кроме Буденного и Шапошникова, все вскоре будут арестованы. А командарм второго ранга Н.Д. Каширин (как и два его брата) — буквально через несколько дней... Сталин почему-то вспомнил, как в конце гражданской войны после совещания у С.С. Каменева, где Тухачевскому и другим командирам пришлось пережить неприятные минуты из-за варшавской катастрофы, молодой комфронта, прощаясь со Сталиным, немного грустно продекламировал:

*Это — голос
Моей судьбы, и он мне, словно льву,
Натягивает мьшицы тетивою...*

Сталин непонимающе посмотрел на Тухачевского. Тот, улыбнувшись, добавил: "Так сказал Гамлет после встречи с духом своего отца..." Член Военного совета не подавал виду, что слова эти для него "темны". Пожалуй, кроме "голоса судьбы..."

Приговор "заговорщикам" был известен Сталину до начала суда. Он знал его уже тогда, когда отдал распоряжение об аресте Тухачевского. На высказанные в последнем слове обвиняемых просьбы о пощаде Сталин не отреагировал. Он не любил, по его же словам, "миндальничать". Ночью 12 июня все были расстреляны. Примаков тоже, хотя ему обещали за "чистосердечные признания" сохранить жизнь.

Жизнь человека подобна волшебной влаге, помещенной с рождения в хрупкий сосуд. Ее самая загадочная особенность состоит в том, что она непрерывно струится, вытекая из кувшина. Сосуд не прозрачен; можно только догадываться, сколько осталось в нем жизненных соков... Тухачевский и его "однодельцы" были полны жизни, планов, надежд. Но свинцовый сапог деспота безжалостно разбил кувшины жизни этих и множества других людей, превратив своей "стальной" пятой эти сосуды в груды обломков...

"Шпионам и изменникам Родины нет и не будет поща-

ды" — так была озаглавлена передовая статья в журнале "Большевик", призванная дать своего рода обобщенную информацию о процессе. В ней, в частности, говорилось: "Мечом пролетарской диктатуры разгромлена еще одна банда предателей и врагов. Тухачевскому и К°, притаившимся в рядах нашей славной Красной Армии, не помогли ни глубокая законспирированность их преступной деятельности, ни весь опыт маскировки разведчиков... Их конечной целью было, как отмечается в приказе наркома обороны СССР Маршала Советского Союза тов. Ворошилова, "ликвидировать во что бы то ни стало и какими угодно средствами Советский строй в нашей стране, уничтожить в ней советскую власть, свергнуть рабоче-крестьянское правительство и восстановить в СССР ярмо помещиков и фабрикантов"... Тухачевский и К° собирались в нашей великой стране сыграть ту же роль, какую играет Франко, презренный враг испанского народа"⁶⁸.

Но на этом расправа над военными кадрами не закончилась, а только начиналась. Вовсю работали люди типа Мехлиса. Каждый их звонок, телеграмма, донесение отзывались наветами, жертвами, болью. Вот, например, две телеграммы Мехлиса тех трагических лет:

"Москва НКО Щаденко

ПУРККА Кузнецову

Начштаба Лукин крайне сомнительный человек, путавшийся с врагами, связанный с Якиром. У комбрига Федорова должно быть достаточно о нем материалов. В моей записке об Антоноке немало внимания уделено Лукину. Не ошибетесь, если уберете немедленно Лукина.

27 июля.

Мехлис".

"Товарищу Сталину.

Уволил двести пятнадцать политработников, значительная часть из них арестована. Но очистка политаппарата, в особенности низовых звеньев, мною далеко не закончена. Думаю, что уехать из Хабаровска, не разобравшись хотя бы вчерне с составом, мне нельзя...

28 июля.

Мехлис"⁶⁹.

От всех этих разбирательств "вчерне" еще чернее представляла картина террора в армейской среде. Мехлис и подобные ему, с одобрения Сталина, "ковали" поражения 1941 года, которые обернутся для страны новыми миллионами жертв. Списки погибших командиров и политработников, сложивших голо-

вы не на поле брани за свое Отечество, выглядят как несомненно страшный некролог, горестный и нескончаемый. А трагедия между тем продолжалась. Был расстрелян комбриг Медведев, который под пытками дал нужные показания на Тухачевского. Ежов, как и Ягода до него, стал заметать следы. Вскоре пали большинство членов и Специального Присутствия, судившие группу Тухачевского: маршал Блюхер, командармы Каширин, Алкснис, Белов, Дыбенко... У меня есть письмо П. Дыбенко, которое тот успел послать Сталину из Ленинграда перед арестом. Вот некоторые строки этого крика о спасении.

"Дорогой тов. Сталин!

Решением Политбюро и Правительства я как бы являюсь врагом нашей Родины и партии. Я живой, изолированный в политическом отношении, труп. Но почему, за что? Разве я знал, что эти американцы, прибывшие в Среднюю Азию с официальным правительственным заданием, с официальными представителями НКВД и ОГПУ являются специальными разведчиками? В пути до Самарканда я не был ни одной секунды наедине с американцами. Ведь я американским (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) языком не владею...

О провокаторском заявлении Керенского и помещенной в белогвардейской прессе заметке о том, что я якобы являюсь немецким агентом. Так неужели через 20 лет честной, преданной Родине и партии работы белогвардеец Керенский своим провокаторством мог отомстить мне? Это же ведь просто чудовищно.

Две записки, имеющиеся у тов. Ежова, написанные служащими гостиницы "Националь", содержат известную долю правды, которая заключается в том, что я иногда, когда приходили знакомые ко мне в гостиницу, позволял вместе с ними выпить. Но никаких пьянок не было.

Я якобы выбирал номера рядом с представителями посольства? Это одна и та же плеяда чудовищных провокаций...

У меня были кулацкие настроения в отношении колхозного строительства? Эту чушь могут рассеять гг. Горкин, Юсупов и Евдокимов, с которыми я работал на протяжении последних 9 лет...

Тов. Сталин, я умоляю Вас дорасследовать целый ряд фактов дополнительно и снять с меня позорное пятно, которого я не заслуживаю.

*П. Дыбенко*⁷⁰.

Через несколько дней командарм П. Дыбенко, член партии с 1912 года, в Октябрьские дни Председатель Центробалта, был

арестован, "судим" и расстрелян. Едва ли его следователи знали, что перед ними легендарная личность. Когда казаки генерала Краснова готовились выступить из Гатчины на Петроград, именно революционный матрос Дыбенко смог их "распропагандировать" и повернуть против Временного правительства...

Сталин на письме Дыбенко написал лишь: "Ворошилову". Ни у Сталина, ни у наркома обороны не было желания заняться судьбой старого большевика, которого к тому же перед смертью заставили "судить" Маршала Советского Союза.

Сталин, уверовав, если не в наличие, то в возможность "военно-фашистского заговора" против него, размышлял уже над тем, кто в отсутствие Тухачевского "мог" его возглавить. Сегодня он прочитал направленное ему заместителем начальника ГРУ Александровским донесение, полученное из Германии. В нем давалась оценка официальными германскими военными кругами руководителей Красной Армии. О Тухачевском мнение Берлина его уже не интересовало. О Блюхере почему-то писали, что он из обрусевших немцев, подчеркивали, что он самый влиятельный и авторитетный из советских военных. Егоров, считали германские штабисты, весьма "сильный военачальник", обладающий "аналитическим умом". А Сталину едва ли такие были нужны. Его больше устраивали послушность и ординарность мышления Ворошилова и Буденного. Прогуливаясь поздно вечером по дорожкам дачи в Кунцево, Сталин вспомнил одну деталь.

Вскоре после того, когда по его инициативе был принят 20 февраля 1932 года Указ о лишении Троцкого и выехавших с ним лиц советского гражданства, тот ответил открытым письмом Президиуму ЦИКа. В частности, Троцкий писал: "Оппозиция переступит через Указ 20 февраля, как рабочий переступает лужу по пути на завод". Письмо заканчивалось призывом: "Отстранить Сталина!". Вскоре после этого публичного обращения Троцкий в одном из своих выступлений заявил, что "даже на самом верху, в том числе в военной верхушке, есть люди, недовольные Сталиным и поддерживающие мой призыв: "Отстранить Сталина!". Таких людей там немало".

Теперь, когда нет Тухачевского, размышлял Сталин, осталось четыре влиятельных военачальника, четыре маршала. Ведь Троцкий намекал, что их "немало"... В Ворошилове он не сомневался. Это человек, у которого вся жизнь, карьера основаны на легендах, на прошлом и... на нем, Сталине. Буденный — ревностный служака. И только. Вот, правда, Ежов до-

кладывает, что жена Буденного поддерживает связи с какими-то иностранцами. Пусть разбирается... Нет, эти не способны выступить против меня. А вот Блюхер и Егоров, которых он хорошо знал по гражданской войне, заметно изменились. Стали другими. Немцы в Берлине о них как-то по-особенному пишут. И Ворошилов был недоволен Егоровым, когда тот был начальником Генштаба. Надо, чтобы Ежов проверил одно письмо по поводу маршала Егорова... Возвратясь с прогулки, Сталин внимательно перечитал это письмо, адресованное ему.

"В ЦК ВКП(б) тов. Сталину.

Целый ряд важнейших вопросов организации РККА и оперативно-стратегического использования наших вооруженных сил, по моему убеждению, решен ошибочно, а возможно, и вредительно. Это в первый период войны может повлечь за собою крупные неудачи и многочисленные лишние жертвы.

Я прошу, тов. Сталин:

Проверить деятельность маршала Егорова в бытность его начальником Генерального штаба РККА, т.к. он фактически несет ответственность за ошибки, допущенные в области подготовки оперативно-стратегического использования наших вооруженных сил и их организационной структуры.

Я политического прошлого и настоящего тов. Егорова не знаю, но его практическая деятельность как начальника Генерального штаба вызывает сомнения.

9 ноября 1937 года.

Член ВКП(б) с 1912 года

*Я. Жигур*⁷¹.

Это письмо Яна Матисовича Жигура, комбрига, работавшего на кафедре Академии Генерального штаба РККА. Бесконечные призывы к бдительности, вакханалия беззакония, ставшая нормой жизни в те кошмарные годы, сбивали с честного пути многих людей. Я.М. Жигур, бывший поручик царской армии, без колебаний принял революцию; активно участвовал в гражданской войне. Был дважды ранен. Награжден орденом Красного Знамени. Но это письмо не спасло Жигура. Уже в 1937 году он будет арестован и вскоре расстрелян...

Сталин приказал Поскребышеву передать Ежову, чтобы тот "обратил внимание" на Егорова.

Через пару месяцев Ежов "проверил" и "разобрался". Тем более что пришла еще одна бумага, которую вынудили написать бывшего сослуживца Егорова, в последующем крупного советского военачальника. Однополчанин маршала вспоминал:

”В 1917 году, в ноябре месяце, на съезде 1-й армии в Шток-мозгофе, где я был делегатом, я слышал выступление бывшего тогда правого эсера подполковника Егорова А.И., который в своем выступлении называл товарища Ленина авантюристом, посланцем немцев. В конечном счете речь его сводилась к тому, чтобы солдаты не верили Ленину...”⁷²

Хотя к этому времени судьба маршала была уже предрешена, письмо подтверждало ”вредительскую природу” Егорова. В узком кругу, обсудив с Молотовым и Ворошиловым результаты ”расследования”, решили вывести Егорова из состава ЦК и передать дело в НКВД, тем более что выявился еще один ”компрометирующий” факт, связанный с его женой.

28 февраля — 2 марта 1938 года опросом членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК было принято следующее постановление:

”О тов. Егорове.

Ввиду того, что, как показала очная ставка т. Егорова с арестованными заговорщиками Беловым, Грязновым, Гринько, Седякиным, т. Егоров оказался политически более запачканным, чем можно было бы думать до очной ставки, и принимая во внимание, что жена его, урожденная Цешковская, с которой т. Егоров жил душа в душу, оказалась давнишней польской шпионкой, как это явствует из ее собственного показания, — ЦК ВКП(б) признает необходимым исключить т. Егорова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б).

*И. Сталин*⁷³.

Проголосовали все опять единогласно. Бланк Сталина, разумеется, опять остался чистым. А ведь в гражданскую Сталин вместе с А.И. Егоровым не раз хлебал ши из одной крестьянской миски, укрывался одной солдатской шинелью... Но то было так давно и теперь не имело ровно никакого значения.

Оставался еще один ”подозрительный” маршал — Василий Константинович Блюхер, может быть, самый прославленный военачальник довоенного периода. На его груди до ареста было четыре ордена Красного Знамени, в том числе за номером один. Один из орденов Красной Звезды тоже был первым. Одним из первых Блюхер был удостоен и двух орденов Ленина.

Сталин отрицательно относился к Блюхеру еще в ходе известных событий на озере Хасан в июле—августе 1938 года, когда японские милитаристы захватили две советские высоты — Безымянную и Заозерную. Наркомом был отдан приказ: уничтожить захватчиков! Однако с реализацией приказа произошла заминка. Блюхер, командующий Отдельной Красно-

знаменной Дальневосточной армией, не бросился очертя голову исполнять приказ, а решил тщательно подготовиться. Его вызвали к прямому проводу для разговора со Сталиным. Диалог был красноречивым и недолгим.

Сталин. Скажите-ка, Блюхер, почему приказ наркома обороны о бомбардировке авиацией всей нашей территории, занятой японцами, включая высоту Заозерную, не выполняется?

Блюхер. Докладываю. Авиация готова к вылету. Задерживается вылет по неблагоприятной метеорологической обстановке. Сию минуту Рычагову (командующему ВВС. — *Прим. Д.В.*) приказал, не считаясь ни с чем, поднять авиацию в воздух и атаковать... Авиация сейчас поднимается в воздух, но боюсь, что в этой бомбардировке мы, видимо, неизбежно заденем как свои части, так и корейские поселки.

Сталин. Скажите, г. Блюхер, честно: есть ли у Вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у Вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту; а если есть желание, я бы считал, что Вам следовало бы выехать на место немедленно.

Мне непонятна Ваша боязнь задеть бомбежкой корейское население, а также боязнь, что авиация не сможет выполнить своего долга ввиду тумана. Кто это Вам запретил в условиях военной стычки с японцами не задевать корейское население? Какое вам дело до корейцев, если наших людей бьют пачками японцы! Что значит какая-то облачность для большевистской авиации, если она хочет действительно отстаивать честь своей Родины! Жду ответа.

Блюхер. Авиации приказано подняться, и первая группа поднимется в воздух в 11.20 истребители. Рычагов обещает в 13 часов иметь авиацию атакующей. Я и Мазепов через полтора часа, если Бряндинский (Мазепов и Бряндинский — работники штаба ВВС. *Прим. Д.В.*) полетит раньше, вместе вылетим в Ворошилов. Ваши указания принимаем к исполнению и выполним их с большевистской точностью⁷⁴.

Мехлис, направленный Сталиным на Дальний Восток, подогревал руководство в Москве своими сообщениями о якобы нерешительности командования Дальневосточной армии, которые компрометировали Блюхера.

Вскоре Сталин, недовольный действиями Блюхера, вызвал его в Москву, но разговаривать с ним не пожелал. Какое-то время маршал был не у дел, а затем, 22 октября 1938 года, арестован. Ордер на арест подписал Ежов, который сам через считанные недели окажется там, куда он бросал людей тысячами...

Блюхер был втянут в машину репрессий, когда она уже замедляла свои обороты. Вначале казалось, что он уцелеет. Ноябрьское постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1938 года отметило грубые нарушения законности, процедуры ведения следствия. Сталин и его окружение, вызвав волны репрессий, которые два года гуляли по стране, не могли не почувствовать, сколь разрушительным было их действие. Но в официальных докладах, выступлениях вся эта вакханалия выдавалась за "великую сталинскую победу над троцкистско-фашистскими заговорщиками и вредителями". Берия, который уже руководил следствием по делу Блюхера, проигнорировал, однако, постановление.

Прославленного маршала допрашивали несколько дней, требуя от него признания в том, что "он входил в военно-фашистский заговор". Блюхер держался мужественно и все полностью отрицал. Кто знает, может быть, когда его истязали, маршал вспомнил о своем участии — правда, молчаливом — в неправом суде над Тухачевским в качестве члена Специального Присутствия Верховного суда СССР? Тогда он не использовал свой шанс совести, чтобы облегчить участь первого советского маршала, обреченного на гибель. А теперь он сам в руках Берии...

По свидетельству Б.А. Викторова, проводившего расследование и по этому делу, Блюхера в последний раз видели 5 и 6 ноября зверски, до неузнаваемости избитым. Лицо его было сплошным кровавым месивом, один глаз выбит. Вероятно, в канун великого праздника инквизиторы Берии хотели завершить свое черное дело. 9 ноября 1938 года еще один Маршал Советского Союза в результате зверских пыток погиб в бериевских застенках. Погиб, но не сломался и не подписал чудовишных небылиц.

Нож гильотины беззакония к этому времени уже унес тысячи видных военных деятелей и политработников. Среди них И.Н. Дубовой, Я.К. Берзин, М.Д. Великанов, Е.И. Ковтюх, И.Ф. Фелько, И.С. Уншлихт, А.С. Булин, Г.А. Осепян, М.П. Амелин, многие, многие другие.

Передо мной тома со списками репрессированных военачальников: звание, фамилия, должность, награды, дата смерти... Большинство командиров еще сравнительно молоды. Цвет офицерского корпуса, прошедшего, как правило, гражданскую войну, создававшего новую армию. Чтобы глубже почувствовать вечную горечь сталинского безумия, открою (произвольно) один из томов и напомним имена погибших, но не в

борьбе с фашизмом, нет, а по воле "вождя". Одну-две страницы...

Комкор Калмыков Михаил Васильевич. Командир 20-го стрелкового корпуса. Награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени. Расстрелян в 1937 году.

Комбриг Карев Герман Степанович. Командир 135-й стрелковой пулеметной бригады. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комдив Кассин Григорий Иустинovich. Командир 45-го стрелкового корпуса. Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды. Осужден и расстрелян в 1938 году.

Комбриг Кириченко Иван Григорьевич. Командир 23-й кавалерийской дивизии. Награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комдив Киягницкий Павел Ефимович. Комендант Киевского укрепрайона. Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Флагман второго ранга Кожанов Иван Кузьмич. Командующий морскими силами Черного моря. Награжден орденом Красного Знамени и орденом Красной Звезды. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комкор Косогов Иван Дмитриевич. Командир 4-го казачьего корпуса. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комдив Коханский Владислав Станиславович. Командир 5-го тяжелого бомбардировочного авиакорпуса. Награжден орденом Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Дивизионный комиссар Краснов Евгений Васильевич. Заместитель начальника управления по командному и начальствующему составу РККА. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комкор Куйбышев Николай Владимирович. Командующий войсками Закавказского военного округа. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1938 году.

Комкор Кутяков Иван Семенович. Заместитель командующего войсками Приволжского военного округа. Награжден тремя орденами Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1938 году.

Комдив Кучинский Дмитрий Александрович. Начальник Академии Генштаба. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комдив Кутателадзе Георгий Николаевич. Командир 9-го стрелкового корпуса. Награжден орденом Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комбриг **Круг Иосиф Михайлович**. Начальник отдела штаба Белорусского особого военного округа. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Флагман первого ранга **Киреев Григорий Петрович**. Командующий Тихоокеанским флотом. Награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Командарм второго ранга **Корк Август Иванович**. Начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Корпусной комиссар **Карин Федор Яковлевич**. Начальник отдела разведывательного управления РККА. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Командарм второго ранга **Каширин Николай Дмитриевич**. Начальник управления боевой подготовки штаба РККА. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1938 году.

Комбриг **Кейрис Ромуальд Исидорович**. Помощник командира 61-й стрелковой дивизии. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комбриг **Ключко Иван Гаврилович**. Начальник военно-исторического отдела Генштаба. Награжден орденом Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комдив **Кожевников Александр Тимофеевич**. Заместитель командующего войсками Уральского военного округа. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1938 году.

Горестный список я открыл на букву "К", но и он кажется бесконечным... Дальше — множество фамилий: Каган, Кадатский, Кальнин, Калинин, Кальван, Кальпус, Кангелари, Капцевич, Карпов, Кармалюк... Не видно конца... Сколько трагически оборванных жизней! Какие люди! И все — безвинно.

Списки всех этих и многих тысяч других военных прошли через руки Сталина, Ворошилова, иных руководителей. Какой же чудовищной жестокостью и подозрительностью нужно было обладать, чтобы верить в дикие, бредовые донесения и доклады!

Удар по вооруженным силам был нанесен страшный. Едва ли могли предполагать гитлеровские спецслужбы, белогвардейцы-эмигранты, а косвенно и Троцкий, что их провокационные зерна попадут на столь благодатную почву. Всем предшествующим ходом борьбы за упрочение своего единовластия "вождь" полностью созрел для действий, которые

нельзя квалифицировать иначе, как преступные. Были уничтожены практически все заместители наркома обороны, большинство членов Военного Совета при наркоме, почти все командующие округов и командармы. По имеющимся данным и проведенным подсчетам, можно заключить, что в 1937 — 1938 годах погибло до 45% командного и политического состава армии и флота от командира бригады и выше. При таких потерях в любой войне армия резко теряет боеспособность. Командарма, например, нельзя подготовить, как лейтенанта, на ускоренных курсах за шесть месяцев, на это требуются долгие годы службы и учебы. А база выдвижения была сужена до предела. В преддверии большой войны Сталин и его окружение создали объективные предпосылки для ее крайне тяжелого начала и ведения. Невинные жертвы "военного побоища" в 1937 — 1938 годах откликнутся еще большими потерями на фронтах Великой Отечественной войны.

В конце ноября 1938 года состоялся Военный Совет при наркоме обороны. В своем докладе Ворошилов привел страшные цифры. Повторяю их еще раз: "В 1937 — 1938 годах мы "вычистили" из Красной Армии более четырех десятков тысяч человек. Только в 1938 году выдвинуто и перемещено в должностях более 100 тысяч человек! В руководстве армией произошли огромные изменения: из членов Военного Совета при наркоме осталось только 10 человек прежнего состава..." Нетрудно представить, что творилось в округах!

В своем донесении в Москву в начале марта 1938 года командующий войсками Киевского военного округа С.К. Тимошенко и член Военного совета Н.С. Хрущев сообщали как о большом успехе: "Вычищено врагов" из войск округа за год около 3-х тысяч человек, из них арестовано более тысячи. "Обновлены" практически все командиры корпусов и дивизий. В результате ликвидации троцкистско-бухаринских элементов мощь войск округа возросла"⁷⁵.

Неужели никто не видел грядущих последствий этого безумия? Многие видели, но молчали. Хотя не все. С удовлетворением можно сказать, что и в то жестокое время были люди, пытавшиеся использовать свой шанс совести. Передо мной письмо комбрига С.П. Колосова наркому обороны К.Е. Ворошилову. В нем, в частности, говорится:

"Встречаются два командира в трамвае: ну как дела? У нас — "Мамаево побоище": арестовали того-то, того-то и т.д. Я теперь боюсь слово сказать, — говорит другой. Скажи, опи-

бись, сейчас окажешься врагом народа. Трусость стала нормальным явлением...

Узнайте цифру, сколько Вы уволили из РККА за 1937 год, и Вы узнаете горькую правду.

Меня Вы можете назвать паникером-троцкистом-врагом народа и т.д. Я не враг, но считаю, что так мы можем дойти до ручки...

5 декабря 1937 года

*Колосов*⁷⁶.

Мне неизвестна судьба С.П. Колосова, но письмо этого мужественного командира свидетельствует: не все молчали. Многим, кроме Сталина, было ясно, что армия накануне страшных испытаний попросту обескровлена. Однако жажда власти, стремление любой ценой ее сохранить (хотя ей угрожали мифические заговорщики) оказались сильнее элементарной заботы о безопасности Отечества. Для "господствующей личности" выбор между "я" и "Родина" был, как говорят дела, в пользу его персоны.

Обращаясь к этим горестным страницам нашей истории, вновь и вновь ставишь перед собой вопрос: как это могло случиться? Почему? Как могла возникнуть и существовать такая атмосфера жестокости, беззакония, исключительной подозрительности, развязавшей руки многим подлецам? Неужели все происшедшее свидетельствует о какой-то особой "силе" Сталина, возглавившего этот погром кадров? Как издевательски звучат сегодня его слова о том, что "человек дороже любой машины"!

В самом деле, в чем проявилась "сила" Сталина? Ведь это он прежде всего вызвал социальный катаклизм, пожалуй, самый болезненный и трагический в нашей истории. Размышляя над этим вопросом, постепенно приходишь к выводу, что "сила" Сталина заключалась не в нем самом. Его сила в создании и использовании государственного и партийного аппарата, который он превратил в послушного исполнителя своей воли. Без него он — ничто. Ему постепенно удалось с помощью этого аппарата сформировать такую систему отношений в обществе, когда его слово, директива, приказ, распоряжение могли вызвать цепную реакцию действий тысяч, а то и миллионов людей, принимающих эти сигналы на веру.

Добившись полного единовластия, Сталин понимал, что его сохранение требует дальнейшего совершенствования аппарата: партийного, государственного и, как тогда говорили, карательного. С помощью аппарата Сталин мог манипулировать

общественным сознанием, проводить экономические, политические и культурные кампании, кроить ткань истории, закладывать основы "нового" мирозерцания, в центре которого должен быть он и его идеи, ставить цели, которые воспринимались как божественное откровение. У Сталина не возникало сомнения в том, что аппарат вытеснял из системы народ, что народу отводилась лишь роль исполнителя, труженика, которому дозволено лишь "одобрять", "поддерживать", "восхищаться", "любить" его, единственного "вождя". Такое деформированное видение окружающего мира не просто обедняло социалистические идеалы, а объективно снижало их привлекательность и сеяло в конце концов сомнения в их истинности. Таким образом, "сила" Сталина — в глубоком антидемократизме, тоталитаризме его методов, автократической трактовке непреходящих ценностей — справедливости, братства, гуманизма людей. В "силе" Сталина, однако, изначально были заложены истоки, генезис конечного поражения единовластия и единомыслия.

Беззакониями 1937 — 1938 годов, чем, по сути, являлась деятельность Сталина в это время, преследовалась цель дальнейшего создания и укрепления храма личного культа. И это в представлении Сталина не противоречило идеалам социализма! Он, похоже, полагал, что имеет право так трактовать эти идеалы. Ну как тут не вспомнить Маркса и Энгельса, которые, критикуя теорию Карлейля о правах гениев и вождей на господство, пронизательно заметили, что "новая эра, в которой господствует гений, отличается от старой эры главным образом тем, что плеть воображает себя гениальной"⁷⁷. Сталин без плети обходиться не мог. Но уже так много засечено этой плетью насмерть, что нужно найти другого исполнителя. Необходимо было сменить лицо, которое по его указанию олицетворяло и использовало эту плеть.

Сталинский Монстр

Апогей насилия приходится на начало 1938 года. Сталину все чаще стали докладывать о катастрофическом положении с кадрами на том или ином заводе, железной дороге, в наркомате. Инерция репрессий уже действовала по своим законам. Аресты порождали выявление новых "соучастников";

возможность выдвижения карьеристов порождала все новые и новые доносы, которые порой были мстью за репрессии родственников, близких... Ситуация начинала все более выходить из-под контроля. Летом 1938 года Сталин решил, действуя по своему излюбленному сценарию, сменить исполнителей и возложить на них ответственность за "перегибы", "злоупотребления", "превышение власти" и т.д. Он решил поступить так, как уже делал в ходе коллективизации, обвинив исполнителей его воли во всех мыслимых и немыслимых грехах. Ежов, к которому он присмотрелся ближе после того, как тот стал кандидатом в члены Политбюро, оказался полным ничтожеством. Но к этому времени печать уже создала вокруг Ежова ореол "талантливого чекиста", "вернейшего ученика Сталина", "человека, который видит людей насквозь"... Даже Михаил Кольцов, находясь в плену общественной слепоты, характеризовал в "Правде" этого морального карлика как "чудесного нестигаемого большевика ... который, дни и ночи не вставая из-за стола, стремительно распутывает и режет нити фашистского заговора"⁷⁸. Увы! В истории бывает, что для того, чтобы по-настоящему разглядеть кого-то или что-то, требуются годы, иногда хотя бы месяцы. Тем более что тогда все (или почти все) пользовались очками со сталинской диоптрией.

Сталин весьма скоро выяснил, что Ежов элементарный пьяница, человек, полностью лишенный политической гибкости и проницательности. "Вождя" не отталкивал предельный цинизм Ежова, его злобность и жестокость (часто нарком вел допросы сам), но он не мог терпеть около себя человека безвольного. А по его глубокому убеждению, алкоголизм — это визитная карточка безволия. Люди, которые его окружали и которых он по-своему ценил — Молотов, Каганович, Жданов, Ворошилов, Андреев, Хрушев, Поскребышев, Мехлис, кроме абсолютной преданности ему обладали и немалой волей, чтобы продемонстрировать эту преданность. Например, почти у каждого из своего окружения он арестовал кого-то из близких родственников. Да, именно он, Сталин, ибо ни Ежов, ни Берия без его санкции на такой шаг не решились бы. Попробайся они — Калинин, Молотов, Каганович, Поскребышев, некоторые другие деятели, находившиеся в тени "вождя", — защитить своих близких, это означало бы, что у них нет политической воли. Они знали, что Сталин этого бы не стерпел. В его понятии политическая воля — это готовность пожертвовать всем во имя преданности ему. Человек и волевой, и жестокий, Сталин

не мог допустить, чтобы около него подвизались какие-то "рохли".

Но вернемся к плети "господствующей личности". Здесь дело заключалось в другом. Нужен был очередной "козел отпущения". Эту роль Сталин уготовил Ежову.

Назначив Берия заместителем Ежова, Сталин, как всегда, преследовал далеко идущие цели. Уже с сентября—октября 1938 года, хотя формально Ежов был еще на своем посту, Берия фактически управлял аппаратом НКВД. Передо мной лежат несколько донесений-отчетов Ульриха, рассмотренных военной коллегией Верховного суда СССР и адресованных (еще без указания должности) "комиссару государственной безопасности 1 ранга Берия". Рапорты датированы различными числами октября 1938 года. Правда, Ежов, освобожденный от обязанностей наркома внутренних дел 7 декабря 1938 года, мелькнул на политической сцене еще один раз, уже в качестве наркома водного транспорта. 21 января 1939 года он сидел рядом со Сталиным на траурном собрании, посвященном 15-летию со дня смерти В.И. Ленина. После этого Ежов буквально растворился.

Уже на XVIII съезде (март 1939 г.) Ежов не вошел в руководящие органы партии. Его "взяли", когда он проводил совещание в Наркомате водного транспорта. Быстро вошли двое и остановились у двери. Он сразу понял: это конец. Сталину нужна его жизнь! Человек, сам отправивший в небытие несчетное число невинных людей, в эти минуты проявил себя как абсолютное ничтожество: упал на колени, стал молить о пощаде. "Сталинскому наркому" осталось жить считанные недели. Известно, что он расстрелян, но когда, где, на основании какого обвинения, мне выяснить не удалось. Впрочем, "когда" и "где" относятся и ко многим тысячам невинно пострадавших.

В конце 1938 года Берия, получив благословение Сталина, полностью включился в "работу". Первым делом Берия принял чистку ежовских кадров. Такие зловещие фигуры, как Фриновский, Заковский, Берман, творившие свои темные дела еще при Ягоде, были осуждены и расстреляны. На смену им пришли люди Берии типа Меркулова и Кобулова, Гоглидзе и Цанавы, Рухадзе и Круглова, отличавшиеся особой преданностью новому патрону.

Почему Сталин остановил свой выбор на Лаврентии Павловиче Берии? Знал ли он его близко раньше? Почему этот человек так быстро вошел в особое доверие к "вождю"? Как могло случиться, что этот авантюрист за короткий срок достиг са-

мых высоких ступеней власти: стал членом Политбюро, первым заместителем Председателя Совета Министров, Маршалом Советского Союза, был удостоен даже звания Героя Социалистического Труда?

Сталин впервые встретился с Берией примерно в 1929 — 1930 годах во время своего лечения в Цхалтубо. Берия, бывший тогда начальником ГПУ Закавказья, обеспечивал охрану "вождя" на курорте. Сталин несколько раз побеседовал с этим человеком, весьма неприятным даже внешне, но способным мгновенно улавливать его желания. В начале карьеры Берия использовал знакомство своей жены Нины Гегечкори (как и ее брата-революционера) с С. Орджоникидзе. Возможно, на первых порах это ему помогло. Но очень скоро Орджоникидзе "раскусил" авантюриста и крайне неприязненно и настороженно относился к выдвижению Берии. Серьезную оппозицию Берия встретил и в лице многих других честных большевиков, хорошо знавших этого карьериста. Так, например, кадровый сотрудник ВЧК — ОГПУ — НКВД Тите Илларионович Лордкипанидзе пытался раскрыть глаза в Москве на этого вурдалака. Дело, однако, кончилось тем, что Лордкипанидзе был освобожден по предложению Сталина с поста наркомвнудел Закавказья, а Берия смог в 1937 году устранить этого человека, слишком много знавшего о нем. Без преувеличения можно сказать, что весь путь Берии наверх устлан многочисленными жертвами.

На Сталина произвели впечатление хватка Берии, его власть, решительность и отличное знание положения дел в закавказских республиках. Да, Сталину говорили (он уже не помнил кто, кажется, секретарь Закавказского крайкома партии Л. Картвелишвили) о темном прошлом Берии: связь с мусаватистами, дашнаками в годы гражданской войны. Ему говорили об исключительно карьеристских наклонностях начальника ГПУ Закавказья. В определенных случаях Сталин считал это положительным моментом; такие люди всегда были на "крючке". Вон, Вышинский, бывший меньшевик, подписывал ордер на арест самого Ленина, а как сейчас старается! Или Мехлис, тоже бывший меньшевик, а сейчас нет более преданного ему, Сталину, человека.

На Сталина произвел впечатление опубликованный в печати и изданный отдельной книжкой доклад Берии "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье", сделанный им в июле 1935 года. В докладе Берия "разоблачил" А. Енукидзе, как фальсификатора истории, а главное, доказывал особую,

исключительную роль Сталина в революционном движении Закавказья. Конечно, "вождь" видел в докладе многочисленные "натяжки", фактические неточности, отсебятину, но все это делалось, по его мнению, в благих целях: рельефнее оттенить его место в истории большевизации края. Усердие, решительность и бескомпромиссность Берии ему положительно импонировали.

Сталин не забыл, что именно он в октябре 1931 года добился перевода Берии на партийную работу (вторым секретарем Закрайкома). По его же предложению через два-три месяца Берия стал первым секретарем. Правда, для этого пришлось переместить из Закавказья Картвелишвили, Орахелашвили, Яковлева, Давдариани, которые возражали против кандидатуры Берии. За несколько лет, считал Сталин, Берия навел в Закавказье "порядок". "Вождю" нравилось, что на всех пленумах 1937 — 1938 годов Берия подавал удачные реплики в русле его собственных размышлений и выступлений. Сталин, в частности, помнил (на память он никогда не жаловался) ремарки Берии на февральско-мартовском Пленуме 1937 года:

— Как Вы могли взять Варданяна, когда мы его из Закавказья вышибли?! — бросил он выступавшему Евдокимову, секретарю Азово-Черноморской парторганизации.

— Почему, — продолжал он, — Вы выдвинули Асилова, ведь мы его исключили из партии?

— Выполняя указания тов. Сталина о работе с кадрами, мы разоблачили 7 членов ЦК КП Грузии, 2-х членов Тбилисского горкома. Уже в 1936 году мы арестовали 1050 троцкистско-зиновьевцев...⁷⁹

Волна репрессий еще только поднималась, а Берия уже предвосхитил события. Сталин слушал и, возможно, думал: хотя Берия несколько лет на партийной работе, но так и остался "чекистом". Сталина едва ли покоробила эта мысль: считать Берию чекистом, хотя сегодня это можно назвать только кощунством. Дзержинский был тоже чекистом, но какая бездна разделяет "рыцаря революции" и выродка, облеченного Сталиным огромной властью?! Правда, справедливости ради стоит сказать, что тогда еще немногие знали о подлинных "возможностях" Берии. Его назначение прямо увязывалось с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия". Ведь спустя три недели Берия стал наркомом внутренних дел.

После XVIII съезда партии были реабилитированы некоторые невинно осужденные люди. Но по сравнению с общим ко-

личеством брошенных в тюрьмы и расстрелянных это была просто косметическая операция. Как бы ни перекалывали ответственность на Ежова, признание массовых актов беззакония могло бы, несомненно, бросить тень и на самого Сталина. А этого секретарь ЦК допустить не мог. Справедливость была восстановлена прежде всего в отношении лиц, связанных с обороной. Сталин не мог не понимать, что на пороге войны армия была сильно ослаблена. По его указаниям из тюрем и ссылок вернули часть командиров, которых так и не удалось сломить следственным органам. Выпустили также ряд ученых и конструкторов. Среди них следует назвать К.К. Рокоссовского, К.А. Мерецкова, А.В. Горбатова, И.В. Тюленева, С.И. Богданова, Г.Н. Холостякова, А.И. Берга, А.Н. Туполева, Л.Д. Лацдау, В.М. Мясничева и других. Многим, как знаменитому С.П. Королеву, дня освобождения пришлось ждать неизмеримо дольше (он вышел на свободу лишь в 1944 г.), а тем, кто вынес все физические и нравственные муки многолетней несправедливости, — до далекого еще тогда XX съезда партии.

Хотя такого безумия, как в 1937 — 1938 годах, в стране больше не было, карательные органы не сидели без "работы". Поставленные вне контроля государства и партии и замыкавшиеся фактически лично на Сталине, они были достойным придатком даже не культа личности, а — тирании личности. Все честные и достойные люди, хранившие традиции Ф.Э. Дзержинского, из НКВД были удалены или уничтожены. По имеющимся данным, в конце 30-х годов погибли более 23 тысяч чекистов, пытавшихся затормозить раскручивание маховика насилия.

Иногда, когда говорят о злоупотреблениях и преступлениях тех лет, акцентируют внимание на личностях Ягоды, Ежова, Берия или Вельшинского и Ульриха. Слов нет, эти выродки и отпетые преступники являли собой пример духовного и нравственного распада, по сути дела антилюдей. Здесь все ясно. Более существенной иной вопрос: как такие люди могли занимать столь высокие посты в социалистическом государстве? И здесь нужно сказать, что сталинская карательная система, какой она стала в конце 30-х годов, не могла не найти "достойных" ее исполнителей. Поясню свою мысль. Отделение органов внутренних дел от партии и народа, отсутствие элементарного контроля снизу и даже сверху рано или поздно должны были превратить их в механизм тирании одного лица. Такое вырождение явилось закономерным следствием все большего отмирания элементарных демократических начал в партии и обществе в целом. Тота-

литарные методы руководства всегда чреваты забвением закона и способностью использовать насилие в неправых целях.

Пытались ли хотя бы отдельные коммунисты, проявляя мужество и гражданственность, ставить эти вопросы перед Сталиным? Все ли он знал о таком авантюристе, каковым являлся Берия? Мне известны попытки обратить внимание Сталина на пагубность бериевщины как глубоко антисоциалистического явления. Но Сталину не нужно было "открывать" глаза на преступления Ежова и Берии. Он знал о них. "Вождь" сам санкционировал наиболее зловещие деяния. Имеются данные, что он вместе с Молотовым одобрил около четырехсот (!) списков лиц, "дела" которых должны были рассматриваться только военными судами. На них стоят лаконичное "за" и подписи Сталина и Молотова. Списки, в которых порой было до нескольких сотен фамилий, одним росчерком сталинской руки превращались в некрологи.

Присвоив себе право распоряжаться судьбами и жизнями тысяч людей, Сталин и исполнители его воли типа Берии покушались на гуманистические основы социализма, хотя на словах свои злодеяния осуществляли именно во имя этих ценностей. Думаю, уместно вспомнить Ф.М. Достоевского, сказавшего однажды, что не для того же он страдал, чтобы собой, злодействами и страданиями унавозить кому-то будущую гармонию. Самые великие цели никогда не могут оправдать применение несправедливых средств. Но Сталину была всегда непонятна логика нравственной философии.

Сформировавшись в мире борьбы, классовых страстей, бескомпромиссного мироощущения, Сталин на каком-то этапе своего становления как личности полностью утратил даже элементарные гуманистические качества, которые и раньше были у него крайне дефицитными. Ему были чужды сострадание, милосердие, понимание добра. Слова Л.Н. Толстого о том, что надо учиться "уважению к жизни", конечно, показались бы ему либерально-буржуазными. Лексикон Сталина, его политический словарь переполнен словами типа: "бить", "разгром", "уничтожение", "искоренение", "пресечение" и другими. Они очень точно отражают глубокую ущербность его натуры. В силу этого люди, подобные Берии, для которых жизнь человека не представляла никакой ценности, не вызывали у него неприязни или протеста.

Как рассказывал мне покойный маршал К.С. Москаленко, принимавший участие в аресте и суде над Берией, этот выродок, когда 23 декабря 1953 года ему был объявлен приговор,

стал на коленях извиваться в ногах членов Специального Присутствия Верховного суда СССР, заседавшего в здании штаба Московского военного округа. Его униженные мольбы и слезы о помиловании лишь подчеркнули степень ничтожности этого человека, которому Сталин преступно позволил распоряжаться жизнями тысяч людей. Но, как пронизательно заметил в свое время Ф. Энгельс: "Нельзя уйти от своей судьбы... от неизбежных последствий своих собственных действий"¹⁸⁰.

Есть свидетельства, которые, правда, трудно документально проверить, что по мере старения Сталина у Берии появилось намерение узурпировать власть. Возможно, Сталин это чувствовал, и последние год-полтора в отношениях между ними наступило заметное похолодание. Об этом мне рассказывали многие. Особенно много интересного сообщила М.С. Власик, жена генерал-лейтенанта Н.С. Власика, бывшего начальника Главного управления Министерства государственной безопасности. Власик более четверти века был главным охранником Сталина, многое знал, пользовался большим доверием "вождя". Берия его ненавидел, однако Сталин не давал "трогнуть". За несколько месяцев до смерти Сталина Берии все же удалось скомпрометировать Власика, как и Поскребышева, и устранить их из сталинского окружения. При этом Власик был арестован и приговорен к 10 годам тюрьмы и ссылки. Вернувшись после заключения уже после смерти Сталина, Власик, по словам жены, с полной убежденностью говорил, что умереть Сталину "помог" Берия. Эту же уверенность он выразил в своих воспоминаниях, которые надиктовал супруге незадолго до смерти.

Именно Берия в последний год жизни "вождя" убрал врачей, наблюдавших за Сталиным, затем Власика и Поскребышева, еще нескольких лиц из обслуживающего персонала. Как бы то ни было — умер диктатор своей смертью или с "помощью" Берии, становится страшно, что стало бы с нашим Отечеством, если бы планы Монстра были реализованы?! Ведь тогда система власти была такой, что смена одного диктатора другим могла стать реальностью. То, что невозможно в условиях демократии, которая существовала в то время лишь на бумаге, становится возможным в обстановке тоталитарности.

У руководства партии и государства наконец достало мужества и пронизательности, чтобы обезвредить чудовище. Думаю, немаловажным фактором было понимание того, что Берия не преминет расправиться с большинством из них. (Монстр поддерживал близкие отношения лишь с Маленковым.) Все

боялись карателя. Как рассказывал маршал Москаленко, процесс над Берией, проходивший в кабинете члена Военного совета Московского военного округа, слушало высшее партийное руководство в Кремле, куда была проложена специальная связь. Г.М. Маленкову, Н.С. Хрущеву, В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову, Н.А. Булганину, Л.М. Кагановичу, А.И. Микояну, Н.М. Швернику и другим представилась возможность заглянуть на самое дно злодеяний, которые творил с помощью этого выродка Сталин. Многое им было, однако, известно. Ведь их ответственность за свершенные в годы беззаконий преступления, повторю еще раз, также вполне очевидна.

Сохранились документальные свидетельства, что те, кто пытался воззвать к совести Сталина и пресечь злодеяния Берии, быстро исчезали. Сталин оставался глухим к этим призывам: этот падач его устраивал. Более того, Берия стал неотъемлемой "чертой" сталинского портрета.

На одном из пленумов ЦК в 1937 году нарком здравоохранения Каминский попытался показать подлинное лицо Берии. Однако едва пленум закончился, Каминский был арестован и вскоре погиб. О преступной деятельности Берии хотел сообщить Сталину и старый коммунист Кедров. Но результатом этой попытки явился арест и расстрел Кедрова. Приговор старому большевику был сфабрикован уже после расстрела. Берия спешил убрать любого, кто знал его истинное лицо.

Человек, который по своей должности должен быть предан закону, и только закону, являлся олицетворением абсолютного беззакония и произвола. Для Берии не было ничего святого. Он боготворил только насилие. Будучи человеком садистских наклонностей, Берия часто сам вел допросы, которые порой заканчивались трагически. Этот Монстр, а Сталин знал, что таковым был его нарком внутренних дел, совмещал свои преступные наклонности с меломанством. Рассказывали, что у него была уникальная коллекция пластинок классической музыки; когда Берия слушал, например, прелюдию Рахманинова, он плакал. Истории известны такие парадоксы, которые лишь полнее высвечивают абсолютную нравственную пустоту души.

Сталин, ценивший на словах аскетизм и пуританство, не мог не знать, что Берия к тому же самый гнусный развратник. Человек, носивший крошечное пенсне, с опущенными уголками рта, что придавало лицу капризное выражение, был леденяще холоден. Его глаза, как у ящера, почти никогда не мигали. Для Берии были неведомы даже отдельные буквы азбуки нравственности. Начальник его личной охраны полковник Надорая и

адъютант полковник Саркисов поставляли преступнику поправившихся тому молоденьких женщин. Малейшее сопротивление влекло самые трагические последствия и для женщины, и для ее близких. Эта страшная деталь облика Монстра еще раз подчеркивает диалектику взаимосвязи политического и морального. Политический авантюрист и нравственный подонок в одном лице навсегда останется обвинением лично Сталину, допустившему возвышение антилюдей типа Берия.

Е.П. Питовранов, работавший в НКВД с предвоенных лет и ставший после войны начальником управления и заместителем наркома, поведал мне о Берии немало интересного. Кстати, Питовранов остался жив лишь потому, что оказался в тюрьме за "мягкость" по отношению к "врагам народа". По его словам, Берия был не только абсолютно безнравственной личностью, но и личностью глубоко аполитичной. Думаю, говорил Питовранов, Берия ничего не понимал в марксизме, совсем не знал ленинских работ. Политика для него имела смысл лишь в связи с собственными, личными целями. Для Берии важна была только власть над людьми. Трудно понять, почему он, о котором Сталин очень многое знал, долго держался на поверхности. Обычно "вождь", размышлял Питовранов, взваливал на таких людей ответственность за какие-либо неудачи, прегрешения, провалы и беспощадно их убирал. А Берия держался. И не просто держался, а продолжал дискредитировать социализм, закон, общество. Видимо, дело все же в том, что люди типа Берии были близки Сталину своей готовностью выполнить любое его указание. Берия был копией "вождя" в главном: в методах использования власти.

Надо сказать, Сталин давал Берии самые щекотливые задания. Троцкий, самый непримиримый личный враг "вождя", в конце концов был устранен физически не без участия Берии. Отсутствие каких-либо принципов у этого Монстра вскоре стало известно всему окружению Сталина, которое откровенно побаивалось наркомвнудел. Берия порой демонстрировал в присутствии других членов Политбюро свои особые отношения со Сталиным, перебрасываясь с ним несколькими фразами на грузинском языке. В эту минуту все подавленно замолкали; можно было думать что угодно: возможно, речь шла о ком-то из присутствующих.

Во время войны Сталин поручал ведомству Берии восстановление мостов, прокладывание железнодорожных веток, создание новых рудников и т.д. Все это делалось, естественно, силами заключенных и в предельно короткие сроки. "Боевые

действия" Берии в годы Великой Отечественной войны фактически ограничиваются двумя выездами в качестве члена ГКО на Кавказ. Первый раз в августе 1942 года, второй - в марте 1943 года. Архивы свидетельствуют: и здесь Берия от имени Сталина снимал неугодных ему людей, расстреливал, нагонял страх на военных. Его сопровождали Кобулов, Мамулов, Мильштейн, Пияшев, Цанава, Рухадзе, Влодзимирский, Каранадзе. Доставалось Тюленеву, Сергацкову, Петрову, другим военачальникам. Каждый из них имел не только прогивника перед собой, на фронте, но и коварного заплечных дел мастера в тылу. Его телеграммы Сталину, как правило, играли решающую роль при назначениях. Например, 1 сентября 1942 года Берия докладывал Сталину:

"Командующим Закавказским фронтом считаю целесообразным назначить Тюленева, который, при всех недостатках, более отвечает этому назначению, чем Буденный. Надо отметить, что в связи с его отступлениями авторитет Буденного на Кавказе значительно пал, не говоря уже о том, что вследствие своей малограмотности безусловно провалит дело...

*Берия*⁸¹.

В трудную минуту, как докладывал Тюленев в Москву, он обратился к Берии за разрешением использовать большой контингент внутренних войск, дислоцированных на Кавказе. "Берия согласился выделить лишь малую часть, — писал Тюленев, — и то по указанию Сталина"⁸². Своей деятельностью нарком внутренних дел создавал в штабах обстановку напряженности, нервозности, подозрительности и взаимных доносов. Генерал Козлов был вынужден обратиться к Сталину с жалобой на начальника особого отдела Рухадзе, который с ведома Берии пытался оказывать давление на руководство фронта при принятии оперативных решений... Но все эти слабые протесты игнорировались в Москве. Само присутствие Монстра парализовывало творческую мысль военачальников: никто не хотел оказаться его очередной жертвой. Когда Берия со своей длинной свитой уезжал, все вздыхали с облегчением.

"Ленинградское дело", "мингрельское", "дело врачей", другие подобные акции — прямое проявление преступного творчества Берии. Он был могущественным человеком не только потому, что стоял у пульта карательной машины, но и потому, что в его распоряжении была вся система ГУЛАГа. Когда американцы взорвали атомные бомбы над Хиросимой и Нагасаки, Сталин приказал форсировать работы в этой области. Общее руководство ими было возложено на Берию. Его под-

ручные Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик, Влодзимирский были послушными исполнителями воли Берии. Это их усилиями, полностью одобренными Сталиным, получили "права гражданства" научные, инженерно-технические лаборатории в лагерях для заключенных. Мощь интеллекта многих выдающихся ученых, закованных в прямоугольники "зон", напряженно искала жизненно важные решения, необходимые для того, чтобы в максимально сжатые сроки ответить на грозный вызов современности. То, что советская атомная бомба была создана в кратчайшие сроки, конечно, не заслуга Берии. Раскованный разум в условиях нормального научного содействия справился бы с проблемой наверняка быстрее. Но Берия верил только во всемогущество насилия. А старик Кедров верил в справедливость.

Тогда казалось, что победил Берия. Но это только казалось. Вера в справедливость и гуманизм неистребима. Надежда на торжество этих ценностей не умирает вместе с человеком. Если бы она умирала, то не стоило бы жить. Приведу выдержку из письма Кедрова в Центральный Комитет партии, этого крика неистребимой веры:

"Я обращаюсь к вам за помощью из мрачной камеры лефортовской тюрьмы. Пусть этот крик отчаяния достигнет вашего слуха; не оставайтесь глухи к этому зову; возьмите меня под свою защиту; прошу вас, помогите прекратить кошмар этих допросов и покажите, что все это было ошибкой.

Я страдаю безо всякой вины. Пожалуйста, поверьте мне. Время докажет истину. Я — не агент-provokator царской охранки; я — не шпион; я — не член антисоветской организации, как меня обвиняют на основании доносов. Я не виновен и в других преступлениях перед партией и правительством. Я — старый, не запятанный ничем большевик. Почти сорок лет я честно боролся в рядах партии за благо и процветание страны...

Мои мучения дошли до предела. Мое здоровье сломлено, мои силы и энергия тают, конец приближается. Умереть в советской тюрьме, заклеянным как низкий изменник Родины — что может быть более чудовищным для честного человека. Как страшно все это! Беспредельная боль и горечь переполняют мое сердце! Нет! Нет! Этого не будет! Этого не может быть! — восклицаю я. Ни партия, ни советское правительство, ни народный комиссар Л.П. Берия не допустят этой жестокой и непоправимой несправедливости. Я твердо убежден, что при наличии спокойного объективного разбирательства моего дела, без грубой брани, без гневных окриков и без страшных пыток

было бы легко доказать необоснованность всех этих обвинений. Я глубоко верю, что истина и правосудие восторжествуют. Я верю. Я верю”.

Беспощадность Берии не имела предела. Сотни, тысячи прошений оставались без ответа. Приведу одно письмо, адресованное в конце войны наркому внутренних дел:

“Л.П. Берия.

*От з/к Герасимовой
Александры Ивановны;
Темниковский ИТЛ*

Февраль, 1944 год.

Я осуждена в 1937 году сроком на 8 лет. Отвечаю я за своего мужа В.И. Герасимова (бывший замнаркома внутренних дел Азербайджана, расстрелян. — Прим. Д.В.). Вины мужа не знаю до сих пор. Прожила с ним 12 лет и знала его как исключительно честного, трудолюбивого человека, преданного партии и стране. Сама я себя чувствую абсолютно невиновной. Ни одной мыслью я не совершила преступления. Работала с 16 лет до своего ареста.

В день ареста оставила 2-х малюток на свою мать без всяких средств к существованию. Мальчики растут. Им нужна мать и моя помощь.

Умоляю, разберите мое дело, дайте мне право жить с детьми, работать и воспитывать их. Жила я все эти годы в лагерях и была уверена, что правда и справедливость в нашей стране победят ложь и несправедливость. Эта уверенность давала мне силы пережить разлуку с детьми.

Герасимова”.

К письму приложена справка следователя Любимова из Азербайджанского НКВД, который вел “дело”. “Ничего не признала. Особое совещание в 1939 году оставило приговор в силе”⁸³.

Берия просто расписался, не разбираясь, соглашаясь с выводами следователя.

Как высока стойкость, мученичество, мужество этой женщины! “Все эти годы в лагерях была уверена, что правда и справедливость в нашей стране победят ложь и несправедливость...” Вот эта святая народная вера и помогла советским людям выстоять. Пока есть и будут в Отечестве такие женщины, как Александра Ивановна Герасимова, живет и вечная надежда...

Старый большевик Кедров был прав: истина должна торжествовать. Поэтому в конечном счете поражение выродка, одно-

го из самых страшных монстров в нашей истории, было предопределено.

Вина без прощения

В первую годовщину смерти В.И. Ленина, 21 января 1925 года, "Правда" поместила статью Н.И. Бухарина "Памяти Ильича". Анализируя эпицентр трагедии конца 30-х годов, обратимся к некоторым мыслям Н.И. Бухарина, сформулированным в названной статье.

"Знал ли Ленин себе цену? — спрашивает Бухарин. — Понимал ли он все свое значение? Я не сомневаюсь ни одной секунды, что да. Но он никогда не смотрелся в историческое зеркало: он был слишком прост для этого, и он был слишком для этого прост потому, что был слишком велик...

Он знал колоссально много. Но именно поэтому он понимал, как это еще мало, если мерить другими масштабами: а ведь Ильич считал миллионами и десятилетиями...

И поэтому тем больше, тем величественнее становилась личность Ленина, чем меньше обращал он внимания на свою личность. Разве кто мог заподозрить Старика в личном пристрастии? Разве кто мог допустить, что Ильич думает о чем-либо ином, кроме интересов великого дела?"

Взглянув на нравственный и интеллектуальный эталон, каким для нас был и остался Ленин, яснее понимаешь еще одну причину народной трагедии конца 30-х годов. Сталин отождествил себя с социализмом. Величие социализма он поставил в зависимость от собственного величия. Он узурпировал не только власть, но и представления людей о социализме, его идеалах и ценностях. И это полностью развязало ему руки. Чудовищность антиистины, выразившейся в отождествлении социализма со Сталиным, люди тогда понять не смогли. Стараясь продемонстрировать свою "простоту", секретарь ЦК нередко в президиумах собраний садился во втором ряду, "отчитывал" какого-нибудь редактора газеты за славословие в свой адрес, не давал ходу книжонке о своем детстве, а главное, все свои шажки "связывал" с Лениным. Но все это были точно выверенные жесты, с помощью которых он переодевал правду в маскарадный костюм. Если Людовик XIV говорил, что "государство — это я", то Сталин хотя публично не заявлял этого, но всей своей практикой давал понять, что "социализм — это я". В это поверило его окружение. Поверило очень много людей в стране. Он

хотел, чтобы поверили абсолютно все. Тех, кто не верил или даже потенциально мог не поверить, нужно было ликвидировать.

Ленин "никогда не смотрелся в историческое зеркало...". Сталин то и дело пытался заглянуть в него. Ленин "считал миллионами и десятилетиями...". Сталин тоже считал "миллионами", но... миллионами жертв; он был не только не способен мыслить на десятилетия вперед, но и не предвидел того, что произойдет после его смерти всего через три года — на XX съезде партии... Его тщеславная претензия олицетворять собой социализм чрезвычайно дорого обошлась народу. Как говорил Френсис Бэкон еще в XVII веке: "Ранит не та ложь, что проходит через сознание, а та, что входит и поселяется в нем". Ложь, "поселившаяся" в сознании Сталина, а затем закрепленная в тысячах, миллионах умов, стала не раной, а глубоким шрамом на ткани нашей истории. Шрам, который долго камуфлировался, замазывался, запудривался, однако, еще кровоточит... Пройдут годы, пока люди, узнав все без прикрас, недомолвок и недосказанностей, смогут хотя бы чуть-чуть спокойнее перелистывать страницы былого. На этих страницах с полной определенностью, надеюсь, будет сказано, что главный виновник кровавых репрессий — Сталин, созданные им командно-административная система и карательно-бюрократический аппарат. Именно они превратили народ в пассивный объект истории. Что бы ни делал Сталин для укрепления государства, превращения его в мощную индустриальную державу, для разгрома фашистской агрессии, — его вина в происшедшем в конце 30-х годов безмерна. За это ему никогда не может быть прощения. А это — только часть всей вины. Деформированный, сталинский социализм породил в свою очередь и периоды субъективизма, застоя, все, что связано с ними. Необходимость обновления, начавшегося в середине 80-х годов, обусловлена прежде всего ликвидацией последствий сталинизма.

В 1937 — 1938 годы Сталин публично — ни устно, ни письменно — не выступал за ужесточение репрессий. Даже его выступление на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года, позже опубликованное в сокращенном виде в "Правде", больше сводилось к призывам к бдительности, недопустимости беспечности, опасности троцкизма и т.д. Хотя зловещие ноты чувствуются в каждой фразе. В сборнике "О подрывной деятельности фашистских разведок, троцкистско-бухаринской банды в СССР и задачах борьбы с ними", вышедшем в нескольких издательствах, были опубликованы доклад И. Сталина на Пленуме

ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года, доклад В. Молотова, статьи Н. Рубина, Я. Сереброва, А. Хамадана, С. Урамова, А. Вышинского, передовые "Правды". Подобные издания буквально нагнетали психоз шпиономании и вредительства, поощряли доносите́льство, создавали гнетущую обстановку. Сталин как будто стоял в стороне, за кулисами. Но, находясь там, он не наблюдал, а дирижировал, направлял, руководил. Он часто приглашал к себе "трех карликов" — Ежова, Вышинского, Ульриха, не столько физических (они были невысокого роста), сколько моральных. Ход следствия и процессов, вынесение приговоров всем наиболее заметным и известным лицам обсуждались в кабинете Сталина. Иногда распоряжения от его имени передавал Поскребышев. На многих документах по "делам" арестованных "врагов народа" — собственноручные поправки Сталина. Так, например, по докладу Ежова на февральско-мартовском Пленуме ЦК было принято специальное постановление, некоторые пункты которого были сформулированы в сталинской редакции. В частности, эти:

"б) Отмечается плохая постановка следственной работы. Следствие часто находится в зависимости от преступника (! — Прим. Д.В.) и его доброй воли дать исчерпывающие показания или нет;

г) Создан нетерпимый режим для врагов советской власти. Их размещение часто более походит на принудительные дома отдыха, чем тюрьмы (пишут письма, получают посылки и т.д.)"⁸⁴.

Органам НКВД предписывалось немедленно устранить "имеющиеся недостатки". Нетрудно представить, как "устранялись недостатки", отмеченные Сталиным!

Даже после ноябрьского постановления 1938 года, когда кровавая вакханалия стала постепенно затихать, Сталин требовал "завершить незакрытые дела". Вместо того чтобы спокойно разобраться, освободить невинно арестованных, извиниться перед ними, заключительные волны кампании смывали в небытие все новых и новых людей. Вот одно из последних крупных донесений того периода.

"В ЦК ВКП(б)

товарищу Сталину И.В.

С 21 февраля по 14 марта 1939 года военной коллегией Верховного суда СССР в закрытых судебных заседаниях в Москве были рассмотрены дела в отношении 436 человек. Осужденных к расстрелу — 413. Приговоры на основании Закона от 1 декабря 1934 года приведены в исполнение.

На судебном заседании военной коллегии полностью признали себя виновными Косиор С.В., Чубарь В.Я., Постышев П.П., Косарев А.В., Вершков П.А., Егоров А.И., Федько И.Ф., Хаханьян Л.М., Бакулин А.В., Берман Б.Д., Берман Н.Д., Гилинский А.Л., Гей К.В., Смирнов П.А. (бывший нарком Военно-Морского Флота. — *Прим. Д.В.*), Смирнов М.П. (бывший нарком торговли. — *Прим. Д.В.*) и другие.

Некоторые подсудимые на суде от своих показаний, данных на предварительном следствии, отказались, но были полностью изобличены другими материалами дела...

Председатель военной коллегии

Верховного суда Союза ССР

16 марта 1939 года

Армвоенюрист

*В. Ульрих*⁸⁵.

Кстати, в списке указан А.И. Егоров как "сознавшийся" и "осужденный". Это еще одна фальсификация. Он не признал себя виновным и погиб во время следствия.

Как всегда, ничто не дрогнуло у Сталина, не ошеломила мысль о масштабах беззакония, не перехватил горло спазм раскаяния, не прошли перед глазами лица погибших, большинство которых он лично знал. Короткая знакомая жестокая фраза Поскребышева: "Сталину доложено".

"Вождь" помнил, как в июле 1938 года после решения, принятого опросом членов и кандидатов в члены ЦК, был выведен из кандидатов в члены Политбюро Влас Яковлевич Чубарь (он был в составе Политбюро с XV съезда). Чубарь написал ему, Сталину, большую толковую записку о мерах по улучшению оборонной промышленности. Сталин внимательно прочитал, отметил про себя дельный характер выводов и предложений, но ему не понравилась концовка письма:

"Все эти соображения я готовился доложить, но дело опять сорвалось и опять не по моей вине. Очень обидно и тяжело сознавать, что из-за потока клеветы и происков врагов народа мне приходится выбывать из упряжки, но где бы ни пришлось мне работать по вашему решению, везде и всегда буду честно и добросовестно бороться за наше общее дело, за процветание СССР и за коммунизм.

16 июля 1938 г.

*В. Чубарь*⁸⁶.

"Хитрит", — по-видимому, подумал Сталин и велел переслать письмо Ежову. Сталина невозможно было "разжалобить". Узнав из доклада Ульриха о казни Чубаря, как и других осужденных, "вождь" спокойно отложил рапорт председателя

военной коллегии в сторону и стал читать предложение М. Митина и П. Поспелова о необходимости подготовки "Краткой биографии И.В. Сталина"...

Вновь вернувшись мыслью к Чубарю, он вспомнил, что и Эйхе, и Рудзутак, и Постышев, и многие, многие другие просили его вмешаться и остановить расправу. Все клянутся в верности ему, "товарищу Сталину"... Но почему они просят? Разве это достойно? "Если НКВД разобралось и решило, при чем тут товарищ Сталин?" Он любил думать и говорить о себе в третьем лице. Никакого сострадания. Никакого сlundяйства... Думаю, что пониманию природы сталинской жестокости могут помочь очень тонкие наблюдения и размышления Ф.М. Достоевского в его "Записках из Мертвого дома". Великий писатель и психолог отмечал, что "кровь и власть пьянят: развиваются заурбелость, разврат; уму и чувству становятся доступны и, наконец, сладки самые ненормальные явления. Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен"⁶⁷.

Отношение Сталина к своим жертвам, товарищам по Политбюро, ЦК, как и вообще к использованию насилия, свидетельствует: "человек и гражданин" в Сталине-тиране умерли давно. Все самые пизменные чувства и качества натуры, которые в 20-е годы еще как-то сдерживались, пышно расцвели в условиях единовластия. Любая власть вне контроля снизу опасна. А власть диктаторская — особенно. Еще раз подтвердилась старая истина: тирания — мать несправедливости.

Е.П. Питовранов в беседе со мной подтверждает мысль, что разжалобить Сталина было "дохлым делом". Он просто не обращал внимания на просьбы о помиловании, милосердии, проявления чувства справедливости. "Когда меня посадили за "мягкость к врагам народа", — рассказывал мой собеседник, — я сказал себе: все, конец. Ни один человек из руководящего состава НКВД, будучи арестованным, не выходил живым из Лесфортово. В камере со мной сидел Л. Шейнин, следователь и в последующем писатель. Ожидая со дня на день трагической развязки, я в то же время мучительно искал выход. И, как оказалось впоследствии, нашел. Выпросив лист бумаги, я написал письмо Сталину, у которого не раз бывал на приеме, являясь начальником одного из главных управлений НКВД. Я не стал ничего просить: ни снисхождения, ни пощады. Написал только, что у меня есть принципиальные соображения по совершенствованию нашей контрразведки. Добился, чтобы пришел в ка-

меру начальник тюрьмы. Сказал ему: об этом письме знают "наверху". Если вы не передадите его по назначению, вам будет плохо.

Как мне потом рассказывали, — продолжал Питовранов, — Сталину о письме доложили. Он позвонил в наше ведомство и спросил: "За что сидит Питовранов?" Ему ответили. Помолчав, Сталин бросил в трубку: "Возьмите его к себе обратно на работу. Кажется, человек он неглупый". Через несколько дней меня неожиданно выпустили. Сталину для этого понадобилось несколько слов. Но, как я понял, мне удалось сыграть на психологии диктатора: я не молил о пощаде, как делали все, а предлагал идеи и новые решения".

То, что "сработало" в случае с Питоврановым, который и ныне здравствует, не получилось у Чубаря.

Никакие просьбы о помиловании и справедливости не могли тронуть Сталина. То ли нормальные человеческие чувства — сострадание, жалость, милосердие — были страшно глубоко упрятаны, то ли вместо них в сердце Сталина были "стальные" нити, то ли он считал беспощадность важнейшим атрибутом вождя?..

Сталину докладывали о направленных в ЦК прошениях Н.И. Вавилова, крупнейшего биолога, генетика, ботаника и географа, гордости советской науки. Он знал об аресте М.Е. Кольцова, чьи талантливые репортажи из Испании высоко ценил. Докладывали Сталину и письмо С.П. Королева, находившегося в одном из далеких колымских лагерей. Сколько их было, таких писем! Сотрудники секретариата Сталина анализировали его почту. Иногда ему подавали обобщенную справку, наиболее интересные (по мнению помощников) письма. Эти уникальные, потрясающие документы абсолютно не трогали Сталина. Он полагал, что страдания людей неизбежны. Это как плата за прогресс, за движение вперед, за успехи. Может быть, Сталин вспомнил Шиллера: "Свободным от страданий еще никто не рождался". Но если это неизбежно, то это и естественно...

Великие идеи, их воплощение (в этом Сталин был уверен) требуют самоотверженности, самопожертвования, полной самоотдачи. Без жертв социализм построить нельзя. А поскольку их было так много, Сталин к ним привык. По его указанию никаких обобщающих данных, статистических выкладок о жертвах репрессий в печати не сообщалось. Люди питались слухами и страхами. В общественное сознание, нацеленное на достижение экономических, социальных, культурных вершин,

прокрадывался страх. Особенно у тех, кто видел признаки недоверия к себе, угрозу доноса, а стало быть, и расправы. Ведь человека, на которого заводилось "дело", в сущности, уже не было. По сути, страх в этом случае выступал антиподом свободы, ее отрицанием. Люди боялись не потому, что чувствовали за собой какую-то вину, они боялись оказаться жертвой навета, произвола. Те, чьи опасения оправдывались, не могли бы согласиться с Ницше: "Если тебе не удалась жизнь, то, может быть, удастся смерть?" Ведь смысл репрессий был непонятен. Тем и питался страх... Кто-то не пришел на работу. Ночью забрали соседа. Кому-то осторожно говорили: передайте семье, что муж сегодня с завода не придет. То вдруг в школьной библиотеке стали вырывать страницу из учебника... Как будто кто-то невидимый "пропальвал" человеческое поле.

Сталин знал точные данные о масштабах репрессий, и они его не пугали. Но где-то во второй половине 1938 года к нему начали поступать тревожные донесения: поднятые по тревоге две дивизии Киевского военного округа не вышли в назначенное время в заданный район; проектирование химического комбината осуществлено неудовлетворительно; конструкторское бюро по разработке транспортных самолетов запаздывает с выполнением задания... Становилось ясно, что дело не только во "вредителях". Возник огромный дефицит кадров. Страна, народное хозяйство, армия были отброшены не на месяцы, а скорее — на годы назад.

Сталин, как и всегда в таких случаях, нашел "виновного". В данном случае — Ежова. А.С. Яковлев, известный советский конструктор, встречавшийся со Сталиным, вспоминал слова "вождя": "Ежов — мерзавец, в 1938 году погубил много невинных людей. Мы его за это расстреляли". Арестованным кандидатам в члены Политбюро П.П. Постышеву, Я.Э. Рудзутаку, В.Я. Чубарю, Р.И. Эйхе помимо других преступлений вменялось в вину... "истребление большевистских кадров". Сталин пытался и на этот раз переложить ответственность за террор на других.

"Вождю" доложили письма Постышева, Косиора, Рудзутака, Чубаря, Эйхе, в которых они полностью отрицали свою вину. Прежде чем рекомендовать их для избрания в состав Политбюро, Поскребышев, Мехлис, Ягода, Ежов изучили их родословную до "пятого колена". Это были проверенные люди. Об этом же они писали Сталину в своих предсмертных письмах, говорили на заседаниях неправого суда. Вот что, например, написал Эйхе в своем письме Сталину.

“...Я перехожу теперь к самой унижительной поре моей жизни — к моей действительно серьезной вине перед партией и перед вами. Эта вина — мое признание в контрреволюционной деятельности. Но положение было таково: я не смог вынести тех пыток, которым меня подвергали Ушаков и Николаев, особенно первый из них — он знал о том, что мои поломанные ребра еще не зажили и, используя это знание, причинял при допросах страшную боль — меня вынудили обмануть себя и других (своим признанием)...

Я прошу вас, я умоляю вас вновь рассмотреть мое дело не для того, чтобы пощадить меня, но для того, чтобы разоблачить всю ту гнусную провокацию, которая как змея обволокла теперь столько людей из-за моей слабости и преступной клеветы. Я никогда не предавал ни вас, ни партию. Я знаю, что гибну из-за гнусной, низкой провокации врагов партии и народа, которую они сфабриковали против меня”.

В строках письма слышался не только голос неизбывной, смертельной тоски, но и протест, и слабая надежда... Читая письмо Эйхе, Сталин не мог не знать, что “змеей провокации” выпустил он, первый человек в партии и государстве. “Вождь” даже не стал советоваться с другими членами Политбюро: приговор Эйхе он вынес, когда дал санкцию на его арест. Своих решений главный Инквизитор никогда не менял.

Сталину показали и заявление Рудзутака на суде, который, подчеркнув этот момент, длился всего двадцать минут.

“Единственная просьба, с которой я обращаюсь к суду, это сообщить в ЦК ВКП(б), что в НКВД есть еще не ликвидированный центр, ловко фабрикующий дела и заставляющий невинных людей сознаваться в преступлениях, которых они не совершали; у обвиняемых нет возможности доказать, что они не участвовали в преступлениях, о которых говорится в таких признаниях, вымученных от различных лиц. Методы следствия таковы, что они вынуждают людей лгать и клеветать на невинных...”

Рудзук просил встречи со Сталиным, но тот ответил на эту просьбу заключенного грубой бранью. А ведь это был один из кристально чистых старых большевиков, отсидевший 10 лет еще в царской тюрьме и погибший в сталинском застенке. Сталин не забыл, что накануне ареста, в мае 1937 года, Рудзук был у него. Рудзук спокойно докладывал по вопросу, который интересовал Сталина. Но “вождь” не слушал, а пытался понять, насколько был верен “сигнал” Ежова: со времени Генуэзской конференции Рудзук завербован иностранной раз-

ведкой. Работая председателем ЦКК ВКП(б) и наркомом РКИ СССР, а в последнее время заместителем Председателя Совнаркома, поддерживал связь с троцкистами... Сталин вдруг вспомнил, что однажды, еще при жизни Ленина, Троцкий высоко отозвался о Рудзутаке-дипломате. эрудите, интеллигенте, владевшем несколькими языками... Сомнения сразу отпали.

Уже вечером, подписывая приветствие Советского правительства героям-полярникам — участникам экспедиции на Северный полюс, Сталин увидел среди других и подпись Рудзутака. После секундной заминки карандаш "вождя" вычеркнул эту фамилию. Вычеркнул из очередного приветствия, но оказался бессильным вычеркнуть из истории. А на завтра, 24 мая 1937 года, Сталин продиктовал текст извещения членам ЦК для заочного голосования (опросом). В нем сообщалось, что органами НКВД неопровержимо установлено, что Тухачевский и Рудзук так являлись немецко-фашистскими шпионами. Замечательный советский полководец и крупный государственный деятель по воле Сталина оказались в одной трагической связке. С той лишь разницей: Тухачевскому предстоит прожить немногим более двух недель, а Рудзутак — около года... На гильотину беззакония этих людей, как и многие тысячи других, отправил сам Сталин.

Диктатор сознательно предрешал судьбы многих тысяч людей. Практически все предложения Ежова, Ульриха, Вышинского о вынесении самых жестоких приговоров безоговорочно поддерживались. Я уже писал, что иногда Сталин просто бросал: "Согласен". Но очень часто снисходил до того, чтобы оставить свой "автограф" на чудовишном некрологе. Те, кто до сих пор кивает на Ежова и Берия, мол, это их дело, ошибаются. Сталин хорошо знал, что делал. Следы его кровавы. Есть множество документов, свидетельствующих о чудовишной беспощадности Сталина.

"Товарищу Сталину.

Посылаю списки арестованных, подлежащих суду военной коллегии по первой категории.

Ежов".

Резолюция лаконична: "За расстрел всех 138 человек.

И. Ст., В. Молотов".

"Товарищу Сталину.

Посылаю на утверждение 4 списка лиц, подлежащих суду: на 313, на 208, на 15 жен врагов народа, на военных работников — 200 человек. Прошу санкции осудить всех к расстрелу. 20.VIII.38 г.

Ежов".

Резолюция, как всегда, однозначна:

"За. 20.VIII. И. Ст., В. Молотов"⁸⁸.

Были и чудовишные "рекорды". 12 декабря 1938 года Сталин и Молотов санкционировали к расстрелу 3167 человек!⁸⁹ Списки составлены без указания вины, результатов следствия. Фактически бывало и так, что после утверждения списков дело оставалось за "формальным" вынесением приговоров. Подобную кровавую статистику можно приводить очень долго. Но можно и нужно посмотреть на действия Сталина и с другой стороны. Персдо мной письмо почти 90-летней Веры Ивановны Дерючиной из Белой Церкви. Ее письмо может стать еще одним страшным обвинением сталинской карательной машине.

"Когда страшной ночью 1937 года пришли за моим мужем-шахтером, вышолпившим по четыре нормы, стахановцем, я думала, что это ошибка. Сказали мне — не реви, дура. Через час придет твой муж. А пришел через двенадцать лет. Инвалидом. И что только я не перенесла с малыми детьми, престарелой матерью описать невозможно. Из квартиры выгнали, везде на нас стояло клеймо: семья врага народа. Если бы не добрые люди — то все бы погибли... Напишите о моей судьбе в своей книге где-нибудь в уголке. Дерючина Вера Ивановна".

Вот еще одно письмо — от москвича Степана Ивановича Семенова, отсидевшего в сталинских лагерях 15 лет. У него расстреляли двух братьев и умерла в тюрьме жена. Сейчас это глубокий старик, без детей и внуков. В его письме есть строки: "Самое страшное, когда тебя никто не ждет, когда ты никому не нужен. У меня и братьев могли быть дети, внуки, семья. Проклятый Тамерлан все изломал и растоптал. Он лишил будущего еще не родившихся граждан. Не дал им родиться, поскольку убил их отцов и матерей. Доживаю жизнь в одиночестве и до сих пор не могу понять, как мы не рассмотрели в "вожде" чудовище, как допустил наш народ такое?"

Казалось бы, непосредственного участия в судьбе Дерючиной и Семенова Сталин не принимал, но это именно "казалось бы". Созданная им машина террора "носила" без особого разбора тысячи и тысячи безвинных жертв. И все они так или иначе на "лицевом счету" бесспорного творца кровавых преступлений.

Поэтому рассуждения некоторых людей (об этом писал еще в 1962 г. И. Эрэнбург; повторяли эту идею и другие — много позже) о том, что "Сталин не знал того, что творил Ежов", "не

представлял масштабов и размаха репрессий”, “мол, это дело провокаторов, пробравшихся в НКВД”, не имеют никаких оснований. Сталин все знал. Сталин руководил репрессиями. Сталин определял “стратегию” насилия. Сталин расставлял акценты в этом насилии. Сталин пытался скрыть подлинные масштабы репрессий путем ликвидации многих исполнителей террора. Думаю, и сегодня никто не может знать больше и полнее о том, что произошло в 1936 — 1939 годах, чем сам Сталин, главный виновник трагедии народа. Знали и знают немало и те, кто был орудием террора. В процессе работы над книгой я получил не одну тысячу писем. Их письма я узнавал сразу. Часто они были без подписи. Приведу выдержки лишь из двух:

“Сталин, как санитар, очистил родину от швали. Да жалко, плохо очистил, коли и сегодня есть такие, кто топчет это светлое имя.

Ю.К.”.

“Поиграете в демократию, поиграете и позовете диктатора. В России никогда без сильной руки ничего путного нельзя было сделать. Сталин из страны с сохой сделал державу с атомной бомбой. Этим все сказано”.

Без подписи.

Однажды вечером у меня дома раздался звонок. Старческий голос представился Иваном Николаевичем (думаю, вымышленным именем). Без обиняков звонивший заявил, что “с удовольствием поставил бы меня к стенке, тем более что в 1937 — 1938 годах я этим занимался”. “Не трогайте Сталина, — прошамкал бывший исполнитель приговоров, — он еще вернется к нам в другой форме”, — и положил трубку.

Сознание таких людей как бы застыло в 1937 году, и их ущербное мировоззрение “винтика” не изменили ни годы, ни ветры перемен. Этих людей осталось немного, они немало знают, но предпочитают свое участие в великом терроре публично не афишировать. Да, у творца террора было немало исполнителей. Чаще это были жертвы времени, но когда и в 80-е годы скрипучий голос напоминает вам, что “он не сожалеет о своем соучастии”, это уже не поза, а позиция. В сознании таких людей сталинизм засел крепко, и покаяние для них едва ли доступно. Они боготворили Сталина раньше, боготворят его и теперь. Их сознание, наверное, не очистить от культового мусора. Это они писали:

“Рапорт товарищу Берия Л.П.

Пора товарищу Сталину преподнести звание “Великого” или “Отца нации”. Закрепить это звание указом Верховного

Совета. Надо подумать о грандиозном памятнике на века из меди, бетона, бронзы. Нужно учредить орден Сталина.

19. III. 44 год.

*Шалаев*⁹⁰.

Памятников соорудили множество. А вот звание "Великого" и орден — не успели...

В истории всегда есть страницы, которые некоторые люди хотели бы скорее забыть. Но этого сделать невозможно, да и не нужно. Все, что было, стало частью нас самих. Через все это прошли главным образом те поколения, которые уже ушли в вечность. Чем больше мы живем, тем меньше людей, которые старше нас. И с каждым днем больше тех, кто нас моложе. Но память о безвинных жертвах сталинского безумия для нас безмерно горька. Они пали не как герои, но как мученики. Сталин не дал Каширину или Корку, Дыбенко или Якиру погибнуть на поле брани с фашизмом, если бы была на то воля судьбы. Осознание этой необратимости добавляет новые страдания.

Мы все помним Сталина по фотографиям, бюстам, монументам, которые незаметно, но как-то быстро исчезли со своих пьедесталов. "Вождь" часто изображался с поднятой рукой, указывающей всем путь, с доброй улыбкой, характерным прищуром внимательных глаз. Кто мог тогда думать, что за этой маской скрываются патологическая жестокость, бессердечие и коварство, равных которым непросто найти в нашей истории? Это в полной мере почувствовали не только миллионы репрессированных и их семьи, но и родственники самого Сталина. Один из кропотливых исследователей жизни И.В. Джугашвили-Сталина, В.В. Нефедов, провел немалую работу по выяснению судеб родственников "вождя". Вот что ему удалось установить.

По линии Екатерины Семеновны Сванидзе (первой жены) были репрессированы:

1. Александр Семенович Сванидзе, брат жены Сталина. Член партии с 1904 года (партийный псевдоним — Алеша Сванидзе). Нарком финансов Грузии, до 1937 года работал в Наркомате финансов СССР. Один из ближайших друзей Сталина. Обвинен в шпионаже и расстрелян.

2. Мария Анисимовна Сванидзе, жена А.С. Сванидзе. Оперная певица. В 1937 году арестована, приговорена к 10 годам тюрьмы. Умерла в ссылке.

3. Иван Александрович Сванидзе, сын А.С. Сванидзе. Арестован как сын "врага народа". Вернулся из ссылки в 1956 году.

4. Мария Семеновна Сванидзе, сестра жены Сталина. В

1927 — 1934 годах — личный секретарь А.С. Енукидзе. Арестована в 1937 году. Умерла в тюрьме.

5. **Юлия Исааковна (Мельцер) Джугашвили**, жена сына Сталина — Якова. Арестована, в 1943 году освобождена.

По линии Надежды Сергеевны Аллилуевой (второй жены) были репрессированы:

1. **Анна Сергеевна (Аллилуева) Реденс**, сестра жены Сталина. Арестована в 1948 году, осуждена на 10 лет за "шпионаж". Освобождена в 1954 году.

2. **Станислав Францевич Реденс**, муж А.С. Аллилуевой, нарком внутренних дел Закавказья, Казахстана. Делегат XV, XVI, XVII съездов ВКП(б), член ЦКК — ЦРК ВКП(б). В 1938 году арестован как "враг народа", в 1941 году расстрелян.

3. **Ксения Александровна Аллилуева**, жена П.С. Аллилуева, брата жены Сталина. В 1947 году арестована. В 1954 году освобождена.

4. **Евгения Александровна Аллилуева**, жена П.Я. Аллилуева, дяди жены Сталина. В 1948 году арестована и осуждена за "шпионаж" на 10 лет. В 1954 году освобождена.

5. **Иван Павлович Аллилуев (Алтайский)**, сын П.Я. Аллилуева. Член партии с 1920 года, редактор журнала "Социалистическое земледелие". Арестован в 1938 году и осужден на 5 лет, с помощью С.Я. Аллилуева, тестя Сталина, освобожден в 1940 году.

Сохранились записки И.П. Аллилуева, который был осужден "за участие в контрреволюционной организации" и отбывал срок в "Сороклагере". Иван Павлович описывает своих друзей по несчастью: комбрига Холодкова, начальника одного из управлений Московского военного округа Липидуса, молодого наивного парня Петра Жилу (попал во "враги народа" за то, что однажды сидел рядом с Косаревым в президиуме съезда комсомола Украины). Как потом выяснилось, за И.П. Аллилуева, осмелившись, стал хлопотать его престарелый дядя С.Я. Аллилуев. Не решившись просить Сталина, он обратился к Берии и Кобулову, и, пожалуй, единственный раз Монстр сжалился над тестем "вождя".

В своей жестокости Сталин не "грешил" избирательностью: для всех одна мера. Свои и чужие, знакомые и родственники, товарищи по ЦК и совсем неизвестные люди, молодые и старые большевики, неграмотные мужики и академики, мужчины и женщины — если на их "дело" ставился штамп "врага народа" — сразу превращались для Сталина в нелюдей. Как только от Ежова или Берии поступал "сигнал" о "вредительской" или

иной "контрреволюционной" деятельности, "вождь", не раздумывая, давал санкцию на арест. Обычно Сталин больше этим человеком не интересовался. Пожалуй, было лишь одно исключение. Когда ему сказали, что к расстрелу приговорен как "немецкий шпион" А. Сванидзе, брат первой жены, Сталин бросил: "Пусть попросит прощения". Перед расстрелом Сванидзе передали слова родственника. Приговоренный спросил: "О чем я должен просить? Ведь я никакого преступления не совершил". Развязка наступила. Сванидзе расстреляли.

Сталин, узнав о последних словах своего близкого друга детства и шурина, лишь обронил:

— Смотри, какой гордый; умер, но не попросил прощения...

Сталин, по-видимому, не мог соглашаться на аресты своих родственников, не веря в то, что "так нужно". Я уже отмечал: на Сталина магическое действие производило любое "дело". Если ему докладывали "органы", информировали, сигнализировали о каких-либо "происках", "врагах", "вредителях", "шпионах", его сознание трансформировало подобные сообщения в априори достоверные. Его исключительная подозрительность не распространялась на доносы и доносчиков. Сталин им верил. Судьба его несчастных родственников — еще одно тому подтверждение.

Всех нас рано или поздно поглотит вечность, и мы уйдем в песок времени, растворившись в бесконечности. Через два-три поколения о каждом из нас смогут вспомнить лишь самые близкие. Мы присоединимся к 70 — 80 миллиардам теней людей, уже прошедших по планете. Так происходит извечное слияние с природой: придя из нес, мы вновь возвращаемся туда. Но ни у кого нет права лишать других жизни. Сталин пропал это право. Отнятая жизнь — преступление необратимое. Отнятые жизни миллионов — преступление безмерное, запретельное.

Знакомясь с архивами, встречаясь и беседуя с очевидцами и жертвами тех, теперь уже далеких событий, я прежде всего задавался вопросом: как могло все это произойти? Почему погибли сотни и сотни тысяч людей? Почему все, или, по крайней мере, очень многие, способствовали Сталину и его окружению в совершении преступлений?

Я уже высказал ряд соображений по этому поводу ранее. Добавлю следующее. В истории неоднократно бывало, когда логика революции или контрреволюции вела к террору. И тогда история, по словам Ф. Энгельса, самая жестокая из богинь, могла тащить свою триумфальную колесницу через горы тру-

пов не только во время войны... Во второй половине 30-х годов никаких видимых предпосылок к развязыванию массовых репрессий не было. Страна, несмотря на многочисленные трудности, находилась на подъеме. Могучий революционный заряд Октября придал долгое и устойчивое ускорение социальному движению. Люди почувствовали первые реальные плоды живой, притягательной силы социализма. И в этот момент Сталин и созданный им карательно-бюрократический аппарат начали беспрецедентную кампанию насильственной ликвидации всех представителей прошлых "оппозиций", всех, кто мог в какой-либо форме, хотя бы теоретически, выразить несогласие с режимом тирании "господствующей личности". Народ принял муки, казалось, без всяких причин. Это могло произойти лишь в условиях, когда не было создано надежного механизма социальной защиты.

В этот период проявились наихудшие черты Сталина. На все времена дан страшный урок: самые высокие политические идеалы без гармонии с нравственностью могут быть фальшивой драгоценностью. Истории ведь не скажешь, что нам не повезло с руководителем. Поскольку это невезение было уже не раз, дело, видимо, заключается в несовершенстве механизма и недостаточной демократичности процедуры выдвижения, контроля, прежде всего снизу, и замены руководящей личности. А ведь Ленин полагал, что "масса должна иметь право выбирать себе ответственных руководителей. Масса должна иметь право сменять их, масса должна иметь право знать и проверять каждый самый малый шаг их деятельности"⁹¹. В данном случае именно Сталин навязал партии, народу свое понимание социализма и методов его построения, свой, сталинский социализм, кардинально отличающийся, повторю еще раз, от социализма ленинского. Чем выше уровень демократии, тем меньше она зависит от личных качеств лидера. В конце концов, она просто не приемлет непригодного.

Сталин и его аппарат прибегли к террору без всякого исторического оправдания. Вспомним слова Ф. Энгельса о том, что террор состоит в большинстве случаев из бесполезных жестокостей, совершаемых перепуганными людьми для самоутверждения.

Согласно сталинскому миросозерцанию, великая цель оправдывала широкое применение насилия — создание более "однородного" общества, прежде всего в плане нивелирования мышления и помыслов людей. Но Сталин ошибся в главном: он плохо знал народ, его возможности и чаяния. На какое-то

время репрессии заставили народ замолчать, безропотно выносить кровавое безумие. Но веру советских людей в социальную справедливость, истинную ценность социалистических идеалов Сталин убить не смог. В значительной массе людей сохранилось глухое недовольство и неприятие, загнанные глубоко внутрь. В то время они не могли найти достойного выхода. К слову сказать, многие начинали по-настоящему анализировать происходящее, лишь оказавшись за колючей проволокой. Зерна негодования, гнева, возмущения и скорби дали всходы лишь много лет спустя.

Сегодня, например, уже по-иному воспринимаются и строки, написанные Троцким в книге "Преступления Сталина" (1937 г.). Изгнанник, конечно, смотрел на Сталина прежде всего через призму личной ненависти и предрекал ему близкий крах. Он не мог предположить, что преступления Сталина будут осуждены значительно позже, чем он предрекал. Но, думаю, стоит все же воспроизвести его пророчество:

"Завтра Сталин может стать обременительным для правящей прослойки... Сталин стоит накануне завершения своей трагической миссии. Чем сильнее кажется, что он ни в ком больше не нуждается, тем ближе час, когда никто не будет нуждаться в нем. При этом Сталин едва ли услышит слова благодарности за совершенный труд. Сталин сойдет со сцены, обремененный всеми преступлениями, которые он совершил"⁹². Читатель имеет возможность сам судить о выводе Троцкого.

Действия Сталина порой выглядят иррационально. Трудно объяснить, например, какой-либо политической логикой резкое ослабление армии накануне страшной войны. Реализация планов экономического развития заведомо затруднялась огромными потерями в кадровом потенциале. Кровавые действия Сталина выглядели необъяснимыми: он санкционирует уничтожение М. Кольцова, которого хорошо знал, встречался с ним, и не трогает Б. Пастернака с его независимыми взглядами. Действиями Сталина руководила беспредельная жажда власти. Его не могла "насытить" даже кровь многочисленных родственников, самых близких друзей, соратников... Утоляя кровавую жажду и не утолив ее до конца, Сталин совершил беспримерные преступления против свободы: свободы жить и свободы мыслить.

Оплакивая гибель сотен тысяч советских людей, лучших сынов и дочерей Отечества, нельзя смириться с тем, что Сталин сделал пассивными соучастниками своих деяний миллионы людей, которые поверили, что "так нужно". Сталину удалось

заручиться своего рода поддержкой множества честных граждан. Огромные масштабы репрессий стали возможны потому, что "вождь" вызвал социальную инерцию насилия, порождавшую доносительство, беспринципность, массовую ложь, клевету. Это преступление Сталина особенно тяжело. Ложь всегда оставляет глубокие следы. В памяти. В психологии людей. В культуре. Тем более что ложь всегда пытается натянуть на себя одеяние правды. Ложь тогда не имеет шансов, когда ей противостоит правда в союзе с совестью. Именно совесть бывает самым требовательным судьей. Она выступает как бы нравственным посредником между миром бытия и личностью. Благодаря совести мы знаем степень своего нравственного несовершенства, искренности в отношении к идолам и идеалам. Обмануть свою совесть невозможно. Сегодня известно, что если совесть в те годы часто молчала, то прежде всего потому, что рядом не было правды.

На годы сталинского единовластия приходится эпицентр трагедии всего советского народа и потому, что насильно были вырваны из жизни многие коммунисты ленинской школы, лучшие специалисты, высокие таланты, люди, подававшие особые надежды. Замена, часто поспешная, иногда случайная, порой корыстная, не могла быть равноценной. Но Сталин знал, что те люди, которые выдвигались вместо репрессированных, более преданны ему, его "линии", установкам. Своим возвышением, часто неожиданным (нередко и незаслуженным), новые руководители были обязаны только "вождю". Он мог, естественно, рассчитывать на их преданность и усердие.

За два года до начала войны страна была как бы обессиленной. Нет, дымились трубы фабрик и заводов, ходили по рельсам поезда, студенты занимались в университетах, люди надеялись, верили в лучшее завтра. Но "обессиленность" была не только от переполненных лагерей, безвестья об исчезнувших близких, знакомых, друзьях, поредевших партийных и военных рядах, а прежде всего от надругательства над великой идеей. Ведь Сталин, совершив злодеяния против народа, совершил преступление и против идеалов.

Но Сталин остановил безумие. Этот бессмысленный террор дошел до предела, угрожавшего функционированию самой системы. Угрожавшего на рубеже самых тяжелых испытаний. Такова была доля советского народа: страдать и преодолевать, бороться и надеяться, жертвовать и побеждать.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вместо введения. ФЕНОМЕН СТАЛИНА

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 8 — 9.
2. Правда. 1949. 21 декабря.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 487.
4. Барбюс А. Сталин. М., 1936. С. 343 — 344.
5. Ярославский Ем. О товарище Сталине. М., 1939. С. 153.
6. L. Trotsky. Stalin. N. V. Benson Vermont, 1947. vol. 1, p. 7.
7. ЦГАСА, ф. 918, оп. 3, д. 80, л. 591.
8. См.: Гегель. Соч. М., 1932. Т. 10. С. 87.
9. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. М., 1983. Т. 6. С. 446.
10. Плутарх. Сочинения. М., 1983. С. 429.

Глава 1. ОКТЯБРЬСКОЕ ЗАРЕВО

1. Сталин И.В. Собрание сочинений. В 13 т. Т. 13. С. 113.
2. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 558, оп. 1, д. 5078, 5080.
3. Нарынский мемориальный музей политических ссыльных большевиков, ф. 998.
4. Свердлова К.Т. Я.М. Свердлов. М., 1960. С. 199.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 169.
6. Орджоникидзе З. Г. Путь большевика. М., 1956. С. 128—129.
7. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 577, л. 18 — 25.
8. ЦГАОР СССР, ф. 9401, оп. 2, д. 200, л. 304.
9. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 4358, л. 1.
10. Швейцер В. Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщика. М., 1940. С. 23, 25, 27, 34.
11. L. Trotsky. Stalin, vol. 1, p. 148.
12. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 112.
13. Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 52 — 54.
14. Ленин В.И. Биографическая хроника. Т. 3. С. 147.
15. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 23851, л. 1.
16. Ленин В.И. Биографическая хроника. Т. 3. С. 456 — 457.
17. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 121.
18. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3233, л. 1.
19. Цит. по: Февральская революция. М. — Л., 1926. С. 59.
20. Архив ИККИ, ф. 555, оп. 1, д. 2802, л. 1 — 2.
21. Цит. по: Февральская революция. С. 131.

22. Цит. по: Февральская революция. С. 153.
23. Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 321.
24. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 156.
25. Цит. по: Февральская революция. С. 336 — 337.
26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 63.
27. Сталин И.В. Краткая биография. М., 1951. С. 57.
28. Троцкий Л.Д. Февральская революция. Берлин, издательство "Гранит", 1931. С. 321 — 322, 325.
29. Правда. 1917. 15 марта.
30. Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 8.
31. Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 333.
32. Ленин В.И. Биографическая хроника. Т. 4. С. 55; Год революции. Петроград, 1919. С.16.
33. Суханов Н.Н. Записки о революции. Сочинения. В 7 т. Берлин — Петербург — Москва, 1922. Т. 7. С. 44.
34. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 112.
35. Протоколы VII конференции РСДРП(б). М., 1980. С. 80.
36. Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 55.
37. Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 413.
38. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 109.
39. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 25.
40. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 445.
41. Ленин В.И. Биографическая хроника. Т. 4. С. 282.
42. ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 3, д. 813.
43. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 392.
44. Рябинский К. Революция 1917 года. Хроника событий. М. — Л., 1926. Т. V. Октябрь. С. 138.
45. Там же. С. 172.
46. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435, 436.
47. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 89.
48. Сталин И.В. Краткая биография. С. 65.
49. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 102.
50. Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Берлин, издательство "Гранит", 1932. С. 26.
51. Троцкий Л. Моя жизнь. Берлин, издательство "Гранит", 1932. Т. II. С. 60.
52. Сталин И.В. Статьи и речи 1921 — 1927 гг. М. — Л., 1928. С. 104 — 105.
53. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 250.
54. Троцкий Л. Сочинения. Т. XVII. Советская республика и капиталистический мир. Ч. 1. М. — Л., 1926. С. 103, 106.
55. M. Paleologue. La Russie des Tsars pendant la grande guerre. vol. 3. Paris, p. 245.
56. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 369 — 370, 490.
57. VII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М. — П., 1923. С. 32 — 50.

58. VII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М. — П., 1923. С. 78, 79, 86.
59. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 30.
60. Кропоткин П.А. Великая французская революция 1789 — 1793. М., 1979. С. 355.
61. Известия. 1923. 8 июля.
62. Жорес Ж. Указ. соч. Т. 6. С. 208 — 209.
63. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 343.
64. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6157.
65. ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, д. 111, л. 84.
66. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6235.
67. Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 118.
68. Ленинский сборник. М., 1970. Т. XXXVII. С. 139.
69. ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 123, л. 29 — 30.
70. Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 136.
71. ЦГАСА, ф. 100, оп. 9, д. 34, л. 26 — 27.
72. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6324, л. 1 — 2.
73. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 463.
74. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 47.
75. ЦПА ИМЛ, ф. 588, оп. 1, д. 486.
76. Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 139.
77. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 10 022.
78. Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 210.
79. ЦГАСА, ф. 33 988, оп. 2, д. 289, л. 19 — 20; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 428.
80. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 206 — 207.
81. Там же. С. 208.
82. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 — 1922 гг.). М., 1972. Т. 2. С. 790.
83. Там же. С. 410.
84. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 — 1922 гг.). М., 1972. Т. 3. С. 244.
85. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 46, л. 145 — 147.
86. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 99 — 101.
87. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 11.
88. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 403, л. 84а.
89. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 141.
90. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 46, л. 200.
91. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 40, л. 2.
92. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 46, л. 413.
93. ЦГАСА, ф. 104, оп. 4, д. 484, л. 11.
94. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 321.

Глава 2. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ВОЖДЯ

1. Цит. по: Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 208.
2. Известия. 1924. 23 января (цит. по: У великой могилы. Издание газеты "Красная звезда". М., 1924. С. 63).
3. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 23 315.

4. XII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1923. С. 60 — 61.
5. Там же. С. 61.
6. Цит. по: У великой могилы. Издание газеты "Красная звезда". С. 151.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 709 — 710.
8. Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 106.
9. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 213 — 214.
10. Луначарский А. Революционные силуэты. М., 1923. С. 31.
11. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большеви-ков). Стенографический отчет. М. — Л., 1926. С. 453 — 454.
12. Там же. С. 274 — 275.
13. Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 380, 382.
14. Сб.: Феликс Дзержинский. М., 1931. С. 141, 186.
15. Красная звезда. 1930. 31 октября.
16. Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 251.
17. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 1.
18. Манфред А.З. Указ. соч. С. 328.
19. Гегель. Работы разных лет. В 2 т. М., 1971.
20. XI съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1922. С. 47, 49, 51, 52.
21. Там же. С. 69 — 70.
22. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 29.
23. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 78, л. 1 — 2.
24. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 78, л. 1 — 9.
25. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 78, л. 2 — 9.
26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 243, 563 — 564.
27. Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 359 — 360.
28. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 188.
29. Там же. С. 211.
30. ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 1, д. 142, л. 126; Ленин В.И. Биографическая хроника. Т. 12. С. 388.
31. Ad m B. Ulam. Stalin. The Man and his Era. N.V., 1973, p. 213, 214.
32. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 357.
33. Там же. С. 358.
34. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329.
35. Там же. С. 674 — 675.
36. Там же. С. 329 — 330.
37. Там же. С. 330.
38. Луначарский А. Указ. соч. С. 42.
39. Герцен А.И. Избранные философские сочинения. М., 1940. С. 154.
40. Луначарский А. Указ. соч. С. 42.
41. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 31.
42. Троцкий Л.Д. Соч. Т. VIII. Политические силуэты. М. — Л., 1926. С. 66 — 67.
43. Грамши А. Избранные произведения. В 3 т. М., 1959. Т. 3. С. 185.

44. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 20.
45. Там же. С. 308.
46. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 120 — 121.
47. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 174.
48. Там же. С. 343 — 344.
49. Там же. С. 345.
50. Там же. С. 345.
51. XI съезд РКП(б). Протоколы ИМЛ при ЦК КПСС. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. М., 1969. С. 262.
52. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
53. Там же. С. 474.
54. Там же. С. 344 — 346.
55. Там же. С. 347.
56. Там же. С. 346.
57. Луначарский А. Силуэты. М., 1965. С. 26.
58. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387.
59. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 88.
60. XII съезд РКП(б). Протоколы ИМЛ при ЦК КПСС. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. С. 80 — 81.
61. Там же. С. 50 — 53.
62. IX съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1920. С. 81.
63. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 354.
64. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 34, л. 1.
65. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 141.
66. Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. М., 1959. Т. 17. С. 43.
67. Cohen S. Bukharin and the Bolshevik Revolution. N. V., Alfred A. Knopf, 1974, p. 139 — 140.
68. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 218, 226.
69. Цит. по: У великой могилы. Издание газеты "Красная звезда". М., 1924. С. 27, 63.
70. Там же. С. 246, 253.
71. Там же. С. 248 — 249.
72. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 593 — 594.
73. Там же. С. 594.
74. XIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1924. С. 37 — 38.
75. Там же. С. 110.
76. Радек К. Итоги XII съезда РКП. М., 1923. С. 25.
77. Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж, Умка-пресс, 1949. С. 251.

Глава 3. ВЫБОР И БОРЬБА

1. Наполеон. Избранные произведения. М., 1941. С. 62.
2. КПСС в резолюциях и решениях. 7-е изд. М., 1953. Ч. 1. С. 511.

3. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 4870.
4. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 112.
5. Троцкий Л.Д. Уроки Октября. М., 1925. С. 49.
6. Троцкий Л. Перманентная революция. Берлин, 1930. С. 16.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 309.
8. Там же. С. 206.
9. Большевик. 1925. № 8. С. 7.
10. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, д. 103.
11. Каменев и Зиновьев в 1917 году. Факты и документы. М. — Л., 1927. С. 7 — 10.
12. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 109, л. 12.
13. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 1.
14. Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 327.
15. Там же. С. 357.
16. XIV конференция Российской Коммунистической партии (большевик). М. — Л., 1925. С. 248, 253.
17. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2816, л. 3 — 5.
18. Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 365, 383.
19. Там же. С. 390.
20. Там же. С. 390 — 391.
21. Сталин И.В. Соч. Т. 1. С. 299.
22. Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 187 — 188.
23. Там же. С. 188.
24. Там же. С. 187 — 188.
25. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952. С. 537.
26. Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 375.
27. Сталин И.В. Соч. Т. 9. С. 315, 321.
28. Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 95, 96, 98.
29. ЦГАСА, ф. 918, 33 987, оп. 3, д. 80, л. 20 — 24.
30. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952. С. 2.
31. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 109, л. 32, 33.
32. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 154, л. 54.
33. Там же. Л. 67.
34. Политработник. 1922. № 3. С. 38 — 39.
35. Троцкий Л.Д. Литература и революция. М. — Л., 1924. С. 26.
36. Большевик. 1926. № 7 — 8. С. 107 — 108.
37. Большевик. 1928. № 9. С. 6.
38. О партийной и советской печати. М., 1954. С. 347.
39. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 391.
40. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 153 — 154.
41. Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 327 — 328.
42. Там же. С. 328.
43. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 23, 27.
44. О партийной и советской печати. С. 346 — 347.
45. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 200.
46. Королеско В.Г. Письма к Луначарскому. Париж, 1922. С. 61 — 62.
47. Дом искусств. Петроград, 1920. № 1. С. 65.

48. Богданов А.А. О пролетарской культуре. М. — Л., 1925. С. 12.
49. Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1924. С. 13.
50. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 173, 177.
51. Правда. 1926. 26 октября.
52. Бердяев Н. Царство духа и царство кесаря. Париж, Умка-пресс, 1951. С. 67.
53. Байрон Дж. Избранное. М., 1984. С. 88 — 89.
54. XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большеви́ков). Стенографический отчет. М. — Л., 1927. С. 535, 536.
55. ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 2827.
56. ЦГАОР, ф. 5446, оп. 2, д. 33, л. 19.
57. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 285.
58. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 193.
59. Там же. С. 204, 205.
60. Там же. С. 191.
61. Там же. С. 173.
62. Большевик. 1925. № 16. С. 68.
63. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 175 — 177.
64. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 365, л. 65.
65. Социалистический вестник. 1931. № 8(245). С. 8.
66. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 286.
67. Там же. С. 305.
68. Троцкий Л. Что и как произошло. Шесть статей для мировой буржуазной печати. Париж, 1929. С. 9.
69. Там же. С. 60.
70. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 518.
71. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2908.
72. Сенека. Письма Луцилию. М., 1986. С. 40.
73. Memorias de Dolores Ibañuri. Barcelona, 1985, p. 530 — 531.
74. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 1, д. 2181.
75. Аллилуева С. Только один год. Принстон, 1968. С. 158.
76. Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952. С. 132.

Глава 4. ДИКТАТУРА ИЛИ ДИКТАТОР?

1. 50-летие В.И. Ульянова-Ленина. М., 1920. С. 1, 15, 23, 27, 28, 31.
2. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3112.
3. Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства. М., 1925. С. 313.
4. Гегель. Соч. Т. 7. С. 150.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 372.
6. Там же. С. 376.
7. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 311.
8. XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большеви́ков). Стенографический отчет. М. — Л., 1928. С. 976.
9. Там же. С. 1057, 1091.

10. Там же. С. 1308.
11. Плановое хозяйство. 1927. № 7. С. 11.
12. Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 2, 4, 6, 7.
13. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 166.
14. Черчилль У. Вторая мировая война/Пер. с англ. М., 1955. Т. 4. С. 493.
15. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 344.
16. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 149.
17. Большевик. 1940. № 1. С. 2.
18. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 195.
19. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 392.
20. Там же. С. 245.
21. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 9. Ч. 1. С. 189—190.
22. Conguest R. The Harvest of Sorrow. London, 1986.
23. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 1.
24. Бухарин Н. Атака/Сб. статей. М., 1924. С. 98, 99.
25. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 133.
26. Большевик. 1925. № 8. С. 6, 14.
27. Cohen St. Bukharin and the Bolshevik Revolution. N.U., p. 182.
28. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 137.
29. Плутарх. Сочинения. М., 1983. С. 259.
30. Cohen St. Op. Cit., p. 337.
31. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 69.
32. Там же. С. 70, 79.
33. Там же. С. 132.
34. Социалистический вестник. 1931. № 8(245).
35. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, л. 891, л. 25 — 31.
36. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 87.
37. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 441.
38. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 207—208.
39. Там же. С. 210.
40. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 63.
41. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большеви-ков). М. — Л., 1930. С. 38.
42. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 128.
43. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 27.
44. Социалистический вестник. 1931. № 8(245).
45. ЦГАОР, ф. 9492, оп. 2, д. 6, л. 78 — 81.
46. ЦГАОР, ф. 7523, оп. 67, д. 1, л. 5.
47. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 107, 111, 114, 119 — 120.
48. Архив Верховного суда СССР, ф. 75, оп. 35, л. 319, л. 26.
49. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, л. 773, л. 102.
50. Радек К. Зодчий социалистического общества. М., 1934. С. 20.
51. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 5088.
52. Правда. 1933. 5 августа.
53. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большеви-ков). Стенографический отчет. М., 1934. С. 255.

54. Там же. С. 18.
55. Там же. С. 28.
56. Там же. С. 253.
57. Там же. С. 125.
58. Там же. С. 211.
59. Там же. С. 250.
60. Там же. С. 493, 496, 497.
61. Там же. С. 521.
62. ЦГАСА, ф. 918/33 987, оп. 3, д. 155, л. 88.
63. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большеви-ков). С. 235.
64. Там же. С. 115.
65. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 19.
66. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 5228, л. 1.
67. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 5228, л. 2.
68. Архив Генштаба, оп. 16, стеллаж 17, полка 9.
69. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2548.
70. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 2. С. 403.
71. Цит. по: Помпеев Ю. Хочется жить и жить. Документальная повесть о С.М. Кирове. М., 1987. С. 8.
72. Там же. С. 18.
73. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3334.
74. Правда. 1934. 3 декабря.
75. Социалистический вестник. 1956. № 12.
76. Архив Верховного суда СССР, ф. 75, оп. 35, д. 319.
77. Сталин И.В. Беседа с английским писателем Г. Уэллсом. М., 1935. С. 13, 14, 16.
78. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3179.

Глава 5. В "ТОГЕ" ВОЖДЯ

1. Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 80.
2. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 120, д. 24, л. 2.
3. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 333.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 375.
5. Там же. С. 268 — 269.
6. Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма. 2-е изд. М., 1922. С. 128, 129.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. С. 90.
8. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 107.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 128.
10. КПСС в резолюциях и решениях. 8-е изд. М., 1970. Т. 2. С. 218.
11. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 633.
12. КПСС в резолюциях и решениях. 8-е изд. М., 1970. С. 220.

13. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 2, д. 2915.
14. Большевик. 1937, № 9. С. 9.
15. Сталин И.В. Краткая биография. М., 1948. С. 163.
16. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 120, д. 313.
17. Гай Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1987. С. 135.
18. ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 3399.
19. К шестидесятилетию со дня рождения И.В. Сталина. М., 1940. С. 93 — 102.
20. Ярославский Ем. О товарище Сталине. С. 149.
21. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 232.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 4.
23. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2510.
24. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 3, д. 461, л. 9 — 21.
25. ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 4674, л. 1 — 3.
26. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 2, д. 5374, л. 18.
27. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 5374.
28. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 173, л. 36.
29. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2898.
30. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955. Т. 4. С. 488.
31. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 53 — 54.
32. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 120, д. 24, л. 1 — 3.
33. Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 239 — 240, 241.
34. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 2, д. 4074, л. 35.
35. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 5-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 95.
36. Василевский А.М. Дело всей жизни. 3-е изд. М., 1978. С. 501.
37. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 4. С. 478.
38. К шестидесятилетию со дня рождения И.В. Сталина. М., 1940. С. 268 — 274.
39. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 26.
40. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 149, л. 108.
41. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 112.
42. Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей/Пер. с нем. М., 1937. С. 58. — 59.
43. Там же. С. 64.
44. Там же. С. 59, 60.
45. Бердяев Н. Судьба России. М., 1918. С. 58.
46. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 365, л. 79.
47. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 96.
48. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 12.
49. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 28.
50. Стаханов А. Рассказ о моей жизни. М., 1938. С. 149.
51. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1075, л. 120.
52. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2218.
53. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612.
54. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 1.
55. ЦПА ИМЛ, ф. 326, оп. 1, д. 113.
56. Правда. 1937. 21 декабря.

57. Наполеон. Избранные произведения. М., 1941. Т. 1. С. 20.
58. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 392.
59. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612.
60. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 2. С. 404.
61. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 203, л. 366.
62. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2897.
63. Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, издательство им. Чехова, 1954. Т. 1. С. 387 — 388.
64. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 32.
65. Там же.
66. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 24 — 35.
67. Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 138 — 139.
68. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 83.
69. XXII съезд КПСС. Т. 2. С. 403.
70. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1048, л. 251 — 258.
71. Архив Генштаба, оп. 165, стеллаж 17, полка 9, д. 60, 63, 78.
72. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1045, л. 176.
73. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 111.
74. Троцкий Л.Д. Соч. Т. XV. Хозяйственное строительство Советской республики. М. — Л., 1927. С. 41 — 51.
75. См.: Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 331.
76. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612.
77. Луначарский А.В. Революционные силуэты. С. 26.
78. Троцкий Л.Д. Соч. Т. VIII. Политические силуэты. М. — Л., 1926.
79. Троцкий Л.Д. Соч. Т. XVII. Советская республика и капиталистический мир. М. — Л., 1926. Ч. 1. С. 144.
80. Троцкий Л.Д. Соч. Т. XXI. Культура переходного периода. М. — Л., 1926. С. 93 — 94.
81. См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, д. 577, л. 633.
82. Trotzki L. Stalins Verbrechen. Zurich, 1937. S. 366 — 367.
83. Trotsky L. History of the Revolution. Berlin, 1933, vol. 1, p. 342.
84. Утченко С. Юлий Цезарь. М., 1976. С. 302.
85. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 32.
86. Там же. С. 37.
87. Там же. С. 39.
88. Правда. 1937. 6 марта.
89. Стаханов А. Рассказ о моей жизни. М., 1938. С. 50.
90. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612.
91. Фейхтвангер Л. Указ. соч. С. 60.
92. ЦГАСА, ф. 918/33 987, оп. 3, д. 301, л. 26 — 27.
93. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2915.
94. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 381.
95. К шестидесятилетию со дня рождения И.В. Сталина. С. 177.
96. ЦПА ИМЛ, ф. 538, оп. 3, д. 86, л. 16.
97. Гай Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. С. 118 — 119.

Глава 6. ЭПИЦЕНТР ТРАГЕДИИ

1. Правда. 1936. 13 января.
2. Правда. 1937. 1 января.
3. О Конституции СССР. М., 1937. С. 5.
4. Орлов А. Процессы. Нью-Йорк, 1973. С. 135.
5. Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 80.
6. Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 89.
7. Правда. 1937. 24 января.
8. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 212.
9. Канал имени Сталина (Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства/Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина). М., 1934. С. 12.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 122.
11. Манфред А.З. Указ. соч. С. 328, 345; Матъез А. Французская революция. Т. 3. Террор. М., 1930. С. 195.
12. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 1 — 3.
13. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 6.
14. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1075, л. 37 — 42.
15. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 8 — 16.
16. Там же. Л. 57.
17. Там же.
18. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 8.
19. Там же. Л. 9 — 11.
20. Там же. Вып. III.
21. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 577, л. 5 — 15.
22. Там же. Л. 5 — 20.
23. Там же. Л. 10 — 25.
24. ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 1, д. 439, л. 118.
25. ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 1, д. 644, л. 42 — 89.
26. Троцкий Л.Д. Соч. Т. XII. Основные вопросы пролетарской революции. М. — Л., 1925. С. 59.
27. ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 1, д. 439, л. 118.
28. Процесс антисоветского троцкистского центра. М., 1937. С. 42 — 45.
29. Trotsky L. The Revolution Betrayed, p. 216.
30. Архив военной коллегии Верховного суда СССР, ф. 75, оп. 35, д. 319, л. 10 — 35.
31. Архив военной коллегии Верховного суда СССР, ф. 75, оп. 35, д. 315, л. 61.
32. Правда. 1938. 12 марта.
33. Правда. 1938. 5 марта.
34. Правда. 1938. 13 марта.
35. Фейхтвангер Л. Указ. соч. С. 98.
36. Правда. 1938. 13 марта.
37. Правда. 1938. 13 марта.
38. Правда. 1938. 8 марта.
39. Правда. 1937. 27 января.

40. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 44.
41. Фрейзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985. С. 285.
42. ЦГАСА, ф. 31 983, оп. 3, д. 152, л. 150.
43. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 627.
44. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3175, л. 2 — 10.
45. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 199, л. 197.
46. Там же. Л. 366.
47. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 269, т. 1, л. 57 — 65.
48. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 3. С. 119.
49. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 101.
50. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 624.
51. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 630.
52. Архив военной коллегии Верховного суда СССР, ф. 75, оп. 35, д. 315, л. 50.
53. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 273. Примечание 103.
54. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 639, л. 24 — 29.
55. Там же. Л. 24 — 32.
56. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 640, л. 20 — 45.
57. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 639, л. 20 — 35.
58. Там же.
59. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 633, л. 2 — 26.
60. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 1, д. 2181.
61. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 577.
62. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1036, л. 270 — 274.
63. Кропоткин П.А. Записки революционера. Спб., 1906. С. 369.
64. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 615.
65. Цит. по: Иванов В. Маршал Тухачевский. М., 1985. С. 128.
66. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 400, л. 137 — 139.
67. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 40, л. 35.
68. Большевик. 1937. № 12.
69. ЦАМО, ф. 5, оп. 176 703, д. 21, л. 64, 68.
70. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1075, л. 19 — 26.
71. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1046, л. 207 — 208.
72. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1048, л. 37.
73. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 640.
74. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1140, л. 18 — 22.
75. ЦГАСА, ф. 25 880, оп. 4, д. 1, л. 2 — 3.
76. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1048, л. 23 — 25.
77. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 278.
78. Правда. 1938. 9 марта.
79. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612 (вып. 3).
80. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 388.
81. ЦАМО, ф. 15, оп. 178 612, д. 86, л. 254.
82. Там же. Л. 306.
83. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 1, д. 2180, л. 247.
84. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 577, л. 57.
85. Архив военной коллегии Верховного суда СССР, ф. 75, оп. 35, д. 315, л. 46.

86. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1075, л. 57 — 63.
87. Досгоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 10 т. М., 1956. Т. 3.
С. 595 — 596.
88. ЦАМО, ф. 32, оп. 701 323, д. 38, л. 14 — 16.
89. Там же.
90. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 1, д. 8180, л. 593.
91. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 157.
92. Trotzki L. Stalins Verbrechen. S. 366 — 367.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В скобках полужирным шрифтом указываются подлинные фамилии, в отличие от литературных псевдонимов, партийных кличек, которые даны светлым шрифтом.

- Абакумов В.С. 516
Абрамович Р. (Рейн Р.А.) 146
Абрикосов А.И. 110
Авербах Л.Л. 229, 230, 239, 475
Аврелий Марк 131, 173
Авторханов (Уралов) А. 144
Агенобарб Домиций 476
Агранов Я.С. 364, 370, 498
Адриппина-младшая 476
Адлер В. 448
Адоратский В.В. 286, 338, 430
Азэф Е.Ф. 448
Айхенвальд Ю.И. 237
Аксельрод П.Б. 19, 33, 123, 249
Акулов И.А. 488
Алгасов В.А. 78
Алданов М. 228
Александр I (Романов) 351
Александр II (Романов) 533
Александр Македонский 17, 179
Александров М. См. Ольминский М.С.
Александров Г.Ф. 15
Александровский В.Д. 285
Александровский М.К. 546
Алексеев 101
Алексей (Романов) 53
Алексинский 244
Алксис Я.И. 539, 543, 545
Аллиуев И.П. 580
Аллиуев П.С. 267, 579
Аллиуев П.Я. 580
Аллиуев С.Я. 46, 58, 71, 72, 191, 580
Аллиуев Ф.С. 267
Аллиуева (Реденс) А.С. 267, 580
Аллиуева Е.А. 580
Аллиуева К.А. 580
Аллиуева Н.С. 72, 73, 149, 190, 239, 266, 267, 268, 276, 306, 361, 461, 533, 579
Аллиуева С.И. 20, 72, 137, 190, 266, 267, 270, 273—275
Альбуций Гай 440
Альба А. де Толедо Ф. 259
Альтфатер В.М. 166
Амелин М.П. 550
Анвельт Я.Я. 498
Ангелина П.И. 13
Андреасян Н.В. 353
Андреев 419
Андреев А.А. 133, 147, 164, 177, 324, 384, 385, 426, 430, 441, 465, 487, 556
Аникст А.М. 114
Анисимов Н.А. 71
Антипов Н.К. 489
Антонов А.С. 269
Антонов 460
Антонов-Овсенко В.А. 67, 76, 77, 92—93, 130, 131, 162, 292
Антонов М.А. 544
Апанасенко И.Р. 542
Аптога Э.Ф. 440
Апсе М.Я. 440
Арагон Л. 20
Аралов С.И. 90, 540
Аристов М.Л. 483
Аркус Г.М. 483
Арнольдов (Шейнфайн) А.М. 433
Артем (Сергеев Ф.А.) 129
Асилов 559
Астров 315, 488, 491
Ататиорк М.К. 258
Ашрафян 480
Бабель И.Э. 239

- Багдатыев С.Я. (Багдатьян С.Г.) 68
- Багиров М.Д. 487, 524
- Баграмян И.Х. 25
- Бадаев А.Е. 133
- Бадмаев Ж. (П.А.) 74
- Бажанов Б. 161, 356, 357
- Байдуков Г.Ф. 458
- Байрон Дж. 242
- Бакаев И.П. 366
- Бакулин А.В. 571
- Бакунин М.А. 278—279, 300
- Балашов А.П. 161, 243—244, 307, 405
- Балицкий В.А. 369
- Бальмонт К.Д. 228
- Барбюс А. 15, 450
- Барский 433, 483
- Бархин Г.Б. 408
- Бауман К.Я. 425, 518, 520
- Бebelь А. 145, 448
- Бедный Демьян (Придворов Е.А.) 226, 231, 232, 234—235, 237, 239
- Безыменский А.И. 231, 235
- Беккер И.Ф. 43
- Беккер И.М. 433, 483
- Белевский 353
- Беленький (Хацкелевич) А.Я. 261
- Белешкий Е.М. 270
- Беллярминов И.И. 397
- Белобородов 527
- Белобородов А.Г. 192
- Белов И.П. 539, 543, 545, 548
- Белозир Л.И. 369
- Белый Андрей (Бугаев Б.Н.) 228
- Беляков А.В. 458
- Бенеш Э. 533
- Берг А.И. 560
- Бергер 418
- Бердяев Н.А. 185, 229, 237, 241—242, 278, 413
- Берзин Р.И. 101, 104
- Берзин Я.К. (Кюзис П.) 550
- Берия Л.П. 7, 18, 43, 262, 273, 277, 278, 333, 358, 372, 384, 385, 386, 390, 410, 412, 441, 463, 478, 484, 487, 494, 515, 522, 524, 528, 532—533, 550, 556—567, 576, 578, 580
- Берман Б.Д. 483, 571
- Берман М.Д. 346, 510, 557
- Берман Н.Д. 571
- Берицкий М.В. 77
- Берштейн Э. 387
- Беседа 408
- Билль-Белоцерковский В.Н. 233
- Бишток Л.М. 189
- Бисмарк О. фон Ш. 259
- Бицешко (Камеристая) А.А. 85
- Блок А.А. 252
- Блюмкин Я.Г. 452
- Блюхер В.К. 130, 439, 539, 540, 543, 545, 546, 547, 548—550
- Боборыкин П.Д. 228
- Бобринцев-Пушкин П.С. 227
- Богданов (Малиновский) А.А. 43, 236
- Богданов В.Ф. 496
- Богданов С.И. 560
- Богомолов А. 130, 521
- Богуславский М.С. 452, 508
- Бокий Г.И. 74
- Болотников И.И. 47
- Бонч-Бруевич В.Д. 118
- Борисов 365
- Бофф Дж. 20
- Бошкович Ф. 498
- Братановский Т. 521
- Братцы 433, 483
- Браткин М.Н. 496
- Брежнев Л.И. 14, 155—156
- Бреус 433, 483
- Брехт Б. 278
- Брешко-Брешковская Е.К. 75
- Бриллиантов М.Н. 78
- Бровкин 528

- Бройдо Г.И. 498
 Брудной 195
 Брэдли Ф.Г. 402
 Бряндинский 549
 Бубнов А.С. 56, 68, 75, 82, 84, 94, 133, 397, 498, 520
 Буденный С.М. 98, 114, 191, 487, 489, 535, 539, 541, 543, 546, 547, 565
 Букштынович М.Ф. 439
 Булгаков М.А. 233, 364
 Булганин Н.А. 563
 Булин А.С. 520, 540, 550
 Бушин И.А. 43, 226, 228, 238
 Бурлюк Д.Д. 228
 Бусыгин А.Х. 13, 458, 472, 507
 Бутов 169
 Бухарин Н.И. 14, 17, 20, 26, 30, 68, 81, 82, 84, 86, 105, 115, 124—125, 126, 127, 129, 135, 138, 147, 148—149, 150, 152—153, 161, 164, 172, 175, 180, 181, 191, 195, 196, 197, 198, 215, 218, 230, 232, 246, 249, 257, 300—301, 303—304, 306—326, 328, 331, 337, 343—344, 348—349, 351, 356, 370, 387, 395, 396, 400, 401, 403, 404, 415, 426, 428, 429, 430, 476, 487—491, 495, 499—507, 512, 568
 Бэкон Ф. 189, 569
- Вавилов Н.И.** 205, 498, 573
 Вальден 80
 Вальян Э. 448
 Вандервельде Э. 21
 Варданын 559
 Вардин 229
 Варейкис И.М. 490, 498, 520
 Варский А. 498
 Василевский А.М. 25, 406, 407
 Васильев П.Н. 239
 Васильев 433, 483
 Вяцетис И.И. 100
- Вегер Е. 521
 Вейсброд 110
 Великанов М.Д. 550
 Величко К.И. 437
 Вердеревский 77
 Верещагин В.В. 409
 Вержбицкий К.А. 346
 Вернадский В.И. 205
 Вергов Дзига (Кауфман Д.А.) 239
 Верховский А.И. 437
 Верхорубов 155—156
 Вершков П.А. 571
 Веселый Артем (Кочуров Н.И.) 239, 498
 Виктория 181
 Викторов Б.А. 534, 550
 Вильгельм II 38, 72
 Вильямс В.Р. 205
 Виноградов И.М. 536
 Виноградовы Е.В. и М.И. 458, 472
 Винтер А.В. 212
 Вилпер Р.Ю. 397
 Витте С.Ю. 448
 Владимиров М.К. 113, 192
 Владимирский М.Ф. 129
 Власик М.С. 562
 Власик Н.С. 270, 361, 461, 533, 562
 Владзимирский Л.Е. 565, 566
 Вознесенский Н.А. 124, 384, 431
 Воннов 418
 Володарский В. (Гольдштейн М.М.) 63
 Володичева М.А. 141, 149, 150, 153, 158
 Воровский В.В. 462
 Воронский А.К. 498
 Ворошилов К.Е. 18, 20, 91, 92, 93, 95, 120, 133, 172, 190, 191, 192, 208, 231, 263, 274, 275, 283, 303, 316, 322, 324—325, 336, 337, 339, 341, 346, 351, 352—353, 359—360, 361, 364, 384, 385—386, 390, 417, 424, 426, 430, 436—440, 460, 461.

- 465, 487, 490, 513, 518, 531, 532, 534—538, 541, 542, 544, 546, 547, 548, 552, 553, 556, 563
 Врангель П.Н. 55, 97, 98, 103
 Вуйович 232—233
 Вырубова А.А. 74
 Вышинский А.Я. 212, 322, 365, 368, 369, 474, 497, 498—502, 505, 508—510, 511, 521, 542, 558, 560, 570, 576
- Гайдеров** 483
Гайлит Я.П. 439
Гамарник Я.Б. 190, 482, 487, 537, 539—540
Гамбург И.К. 128
Гаршин В.М. 189
Гастев А.К. 498
Гегель Г.В.Ф. 24, 129, 130, 184, 276, 286, 393, 396, 402, 404
Гегечкори Н. 558
Гед Жюль (Базиль Матье Жюль) 145
Гей К.В. 571
Гейне Г. 232
Гендельман М.Я. (Якобий М.) 77
Геперова М. 359
Герасимов В.И. 567
Герасимова А.И. 567
Германович М.Я. 440
Герцен А.И. 145, 263, 377, 448
Гессен 366
Гетье 110
Гикало Н.Ф. 498
Гиллинский А.Л. 571
Гиншус З.Н. 226, 227—228
Гитлер А. 14, 21, 247, 428, 443, 467, 496, 509
Гладков Ф.В. 231
Глазман 169
Глурджидзе Г. 40—41
Глиссер М.И. 149
Гобсон Дж. А. 189
- Гоглидзе С.А.** 557, 566
Голль Ш. де 14, 20
Голованов Д. 233
Головки А.Г. 25
Голошескин Ф.И. 42, 46
Гольмшев 459
Гольденберг 315
Горбатов А.В. 25, 542, 560
Горбачев Б.С. 439, 440
Горбунов Н.П. 497
Горкин А.Ф. 545
Горький (Пешков) А.М. 75, 99, 100, 166, 189, 231, 232, 237, 285, 475, 502, 507
Горячев Е.И. 439, 539
Гостинцев 263
Грашин А. 147
Грант 405
Греков Б.Д. 212
Григорьев А.Т. 19
Гришко Г.Ф. 130, 503, 520, 548
Грязнов И.К. 548
Губкин И.М. 205
Гурвич Э.И. 266
Гургендзе А. 472
Гусев С.И. (Драбкин Я.Д.) 94
Гусейнов М.Д. 521
Гутман 76
Гучков А.И. 52, 54
Гюллинг Э. 260
- Давдарвани** 559
Дан (Гурвич) Ф.И. 19, 46
Дашков С.С. 192
Дашиневский К.Х. 94
Дантон Ж.Ж. 51, 307, 477
Двинский Б.А. 161, 266, 341, 356, 464, 465
Деборин (Иоффе) А.М. 403, 405
Дейчер И. 20, 155, 164, 447, 448, 451
Деканозов В.Г. 566
Декарт Р. 396

- Демулен К. 477
 Демченко Н.Н. 520
 Деникин А.И. 55, 91, 93, 102
 Дерibas Т.Д. 520
 Дерюжина В.И. 577
 Дешии 110
 Джаларидзе П.А. 49
 Джемс У. 43
 Джугашвили В.И. 37
 Джугашвили Г.В. 37
 Джугашвили Е.Г. 37—38
 Джугашвили М.В. 37
 Джугашвили Я.И. 42, 137, 190, 266, 267, 268, 269—270, 580
 Дзенне О. 480
 Дзералде М. 40—41
 Дзержинский Ф.Э. 56, 68, 70, 74, 75, 82, 94, 97, 115, 127, 129, 133, 139, 140, 142, 164, 177, 181, 202, 559, 560
 Дидро Д. 144, 396
 Догадов А.И. 192
 Додобаев Б. 521
 Долин Д. 257
 Донагович 418
 Доин Дж. 243
 Достоевский Ф.М. 43, 561, 572
 Драгомиров М.И. 418
 Драуле М. 369—370
 Драуле О. 369—370
 Дробнис Я.Н. 488
 Дубовой И.Н. 550
 Дудель Н. 117
 Духонин Н.Н. 95
 Дыбенко П.Е. 129, 130, 439, 440, 539, 545—546, 579
 Дюгомье Ж.Ф. (Кокни) 426
 Дюканов М. 458, 472
- Евдокимов Г.Е.** 366
Евдокимов Е.Г. 545, 559
Еврипил 283
Евтушенко Е.А. 425
- Егоров А.И.** 97, 102, 103, 104, 130, 535, 546—548, 571
Егорова (Поскребышева) Г.А. 277, 358
Ежов Н.И. 43, 120, 324, 364, 368, 371, 412, 425, 433, 438, 451, 463, 467, 468, 481, 482, 484—485, 487—489, 490, 494, 496, 498, 502, 504, 507, 510, 517, 518, 521, 522, 524, 531—532, 534—536, 537, 538, 542, 543, 545, 546, 547, 549, 556—557, 560, 561, 570, 571, 574, 575, 576, 577, 580
Екатерина II Алексеевна 181
Емельянов 72
Емшанов 433
Енукидзе А.С. 49, 191, 261, 286, 355, 366, 372, 497, 558, 580
Епишев А.А. 479
Еременко А.И. 25
Еременко В. 521
Еремин 520
Ермацкий (Коган) О.А. 195
Есенин С.А. 230, 231, 239, 319
Ефимов Н.А. 440
Ефремов М.Г. 439
- Жаров А.А.** 226
Жданов А.А. 20, 351, 364, 384, 385, 422, 426, 441, 442, 468, 479—480, 487, 491—492, 493, 556
Жемчужина П.С. 266
Жигур Я.М. 547
Жила П. 580
Жорес Ж. 26, 33, 89, 448
Жук С.Я. 346
Жуков Г.К. 25, 406—407
Журавлев Н.И. 521
- Зайончковский А.М.** 437
Зайцев А.Н. 315, 491
Зайцев Ф.И. 518
Заковский Л.М. 364, 557

- Заке 256
 Заке Г.Д. 76
 Залуцкий П.А. 62
 Замятин Е.И. 236
 Заостровский А.В. 368
 Заостровский П.В. 368
 Запорожец И.К. 364
 Засс 418
 Засулич В.И. 75
 Затонский В.П. 353
 Захаров В. 511
 Зверевы 172
 Зегелер 418
 Зегер С.А. 521
 Зеленский И.А. 130, 520
 Зелинский Н.Д. 205
 Зимин Н.И. 524
 Зиновьев (Радомысльский) Г.Е.
 20, 21, 26, 63, 65, 67, 68, 72, 73, 74,
 76, 79, 80, 81, 82, 87, 105, 115,
 118, 121, 122, 123, 124, 129, 133,
 135, 139, 142, 152, 161, 164, 169,
 170, 171, 172, 174, 175, 177,
 178, 180, 196, 197, 198—199, 201,
 202, 203, 205, 206, 207, 208, 209,
 210, 215, 218, 219, 224, 225, 243,
 244—246, 247, 248, 249, 251, 252,
 253, 254, 255, 256, 257, 309, 312,
 314, 322, 328, 337, 338, 344,
 349, 350, 351, 356, 365, 366—367,
 370, 378, 387, 395, 397, 401, 416,
 426, 428, 444, 448, 468, 473, 474,
 480—481, 488, 489, 494
 Зинтер 189
 Зоф В.И. 72
 Зубалов 190
- Ибаррури** Д. 269, 353
Ибсен Г. 43
Иван IV Васильевич Грозный 17,
 521
Иванов 264
Иванов 268
- Иванов** Вл. И. 368
Иванов Вс. В. 231, 239
Иванов Вяч. Ив. 228, 239
Иванов Г. 228
Ивлев Н.И. 368
Игнатов П.Г. 525
Игнатъев 524
Икрамов А.И. 498, 520
Ильин 263
Ионов П. 229, 230
Иофан Б.М. 408, 409
Иоффе А.А. 84, 85, 99, 253—254,
 257
Иоффе А.Ф. 205, 212
Иремашвили И. 37
Истман М. 183
Истомина В.В. 275, 533
- Кабаков** И.Д. 416, 429, 498
Кабанов И. 408
Каган М.А. 552
Каганович Л.М. 18, 20, 45, 124,
 127, 182, 277, 283, 284, 316, 324,
 337, 341, 348, 353, 359, 360, 361,
 384, 385, 408, 424, 426, 430,
 431—435, 437, 441, 442, 461, 467,
 468, 471, 481, 483, 485, 487, 490,
 509, 518, 521, 524—525, 536, 556,
 563
Каганович М.М. 266
Каганович М.М. 433
Кадатский И.Н. 552
Казакон М.Ф. 262
Казанский Е.С. 440
Казбеги А. 38
Казьмин Ю. 463
Калинин М.И. 62, 80, 88, 115, 133,
 135, 164, 170, 171, 177, 218, 241,
 277, 283, 286, 303, 316, 366, 384,
 385, 424, 426, 441, 487, 556
Калинин С.А. 552
Калиновский К.Б. 437
Калмыков Б.Э. 498

- Калмыков М.В. 551
Кальван И.И. 552
Кальвин Ф.К. 552
Кальпус Б.А. 552
Кальтенбруннер Э. 533
Каменев (Розенфельд) Л.Б. 20, 26, 39, 45, 46, 50—51, 53—54, 56, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 67, 68, 70, 73, 74, 75, 76, 79, 80, 81, 82, 84, 87, 105, 115, 118, 119, 120—124, 129, 132, 133—134, 135, 136, 139, 141, 142, 143, 149, 152, 159, 161, 164, 169, 170, 172, 175, 176, 177, 178—180, 196, 197, 201, 202, 203, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 215, 218, 219, 243, 244—247, 248, 251, 254, 255, 257, 284, 289, 309, 314, 318, 320, 322, 325, 328, 337, 338, 344, 350—351, 356—357, 365, 366, 367, 370, 378, 387, 396, 397, 401, 416, 426, 444, 468, 473, 474, 480—481, 488, 489, 494, 511
Каменев С.С. 90, 103, 104, 543
Каменьщиков 101
Камниский Г.Н. 563
Камков (Кац) Б.Д. 76
Камо (Тер-Петросян) С.А. 136
Канарис Ф.В. 533
Кангелари В.А. 552
Каннер Г.О. 161, 266, 341, 356
Кант И. 29, 396, 402
Каплан (Ройтблат) Ф.Е. 89, 111
Кавлацкий В.Н. 496
Каплер А.Я. 273
Капцевич Г.А. 552
Каранадзе 565
Карахан (Караханян) Л.М. 130, 497
Карев 403
Карев Г.С. 551
Карелин В.А. 78
Карелин В.А. 76, 85
Карин Ф.Я. 552
Карлейль Т. 555
Кармалюк Ф.Ф. 552
Карпов И.Т. 552
Каррье Ж.Б. 92
Карсавин Л.П. 237
Картвелишвили Л.И. 498, 558, 559
Карцев 483
Кассин Г.И. 551
Каутский К. 145, 377, 395, 402, 448
Кажнани М. 498
Каховская 76
Кашвин Н.Д. 539, 543, 545, 552, 579
Кедров М.С. 563, 566, 567
Кейрис Р.И. 552
Кемаль-паша. См. Атагюрк
Кенворти 189
Кенегиссер Л. 89
Керемский А.Ф. 56—57, 58, 73, 80, 545
Кестнер Э. 471
Кни (Суровикин) В.П. 239
Киплинг Д.Р. 226
Киреев Г.П. 552
Кирилл (Романов) 73
Кириченко И.Г. 551
Киров (Костриков) С.М. 13, 133, 208, 322—323, 346, 348, 351, 354, 355, 360—364, 365—367, 368, 369, 370, 371, 385, 426, 502, 507
Киселев А.С. 133
Кинский Н.М. 77
Климкина 462
Климов 339
Климовских В.Е. 19
Клодт М.П. 409
Клочко И.Г. 552
Клычков С.А. 239
Клюев Н.А. 239, 498
Ключевский В.О. 43
Ключников Ю.В. 227
Клюрии (Клюриный) В.Г. 353
Князяцкий П.Е. 551

- Кобзев И. 63
 Кобра 268
 Кобулов Б.З. 557, 565, 566, 580
 Ковалев И.В. 359, 433, 513
 Ковтюх Е.И. 550
 Когая Л.И. 346
 Кожанов И.К. 551
 Кожевников А.Т. 552
 Козлов Д.Т. 565
 Козьмин 80
 Козьмин П.А. 115
 Колегаев А.Л. 78
 Коларов В. 448
 Коллонтай А.М. 65, 67, 73, 76, 113
 Колосов С.П. 553—554
 Колчак А.В. 96
 Кольцов (Фрадланд) М.Е. 417, 473, 532, 556, 573, 583
 Конев И.С. 25
 Конквист Р. 20, 305
 Копавадзе П. 40
 Колосов Н.А. 368
 Корж А.И. 103, 440, 537, 539—541, 552, 579
 Корнейчук А.Е. 397—398
 Корнилов Л.Г. 55, 73
 Коробков А.А. 19
 Коротков И.И. 133
 Королев С.П. 560, 573
 Короленко В.Г. 236
 Косарев А.В. 364, 487, 489, 497, 524—527, 571, 580
 Косиор С.В. 129, 162, 385, 426, 487, 490, 506, 517, 523—524, 571, 574
 Косоогов И.Д. 551
 Костомаров Н.И. 43
 Котов 491
 Коханский В.С. 551
 Коцюбинский Ю.М. 521
 Кочнева (Гамарник) В.Я. 539—540
 Кози С. 167
 Красин 408
 Красин Л.Б. 252
 Краснов Е.В. 551
 Краснов П.Н. 55, 94, 238, 546
 Красовский 439
 Краюшкян 172
 Крешель Э.Т. 415
 Крестинский Н.Н. 82, 130, 132, 135, 164, 292, 495, 501, 503
 Кривов Т.С. 133
 Кривовос П.Ф. 458, 472
 Кривошеев 439
 Кривошльков М.В. 89
 Кришницкий А.И. 520
 Кромвель О. 17
 Кроиц 433, 483
 Кропоткин П.А. 75, 88
 Круг И.М. 552
 Круглов С.Н. 43, 516—517, 557
 Круицкая Н.К. 48, 115, 140—141, 158, 159, 170, 171, 173, 209, 414, 487, 490
 Крутиков 408
 Крутов Г. 429, 521
 Крыленко Н.В. 76, 95, 129
 Крымов А.М. 55
 Крымов В.П. 221—222
 Крюков 408
 Кудреватых 433, 483
 Кудравцев 527
 Кужела К.А. 492
 Кузнецов 528
 Кузнецов Н.Г. 25, 277
 Кузнецов Ф.Ф. 544
 Кузьменко В.Д. 243
 Кузьмин Н.Н. 491
 Кузьмичев 438
 Куйбышев В.В. 115, 133, 134, 147, 283, 303, 316, 385, 426, 440, 502, 507
 Куйбышев Н.В. 551
 Куклин А.С. 366, 497
 Кулешов Л.В. 239

- Кулшев М.К. 498
 Куликов 488, 491
 Кулинер Р. 369
 Кун Б. 353, 498
 Куприя А.И. 228, 238
 Кутателадзе Г.Н. 551
 Кутон Ж. 477
 Кутяков И.С. 440, 551
 Кучинский Д.А. 551
 Кушеч 383
- Л**
 Лабройер Ж. де 508
 Лавров 408
 Лазмир П.Е. 80
 Лазуркина Д.А. 518
 Лакоба Н.А. 498
 Ландау Л.Д. 560
 Лалеруз Ж.Ф. 189
 Лалидус 580
 Лавин (Лавиньин) А.Я. 440
 Лапильский (Левинсон) П.Л. 498
 Ларин Ю. (Лурье М.А.) 115, 246
 Лассаль Ф. 166, 504
 Лафарг П. 145, 189, 396
 Лашевич М.М. 94, 96, 208—209
 Лебедев 256
 Лебедь Д.З. 130, 133, 240, 520
 Леваидовский М.К. 439
 Левин И.И. 118
 Левин Г.Н. 368
 Левинский В.О. 335
 Левченко В.М. 496
 Ленин (Ульянов) В.И. 5, 10, 11, 14, 15, 17, 19, 20, 21, 22, 24, 26, 27, 33, 36, 42, 45, 47—49, 52, 53, 54, 56, 57, 58, 59, 61, 62, 63, 64—69, 70, 71, 72—73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 86, 87, 89, 90, 91, 92, 93—94, 95, 96—99, 100, 103, 104, 105, 109, 110—111, 112, 113, 114, 115, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 125, 126, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136—140, 141—143, 144—155, 156, 157—158, 159—160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170—171, 172, 173—176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 197, 198, 199, 200, 201, 207, 208, 209, 212, 213, 214, 218, 220, 221, 223, 231, 232, 237, 243, 245, 248, 249, 250, 251, 252, 254, 257, 259, 260, 261, 266, 279, 283, 284, 285, 286, 288—289, 290, 291, 297, 301, 307, 308, 309, 310—311, 312, 313, 315, 317, 318, 319, 320, 321, 326, 327, 328, 330, 331, 336, 338, 339, 341, 342, 344, 347, 348, 349, 350, 351, 353, 356, 357, 367, 377, 378, 380, 381, 382, 385, 388, 389, 390, 391, 394, 395, 396, 400, 404, 407, 410, 414, 419, 420, 421, 426, 427, 428, 434, 435, 436, 443, 445, 454, 461, 463, 464, 465, 472, 473, 474, 477, 491, 494, 497, 498, 507, 511, 519, 548, 557, 558, 568—569, 576, 582
 Ленинские (Ленинские) Я.Д. 498
 Леонов Л.М. 239
 Леонтьев В. 195
 Лепелетье де Сен-Фаржо Л.М. 477
 Лесойл 448
 Либер (Гольдман) М.И. 71
 Либкнехт К. 66, 67, 145, 448
 Литвинов (Валлах М.) М.М. 490
 Литкенс Е.А. 448
 Лифшиц Я.А. 130, 433
 Лихтенберг Г.К. 340
 Ллойд Джордж Д. 399
 Лозовский (Дридзо) С.А. 198
 Локк Дж. 35
 Ломпадзе В.В. 198, 350
 Ломов А. (Опоков Г.И.) 73, 74, 80, 84, 86, 429
 Лонгва Р.В. 440
 Лондон Джек (Гриффит Д.) 308

- Лордкипанидзе Т.И. 558
 Лосский Н.О. 228, 237
 Луи Капет. См. Людовик XVI
 Луксин 544
 Луначарский А.В. 27, 63, 73, 76, 117, 118, 128, 146, 155, 232, 236, 239, 240, 241, 261, 285, 445, 451
 Лутшол И.К. 403, 498
 Лутовинов Ю.Х. 113
 Лысенко Т.Д. 212
 Льоренте Х.-А. 530
 Любимов 567
 Любимов И.Е. 472
 Любченко П.П. 482, 520
 Людвиг 408
 Людвиг Э. 38, 47, 334, 441
 Людовик XIV 568
 Людовик XVI 51, 189
 Люксембург Р. 45, 189, 212, 396, 448
- Магер П.И.** 440
Мазай М.Н. 472
Мазепов 549
Маковский 409
Максимовский В.Н. 113
Маленков Г.А. 18, 20, 44, 124, 359, 371, 383, 384, 390, 441, 467, 518, 524, 526, 528, 563
Малитовский Р.Я. 418
Мамулов 565
Манасевич 74
Мандельштам О.Э. 498
Маниковский А.А. 77
Мануйльский Д.З. 133, 198, 489
Манучарьянц Ш.М. 111, 149
Мао Цзедун 14, 20
Марат Ж.П. 477
Марголин Н.В. 521
Марский Д.П. 315, 491
Мария-Антуанетта 51
- Маркин Н.Г.** 80
Марке К. 189, 216, 283, 307, 349, 377, 379, 393, 395, 402, 504, 524, 555
Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 19, 33, 46—47, 77, 123, 145—146, 211, 253, 321, 448
Марьян 356
Масарик Т. 38
Маслов А. 448
Маслов С.Л. 77
Махарадзе Ф.И. 142
Махно Н.И. 268, 436
Маяковский В.В. 240
Мдивани П.Г. 140, 142, 245
Медведев 85
Медведев М.Е. 534—535, 545
Медведев С.П. 113
Медведь Ф.Д. 364
Медичи Л. 476
Межлаук В.И. 520
Мелонов 403
Мельцер (Джугашвили) Ю.И. 267, 580
Менжинский В.Р. 502, 507
Мережковский Д.С. 226, 227, 228
Мерецков К.А. 25, 277, 560
Меркулов В.Н. 557, 565, 566
Меттерних К. 259
Мехлис Л.З. 161, 266, 341, 357—358, 361, 418, 420, 527, 535, 544, 556, 558, 574
Меховиши К.А. 80
Мешавкин Н.Л. 496
Мешк 566
- Микоян А.И.** 128, 190, 191, 283, 290, 303, 316, 353—354, 384, 425, 426, 433, 437, 439, 441, 464, 472, 487, 489—490, 535—536, 563
Мильштейн 565
Миллюков П.Н. 54, 56, 448
Милютин В.П. 68, 403
Минни С.К. 91, 92

- Мирбах В. 451
 Митин М.Б. 15, 212, 214, 403, 572
 Митрохин 533
 Михаил (Романов) 53, 54, 245
 Михайлов В.М. 135, 520
 Михалков С.В. 389—390
 Мишле Ж. 92
 Могушевский 415
 Молодцов П.А. 421—422
 Молотов (Скрябин) В.М. 18, 20, 44, 59, 62, 116, 131, 132, 133, 134, 135, 147, 182, 191, 192, 202, 208, 225, 235, 274, 275, 277, 284, 286, 290—291, 296, 299, 303, 316, 324, 337, 341, 360, 361, 364, 368, 384, 385, 390, 408, 414, 424, 426, 427—431, 437, 441, 459, 460, 461, 464, 465, 467, 468, 481—485, 487—490, 495, 496, 509, 513, 515, 518, 521, 524, 535, 536, 542, 548, 556, 561, 563, 570, 576—577
 Монаселдзе 42
 Монотт П. 448
 Мордвинов А.Г. 408
 Моршихин 433, 483
 Москаленко К.С. 25, 561—563
 Мотырев А.Л. 496
 Моцев М. 511
 Мрачковский С.В. 433
 Метиславский (Масловский) С.Д. 76
 Муралов Н.И. 130, 452, 488, 508
 Муранов М.К. 56, 60, 76
 Муратов П. 239
 Муссолини Б. 21, 38
 Мясишев В.М. 560
 Мясников (Мясников) А.Ф. 284, 285, 448
 Набоков (Сирин) В.В. 228
 Навои А. 536
 Надорая 563
 Надсон Г.А. 498
 Назаретян А.М. 161, 266, 356, 497
 Наполеон I (Бонапарт) 14, 189—190, 351, 426
 Нарвский И. 397
 Нариманов М.А. 498
 Нариманов Н. 172
 Наседкин 513
 Нахимсон С.М. 89
 Нейштадт 433, 483
 Немирович-Данченко В.И. 239
 Нерон 401, 477
 Нестеров Б.П. 491
 Нефедов В.В. 579
 Нечаев С. 98
 Николаев 489
 Николаев Л.В. 364, 365—366, 369, 370
 Николаев-Журнд Н.Г. 575
 Николаевский Б.И. 365
 Николай II (Романов) 52—53, 57, 73, 448
 Никулин Л.В. 475
 Ниш А. 448
 Ницше Ф. 35, 574
 Новиков 268
 Новицкий В.Ф. 437
 Ногин В.П. 71, 72, 76, 80, 448
 Норкин 483
 Носов И.П. 520
 Носович 91, 101
 Нурпенсов С. 498
 Обручев В.А. 212
 Обух В.А. 139
 Оверштагтен В. 448
 Огарев Н.П. 263
 Окулов А.И. 95
 Окулов В. 367
 Олар А. 51
 Ольденбург С.Ф. 172
 Ольминский (Александров) М.С. 62, 73, 285, 462
 Опарин А.И. 212

- Орахелашвили И. (Мамия) Д. 117, 372, 559
 Орджоникидзе Г.К. (Серго) 43, 56, 71, 72, 93, 94, 115, 133, 136, 140, 142, 179, 191, 283, 324, 338, 360—361, 385, 406, 424, 426, 482, 532, 558
 Орджоникидзе З.Г. 361
 Орджоникидзе П.К. 482
 Орлов Г.М. 408
 Орлов Д. 521
 Орлов Н.А. 496
 Оселян Г.А. 540, 550
 Осинский П. (Оболенский В.В.) 84, 113, 131, 162, 198
 Осипов В.П. 110
 Осоргин М.А. 228, 237, 239, 241
 Отфиловский 418
 Ошлей П.М. 440
- Павленко П.А.** 475
 Павлов Д.Г. 19
 Палеолог М. 85
 Пальчинский П.И. 77
 Паланин И.Д. 13, 415, 458, 507
 Папавин Н.Ф. 270
 Паркер 273
 Парро Мойсо Х. 269
 Пастернак Б.Л. 583
 Певзнер С.М. 335
 Перфильев И.Д. 41
 Першин А.Я. 89
 Пескарев 514
 Петерс Я.Х. 100
 Петр I Великий 17
 Петрарка Ф. 29
 Петров И.Е. 565
 Петровский 315
 Петровский Г.И. 46, 116, 133, 426, 490
 Пешков М.А. 502
 Пизон 440, 476
 Пилсудский Ю. 263
- Пильняк (Вогану) Б.А. 128, 239, 498
 Пирогов Н.И. 448
 Питерс О.В. 274
 Пиговранов Е.П. 564, 572
 Пияшев 565
 Плаксин 418
 Платонов А.П. 232, 239
 Плеханов (Бельтов) Г.В. 9, 19, 27, 33, 43, 75, 79—80, 123, 145, 189, 377, 378, 379, 395, 402, 404, 448
 Плюст С.Е. 459
 Плутарх 28, 179, 377
 Побережский 459
 Подвойский Н.И. 70, 80, 94, 117
 Подтёлков Ф.Г. 89
 Пожарлицкий 408
 Позери Б.П. 100
 Познанский 169
 Покоев 220
 Покровский М.Н. 85, 205
 Покровский С. 219
 Поливанов А.А. 52
 Половцов В.П. 71
 Помпей Гней 316
 Помпеев Ю. 360
 Попов 408
 Попов П.Н. 368
 Попок Я.А. 521
 Поскребышев А.Н. 40, 48, 277 - 278, 341, 356, 358, 359, 361, 409, 418, 460, 461, 464, 465, 488, 496, 498, 499, 513, 533, 547, 556, 562, 570, 571, 574
 Поскребышева Б.С. 277
 Поскребышева Г.А. См. Егорова Г.А.
 Поспелов П.П. 15, 213, 572
 Постышев П.П. 362, 369, 426, 435, 487, 490, 506, 517, 523, 526, 571, 572, 574
 Потехин 227
 Потресов А.Н. 145
 Прамник Э.К. 498

- Преображенский Е.А. 84, 131, 132, 135, 162, 164, 195, 292, 309, 312—313, 350, 351, 452, 476
 Примаков В.М. 537, 539, 541, 543
 Прокопович С.Н. 399
 Прокофьев 439
 Прошьян П.П. 78
 Приишников И.М. 409
 Птуха В.В. 520
 Пугачев Е.И. 47
 Пулковский В. И. 239
 Путьга В.К. 537, 539, 541
 Пятаков Г.Л. 68, 84, 116, 130, 133, 152—153, 162, 198, 243, 292, 317, 326, 328, 385, 416, 444, 453, 476, 483, 487, 488, 495
 Пятницкий (Гаршич) И.А. 198, 520
 Пятов 433
- Р**
 Радек К.Б. 16, 82, 84, 116, 117, 127, 164, 166, 167, 182, 197, 215, 224—225, 257, 292, 337—338, 350, 351, 396, 424, 444, 451, 452, 453, 476, 487, 495, 508
 Радзивиловский А.П. 534
 Разин С.Т. 47
 Ракитин Н.Г. 368
 Раковский Х.Г. 82, 130, 158, 448, 452, 495
 Рамазанов 409
 Рапопорт Я.Д. 346
 Раскольников Ф.Ф. 65, 94, 130
 Рафаил 162
 Рахманинов С.В. 563
 Реденс С.Ф. 580
 Реза Пехлеви 181
 Ремарк Э.М. 224
 Рембрандт Х. ван Рейн 455
 Ремезов А.К. 100
 Ремизов А.М. 239
 Риббейтроп И. 428
 Рид Дж. 77
- Рикардо Д. 43
 Робеспьер М. 51, 56, 130, 249, 251—252, 324, 338, 340—341, 477, 478, 479, 504
 Ровио С. 260
 Родзянко М.В. 52
 Родюнов М.И. 430
 Родни 491
 Розанов В.Н. 128
 Розенгольц А.П. 495, 520
 Розенфельд Л.Б. См. Каменев Л.Б.
 Рокоссовский К.К. 25, 277, 560
 Роллан Р. 323
 Росмер А. 448
 Рошаль М.Г. 117—118
 Рубин Н. 570
 Руденко С.И. 271
 Рудзутака Я.Э. 26, 56, 115—116, 129, 158, 164, 177, 303, 316, 426, 473, 506, 517, 523, 535, 572, 574, 575—576
 Рузвельт Ф.Д. 20, 428
 Русаков 513
 Руссо Ж.Ж. 35, 396
 Рутенберг 77
 Рухадзе 557, 565
 Рухимович М.Л. 520
 Рыбин А.Т. 262, 265, 532
 Рыков А.И. 20, 26, 68, 76, 80, 82, 105, 116, 124, 125—126, 129, 132, 133, 135, 147, 164, 172, 177, 202, 215, 248, 249, 300, 303, 316, 317, 320, 321, 322, 328, 348—349, 370, 426, 428, 429, 487—491, 495, 502, 503—507, 512, 520
 Рынди К.В. 520
 Рычагов П.В. 549
 Рютин М.П. 123, 361—362
 Рязанов (Гольдендах) Д.Б. 76, 131
 Рясас О. 498
- С**
 Сабинни 482

- Савинков Б.В. 69
 Савицкий Е.Я. 271
 Садовский А.Д. 80
 Салазкин С.С. 77
 Саллюстий Гай Крисп 387
 Сангурский М.В. 440
 Сапожников 491
 Сапронов Т.В. 113, 162, 198
 Саркисов 564
 Сац И.А. 451
 Сванидзе А.С. 276, 579, 581
 Сванидзе Е.С. 35, 266, 579
 Сванидзе И.А. 579
 Сванидзе М.А. 579
 Сванидзе М.С. 579 580
 Свердлов Я.М. 42, 44, 46, 48, 51, 56, 62, 68, 73, 74, 75, 80, 81, 82, 87, 94, 116, 128-129, 135, 448
 Светлов М.А. 226
 Светоний Гай Трапсвилл 389, 401, 440, 455, 467
 Свечин А.А. 437, 498
 Северянин (Лотарев) И.В. 228
 Седов Л.Л. 255, 257, 258
 Седов С.Л. 256
 Седова Н.И. 110, 255, 256
 Седякин А.И. 548
 Сейфуллин С. 498
 Сейфуллина Л.Н. 239
 Сект Г. 501
 Семанко Н.А. 110
 Семенов 130
 Семенов С.И. 577
 Семин С.И. 431
 Семич М. 260
 Сенека Луций Анней 265, 275, 476
 Сен-Жюст Л. 305
 Сенченко 480
 Серафимович (Попов) А.С. 231
 Сергацков В.Ф. 565
 Сергеев 172
 Серебров Я. 570
 Серебровский А.П. 520
 Серебряков Л.П. 82, 94, 130, 132, 135, 433, 453
 Сермукс 169, 243
 Серов И.А. 518
 Сидоров 439
 Склянский Э.М. 76, 95, 448
 Скрышник Н.А. 131
 Скрябин. См. Молотов
 Скобелев М.И. 56, 58, 69
 Слепков А.Н. 118, 315, 491, 505
 Слуцкий А.И. 215
 Сметанин Н.С. 472, 508
 Смидович П.Г. 68, 192
 Смилга И.Т. 87, 94, 102, 116, 125, 130
 Смирнов А.П. 133
 Смирнов В.М. 452
 Смирнов И.Н. 93
 Смирнов М.П. 571
 Смирнов П.А. 571
 Смирнова 419
 Смирнова Е. 170
 Смит А. 43
 Смоленский М. 397
 Смородин П.И. 172, 498
 Снегов А. 353
 Соболев 514
 Соболевиичукс 447
 Соифер Я.Г. 498
 Соколовская А.Л. 255
 Сокольников Г.Я. 74, 87, 94, 129, 130, 133, 138, 177, 181, 207-209, 219, 243, 425, 444, 453, 465, 488, 495
 Сократ 193
 Соловьев Вл. С. 226
 Соломин В.Г. 41
 Сольц А.А. 133, 202, 203, 497
 Сорин В.Г. 215, 260, 481, 498
 Сосновский Л.С. 452
 Спандарян С.С. 42, 44, 46
 Спиридонова М.А. 76

- Сталин В.И. 190, 266, 267, 270—273, 276
 Сталина Н.В. 271, 276
 Станиславский К.С. 239, 398
 Старостин 533
 Стасова Е.Д. 56, 71, 87, 132, 135, 190, 481
 Стаханов А.Г. 13, 405, 416, 458, 472, 507
 Стеклов (Нахамкис) Ю. 498
 Степанян Н. 521
 Степун Ф.А. 237
 Стецкий А.И. 398, 517
 Столбунский 542
 Стронг А.Л. 20
 Струве П.Б. 448
 Струмялин
 (Струмилло-Петрашкевич) С.Г. 195, 291
 Стучка П.И. 76
 Стэн Я.Э. 397, 402—403, 497
 Суварин Б. 46, 183, 448
 Субботин 256
 Сулжмов Д.Е. 133, 520
 Сулин 418
 Султанов Г. 498
 Суриков В.И. 409
 Суханов (Гиммер) Н.Н. 62, 63, 65—66, 67, 74, 173
 Сухомлинов В.А. 448
 Сырцов С.И. 425
 Сытин П.П. 91, 92
- Т**
 Табидзе Г.В. 498
 Табор Ф. 498
 Тагор Р. 219
 Такер Р. 20
 Таль Б. 398, 517
 Таихилевич Г.М. 189
 Таубе А.А. 89
 Таубин Ю. 498
 Тейлор Ф.У. 43, 195
 Тельман Э. 53
- Терещенко 369
 Тиберий 389, 467, 468
 Тиль К.В. 274
 Тимофеев 268
 Тимошенко С.К. 553
 Тихонов Н.С. 475
 Товстуха И.П. 203, 264, 266, 341, 356—357, 394, 400, 460
 Тодер 480
 Токмаков 339
 Толстой А.Н. 228, 238, 239, 397, 475
 Толстой Л.Н. 189, 561
 Томашев И.А. 100
 Томский (Ефремов) М.П. 20, 82, 105, 116, 124, 126—127, 129, 133, 135, 147, 164, 172, 177, 300, 303, 316, 317, 320, 321, 323, 348—349, 370, 378, 416, 482, 504
 Топчиев А.В. 212
 Торквемада Т. 530
 Тренев К.А. 239
 Трифонов В.А. 96
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 14, 17, 20—22, 26, 54, 58, 59, 63, 67, 68, 69, 73, 74, 75, 76, 79, 80—81, 82, 84—85, 87, 90, 91, 92, 93, 94, 96—97, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 110, 115, 116—117, 120, 122—123, 124, 125, 126, 130, 133, 135, 140, 141, 142, 144, 146, 147, 151, 152, 154, 155, 159, 161, 162—170, 171, 175, 176, 178, 179, 180—181, 183, 191, 193—195, 196, 197, 198, 199, 201—202, 203, 205, 208, 209, 212, 215, 218, 227, 228, 232, 234—235, 236, 241, 242—243, 244—260, 285, 292, 299, 308, 309, 311, 314, 318, 320, 323, 328, 332, 335, 347, 351, 358, 365, 378, 387, 393, 395, 396, 397, 398, 399, 401, 426, 428, 441—454, 473, 481, 483, 493—497,

- 500, 507, 509, 510, 530, 535, 538,
540, 541, 546, 552, 564, 576, 583
- Трубенкой Е.И. 226
- Трумэн Г. 428
- Труговский В.Е. 78
- Туков 533
- Туполев А.Н. 560
- Тухачевский М.Н. 103, 104, 130,
352, 428, 437, 440, 458, 530, 532,
533, 543, 550, 576
- Тхиволели Х. 35
- Тышнов Ю.Н. 239
- Тэн И.А. 379
- Тюленев И.В. 560, 565
- Уборевич И.П. 103, 130, 440, 488,
537, 539, 541
- Угаров Ф.Я. 524—525
- Угланов Н.А. 425, 491
- Ульрих В.В. 335, 368, 369, 496,
497, 498, 499, 511, 521, 522, 539,
540, 541, 542, 557, 560, 570—571,
576
- Ульянова М.И. 65, 159, 173, 261
- Ушлихт И.С. 136, 550
- Урамов С. 570
- Урицкий (Борейский) М.С. 74, 75,
82, 86, 89, 94
- Урицкий С.П. 497, 531
- Урсарт Л. 245
- Успенский Г.И. 189
- Устрялов Н.В. 227
- Уткин И.П. 226
- Утченко С.Л. 454
- Ушаков (Ушминский) З.М. 542,
575
- Уханов К.В. 429
- Уэллс Г. Дж. 284, 287, 333, 370
- Фадеев А.А. 232, 475
- Фальконе Э.М. 144
- Федни К.А. 239
- Федоров 544
- Федоров А. 465—466
- Федоров Е.К. 415
- Федосеев 532
- Федько И.Ф. 550, 571
- Фейербах Л. 10, 396, 402
- Фейхтвангер Л. 411—412, 449, 455,
460, 503
- Фельдберг 110
- Фельдман Б.М. 440, 537, 539, 542
- Ферсман А.Е. 205
- Ферстер 110
- Филитто П. 477
- Фирин С.Г. 346, 475
- Фихте И.Г. 402
- Фишер Р. 448
- Флаксерман С.А. 149
- Фотиева Л.А. 111, 140, 149, 153,
154
- Франко Баамонде 544
- Франс Аватоль (Тибо) 109
- Фрсйзер Дж.Дж. 511—512
- Фрейман В.Г. 335
- Фрексель Н.А. 346
- Фришовский М.П. 510, 534, 557
- Фрунзе М.В. 26, 103, 116, 127—
128, 133, 177, 181, 205, 244, 436,
448, 481
- Фурманов Д.А. 231, 239
- Фурицк М. 498
- Хабалов С.С. 55
- Хавинсон Я. 48
- Хавкин К.П. 498
- Хаген В. 533
- Хазан Д.М. 266
- Хайле Селассие I 181
- Хамадин А. 570
- Ханджин А. 498, 521
- Хассе 501
- Хатасвич М.М. 520
- Хачатрян С. 472
- Хаханьян Л.М. 439, 571
- Хенгер Х. 533

- Хитаров Р. 498
Хлебников Велимир (Викт. Вл.) 239
Хмельницкий 324
Ходасевич В. 228, 239
Ходжа Э. 20
Ходжаев О. 472
Ходжаев Ф. 498
Холодков 580
Холостяков Г.Н. 560
Хорьковский 361
Хрулев А.В. 277
Хрущев Н.С. 11, 14, 23, 30, 213, 272, 297, 337, 351, 358, 364—365, 379, 385, 390, 410, 435, 441, 442, 487, 489, 518, 523, 533, 535, 553, 556, 563
- Ц**
Цанава 557, 565
Цветасва М.И. 228
Цезарь Г.Ю. 14, 17, 316, 322, 387, 413, 417, 424, 455, 467
Цейтлин М.С. 315, 491
Церетели И.Г. 21, 56, 58
Цеткин К. 149, 172
Цешковская (Егорова) 548
Цици Н.В. 41
Цюрупа А.Д. 139, 202
- Ч**
Чарени (Согомони) Е.А. 498
Черкасов Н.К. 464
Чернов 520
Чернов В.М. 58
Черный Саша (Гликберг А.М.) 228
Черчилль У. 14, 20, 296, 399, 407, 428, 431, 533
Чехов А.П. 189
Чичерин Г.В. 80, 86, 99
Чкалов В.П. 458, 507
Чубарь В.Я. 133, 324, 425, 426, 434, 435, 487, 506, 517, 523, 536, 571, 572, 573, 574
- Чуев Ф. 427, 428, 496
Чудновский Р.Л. 496
Чхеидзе Н.С. 56, 65—66
- Ш**
Ша-Абдурасулов 172
Шалаев 579
Шалье М.Ж. 477
Шапиро 273
Шапиро Л. 20
Шалошиников Б.М. 190, 277, 437, 539, 543
Шарангович 502
Шатов 100
Шатуновская О. 353
Шатуновский 356
Шаумян С.Г. 49, 70, 80
Шварц С. 332
Швейпер В. 45
Шверник Н.М. 127, 192, 384, 489, 563
Шеболдаев Б.П. 498
Шейнин Л.Р. 365, 370, 572
Шекспир У. 405, 491
Шелепин А.Н. 261, 271, 518, 532
Шеллинг Ф. 402
Шереметов 268, 269
Шермергорн 433
Шестов 488
Шмиллер И.Ф. 573
Ширинская 264
Ширшов П.П. 415
Шкирятов М.Ф. 371, 487, 489
Шляпников А.Г. 62, 65, 90, 94, 113, 448
Шмелев И.С. 228, 239
Шмидт О.Ю. 536
Шнеер 405
Шопен Ф. 415
Шпильман А. 521
Штейнберг И.З. 78
Штеменко С.М. 25
Шубриков 520
Шульгин В.В. 52, 54—55

Шультке Ф. 498
Шур Г.И. 335

Щаденко Е.Ф. 544
Щербakov А.С. 390
Щербина 369
Щусев А.В. 408

Эйдельман 433
Эйдеман Р.П. 437, 440, 537, 539,
541, 542
Эйзенштейн С.М. 239, 464
Эйхе Р.И. 425, 426, 433, 487, 517,
523, 572, 574—575
Эль-Регистан Г.Г. 389—390
Энгельс Ф. 111, 189, 216, 349, 377,
379, 387, 395, 404, 504, 555, 562,
581, 582
Эрдман П.Р. 398
Эренбург И.Г. 308, 577

Эрмлер Ф.М. 239
Эфендиев С.М. 498

Юденич П.Н. 99, 119
Юренев (Кротовский) К.К. 73
Юст А. 531
Юсунов У.Ю. 545

Ягода Г.Г. 123, 346, 364, 451, 468,
473, 502, 510, 545, 557, 560, 574
Язовских 483
Якир И.Э. 359, 437, 440, 487, 490,
537, 539, 542, 544, 579
Яковлев 559
Яковлев 483, 520
Яковлев А.С. 574
Яковлев (Эпштейн) Я.А. 517
Ярославский Е.М. (Губельман
М.И.) 16, 133, 135, 218, 254,
338—339, 390, 403, 487, 525
Ясенский Бруно (В.Я.) 475, 498

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Вместо введения. ФЕНОМЕН СТАЛИНА	7
Глава 1. ОКТЯБРЬСКОЕ ЗАРЕВО	31
Акфас и профиль	36
Февральский пролог	50
На вторых ролях	60
Вооруженное восстание	70
Спасительный шанс	83
Российская Вандея	88
Глава 2. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ВОЖДЯ	107
Плеяда соратников	112
Генеральный секретарь	131
"Письмо к съезду"	144
Сталин или Троцкий?	159
Дальние истоки трагедии	173
Глава 3. ВЫБОР И БОРЬБА	187
Как строить социализм?	193
"Популяризатор" ленинизма	211
Интеллектуальное смятение	226
Поражение "выдающегося вождя"	242
"Личная жизнь" генсека	260
Глава 4. ДИКТАТУРА ИЛИ ДИКТАТОР?	281
Судьбы крестьянства	287
Драма Бухарина	306

О диктатуре и демократии	326
"Съезд победителя"?	343
Сталин и Киров	355
Глава 5. В "ТОГЕ" ВОЖДЯ	375
"Господствующая личность"	379
Интеллект Сталина.....	392
Атрибуты цезаризма	411
В тени "вождя"	425
Призрак Троцкого	441
Популярность триумфатора	454
Глава 6. ЭПИЦЕНТР ТРАГЕДИИ.....	469
"Враги народа"	476
Фарс политических "спектаклей"	492
"Научиться ценить людей....."	512
"Заговор" Тухачевского	530
Сталинский Монстр.....	555
Вина без прощения	568
Библиография	585
Указатель имен.....	601

У подножия века. Иосиф Джугашвили — учащийся Горийского духовного училища. 1893 г.

Екатерина (Като)
Сванидзе — первая
жена И В Сталина.

Сталин анфас и
профиль на бланке
Бакинского
жандармского
управления. 1908 г.

Похороны Е. Сванидзе. Крайний справа И.В. Сталин. 1908 г.

Село Монастырское, 1915 г. В группе ссыльных члены ЦК Л.Б. Каменев, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин и Г.И. Петровский.

ШЕСТОЙ СЪЕЗД

Р. С. Д. Р. П. (БОЛЬШЕВИКОВЪ)

26 июля - 3 августа 1917 года

ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА

Г. Е. Зиновьев

Л. Б. Каменев

И. М. Свердлов

В. И. Сталин

Л. Д. Троцкий

Президиум VI съезда РСДРП(б). Почетными членами президиума кроме В.И. Ленина были избраны Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Л.Д. Троцкий, А.М. Коллонтай, А.В. Луначарский.

Декларация правъ народовъ Россіи

Великая война развела в широкую гавань всеобщее сознание.

Республиканцы признали, что война закончилась, что война окончательна закончилась на западе, что война окончательна закончилась в центре на востоке. Республиканцы признали, что война окончательна закончилась в центре на востоке. Республиканцы признали, что война окончательна закончилась в центре на востоке.

Великая война развела в широкую гавань всеобщее сознание. Республиканцы признали, что война закончилась, что война окончательна закончилась на западе, что война окончательна закончилась в центре на востоке.

Великая война развела в широкую гавань всеобщее сознание. Республиканцы признали, что война закончилась, что война окончательна закончилась на западе, что война окончательна закончилась в центре на востоке.

Великая война развела в широкую гавань всеобщее сознание. Республиканцы признали, что война закончилась, что война окончательна закончилась на западе, что война окончательна закончилась в центре на востоке.

Великая война развела в широкую гавань всеобщее сознание. Республиканцы признали, что война закончилась, что война окончательна закончилась на западе, что война окончательна закончилась в центре на востоке.

Великая война развела в широкую гавань всеобщее сознание. Республиканцы признали, что война закончилась, что война окончательна закончилась на западе, что война окончательна закончилась в центре на востоке.

Великая война развела в широкую гавань всеобщее сознание. Республиканцы признали, что война закончилась, что война окончательна закончилась на западе, что война окончательна закончилась в центре на востоке.

Великая война развела в широкую гавань всеобщее сознание. Республиканцы признали, что война закончилась, что война окончательна закончилась на западе, что война окончательна закончилась в центре на востоке.

Великая война развела в широкую гавань всеобщее сознание. Республиканцы признали, что война закончилась, что война окончательна закончилась на западе, что война окончательна закончилась в центре на востоке.

Великая война развела в широкую гавань всеобщее сознание. Республиканцы признали, что война закончилась, что война окончательна закончилась на западе, что война окончательна закончилась в центре на востоке.

Великая война развела в широкую гавань всеобщее сознание. Республиканцы признали, что война закончилась, что война окончательна закончилась на западе, что война окончательна закончилась в центре на востоке.

Великая война развела в широкую гавань всеобщее сознание. Республиканцы признали, что война закончилась, что война окончательна закончилась на западе, что война окончательна закончилась в центре на востоке.

Великая война развела в широкую гавань всеобщее сознание. Республиканцы признали, что война закончилась, что война окончательна закончилась на западе, что война окончательна закончилась в центре на востоке.

Великая война развела в широкую гавань всеобщее сознание. Республиканцы признали, что война закончилась, что война окончательна закончилась на западе, что война окончательна закончилась в центре на востоке.

Именемъ Республики Россійской Народный Комиссар по дѣламъ национальностей

Іосифъ Джугашвили-Сталинъ.

Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ

В. Ульяновъ (Ленинъ).

Исторический документ Советского правительства по национальному вопросу.

Сталин на фронте
1918 г.

Мандат Сталина с
чрезвычайными
полномочиями

Копия № 117 - С 1918
12.4

РОССИЙСКАЯ
Советская Республика

СОВЕТЪ
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

В А З К А Ч Е Н И Е.

Член Совета Народных Комиссаров, Народный Комиссар
Госиф Вассарионович **СТАЛИН**, назначен Советом
Народных Комиссаров общим руководителем продо-
вольственного дела во всей России, облеченный чрезвычай-
ными правами. Исполняет в области снабжения, создания
резервов, штабы и начальники отрядов, надзора дорожных
организаций и начальники станций, организации торго-
вого флота, рыбного и морского, почтово-телеграфных
предоставлений организации, все комиссары и должностные
обязаны исполнять распоряжения тов. **СТАЛИНА**.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В.И. Ленин*

Управляющий В.К. *С.И. Елизаров*

Секрет *Г.И. Пятаков*

Председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий в вагоне бронепоезда. 1918 г.

ПРОТОКОЛ № 68

ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

от 27-го ноября 1919г

34. О награждении члена Президиума и члена Реввоенсовета Гвардии тов. И.В. СТАЛИНА орденом "красного Знамени".

В минуту смертельной опасности, когда окруженная со всех сторон тесным кольцом врагов Советская власть отряжала удары nepřителю; в минуту, когда враги Рабоче-Крестьянской Революции в июле 1919 года посупали к Красному Цитадели и уже овладели Красной Горкой, в этот тяжелый для Советской России час, назначенный Президиумом ВЦИК на боевой пост Иосиф Виссарионович ДЖУГАШВИЛИ /Сталин/ своей энергией и неутомимой работой сумел сплотить дрогнувшие ряды Красной Армии. Будучи сам в районе боевой линии, он под боевым огнем, личным примером воодушевлял ряды боюющих за Советскую Республику.

В ознаменование всех заслуг по обороне Цетрграда, а также самоотверженной его дальнейшей работе на южном фронте, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил наградить И.В. ДЖУГАШВИЛИ /Сталина/ орденом "Красного Знамени".

Протокол о награждении Сталина первым боевым орденом

Ленин, Троцкий и Каменев на параде. Красная площадь. 1918 г.

ЕГОРОВ І Т. СТАЛІН
ЧЛЕНИ Р. В. Р. ПІВ.-ЗАХІДН. ФРОНТУ.

Члены Реввоенсовета Юго-Западного фронта А.И. Егоров и И.В. Сталин. 1920 г.

Российская Вандея

Военный коммунизм. Сбор урожая.

Воскресенская площадь. Продукты реквизированные у мародеровъ тыла.
Москва. Вознесенская площадь (ныне площадь Революции).
Разгрузка реквизированных продуктов. 1919 г.

Поволжье. Страшный лик голода. 1921 г.

Реквизиция церковных ценностей в фонд помощи голодающим

Ленин среди делегатов VIII съезда РКП(б). 1919 г

Вожди революции: Ленин, Троцкий, Каменев.

Пока вместе... И.В. Сталин, А.И. Рыков, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев.
Начало 20-х годов.

Троцкий на трибуне XIII съезда РКП(б) 1924 г.

Ленин и Сталин в Горках. 1922 г.

21 января в 67.50 лет
 Вера Ильинична
 Искренне любящие нежные друзья
 семьи рабочих. В лагерь
 Ленинского завода. Приниме
 мера к обеспечению ^{детей} детей, к
 детскому питанию, кривизне
 позвоночника. Если наверху курят
 устроить бани и санузлы
 Урке в санузлы в субботу
 в день похороны. В лагерь прибавит
 10 человек. Прибытие санитара
 Вера Ильинична и советского врача. Все
 вопросы по работе на заводе
 Урке приносим на дом похороны
 Сталин И. В.
 И. Сталин

Рукопись телеграммы о кончине В.И.Ленина, направленной "всем губкомам, обкомам, национальным ЦК" за подписью Сталина

Похороны В.И.Ленина.
 Н.И. Бухарин,
 М.И. Калинин,
 Г.Е. Зиновьев,
 В.М. Молотов,
 Я.Э. Рудзутак,
 М.П. Томский,
 Л.Б. Камечев,
 И.В. Сталин (справа на лево)

1 мая 1925 г Москва. Красная площадь У Мавзолея Ф. Кон. А.С. Енукидзе, А.И. Седякин, Р.А. Муклевич, К.Е. Ворошилов, А.С. Бубнов, И.С. Уншлихт, М.И. Баранов, М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров, С.М. Буденный и другие.
Фото: А. Седякин

На трибуне Мавзолея (фрагмент): С. М. Киров, А. И. Рыков, Н. И. Бухарин, М. И. Калинин, И. В. Сталин, В. В. Шмидт, М. П. Томский, Е. М. Ярославский, П. П. Постышев и другие.

Фото 1.

Сталин среди делегатов XV съезда ВКП(б). 1927 г.

Пока соратники... Делегаты XIV партконференции М.М. Лашевич,
М.В.Фрунзе, А.П.Смирнов, А.И. Рыков, К.Е. Ворошилов,
И.В. Сталин, Н.А. Скрыпник, А.С. Бубнов, Г.К. Орджоникидзе.
1925 г

Н.А. Скрыпник, В.П. Затонский, А.С. Бубнов, И.В. Сталин,
П.П. Постышев, Е.М. Ярославский на заседании XV съезда ВКП(б).
1927 г.

Безработные у Петроградской биржи труда. 20-е годы

Демонстрация школьников за ликвидацию безграмотности. Москва Красная Пресня. 20-е годы.

Первый дом ночлега
в Москве на
Каланчевской улице.
1926 г.

"Смерть частной
торговле". Тверь.
1927 г

Сталин в рабочем кабинете в Кремле. 30-е годы.

Москва Тушинский аэродром. В центре: Горький, Ворошилов, Сталин 1929 г

"Новая оппозиция": Л.П. Серебряков, К.Б. Радек, Л.Д. Троцкий, Е.А. Преображенский, Х.Г. Раковский, Я.Н. Дробнис, М.С. Богуславский и другие 1928 г

После "революции" в деревне. Ворошилов, Сталин и Калинин на I съезде колхозников. 1933 г.

Похороны экипажа стратостата "Осоавиахим-1". Урны с прахом несут Молотов, Сталин, Ворошилов. Москва. 1934 г.

Фот. Л. Давыдов

"Шахтинский процесс". 1928 г.

К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.М. Каганович среди делегатов XVI съезда партии 1930 г

После премьеры во МХАТе спектакля "Любовь Яровая" 1928 г

50-летие Сталина. После поздравлений.

Люди разных судеб — И В. Сталин, С.М. Киров, А.И. Микоян 1932 г.

Каганович, Сталин, Молотов направляются к трибуне Мавзолея.
7 ноября 1932 г.

Фотоматериалы Л. Дубинина

Преступление против культуры. Взрыв храма Христа Спасителя в Москве. 5 декабря 1931 г.

Сталинский план реконструкции Москвы. 1934 г.

Фото Я. Хити

Женская доля... На строительстве коксовой печи в Магнитогорске 1931 г.

Строительство Магнитки. 1929 г.

Фото Д. Дебилова.

Тогда многое было первым... Первый советский автомобиль. 20-е годы.

**ВСТУПИМ
В НОВЫЕ ЦЕХА
ВООРУЖЕННЫЕ
ШЕСТЬЮ
ИСТОРИЧЕСКИМИ
УКАЗАНИЯМИ
Т. СТАЛИНА**

На строительстве Магнитки. 1929 г.
Фото П. Дебильна.

Уже во весь рост... 'Правда' 7 ноября 1930 г.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ XIX ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ

Сталинская "революция" на селе. 1931 г.

За сплошную коллективизацию Проводы рабочих, отъезжающих в деревню для организации колхозов и борьбы с кулачеством Ростов-на-Дону 1929 г.

Без снисхождения... Суд над кулаком. Одесса 1932 г.

Жертвы кулацкого террора. 1929 г.

Осужденные кулаки перед отправкой в ссылку. Ленинград. 1928 г

Рабочие, Красная Армия и Крестьянство потребляющих губерний Советской России испытывают продовольственную нужду. Неурожай текущего года в ряде губерний грозит еще ухудшить продовольственное положение трудящихся. В это время в Сибири исчисляется до сотни миллионов пудов хлеба, собранного в прежние годы и лежащего в складах и сиврах в необработанном виде. Крестьянство Сибири, перенесшее Колчаковщину и из горькой опыте убедившееся, что, не взявши власти в свои руки, рабочие и крестьяне не в состоянии обеспечить себе ни земли, ни воли и раз навсегда избавиться от политического и экономического гнета, должно пойти на помощь голодающим рабочим и крестьянам потребляющих губерний и дать им то, чего у него много и что лежит без всякого употребления, подвергаясь опасности плесени и гниения.

В виду вышесказанного, Совет Народных Комиссаров, во имя дружества до победного конца трудовой борьбы трудящихся с их законными эксплуататорами и угнетателями, постановляет в порядке боевого приказа:

1. Объявить Крестьянство Сибири немедленно приступать к обмолоту в сдачу всех свободных излишков хлеба урожая прошлых лет с доставлением их на станции железных дорог в паровозные вагоны.

Примечание. Разверстка подлежащих обязательной сдаче излишков хлеба от урожаев прошлых лет определяется и объявляется Народным Комиссариатом Продовольствия одновременно с разверсткой на излишки хлеба нового урожая.

2. По предписанию разверстки объявить Воюющие и Сельские Советы—Революционные Комитеты немедленно привлечь все население к обмолоту в сдачу хлеба; в случае необходимости, население привлекается к обмолоту в порядке трудовой повинности.

3. Ответственными за производство обмолота в выполнении разверстки объявить в соответствии с указаниями власти, начиная с Воюющих и Сельских Советов—Революционных Комитетов и конца Сибирских Революционных Комитетов.

4. Виновными в нарушении от обмолота и от сдачи излишков граждан, равно как и тех допустивших это нарушение ответственных представителей власти карать конфискацией имущества, в заключением в концентрационные лагеря, для исполнения делу рабоче-крестьянской революции.

5. В целях облегчения обмолота малоземельным хозяйствам и семьям крестьянских: а) объявить Военно-продовольственное Бюро Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов при содействии Главного Комитета по мобилизации трудовой повинности привлечь и направить для продовольственной работы в Сибирь продовольственные отряды в составе до 6.000 рабочих, из них Центральное Управление Сибири объявляется для мобилирования задачей выдать 6.000 полных комплектов обмолоточных и теплов одежды; б) объявить Народный Комиссариат Труда мобилизовать и направить в распоряжение Сибирских продовольственных органов до 20.000 человек организованных в уборочные дружины голодающих крестьян в рабочих Кировской России на работы в течение осеннего и зимнего времени, с допуском в составе дружин машины в количестве 20%.

Постановление СНК "Об изъятии хлебных излишков в Сибири",
1929 г.

Голод на Украине.
Начало 30-х годов.

ПРАВДА

ПРЕОДОЛЕВАЯ

ВЫСОКИЕ ЗАДАЧИ

ЦЕЛЫЙ ГОД В ЧЕТЫРЕ ГДА БУДЕТ ВЫПОЛНЕНА!

ОТРАТИТЬ ВОДОТРУДЫ

УСПЕХОВ В ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

В ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ИТОВА
БРАТОВ И ИХ ШТАТУРЫ В Р ВЕД АРТЕРА.
УСПЕХОВ В ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

ПРЕЛЧЕ УДАР ПО КУРАТ

ДНРЕ ВОДИКАТЬ РАБОЩИ В ПРАКТИКА ЗА

КОНТУРЕ В ВОРТА

НОВЫЕ МАССЫ РАБОТНИКОВ

ДИПЛОМАТИИ ВОЛТ ЧЕРНЫМИ

ДИПЛОМАТИИ ВОЛТ ЧЕРНЫМИ

ЗАКРЕПИМ УСПЕХИ МТС

НАНЕСЕМ НОВЫЙ СОФУДИТЕЛЬНЫЙ УДАР НЕЛЮБИВУ ГЕНДЫМ И ЛЕВЫМ ОППОРТУНИСТАМ

УПРЕДИМ МТС—ОКРУЖИМ ГИНАТОФ СЛОЖИМ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ

САВАТЬ ВОЛРОТ МТС ИТМЕ ДИКОЛОНКО-ВЕРОНКОСКО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ ЗАМЕРЬ КАРДЫ ВЕТО

НА НОВЫЕ ВЫЛАЗНИ АГЕНТОВ КЛАССОВОГО ВРАГА, ДВУРУШНИКОВ

ОТВЕТИМ

ВЕРОНКОСКО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ ЗАМЕРЬ КАРДЫ ВЕТО

ВЕРОНКОСКО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ ЗАМЕРЬ КАРДЫ ВЕТО
ВЕРОНКОСКО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ ЗАМЕРЬ КАРДЫ ВЕТО
ВЕРОНКОСКО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ ЗАМЕРЬ КАРДЫ ВЕТО

Курсом "классовой борьбы"

В тени "вождя". А. Поскребышев. 1934 г.

Л.М. Каганович, Г.Г. Ягода, В.М. Молотов, А.И. Микоян,
И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов (слева направо) на похоронах
В.Р. Менжинского. 1934 г.

Молотов, Сталин, Калинин, Ворошилов, Каганович среди делегатов XVII съезда ВКП(б). 1934 г

Ворошилов с будущими жертвами террора: Я. Б. Гамарником, И. Е. Славиным, И. Н. Дубовым, П. Е. Дыбенко, А. И. Корком, И. А. Халепским, И. Э. Якиром в перерыве между заседаниями XVII партсъезда.

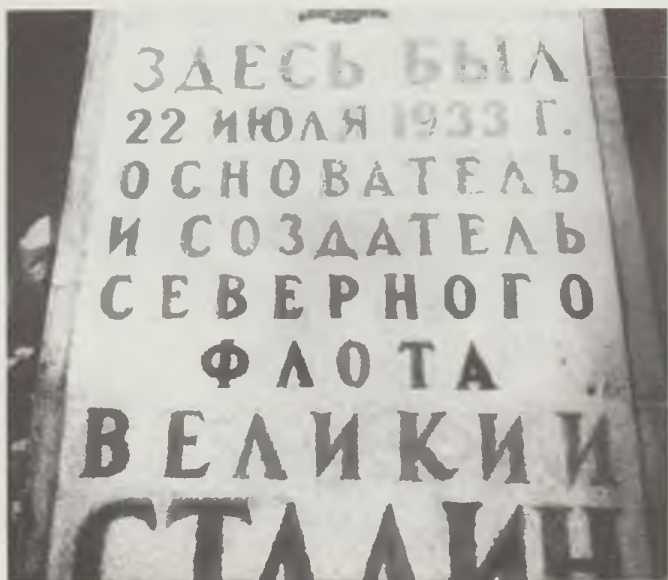

Сталин и Каганович в траурном карауле у гроба Кирова 1934 г.

В бурятско-
монгольском
костюме. 1936 г.

"Следы" великого
кормчего.

Новости для "вождя". И.В. Сталин, Н.И. Ежов, К.Е. Ворошилов.
1935 г.

С верой в "вождя". Прием делегации из Армении. 1935 г.

Ворошилов, Молотов, Сталин, Ежов (и без него) на канале Москва — Волга. Одна фотография, опубликованная в разные годы. Мелкая фальсификация как символ фальсификаций крупных.

“Сталин — это Ленин сегодня”

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

совещания при Председателе ЦИК Союза ССР.

О созыве Всесоюзного совещания по вопросам развития языка и письменности Национальностей СССР.

(Вы. Секретарем Совета Национальностей ЦИК СССР т. Хашкевичем)

1. Принять предложение Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР о созыве Всесоюзного Совещания по вопросам развития языка и письменности национальностей СССР из представителей центральных и республиканских учреждений, работающих в области лингвистики, соответствующих научно-исследовательских институтов, советских и общественных учреждений.

II. Для подготовки созыва и проведения совещания создать комиссию в составе т. т.: Милотина (председатель), Хашкевича, Бузулава, Бубнова, Таль, академика Мещанинова, академика Самойловича, Диманштейна, Корытского, Затонского, Горяча, Гамбарова, Амагаева, Купцова (Институт литературы им. Горького при ЦИК СССР).

III. Совещание созвать в Москве 20 апреля 1936 г. с количеством участников совещания - 75 чел.

Поручить комиссии составлять персональный список участников совещания и по согласованию с республиками внести на утверждение Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР.

IV. Порядок дня совещания наметить следующий:

1. Доклад научно-исследовательского института национальностей о состоянии языка и письменности национальностей СССР и о руководстве этим делом в центре и на местах.

2. Об установлении терминов и правил создания научно-учебной языковедческой литературы.

3. О выработке новых общих правил орфографии языков национальностей и создании грамматик, словарей и справочников.

4. О состоянии и задачах редакционно-переводческой работы особенно по линии переводов классиков науки и литературы.

5. О состоянии и подготовке языковедческих кадров в центре и на местах.

V. Поручить комиссии провести все работы по подготовке созыва совещания к 1 марта 1936 г., наметить порядок работ совещания (секции, комиссии), согласовать докладчиков, рассмотреть тезисы их докладов и проекты резолюций.

19.ХП.36г.

Красноречивая резолюция. 1935 г.

Фотография на память. Сталин в своем кабинете с работниками предприятий тяжелой промышленности. 1936 г.

Равнение на "единственного". На сессии Моссовета. 1935 г.⁹

Как всегда — "единогласно". И.В. Сталин, Н.С. Хрущев,
В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов. 1936 г.

Первый кандидат и первый избиратель. 1937 г.

Сталинские выборы. Голосует О.Ю. Шмидт. 1937 г.

Фото Д. Дебазова.

Красная площадь. 1 Мая 1935 г.

Фото Д. Деслятова.

Лион Фейхтвангер и Сталин. 1937 г.

Сталин и Валерий Чкалов. 1937 г.

Москва встречает участников ледовой эпопеи "Челюскина". 1934 г.

На лоне природы. Сталин и Ворошилов с женами. 1927 г.

Генсеку нужно много читать... На даче

Надежда Аллилуева с дочерью Светланой.

Сталин с дочерью.

Сталин с матерью Екатериной Джугашвили. 1935 г.

Сталин, Берия с дочерью Сталина на даче.

Семья. Сталин с Василием и Светланой.

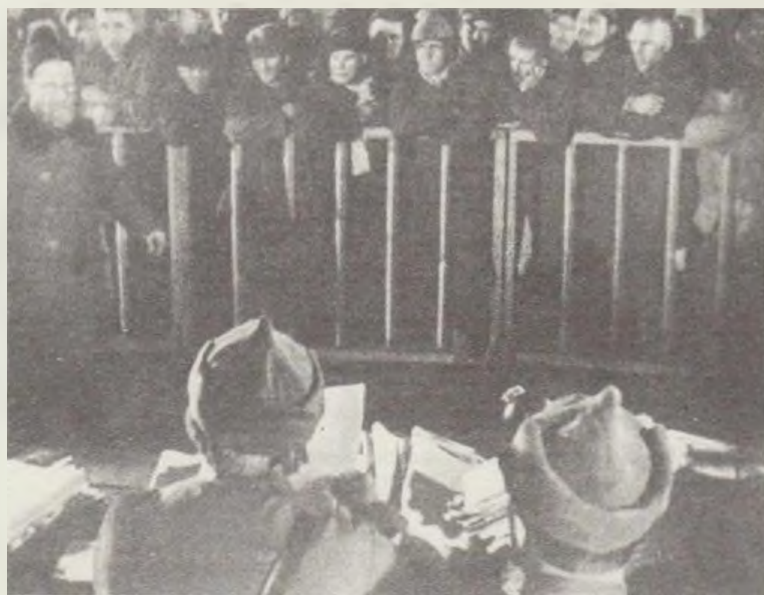
Процесс "промпартии". Среди обвиняемых — Л.К. Рамзин. 1930 г.

"Любимец партии" Н.И. Бухарин на процессе. 1938 г.

Вахналия процессов в зеркале прессы.

Проверка "дел" прибывших в лагерь. (кадр из документального фильма "Москва — Волга").

*За отменением
в.с. Мон*

1
18

П о с т а н о в л е н и е

Центрального Исполнительного Комитета Союза С.С.Р.

О внесении изменений в действующие
уголовно-процессуальные кодексы со-
юзных республик.

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановля-
ет:

Внести следующие изменения в действующие уголовно-проце-
суальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмо-
трению дел о террористических организациях и террористических
актах против работников советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.
2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за один сутки до рассмотрения дела. *в суде*
3. Дела слушать без участия сторон.
4. Апелляционного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о поминовании не допускать.
5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполне-
ние немедленно по вынесении приговора.

Председатель Центрального
Исполнительного Комитета Союза ССР - *М. КАЛИНИН*.

Секретарь Центрального
Исполнительного Комитета Союза ССР -
(*А. Енукидзе*)

Москва, Кремль,
1 декабря 1934 года.

1/хв-34

*Секретарь
Исполнительного
Комитета
Союза ССР*

Предрешено и без подписи "всесоюзного старосты". 1 декабря 1934 г.

СНОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ СОЦИАЛИЗМУ
РЕСПУБЛИК
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

СОБЕРИТЕЛИ СЕКРЕТАРИ
71

Имя отчество ставится по М. номеру с. 12-11

17. 10. 1934
№ 5717
ЛРСБВА, Москва, Дзержинский 3
Телефон: 4-10-10
1934

Григорьев
И

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/С/ -

тов. СТАЛИНУ.

Постановление ЦИК СССР от 27/У-34 г. о восстано-
влении трудпоселенцев в гражданских правах бе-
зусловно предполагает оседание восстановленных в
местах поселения.

Однако, поскольку специального пункта в закон
знесено не было, по мере восстановления в правах
отмечены массовые выезды трудпоселенцев из мест
поселения, что срывает мероприятия по освоению
необжитых мест.

Вместе с тем, возвращение восстановленных труд
поселенцев в те края, откуда они были выселены
политически нежелательно.

Считаю целесообразным издание ЦИК'ом Союза
ССР дополнения к постановлению от 27 мая 1934 г.,
где должно быть указано, что восстановление в пра-
вах трудпоселенцев не дает им права выезда из
мест поселения.

66/26.1.35

М. Г.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОВЕТА ССР

Григорьев
11. ЯГОДА

Бессрочная ссылка... Так "вождь" вершил судьбами людей. 1935 г.

На строительство канала Москва — Волга (кадр из фильма).

Дмитлаг. Бесконечное новое "пополнение".

Красноречивая вывеска.

Заклученные каналоармейцы.

Соловки. Символ сталинского беззакония.

Смерть "врагам народа". Митинг на заводе в Москве. 1938 г.

Вечное обвинение. Куропаты.

Фото П. Сичанова.

Волкогонов Д.А.

В67 Триумф и трагедия/Политический портрет И.В. Сталина. — В 2-х книгах. — Кн. 1. — М.: Изд-во АПН, 1990. — 624 с., ил.

300 000 экз.

Личность Сталина — одна из самых сложных и противоречивых в истории. В книге, в которой использованы многие неизвестные ранее документы, анализируется эволюция этого политического деятеля от малозаметного участника Октябрьской революции до лидера партии и государства. Автор прослеживает процесс усиления единовластия, подмены диктатуры пролетариата диктатурой "вождя", показывает генезис культа личности Сталина, человека, который был главным виновником беззаконий, творившихся в стране в 30-е гг. Читатель узнает, как обожествление Сталина привело к тому, что триумф одного человека обернулся трагедией целого народа.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 4 — 7020 — 0097 — 8

В 4502010000
067(02)—90 Без объявл.

ББК 66.61(2)8

Волкогонов Дмитрий Антонович
ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ
Политический портрет И.В. Сталина
В 2-х книгах
Книга I

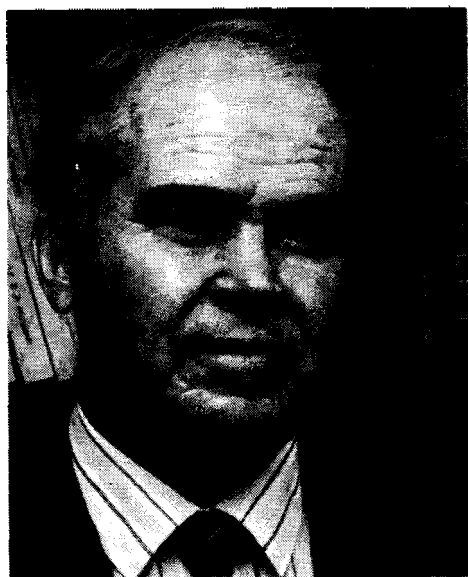
Выпускающий *М.Н. Антипов*
Издательский редактор *З.Е. Мащикова*
Контрольная проверка *Е.И. Кацман*
Младшие редакторы *Г.В. Арданьянц, Н.В. Потатуева*
Художественный редактор *В.В. Анохин*
Фоторедактор *Т.П. Макарова*
Корректор *Н.В. Сапронова*
Технические редакторы *Л.А. Крюкова, А.С. Денисова, Н.М. Ладик*
Технолог *В.Ф. Егорова*

ИБ 10304

Сдано в набор 25.12.89 г. Подписано в печать 23.02.90 г. BT00203.
Формат издания 84x108/32. Бумага офсетная 70 г/м².
Гарнитура таймс. Печать офсет.
Усл. печ. л. 36.12. Уч.-изд. л. 42.2.
Тираж 300 000 экз. (1-й завод I 100 000 экз.).
Заказ № 2948. Изд. № 8276. Цена 6 р. 50 к.

Издательство „Новости“ (АПН).
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Типография Издательства „Новости“ (АПН).
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

Д. А. ВОЛКОГОНОВ родился
в Забайкалье в 1928 г.

Окончил
Военно-политическую
академию имени В. И. Ленина.
Доктор философских наук,
профессор.

Его перу принадлежат
более 20 книг
по вопросам философии,
истории и политики,
несколько сот научных и
публицистических статей.
Материалы для политического
портрета И. В. Сталина
автор собирал много лет.
Но сама книга написана им
менее чем за полтора года.
Сейчас Д. А. Волкогонov
работает над книгой
о Л. Д. Троцком.